

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2022. № 481. Август

• ФИЛОЛОГИЯ	• PHILOLOGY
• ФИЛОСОФИЯ	• PHILOSOPHY
• СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ	• SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
• ИСТОРИЯ	• HISTORY
• ПЕДАГОГИКА	• PEDAGOGICS
• ПРАВО	• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 481. August

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор
Издательского Дома Томского государственного университета;
Т.С. Поргнова, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства
НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Л.М. Прозументов, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд.
экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.;
В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р
техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьяна, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chair-
man); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Pro-
fessor (Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Math-
ematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Pro-
fessor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vo-
robyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of
Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor;
S. Gural, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Phi-
lology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**,
Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathe-
matics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor;
V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**,
Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and
Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of
TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor;
V. Utkin, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and
Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor;
V. Shilko, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering,
Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Александрова Е.В. Роман-фельетон в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского	5
Беликова Е.В. Романы Б. Константа «Адолф» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: компаративная поэтика	15
Григоренко Р.А. «Сибирский патриот» в «Мертвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон	21
Маматов Г.М. Концепция музыки в раннем творчестве Б. Поплавского	29
Олещук А.В. Литературные антологии середины XIX в.: читательская аудитория, книжные форматы, гендер	41

ФИЛОСОФИЯ

Асташова Н.Д. Философские аспекты экономики дара	53
Фаритов В.Т., Дёмин И.В. Философия Ницше как проект семиотической онтологии	60

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бахриев Б.Х., Борিশполец К.П. «Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов	66
Волков В.А. Политическая экология как проект: между идеологией и политической религией	77
Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами	84
Семенов О.Ю. Политико-правовые и институциональные особенности процесса Brexit со стороны Европейского Союза	90

ИСТОРИЯ

Вдовченков Е.В. Родовая организация ранних номадов и проблема ее выявления	97
Власова В.В. Рассказы о снах в религиозных практиках верхневычегодских коми в XIX–XX вв.	104
Гермизеева В.В., Петин Д.И. Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики	114
Калинина Д.А., Криушина В.А. Особенности реализации миссионерской политики Русской Православной Церкви в отношении нерусских народов Вятской губернии во второй половине XIX в.	127
Камынин В.Д., Лямзин А.В. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества	134
Кондратьева С.В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия	143
Лю-Ку-Тан В.А. Карьерные сценарии выпускников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX века на примере Курской губернии	157
Моряков Е.Ю. К истории преследования российских помещиков за жестокое обращение с крепостными: инициирование дела Салтычихи (1757–1763)	165
Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда на территории оккупированной Советской Белоруссии: реакция населения и политические настроения в историческом и национальном контексте	183

CONTENTS

PHILOLOGY

Alexandrova E.V. The feuilleton novel in Yegor Kovalevsky's and Fyodor Dostoevsky's works	5
Belikova E.V. Benjamin Constant's <i>Adolphe</i> and Mikhail Lermontov's <i>A Hero of Our Time</i> : Comparative poetics	15
Grigorenko R.A. A "Siberian patriot" in the <i>House of the Dead</i> by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon	21
Mamatov G.M. Conception of music in Boris Poplavsky's early works	29
Oleshchuk A.V. Literary anthologies of the mid-19th century: Reading audiences, book formats, gender	41

PHILOSOPHY

Astashova N.D. Philosophical aspects of a gift economy	53
Faritov V.T., Demin I.V. Nietzsche's philosophy as a project of semiotic ontology	60

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bahriev B.Kh., Borishpolets K.P. Soft power of non-state actors in world politics: The case of Aga Khan IV and his institutions	66
Volkov V.A. Political ecology as a project: Between ideology and political religion	77
Samsonova N.N. Models of dealing with historical traumas	84
Semenov O.Yu. Political, legal and institutional features of Brexit: The European Union perspective	90

HISTORY

Vdovichenkov E.V. Early nomads' clan organization and the problem of its identification	97
Vlasova V.V. Dream narrations in religious practices of the Upper Vychegda Komi in the 19th and 20th centuries	104
Germizeeva V.V., Petin D.I. Socio-economic development of Stepnoy Krai in 1907–1914 in reviews of the official Omsk press	114
Kalinina D.A., Kriushina V.A. Features of implementing the Russian Orthodox Church's missionary policy towards the non-Russian peoples of Vyatka Province in the second half of the 19th century	127
Kamynin V.D., Lyamzin A.V. The Ural Republic of 1993 in the discourse of the scientific community	134
Kondrateva S.V. Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction	143
Lyu-Ku-Tan V.A. Career scenarios for graduates of Belgorod Teachers' Institute in the late 19th – early 20th centuries: The case of Kursk Province	157
Moriakov Ye.Yu. To the history of the prosecution of Russian landlords for the abuse of serfs: Initiation of the Saltychikha Case (1757–1763)	165
Pushkarenko E.A. German propaganda on the territory of the occupied Soviet Belarus: The reaction of the population and political sentiments in the historical and national context	183

ПЕДАГОГИКА

Воробьев В.Ф. Коррекция нарушений пространственного праксиса у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом	191
Копытов А.Д., Черепанова Т.Б. К вопросу о формировании профессиональных универсалий в деятельности педагога	199
Сартакова Е.Е., Окушова Г.А., Еретнова Е.П. Сельская школа в условиях социокультурной модернизации образования: постнеклассические основания для концептуализации	206
Соболева А.В., Мацалак Т.В. Индивидуальный образовательный маршрут при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей	215

ПРАВО

Лисаускайте В.В. Особенности содержания международных договоров о Каспийском море по вопросу защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	230
Оганесян Т.Д. Право быть забытым в эпоху цифровых технологий	238
Рабец А.М. Особенности семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, в Российской Федерации и на постсоветском пространстве	249
Шугуров М.В. Перспективы формирования общего пространства научно-технической информации в рамках ЕАЭС: правовые аспекты	262

PEDAGOGICS

Vorobjov V.F. Correction of spatial praxis disorders in boys of seven to eight years old with strabismus and astigmatism	191
Kopytov A.D., Cherepanova T.B. On the formation of professional universals in the teacher's activities	199
Sartakova E.E., Okushova G.A., Eretnova E.P. Rural school in the sociocultural modernization of education: Post-classical grounds for conceptualization	206
Soboleva A.V., Matsalak T.V. Individual educational track when teaching a foreign language to non-linguistic students	215

LAW

Lisauskaite V.V. Features of the content of international treaties on the Caspian Sea on protection against natural and man-made Emergencies	230
Oganesian T.D. The right to be forgotten In the digital age	238
Rabets A.M. Features of the family and legal status of a married person in the Russian Federation and in the post-Soviet space	249
Shugurov M.V. Prospects of the formation of a common space of scientific and technical information within the EAEU: Legal aspects	262

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161-9
doi: 10.17223/15617793/481/1

Роман-фельетон в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского

Елена Владимировна Александрова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, alexandrova.aulena@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена традициям фельетонного романа в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского в 40-е и 60-е гг. XIX в. Рассматриваются жанровые особенности романа-фельетона и их трансформация в творчестве писателей. Основанием для сопоставления являются типологическое сходство образной и повествовательной структуры, отдельные детали сюжета, общность демократических идей и способов их воплощения.

Ключевые слова: Е.П. Ковалевский, Ф.М. Достоевский, роман-фельетон, «Униженные и оскорблённые», «Петербург днём и ночью»

Для цитирования: Александрова Е.В. Роман-фельетон в творчестве Е.П. Ковалевского и Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/481/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/1

The feuilleton novel in Yegor Kovalevsky's and Fyodor Dostoevsky's works

Elena V. Alexandrova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, alexandrova.aulena@yandex.ru

Abstract. The article examines traditions of the feuilleton novel in the works of Yegor Kovalevsky and Fyodor Dostoevsky. In the 1840s, both writers were influenced by the ideas of utopian socialists. In this sense, the social novel was especially important for the Petrashevists, in particular, *The Mysteries of Paris* by Eugène Sue. Both Kovalevsky and Dostoevsky start from Sue's social novel, but bring the necessary national flavor to their works. The article deals with the genre nature of the feuilleton novel – the plot that is “amenable to serial deployment”. Various types of heroes, characters, a kaleidoscope of situations that replace one another will find a logical continuation in Kovalevsky's feuilleton novel *Petersburg Day and Night* and in Dostoevsky's novel *Humiliated and Insulted*. The genre core of any feuilleton novel is a certain mystery associated with the origin of the main hero or heroine. The realistic depiction of destitute people's life and the romantic explanation of their fate, the path to the bottom of society – all this is embodied through the fate of the Singer in Sue's work, Oborvsh (Ragamuffin) in Kovalevsky's work, and Nelly and her mother in Dostoevsky's work. The “mystery” becomes an objective picture of the narrative, and its solution is the answer to the question of the origin of the hero's poverty. The genre of the feuilleton novel involves certain types of characters. Following the traditions of Sue, both Kovalevsky and Dostoevsky build the plot through the mystery associated with the fate of the child. The novel by Kovalevsky could interest Dostoevsky not only by its obvious parallels with the French feuilleton novel. *Petersburg Day and Night* is one of the Russian novel fiction's images of the 1840s, which reflects the advanced social and democratic ideas of the time. Kovalevsky's interest in social problems in the novel was connected not only with the depiction of life's contrasts, but to a large extent with the study of the complex, dramatic fate of the 1840s generation – he depicts the fate of people from different social orders, draws their psychology and changing portrait. These same problems concern Dostoevsky both in his youth and during the period of writing of the novel. The realistic details with which both Kovalevsky and Dostoevsky describe the fates of their characters, the ideas of time that are transformed in their views are manifested through the synthesis of natural and sentimental forms. The works of Dostoevsky and Kovalevsky, written at different times, have a close relationship with each other, which is based on the commonality of both ideas and ways of their embodiment.

Keywords: Yegor Kovalevsky, Fyodor Dostoevsky, feuilleton novel, *Humiliated and Insulted*, *Petersburg Day and Night*

For citation: Alexandrova, E.V. (2022) The feuilleton novel in Yegor Kovalevsky's and Fyodor Dostoevsky's works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/1

Е.П. Ковалевский – широко известный в середине XIX в. путешественник, общественный и политический деятель, писатель, первый председатель «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Взаимоотношения Ковалевского с Ф.М. Достоевским в литературоведении рассматривались в рамках деятельности Литературного фонда [1. С. 86–88]. Однако истоки их знакомства, а впоследствии и дружбы следует искать гораздо раньше. Известно, что в 1840-е гг. идеи социалистов-утопистов привели Достоевского и Ковалевского в кружок Петрашевского. «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. <...> Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими» [2. Т. 21. С. 130], – напишет Достоевский в «Дневнике писателя» в 1873 г.

Во многом именно под влиянием этих идей Ковалевский стал писать роман «Петербург днём и ночью», в котором показал жизнь «петербургского дна» [3. С. 163]. Он был опубликован в 1845–1846 гг. в «Библиотеке для чтения» (№ 72–73, 75–76). Роман состоял из шести частей, постепенный печатный выход которых соответствовал моде на французские романы с продолжением – привлечь читателя и повысить тираж издания. Произведению Ковалевского была дана строгая оценка В.Г. Белинским, который писал в критическом разборе «Русская литература в 1845 г.»: «“Петербург днём и ночью” – пародия на “Парижские тайны”; сочинитель, впрочем, не думал писать пародию, – пародия вышла против его воли, и оттого читать её очень скучно. Ни образов, ни лиц, ни характеров, ни правдоподобия, ни естественности, ни мыслей! Зато фраз, фраз – разлитое море! Давно уже не являлось в русской литературе такого странного произведения» [4. Т. 9. С. 395].

Практически в том же русле впечатление от нового романа отметил в своем дневнике А.В. Дружинин (запись от 23 сентября 1845 г.): «Между прочими вещами я прочитал с “испытующим видом” новый роман (начало) Ковалевского: “Петербург днём и ночью” и посмеялся усилиям автора подделаться под манеру Сю в «Mysteres de Paris». Такие же картины бедности, грязи, такой же сюжет, оборвавшийся на soi-disant (так сказать) интересном месте» [5. С. 145].

В знаковой статье В.Н. Майкова «Романы Вальтера Скотта. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1847) роман Ковалевского также был упомянут в не очень лестном ключе: «Романы Загоскина пользовались у нас таким же успехом, как и все произведения нашей подражательной литературы от мадригалов Тредьяковского до “Петербургских тайн” г. Ковалевского» [6. С. 373]. Причем невольная перемена названия романа – не «Петербург днём и ночью», а «Петербургские тайны» – дополнительно свидетельствует о том, что «книга Ковалевского воспринималась Майковым как русский вариант “Парижских тайн”» [7. С. 21].

Лишь в «Иллюстрации» (от 29 сентября 1845 г.) была высказана иная точка зрения: «В литературе мало нового. В сентябрьской книжке “Библиотеки для

Чтения” появилась I часть нового романа Е.П. Ковалевского, под заглавием “Петербург днём и ночью”. <...> мы с удовольствием слышали отзывы многих членов читающей публики, которые в этом романе вовсе не видят “Парижских Тайн”, а занимательностью и рассказом весьма довольны» [8. С. 398]. Противоположность общему отрицательному впечатлению, вероятно, объясняется заинтересованностью и близостью автора отзыва либо к редакции журнала, в котором появился роман, либо к самому писателю.

«Петербург днём и ночью» сделал Ковалевского одним из первых в русской литературе авторов романа-фельетона, который хотя и был практически сразу отнесен к произведениям «второго ряда», но все же стал той «почвой», на которой произрастала современная писателю-путешественнику литература. Подобная литература «предвосхищает художественные открытия “первого ряда”» [9. С. 400]. По справедливому замечанию И.А. Гурвича, «“обыкновенные таланты” нащупывают, а то и открывают для разработки те тематические, проблемные пласты, которые позднее будут глубоко вспаханы классикой» [10. С. 62].

Одним из авторов, воспринявших фельетонный опыт Ковалевского, оказался Достоевский, «литературность» которого подчеркивали многие исследователи. Известно, что Достоевский читал не только О. де Бальзака, В. Гюго, Ф. Шиллера, Ч. Диккенса, Ж. Санд, но и А. Радклиф, Ф. Сулье и, конечно, Э. Сю. Достоевский испытал большое влияние фельетонного романа и использовал приемы этого «низкого» жанра в своем творчестве. Он учился у европейских писателей искусству поддерживать острый драматический интерес читателя. Но и русский роман-фельетон был знаком Достоевскому, который писал брату М.М. Достоевскому об отечественных заимствованиях в этом русле (письмо от 24 марта 1845 г.): «Beranger сказал про нынешних фельетонистов французских, что это бутылка chambertin в ведре воды. У нас им тоже подражают» [2. Т. 28, кн. 1. С. 107].

Черты романа-фельетона наблюдаются во многих произведениях Достоевского, но с наибольшей очевидностью они проявляются в «Униженных и оскорблённых», которые будут написаны уже после каторги и ссылки. В комментариях к роману в полном собрании сочинений Достоевского отмечается «обилие литературных цитаций, упоминаний и намеков», среди которых – интересная параллель с «социально-авантюрным романом Е.П. Ковалевского». «Петербург днём и ночью» – один из первых романов из жизни социальных низов Петербурга, написанный под влиянием «Парижских тайн» Э. Сю и романов Диккенса. «Достоевский мог читать этот роман Ковалевского в молодые годы и сохранить в памяти некоторые его детали». В частности, «значительное место в романе Ковалевского (как и в других социально-авантюрных романах 1840-х гг.) занимает мотив раскрытия тайны происхождения одного из главных его героев Оборвыша; а другой персонаж Ковалевского – князь – может с достаточным основанием рассматриваться как отдаленный прообраз Валковского. Фигурирует в романе и художник по фамилии Миллер».

Далее автор комментария поясняет, что в юности Достоевский мог познакомиться с текстом произведения Ковалевского, так как он публиковался в «Библиотеке для чтения» вместе с романом Жорж Санд «Теверино», хорошо знакомым писателю, «поэтому номера эти не могли не привлечь к себе внимания будущего автора “Униженных и оскорбленных”» [2. Т. 3. С. 625–626].

Прямых указаний на знакомство Достоевского с романом Ковалевского не обнаружено ни в эпистолярной, ни в публицистике будущего классика. Однако основания для подобного сравнения дают типологическое сходство образной и повествовательной структуры, отдельные детали сюжета, практически повторяющиеся в некоторых эпизодах. Известно, что Достоевский не отвергал обвинений даже самых близких ему критиков (Н.Н. Страхова и А.А. Григорьева) в фельетонном построении «Униженных и оскорбленных». Но в отличие от их оценки этого «низкого жанра» «с позиций традиционной романтической эстетики», Г.М. Фридлендер доказал, что Достоевский «признавал жанр романа-фельетона закономерным явлением современной реалистической литературы и стремился насытить его глубоким психологическим, нравственным и социальным содержанием» [2. Т. 3. С. 626].

Чем роман Ковалевского мог привлечь и заинтересовать Достоевского? Конфликт, заявленный в «Петербурге днём и ночью», был близок автору «Униженных и оскорбленных» как по содержанию, так и по способу воплощения. В 1840-е гг. и Достоевский, и Ковалевский испытали на себе влияние идей социалистов-утопистов. Фурьеристы утверждали, что человек их времени дисгармоничен, и поэтому прийти к гармонии невозможно, если не знать законов, управляющих миром. «Они стремились к тому, чтобы анализировать человеческие страсти» [11. С. 67] – дружбу, честность, любовь и семейные отношения. В этом смысле для петрашевцев был, конечно, особенно важен социальный роман, в том числе уже упоминаемые «Парижские тайны» Сю. Белинский, объясняя причины успеха этого французского романа, пишет: «...роман достиг своей цели. <...> он заставил общество потолковать несколько времени о народе» [2. Т. 8. С. 184].

Достоевский в 1840-е гг. не пропускал ни одного романа Э. Сю («Вечный жид недурён. Впрочем, Сю весьма недалёк» [2. Т. 28, кн. 1. С. 110]), пытался перевести вместе с братом «Матильду» и учился у Белинского тому, что ещё не понимал Сю: «...зло скрывается не в каких-нибудь отдельных законах, а в целой системе французского законодательства, во всем устройстве общества» [4. Т. 8. С. 174]. Небывалый успех Сю в России обусловлен как социально-экономическими, так и общественно-политическими причинами. Французская литература 1830–1840 гг. стремилась «насытить художественные сочинения историко-социальной проблемностью, отражающей дух эпохи» [9. С. 400]. Авторы романов-фельетонов, в частности Эжен Сю с «Парижскими тайнами», активно использовали достижения современной литературы, создавая собственную поэтику романа, которая включала как соединение сентименталистских и романтических мотивов, так и соприкосновение «с ре-

алистическими романскими моделями» [12. С. 168–169]. Поэтому, с одной стороны, поэтика романа-фельетона основывается на контрастах – добра и зла, положительных и отрицательных героев; на «резкой смене декораций», театральных эффектах, «необходимости варьирования хронотопов» [12. С. 155], принципе калейдоскопа. И в то же время, с другой стороны, мы наблюдаем «пробудившийся интерес к повседневности», «морализаторский пафос» [13. С. 135], «народный роман-фельетон все больше предпочитал реалистическую детерминированность характеров и обстоятельств, причинность событий» [12. С. 155]. Отсюда и «дидактизм», и «эстетика актуальности», что характерно для журналистики в целом, и коммерческая составляющая – конкуренция между периодическими изданиями, роман должен был хорошо продаваться, интерес публики поддерживаться на протяжении долгого времени.

Что привлекало современников в фельетонном романе? Занимательность сюжета, криминальные истории, семейные тайны, роковые страсти, простота изложения и доступность восприятия.

Влияние творчества Э. Сю на фельетонный роман Ковалевского, а впоследствии и Достоевского, очевидно. Но отталкиваясь от социального французского романа, оба писателя вносят необходимый национальный колорит в свои произведения. Разница видна уже в самих заглавиях. «Парижские тайны» нацеливают на уголовно-авантюрный сюжет, который заявлен с первых страниц. Название произведения Ковалевского «Петербург днём и ночью» созвучно французскому, но обращает внимание читателя на контрастное изображение образа Петербурга, знакомого читателям по произведениям Н.В. Гоголя. Поэтика контрастов становится художественным воплощением социального романа. Противопоставление мира людей обездоленных и наделенных властью и богатством, благородных и подлых определяет развитие конфликта.

Название романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» оказывается гораздо глубже. Важно, что эти два слова не являются синонимами. «Человека можно унижить, растоптать, покорить обстоятельствам» [14. С. 148], но герои Достоевского способны чувствовать оскорбление и презирать своих угнетателей. Таковы Елена, старик Ихменёв, Наташа.

Ковалевский во многом следует жанровой природе романа-фельетона – фабуле, «поддающейся серийному развертыванию» [13. С. 137]. «Серийность» была опробована им в жанре очерка, а именно в произведении, сделавшем его известным, – «Странствователе по суше и морям» (1843). Различные типы героев, характеров, калейдоскоп ситуаций, сменяющих одна другую, – все это найдет логичное продолжение в фельетонном романе.

Этот же принцип находится и в основе построения романа Достоевского «Униженные и оскорбленные». Характерно, что завязка детективного сюжета связана здесь, подобно Ковалевскому, с образом старика. Отец Оборвыша и Смит предстают перед читателем схожими типологически. И тот, и другой являются жертвами не обстоятельств, а конкретных людей. Явные параллели просматриваются в описании их внешности.

«Петербург днём и ночью»

...грозный, страшный как дух смерти», «он до того **исхудал**... что кожа **жёлтая, тонкая, казалось, приросла к костям** и, плотно обхватывая их, представляла из него вид **скелета**¹.

Только пара глаз, **дотоле тусклых**, теперь сверкали из своих глубоких впадин и придавали жизнь этому выходящу могилы [15. С. 29]

«Униженные и оскорблённые»

Действительно, как-то странно было видеть такого **отжившего свой век** старика одного, без присмотра, тем более что он был похож на сумасшедшего, убежавшего от своих надзирателей. Поражала меня тоже его **необыкновенная худоба**: тела на нем почти не было, и как будто **на кости его была наклеена только одна кожа**. Большие, но **тусклые** глаза его, вставленные в какие-то синие круги, всегда глядели прямо перед собою, никогда в сторону и никогда ничего не видя, – я в этом **уверен** [2. Т. 3. С. 170]

Жанровым ядром романа-фельетона является некая тайна, связанная с происхождением главного героя или героини [9, 12, 13]. Реалистическое изображение быта обездоленных и романтическое объяснение их судьбы, путь на дно общества – все это воплощается через судьбы Певуньи у Сю, Оборвыша у Ковалевского и Нелли и ее матери у Достоевского. «Гайна» становится объективной картиной повествования, а разгадка ее – ответом на вопрос о происхождении бедности героя.

Жанр романа-фельетона предполагает определенные типы героев: «среди персонажей непременно встречаются “палачи” и “жертвы”, “злодеи” и “ангелы”» [13. С. 128]. Следуя традициям Э. Сю, и Ковалевский, и Достоевский показывают сложные семейные отношения, связанные с судьбой ребенка. Каждый из писателей наделяет своих юных героев и героинь индивидуальными чертами, в которых чувствуется влияние Сю. Так, Женни («Петербург днём и ночью») и Лилия-Мария

(«Парижские тайны») брошены своими матерями и оказались на дне жизни. Обе обладают ангельской душой, что проявляется и в их внешности.

Очевидно, что образ Женни навеян романом Сю, тайна ее происхождения раскрывается по всем законам социально-авантюрного романа. Небезынтересно сравнить развитие этого образа у Ковалевского с образом Нелли из «Униженных и оскорблённых». Достоевский так описывает свою героиню: «**Это была девочка лет двенадцати или тринадцати, маленького роста, худая, бледная, как будто только что встала от жестокой болезни. Тем ярче сверкали ее большие черные глаза. Лево́й рукой она придерживала у груди старый, дырявый платок, которым прикрывала свою, еще дрожавшую от вечернего холода, грудь. Одежду на ней можно было вполне назвать рубищем; густые черные волосы были не приглажены и всклоочены**» [2. Т. 3. С. 208–209].

Лилия-Мария

В силу какой-то странной аномалии личико Певуньи принадлежит к тому целомудренному, **ангелоподобному** типу... Певунье **шестнадцать** с половиной лет. <...> длинные, слегка загнутые ресницы наполовину затеняют ее большие **голубые глаза**... На ее нежных, как атлас, висках закругляются две великолепные пепельные косы, которые, оставив на виду розоватые, **как лепестки роз**, мочки ушей, исчезают под тугими складками **ситцевого платка** в голубую клетку, завязанного по-простонародному надо лбом.

Ее красивая шейка **ослепительной белизны** охвачена маленьким коралловым ожерельем. Под платьем из коричневого бомбазина, слишком для нее широким, угадывается тонкая, округлая и гибкая, **как тростник**... [16. С. 23]

Женни

Мой добрый **ангел-хранитель** <...>

Я показывал тебе **Рафаэлева ангела** на картине?... Рафаэль видел во сне твою улыбку, твой взгляд. И придал их другому лицу [10. С. 142].

Видали вы Рафаэлевых ангелов, вложите в них **душу Женни**, но **душу Женни** непременно, потому что другой такой **души** не найдётся, <...>

Девочка по виду лет **тринадцати**, худая, бледная, но живая, миленькая. В **ситцевом платье**, весьма-весьма поношенном, но все-таки опрятном.

Глаза ее ясные, **голубые, глубокие как небо**, но не это, северное небо <...>

Волосы, прекрасного каштанового цвета, шелковистые, **мягкие, такие мягкие** [17. С. 56]

Героини Ковалевского и Достоевского одного возраста, но в передаваемом авторами общем впечатлении есть существенные различия. Ковалевский акцентирует внимание на душе героини, лишь вскользь

подчеркивая ее бедность. Достоевский подробно описывает портрет девочки, обращая внимание на ее нищенский облик. В описании героинь есть детали, которые восходят к роману Сю:

«Парижские тайны»

...хотя стояла зима, на мне не было ни чулок, ни рубашки, одно только поношенное полотняное платье да сабо на ногах [16. С. 34]

«Петербург днём и ночью»

Я в эту ночь кончила чулочки, помнишь, что вязала; утром понесла ногу, и, к величайшему удивлению моему, я продала. Мне стыдно было протянуть руку и показывать их всем проходящим, однако я держала их так, что видны были: никто и не взглянул на них [17. С. 143]

«Униженные и оскорблённые»

Поправляясь, она вдруг обнажила свою увидел, что она была в одних дырявых бабашках, без чулок. [2. Т. 3. С. 256]

Продолжение истории с чулочками у Ковалевского, кроме того, вызывает ряд аллюзий с будущими произведениями Достоевского: «...под конец уже утра, шел мимо меня какой-то пожилой человек, такой почтенный по виду, и приказал мне идти за собою, говорил так хорошо и обещал купить чулочки. Я пришла к нему; он обнял меня и поцеловал, потом еще... да глядел на меня такими глазами, что мне стало страшно; тут я вспомнила твои слова, Фриц, чтобы не очень доверять мужчинам, вырвалась из его рук и убежала, прямо домой: я больше не смела показаться на улице. – И хорошо сделала, Женни, поцелуй таких людей, как тот почтенный, могут загрязнить тебя на всю жизнь» [17. С. 143]. Эпизод «с пожилым господином», воспринятый ребенком на интуитивном уровне как посягательство на честь, продолжает традиционный для фельетонного романа Сю мотив бесчестия (Лилия-Мария, Луиза Морель). Изображение социальных пороков на примере растления незащищенной девочки будет и в «Униженных и оскорбленных» (в сцене фактической продажи ребенка Бубновой), и в сцене с пьяной девочкой в романе «Преступление и наказание».

Трудности, которые испытывает Женни, усугубляются ее похищением и опасностями, которые она преодолевает вместе с Оборвышем. Но по законам романа-фельетона все закончится благополучно, справедливость восторжествует.

Судьба Нелли гораздо реалистичнее и от этого трагичнее. Главное у Достоевского, в отличие от Сю и Ковалевского, – не развитие действия, не смена событий, а пристальное внимание к «эпосу будней и воссозданию поэзии духовного мира» [18. С. 36], что было принципиально связано с изучением психологии героев. Образ Нелли сложен и глубок. Автор демонстрирует и зарождение первого чувства любви, и недетское понимание взаимоотношений Ивана Петровича и Наташи, бескомпромиссность в отношении Смита и Ихменёва. Много в Нелли не всегда ясно и Ивану Петровичу, иногда он не понимает, что в своей любви к Наташе забывает о страданиях девочки, заставляя ее рассказать историю матери, которая не так давно умерла. Все это поднимает сюжет об обездоленных и несчастных на новую высоту, отличную от простых натуралистических описаний человеческих

страданий. Это особенность не только «униженных и оскорбленных», но и «прекрасных людей» (по определению Н.Г. Долининой [14. С. 49]), к которым, условно, относится Иван Петрович, и людей «страшных», таких, как князь Валковский.

У Эжена Сю в «Парижских тайнах» есть пронзительная история о Сухарике и Душегубе. Ее рассказывает в заключении некто Гобер таким же осужденным, как и он. Эта история о несчастном ребенке, попавшем в лапы жестокого негодяя, которого автор сравнивает с пауком. Образ паука у Сю очень точный и емкий, не случайно, что он встретится и в романе Достоевского.

Сравнение князя Валковского с пауком возникает у Ивана Петровича во время ужина в ресторане, где князь, не стесняясь, «описывает» перед «каким-то Шиллером» «всю свою подноготную» [2. Т. 3. С. 361]: «Он производил на меня впечатление какого-то гада, какого-то огромного паука, которого мне ужасно хотелось раздавить» [2. Т. 3. С. 358]. Эпитетом «гадкий» Иван Петрович характеризует и тон, каким разговаривает с ним князь. О том, что такая способность есть у князя, говорит и Маслобоев, школьный товарищ Ивана Петровича и поверенный в дела Валковского: «...он оплёл меня, две недели назад...подлец!» [2. Т. 3. С. 439]. Этот страшный человек, внешне, однако, привлекательный, не имеет ничего, хоть скольконибудь оправдывающего его порочную жизнь. Люди, униженные и оскорбленные, «не могут ничего изменить в окружающем их мире, где подлецы всегда торжествуют» [14. С. 183]. И все же Иван Петрович, как отважный Сухарик, однажды «бросится» на князя. «Я плюнул ему в лицо и изо всей силы ударил его по щеке». А Наташа, как та мушка, «билась и рвалась у него из рук, как в припадке» [2. Т. 3. С. 405]. Достоевскому важно показать читателю, что такие люди, как князь, почти никогда не проигрывают, потому что главное их оружие – лицемерие. А прекрасные люди Достоевского – умеют чувствовать других и «преодолевать себя, чтобы не принести никому боли» [14. С. 32].

Прообразом Валковского можно считать и князя из романа Ковалевского, что подтверждается и типологическим сравнением (сцена ловушки, в которой оказывается добродетельная героиня «Петербурга днём и ночью» Ольга Бенская), и художественным (описание образа князя Алексея и князя Валковского).

«Петербург днём и ночью»

Платье его было просто, но изящно, и он носил его с каким-то кокетством; большой бриллиант в перстне свидетельствовал ясно, что незнакомец зашел сюда, в обитель нищеты, из противоположной ей сферы; серые глаза блистали странно для неопытной девушки, всякий раз как обращались к ней. Ему было далеко за сорок лет: большой нос, большие губы, узкий и угловатый лоб и, вообще, черты лица резкие, грубые, не могли внушить к нему доверия с первого взгляду, тем более что и самые манеры его становились решительней [15. С. 112]

«Униженные и оскорбленные»

Это был человек лет сорока пяти, не больше, с правильными и чрезвычайно красивыми чертами лица, которого выражение изменялось, судя по обстоятельствам; <...> все это составляло почти красавца, а между тем лицо его не производило приятного впечатления. Это лицо именно отвращало от себя тем, что выражение его было как будто не свое, а всегда напускное, обдуманное, заимствованное, и какое-то слепое убеждение зарождалось в вас, что вы никогда и не добьетесь до настоящего его выражения... Особенно останавливали ваше внимание его прекрасные с виду глаза, серые, открытые. Одет он был с утонченною изящностию и свежестию, но с некоторыми замашками молодого человека, что, впрочем, к нему шло [2. Т. 3. С. 245]

Неестественность в поведении и проявлении чувств отталкивает читателя от привлекательного с виду князя

Алексея и Валковского. Очевидно совпадение и в описании внешности героев. В поведении князя по отноше-

нию к Ольге прослеживается та же ситуация хищника и его добычи, которая восходит к роману Сю.: «Вид этого мужчины имел магическое значение на Оську» [10. С. 111], «Ольга» «отскочила с ужасом» [10. С. 112], «...дверь <...> плотно за ними захлопнулась» [10. С. 114], «Она должна была употребить всю свою силу, чтобы вырваться из рук его» [10. С. 117].

Характерно, что Достоевский, явно используя некоторые детали образов Ковалевского и Сю, вкладывает в уста героев отсылки к их произведениям. Так, Маслобоев, характеризуя князя Валковского, упоминает роман «Парижские тайны»: «Кто с ним связывается, тот не безопасен.... А ты уж и подумал, что я тебе бог знает какие **парижские тайны** хочу сообщить. И видно, что романист!» [2. Т. 3. С. 335]. А в устах Валковского содержится намек на Ковалевского, чья слава путешественника была на самом пике в это время: «Есть такие искатели приключений, что даже меня тошнит...» [2. Т. 3. С. 355]. Подразумеваемая знаменитого путешественника, Достоевский мог в этой короткой оценочной фразе (отрицательного героя!) дать отсылку и к еще памятному в момент написания и публикации «Униженных и оскорбленных» его фельетонному роману. Об этом пишет в комментариях к роману «Униженные и оскорбленные» Н.Ф. Буданова: «Возможно, намек на роман Е.П. Ковалевского “Петербург днем и ночью” (1845), описывающий жизнь социальных низов. Не исключено также, что язвительный выпад Валковского имел более широкую направленность и метил в писателей «натуральной школы» с их пристрастием к «низким» жан-

рам, (например, «физиологический очерк»), темам и героям» [19. С. 743]. Если данное предположение верно, то вкладывая в уста отрицательного персонажа подобную оценку, Достоевский косвенно подтверждает свое отношение и к роману Ковалевского, и к его личности – известного «Странствования...».

Роман Ковалевского мог заинтересовать Достоевского не только очевидными параллелями с французским романом-фельетоном в создании типов героев. «Петербург днём и ночью» – это вообще один из образцов русской романной беллетристики 1840-х гг., в котором нашли отражение передовые социально-демократические идеи времени. На идеологию будущих петрашевцев оказали влияние взгляды Белинского и А.И. Герцена. С образом ученого Пирожкова, стремящегося «к раскрытию тайн природы» [15. С. 35], Ковалевский вводит свои размышления, близкие герценовским взглядам. В 1845 г. в «Отечественных записках» были напечатаны «Письма об изучении природы», которые вызвали большой интерес у «нового поколения». «Молодежь не только в университете и Лицее читала мои статьи о “Дилетантизме в науке” и “Письма об изучении природы”, но и в духовных учебных заведениях» [20. С. 417], – напишет впоследствии в «Былом и думах» сам автор. Основная идея «Писем...» заключается в тесном взаимодействии естествознания и философии, и основа этого союза – «идея единства бытия и мышления» [21. С. 435]. Пирожков, посвятивший свою жизнь науке, приходит к выводу, что «мир нравственный и мир физический так тесно связаны между собой...» [15. С. 45].

«Письма об изучении природы»

Но знаете ли вы, что в самой природе, в этом вечном настоящем без раскаяния и надежды, живое, развиваясь, беспреостанно отрывается от миновавшей формы, обличает неестественным тот организм, который вчера вполне удовлетворял? Вспомните превращение насекомых, вечный пример бабочки и куколки. **Когда настоящее оперто только на прошедшее, оно дурно оперто** [22. Т. 3. С. 92].

Жизнь есть сохраняющееся единство многообразия, единство целого и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинает свой процесс [22. Т. 3. 100].

Философия развивает природу и сознание a priori, и в этом ее творческая власть; но природа и история тем и велики, что они не нуждаются в этом a priori: они сами представляют живой организм, развивающий логику a posteriori [22. Т. 3. 100]

«Петербург днём и ночью»

...всякое произвольное движение основано на борьбе двух сил между собою, двух антагонистических полюсов, положительного и отрицательного, что даже и **движение самого мира подчинено тем же законам, оперто на те же начала**, на сопротивление двух сил, центростремительной и центробежной [15. С. 37].

Прежде упорно отвергали ум у животных, волю у растений; но я вам доставлю сегодня же книжечку, которая покажет ясно, как живут некоторые животные и есть ли в их жизни ум. А растения: Боже мой, разве цветок, простирающий свою головку к солнцу, сжимающийся при наступлении темноты, передающий оплодотворяющую пыль другому, разве растение обнаруживает ясно своей жизни, своего **дыхания**. <...> И нет пределов органической жизни!.. [15. С. 45].

Рассматривая все различные силы, производимые природою или человеком, он наконец убедился, что только те из них могут существовать постоянно, относительно вечно, те только сообразны с законами природы и естественны, которые, следуя общему порядку, могут воспроизводиться постоянно или сами собою, или действием воли человека, без потребления начал, материалов, которых человек не в силах создать или природа не успевает производить соразмерно потреблению [15. С. 36].

В мире невозможен **вечный покой**, как невозможно и **вечное движение**. (выделено Ковалевским. – Авт.). Все живет, или существует, и обнаруживает свою жизнь, свое существование, или движением, или изменением форм, или по крайней мере влиянием на другие предметы [15. С. 45].

Ватт гений – природа творец! [15. С. 41]

Слова Пирожкова могли стать девизом передовой молодежи 40-х гг.: «Жизнь есть постоянное движение; жить – значит действовать» [15. С. 70].

Освоение демократических идей свойственно и Достоевскому. Роман «Униженные и оскорблённые» был написан от имени Ивана Петровича, русского писателя, автора романа о судьбе двух «париев» общества. В биографии писателя узнаваемы реалии 1840-х гг. и история жизни самого Достоевского – роман «Бедные люди», дружба с Белинским. И хотя Достоевский 1858 г. критически настроен к «социальному» учению «нигилистов», это не отменяет общего внимания и сочувствия оскорбленным и униженным, а также и уважения к кумиру молодежи 1840-х гг. Белинскому.

Интерес Ковалевского в романе к социальным проблемам был связан не только с изображением контрастов жизни, но в большой степени с изучением сложной, драматической судьбы поколения 1840-х гг. – он изображает судьбы людей из разных социальных укладов, рисует их психологию и меняющийся портрет. Это молодые люди, окончившие высшее учебное заведение: аристократы Невский и Финский, из слоев демократических – Охтин, Ленин, Миллер. В круг наблюдений попадает простой сибирский мужик-золотискатель Черных. Критическое исследование психологии целого поколения, представляющего время поисков и перемен, сообщало роману новизну и актуальность.

Герои романа проходят путь длиной в 10 лет. В его начале мы видим восторженных юношей, стоящих на пороге новой жизни, их мечты и надежды. Охтин, «благоразумнейший» из своих товарищей, мечтает об изучении языков. «Я изберу себе путь скромный, тихий без увлечений, без соблазнов света или славы, но тем *не* менее полезный» [15. С. 72]. Миллер мечтает стать художником. «Не пройдет двух-трех лет, как вы услышите имя Миллера в числе русских живописцев, и, может быть, с гордостью скажете: это друг наш» [15. С. 73]. Ленин собирается идти по другому пути: «Буду служить, сделаюсь чиновником... я надеюсь выйти вперед и показать другим, что мы трудились в училище не даром и приготовили немаловажную дань для пользы отечества» [15. С. 73]. Душа Невского настолько переполнена чувствами, «различными помыслами, стремлениями», что он еще не может решиться в определении карьеры, но убежден: «вы меня скоро увидите за делом» [15. С. 73]. И лишь Финский на вопрос Невского отвечает: «Ничего». «Не думаю». По этим ответам уже можно понять, насколько разные молодые люди. Но одно объединяет друзей – обет, который дали два года назад: «быть верными нашей дружбе и долгу чести» [15. С. 73].

В 1853 г., вспоминая прошлое, Герцен напишет о своей юности и дружбе с Огарёвым: «Ничего в свете не очищает, не облагораживает так отроческий возраст, не хранит его, как сильно возбужденный общечеловеческий интерес» [20. С. 74]. Вспоминается и клятва, данная на Воробьёвых горах: «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» [20. С. 76].

Ковалевский рассказывает о молодежи 1840-х гг., обращаясь как к социальному, так и нравственному аспектам. Герои, разные по происхождению, проходят разный путь с разным же жизненным итогом. Ковалевский, как будущий петрашевец, объясняет причины этих изменений. Сын дьячка Ленин и аристократ Невский по-разному воспринимают жизнь: «Мечты воображения, – заметил Ленин, – <...> это недостаток практической жизни...» [15. С. 42]. В Ленине Ковалевский отмечает холодный расчет, а в благородных дворянах – бездействие (Финский) и веру в судьбу (Невский). Ленин твердыми шагами идет к своей цели, переступая через других людей (чем ни «разумный эгоист»?!), Невский устроен иначе. Его романтический образ тоже не лишен жажды деятельности. Но способ ее отличен от Ленина. Его «всегдашняя деятельность» приведет в Сибирь, на золотые прииски, где он и закончит свой путь.

Создавая характеры бывших сокурсников, Ковалевский подчеркивает как социальный (разные сословия дают разные возможности для развития), так и этический элементы. Охтин встал на несправедливый путь, служит отрицательным героям романа. Миллер не смог стать знаменитым художником, но сохранил честь и достоинство. Выбор жизненного пути и способов достижения цели не зависит от бедности или богатства, считает Ковалевский. Эгоизм, позволяющий переступить через другого человека, безнравственен.

Эти же проблемы волнуют Достоевского и в юности, и в период написания романа. В 1840-е гг. этическое учение Фейербаха о разумном эгоизме, публицистика Герцена и Белинского были предметом острой полемики. Одно из выступлений автора «Бедных людей» у Петрашевского в конце 1840-х гг. было посвящено критике анархо-индивидуалистической теории Штирнера. В романе «Униженные и оскорблённые» Достоевский не без иронии вспоминает свое участие в общественно-политической жизни, описывая кружок Левеньки и Бореньки, который так напоминает встречи у Дурова и Пальма. **«Там было человек двенадцать разного народу – студентов, офицеров, художников; был один писатель... они все вас знают, Иван Петрович, то есть читали ваши сочинения и много ждут от вас в будущем. <...> Живут они в пятом этаже, под крышами; собираются как можно чаще, но преимущественно по средам, к Левеньке и Бореньке. Это все молодежь свежая; все они с пламенной любовью ко всему человечеству; все мы говорили о нашем настоящем, будущем, о науках, о литературе и говорили так хорошо, так прямо и просто...»** [2. Т. 3. С. 308–309]. Вкладывая эти пространные рассуждения в уста Алёши, который прямо называет этот кружок молодежи «утопистами», Достоевский показывает эгоистическую сущность героя: «...что бы ни говорили о нас, как бы ни судили о нас, – не смущаться ничем, не стыдиться нашей восторженности, наших увлечений, наших ошибок и идти напрямки» [2. Т. 3. С. 310]. Эгоизм Алёши Валковского «непосредственный, нерассуждающий», «столь же органический эгоизм, но с элементами рационализма,

изображенного иронически, присущ Кате», но наибольшей критике Достоевский подвергает индивидуалистическую теорию своекорыстных притязаний личности в образе князя Валковского, «вкладывая в его уста<...> целую циническую философию жизни, близкую ко взглядам Штирнера» [2. Т. 3. С. 527]. Крайнему выражению эгоизма противостоит Иван Петрович, который пытается помочь Наташе, Нелли, Ихменёвым.

Реалистические подробности, с которыми и Ковалевский, и Достоевский описывают судьбы своих героев, идеи времени, трансформирующиеся в их взглядах, проявляются и на уровне поэтики через синтез натуральных и сентиментальных форм. Роман «Петербург днём и ночью» заканчивается историей возвращения изобретателя-самоучки Пирожкова в «серенький домик». «Вы плачете, Ольга Петровна! Уж не случилось ли чего с маменькой... Да, ведь кажется... маменька ваша... Боже мой, я такой беспамятный... Что же это? Сон!.. Теперешнее состояние сон... или то был сон...» [23. С. 75]. Смерть маменьки Ольги, ее самой

через несколько дней, элегическая концовка романа-фельетона будут почти дословно воспроизведены в романе Достоевского «Униженные и оскорблённые», который он завершает следующими строками:

«Наташа взглянула на меня долгим, странным взглядом.

– Ваня, – сказала она, – Ваня, **ведь это был сон!**

– **Что было сон? – спросил я.**

– Все, все, – отвечала она, – все, за весь этот год. Ваня, зачем я разрушила твоё счастье?

И в глазах ее я прочел:

«Мы бы могли быть навеки счастливы вместе!» [2. Т. 3. С. 442].

Смерть Нелли, болезнь Ивана Петровича – финал тоже очень элегичный в манере сентиментального натурализма. Такие буквальные совпадения не могут быть случайными. Изменения, произошедшие с героями обоих произведений, подчеркиваются писателями и на уровне пейзажа: образ Петербурга, ключевой в романе Ковалевского, важен и для Достоевского.

«Петербург днём и ночью»

«Утро вставало лениво, нехотя; как будто спросонок, как будто ему тошно было глядеть на Петербург. Занимался такой серенький туманный денек, что если бы не бой часов, да неторопливая беготня по тротуарам разного рабочего народа, начиная от простого поденщика до бедной чиновницы, смиренно шествующей со своей кухаркой на рынок, если бы не все эти признаки тревожной деятельности, то нельзя было бы узнать, что это день: таков он был! В других местах, да и в самом Петербурге, иногда вечер светлее такого новорожденного дня» [24. С. 42]

«Униженные и оскорблённые»

К вечеру, перед самыми сумерками, проходил я по Вознесенскому проспекту. Я люблю мартовское солнце в Петербурге, особенно закат, разумеется, в ясный, морозный вечер. Вся улица вдруг блеснет, облитая ярким светом. Все дома как будто вдруг засверкают. Серые, желтые и грязно-зеленые цвета их потеряют на миг всю свою угрюмость; как будто на душе прояснеет, как будто вздрогнешь или кто-то подтолкнет тебя локтем. Новый взгляд, новые мысли... Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека! Но солнечный луч потух; мороз крепчал и начинал пощипывать за нос; сумерки густели; газ блеснул из магазинов и лавок [2. Т. 3. С. 169–170]. Весь тот день мне было невыносимо грустно. Погода была ненастная и холодная; шел мокрый снег, пополам с дождем. Только к вечеру, на одно мгновение, проглянуло солнце и какой-то заблудший луч, верно из любопытства, заглянул и в мою комнату. [2. Т. 3. С. 207]

Пейзаж у Ковалевского в духе «натуральной школы» выражает отношение к происходящему повествователя через романтическое олицетворение утра, которое вовсе не радуется, а антитеза вечера и «новорожденного дня» подчеркивает особенности конфликта. У Достоевского контраст в описании мартовского вечера

усиливается через сентиментальный образ луча², который встречается и в романе Ковалевского в связи с упоминанием любви Ольги Бенской, сравниваемой с «прикосновением благотворного луча» [15. С. 74].

И Ковалевский, и Достоевский используют яркие метафоры в описании Петербурга:

«Петербург днём и ночью»

«Сумерки опускались ниже и ниже. Великолепный Петербург важно драпировался в лохмотья своих туманов» [24. С. 15]

«Униженные и оскорблённые»

И он быстрым, невольным жестом руки указал мне на туманную перспективу улицы, освещенную слабо мерцающими в сырой мгле фонарями, на грязные дома, на сверкающие от сырости плиты 20 тротуаров, на угрюмых, сердитых и промокших прохожих, на всю эту картину, которую обхватывал черный, как будто залитый тушью, купол петербургского неба [2. Т. 3. С. 212]

Город – живое существо, действующее лицо, сопутствующее или даже участвующее в развитии событий: «Действительно, ночь была не хорошая. Ветер выл волком и стонал как домовый. На взморье он трепал белые парусы, в городе белесоватые тучи, которые двигались густыми массами на черном небе и разметывал их клочками вправо и влево, а в садике, что прилегал к серенькому дому, издевался над

гибкими березами, то гнул их к земле, то сбивал трепетные листочки. Ночь была, какие сплошь и рядом бывают в Петербурге, особенно под осень» [15. С. 22]. Такая погода предсказывает драматическую развязку, способствует похищению Оборычиша, метафорически указывает на беззащитные существа, живущие в любимом автором «сереньком доме», на долю которых тоже выпадут испытания. Символиче-

ское значение «серенького дома» в отношении автора к обыденному, знак внимания автора к жизни обыкновенного человека.

Ниточки от «Петербурга днём и ночью» тянутся и к другим произведениям Достоевского. В «Бедных людях» Макар Девушкин, делясь впечатлениями с Варенькой о «Шинели» Гоголя, упоминает характерную деталь: «... вот хоть бы и я, где мостовая плоховата, пройду иной раз на цыпочках, что я сапоги берегу!» [2. Т. 1. С. 62]. У Ковалевского, продолжающего традиции Гоголя: «он слишком бережет свои сапоги, чтобы предпринять такое дальнее путешествие» [24. С. 12] – так иронизируют сослуживцы над «маленьким человеком» Яжелбицким. А смерть Смольнева предвосхищает размышления перед самоубийством Свидригайлова. Образ Смольнева, выписанный в традициях романтизма (не случайно сравнение с Квазимодо), в то же время соответствует сентиментальному натурализму. Его романтическое злодейство объясняется реальными причинами, которые вызывают сочувствие читателя и ведут к нетрадиционному развитию конфликта фельетонного романа. Деньги никогда не были для него самоцелью: «Смольнев любил деньги, как средство в достижении своей цели, которая завладела им всем, одна, безграничная и всемогущая» [15. С. 158]. Как только он добился своего, он потерял смысл жизни, «впал в тоску всеограшающую; ему не оставалось ни надежды, ни желания в жизни, вскоре воображение его, привыкшее к деятельности, стало заменять карти-

ны существенности» [23. С. 70]. Только теперь он начинает чувствовать страх за совершенные преступления, ему мерещатся суды, пытки, он испытывает невыносимые страдания, даже пытается покончить жизнь самоубийством. Везде мерещатся тюремщики, которые приходят за ним. Его смерть наступает почти одновременно с княгиней Верой, «злодей» умирает, обладая огромным состоянием, в окружении людей, которых всегда использовал в своих целях.

Произведения Достоевского и Ковалевского, написанные в разное время, имеют между собой тесную взаимосвязь, которая основана на общности как идей, так и способов их воплощения. Неслучайность художественных пересечений двух писателей можно очень точно охарактеризовать словами Б.Г. Реизова в адрес романа «Униженные и оскорбленные»: «...никакое художественное произведение не свободно от влияния идей, живущих в данной среде, литературных традиций, проблематики эпохи. <...> От произведения, прочитанного художником, остается какой-то след – эмоция, смутный образ, проблема, может быть, и прежде тревожившая сознание. Вокруг концентрируется огромный материал познанного и пережитого; то, что сохранилось от прочитанного, рассматривается в новой системе причинных связей и ассоциаций. Эти «следы» становятся продуктом нового творчества, определенного закономерностями эпохи и творческого сознания художника» [26. С. 71].

Примечания

¹ Здесь и далее полужирный курсив мой. – Е.А. Все полужирные начертания применяются с целью выделения текстово-смысловых перечислений между двумя авторами.

² Образ луча – один из распространенных образов сентиментальной литературы: «Последний луч жизни угасал», «...были ярким лучом света для ослепленного до того времени старца» (В.В. Измайлов. Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор) [25. С. 168–169], «томный луч огня, светившийся в монашеских кельях» (В.В. Измайлов. Ростовское озеро) [25. С. 145], «первый луч солнца осветил первое мое воззрение на свете» (Н. Мамышев. Варенька) [25. С. 313].

Список источников

1. Александрова Е.В. Е.П. Ковалевский и Ф.М. Достоевский: общественные и литературные связи // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 82–96.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М.: Географгиз, 1956. 200 с.
4. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959.
5. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. 510 с.
6. Майков В.Н. Литературная критика. Л.: Художественная литература, 1985. 407 с.
7. Чекалов К.А. Российская «Мистеримания» 1840-х годов: парадоксы восприятия романа Эжена Сю // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 6. С. 15–22.
8. Иллюстрация. 1845. Т. 1, № 25. С. 338.
9. Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза»: [сборник статей] / отв. ред. А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов. М.: Наука, 2006. 415 с.
10. Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1991. 90 с.
11. Шкловский В.Б. За и против. М.: Сов. писатель, 1957. 259 с.
12. Чекалов К.А. Жанровый поиск раннего Эжена Сю. // Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза»: [сборник статей] / отв. ред.: А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов. М.: Наука, 2006. С. 146–175.
13. Пасхарьян Н.Т. Федерик Сулье и становление романа-фельетона в XIX в. // Французская литература 30–40-х годов XIX века: «Вторая проза». М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 124–145.
14. Долинина Н.Г. Предисловие к Достоевскому. Л.: Детская литература, 1980. 257 с.
15. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1845. Т. 72. С. 17–174.
16. Сю Э. Парижские тайны. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 608 с.
17. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1845. Т. 73. С. 17–64.
18. Жилиякова Э.М. К вопросу о традициях сентиментализма в творчестве Ф.М. Достоевского 40-х годов // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во ТГУ, 1976. Вып. 3. С. 35–46.
19. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4. 783 с.
20. Герцен А.И. Былое и думы: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. 671 с.
21. Герцен А.И. Собрание сочинений: в 9 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 516 с.

22. Герцен А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : АН СССР, 1954. Т. 3. 363 с.
23. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1846. Т. 76. С. 9–80.
24. Ковалевский Е.П. Петербург днём и ночью // Библиотека для чтения. 1846. Т. 75. С. 9–106.
25. Русская сентиментальная повесть. М. : Изд-во МГУ, 1979. 336 с.
26. Реизов Б.Г. «Униженные и оскорблённые» и проблемы зарубежной литературы // Русская литература. 1972. № 2. С. 62–77.

References

1. Aleksandrova, E.V. (2021) E.P. Kovalevsky and F.M. Dostoyevsky: social and literature connections. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 82–96. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/77/7
2. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Leningrad: Nauka.
3. Val'skaya, B.A. (1956) *Puteshestviya Egora Petrovicha Kovalevskogo* [Travels of Yegor Petrovich Kovalevsky]. Moscow: Geografiz.
4. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: USSR AS.
5. Druzhinin, A.V. (1986) *Povesti. Dnevnik* [Tales. A diary]. Moscow: Nauka.
6. Maykov, V.N. (1985) *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
7. Chekalov, K.A. (2014) Rossiyskaya “Misterimaniya” 1840-kh godov: paradoksy vospriyatiya romana Ezheny Syu [Russian “Mystery Mania” of the 1840s: Perception Paradoxes of Eugene Sue’s Novel]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2014. 6 (73). pp. 15–22.
8. *Ilyustratsiya* (1845). 25 (1).
9. Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) (2006) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s – 1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka.
10. Gurvich, I.A. (1991) *Belletristika v russkoy literature XIX veka* [Belles-Lettres in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow: Russian New University.
11. Shklovskiy, V.B. (1957) *Za i protiv* [Pros and Cons]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
12. Chekalov, K.A. (2006) Zhanrovyye поиски раннего Ezheny Syu [Genre search of early Eugene Sue]. In: Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s–1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka. pp. 146–175.
13. Paskhar’yan, N.T. (2006) Federik Sul’e i stanovlenie romana-fel’etona v XIX v. [Federic Soulier and the formation of the feuilleton novel in the 19th century]. In: Mikhaylov, A.D. & Chekalov, K.A. (eds) *Frantsuzskaya literatura 30–40-kh godov XIX veka: “Vtoraya proza”* [French Literature of the 1830s–1840s: “Second prose”]. Moscow: Nauka. pp. 124–145.
14. Dolinina, N.G. (1980) *Predislovie k Dostoevskomu* [Preface to Dostoevsky]. Leningrad: Detskaya literatura.
15. Kovalevskiy, E.P. (1845) Peterburg dnyem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 72. pp. 17–174.
16. Sue, E. (1989) *Parizhskie tayny* [The Mysteries of Paris]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
17. Kovalevskiy, E.P. (1845) Peterburg dnyem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 73. pp. 17–64.
18. Zhilyakova, E.M. (1976) K voprosu o traditsiyakh sentimentalizma v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 40-kh godov [On the question of the traditions of sentimentalism in the works of Fyodor Dostoevsky in the 1840s]. In: Kanunova, F.Z. & Kiselev, N.N. (eds) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Tomsk: Tomsk State University. 3. pp. 35–46.
19. Dostoevskiy, F.M. (1989) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
20. Herzen, A.I. (1987) *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Herzen, A.I. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: GIKhL.
22. Herzen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS.
23. Kovalevskiy, E.P. (1846) Peterburg dnyem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 76. pp. 9–80.
24. Kovalevskiy, E.P. (1846) Peterburg dnyem i noch’yu [Petersburg day and night]. *Biblioteka dlya chteniya*. 75. pp. 9–106.
25. Orlov, P.A. (ed.) (1979) *Russkaya sentimental’naya povest’* [Russian Sentimental Short Novel]. Moscow: Moscow State University.
26. Reizov, B.G. (1972) “Unizhennyye i oskorblennyye” i problemy zarubezhnoy literatury [Humiliated and Insulted and problems of foreign literature]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 62–77.

Информация об авторе:

Александрова Е.В. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Alexandrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandrova.aulena@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.06.2021;
одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 01.06.2021;
approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/481/2

Романы Б. Констана «Адольф» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: компаративная поэтика

Екатерина Витальевна Беликова¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.И. Достоевского, Омск, Россия, e.v.belikova@bk.ru

Аннотация. Отсутствие несомненных доказательств знакомства М. Лермонтова с романом Констана «Адольф» порождает в литературоведении много различных догадок относительно взаимосвязи двух произведений. В компаративистике этот случай находится между контактологией, т.е. прямыми литературными воздействиями, и типологической близостью, вызванной не контактами, а общностью литературной парадигмы или «родством душ» разных писателей. Для проверки гипотезы «влияния» рассматриваются жанр, композиция и образы главных героев романов «Адольф» и «Герой нашего времени» с точки зрения компаративной поэтики.

Ключевые слова: М. Лермонтов, Б. Констан, «Адольф», «Герой нашего времени», компаративистика, поэтика

Для цитирования: Беликова Е.В. Романы Б. Констана «Адольф» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: компаративная поэтика // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 15–20. doi: 10.17223/15617793/481/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/2

Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time*: Comparative poetics

Ekaterina V. Belikova¹

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, e.v.belikova@bk.ru

Abstract. The aim of the study is to analyze the genre and compositional features of Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time* in a comparative aspect. To reach this aim, the author considers a brief background of the problem, reveals the originality of the genre form and structure of the novel. The research material is novels *Adolphe* by Constant and *A Hero of Our Time* by Lermontov. The research is based on the method of literary comparative studies. The comparative analysis revealed the genre similarity of Constant's *Adolphe* and Lermontov's *A Hero of Our Time*, which consists in both works' belonging to the genre of psychological ("personal," "analytical," "confessional") novel. Unlike the chamber French novel, *A Hero of Our Time* has a more complex genre and compositional design. The structure of Lermontov's novel, characterized by chronological violations, a change of narrators, fragmentarity, is original and has no parallels in French literature of the first third of the 19th century. The theory of an "influence" of the novel by Constant on *A Hero of Our Time* still remains only a hypothesis. However, the analysis confirms the undoubted creative connection of Lermontov with the European literary process of the first third of the 19th century. The similarity of the genre, composition, and the problems of the novels of Constant and Lermontov allow us to see the general direction of the development of Russian and French prose in the first third of the 19th century. *Adolphe*, as well as *A Hero of Our Time*, is a psychological novel that became widespread in European literature in the first third of the 19th century. The revealed closeness of the novels is balanced by equally striking differences in the works. *A Hero of Our Time* is much more complex than the French novel in genre terms. The peculiarity of Lermontov's novel consists in a broader coverage of reality and deeper philosophical issues, compared with the intimacy of French romantic prose. *A Hero of Our Time* has a unique composition with chronological violations, changing narrators, fragmentary construction, in which the central part is elusive. The complex genre and compositional structure of the novel, involving the play of narrative points of view, the expansion of the "objective" part is the original feature of Lermontov's novel.

Keywords: Mikhail Lermontov, Benjamin Constant; *Adolphe*, *A Hero of Our Time*, comparative studies, poetics

For citation: Belikova, E.V. (2022) Benjamin Constant's *Adolphe* and Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time*: Comparative poetics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 15–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/2

Маленький роман о любви «Адольф» Бенжамена Констан (1806, 1816), как хорошо известно, оказал значительное влияние на русскую литературу. Это произведение стало «фактом не только французской, но и русской культуры. Более того, как ни парадоксально, русские читатели (а именно литераторы пушкинского круга) оценили роман раньше французских» [1. С. 18]. Пушкин, Вяземский, Баратынский стали истинными почитателями «Адольфа» сразу после его публикации.

Вопрос о том, читал ли Лермонтов роман Констан, остается открытым. «Прямых указаний у самого писателя на этот счет мы не находим; но, владея в совершенстве французским языком, Лермонтов, весьма вероятно, был знаком с романом в оригинале, как с одним из шедевров романтической литературы. Но и помимо знакомства с подлинником, поэт имел полную возможность прочесть “Адольфа” в русском переводе» [2. С. 27–28], – считает С.И. Родзевич, автор первой дореволюционной монографии, посвященной изучению французских предшественников Печорина. Л. Гинзбург, не отрицая французского воздействия на роман Лермонтова, совершенно справедливо большее значение в этом вопросе придает влиянию Байрона: «Касаясь вопроса о западноевропейских источниках “Героя нашего времени”, исследователи постоянно указывают на такие произведения, как “Рене” Шатобриана, “Адольф” Бенжамена Констан, “Исповедь сына века” Мюссе, “Оберман” Сенанкура. Все это справедливо, особенно когда речь идет не столько о конкретных совпадениях, сколько об общих тенденциях европейского романа, но несомненно и то, что по идеологической своей атмосфере “Герой нашего времени” ближе всего к Байрону, хотя Байрон не писал романов в прозе» [3. С. 163–164].

А.В. Федоров по сути отрицает связь данных произведений: «Роман Лермонтова был, несомненно, произведением передовым и являлся очень значительным шагом вперед по сравнению с романами даже таких французских авторов, как Мюссе или Бенжамен Констан, с которыми Лермонтова-прозаика сопоставляли иногда. Известная общность между ними, вовсе не предполагающая влияния или заимствования, – только в характере общей проблемы героя и испытания его жизнью. Лермонтов идет несравненно дальше в критически объективном отношении к этому герою, при всем том, что его герой – более яркая и сильная личность, чем главные персонажи упомянутых двух французских романистов» [4. С. 221–222]. Б. Томашевский подчеркивает, что «после романа Пушкина уже исключалась возможность прямого «влияния» предшествующих героев. Конечно, Лермонтов знал их всех и мог непосредственно переносить некоторые черты их на героев своего романа. Но это перенесение сопровождалось сознанием, что в русской литературе уже был дан наследник этих персонажей, как бы комментировалось образом Онегина» [5. С. 497–498].

Е.И. Кийко считает бесспорным знакомство Лермонтова с романом «Адольф»: «Следует отметить при этом, что имя Бенжамена Констан Лермонтов <...> нигде не называет, но совершенно очевидно, что с

романом “Адольф” он был знаком и непосредственно, и через творчество Пушкина» [6]. Л.И. Вольперт также считает влияние французской романтической прозы на писателя несомненным фактом: «Априори ясно: Лермонтов эти романы не просто “читал”, а профессионально “осваивал”. Известно, как гонялись в то время в России за французскими новинками. Ученые, и те, кто считал, что французская литература существенно влияла на Лермонтова (Б.В. Томашевский), и те, кто придерживался иного взгляда (А.В. Федоров), в одном сходились бесспорно: среди европейских литератур французская словесность в кругу двуязычной русской читательской аудитории того времени пользовалась наибольшей популярностью» [7. С. 269].

Несмотря на то что прямых отсылок к французской романтической прозе в тексте Лермонтова нет, среди исследователей преобладает мнение, что писателю были известны романы Шатобриана, Сенанкура, Констан, Мюссе. «Уже в XIX в. критика отмечала прямые аллюзии на “Адольфа”... в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» [8. С. 65]. Обратившись в «Герое нашего времени» к исследованию «истории души человеческой», Лермонтов действительно вряд ли не мог остаться вне влияния французского психологического романа первой трети XIX в. Не принимая на веру факт влияния французского автора на Лермонтова, попробуем проанализировать жанр и композицию в компаративистском аспекте.

Жанр. «Адольф» относится к тому жанру, который становился наиболее характерным для французской прозы первой трети XIX в. Это психологический роман-исповедь, роман-автобиография, запечатлевающий тончайшие движения души. В литературоведении за этими произведениями закрепились термины «личный роман», «эгоцентрический роман», «аналитический роман», «лирическая исповедь» [9. С. 99]. Развертывая свое содержание в форме субъективного повествования от первого лица, произведения Констан и Лермонтова исследуют душевную жизнь героев путем самораскрытия и самоанализа. Специфику психологизма в романе Лермонтова Л.И. Вольперт связывает прежде всего с традицией французского исповедального романа: «Первый русский психологический роман *Герой нашего времени*, тесно связанный с французской психологической традицией XVIII – первой половины XIX века (от *Принцессы Клевской* М. де Лафайет до *Красного и черного* Стендаля), своим искусством исследования души во многом обязан прозе Франции и, в частности, *исповедальному роману*, впервые в европейской словесности разработавшему категорию рефлексии» [7. С. 195]. Но в отличие от романа Констан, который однозначен в своей жанровой характеристике, «Герой нашего времени» имеет более богатый диапазон жанровых оценок: личный (аналитический) роман [10. С. 250–252], «первый русский психологический роман» [7. С. 195]. Кроме того, Лермонтову удалось соединить в своем произведении черты приключенческой новеллы («Гамань»), путешествия и путевых записок («Бэла», «Максим Максимыч»), психологической повестирассказа («Княжна Мэри»), философского рассказа

(«Фаталист»). Согласимся с глубоким выводом Л.И. Вольперт о том, что «объединив несколько повествовательных манер, Лермонтов впервые в русской литературе создал жанр, не поддающийся однозначной дефиниции: это одновременно роман психологический, философский и любовно-авантюрный. Сложная архитектура романа, обрисовка героя («со стороны») – одна из гарантий объективного изображения протагониста и, в то же время, залог неповторимости прозы Лермонтова...» [7. С. 289].

Своеобразие жанра романа «Адольф» в его камерности. В нем, как писал автор в Предисловии к третьему изданию, «только два действующие лица, пребывающие всегда в одинаковом положении» [11. С. 35]. «Адольф» – роман о «нелюбви», максимально освобожденный от социального и исторического контекста» [1. С. 425]. В произведении почти совершенно стерт внешний фон и все материальное растворяется в психологии. На протяжении трех лет совместной жизни Адольфа и Эленоры происходит ряд событий, которых хватило бы на весьма динамичный роман (герои несколько раз переезжают, дают светские приемы и т.д.), но у читателя возникает впечатление, что в нем почти ничего не происходит. Это связано с тем, что интерес автора-повествователя всецело сосредоточен на собственных душевных переживаниях и мучительном самоанализе.

Композиция. Влияние Констана ощущается уже в структуре и композиции «Героя нашего времени». В обоих романах есть «**объективная**» (повествование от лица рассказчика) и «**субъективная**» (повествование от лица главного героя) части. В «Адольфе» функцию «объективного» повествования выполняют предисловие «От издателя» и заключительные письма: «Письмо к издателю» и «Ответ». Эти части произведения образуют раму, в которую вложена собственно рукопись Адольфа. Рамочные элементы здесь занимают немного места и содержат самую общую информацию о герое, обстоятельствах получения и издания его рукописи. В завершающих роман письмах также заключена оценка героев со стороны издателя и его знакомого и «мораль», извлекаемая из прочитанной истории («Главное дело в жизни есть скорбь, которую наносим, и самая замысловатая метафизика не оправдает человека, раздравшего сердце, его любившее») [11. С. 91].

«Объективное повествование» («Бэла», «Максим Максимыч») в «Герое нашего времени» намного обширнее и самоценнее, чем подобные рамочные элементы у Констана. Это дало возможность Лермонтову глубже и полнее осветить характеры героев, окружавших Печорина, нравы и быт горцев, а также дать более объективную, объемную «внешнюю» характеристику протагониста.

Совершенно необычная структура романа Лермонтова не имеет полных аналогий не только с романом «Адольф», но и со всей французской прозой первой трети XIX в. В композиционном отношении «Герой нашего времени» до некоторой степени сближается с восточными поэмами Байрона, в которых события излагаются непоследовательно и фрагментарно и

фиксируют только самые напряженные моменты в развитии сюжета. Благодаря ломаной, фрагментарной композиции романа Лермонтов имел возможность передать неустроенность судьбы Печорина.

Остановимся на одной явной параллели, сближающей произведения Констана и Лермонтова. Это эпизоды передачи и публикации записок Адольфа и Печорина, сходство которых в обоих текстах отметил уже С.И. Родзевич: «Дорожный случай сталкивает двух путешественников, из которых один – будущий герой романа, другой – издатель его. Записки будущего героя третьим лицом передаются будущему издателю их. Через некоторое время обстоятельства складываются так, что записки могут быть опубликованы. Эту же схему с некоторыми изменениями имеем мы и в «Герое нашего времени»» [2. С. 17]. Так же, как и Констан в «Адольфе», Лермонтов случайно сводит своих героев в гостинице, в дороге, становящейся здесь символом непредсказуемости человеческих судеб. И так же случайна судьба рукописей героев, которые были бы утрачены, если бы не забота хозяина гостиницы, приславшего найденный на дороге ларчик будущему издателю записок («Адольф»); или любопытство проезжающего литератора, спасшего бумаги Печорина от угрозы Максима Максимыча надеть из них патроны («Герой нашего времени»). Но если отношение Адольфа к своей рукописи и причина ее потери в дороге остаются для нас неизвестными, то Печорин выказывает полное безразличие к собственным дневникам («Что хотите!») [12. С. 491] – ответ на вопрос штабс-капитана о том, что делать с его бумагами. Это свидетельствует о крайней отрешенности Печорина как от прошлого, так и от настоящего, поскольку его уже несколько не интересует, к кому могут попасть его личные записки.

Герой. Адольфа из одноименного романа Бенжамена Констана и Печорина сближает общая для романтических героев психология: мотивы одиночества, отчуждения от общества, погруженности во внутренний мир. Так, Адольф на протяжении всего романа занят только собою и своими чувствами. Пожалуй, только один раз он отвлекается от постоянного самоанализа и поднимается до уровня философских обобщений в довольно лаконичном пейзажном описании (единственном, которое есть в книге): «День угасал; небо было чисто; поля пустыли; работы людские кончались; люди предавали природу себе самой. Думы мои означились постепенно оттенками более строгими и величавыми. Мраки ночи, густевшие беспрепятственно, обширное безмолвие, меня окружавшее и передаваемое одними отзывами редкими и отдаленными, заменили мое волнение чувством более спокойным и благоговейным... Я давно не испытывал ничего подобного: непрерывно поглощаемый размышлениями всегда личными, всегда обращающий взоры на свое положение, я сделался чуждым всякому общему понятию; я занят был только Эленорою и собою...» [6. С. 73]. Однако умиротворенное настроение, ставшее результатом философских размышлений о смерти, вскоре сменяется «нетерпением довольно тяжким» [6. С. 74] из-за мыслей о постоянном контроле со сто-

роны Эллениры, а затем нежным умилением от радостной встречи с нею и далее вновь смутным волнением – и это спектр чувств героя только за одни сутки. Не только «раздвоенность человеческой психики», в которой, по мнению А. Ахматовой, заключается новизна романа [7. С. 88–89], но и зыбкость и непостоянство чувств составляют психологическую доминанту характера Адольфа. Он и сам не устает удивляться хаотичности собственного внутреннего мира. Его образ лишен всякой устойчивости и твердости и находится в постоянном движении.

Эти безволие и вечные колебания, по мысли В. Мильчиной, делают Адольфа и его автора, который передал своему герою собственный психологический склад, «человеком романтической эпохи. Ибо отсутствие воли было одним из главных диагнозов, который писатели той эпохи ставили героям своего века» [8. С. 25]. Уточним, что это преимущественное свойство французских героев-романтиков. Можно вспомнить «смутность страстей», смешанность чувств, носящих зачастую зыбкий, неопределенный или неопостижимый характер у героев Шатобриана. То же относится и к роману А. Мюссе «Исповедь сына века», герой которого испытывает безволие, нерешительность и ощущение двойственности своей натуры.

Адольф страдает от своей нерешительности и, пытаясь разорвать отношения, еще сильнее связывает себя ненужными ему узами. Он постоянно сетует на свое бездействие, пристально анализируя чувства, которые меняются каждую минуту. Адольф так часто укоряет себя за медлительность и слабование, что это невольно напоминает нам образ Гамлета. Борьба со злом приняла у него форму психологического конфликта, его узурпатором является Элленира, от власти которой он всеми силами стремится освободиться. «Пращи и стрелы яростной судьбы» заменены метафизикой сложных любовных отношений, «Дания-тюрьма» – адом совместной жизни, откладываемая месть – затянувшимся расставанием.

Саморефлексия Печорина не отнимает у него способности действовать. Он лишен «гамлетовского комплекса» бездействия, которым страдает Адольф. Русский герой обладает волей, сильным характером и внутренней независимостью. Его сложно представить в подчиненной роли. «Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь» [5. С. 517]. Кругозор Печорина шире, чем в повести Адольфа, зацикленного на мельчайших душевных движениях. В журнале лермонтовского героя не только психология, но обрисовка характеров и поступков других людей, великолепные картины природы, философские раздумья.

Очевидно, что из «Героя нашего времени» роману Константа более всего близка повесть «Княжна Мэри». Их объединяет любовная интрига, тема обольщения и игры в чувства. Адольф, соблазняющий Элеонору из смешанного чувства любви и тщеславия, напоминает Печорина, не любящего Мэри, но, тем не менее, упорно, по «системе», добывающегося ее взаимности.

Тем не менее в общей схеме любовной интриги, присутствующей в обоих произведениях, есть важные различия.

Герой Константа начинает свое повествование достаточно традиционно, взяв за точку отсчета некое значимое событие, в данном случае – окончание курса в Геттингенском университете и прибытие в город Д***. В начале исповеди Адольф сообщает «предысторию», которая настраивает читателя на плавный и последовательный рассказ: непростые отношения с отцом, идущие с детства, особенности собственного характера, ставшего результатом дисгармоничного воспитания. Печорин также начинает свой рассказ с упоминания о приезде в Пятигорск и довольно быстро переходит к описанию встречи с Грушницким и княжной Мэри, становящейся завязкой любовной интриги. Но его жизнь до отъезда на Кавказ никак не освещается (за исключением упоминания о таинственной петербургской «истории»), мы ничего не узнаем о его семье, детских и юношеских годах («толстую тетрадь», содержащую «всю жизнь» героя, издатель, странствующий литератор, обещал нам опубликовать позже). И в целом повествование в романе «Герой нашего времени», более динамичное, лишенное плавной последовательности и хронологической связности, создает вокруг Печорина атмосферу таинственности.

Оба героя молоды (их возраст указывается авторами: Адольфу 22 года, Печорину, по оценке Максима Максимыча, около 25 лет). Но если Адольф только вступает во взрослую жизнь и имеет мало опыта в любовных отношениях, то Печорин обнаруживает прекрасное знание и женщин, и «науки страсти нежной». При почти равном возрасте Печорин в сравнении с Адольфом пресыщеннее и «старее» душой. Он начинает следить за развитием отношений княжны Мэри и Грушницкого и разрабатывает собственную «систему», вызывая в княжне сначала раздражение, потом благодарность, любопытство и, наконец, любовь, но сам точно не понимает, с какой целью он это делает. Анализируя свои чувства к Мэри, Печорин стремится дойти до сути, обнажая страшные глубины своей души, отравленной злом, себялюбием и демоническим упоением властью. «Я часто спрашиваю себя, зачем я так упорно добиваюсь любви молодой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь?... Я чувствую в себе эту ненасытную жажду, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы... первое мое удовольствие – подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать в себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти?..» [5. С. 528–529].

И при этом временами Печорина охватывает скука: «Я все это знаю наизусть – вот что скучно!» [5. С. 532]. Как это не похоже на предвкушение любви у Адольфа: «До той поры я не имел ни с одной женщиной связи, лестной для моего самолюбия: казалось, новое будущее разоблачилось в глазах моих; новая

потребность отозвалась в глубине моего сердца» [6. С. 42]. Но тут же герой, привыкший к доскональному анатомированию чувств, продолжает: «В этой потребности было, без сомнения, много суетности: но не одна была в ней суетность; может статься, было ее и менее, нежели я сам полагал. Чувства человека смутны и смешанны; они образуются из множества различных впечатлений, убегающих от наблюдения; и речь, всегда слишком грубая и слишком общая, может послужить нам к означению, но не к определению оных» [6. С. 42].

Адольф не может разобраться в своих чувствах, сложное внутреннее борение между желанием нравиться, нетерпением, самолюбием и застенчивостью заставляют его, как всегда, затягивать объяснение. «Кто стал бы читать в сердце моем в ее отсутствие, тот почел бы меня соблазнителем холодным и мало-чувствительным. Но кто увидел бы меня близ нее, тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного» [6. С. 45]. Не в силах побороть свою нерешительность Адольф делает любовное признание в письме. Когда Эленора отказывает ему и уезжает, игра в любовь переходит в настоящее чувство, которое целиком поглощает Адольфа: «Любовь, которую за час перед тем я самохвално лукавил, казалось, господствовала во мне с исступлением» [6. С. 46]. Подобная трансформация есть и у Печорина: «Я не видал ее! Она больна! Уж не влюблен ли я на самом деле?.. Какой вздор!» [5. С. 537]; «Что же это такое? Неужели я влюблен?.. Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать» [5. С. 539]. Адольф, вначале обольщающий Эленору из тщеславия, затем переживает настоящую любовную эйфорию: «Я видел в ней создание небесное: любовь моя походила на поклонение...» [6. С. 52]. В случае же с Печориным сохраняется тайна чувства, герой даже сам не смог бы ответить, что он испытывает: сильнейшую страсть или желание острых ощущений для энергетической «подпитки». Даже в самые волнующие моменты он продолжает рефлексировать и подвергать, саркастическому анализу свои чувства. И, наконец, страх потерять свободу заставляет Печорина бездушно оборвать отношения с княжной («...Я вас не люблю» [5. С. 543]). Его мятежную душу манят туманные дали, море и «желанный парус», являющиеся в поэтическом языке Лермонтова символом свободной бурной жизни.

В отличие от романа Констана, в котором прослеживается только одна любовная линия, у Лермонтова мы имеем дело с любовным треугольником: Печорин – княжна – Вера. В монографии С.И. Родзевича отмечено сходство образов Эленоры и Веры. «В отношениях Печорина к Вере мы наблюдаем те же психологические противоречия, что и в отношениях Адольфа к Эленоре. Оба они как бы тяготеют любовью к ним; но в то же время, когда наступает момент разрыва, в них возникает сложное чувство. Это – ощущение своего одиночества вне исчезающей любви» [2. С. 21]. Эленора и Вера, будучи замужем, жертвуют многим ради любви. Но Эленора открыто нарушает законы света и ради любви к Адольфу жертвует своим стабильным, хотя и двусмысленным

семейным положением, репутацией в свете, детьми. Она более независимая и сильная личность, способная пойти против сурового мнения света. В русском варианте тема адюльтера решена более мягко и скрытно, без вызывающего разрыва с семьей и общественным мнением. После ссоры с мужем, которому стало известно об измене, Вера окончательно и беспрекословно расстается с Печориным.

В развитии любовных линий романов образы Адольфа и Печорина сближает роль инициатора любовной интриги, игра в любовь и сложность психологических побуждений. Интересен и общий мотив перехода игры в настоящее чувство, подчеркивающий психологическую сложность и неоднозначность душевного мира героев. Однако в Печорине нет ни робости, ни восторженности чувств, ни сентиментального многословия Адольфа. В целом Адольф более чувствительная натура, Печорин же – головная, рассудочная. И конечно, многое определяется тем, что Адольф впервые переживает любовное смятение, бессонницу и слезы, Печорин же намного более искушен в любви. При этом Печорин хуже и страшнее своего французского прообраза. Адольф боится даже опечалить Эленору и уже при мысли об этом чувствует угрызения совести. Печорин же хладнокровно играет человеческими судьбами, он демонически притягателен и аморален. Его жизнь – погоня за острыми ощущениями и утраченными чувствами. Безжалостная игра с Мэри, затем жестокое вмешательство в судьбу Бэлы, приведшее к ее смерти, – эта утонченная «эстетика зла», которая процедируются не столько на французскую романтическую прозу первой трети XIX в., сколько на рокайльный роман XVIII в. и байронических героев. В то же время «Лермонтов награждает Печорина множеством недостатков, но при этом ни на минуту не упускает из виду сверхзадачу: придать герою обаяния. Оно – в мощи ума, в мужестве строгого самоотчета, в бесстрашии заглядывания в самые темные уголки души. В герою есть и другие достоинства (смелость, способность к благородным порывам, артистизм), но эти качества значимы именно на фоне его блистательного интеллектуализма» [9. С. 266–267].

Завершая наше сопоставление, приведем взвешенный вывод С.И. Родзевича: «Говоря о влиянии “Адольфа” на “Героя нашего времени”, мы не имеем в виду придавать ему решающего значения в процессе создания романа нашего писателя, мы далеки также и от мысли признать это влияние резко выраженным, то есть сказавшимся в более или менее близком подражании Лермонтова “Адольфу”. В “Герое нашего времени” мы видим сложное целое. При анализе романа надо иметь в виду и некоторые элементы байронизма, и влияние Марлинского, сказавшееся до некоторой степени в “Бэле”, и автобиографический элемент. Попытка сопоставить “Адольфа” с “Героем нашего времени” имела своей целью определить, в чем можно видеть “реминисценцию” Адольфа в нашем романе» [2. С. 27]. Выявленная нами близость романов «Адольф» и «Герой нашего времени» уравнивается столь же разительными отличиями произведений. Сходство жанра, композиции, проблем романов Констана и Лермонтова

помогают увидеть общее направление развития русской и французской прозы первой трети XIX в. «Адольф», как и «Герой нашего времени», является психологическим («личным», «аналитическим», «исповедальным») романом, получившим широкое распространение в европейской литературе первой трети XIX в. Но при этом жанр «Героя нашего времени» намного сложнее и богаче французского романа. Уникальность романа Лермонтова состоит в более широком, по сравнению с камерностью французской роман-

тической прозы, охвате реальности и углублении философской проблематики. «Герой нашего времени» получает уникальное композиционное оформление, характеризующееся хронологическими нарушениями, сменой рассказчиков, фрагментарностью построения, в котором центральная часть оказывается неуловима. В более сложном композиционном строении романа, предполагающем игру повествовательными точками зрения, расширении «объективной» части состоит самобытное свойство романа Лермонтова.

Список источников

1. Мильчина В. О Бенжамене Констане и его автобиографической прозе // Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. Мильчиной. М., 2006. С. 17–34.
2. Родзевич С.И. Предшественники Печорина во французской литературе. Киев, 1913.
3. Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/gin/gin-001-.htm> (дата обращения: 05.07.2021).
4. Федоров А. Творчество Лермонтова и западные литературы // Литературное наследство. Т. 43/44. М., 1941. Кн. I. С. 129–226.
5. Томашевский Б. Проза Лермонтова и западноевропейская литературная традиция // Литературное наследство. Т. 43/44. М., 1941. Кн. I. С. 469–516.
6. Кийко Е.И. «Герой нашего времени» Лермонтова и психологическая традиция во французской литературе // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 181–193. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/kijko-franciya.htm> (дата обращения: 05.07.2021).
7. Вольперт Л.И. Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010. URL: https://ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (дата обращения: 05.07.2021).
8. Корнилова Е.Н. Архетипическая модель в романе Бенжамена Констана «Адольф» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 64–82.
9. Бочкарева Н.С. К проблеме изучения западноевропейского романтизма в вузовском курсе (учебные пособия Р.Ф. Яшенкиной) // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 97–101.
10. Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961.
11. Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. Мильчиной. М., 2006.
12. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Избранные сочинения / ред. кол.: Г. Беленький, П. Николаев и др. М., 1987.

References

1. Mil'china, V.O. (2006) Benzhamene Konstane i ego avtobiograficheskoy proze [About Benjamin Constant and his autobiographical prose]. In: Constant, B. *Proza o lyubvi* [Prose about Love]. Translated from French by V. Mil'china. Moscow: O.G.I. pp. 17–34.
2. Rodzevich, S.I. (1913) *Predshestvenniki Pechorina vo frantsuzskoy literature* [Pechorin's Predecessors in French Literature]. Kiev: tip. T.G. Meynandera.
3. Ginzburg, L. (1940) *Tvorcheskiy put' Lermontova* [Lermontov's Creative Path]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/gin/gin-001-.htm> (Accessed: 05.07.2021).
4. Fedorov, A. (1941) *Tvorchestvo Lermontova i zapadnye literatury* [Lermontov's work and Western literature]. *Literaturnoe nasledstvo*. 43/44 (1). pp. 129–226.
5. Tomashevskiy, B. (1941) *Proza Lermontova i zapadnoevropeyskaya literaturnaya traditsiya* [Lermontov's Prose and Western European Literary Tradition]. *Literaturnoe nasledstvo*. 43/44 (1). pp. 469–516.
6. Kiyko, E.I. (1985) "Geroy nashego vremeni" Lermontova i psikhologicheskaya traditsiya vo frantsuzskoy literature [Lermontov's A Hero of Our Time and the psychological tradition in French literature]. In: Chistova, I.S. (ed.) *Lermontovskiy sbornik* [Lermontov's Collection]. Leningrad: Nauka. pp. 181–193. [Online] Available from: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/kijko-franciya.htm> (Accessed: 05.07.2021).
7. Vol'pert, L.I. (2010) *Lermontov i literatura Frantsii* [Lermontov and the Literature of France]. Tartu: [s.n.]. [Online] Available from: https://ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf (Accessed: 05.07.2021).
8. Kornilova, E.N. (2017) Arkhetipicheskaya model' v romane Benzhamena Konstana "Adol'f" [Archetypal model in Benjamin Constant's novel Adolphe]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 64–82.
9. Bockkareva, N.S. (2019) K probleme izucheniya zapadnoevropeyskogo romantizma v vuzovskom kurse (uchebnye posobiya R.F. Yashen'kinoy) [On the problem of studying Western European romanticism in the university course (tutorials by Raisa Yashenkina)]. *Filologicheskii klass*. 1 (55). pp. 97–101.
10. Eykhenbaum, B.M. (1961) *Stat'i o Lermontove* [Articles on Lermontov]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Constant, B. (2006) *Proza o lyubvi* [Prose about Love]. Translated from French by V. Mil'china. Moscow: O.G.I.
12. Lermontov, M.Yu. (1987) *Geroy nashego vremeni* [A Hero of Our Time]. In: Lermontov, M.Yu. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе:

Беликова Е.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.И. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Belikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: e.v.belikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 28.01.2022;
approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/481/3

«Сибирский патриот» в «Мёртвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон

Роман Андреевич Григоренко¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, roman13-grigorenko@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания находится творческий диалог Ф.М. Достоевского и Н.М. Ядринцева. Проводится сопоставительный анализ книг «Записки из Мертвого дома» и «Русская община в тюрьме и ссылке». Анализируется проблема жанра обоих произведений, причина обращения сибирского писателя к художественному миру именитого современника и специфика формирования областнического литературного канона.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.М. Ядринцев, острог, литературный канон, областничество

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Правительства Красноярского края и Красноярского краевого фонда науки в рамках научного проекта № 20-412-243001.

Для цитирования: Григоренко Р.А. «Сибирский патриот» в «Мертвом доме» Ф.М. Достоевского: Н.М. Ядринцев и областнический литературный канон // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 21–28. doi: 10.17223/15617793/481/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/3

A “Siberian patriot” in the *House of the Dead* by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon

Roman A. Grigorenko¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, roman13-grigorenko@yandex.ru

Abstract. The article analyzes Nikolai Yadrintsev’s reception of the literary tradition of Fyodor Dostoevsky, the influence of the *House of the Dead* (1861–1862) on the *Russian Community in Prison and Exile* (1872). The creative dialogue between the centralist and the Siberian patriot has already come to the attention of literary critics. S. Frank considered the opposite views of Yadrintsev and Dostoevsky on Siberia, hard labor, and convicts. This study reveals points of contact and points of difference of the above-mentioned works at the level of methods of depicting space (categories of the living-dead), figurative structure (the focus is on “prison residents” – the warden, zhigan, etc.), the narrative strategy of the two writers who survived imprisonment in the same prison (Dostoevsky has a frame composition, Yadrintsev has an alternation of fictional fragments with the hero-narrator and parts that are a study of penitentiary systems), and stylistic features. The way both writers use typing when creating scenes and characters is analyzed, as well as a number of cultural allusions, with the help of which Yadrintsev appeals to the reader’s memory and the reader’s horizons. The analysis of the books of the great writer and his younger contemporary led not only to interest in Yadrintsev’s epistolary heritage (letters of the 1870s to Grigory Potanin), but also an appeal to the works of a number of scholars. Yadrintsev’s creative path is considered within the framework of Pierre Bourdieu’s theory of social fields. For a correct understanding of the specifics of the perception and use of literature by the Siberian writer, which half a century later will be called classical, the works of researchers who studied the mechanisms of the formation of the literary canon (H. Bloom, M. Yampolsky, B. Dubin, I. Kaspé, M. Gronas, A. Lanu) are involved. The works by Mikhail Bakhtin and Yuri Lotman were used for solving the genre problem (first attempt at a novel) of the *House of the Dead* and the *Russian Community in Prison and Exile*. The creative path of the Siberian patriot is also considered from the point of view of regional aesthetics, the postulates of which were finally formulated by Potanin in the article “The novel and the story in Siberia” (1876). The focus is on Yadrintsev’s use of the existing literary experience, his attempt to auto-legitimize in the field of Russian literature of the 19th century and form an own regional canon.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Nikolai Yadrintsev, prison, literary canon, regionalism

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, the Government of Krasnoyarsk Krai and the Krasnoyarsk Regional Science Foundation, Project No. 20-412-243001.

For citation: Grigorenko, R.A. (2022) A “Siberian patriot” in the *House of the Dead* by Fyodor Dostoevsky: Nikolai Yadrintsev and the regional literary canon. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 21–28. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/3

Тематическая близость книг Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.) и Ф.М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1861–1862 г.) была впервые отмечена не литературоведами, а чиновниками. Труды Ядринцева и Достоевского были выбраны комиссией по тюремной реформе в качестве достоверных источников, содержащих информацию о жизни тюрьмы и каторги. Сибирский областник писал из ссылки Г.Н. Потанину следующее: «Записки о русских карательных учреждениях составлены, как заявлено, по следующим сочинениям: “Записки из мертвого дома” Достоевского, “Сибирь и каторга” Максимова и “Община в тюрьме и ссылке” я...» [1. С. 31].

Замеченное тематическое родство не случайно: Достоевскому и Ядринцеву в разное время довелось провести несколько лет заточения в Омском остроге, быт и нравы которого отражены в обоих произведениях. С. Франк в своем сопоставлении «Записок из Мертвого дома» и «Русской общины в тюрьме и ссылке», изучая произведения в контексте лагерной интимности, отметила навязчивость ссылок на Достоевского [2. С. 409]: т.е. областник не скрывает литературного первоисточника, а предпочитает его всячески подчеркивать, при любой возможности обращать на него внимание читателей.

В предисловии Ядринцева автор «Записок из Мертвого дома» не только упоминается, но и цитируется:

Недаром Ф.М. Достоевский, испытавший знакомство со старым русским острогом, воскликнул в конце своих наблюдений: «Сколько в этих стенах погребено молодости! Сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, быть может, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего»... [3. С. 46].

Попутно отметим, что сибирский писатель обрывает цитату, не перенося в свой текст горьких сожалений и риторического вопроса великого предшественника: «Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?» [4. С. 231]. Сетования и поиск виноватых, видимо, мало занимают Ядринцева.

Возникает ряд вопросов. Только ли схожие эпизоды биографии писателей и общий предмет изображения объединяют тексты, опубликованные с разницей в десятилетие? Как повлияли «Записки из Мертвого дома» на «Русскую общину в тюрьме и ссылке»? Какими способами Ядринцев творчески осваивал/присваивал (или переосмысливал) текст-предшественник? В какой мере и с какой целью областник опирался на воплощенный в художественной форме Достоевским каторжный опыт? Только ли с автором «Записок...» Ядринцев вступает в творческий диалог? Что, наконец, представляет собой с точки зрения жанра крайне неоднородное творение неудавшегося сибирского «сепаратиста»?

Для ответа на поставленные вопросы представляется продуктивным следующий путь.

Во-первых, необходимо учесть исследование С. Франк, которая замечает принципиальное несова-

дение взглядов Достоевского и Ядринцева на каторжное общество: автор «Записок из Мертвого дома» видит в нем «странное семейство», которое своей вынужденной псевдоблизостью рушит индивидуальность, областник – именно общину, компенсирующую причастностью к ней потерю общества за пределами острога [2]. С. Франк находит различия и в оценке писателями всего пространства Сибири: Ядринцев видит здесь пространство будущего, Достоевский – пространство милитаристских и ностальгически консервативных утопий, пространство, «в котором он хочет оставить свое прошлое приверженца социальных утопий раз и навсегда¹» [2. С. 416].

Во-вторых, выявить другие точки соприкосновения/отталкивания «Записок из Мертвого дома» и «Русской общины в тюрьме и ссылке», а также проанализировать приемы изображения пространства и создания образов персонажей, используемые сибирским писателем.

В-третьих, осмыслить творческий «маршрут» областного автора в рамках теории социальных полей П. Бурдьё [5] и рассмотреть влияние «Записок...» на «Русскую общину...» в перспективе формирования «сибирского» литературного канона, без внятного осмысления которого литературный проект старших областников повисал в воздухе.

П. Бурдьё, применяя для анализа словесности методологический аппарат экономики, рассматривает литературный процесс как расположение и перемещение агентов культурного производства в одном социальном пространстве, названном полем. Ученый выделяет две противоположные позиции, в которых может находиться литератор: место в центре поля и место на периферии [5]. Под центром литературного поля логично понимать столицу, и речь идет не столько о городе в географическом смысле, сколько об уже сформированном влиятельном литературном сообществе, обладающем значительным символическим капиталом и символической властью. Под периферией закономерно разуметь провинцию.

По мнению Бурдьё, существование в поле давно укоренившихся сил лишает художника (в широком смысле) уникальности жизненного пути, заставляя выстраивать свою траекторию (как творческую, так и биографическую) по уже существующим моделям. Следовательно, Ядринцеву, в 1870-х гг. находящемуся в ссылке в Шенкурске Архангельской губернии и географически даже приблизившемуся к Петербургу, чтобы существовать как писателю, еще предстоит пережить травму собственного провинциализма [6] и проторить дорогу в столичный литературный круг, занять место в центре литературного поля, получив «освященность» – признание или любую другую реакцию на себя агентов, доминирующих в пространстве словесности.

Рассуждения о центре литературного поля и пути писателя к нему подводят нас к проблеме канона. Проанализировав существующие воззрения [7–15] на него, мы пришли к следующему: под каноном мы подразумеваем группу текстов или авторов, на основе некоего критерия выбранных из прочих участников

литературной борьбы не самими канонизируемыми авторами, а позднейшими литераторами; они выстраивают или перестраивают канон с целью легитимации не только собственного места в поле литературы, но и самой создаваемой традиции, отвечающей их художественным воззрениям и как бы подводящей эволюцию словесности непосредственно к ним.

Мы оставим в стороне биографические причины обращения Ядринцева к теме каторги (исследованию этого вопроса посвящены работы М.В. Шиловского [16], Н.В. Серебrenникова [17, 18], параграф монографии «Сибирь в составе Российской империи» [19. С. 302–314]), вместо этого перейдем к особенностям рецепции сибирским патриотом текста «Записки из Мертвого дома», а затем постараемся дать найденным чертам и приемам объяснение.

Тема тюрьмы и ссылки в Сибирь – одна из главнейших в творчестве областника. Ее затруднительно рассматривать отдельно от остальных: заключение в острог, сибирская ссылка, судьба каторжника на золотомосном прииске, страдание обездоленных тесно связаны с амбивалентным характером Сибири. В чем амбивалентность? Зауральские территории Российской империи воспринимались местной интеллигенцией как *родина* – не случайно Ядринцев в 1894 г., вспоминая о своем каторжном и ссылном опыте, напишет следующее: «Это была обратная ссылка из Сибири: кажется, единственный случай, когда Сибирь была признана чьим-то отечеством и из него нужно было выдворить. Множество ссылных, конечно, пожелали бы этого выдворения» [20. С. 33]. Иное восприятие Сибири анализирует В.И. Тюпа: «Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала достоянием “доксы”, общепонятным хронотипическим образом некоторого способа присутствия человека в мире» [21. С. 27]. Далее исследователь пишет следующее: «...Сибирь в российском культурном сознании обрела характеристики и свойства мифологической *страны мертвых* (курсив В.И. Тюпы. – Р.Г.)» [21. С. 27].

«Русская община в тюрьме и ссылке» (1872 г.) – самое объемное произведение Ядринцева, относящееся к теме заключения в острог и каторги. Исследователями уже отмечались следующие черты: влияние Достоевского, установка на научность, беллетристические части текста, где действуют вымышленные персонажи [22. 40–42].

Обращение к культурному опыту читателей, использование прецедентных текстов или образов, уже знакомых реципиенту художественного произведения, занимают важное место в поэтике Ядринцева.

В заданной логике интересно обратить внимание на второе предложение из предисловия Ядринцева: «Присматриваясь к внутренней жизни острога, он (Ф.М. Достоевский. – Р.Г.), естественно, имел возможность сделать много наблюдений в этом “отверженном” мире и наглядно изучить историю преступлений» [3. С. 45]. Слово «отверженном» взято в кавычки, т.е. в смысловом плане акцентировано, и, возможно, по авторскому замыслу должно было напо-

нить эрудированному читателю весьма известное произведение, где тема преступника и каторги играет не последнюю роль – роман-эпопею Виктора Гюго «Отверженные», впервые опубликованный в 1862 г. Письмо Ядринцева к Г.Н. Потанину от 8 декабря 1872 г. указывает, что он имел представление о творческой манере автора «Отверженных»:

Ташкентец Каразин выпустил продолжение романа «На Окраинах», где представляет участь героя, попавшего в плен к бухарским баранчакам. Тут выставлено возмутительное обхождение с пленными, подземный тюрьмы, «клоповники», резанье голов и проч. Автор уж слишком ударяется в эффекты. Он явно подражает Гюго и не может сладить с материалом, а материал богатый [1. С. 146].

Обратимся к беллетристическим фрагментам его книги.

Предо мной стоял известный всем, вечно потрясающий фасад «мертвого дома», «дома плача и скорби», со своими *темными* [здесь и далее курсив наш. – Р.Г.], как впадины, *черепи*, окнами, с гладкоформенным видом, с *холодными* и неприветливыми каменными стенами, с декором заповор, штыков, решеток и *бледно-зеленых лиц* [3. С. 49].

Иными словами, областник не создает принципиально нового, полностью оригинального, образа острога, а использует чужие наработки, заставляя читателя «припоминать» знакомые места, «узнавать» пространство вместе с героем.

В приведенном фрагменте можно усмотреть скрытую цитату из стихотворения Н.А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» (1858 г.):

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Цельный город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям... [23. С. 47].

В анализируемом фрагменте Ядринцева нет осуждающе-обличительного некрасовского пафоса, возможно, стихотворение «звучало» в «Русской общине...» потому, что острог тоже является местом, где ломаются судьбы несчастных людей.

Н.М. Ядринцев не останавливается на одной номинации пространства заключения («мертвым домом»). Обратим внимание: в приведенном фрагменте мы отметили слова, связанные со смертью. Далее в наиболее автобиографичном фрагменте произведения опять нагнетается *мертвенность* пространства:

Мы вошли в *мрачную* кордегардию острога с какими-то *готическими* окнами и *средневековой* мебелью; *тяжелые*, неуклюжие скамьи, *оружие* около стен, *толпа* надзирателей и солдат – все это теснилось среди *мрака* и *грязи* [3. С. 50].

Образ *красных клешией* вместо *рук* у ключника, проводящего обыск, возможно, подчеркивает потерю человечности, ставшую обыденностью в этом неживом пространстве:

Я невольно отшатнулся, но он, даже не взглянув, упорно полез в голенища моих сапог и затем погрузил красные клеши свои в мои карманы – даже с большей развязностью, чем в свои собственные [3. С. 50].

Введение в ткань повествования образа Харона («Я взглянул на моего Харона: поза его была такая выжидающая и в то же время приглашающая, что я поспешил войти сюда» [3. С. 51]), проводника в загробном мире, во-первых, в очередной раз апеллирует к культурному капиталу читателя, во-вторых, позволяет усилить ощущение мертвенности, служит для нагнетания инфернальной составляющей описываемого пространства.

Нагнетание образов, связанных со смертью, продолжается и в описании комнаты арестованного:

А секретная становилась все темнее и темнее; стены ее как будто сжимались, как будто давили меня. «Проклятие! Да какая же это могила!» – шевельнулось в уме моем... [3. С. 53].

«Мертвый дом» угнетающе воздействует на попавшего в него героя всеми способами: визуальным рядом (слепые окна, темнота, мрак, грязь и т.д.), тактильными ощущениями (обскакивающие «клешны»), почти буквально отнимает возможность дышать:

Затхлый воздух камеры с непривычки душил меня; кроме того, он *отравлялся* постоянно соседними ретирадами, которые в провинциальных острогах содержатся *невообразимо грязно* и небрежно; иногда, *задыхаясь*, я с жадностью принимал к вентилятору (с верхковым отверстием, и то наполовину загороженным решеткою), чтобы дохнуть свежим воздухом, взглянуть на чистую краску неба. Через эту форточку я получал довольно – казенную порцию того и другого [3. С. 53–54].

Подробное описание внутреннего «убранства» острога, акцентирующее его мертвенность, с одной стороны, создает образ антимира, сосредоточения *неживого*, а с другой стороны, работает на раскрытие определения («*мертвый дом*», «дом *скорби*»), заимствованного из широко известного литературного источника.

Важное место в прозе Н.М. Ядринцева занимает психологизм: несколько страниц посвящены описанию переживаний арестованного, областник проследживает смену состояний, свойственных изображаемым людям:

В это время начинается самая *адская* пляска мыслей. Тут возникают самые загадочные идеи и предположения, перерастая одни других *чудовищностью*; *напуганная* фантазия строит *уродливые* и *страшные* картины; создаются самые неосуществимые планы, над которыми приходится смеяться на утро; приходят *нелепые*, но тем не менее самые решительные мысли, и все жжет мозг и заставляет *болезненно пугаться* сердце [3. С. 58].

Бред, галлюцинации, душевная борьба [3. С. 58–59] – вот что ждет человека, заключенного в одиночную (секретную) камеру. Именно из-за разобщения, отделения героя от каторжной общины, крайне своеобразной «семьи», он испытывает особенно острые муки.

С. Франк, сопоставляя книгу областника с «Записками из Мертвого дома», пишет следующее: «В противоположность Достоевскому Ядринцев понимает, однако, эту “острожную семью” как истинно интимную общность, как “острожную общину”, чувство

защищенности которой не отделяло заключенного от настоящего общества за пределами острога, но помогало забыть его, поскольку потеря его полностью компенсировалась²» [2. С. 409].

Для Ядринцева принципиально важно, что в центре его внимания оказывается не столько герой-повествователь, остро переживающий все невзгоды заключения, сколько *община*, некое сообщество. Обратим внимание на письма областника Г.Н. Потанину. Название труда претерпело изменения: 20 февраля 1871 г. речь идет о «Каторжной общине» («Моей “Каторжной общиной” восторгался, представьте, кто? Известный писатель и реалист Соколов, сотрудник “Русского Слова”» [1. С. 6]), 31 мая 1872 г. Ядринцев пишет уже об «Общине в тюрьме и ссылке» [1. С. 32]).

Почему же ключевым понятием для областника остается именно община? Ответ на этот вопрос можно найти в письме от 12 марта 1872 г.:

Итак, задача состоит в том, чтобы создать педагогически исправительную общину, к которой применить здравые основы социальной жизни, долженствующей воспитать в человеке лучшие чувства благожелания, общего интереса и любви к ближнему. О таком воспитательном влиянии социальной жизни я нашел подтверждение и в трактатах Спенсера. Какое громадное воспитательное значение на человека может иметь община, каково ее влияние и управление личностью, я сослался на опыты русской тюремной общины, на историю ассоциаций, на историю всего человечества. Обдумав практически формы, в каких должна выразиться подобная система, я пришел к тому, что создал новую исправительную систему. Вот к чему меня привело изучение только одного специального вопроса. [1. С. 32].

Горянчиков же, герой-повествователь Ф.М. Достоевского, страдает из-за невозможности уединиться, хоть на время избавиться от вынужденного общества: «Впоследствии я понял, что, кроме лишения свободы, кроме вынужденной работы, в каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнейшая, чем все другие. Это: *вынужденное общее сожительство* (курсив Ф.М. Достоевского. – Р.Г.)» [4. С. 22]. Впрочем, страдает он и от изоляции, невозможности полноценно примкнуть к каторжному обществу простолюдинов из дворянского происхождения: «Несмотря на то что те уже лишены всех своих прав состояния и вполне сравнены с остальными арестантами, – арестанты никогда не признают их своими товарищами» [4. С. 26].

Обобщим: несмотря на приведенный фрагмент, для Ядринцева острог – место объединения, уравнивания всех со всеми, формирования общины, для Достоевского же каторга – это пространство, истязающее именно отсутствием «интимности» как в значении изоляции, так и в значении принятия, единения.

Нельзя сказать, что Ядринцев всего лишь «дописывает» произведение Достоевского или только подражает ему. Областник весьма часто обращается к различным прецедентным текстам, осмысливая реальность в категориях культуры (поиск аналогий, отсылки и цитаты):

Известно, что люди в тюрьме, под влиянием страшных ожиданий, старели в одну ночь. Такова была участь Людовика Сфорца и Марии Антуанет-

ты; такова же, вероятно, была участь Франсуа Бонивара, бывшего в заточении в Шильоне у герцога Савойского, судьбу которого воспел Байрон. Начальные слова «Шильонского Узника» поэтому дышат глубокой правдой... [3. С. 60].

Однако наблюдавшиеся в проанализированных фрагментах черты поэтики Ядринцева – использование прецедентных текстов, нагнетание inferнальных образов, развернутый психологизм – далеко не единственные составляющие стиля областника.

Текст книги «Русская община в тюрьме и ссылке» неоднороден, говорить о его жанровой природе сложно. Здесь сталкиваются противоречащие друг другу элементы: художественный стиль сменяется научным (ссылки на реально существующие исследования [3. С. 63–66] и приведение статистических данных [3. С. 67, 69] используются писателем в качестве аргументов к его тезисам).

Что же перед нами? Если применить теорию полифонии М.М. Бахтина [24], в тексте можно усмотреть два голоса (говорить о них следует с известной оговоркой, так как эти два голоса не всегда разделяются в ходе повествования). Первый принадлежит герою-повествователю, автору дневника («Представив отрывок из дневника одного подследственного...» [3. С. 61]) – именно его обыскивали красные клешни, именно он пережил страдания в одиночной камере. Второй голос – повествователь-исследователь, приводящий статистический материал и описывающий обыденность, повседневную жизнь острога. Второй голос не только «перебивает» первого рассказчика, дополняя его впечатления культурными аллюзиями, но и поглощает в дальнейшем повествовании. Ядринцев-писатель скрывается сразу за двумя масками, разделяя свой жизненный опыт между двумя началами: первое – эмоциональное, остро переживающее заключение в острог, второе – объективное, эрудированное, позволяющее себе иронию, устремленное к анализу и описанию окружающей реальности. Обратим внимание: Ядринцев в письме к Потанину отмечает, что «Русскую общину в тюрьме и ссылке» он составлял из разрозненных статей:

Вы спрашиваете статьи, которые я писал, – их у меня нет, но скоро вы получите целую книгу: с февраля будет печататься собрание всего, что я писал о тюрьмах и ссылка с прибавлением иностранной ссылки, составленной даже по английским источникам. Несколько месяцев я потрудился над переработкой статей и над новыми и продал это книгопродавцу за 300 руб., задаток месяца 2 назад получен [1. С. 6].

Можно предположить, что содержание этих статей, преобразованных в главы, и будет «доверено» второму голосу. Возможно, использование двуголосого слова позволяет Ядринцеву примирить две противоречащие друг другу стороны его биографии: он остро переживал несправедливое заключение в острог (первый голос) и вместе с Потаниным был занят исследовательской деятельностью – разбирал областной архив, отыскивая «материал о ссыльных и бродягах для книги “Русская община в тюрьме и ссылке”» [20. С. 32], а затем продолжил осмысление пенитенциар-

ных систем, опираясь на зарубежный опыт (второй голос). Таким образом, можно говорить о попытке автобиографического романа – о попытке заключить собственный опыт в рамки художественного текста.

По той же логике можно отнести «Записки из Мертвого дома» к попытке (более успешной и более проработанной) автобиографического романа, жанровая природа этого произведения тоже не проста. Перед читателем тетради Горянчикова (один из голосов), попавшие к повествователю (еще один голос). В рукописи дворянина-каторжника предстанет еще множество голосов различных групп арестантов. Весь материал основывается на сибирском острожном опыте Ф.М. Достоевского.

Книги Ядринцева и Достоевского вписываются в сюжетное пространство русского романа, частично реконструированное Ю.М. Лотманом [25. С. 724–725]. Один из ключевых моментов, отмеченных исследователем, заключается в том, что текст Достоевского (добавим: и Ядринцева) представляет пространство сибирского острога «в реально-бытовом освещении», но разрывает связку «смерть – ад – воскресение». Ученый пишет: «...хотя в самом заглавии Сибирь приравнена к смерти, сюжет воскресения отсутствует» [25. С. 725]. Ядринцев вообще снимает проблему гибели души и ее воскресения, заменяя сложившуюся конструкцию грядущим расцветом Сибири [2. С. 416–417].

Обратимся к особенностям повествования. Беллетристические части в значительной мере тяготеют к традициям натуральной школы. Прежде всего, отметим очерковость, свойственную творческой манере Ядринцева и распространяющуюся далеко за пределы «Русской общины в тюрьме и ссылке» – областник обращался к жанру очерка часто («На чужой стороне» 1872 г., «Бойкий мужчина и сто тысяч несчастий» 1885 г. и др.).

Важные черты стиля Ядринцева можно увидеть в следующем фрагменте:

<...> достаточно было войти в наш старый острог в *обыкновенный* день, когда наш простодушный зритель покоился *сном невинности* после сытного обеда, когда надзиратели отлучались в соседние кабачки, солдаты *храпели* на нарах в кордегардии, а молодой их прапорщик *поглощал роман* со всем *запоем* юности [3. С. 76].

В текст проникает ирония, которой не было места в «мертвой» первой главе, «принадлежащей» первому, субъективному голосу; ироническое снижение происходит благодаря включению в текст следующих элементов разговорной речи: выражения «сном невинности», сниженной лексики («храпели» в значении «спали») etc. Кроме того, в повествовательной стратегии Ядринцева четко выделяется установка на типизацию: его интересует рутинное, характерное, типичное. Обратимся к фрагменту другой главы-очерка, посвященной шпионам и палачам:

Такие уроки доносчикам вошли в *обыкновение* ссыльного арестантства, как самого дружного. На каторге доносчикам жить еще опаснее, и бродяги

над своими шпионами учреждают суд в лесу, и *обыкновенно* вешают их, как и убийц своего брата [3. С. 139].

И при создании образов писателя интересует не индивидуальность, а тип:

Настоящих бродяг, поселенцев и каторжных можно узнать и по осанке, и по приемам. Ловко забросив арестантский армяк на одно плечо, в неизмеримо широких, бродяжеских штанах, ухарски заломив набекрень шапки, гордо прохаживаются они по острожному двору; лицо у них открытое и энергичное, усы молодецкато закручены (все они бриты; это особенность поселенцев); они едва достаивают взглядом остальных арестантов, а к крестьянам положительно относятся презрительно; брань их ядовита и отличается мастерскими вариациями; голос их самоуверен, глаза горят презрением и насмешкой, губы самонадеянно сжаты. На всем лежит у них печать силы и уверенности. Они – первые авторитеты в острожных делах, первые игроки и первые ловеласы. Гордо и весело рисуются теперь эти рыцари перед окнами женской половины; они выводят звучными тенорами разные забирабельные песни [3. С. 78].

Создаваемый Ядринцевым портрет весьма подробный, автор старается не упустить ни одной детали; текст явно строится по тем же принципам, что и физиологический очерк. В этом тоже можно заметить если не принципиальную установку на следование приемам Достоевского, то, по крайней мере, стилистическую близость анализируемых книг. Автор «Записок из Мертвого дома» тоже представляет читателю типы – например, тип нищего:

В нашей комнате, так же как и во всех других казармах острога, всегда бывали нищие, байгуши, проигравшиеся и пропившиеся или так просто, от природы, нищие. Я говорю «от природы» и особенно напирало на это выражение. Действительно, везде в народе нашем, при какой бы то ни было обстановке, при каких бы то ни было условиях, всегда есть и будут существовать некоторые странные личности, смиренные и нередко очень неленивые, но которым уж так судьбой предназначено на веки вечные оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда неряхи, они всегда смотрят какими-то забытыми и чем-то удрученными и вечно состоят у кого-нибудь на помывке, у кого-нибудь на посылках, обыкновенно у гуляк или у внезапно разбогатевших и возвысившихся. Всякий почин, всякая инициатива – для них горе и тягость. Они как будто и родились с тем условием, чтоб ничего не начинать самим и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудке; их назначение – исполнять одно чужое [4. С. 49].

Если раньше отмечалось использование прецедентных текстов для создания образов, то в дальнейшем повествовании областник расширяет набор своих приемов, обращаясь к другим формам искусства (не случайно арестанты у него расположились по двору именно «живописными группами» [3. С. 79]) для большей выразительности, точности описаний и характеристик:

Один из этих типов [русских гулящих и безработных людей. – Р.Г.] можно видеть на картине

Якоби «Привал арестантов» в лице парня, лежащего беззаботно с трубкой в зубах на сибирской дороге; он имеет вид скорее свободного колониста, чем ссыльного; его лицо лоснится жиром; ни малейшая забота о будущем не беспокоит его... [3. С. 78].

Портрета, даже такого наглядного, как картина, сибирскому писателю, очевидно, недостаточно. Ядринцев педантичен в создании образа: его герой должен и заговорить в своей особой манере, подмеченной писателем в «мертвом» доме. Установка на точность, детальность, достоверность заставляет областника, как и Достоевского, включать в свои работы слова и выражения из острожно-каторжного лексикона: «Ходят они все в казенной форме, ибо ничего своего не имеют, и, надеясь на матушку-казну, собственное платье они или “перегоняют на спирт”, или “пускают в фальку”» [3. С. 77], а также: «...он весь служит выражением арестантской поговорки “дальше солнца не ушлют, а Сибирь-то мы видали”» [3. С. 78]. Герои «Записок из Мертвого дома» тоже пересыпают свою речь каторжными мудростями: «Вам на срок, а нам вдоль по каторге» [4. С. 11] или «Не слушался отца и матери, а теперь послушайся барабанной шкуры» [4. С. 13], «Черт трое лаптей сносил, прежде чем нас собрал в одну кучу!» [4. С. 13].

В тексте «Русской общины в тюрьме и ссылке» можно найти и «цигарки» [3. С. 79], и «*фискала*» [3. С. 136], и «дело о доносе на майданщика, сделанном арестантом Микишкой» [3. С. 81], и более объемные наблюдения:

По соседству располагалась около какой-то квасной бочки группа игроков, окруженная любопытными и «прогоревшими» (проигравшимися долла) арестантами. Брань, звон меди, споры азартных игроков и термины подкаретной и едны постоянно оглашали это собрание. Какие-то «жиганы» (острожные игроки), подобрав ключи к новичку, т.е. плутовски завлекши в игру, обчищали его на все корки [3. С. 83].

Еще свободнее и красочнее арестантская речь звучит во время игры в лото:

– Горбач семерка! – зывал майданщик, вынимая седьмой номер. – Тройка удалая! – Туды-суды – 69! 25 – солдатская служба! 44 – бурятская арба! 22 – ангарские уточки! Бурятское чувырло – 4! Анфискино лакомство с расстрелом – 9! Мишкино яйцо, что на Пасхе носил, – 8! 5... верст, смотри, ребята: петухи поют; собаки лают, деревня близко [3. С. 84]!

Отметим, что в стремлении к точной передаче арестантской речи не прослеживаются научные, лингвистические устремления – преследуются исключительно художественные цели. Этнографические наблюдения и замечания Ядринцева – еще одна яркая черта его «научно-художественного» стиля, второго голоса.

Таким образом, Н.М. Ядринцев, изображая пространство острога, опирается на те же принципы, что и Ф.М. Достоевский: это и пристальное внимание к речи героев, к их портретам, и сочувственное отношение к каторжному, к «несчастному», и попытка осмыслить разнообразные судьбы арестантов как *типичные*, а их обладателей – как представителей како-

го-либо определенного *типа*. Однако областнику свойственно стремление к уточнению заимствованных образов или даже вступление в сотворческие отношения с прецедентным текстом.

Стоит отметить здесь и примечательную «точку отталкивания» от повествовательной стратегии Достоевского. Заостряя установку классика на точность и объективность и даже выводив названную интенцию за рамки художественности, Ядринцев представляет впечатление героя-повествователя ярко, эмоционально, А.П. Горянчиков же испытывает к окружающей его действительности сдержанное *любопытство*: «Все были в некотором волнении, и, признаюсь, я тоже ожидал появления знаменитого разбойника с крайним любопытством» [4. С. 46–47]. И далее: «Из любопытства я познакомился с ним ближе и целую неделю изучал его» [4. С. 47]. В обитателей своей казармы он вглядывается «с жадным любопытством» [4. С. 50]; вспомним, что оглядывать Алея повествователь тоже будет «с любопытством» [4. С. 52].

Вернемся к одному из основных вопросов: зачем Н.М. Ядринцев создает в некотором роде «кальку» «Записок из Мертвого дома», заостряет приемы, используемые Ф.М. Достоевским, или вступает в противоречие с современником?

Место Ядринцева – на периферии поля литературы. В существующем литературном пантеоне он к моменту издания книги «Русская община в тюрьме и ссылке» никакого места не занимает. Следовательно, обращение к творчеству Ф.М. Достоевского, переработка его образов позволяет легитимировать собственное место в поле литературы, включиться в литературную жизнь и транслировать областническую программу. В роли «союзника» фигура Достоевского, уже утвердившегося в поле литературы и успешного приобрести существенный символический капитал, оказывается очень выгодной для Ядринцева. Если объявить автора «Записок из Мертвого дома» «своим», то зарождающаяся областническая литература уже не кажется маргинальной, она приобретает «фундамент», приобретает традицию и может продолжить развитие.

Рассмотренный случай – лишь один из многих способов, к которым прибегал Н.М. Ядринцев, чтобы придать местной, только формирующейся областнической традиции легитимность. Автор «Записок из Мертвого дома» оказался близким областнику по гуманистическим позициям, по творческому методу, а также по элементам биографии, включение же фигуры Ф.М. Достоевского позволяло укрепить нарождающийся областнический канон.

Примечания

¹ Приведем оригинальный текст С. Франк: «Denn Sibirien erweist sich für Dostoevskij als Raum der Utopien – sei es der zukunftsorientierten militaristischen, zu denen das Häftlings-Sozium des *ostrog* eine Karikatur darstellt, sei es der nostalgisch konservativen –, und damit als Raum, in dem er seine Vergangenheit als Anhänger von Gesellschaftsutopien ein für alle mal zurücklassen will» [2. S. 416].

² Приведем оригинальный текст С. Франк: «Im Gegensatz zu Dostoevskij aber versteht Jadrincev diese „ostrog-Familie“ als echte intime Gemeinschaft, als „ostroznaja obščina“, deren Geborgenheit den Häftling nicht von der richtigen Gesellschaft außerhalb trennt, sondern diese vergessen lässt, da ihr Verlust vollkommen kompensiert wird...» [2. S. 409].

Список источников

1. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Вып. 1: (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). Красноярск, 1918.
2. Frank S. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 62 (2005). S. 401–418.
3. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (отв. ред.) и др.]. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972. Т. 4. Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И.Д. Якубович и др. 326 с.; факс., 1 л. ил.
5. Бурдьё П. Поле литературы // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. С. 365–472.
6. Анисимов К.В. Риторика раннего сибирского областничества: Франция как автоописательный концепт // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. Материалы междунар. научного семинара / под ред. Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой, А.Ф. Строева. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 106–117.
7. Блум Г. Западный канон. Книжки и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитонова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 672 с.
8. Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>
9. Дубин Б. Идея «классики» и ее социальные функции // Б. Дубин. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 9–42.
10. Дубин Б. К проблеме литературного канона в нынешней России // Б. Дубин. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре: сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 66–76.
11. Günther Hans. Прощание с советским каноном // Revue des études slaves. 2001. Т. 73, fascicule 4: La littérature soviétique aujourd'hui. P. 713–718.
12. Каспэ И. Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 452–489.
13. Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 6–18.
14. Гронас М. Безмянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 68–86.
15. Лану А. Формирование литературного канона русского романтизма // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 35–67.
16. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск: Сова, 2008. 270 с.
17. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004. 308 с.
18. Серебренников Н.В. Дело сибирских сепаратистов с точки зрения власть предержащих // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 4–8.
19. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
20. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 27–33.

21. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
22. Иникова С.А. Предисловие // Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. С. 5–44.
23. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / редкол.: М.Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг. Л.: Наука, 1981. 447 с.
24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 799 с.
25. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 712–729.

References

1. Yadrintsev, N.M. (1918) *Pis'ma Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva k G.N. Potaninu* [Letters from Nikolai Mikhailovich Yadrintsev to Grigory Nikolayevich Potanin]. Vol. 1. Krasnoyarsk: Sibirskie zapiski.
2. Frank, S. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19. Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 62. Leipzig: Biblion Media GmbH. pp. 401–418.
3. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
4. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: IRL USSR AS; Leningrad: Nauka.
5. Bourdieu, P. (2014) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and practices]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 365–472.
6. Anisimov, K.V. (2016) Ritorika rannego sibirskogo oblastnichestva: Frantsiya kak avtoopisatel'nyy kontsept [The rhetoric of the early Siberian regionalism: France as an autodescriptive concept]. In: Dmitrieva, E.E., Lebedeva, O.B. & Stroev, A.F. (eds) *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII–XX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri* [Siberian-French dialogue of the 17th–20th centuries and the literary development of Siberia]. Moscow: IWL RAS. pp. 106–117.
7. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsehkh vremen* [Western Canon. Books and school of all times]. Translated from English by D. Kharitonov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Yampol'skiy, M. (1998) Literaturnyy kanon i teoriya "sil'nogo" avtora [Literary canon and the theory of the "strong" author]. *Inostrannaya literatura*. 12. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp-pr.html>.
9. Dubin, B. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Next to: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–42.
10. Dubin, B. (2010) *Klassika, posle i ryadom: Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul'ture* [Classics, After and Next to: Sociological essays on literature and culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 66–76.
11. Günther, H. (2001) Proshchaniye s sovetskim kanonom [Farewell to the Soviet Canon]. *Revue des études slaves*. 4 (73). pp. 713–718.
12. Kaspe, I. (2009) Klassika kak kollektivnyy opyt: literatura i teleserialy [Classics as a collective experience: literature and television series]. In: Savel'yeva, I.M. & Poletayev, A.V. (eds) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classicists in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 452–489.
13. Gronas, M. (2001) Dissensus. Voyna za kanon v amerikanskoj akademii 80–90-kh godov [The War for the Canon in the American Academy in the 1980s–1990s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 6–18.
14. Gronas, M. (2001) Bezymyannoe uznavaemoe, ili kanon pod mikroskopom [Nameless recognizable, or the canon under the microscope]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 68–86.
15. Lanu, A. (2001) Formirovaniye literaturnogo kanona russkogo romantizma [Formation of the literary canon of Russian romanticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 51. pp. 35–67.
16. Shilovskiy, M.V. (2008) *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX – pervoy chetverti XX v.* [Siberian Regionalism in the Socio-Political Life of the Region in the Second Half of the 19th – the First Quarter of the 20th Centuries]. Novosibirsk: Sova
17. Serebrennikov, N.V. (2004) *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [Experience in the Formation of Regional Literature]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Serebrennikov, N.V. (2002) Delo sibirskikh separatistov s tochki zreniya vlast' prederzhashchikh [The case of the Siberian separatists from the point of view of those in power]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 4–8.
19. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
20. Yadrintsev, N.M. (2002) K moyey avtobiografii [To my autobiography]. In: Serebrennikov, N.V. (ed.) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case of the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 27–33.
21. Tyupa, V.I. (2002) Siberia mythology: to the question of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35. (In Russian).
22. Inikova, S.A. (2015) Predislovie. In: Yadrintsev, N.M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. pp. 5–44.
23. Nekrasov, N.A. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
24. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
25. Lotman, Yu.M. (1997) *O russkoy literature* [On Russian Literature]. Saint Petersburg: Iskustvo-SPb. pp. 712–729.

Информация об авторе:

Григоренко Р.А. – аспирант кафедры журналистики и литературоведения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.A. Grigorenko, postgraduate student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: roman13-grigorenko@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/481/4

Концепция музыки в раннем творчестве Б. Поплавского

Глеб Максимович Маматов¹

¹ *Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, zarra8@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается концепция музыки в раннем творчестве Б. Поплавского на материале его лирики и дневников первой половины 1920-х гг. Исследуются символика и мотивы ранних произведений поэта, определяется его творческая эволюция от миниатюр, испытавших существенное влияние футуризма, до самобытных стихотворений, выявляющих уникальную концепцию музыки монпарнасца.

Ключевые слова: Б. Поплавский, авангард, концепция музыки, лирика, дневники 1920-х гг., поэзия русского зарубежья

Для цитирования: Маматов Г.М. Концепция музыки в раннем творчестве Б. Поплавского // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 29–40. doi: 10.17223/15617793/481/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/4

Conception of music in Boris Poplavsky's early works

Gleb M. Mamatov¹

¹ *Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, zarra8@yandex.ru*

Abstract. The article explores the conception of music in Boris Poplavsky's early works of the late 1910s and first half of the 1920s. In his poems of 1919–1921, Poplavsky turns out to be very close to the avant-garde poetics, which is associated with the tradition of Russian and Italian futurism. In many miniatures, the poet uses typical techniques of futurists with a phonic structure of his verses (zaum, pun, phonic semantisation). These phonic devices create the specific music of his verses. Another aspect, in which the poet is close to futurists, is his conception of noise, which greatly repeats ideas of Luigi Roussolo (The Art of Noises). In the verses “Poem about Revolution” and “Hysteric of Hysteric,” the motif of noise is the central theme and connects with typical futurists motifs of theomachy, Apocalypse, creation of the New World. But traditions break in these verses by Poplavsky. The motif of noise does not have a positive connotation; it symbolizes a worldwide catastrophe and death of Beauty and Harmony. The most important difference from futurists is his views on the poet's figure. If in avant-garde a poet is a theurgist that has god's powers, Poplavsky sees him as a victim of his creativity and a madman. This conception of music art and creator continues in the poetry of the first half of the 1920s (“Sea Serpent,” “Murder of man,” “Musician Did Not Realize,” “Letter of a Doorman,” “Green Horror”). In these works, the poet preserves the features of the avant-garde poetics. He uses the motif of aggression and fight, but if predecessor poets perceived violence as an opportunity to conquer the transcendental sphere and a way to transform reality, Poplavsky uses these motifs to show his conception of art like a process painful and destructive for its creator and the world. Music is a great vital power, which can destroy the profane underworld and transform it. But the lyrical hero, represented by a pianist or a poet who creates this music, or tries to fight with music, or gives up and tries to escape, or does not understand music. A creator is a mediator, a bearer of Beauty. He can dive into the unknown world of art, but this immersion and music born from the abyss of the unconscious, bring him physical and spiritual suffering. The creation of art is shown to be fatal and mysterious. Further Poplavsky moves away from the avant-garde, preferring symbolist aesthetics. He works with a philosophical conception of the spirit of music, in which he keeps elements of the avant-garde poetics. An artist must die for this spirit, connect with it. This process is expressed in the poem “Green Horror,” in which a poet experiences states of sleep, illness, agony, death, and becomes a slave of music. Thus, in the early lyrics of Poplavsky, a special conception of music as a great power arising from spaces unknown to man begins to form, and the creation of a work of art turns out to be a mysterious and elusive process that is difficult to understand.

Keywords: Boris Poplavsky, avant-garde, conception of music, lyric, diaries of 1920s, poetry of Russian compatriots abroad

For citation: Mamatov, G.M. (2022) Conception of music in Boris Poplavsky's early works. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 29–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/4

Центральной темой в творчестве Б. Поплавского является музыка, что отмечали уже современники поэта. Г. Газданов писал: «У него могли быть плохие стихи, неудачные строчки, но неуловимую для других музыку он слышал всегда. <...> И никто не вернет нам ни одной ноты этой музыки, которую мы так любили и которая кончилась его предсмертным хрипением» [1. С. 743]. Г. Адамович отмечал, что его поэзия «имеет какой-то обволакивающий, анестезирующий привкус и оттенок, будто это нескончаемая колыбельная песнь. Отсюда ее навязчивая, одурманивающая музыкальность» [2. С. 13–14]. О музыкальности его лирики писали также Ю. Манделштам, А. Бём, А. Ладинский, В. Варшавский [2. С. 33–53, 65–68]. Исходя из размышлений современников, можно утверждать, что музыка – важнейшая тема для младоэмигранта. Эту мысль подтверждает и обращение к биографии поэта. Его отец, Юлиан Игнатъевич, был талантливым виолончелистом и учеником П. Чайковского в Московской консерватории, а мать, Софья Кохманская, играла на скрипке. Сам Поплавский в детстве учился музыке и всегда интересовался ей, о чем свидетельствуют его стихи, проза, дневники, написанные в разные периоды творчества. Неудивительно, что эта тема привлекала внимание многих литературоведов. Существует ряд работ, посвященных соотношению музыки и живописи [3. Р. 311], музыкальной мифологии [4. С. 11–18; 5. С. 92–129], «философии музыки» [6. С. 108–120], символике [7. С. 17–18, 29; 8. С. 60, 65, 70; 9. С. 104–115; 10. С. 216–223; 11. С. 178–183], роли мелодики и ритма, музыкальности стихотворной формы [12. С. 372–403; 13. С. 80–87; 14. С. 53–69; 15. С. 41–46] в лирике Поплавского. В большинстве этих трудов в качестве материала были выбраны произведения 1930-х гг. из книг «Флаги», «Снежный час», цикла «Над солнечной музыкой воды». Меньше работ посвящено его ранней поэзии, потому особый интерес представляет концепция музыки в лирике конца 1910-х и первой половины 1920-х гг. В связи с этим материалом предлагаемой статьи стала поэзия из книг «Дадафония: неизвестные стихотворения 1924–1927», «Орфей в аду» (поэзия 1919–1925 гг.) и произведения, впервые опубликованные в полном собрании сочинений в 2009 г.

Д. Токарев, исследуя раннюю лирику Поплавского, писал, что она представляет «интерес лишь с точки зрения его поэтической эволюции. В это время он и не может писать иначе: динамика исторических событий определяет стихотворную форму, и наиболее подходящей ему естественным образом представляется форма футуристическая» [6. С. 58]. Данная мысль очень точно выражает увлечения молодого поэта, который в письме Ю. Иvasку позиционировал себя как начинавшего футуриста: «Долгое время был резким футуристом и нигде не печатался» [16. С. 242]. Важно учитывать и замечание А. Чагина о главных эмигрантских литературных группах, близких по эстетике французскому и русскому авангарду: «Пристального внимания заслуживает тот, далеко не случайный факт, что первые литературно-художественные <...> объединения, возникшие в Париже в начале 1920-х гг. –

“Палата поэтов”, “Татарпак”, “Через” и были ориентированы, прежде всего, на опыт русского и европейского авангарда. В дальнейшем преобладание традиционализма в поэзии русского Парижа стало очевиднее, проявляясь и на организационном уровне, и все же в творчестве целого ряда поэтов – <...> (таких как Б. Поплавский, И. Зданевич, С. Шаршун и др.) опыт русского авангарда неизменно присутствовал и во второй половине 1920-х, и в 1930-е» [5. С. 88]. Л. Ливак, по сути, совпадает с этой мыслью, когда пишет, что указанные объединения «были вдохновлены футуризмом, конструктивизмом и французским дада, который включал многих будущих сюрреалистов». [17. Р. 89]. Важно и то, что наставником Поплавского был авангардист Илья Зданевич, а также тот факт, что в 1926–1927 гг. он готовил к печати авангардные сборники «Дирижабль неизвестного направления» и «Граммофон на Северном Полюсе».

Увлечение поэта авангардом началось еще до отъезда из России. В конце 1910-х гг. Поплавский жил на Юге России, где общался с авангардистами, выступал в Чеховском кружке с произведением «Герберту Уэллсу», напечатанном в «Радиоальманахе» в Симферополе. В это время он читал философские и художественные произведения футуристов [18]¹ и «зареккомендовал себя как «один из хулиганов в окружении Маяковского», в дальнейшем он часто бывал у поэта, с которым встречался в Париже и Берлине в 1922 г. [18]. М. Слоним писал: «учился Поплавский не у символистов, а у Хлебникова, Пастернака и всей молодой школы русской поэзии» [19. С. 110]. Об авангардном влиянии также свидетельствует интерес Поплавского живописца к кубизму и супрематизму: «В академию. Рисовал кубистические рисунки» [20. С. 219]. «Пошел в академию. Видел свою обезьяну, никакого действия, делал кубизм». «Утром пил настоящий кофе, кубизм, гуашь» [20. С. 223]. «Встал рано, закрыл накрест фон темперы, перекрыл старый кубизм» [20. С. 223], «кубистическое движение цвета» (о картине Пикассо), «Барту присылает ватрушки, пишу супрематическую композицию маслом “Сферы и ангелы”» [20. С. 135]. Итак, можно уверенно утверждать, что в конце 1910-х, в начале 1920-х гг. поэт изучал эстетику и искусство авангарда, писал стихи и картины в стилистике этого течения, а образцами для него были творения Маяковского, Хлебникова, Кручёных, Пикассо и Малевича.

Однако для нашей статьи важным вопросом является место музыки в авангарде. Представители этого направления «давали повод» к рецепции своего искусства как «не-музыкального», связанного с визуальными искусствами. В «Очерках о Париже» В. Маяковский писал: «Между мной и музыкой древние контры. Бурлюк и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в “Благородном собрании” и бежали после “Острова мертвых”, негодуя на всю классическую мертвечину» [21. С. 228]. Другие представители футуризма писали статьи, посвященные живописи («Кубизм» Н. Бурлюка и В. Хлебникова [22. С. 102]), «От кубизма и футуризма к супрематизму. Новый живописный реализм»

К. Малевича [22. С. 82]). Несмотря на это, музыка играет важную роль в авангарде, что доказывают манифесты Ф. Прателла, Л. Руссоло, Ф. Мариннети, А. Лурье, А. Туфанова. Первой теоретической работой в этой области стал «Манифест музыкантов-футуристов» Ф. Прателлы, где он призывал к отказу от канонов академической музыки ради подражания природе и устремленности в будущее [23. Р. 20–22]. В дальнейшем эти идеи развил в трактате «L'Arte del suono» композитор-футурист и изобретатель шумомашины Л. Руссоло.

В русском авангарде музыка воспринималась, в первую очередь, как возможность создать язык будущего, что теоретически изложил А. Туфанов в трактате «К зауми...». По Туфанову, основа человеческого языка – звуки природы: «"Звук" речи сам по себе есть движение кинем и акусм, с параллельным их движением акустического ощущения: он также близок к природе, как музыкальный звук» [24. С. 9]. Туфанов дает свою семантическую классификацию согласных звуков, благодаря которой возможно создание языка будущего: «Человечеству отныне открывается путь к созданию особого птичьего пенья при членораздельных звуках. Из фонем, красок, линий, тонов, шумов и движений мы создадим музыку, непонятную в смысле пространственных восприятий, но богатую миром ощущений» [24. С. 26]. Новый язык, основывающийся на фонической музыке, как пишет Е. Тырышкина, – инструмент для моделирования Трансцендентного: «А. Туфанов сначала изучал материал, состоящий из 1 200 фонем и экспериментировал со звучанием, а затем – создал новую фоническую систему, на базе которой создавалась «фоническая музыка» как некий инструментарий по моделированию Т(рансцендентного). <...> Мир по Туфанову – это звучание-движение-изменение. Авторское сознание и тело – это инструмент, с помощью которого можно вырвать тайну у материи» [25. С. 68–69].

Музыка – дионисийское движение мира, она символизирует его постоянную метаморфозу. Поэтому она имеет значение у других футуристов. Т. Казарина выделяет близость к музыке у Хлебникова: «Его словами должны были служить звукосочетания, в которых каждый звук обладал определенным значением. <...> У Хлебникова смысловые единицы связывались со звуком и тоном. Такой язык должен был напоминать музыку <...>. В конечном счете, язык Хлебникова – это не словарь и не грамматика, – это принцип сцепления, объединения разных планов бытия, – таких, которые без этого остались бы в полном неведении относительно друг друга» [26. С. 135]. В этом контексте важна мысль Л. Гервер о самовитом слове футуристов, чья форма обладает звуковой и смысловой значимостью: «самовитое слово наделено невиданной творческой энергией, слово – и источник, и объект действия, и мир, в котором это действие происходит» [27].

Это утверждение выражает еще один смысл музыки в авангарде: музыка формирует вечное движение мира, выражает его динамику и «энергийное становление», а источник запредельного – материя, находя-

щаяся в потоке постоянных превращений. Место трансцендентного в авангарде занимает «энергия самой материи, проявляющаяся <...> в динамических моментах внешнего мира (изменения, разрушения, движения)» [25. С. 61–62], а формой вечно движущейся материи является «язык, рассматриваемый авангардистами также как источник «чудесного и неведомого»» [25. С. 62]. В авангарде музыка знаменует освобождение языка от гнета грамматики и лексики, моделирует Трансцендентное и генерирует инобытие ради трансформации мира, находящегося в постоянном движении и вечном становлении («Песнь Мирязя» В. Хлебникова, опера «Победа над солнцем», заумный цикл «Помада» А. Кручёных, произведения В. Маяковского («Скрипка и немножко нервно», «Кое-что по поводу дирижера», «Флейта-позвоночник», «А вы могли бы?»)). Энергия «внешнего мира становится источником Т. Здесь предмет изображения и источник инспирации практически совпадают, так как именно Т. – поле эстетического освоения авангарда» [25. С. 63]. Об этом писали и сами футуристы: «В заумных словах, освобожденных от груза смысла, наибольшая сила и самостоятельность звука, крайняя легкость <...> и крайняя тяжесть <...>. Чередование обычного и заумного языка самая неожиданная композиция и фактура (наслоение и раздробление звуков) – оркестровая поэзия, все сочетающая» [28. С. 34].

В этот контекст вписываются мысли Поплавского, видевшего язык как динамичное явление: «...достигается, создается не произведение, а поэтический документ – ощущение живой, не поддающейся в руки ткани лирического опыта. Здесь имеет место не статическая тема, а динамическое состояние (не аполлоническое, а дионисическое начало), и потому отображение превращается и изменяется, как живая ткань времени» [16. С. 251]. Лирика в своем движении аналогична течению времени; когда поэт говорит о поэтическом документе, он имеет в виду не дневниковую роль поэзии, а ее способность покорять бесконечное становление мироздания: «В таком стихотворении все свободно превращается "во все"; построено такое стихотворение бывает не наподобие твердых тел, например статуи, а скорее наподобие разноцветных жидкостей. И так как и сами мистические знаки ни о чем в точности не повествуют, а само магическое становление не прерывает в нем свой поступательный ход, полет или танец, то в нем "все" как бы продолжает свободно возникать из "ничего"» [16. С. 251].

С авангардом поэта роднит понимание жизни и творчества как вечного становления, не поддающегося эмпирическому осмыслению. Для футуристов это *regretium mobile*, связанное с философией Гераклита: «Для всей европейской мысли гераклитовский тип онтологии становится предпочтительнее элеатской. Однако для искусства авангарда динамика мировых изменений не просто исходный пункт размышлений о мире, но нечто куда менее умозрительное, резервуар мировой творческой энергии, а потому – постоянный объект творчества» [26. С. 10]. Мысль Поплавского близка этой концепции, но у него подразумевается связь движения творческой мысли с духовной жизнью

поэта: «Творящий, творящее не знало в точности, что творится и сотворится (оно не теологически действовало); такой стихотворец, как во сне или в припадке, бросается в свое стихотворение; в таком случае неведомо, что выйдет; и часто в произведении, в конце, получается неизмеримо больше, чем было в начале, в производившем; и только тогда стихотворение есть откровение, и поэзия больше стихотворца» [16. С. 252]. Поэт не контролирует процесс созидания, он – не теург, а творчество – не акт теургии. Поэт – орудие неведомых сил, которые создают через него произведение, вводя его в состояние вдохновения. Исходя из теоретических замечаний, можно говорить, что музыка в авангарде имеет следующие функции:

- 1) создание языка будущего, его превращение в звуковой поток, лишенный смысловой связности;
- 2) моделирование трансцендентного и генерация инобытия ради трансформации окружающего мира;
- 3) выражение динамического дионисийского начала сущего, подвижности и вечного становления.

Указанные принципы авангарда применимы и к раннему творчеству Поплавского, что уже отмечалось Д. Токаревым, А. Чагиным и Н. Мильковичем [6. С. 63; 5. С. 124; 29. С. 139]. Важна мысль Д. Токарева о том, что в ранней лирике поэт «основное значение придает, пользуясь терминологией Кручёных, «фактуре» смысловой и «фактуре» синтаксической» [6. С. 63]. Данная идея доказывается многочисленными экспериментальными миниатюрами, в которых Поплавский использует такие типичные для русских футуристов приемы, как смысловая онамотопея («Орфей в Аду»), окказионализмы («Сольфеджио»), каламбуры и заумь.

На основе классификации Дж. Янечека [30. С. 5] мы выявляем у поэта примеры морфологической («Панопликас усонатэо земба», «Постурумола пасгота анэ»), синтаксической и суперсинтаксической зауми («Убивец бивень нечасовый бой», «О жупел мужа жалости лишай»). В данном контексте выделяется поэма «Мрактат о гуне», строящаяся на чередовании заумных предложений, окказионализмов и каламбуров [31. С. 54]. В этих стихотворениях, многие из которых имеют музыкальные названия («Сольфеджио», «Музыканты значит музе канты», «Из еврейских мелодий», «Le chant d'Albinos») поэт создает музыкальность на внутренних уровнях текста: на фоническом или ритмическом. Изогранные фонические приемы помогают достигнуть особого, чаще, диссонансного звучания: «Саосанчан буяк багун-чубук / Букашка кашка детская покажь-ка? / Оубубу бубубны пики шашка / Хутеряк китайское табу» [31. С. 66].

Особый интерес представляют «Поэма о Революции. Кубосимволистический солнцень» (1919–1920) и «Истерика истерик. Опыт кубоимажонистической росписи футуристического штандарта» (1919–1920). В этих поэмах центральным мотивом является шум, характерный мотив в футуризме. Поплавский близок Л. Руссоло, согласно которому, шум – плотный, густой, громкий звук, являющийся звуковым символом индустриальной цивилизации: «Не только в ревующей атмосфере мегаполисов, но и в сельской местности,

которая еще вчера была абсолютно беззвучна, машины сегодня создали такое разнообразие и многообразие шумов, что чистый звук, с его незначительностью и монотонностью, больше не вызывает никаких чувств» [32]. Шум – звуковой символ современности, противопоставленный окостеневшему прошлому с его гармоничной музыкой, потому звуки города изысканней симфоний Бетховена: «...мы пресыщены и находим больше удовольствия в сочетании звуков трамваев, карбюраторных моторов, экипажей и шумной толпы, чем на репетиции, например, “Героической” или “Пасторальной”» [32]. Традиционной инструментальной музыке необходим шум, в котором соединены громкие звуки природы (водопад, землетрясение, лавина, ураган, шторм, гром) и цивилизации (звуки воды в трубах и канализации, шум механизмов, фабрик и заводов, грохот колес) [32].

В «Поэме о революции» шум обретает плоть, становясь основой для создания нового мира и святых. Современный город (в поэме упомянут Лондон) существует в вечном топоте: «Сегодня знаете, из зари молотом / Архангелов куют из топота <...> А ночью Мы мечом из копоты / Архангелов куем из топота» [31. С. 21]. Можно допустить сходство с идеей Руссоло о шуме как явлении, созидающем бытие: «Всякое проявление нашей жизни сопровождается шумами. Поэтому шум знаком для нашего уха и даже имеет силу творить жизнь сам по себе» [32]. У Поплавского он связывается с рождением, созиданием нового мира и гибелью старого, что восходит к важному для футуристов мотиву богоборчества и сентенции «Бог умер!» из «Заратустры». В смертельном шуме пишется новая страница истории: «В барабанной дробы расстрелов / Начнем новый завет» [31. С. 22]. Революция должна остаться эхом, чей зов не затеряется во времени и пространстве: «Куйте завтра веселее / ту революцию / Которая не будет потеряннм зовом в тумане / Столетий» [31. С. 22]. Шум озвучивает триумф будущего. Новый этап мировой истории озвучен ударом в гонг солнечного диска, что знаменует преобразование вселенной. Кроме гонга, упомянуты барабанная дробь выстрелов, звучащая в битве богов и людей, что отсылает к опере «Победа над солнцем»: «Солнце железного века умерло! Пушки сломаны пали и шины гнутся как воск перед взорами!» [33. С. 15].

В прозаической поэме «Истерика истерик», где в качестве эпиграфов взяты строки из «Заратустры» Ф. Ницше, стихотворений Крученых и самого Поплавского, мотив шума также имеет принципиальное значение и связан с урбанистическими мотивами. Основная звуковая мотивика поэмы – какофония машин. Создается особый образ человека-мира, чье тело – огромный город, что восходит к авангарду. Т. Казарина пишет, что в футуризме тело – носитель энергии бытийного становления, потому оно видится как творческий объект [26. С. 21]. На это указывает и Е.В. Тырышкина: «Словесная форма “спаяна” с телесностью автора, ибо его телесность – это и звучащая материя. Здесь на уровне субъекта совмещены источник инспирации, материал, форма и явленный миру динамичный идеал» [25. С. 72].

Сверхгерой поэмы – это «некто» с «коваными рельсами нервов на шпалах прессованных сердец к колонизированному ангелами солнцу». Гармония заглушается звуками оружия: «Семнадцать астрономических нулей поставила оглошшая от выстрелов певица». Поэт создает мотив всемирного шума благодаря барочной метафоризации, нанизывая образы из разных сфер бытия в грандиозную метафору («визгливо урчащие галереи сводчатым дымом и туманом с ватной прослойкой истерик в крикливом воздухе»). Он использует неологизмы-эпитеты, характерные в футуризме (солнцегремящий, громоносный), оксюмороны (сумасшедший и прессованный грохот, «чугунная мелодия ночного дрожания») для описания шума, который обретает плоть: «Никелированные громы», «под револьверным глазом чугунной отрыжки стоптанной за день души», «чугунные краны математических лязгов». Этот железный или металлический шум пронизывает своей какофонией все тело-мир лирического субъекта. В финале поэмы становится явно, что футуристические клише – пародия. Герой, будучи изначально мессией будущего, предстает как «ломкая мензурка» «с квинтессированным космосом». Это оспаривает мнение Л. Сыроватко: «“Ячество” футуристов Поплавскому не было свойственно никогда <...> текст Поплавского с лирическим героем – “наблюдателем извне”» [34. С. 57].

Герой поэмы – не наблюдатель извне, а перевернутый Творец футуризма, чье величие – иллюзия: «Взору гаубичной мелодией лопающихся нервов донную мину своего извечного сумасшествия». Отвергается божественность поэта, представленного в футуризме Председателем Земного Шара, Сверхчеловеком. В поэме это сумасшедший, чей мир – не создание его плоти, а плод безумия. Важно и отрицание позитивной и витальной силы «искусства шумов», которое не несет спасения.

В стихотворениях, написанных в конце 1910-х и начале 1920-х гг., Поплавский экспериментирует с типичными чертами поэзии футуризма. Это прослеживается в тех текстах, где используются заумь, ономастопея, каламбуры. Особый интерес представляют «Поэма о Революции» и «Истерика истерик», где поэт обращается к различным приемам, характерным для футуристов (сложные метафоры, звукопись, неологизмы, богоборчество, солнцеборчество, урбанизм). Главным мотивом в поэмах является шум, что близко идеям итальянского футуризма. Но если в авангарде шум имел созидательное начало, то у монпарнасца он имеет противоположный смысл. Пронизывая все крушащееся мироздание, шум связан с катастрофой. В «Истерики истерик» грохот, уничтожающий музыку, озвучивает гибель лирического героя, изначально представленного как теург, но в финале оказывающегося безумцем. У поэта нивелируется образ творца, воздействующего на Вселенную. Творчество оборачивается для героя потерей рассудка.

Эти идеи продолжают свое развитие в поэзии 1925–1927 гг., где возникает мотив музыки-агрессии, важный для футуристов, у которых способом выражения динамики является насилие, представлявшееся воз-

можностью пересоздания реальности. И. Смирнов писал: «Даже при самом беглом взгляде на эстетическую практику зарождающегося авангарда, нельзя не заметить, что она далеко превосходит литературу любой из предшествующих эпох по склонности к оправданию насилия, принуждения, жестокости, разрушительности» [35. С. 182]. Это «оправдание жестокости» связано с автором, его главенством над миром в авангарде: «...футуризм готов был пожертвовать всем миром и бытием ради торжества художника» [35. С. 182]. Триумф Творца возможен при победе над сущим, потому в творческом акте авангардная эстетика подчеркивала, <...> агрессивную направленность» [35. С. 184]. Эта мысль И. Смирнова доказывается обращением к манифестам итальянских и русских футуристов. Ф. Маринетти видел в насилии главную черту нового искусства, которое «не может быть ничем иным, кроме как насилием, жестокостью и несправедливостью» [36. С. 25]. Основным методом в искусстве – борьба [36. С. 6]. Маринетти воспевае природное, первобытное начало мироздания, выраженное в агрессии: «Никакое произведение, лишенное агрессивного характера, не может быть шедевром. Поэзию надо рассматривать как яростную атаку против неведомых сил, чтобы покорить их и заставить склониться перед человеком» [36. С. 27]. Благодаря насилию творец способен покорить своей воли неведомое.

В русском авангарде агрессия также воспринимается как способ преображения. Насилие, связанное со смертью, соотносится с постоянным движением мира, циклом гибели/перерождения: «...общее понимание этой эстетики (авангарда) предполагает, что такое искусство, для которого, прежде всего, прекрасна динамика мира, где все вещи и формы, в том числе и социально-культурные, находятся в непрерывном движении и изменении, когда одна форма не остается самой собой и когда все это не просто течет и изменяется, но катастрофически гибнет и возникает вновь» [37. С. 128]. Неудивительно, что для футуристов высшим проявлением жизнотворчества является война: «Война для футуристов – это мощная антиэнтропийная сила, высшее проявление “жизненного прорыва”» [38. С. 52]. Для авангардистов агрессия воспринимается с бравадой: «Кто вы? / Мы/ разносчики новой веры, / красоте задающей железный тон. / Чтоб природами хилыми не сквернили скверы, / в небеса шарахаем железобетон. / Победители, / шествуем по свету / сквозь рев стариков злочий» [39. С. 30].

Насилие имеет витальное начало и несет чаемое авангардистами обновление мироздания. В некоторых стихотворениях Поплавского музыка тоже может быть оружием, убивающим богов, что соотносится с тезисом Маринетти о победе над потусторонним («Золотая луна всплыла на пруде»). Но в большинстве случаев творческий акт у него, хотя и связан с насилием, он соотносится со страданием лирического героя, его обреченностью быть творцом, мотив искусства контаминирован с мотивом битвы, сражения. Если для авангардистов с помощью борьбы можно постичь неведомые миры, то для него – это стремление запечатлеть невыразимое, что связывается не с могуществом поэта и искусства, а с

сущностью творчества, которое у поэта представлено как болезненный процесс, несущий мучения и смерть своему создателю.

В поэзии второй половины 1920-х гг. тема гибельной музыки связана с мотивом созидания, что эксплицируется в миниатюрах «Морской змей» (1925), «Человекоубийство» (1926), «Музыкант нипанимал» (1926), «Письмо швейцара» (1926) и «Зелёный ужас» (1927). Эти произведения объединены сходствами в мотивно-символической структуре и общим размером, пятистопным ямбом, что позволяет выделить их как цикл.

В стихотворении «Морской змей» происходит уплощение музыки и развоплощение слушателей и музыкантов. Пространство, где разворачивается лирический сюжет – город скелетов, полностью состоящий из костей и черепов: «Скелеты лошадей бегут на скачках, / На них скелетыши жокеев чуть сидят. / Скелеты кораблей уходят в качку, / Скелеты туч влачатся к нам назад» [40. С. 98]. Одновременно лирический субъект лишается телесности: «Болтаются ботинки на костяшках. / В рубашку ветер шаст навеселе. / Летит монокля на земле стекляшка. / Я к зеркалу бросаюсь: я – скелет!» [40. С. 98]. В этих стихах очевидны аллюзии на гоголевский «Нос», но в отличие от «Петербургской повести» в стихотворении плоти лишен герой и весь мир, представленный загробным царством, которому противопоставлена музыка: «Охо! оркестр! Закажите танец! / Мы водкою заполним контрабас. / Но лук смычка перетянул испанец, / Звук соскочил и в грудь его – бабац!» [40. С. 99]. Кошунственный заказ посетителей ресторана становится причиной агрессивного ответа со стороны музыки. Насилие совершают не музыканты, а их инструменты, представленные как оружие. Можно допустить, что здесь возникает типичный для авангарда мотив бунта вещей. Т. Казарина пишет, что у Маяковского музыкальные инструменты – соратники лирического субъекта [41. С. 177]. В «Морском змее» бунт музыки против мира смерти знаменует борьбу витального начала искусства с мертвой действительностью. Звуки контрабаса летят в грудь посетителя: «И вдруг из развороченной манишки / Ползели мухи, раки и коты, / Ослы, чиновники в зеленых шишках / И легионы адской мелкоты» [40. С. 99]. Кроме бестиальных образов, возникают чиновники (аллюзия к «Носу») и «легионы адской мелкоты». Это противопоставлено типичному в культуре пониманию музыки как возвышенного искусства. Динамика нарастает в дальнейших строфах, где музыканты не способны справиться с буйством нот, лишаются плоти и сбегают: «Скелеты музыкантов на карачки». Музыка – неконтролируемое явление, воплощенное в звериных образах: «Был полон воздух муравьями звуков», «**Мажорные** клопы кусали ноги / **Сороконожки** нам влезали в рот / **Минорные** хватали осьминоги / **Нас** за лицо, за пах и за живот» [40. С. 99]. Звуки-звери причиняют боль слушателям-скелетам, наказывая за пренебрежение к искусству, они – обладатели телесной оболочки и жизни. Музыка заставляет посетителей задыхаться («От них нам было душно и темно»). Энергичное движение

звуков инструментально многочисленными аллитерациями на сонорные и шумные «р», «м», «н», «с», «з», «ж» и «ш» создающие резкое звучание, требующее напряжения при звукоизвлечении, эти согласные выделены в приведенной строфе полужирным шрифтом. Дикое движение нот можно видеть как восприятие быстрой мелодии (staccato, форшлаги). Музыка трансформируется в водную стихию: «И только те что дети Марафона / Как я, махая в воздухе пятой, / Старались выплыть из воды симфоний, / Покинуть музыкальный кипятик. / Но скрипки, как акулы нас кусали, / Толкались контрабасы, как киты, / Нас били трубы, медные щиты, / Кларнеты в спину на лету вонзались» [40. С. 100]. Мир скелетов превращается в подводное царство, а инструменты становятся морскими хищниками. Традиционно, музыка воспринимается в поэзии как пучина, создающая красоту и гармонию («Музыка» Я. Полонского, сонет «Музыка», цикл «Лунная соната» К. Бальмонта, «Silentium» О. Мандельштама).

В «Морском змее» традиция претерпевает изменения. Музыка симфоний – кипятик, что символизирует апофеоз, крайнюю степень эмоционального напряжения, в котором мир скелетов полностью изменяется, становясь горячим океаном, чья музыка-вода обжигает, приносит боль, а инструменты оказываются морскими хищниками. Это превращение в водную стихию обуславливает финал, где появляется главный образ стихотворения: «И как, блестя над корчами воды, / Вдруг вылетала женщина иль рыба / И вновь валились в длинные ряды / Колец змеи, бушующей игриво» [40. С. 100]. Главное воплощение музыки – фантастический морской змей, прекрасное, но устрашающее своей силой чудовище. В отличие от мифологии, где вышедшие из ада морские змеи и драконы уничтожают корабли и моряков (Левифан, Басоеки). Змей-музыка парадоксально наделен жизнотворческой энергией, он побеждает мертвенность мира, преодолевая его окостенелость.

Обратимся к концепции Н. Сироткина. Сравнивая «Морского змея» с миниатюрой Маяковского «Кое-что по поводу дирижера», исследователь отмечает: «Музыка как мир знаков, врывающийся в действительность, сливающийся с нею и теряющий свой знаковый характер, этому различию противостоит: под воздействием обретших плоть звуков целостность замкнутого внутреннего нарушается, внутреннее становится внешним, стремится вовне; поглощение уступает место вычленению, порождению» [42]. Несмотря на ряд точных мыслей, мы не можем согласиться с этим мнением в полной мере. В «Морском змее» мир, куда вторгается музыкальная стихия, изначально мертв, потому музыка – стихия, пробивающаяся через его гибельность. Е.В. Тырышкина делает вывод: «Для тех, кто мертв, – музыкальная стихия, стихия иных миров, невыносима <...> музыкальные инструменты, ноты, звуки превращаются в некую материальную силу, способную физически активно воздействовать на мир» [10. С. 217]. Тема музыки сближает «Морского змея» и с поэмой «Флейта-позвоночник». Череп поэта – чаша, наполненная вином стихов: «как чашу вина в застольной здравнице, / подъемлю стихами наполнен-

ный череп» [43. С. 199], его тело – костяная флейта: «Я сегодня буду играть на флейте. / На собственном позвоночнике» [43. С. 199]. В поэме развеществляется, превращаясь в музыкальный инструмент, сам поэт. Ч. Чжиин пишет: «метафора игры “на собственном позвоночнике” всецелесный – сконцентрированный одновременно во всех окружающих предметах, поэт видит свою телесную оболочку как предмет, причем музыкальный» [44. С. 79–80]². Музыка, развеществляющая творца, дает ему возможность рефлексии над жизнью и окружающим бытием, что противопоставлено основной идее «Морского змея», где наделенная плотью музыка – жизнеутверждающее начало, противопоставленное окружающему миру. Важны и переклички «Морского змея» с «Балом повешенных» А. Рембо. О значимости этого стихотворения в поэзии Поплавского писала Р. Компарелли [8. С. 149]. У Рембо живописуется бал скелетов в аду, где «Взбешенный Вельзевул на скрипках струны рвет». Смерть танцует вместе с мертвецами под музыку виселицы-органа: «Здесь пляшет смерть сама... И вот среди разгула / Подпрыгнул к небесам взбесившийся скелет: / Порывом вихревым его с подмостков сдуло, / Но не избавился он от веревки, нет!» [45. С. 25]. Как герой Поплавского, скелет у Рембо пытается вырваться из ада, но его попытка завершается неудачей.

В стихотворении «Человекоубийство» лирический герой находится на грани жизни и смерти: «Твой взгляд как пуля спящая в стволе / Не двигался; ни на слово, ни с места» [40. С. 50]. Это состояние обуславливает агрессию героя, ударившего по роялю, что оборачивается превращением звуков в разных существ:

Летят цветы за счастье, за доску,
И из жерла клавирного, из печи,
Прочь вырываются, прокляв тоску,
Отрубленные головы овечьи.

Выпрыгивают ноги в добрый час,
Выскальзывают раки и клешнёю
Хватают за нос палача врача,
Рвут волосы гребёнкой жестяною» [40. С. 50].

Игра пианиста сравнивается с врачеванием, она несет духовное исцеление и, в то же время, болезненна и губительна, что подчеркивается внутренней рифмой «палача-врача». Музыка имеет амбивалентную природу, она созидает и разрушает одновременно:

Но вдруг рояль не выдержал, не смог,
Подпрыгнул и слоновыми ногами
Ударил чтицу, животом налег,
Смог, наконец, разделаться с врагами.

И грызть зубами бросился дугой,
Взлетела челюсть, и клавиатура
Вошла в хребет с гармонией такой,
Что содрогнулась вся архитектура [40. С. 51].

Осмысление игры пианиста как акта насилия можно увидеть в миниатюре «Музыкант нипанимал» (полный анализ этого стихотворения см. [46. С. 41–

53]), где рояль – медиатор на границе реального и ирреального миров; это чудовище, в чьих клавишах-зубах и внутренностях «духи звука» обретают жизнь: «И медленно валились без изъяна / В оскаленные челюсти рояля. / В золотых зубах жевались на убой» [40. С. 26]. Первоначально «духи звука» подобны пойманым в ловушку беззащитным существам («жались, затравленные в угол»). Происходит их переход из протомузыкальной тьмы в мир, где им предстоит гибель-перерождение в чреве клавира. Зимние образы – приметы земного мира с его холодностью и статичностью, противопоставленного живой силе искусства: «Они чихали от шикарной стужи / Валящей в белый холодильник рта», «Они кидались, точно обезьяны. / Застигнутые пламенами снега, / Залитые свинцовой водой» [40. С. 26].

Метафора «белый холодильник рта» относится к роялю, чьи белоснежные челюсти-зубы подобны клыкам хищника. Рояль охлаждает ворвавшиеся из иного мира звуки, пока они не обрели плоть. После следующей за этим мучительной борьбы духов звука с холодом реальности и их поглощением роялем, рождается музыка, чья природа загадочна. Она течет, как вода («В блестящих дёснах лаковых лилась»), рвётся, как ткань и бумага («Которая рвалась, не разрываясь»), извивается, как змея или тропинка в лесу («вилась впотьмах»). Интересен двойственный образ музыки: «Какая беспощадность в сей воздушной / Бездушной гильотине танцовщице» [40. С. 26].

Рифма-анжамбеман «бездушной-воздушной» показывает ее и как грациозную танцовщицу, и как оружие. Гильотина-искусство отрубает слушателю голову, лишая его разума. Сравнение музы с раком в финале («И боком пробегала, точно рак») повторяет образность «Человекоубийства» и «Морского змея», где также возникал этот образ. Бег рака боком можно трактовать и как впечатление от игры пианиста, попытку зафиксировать движение его пальцев по клавишам только вверх и вниз (глиссандо, арпеджио, пассаж), и как связь с мифологией и литературной традицией. Образ рака связан с французским сюрреализмом («Изречения Рака-отшельника» А. Бретона и Ф. Супо) и «Песнями Мальдорора» графа Лотреамона, в пятой главе которых появляется синтетичный образ Архангела-Краба [47. С. 311]. Как у И. Дюкасса, у Поплавского раком является божественное существо – Муза. Контаминация животного с морского дна и богини вдохновения объясняется двойственностью творчества: муза-музыка – это, одновременно, сила, убивающая пианиста, и красота, гармония. Амбивалентность обнаруживается в стихе «О муза зыка! музыка корова!»³. Сравнение музыки с коровой подчеркивает природную первооснову искусства. Рассмотрим фоничу стиха, где возникает звуковая анаграмма. Сочетание звуков «м» и «у» изображает утробное мычание. Сопряжение согласных «м», «з», «к», «р» никак не связано с мелодикой. Слово «зык» по своему значению соотносится с громким, низким и грубым звуком и стилистически не сочетается со словом «муза». Этот звуковой и лексический оксюморон соотносится с идеей стихотворения. Музыка – порождение

темного, бестиального мира. Лишь творцу дано погрузиться в этот мрак, это погружение обуславливает инспирацию, рождение и бытие искусства.

Рассмотрим миниатюру «Письмо швейцара», где возникают образы слушающих слушателей: «Внизу сидит без всякого участия / Швейцар и автор, зритель и не то» [40. С. 59], и музыканта, пребывающего во сне: «Танцуют гости за перегородкой, / Шумит рояль, как пароход, как лед, / И слышится короткий рев, короткий / Сон музыканта, обморок, отлет» [40, С. 59]. Музыка вызывает веселье гостей, танцующих за перегородкой, находящихся в состоянии экстаза. Звуки здесь оживают, как и в «Музыканте», но застигнуты они не «пламенами снега», а нотами, запечатлены графически. Происходит трансформация: «Застигнутые нотами робеют, / Хотят уйти но вертятся, растут, / Молчат в сердцах, то фыркают, слабея, / Гогочут: Раз мы в мире, ах, раз тут» [40. С. 59].

Звуки мутируют, увеличиваются в размере, фыркают, как коты, гогочут, как гуси, умирают-стихают, отдавая в «белое море плафонов» свои «души». Финал стихотворения комичен: «Потом, издавши жизнеописание, / Они пытаются продать его комплект. / Садятся в сани, запрягают сами, / И гордо отстраняют дым котлет» [40. С. 59]. Звуки не гибнут окончательно, они отдают души ради славы и из жителей музыкальных заоблачных эмпирий превращаются в обывателей земного мира.

Следует остановиться на акватических образах, являющихся сквозными в анализируемых текстах. Корреляция музыки и воды маркирует тему погружения в бессознательное. Нельзя не согласиться с мыслью Л. Ливака, считающего, что частотные у поэта маринистические образы (море, рыба, река, раковина), как и у французских сюрреалистов (А. Рембо, Р. Десно, А. Бретон), знаменуют уход в бессознательное: «Погружение в воду, наблюдение за водой и путешествие по воде – частые тропы для исследования бессознательного» [48. Р. 184]. Поэтому изученные произведения можно видеть как аллегорические изображения работы мозга, попытку описания природы вдохновения, искусства, выходящего из мглы человеческого бессознательного.

В этот контекст вписывается стихотворение «Зеленый ужас». Мотив воды в нем представлен в различных ипостасях (лед, яд, алкоголь, пена, «зеленых листьев снег», «летняя метель», кровь, вода фонтана, кипяток). Известны две редакции этого текста. Первая, датированная 1927 г., принадлежит поэту. Как и рассмотренные миниатюры, она посвящена теме творчества и ее убийственной силе, но в отличие от остальных произведений, важную роль играет мотив поэзии: «День каждый через нас ползет, как строчка, / С таким трудом; а нет стихам конца. / И черная прочь убегает точка, / Как точка белая любимого лица» [49. С. 478]. Творчество должно материализоваться в нечто хрупкое, прекрасное и чистое, что символизирует двойственный образ «хрустальной крови» («Но все ж пред бойней, где хрустальна кровь»)⁴. Данное произведение более известно в редакции друга и душеприказчика поэта, Н. Татищева, датированной 1938 г. и

помещенной в сборник «В венке из воска». Если в авторском варианте в финале творчество – это акт тяжелого труда и перевода посюстороннего в потустороннее, то во второй редакции акценты смещены: происходит отход от литературоцентричности к музыкалоцентричности. В финале появляются образы музыки:

Темнеет день, весна кипит в закате,
И музыкой больной зевает сад.
Там женщина на розовом плакате,
Смеясь, рукой указывает ад.

Восходит ночь, зелёный ужас счастья
Разлит во всё, и лунный ад кипит.
И мы уже у музыки во власти
У грязного фонтана просим пить [49. С. 84–85].

Мир находится в самом напряженном состоянии, он превращен в ад, в бурлящий котел, где «весна кипит в закате». Нельзя не отметить близость этой строфы к философии духа музыки Поплавского. В докладе «О согласии погибающего с духом музыки», прочитанном в 1929 г. в творческом объединении «Кочевье», поэт пишет, что весна – время вечного становления, постоянной и быстрой динамики всех мировых процессов, которое приводит к гибели: «Душа человека, быстро привыкающая и засыпающая в размерном движении, очень остро ощущает периоды у перемены скорости, ускорение или замедление ритма движения. Такие, например, времена есть весна в природе, революция в политике. Что острее постигает душа весной: то, что все движется, все меняется, что все изменится, что она наравне со всем остальным изменится и погибнет, вот почему розы пахнут смертью и весна тайно поет о ней» [20. С. 26]. Весна у поэта возникает как время смерти довольно часто («А в лесу на траве непрямой, / Умирала весна в темноте. / Пахло сыростью, мохом и мятой. / И отшельник в шубенке косматой / Умывался в холодной воде» [49. С. 182] («На заре» (1927)) «И весна умерла, и луна возвратилась на солнце. / Солнце встало, и темный румянец взошел. / Над загаженным парком святое виденье пропало. / Мир воскрес, и заплакал, и розовым снегом отцвел» [49. С. 186] («Восхитительный вечер был полон улыбок и звуков» (1928))).

Однако образы музыки, тесно связанные с весной и ночью, как литературными клише, близкими романсовой поэзии, соотносятся с философией духа музыки. Е. Тырышкина отмечает: «У Поплавского процесс рождения музыки совершается на границе двух миров, а творчество – это самоизживание во имя звучания мировой симфонии после смерти творца» [10. С. 223]. Тезис о звучании мировой симфонии связан с философией конца 1920-х и начала 1930-х гг., где создается концепция духа музыки, навеянная идеями Ницше и русских символистов⁵. У монпарнасца дух музыки связан с добровольной смертью творца, его самопожертвованием: «Мы понимаем согласие с духом музыки, прежде всего, как принятие собственной смерти» [49. С. 25]. Жизнь, которую поэт видит как земное бытие и как существование после смерти, –

огромная «смертоносная симфония», в которой каждый человек – такт, светящаяся нота, должная «во-время временно прозвучать, отсиять и замолкнуть, как всякий такт, усилив и разнообразив симфонию» [49. С. 26]. Во второй редакции «Зелёного ужаса» связь музыки и смерти очевидна. Музыка, как символ болезненного, мучительного творческого процесса, охватывает своим тяжёлым звучанием весь мир, превращая его в музыкально-поэтический ад, где даже свет луны – адский. Она покоряет своей воли лирического героя («И мы уже у музыки во власти»), а ее водная природа охватывает и верх (закат-кипяток), и низ (сад, парк, ад), причем это «грязная вода», являющаяся метафорой творчества. В стихотворении именно нахождение в воде является залогом взаимосвязи творца и божественных сфер искусства, причем, вначале это влага, которая как бы утапливает, убивает героя: «А я лежал, водою полон сна, / Как холодный труп раздавлен я, я болен» [49. С. 84], а затем это «грязная» и «больная» вода. В данном случае показано ее стихийное, дионисийское начало. Музыка еще связана с земным миром, она не обретает в версии Татищева аполлонической формы. Но в этой редакции музыка все же преображает мир, вводит его в динамическое состояние, покрывая реальность галлюциногенными образами: «Шипит апрельской флоры наважденье, / И пена бьёт из горлышка стволов. / Весь мир открыт в весеннем нетерпении, / Как алые уста нагих цветов» [49. С. 84].

Важно выделить еще одну связь с концепцией духа музыки в произведении: это мотив смирения перед властью музыки: «Проблема праведности заключается для нас в согласии или в несогласии с этим духом музыки, от которого зависит внутренняя удача или неудача человека, достижение или недостижение им внутреннего счастья, и косвенно, высшим посвящением или непосвящением во внутреннюю сущность искусств и, в частности, достижение или недостижение известной сладостной напевности, без которой нет настоящих стихов. То моцартовское начало, которое сразу посвящает человека в поэты, в художники и в праведники в религиозном смысле этого слова» [20. С. 26]. Смирение перед силой музыки в стихотворении, добровольное согласие на служение искусству, рабство во имя него близки данным идеям в приведенной сентенции. Согласие со всеохватывающей силой музыки является залогом превращения героя в истинного творца, наделенного «моцартовским началом».

В данной редакции отразилось осмысление поэтом идей предшественников. Но возвышенная природа духа музыки для него связывается с моральным началом, потому мировая симфония несет смерть, что в стихотворении эксплицитовано весьма явно («Как холодный труп раздавлен я, я болен», «Смотри, мы гибель видели во сне», «лунный ад», «весенний ад», «Мы сели только что в трамвай без направленья, / И вот уже конец, застава, ад» [49. С. 84]). Сам герой осознанно садится в трамвай, отправляющийся в преисподнюю, создаваемую стихией искусства. Немаловажным является и мотив расчленения, сам мир пока-

зан через метафоры разорванных частей тела, которые могут так же относиться к лирическому герою: «И каждый камень шевелится глухо / На мостовой, как головы толпы», «Смотри, сияет кровообращенье / Меж облаков, по венам голубым», «И каждый лист полураскрыт, как ухо», «Но мир в жару, учащен пульс мгновений» [49. С. 84]. Герой и мир, находящиеся у «музыки во власти», лишаются своей целостности, они уничтожены и расчленены этой могучей силой. Данный момент, на наш взгляд, восходит к авангардной стилистике Поплавского 1920-х гг., где важное место занимала концепция агрессии со стороны музыки («Морской змей», «Человекоубийство»). Несмотря на переход к символистским идеям, нашедшим отражение в стихотворении, здесь сохраняются черты авангардной поэтики, характерные для раннего творчества Поплавского.

Анализ произведений, написанных с конца 1910-х по конец 1920-х гг., позволяет сделать следующие выводы. В ранней лирике поэт использует характерные черты авангардистской поэтики. Миниатюры 1920-х гг. являются лирическими экспериментами в области зауми, ономастопеи, монпарнасец работает с фоникой и лексикой, используя каламбуры, неологизмы и окказионализмы. Особое место в ранней поэтике занимают важные в авангарде мотивы шума, агрессии, богоборчества, урбанистическая образность. Но опираясь на традиции, поэт, в то же время, «ломает» их. В поэме «Истерика истерик» значимое место занимает мотив шума, который в авангарде воспринимался как музыкальная эмблема эпохи и материал для создания нового мира. Для Поплавского он связан с дихотомией звук/шум, которая трагично символизирует победу дисгармоничного апокалиптического начала над хрупкой гармонией мира и красотой.

В поэме монпарнасец оспаривает еще один эстетический принцип авангарда. Если у предшественников художник мыслился как созидатель, наделенный теургическими силами, то у Поплавского возникает образ героя-поэта, который не является «божеством», искусство несет ему безумие и несчастье. Эта концепция творца разовьется в лирике второй половины 1920-х гг., в которой образ музыканта-поэта представлен как медиатор, пограничная субстанция, которой управляют неведомые силы, находящиеся во внеэмпирическом пространстве искусства. Его дар воспринимается двойственно, с одной стороны, он действительно способствует преодолению косной материи земного мира, сопротивляющегося поэту, с другой стороны, он несет творцу физические и духовные мучения, истощает и калечит его.

В данном контексте изменяется и важная в авангарде тема насилия. Если для итальянских и русских футуристов агрессия искусства против окружающего мира несла возможность жизненного обновления, что воспринималось с бравурным восторгом, то у Поплавского насилие оборачивается для творца физическими и духовными страданиями из-за его дара. При этом искусство и, в частности, музыка представляется витальной силой, стихией, которая способна преодолеть земной окостенелый мир, где зрители либо не осознают силу красоты и относятся к ней пренебрежительно, либо уже

мертвы, что близко концепции авангардистов. Но у младоэмигранта это не связано с глобальным переустройством Вселенной, а выражает саму природу творчества, которое является губительным и мучительным. Рождение произведения искусства, воплощение его формы показано как таинственный и неуловимый процесс.

Нельзя не отметить, что в итоге поэт избирает символистскую парадигму, что наиболее отчетливо проявится в стихотворении «Зелёный ужас» (редакция Н. Татищева). Мотив музыки в нем знаменует переход

младоэмигранта от раннего к зрелому творчеству, где центральной категорией становится ницшеанская и символистская концепция духа музыки, которая связывается с мотивами смерти, растерзания, творчеством как физическими и духовными страданиями, но героическая миссия поэта состоит не в «Преображении Вселенной», а в принесении себя в жертву «мировой симфонии». С авангардом поэт также окончательно не порывает, и период второй половины 1920-х гг. характеризуется синтезом двух направлений.

Примечания

¹ Иностраные работы приводятся по источникам, указанным в списке литературы, их переводы были выполнены мной за исключением «Манифеста футуристической литературы» Ф. Маринетти, данной в переводе с немецкого языка А. Мурейко, которой я выражаю признательность за проведенную работу.

² Важно учитывать аллюзии к циклу А. Блока «Пляски смерти».

³ Образ «музыки-коровы» вызывает зрительные ассоциации с картиной К. Малевича «Корова и скрипка».

⁴ В творчестве Поплавского образы «хрусталя» и «стекла» связаны с темой аполлонического искусства. Когда он пишет о музыке И.С. Баха, то он использует метафоры «хрустальные сферы» и «стеклянные лестницы» [16. С. 271; 20. С. 45].

⁵ Проблема специфики влияния символизма на Б. Поплавского требует отдельного изучения и выходит за рамки данной статьи.

Список источников

1. Газданов Г. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Эллис Лак, 2009. Т. 1. 736 с.
2. Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. Санкт-Петербург : Logos; Дюссельдорф. : Голубой всадник, 1993. 184 с.
3. Olcott A. Poplavsky: the heir presumptive of Montparnasse // *The Bitter Air of Exile*. Berkeley, 1973. P. 274–288.
4. Кочеткова О.С. Миф об Орфее в творчестве Бориса Поплавского // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2010. С. 11–18.
5. Чагин А.И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М., 2008. 593 с.
6. Токарев Д.В. «Между Индией и Гегелем». Творчество Бориса Поплавского в компаративной перспективе. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 352 с.
7. Менегальдо Е. Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. СПб. : Алтейя, 2007. 264 с.
8. Компарелли Р. Лирика Б.Ю. Поплавского: мотивы, сюжеты, образы : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 194 с.
9. Барковская Н.В. Стилевой импульс «бестактности» в творчестве Б. Поплавского // *XX век. Литература. Стиль: стилевые закономерности русской литературы XX века (1900–1950)*. Вып. № 3. Екатеринбург, 1998. С. 104–115.
10. Тырышкина Е.В. «Убийство музыкой»: Маяковский/Поплавский // Владимир Маяковский в мировом культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Владимира Маяковского. М., 2018. С. 216–223.
11. Норина Н.В. Образы музыкальных инструментов в сборнике Бориса Поплавского «Флаги» // *Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Соликамск, 2016. С. 178–183.
12. Тарановский К.Ф. О поэзии и поэтике. М. : Языки русской культуры, 2000. 432 с.
13. Орлицкий Ю.Б. Свободный стих в творчестве Бориса Поплавского // *Новый мир*. 2014. № 1. С. 80–87.
14. Зырянов О.В. «Выхожу один я на дорогу...» и лермонтовский цикл русской поэзии: рецептивные границы, проблемы художественной семантики // *Уральский Филологический Вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем*. 2019. С. 53–69.
15. Латышко О.В. Музыкальные формы в поэзии русского зарубежья первой волны (на примере лирики Б. Поплавского, Б. Божнева и Г. Голохвастова) // *Вестник Московского государственного областного гуманитарного института*. 2013. № 2. С. 41–46.
16. Поплавский Б.Ю. Неизданное. М. : Христианское издательство, 1996. 512 с.
17. Livak L. The surrealist compromise of Boris Poplavsky // *Russian Review*, Vol. 60, № 1. 2001. P. 89–108.
18. Menegaldo H. Les multiples voix de Boris Poplavski // *Ouvrage collectif Modèle de Gouvernement*. 2011. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article297>
19. Слоним М. Молодые писатели за рубежом // *Воля России*. 1929. № 10–11. С. 100–118.
20. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3: Статьи, дневники, письма. М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2009. 624 с.
21. Маяковский В.В. Парижские очерки // *Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 4. М. : Художественная литература, 1957. С. 228–233*.
22. Пощечина общественному вкусу (в защиту свободного искусства). М. : Тип. Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. 116 с.
23. Pratella J.-B. *Musica futurista // Manifeste des musiciens futuristes*. Paris, 2014. 32 p.
24. Туфанов А.В. К зауми. Фоническая музыка и функции согласных фонем. СПб. : Изд-во автора, 1924. 81 с.
25. Тырышкина Е.В. Русская литература 1890-х - начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2002. 151 с.
26. Казарина Т.В. Три эпохи русского литературного авангарда. Самара : Изд-во СамГУ, 2004. 454 с.
27. Гервер Л.Л. Музыкальная культура Хлебникова. URL: https://ka2.ru/nauka/gerver_3.html
28. Крученых А. Сдвигология русского стиха. М. : Изд-во МАФ, 1922. 54 с.
29. Милькович Н. Поэтическое искусство Бориса Поплавского : дис. ... канд. филол. наук. Белград, 2021. 256 с.
30. Janecsek G. *The Transrational Poetry of Russian Futurism*. San-Diego : San-Diego State University Press, 1996. 428 p.
31. Поплавский Б.Ю. Орфей в Аду. М. : Гилея, 2009. 192 с.
32. Russolo L. *L'Arte dei rumori*. Venezia. 1916. URL: https://monoskop.org/images/d/dd/Russolo_Luigi_L_Arte_dei_rumori.pdf
33. Крученых А.Е., Матюшин М.В. Победа над Солнцем. СПб. : Типография товарищества «Свет», 1913. 16 с.
34. Сыроватко Л.В. Русский сюрреализм Бориса Поплавского // *Сыроватко Л.В. О стихах и стихотворцах*. Калининград : Изд-во НЭТ, 2007. С. 51–85.
35. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психохистория русской литературы от романтизма до наших дней. М. : Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.
36. Marinetti F.T. *Technisches Manifest der futuristischen Literatur // Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938)*. Stuttgart ; Weimar : Springer, 1995. S. 24–27.
37. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М. : Сов. писатель, 1990. 352 с.

38. Иванюшина И.Ю. Первая футуристическая // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2015. № 1 (15). С. 51–56.
39. Маяковский В.В. Мы идём // Полное собрание сочинений. : в 13 т. Т. 2. М. : Художественная литература, 1956. С. 30–31.
40. Поплавский Б.Ю. Дадафония: Неизвестные стихотворения. 1924–1927. М. : Гилея, 1996. 128 с.
41. Казарина Т.В. Функции вещи в литературе авангарда // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 175–184.
42. Сироткин Н.С. Б. Поплавский и В. Маяковский: об одной литературной параллели. URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ra/ns_poplavskij.htm
43. Маяковский В.В. Флейта-позвоночник // Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1955. С. 197–208.
44. Чжин Ч. Развеществление как поэтически-философская концепция в поэме В.В. Маяковского «Флейта-позвоночник» // Litera. 2018. № 2. С. 72–81.
45. Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Одно лето в Аду. М. : Наука, 1982. 495 с.
46. Тырышкина Е.В., Маматов Г.М. «Музыкант нипанимал» Бориса Поплавского: между символизмом и сюрреализмом // Филология и человек. 2018. № 2. С. 41–53.
47. Лотреамон. Песни Мальдорода. Стихотворения. Мальдород после Мальдорода. М. : Ad Marginem, 1998. 673 с.
48. Livak L. The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924-1927 // The Slavic and East European Journal. 2000. Vol. 44, № 2. P. 177–194.
49. Поплавский Б.Ю. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М. : Книжница ; Русский путь ; Согласие, 2009. 560 с.

References

1. Gazdanov, G. (2009) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak.
2. Allen, L. & Griz, O. (1993) *Boris Poplavskiy v otsenkakh i vospominaniyakh sovremennikov* [Boris Poplavsky in the Memoirs of his Contemporaries]. Saint Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboy vsadnik.
3. Olcott, A. (1973) Poplavsky: the heir presumptive of Montparnasse. In: Karlinsky S. & Appel, A. (eds) *The Bitter Air of Exile*. Berkeley: University of California. pp. 274–288.
4. Kochetkova, O.S. (2010) Mif ob Orfee v tvorchestve Borisa Poplavskogo [The myth of Orpheus in the works of Boris Poplavsky]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. pp. 11–18.
5. Chagin, A.I. (2008) *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Ways and Faces. On Russian Literature of the 20th Century]. Moscow: IWL RAS.
6. Tokarev, D.V. (2011) “*Mezhdru Indiy i Gegelem*”. *Tvorchestvo Borisa Poplavskogo v komparativnoy perspektive* [“Between India and Hegel”. Creativity of Boris Poplavsky in comparative perspective]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Menegal'do, E. (2007) *Poeticheskaya vseennaya Borisa Poplavskogo* [The Poetic Universe of Boris Poplavsky]. Saint Petersburg: Alteyya.
8. Komporelli, R. (2015) *Lirika B. Yu. Poplavskogo: motivy, syuzhety, obrazy* [Lyrics of Boris Poplavsky: motives, plots, images]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
9. Barkovskaya, N.V. (1998) Stilevoy impul's “bestaktnosti” v tvorchestve B. Poplavskogo [Stylistic impulse of “tactlessness” in the work of Boris Poplavsky]. In: Eydinova, V. (ed.) *XX vek. Literatura. Stil': stilevye zakonomernosti russkoy literatury XX veka (1900–1950)* [20th Century. Literature. Style: Stylistic Patterns of Russian Literature of the 20th Century (1900–1950)]. Vol. 3. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 104–115.
10. Tyryshkina, E.V. (2018) [“Murder by music”: Mayakovskiy/Poplavskiy]. *Vladimir Mayakovskiy v mirovom kul'turnom prostranstve* [Vladimir Mayakovskiy in the Global Cultural Space]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 18–20 September. Moscow: IWL RAS. pp. 216–223. (In Russian).
11. Norina, N.V. (2016) [Images of musical instruments in the Flags collection by Boris Poplavsky]. *Kul'turno-istoricheskoe nasledie kak faktor ustoychivogo razvitiya territorii* [Cultural and Historical Heritage as a Factor in Sustainable Development of the Territory]. Proceeding of the All-Russian Conference. Solikamsk. 20–21 October. Solikamsk: Solikamsk State Pedagogical Institute. pp. 178–183. (In Russian).
12. Taranovskiy, K.F. (2000) *O poezii i poetike* [On Poetry and Poetics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
13. Orlitskiy, Yu.B. (2014) Svobodnyy stikh v tvorchestve Borisa Poplavskogo [Free verse in the works of Boris Poplavsky]. *Novyy mir*. 1. pp. 80–87.
14. Zyryanov, O.V. (2019) “*Vykhozhu odin ya na dorogu...*” i lermontovskiy tsikl russkoy poezii: retseptivnye granitsy, problemy khudozhestvennoy semantiki [“Alone I set out on the road...” and the Lermontov cycle of Russian poetry: boundaries of reception, problems of artistic semantics]. *Ural'skiy Filologicheskii Vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*. pp. 53–69.
15. Latyshko, O.V. (2013) Muzykal'nye formy v poezii russkogo zarubezh'ya pervoy volny (na primere liriki B. Poplavskogo, B. Bozhneva i G. Golokhvastova) [Musical forms in the poetry of the Russian abroad of the first wave (on the example of the lyrics of Boris Poplavsky, Boris Bozhnev and Georgy Golokhvastov)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta*. 2. pp. 41–46.
16. Poplavskiy, B. Yu. (1996) *Neizdannoe* [Unpublished]. Moscow: Khristianskoe izdatel'stvo.
17. Livak, L. (2001) The surrealist compromise of Boris Poplavsky. *Russian Review*. 1 (60). pp. 89–108.
18. Menegaldo, H. (2011) Les multiples voix de Boris Poplavski. *Ouvrage collectif Modèle de Gouvernement*. [Online] Available from: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article297>.
19. Slonim, M. (1929) Molodye pisateli za rubezhom [Young writers abroad]. *Volya Rossii*. 10–11. pp. 100–118.
20. Poplavskiy, B. Yu. (2009) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Knizhitsa; Russkiy put'; Soglasie.
21. Mayakovskiy, V.V. (1957) Parizhskie ocherki [Parisian Essays]. In: Dubakin, V.D. (ed.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 228–233.
22. Burluk, D. et al. (1913) *Poshchekhina obshchestvennomu vkusu (v zashchitu svobodnogo iskusstva)* [A Slap in the Face of Public Taste (In defense of free art)]. Moscow: Tip. Ya. Dankin i Ya. Khomutov.
23. Pratella, J.-B. (2014) Musica futurista. In: *Manifeste des musiciens futuristes*. Paris: [s.n.].
24. Tufanov, A.V. (1924) *K zaumi. Fonicheskaya muzyka i funktsii soglasnykh fonem* [On Zaum. Phonic music and functions of consonant phonemes]. Saint Petersburg: Izd-vo avtora.
25. Tyryshkina, E.V. (2002) *Russkaya literatura 1890-kh – nachala 1920-kh godov: ot dekadansa k avangardu* [Russian Literature of the 1890s – Early 1920s: From decadence to avant-garde]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
26. Kazarina, T.V. (2004) *Tri epokhi russkogo literaturnogo avangarda* [Three Eras of the Russian Literary Avant-Garde]. Samara: Samara State University.
27. Gerver, L.L. (1996) *Muzykal'naya kul'tura Khlebnikova* [Musical culture of Khlebnikov]. [Online] Available from: https://ka2.ru/nauka/gerver_3.html.
28. Kruchenykh, A. (1922) *Sdvigologiya russkogo stikha* [Shiftology of Russian Verse]. Moscow: Izd-vo MAF.
29. Mil'kovich, N. (2021) *Poeticheskoe iskusstvo Borisa Poplavskogo* [Poetic art of Boris Poplavsky]. Philology Cand. Diss. Belgrad.
30. Janacek, G. (1996) *The Transrational Poetry of Russian Futurism*. San-Diego: San-Diego State University Press.
31. Poplavskiy, B. Yu. (2009) *Orfey v Adu* [Orpheus in Hell]. Moscow: Gileya.

32. Russolo, L. (1916) *L'Arte dei rumori. Venezia*. [Online] Available from: https://monoskop.org/images/d/dd/Russolo_Luigi_L_Arte_dei_rumori.pdf.
33. Kruchenykh, A.E. & Matyushin, M.V. (1913) *Pobeda nad Solntsem* [Victory over the Sun]. Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Svet".
34. Syrovatko, L.V. (2007) Russkiy syurrealizm Borisa Poplavskogo [Russian surrealism by Boris Poplavsky]. In: Syrovatko, L.V. *O stikhakh i stikhovortsakh* [About Poetry and Poets]. Kaliningrad: Izd-vo NET. pp. 51–85.
35. Smirnov, I.P. (1994) *Psikhodiakhronologika. Psikhistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychodiachronology. Psychohistory of Russian literature from Romanticism to the present day]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Marinetti, F.T. (1995) Technisches Manifest der futuristischen Literatur. In: *Manifeste und Proklamationen der europäischen Avantgarde (1909–1938)*. Stuttgart; Weimar: Springer. pp. 24–27.
37. Duganov, R.V. (1990) *Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva* [Velimir Khlebnikov. The nature of creativity]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
38. Ivanyushina, I.Yu. (2015) Pervaya futuristicheskaya [The first futuristic]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika*. 1 (15). pp. 51–56.
39. Mayakovskiy, V.V. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 30–31.
40. Poplavskiy, B.Yu. (1996) *Dadafoniya: Neizvestnye stikhotvoreniya. 1924–1927* [Dadaphonia: Unknown Poems. 1924–1927]. Moscow: Gileya.
41. Kazarina, T.V. (2014) Funktsii veshchi v literature avangarda [Functions of things in avant-garde literature]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (116). pp. 175–184.
42. Sirotkin, N.S. (n.d.) *B. Poplavskiy i V. Mayakovskiy: ob odnoy literaturnoy paralleli* [Boris Poplavsky and Vladimir Mayakovsky: about one literary parallel]. [Online] Available from: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ra/ns_poplavskij.htm.
43. Mayakovskiy, V.V. (1955) Fleyta-pozvonochnik [Backbone Flute]. In: Katanyan, V.A. (ed.) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 197–208.
44. Chzhiin, Ch. (2018) Razvshchestvenie kak poeticheski-filosofskaya kontsepsiya v poeme V.V. Mayakovskogo "Fleyta-pozvonochnik" [Disintegration as a poetic-philosophical concept in the "Backbone Flute" poem by Vladimir Mayakovsky]. *Litera*. 2. pp. 72–81.
45. Rimbaud, A. (1982) *Stikhi. Poslednie stikhotvoreniya. Odno leto v Adu* [Poems. Latest Poems. A Season in Hell]. Translated from French. Moscow: Nauka.
46. Tyryshkina, E.V. & Mamatov, G.M. (2018) "Muzykant nipanimal" Borisa Poplavskogo: mezhdu simvolizmom i syurrealizmom ["The Musician did not Relize" by Boris Poplavsky: between symbolism and surrealism]. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 41–53.
47. Lautréamont. (1998) *Pesni Mal'dorora. Stikhotvoreniya. Mal'doror posle Mal'dorora* [The Songs of Maldoror. Poems. Maldoror after Maldor]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
48. Livak, L. (2000) The Poetics of French Surrealism in Boris Poplavskii's Poetry 1924–1927. *The Slavic and East European Journal*. 2 (44). pp. 177–194. DOI: 10.2307/309949
49. Poplavskiy, B.Yu. (2009) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Knizhitsa; Russkiy put'; Soglasie.

Информация об авторе:

Маматов Г.М. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: zarra8@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.M. Mamatov, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zarra8@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021;
одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 26.12.2021;
approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/481/5

Литературные антологии середины XIX века: читательская аудитория, книжные форматы, гендер

Анастасия Вадимовна Олещук¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, anastasiya.oleschuk@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются различные материальные характеристики (формат, шрифт, иллюстрации, качество бумаги и т.д.) 23 русскоязычных литературных антологий 1853–1871 гг. Анализ этих черт книжной материальности, которые, равно как и содержание книг, сегментируют и моделируют их читательскую аудиторию, позволяет реконструировать представление издателей антологий об их целевой аудитории, ее культурном, образовательном уровне, покупательной способности, интересах и нуждах.

Ключевые слова: литературные антологии 1853–1871 гг., книжная материальность, репрезентация письменного текста

Для цитирования: Олещук А.В. Литературные антологии середины XIX века: читательская аудитория, книжные форматы, гендер // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 41–52. doi: 10.17223/15617793/481/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/5

Literary anthologies of the mid-19th century: Reading audiences, book formats, gender

Anastasia V. Oleschuk¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, anastasiya.oleschuk@gmail.com*

Abstract. The article examines some aspects of the physical appearance of 23 Russian-language literary anthologies of 1853–1871. The study aims to analyze their material characteristics (size, quality of paper, font, illustrations, etc.) and how they shape the image of the target audience of these anthologies. This allows a reconstruction of the publishers' view on the potential reader of their anthologies. During the research, four most frequent types of literary anthologies and almanacs of 1853–1871 were distinguished. Their publishing pragmatics is associated both with modeling their potential readers and with shaping a literary hierarchy. The types of anthologies include anthologies (1) for people, (2) for ladies and damsels, (3) for light reading, and (4) anthologies of exemplary Russian-language prose and poetry. Detection of these types and analysis of common features within each type (which are similar in format and target audience) revealed a direct dependence of the anthologies' physical appearance on their pragmatics and their implicit reader. In addition, the material constituent of the literary anthologies, being related to the publishing strategies, pragmatics, and cultural economics, can explain how publishers imagined the tastes, needs and interests of the target audience of their editions, its cultural and educational level, as well as purchasing power. By choosing the format, font, illustrations, and various kinds of embellishments in the text (drop caps, vignettes, etc.), publishers and editors thereby segmented the potential readership of their anthologies. Reactualization of the format of the literary collection in the 1850s–1860s (taking into account the pragmatics of publishing anthologies in the 1810s, the tradition of the “almanac period” and the publishing practices of the 1840s) changes our understanding of this time in the literary field as the hegemony of “thick” journals. With the appearance of new readers in the 1860s, there was a need for new types of editions that would correspond to the financial possibilities and cultural level of the new reading audience.

Keywords: literary anthologies of mid-19th century, book studies, anthology studies, books' material appearance, written texts' representations, readership, gender

For citation: Oleschuk, A.V. (2022) Literary anthologies of the mid-19th century: Reading audiences, book formats, gender. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 41–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/5

1. Альманах, сборник и антология как литературные формы. Исследования, посвященные литературному сборнику как особому социокультурному

феномену, в большинстве своем были сфокусированы на традиции «арзамасских» антологий [1. С. 532–600], возникновении в 1820–1830-х гг. такого книжного

формата, как альманах [2. С. 28–29; 3. С. 70–82], а также на появившихся в 1840-х гг. крупноформатных сборниках с текстами преимущественно молодых современных авторов [4. С. 62; 5. С. 78]. Русскоязычные антологии (т.е. сборники, содержащие ранее опубликованные и особым образом отобранные «лучшие» тексты), второй половины XIX в. как феномен литературной культуры в России, напротив, не привлекали специального внимания историков или социологов литературы.

Расширение книжного рынка литературных сборников со второй половины 1850-х гг.¹ было обусловлено окончанием «мрачного семилетия» после смерти Николая I, цензурным послаблением, развитием издательских технологий, расширением читательской аудитории и актуализацией формата литературной антологии. Это в свою очередь привело к появлению в интересующий нас период² множества литературных антологий, в которых доминирует общая интенция предоставить читателю/читательнице полные издания лучших образцов русской поэзии и прозы и, как следствие, сформировать литературную иерархию.

В 1850–1860-х гг. циркулировали разные по формату, составу и целевой аудитории антологии. Обследовав *de visu* большой массив сборников этого периода, мы обнаружили, что среди них можно выделить несколько типов изданий по их целевой аудитории и формату: антологии для народа, для дам и девиц, для легкого чтения, антологии избранной и лучшей русской поэзии и прозы для более «продвинутых» читателей (как правило, это образованные мужчины), антологии для солдатского чтения, юмористические сборники, а также сборники, отвечающие «на злобу дня». В нашем исследовании мы сосредоточились на первых четырех типах сборников, которые можно назвать антологиями. Главный вопрос, на который мы попытаемся ответить в этой статье: какие тенденции в репрезентации текстов проявились в этих литературных антологиях 1850–1860-х гг.³ и как они соотносятся с гендером, социальным статусом, культурным и материальным уровнем целевой аудитории этих изданий, моделируемый издателями образ которой возможно реконструировать, исходя из анализа книжной материальности⁴? Материальные характеристики, или, по Ж. Жеттуту, «паратекст» [8], как и содержание, формируют целевую аудиторию книг исходя из представлений издателей о ее составе, интересах, запросах и покупательной способности⁵, а любая форма, носитель текста, структура его распространения и рецепция влияют на его смысл и интерпретации. Это касается в том числе и антологий как особого книжного жанра [10. С. 37; 11. Р. 20–21; 12. Р. 366–367, 376].

Литературная форма антологии в России возникла в 1810-е гг., когда общество «Арзамас» с помощью антологий и сборников образцовых текстов конструировало свой литературный канон [1. С. 532–600]. Начало так называемой антологической лихорадке было положено предпринятым в 1810 г. В.А. Жуковским изданием «Собрания русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов...», в котором он

стремился сформировать русский стихотворный пантеон на основе достоинств конкретных текстов, а не их авторов, а также обозреть всю русскую стихотворную традицию. С этой же целью в 1815–1817 гг. выходило «Собрание образцовых русских сочинений и переводов», издатели которого возложили на себя «миссию главных арбитров современной русской литературы и собственноручных создателей ее летописи и истории» [1. С. 588]. Схожая легитимирующая современную литературу стратегия стала одной из доминирующих в антологиях 1850–1860-х гг.⁶

В 1820–1830-х гг. антология была потеснена альманахом, который стал ведущей издательской формой. В это время за ним закрепляется определенный и ставший впоследствии каноничным формат карманной книжки, который формирует принцип обращения к ней «как к источнику умственных наслаждений, игры воображения» [2. С. 28–29]. Небольшие произведения, отрывки, фрагменты – это специфика жанра альманаха и сущность его поэтики⁷. В это время альманах *comme il faut* представлял собой небольшого размера сборник новых поэтических и прозаических произведений, «это была изящная и довольно дорогая “вещь”, подарок (чаще всего – к Новому году), компонент антуража светской гостиной. Поэтому нередко не менее, а иногда и более важными в нем (по сравнению с содержанием) были для современников внешние признаки (формат, качество оформления, срок выхода и т.д.)» [3. С. 71]. Еще одной отличительной чертой альманахов этого периода можно назвать их заглавия («Аониды», «Лири граций», «Мнемотина» и т.д.), поэтика которых предопределяла их узнаваемость на фоне других типов печатной продукции. А.И. Рейтблат отмечает, что альманахи становились источниками текстов для альбомов⁸, через которые литература проникала в круг женского чтения. Ставя своей целью привлечение внимания к отечественной литературе, издатели альманахов отказывались от включения в их состав переводов, что способствовало приобщению широких слоев образованного населения к отечественной литературе. Организующим элементом композиции альманаха выступала не столько тематика входивших в его состав произведений, сколько выбор авторов и умелое совмещение их имен.

В противоположность этой традиции главной задачей издания, пожалуй, самого значимого русского литературного сборника 1840-х гг. «Физиология Петербурга» стала глубокая социальная характеристика современности. В нем акцент был поставлен не на авторах, ради которых этот сборник стоит приобрести, а на темах, затронутых в нем и важных для общества [5. С. 78].

С 1850-х гг. можно наблюдать возрождение культуры издания антологий, составленных не по тематическому признаку, а по авторскому⁹, в которых на первый план выходит фигура автора, что позволяет говорить об интенции издателей-составителей сформировать свою литературную иерархию. В центр издательской практики вновь выдвигаются антологии легитимирующей современную литературу направленности (за счет соотнесения современных авторов с

литературными авторитетами), однако эта традиция пересекается с актуализацией важных принципов в стратегиях репрезентации письменного текста в альманахах 1820–1830-х гг.¹⁰

2. Стратегии репрезентации текста в различных типах литературных антологий. На смену альманахам 1820–1830-х гг. в 1840-е гг. пришли толстый журнал и издания совсем другого формата – большие и объемные книги, прозаические сборники. Они изменили издательский рынок и культуру, дополнили ее целым рядом «физиологических сборников» и привлекли внимание новых читателей к отечественной литературе.

Принято считать, что 1840–1850-е гг. в литературном поле были периодом доминирования прозы и толстых журналов, когда поэтические антологии ушли на периферию. Однако с середины 1850-х гг. можно говорить о реактуализации литературной антологии как культурной формы и обновлении ее формата в связи с тем, что меняется структура литературного поля и появляются новые группы читателей, на вкусы, запросы и покупательную способность которых были ориентированы новые типы печатной продукции. В это же время можно наблюдать возрождение и возрастание интереса к поэзии, что проявилось как в издании множества поэтических сборников и антологий, так и в актуализации некоторых поэтов: М.Ю. Лермонтова [19. С. 28–46], Байрона [20; 21. С. 8–25], Р. Бернса [22. С. 62–71] и др. Именно с этими процессами было связано сходство большинства литературных антологий 1853–1871 гг. с антологиями 1810-х гг. в их прагматике и с альманахами 1820–1830-х гг. в их формате и особенностях книжной материальности. Поэтому большая часть книжного рынка литературных антологий 1850–1860-х гг. представлена компактными, карманного формата, поэтическими сборниками¹¹ с иллюстрациями, виньетками, затыливыми шрифтами и очень характерными, узнаваемыми названиями: «Купидон», «Незабудочка», «Русская лира», «Новый поэтический свет», «Альбом...», отсылающими к поэтике заглавий сборников «альманажного периода». Такой возврат к прошлому и ориентация на него были предопределены самой цикличностью культуры и принципами культурной реактуализации. Наряду с ориентацией на прагматику антологий 1810-х гг. и формат альманахов 1820–1830-х гг., актуализируется традиция издания крупноформатных литературных сборников 1840-х гг.

Среди представленных в нашем датасете антологий прослеживается тенденция: определенный формат и материальные характеристики изданий коррелируют с их содержанием. Все 23 антологии условно можно разделить на две категории: карманного (14×10 см) и книжного формата (21,5×14,5 см). К первой категории относятся такие антологии, как «Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии» 1853 г. (размер: 15×12 см), «Библиотека для легкого чтения, или Собрание стихотворений, басен, анекдотов, сцен, загадок, отгадок и описание разных исторических событий» 1857 г. (размер: 15×11 см), «Литературная ералаш из повестей, рас-

сказов, стихов и драматических сцен современных русских писателей» 1858 г. (размер: 16×11 см), «Купидон. Собрание лучших стихотворений современных русских поэтов» 1865 г. (размер: 13×8 см), «Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молодых дам и девиц» 1867 г. (размер: 14×9 см) и др. Ко второй категории – «Сборник лучших произведений русской поэзии» 1858 г. (размер: 22×14 см), «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина» 1862 г. (размер: 20×13 см), «Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения» 1863 г. (размер: 26×16 см), «Новые писатели. Сборник литературных произведений, изданный под редакцией Н. Тиблена» 1868 г. (размер: 21×14 см) и др. (см. Приложение 1).

В зависимости от темы и ориентации на определенную читательскую аудиторию изменяется формат этих антологий. Так, антологий для женщин, для легкого чтения (кроме сборника «Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения») и поэтические антологии (с характерными для альманахов начала XIX в. названиями, которые формируют облик книги и влияют на конструирование потенциальной читательской аудитории) изданы преимущественно в карманном формате, традиционно закрепленном за поэтическими сборниками. Антологии для народа, антологии с образцами лучшей русской поэзии и прозы и сборники с текстами новых авторов представлены в книжном формате, который чаще всего используется для издания солидных сборников в стихах и прозе, и в формате А5 (20×14,5 см).

Можно констатировать, что в сознании издателей и редакторов-составителей крупноформатные антологии в стихах и прозе и антологии для народа отличались от сборников карманного формата по своему назначению и прагматике. Такому взгляду на книги для народного чтения можно найти несколько объяснений: во-первых, книги карманного формата нередко брали с собой в дорогу или путешествие, что было доступно только обеспеченным людям, представителям высших сословий, во-вторых, они являлись неизменным атрибутом салонной культуры и светской гостиной, в-третьих, компактные, богато украшенные поэтические антологии с иллюстрациями, гравюрами, виньетками, красивой обложкой и хорошей бумагой нередко преподносились в качестве подарка [3. С. 77; 23. С. 186].

Прагматика и идеология антологий для народа были иными и напрямую вытекали из самой специфики «народного чтения». Книжный формат таких антологий позволял поместить в них большее, чем в карманной книжке, количество текстов и напечатать их целиком, а не в виде отрывков и фрагментов, сделать содержание разноплановым (в такие сборники нередко входили фольклорные тексты, отрывки из Библии, житийная литература, статьи по сельскому хозяйству, художественная литература, отрывки из исторических сочинений и т.д.), увеличить размер шрифта. Кроме того, в народе

книги воспринимались как сакральный объект по аналогии с Библией, по которой учились читать (см. рис. 1, 2, на которых показано, как издатели антологий для народа инкорпорировали в их материальную составляющую узнаваемые черты религиозных и священных книг), поэтому антологии для народного чтения нередко печатали в крупном, книжном, формате, довольно большими томами и для защиты от повреждений помещали в плотный переплет. Тем самым такие издания уподоблялись сакральным книгам, которые бережно хранили в семье как важный предмет в почетном, специально отведенном им месте и аккуратно использовали. А владение религиозной книгой подчеркивало и укрепляло статус ее владельца, что обеспечивало ей хорошую сохранность [24. С. 323, 331]. Поскольку среди крестьян были люди разного достатка, а издательская деятельность, как и любая другая коммерция, ориентируется в первую

очередь на представления о покупательной способности целевой аудитории, репертуар книг для народа был неоднороден: на более зажиточных представителей крестьянства были нацелены крупноформатные антологии в хорошем переплете и с качественными иллюстрациями (как, например, сборник «Пчела» 1865 г.), неграмотные и менее состоятельные крестьяне предпочитали дешевые лубочные издания [24. С. 326–327]. По своему содержанию и целевой аудитории схожими с антологиями для народа оказываются сборники для легкого чтения, который были адресованы невзыскательному читателю среднего образовательного и культурного уровня, поэтому нередко они состояли из юмористических текстов, сенок и зарисовок. Однако можно сказать, что эта достаточно разнородная группа антологий очень показательна для иллюстрации общих издательских тенденций 1850–1860-х гг.

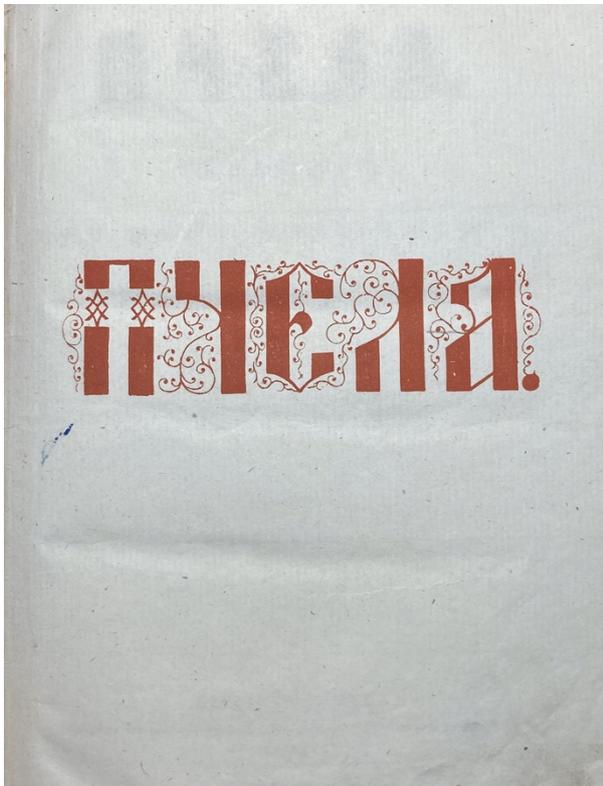

Рис. 1. Авантитул антологии для народного чтения «Пчела» 1865 г., в названии которого использован церковнославянский шрифт, принятый для набора богослужебных книг и церковнославянских текстов

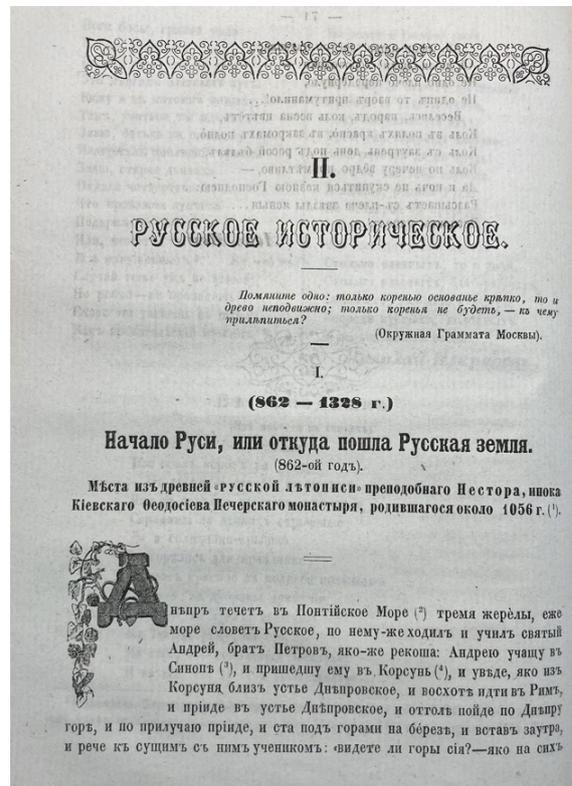

Рис. 2. Страница 72 антологии «Пчела» 1865 г. Текст на этой странице (как и многие другие тексты в антологии) начинается с буквы – затейливо оформленной и украшенной первой буквы текста, принятого украшения священных текстов

Теперь перейдем к разговору о другом типе антологий, которые можно выделить в отдельную группу, – антологии с образцами лучших стихов и прозы. Издатели позиционировали их как издания для серьезных читателей-мужчин, которые обращаются к такой книге не для того, чтобы взять ее в салон или скоротать время в дороге, не для развлечения, а для получения сложного интеллектуального и эстетического удовольствия от приобщения к лучшим образцам художественной литературы. Поэтому тексты в такие антологии помещались не по тематическому сходству (в отличие от антологий для «женского» чтения, большую часть содержания которых занимали лирические сти-

хотворения о любви), а по значимости в культурной иерархии. Содержание в них превалировало над формами его репрезентации, за исключением значимости таких материальных характеристик, как качество бумаги и обложки и формат издания, непременно книжный, а значит, солидный. Книжный формат этих изданий противопоставлял их тем же по направленности антологиям, но с характерными для альманахов первой трети XIX в. заглавиями (например, «Купидон. Сборник лучших стихотворений современных русских поэтов»). Таким образом, присущая этому типу антологий 1853–1871 гг. сдержанность (в оформлении, заглавиях, в отсутствии иллюстраций, украшений) отражала пред-

ставление их издателей о целевой аудитории этих книг и ее покупательной способности (поэтому бумага в таких антологиях отличалась высоким качеством) – серьезных читателей-мужчинах, в отличие от более эмоциональных, поверхностных и менее интеллектуально возвышенных и продвинутых читательниц, которым предназначались книги другого типа.

Книжной материальности антологий для дам и девиц придавалось большее значение. Во многом от ее особенностей зависит и предполагаемое назначение книги: карманный формат издания соотносится с представлением о развлекательной литературе для досуга, с женским чтением и с литературой салонной, светской, которой во второй половине XIX в. отдавали предпочтение по преимуществу женщины (такая литература больше не считалась серьезным и общественно полезным занятием для мужчин)¹², – это довольно компактные издания с небольшим количеством страниц и некрупным шрифтом (рис. 3). Однако, несмотря на общую стереотипность формата и содержания антологий для женщин, стоит отметить, что реактуализация такого типа изданий – это наследие предшествующего периода, а внимание к женскому чтению может быть связано как с вопросом об инклюзии женщин в традиционно мужскую литературу (посредством, к примеру, схожих репертуаров антологий), так и с общими тенденциями журнальных дискуссий, в которых обсуждалось образование и круг чтения женщин¹³.

Таким образом, формат издания содержал в себе образ потенциальной читательской аудитории, а ее моделирование находилось в прямой зависимости в том числе от материальных характеристик книги. По-

этому чаще всего именно антологии для дам и девиц, для народа и для легкого чтения были снабжены виньетками, иллюстрациями, гравюрами, причудливым шрифтом и яркими обложками. Получается, что литературный вкус, интеллектуальный, образовательный уровень и объем культурной памяти неискушенных читателей/читательниц этих антологий значительно уступают и отличаются от (ре-)конструируемого образа потенциального читателя крупноформатных книг в прозе и стихах, на страницах которых не найти разного рода украшений, иллюстраций и пояснительных примечаний, комментариев. А статус антологий, в которых большое внимание уделено книжной материальности, оказывается ниже в культурной иерархии. Соответственно, эти характеристики формируют как образ аудитории антологий для народа, для женщин, так и образ читателя толстых журналов и далее – образ потенциальной читательской аудитории объемных и солидных антологий лучшей русской поэзии и прозы.

Примечательно, что в некоторых антологиях для народного чтения (например, «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина») и для женщин (к примеру, сборник «Русская лирическая поэзия для девиц») приведены примечания, объясняющие «темные» места в стихотворениях (см. рис. 3) и поясняющие выражения, которые могут быть непонятны читателю этих антологий, а также краткие биографии некоторых русских поэтов-классиков (В.А. Жуковский, А.В. Кольцов, Е.А. Баратынский, И.С. Никитин и др.).

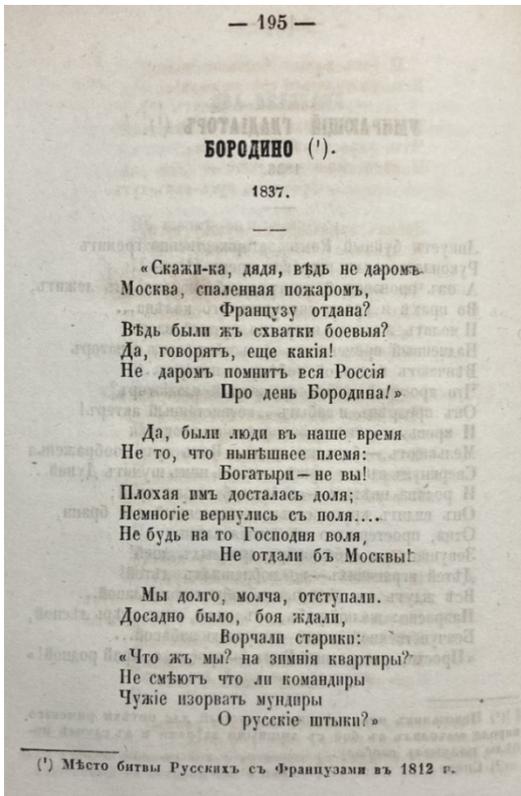

Рис. 3. Страница 195 антологии «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г.

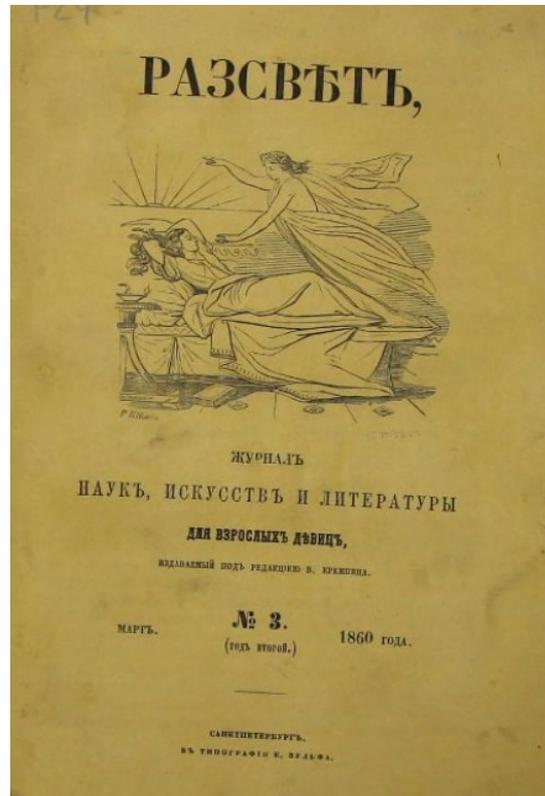

Рис. 4. Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц. 1860. № 3

Сближение образов этих двух категорий читателей и читательниц конца 1850–1860-х гг. имеет общее идеологическое основание: риторика «пробуждения ото сна» и «возрождения», с одной стороны, легла в основу русского национализма второй половины XIX в. и использовалась русскими реформаторами начала 1860-х гг. [28. С. 149], которые хотели «пробудить ото сна» народ (в первую очередь, крестьян), а с другой – сформировала идейный облик журнала «Рассвет. Журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц» (1859–1862), на обложках первых номеров которого была изображена спящая девушка, которую пробуждает от глубокого сна женщина, олицетворяющая, вероятно, знание и образование (рис. 4). Через книжную материальность и формы репрезентации текста, таким образом, транслировалось представление издателей этих антологий об их потенциальной читательской аудитории.

Литературные антологии в 1850–1860-х гг. приобретают принципиально новые черты, связанные с социально-политическими тенденциями своего времени, в частности со стремлением к демократизации литературы. Отсутствие в некоторых изданиях ряда признаков альманаха *comme il faut* (таких как яркая, привлекательная обложка, хорошего качества белая, плотная бумага, обязательное наличие иллюстраций и разного рода украшений в тексте), рост рынка и развитие издательских технологий способствовали удешевлению печатной продукции, что в свою очередь привело к расширению читательской аудитории за счет самых разных слоев общества. Во многих антологиях 1853–1871 гг. бумага была среднего или низкого качества: не очень плотная, грубая, тонкая, – как, например, в томах «Для лег-

кого чтения» 1856–1859 гг., в сборнике «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г., «Русская лира, составленная из произведений новейших поэтов» 1860 г., «Заря. Сборник для легкого чтения...» 1868 г., в «Сборнике рассказов в прозе и стихах» 1871 г. и др.

Нередко предпочтение отдается другим характеристикам книги: ее дешевизне, доступности, компактности, актуальности содержания. Именно эти особенности «Для легкого чтения» подчеркивал Н.Г. Чернышевский в первом журнальном сообщении об издании первых двух томов сборника: «Обращаем внимание читателей на дешевизну издания, так как эта попытка у нас совершенно новая, принадлежащая магазину, недавно начавшему свою деятельность, – попытка, которую весьма приятно было бы видеть поддержанною со стороны публики: за 400 компактных страниц текста, написанного известными писателями, издатели назначили 1 р. сер. Это, действительно, дешево» [18. Т. III. С. 536–537]¹⁴.

Однако все эти интенции не отменяют другую, на первый взгляд противоположную, тенденцию: в некоторых антологиях 1853–1871 гг. в оформлении и репрезентации текста и обложки использованы виньетки, затейливые шрифты, а в особых случаях – иллюстрации (например, в сборнике для женщин «Незабудочка» «оригинальные картинки» Педанова выступают в роли дополнений к романтическим стихотворениям, изображают быт знатной дамы – раскладывание пасьянса, подготовка к маскараду, музицирование, погруженность в задумчивость, – тем самым делая эту антологию подобием альманахов 1820–1830-х гг. и формируя образ ее читательской аудитории, отражая представления издателя сборника о ней; см. рис. 5–9).

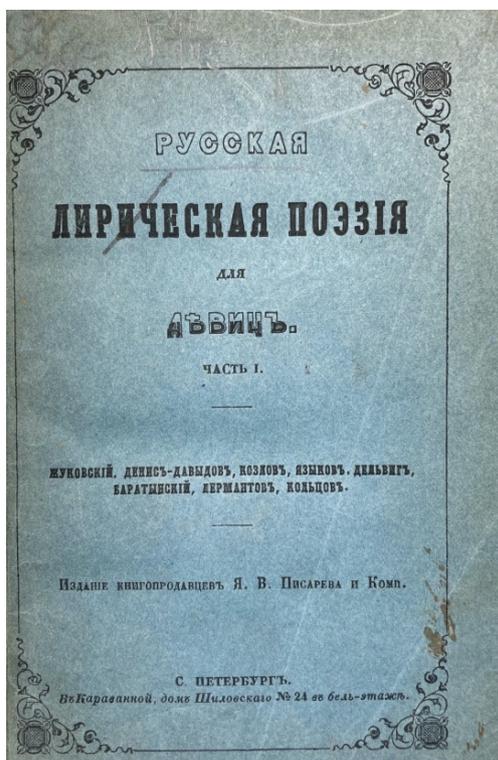

Рис. 5. Обложка антологии «Русская лирическая поэзия для девиц» 1859 г.

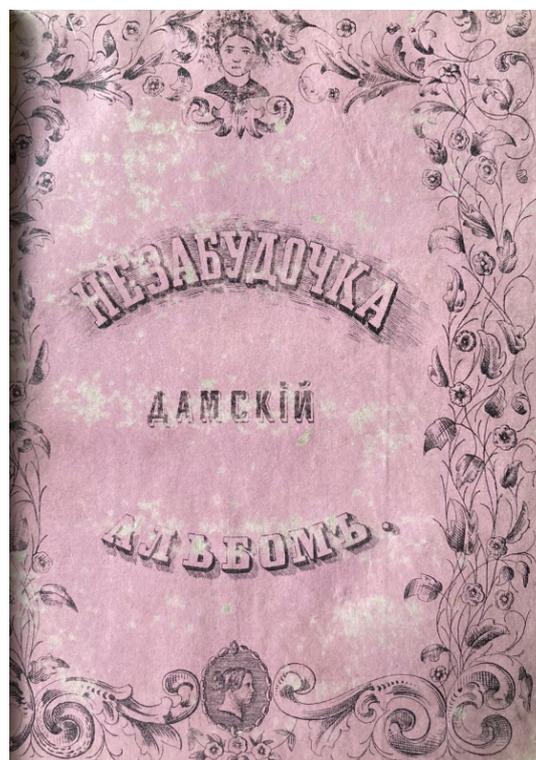

Рис. 6. Обложка антологии «Незабудочка» 1853 г.

Рис. 7. Иллюстрация из антологии «Незабудочка» 1853 г.

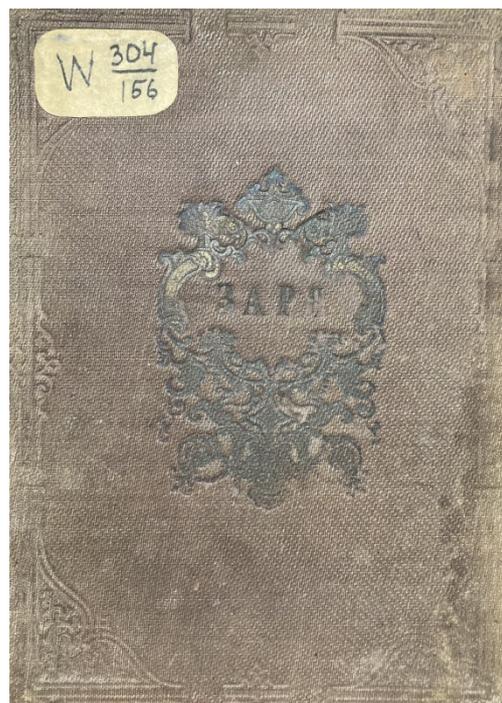

Рис. 8. Переплет антологии «Заря» 1868 г.

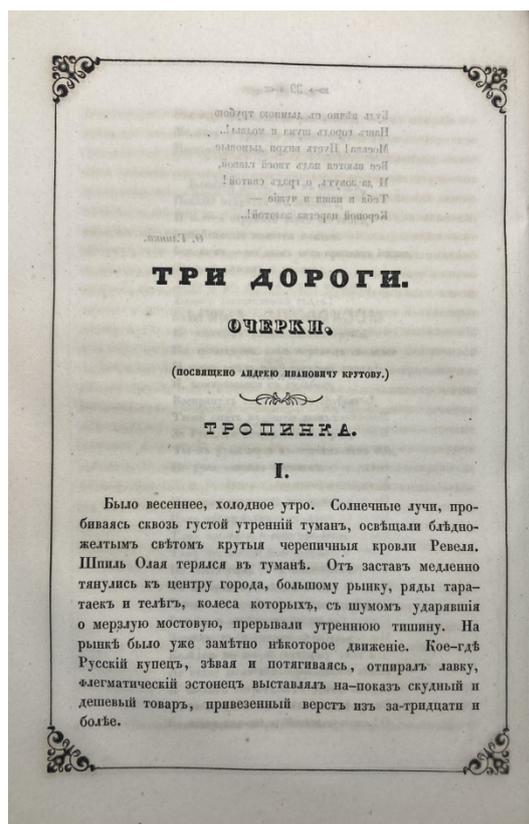

Рис. 9. Страница 40 антологии «Старые знакомые» 1863 г.

Рис. 10. Переплет антологии для народного чтения «Пчела» 1865 г.

Это же стремление сделать литературу более доступной для представителей разных сословий прослеживается в схожем отношении к книжной материальности антологий для народа, антологий с произведениями новых писателей и антологий в прозе и стихах: бумага среднего или низкого качества (тонкая, грубая и

не белая – это касается, как правило, только антологий для народа), шрифт средний или крупный, приоритет содержания перед внешними характеристиками и оформлением, отсутствие ярких и привлекательных обложек, затейливых шрифтов и т.д. Хотя в антологиях для народного чтения есть иллюстрации (которые в

целом являются признаком изданий для неискушенных в литературе читателей и читательниц, т.е. для детей, женщин, народа, противопоставленных серьезным читателям-мужчинам), общий внешний вид и репрезентация текста далеки от книжной материальности изящных, дорогих сборников, которые чаще всего преподносились в качестве подарка. Иллюстрации в антологиях для народа выполняли особую функцию, связанную прежде всего с назидательно-просветительскими идеями их издателей и представлениями о (моделируемой и потенциальной) читательской аудитории таких книг (рис. 11–14). Так, издатель сборника «Пчела» Н.Ф. Щербина описывал цели издания книги для народа: «(1) чтоб доставить народу, при развитии понятий,

познания, необходимые, как воздух, каждому человеку вообще и русскому простолюдину в особенности; 2) чтоб содействовать в народе к большому развитию нравственного, человеческого чувства, в строгом соблюдении с духом, нравами, обычаями, историей, обстановкой и бытом русского простонародья. Притом же для народа нужно так составить книгу, чтобы было в ней: “чего хочешь – того просишь”» [17]. К примеру, на переплете¹⁵ этой антологии (см. рис. 10) изображена крестьянская семья, сидящая за столом (кроме матери, которая стоит с ребенком на руках) под красным углом, что задает горизонт ожидания о наполнении сборника, его назначении и конструируемой им читательской аудитории.

Рис. 11. Иллюстрация «Иверские ворота в Москве» из антологии «Пчела» 1865 г.

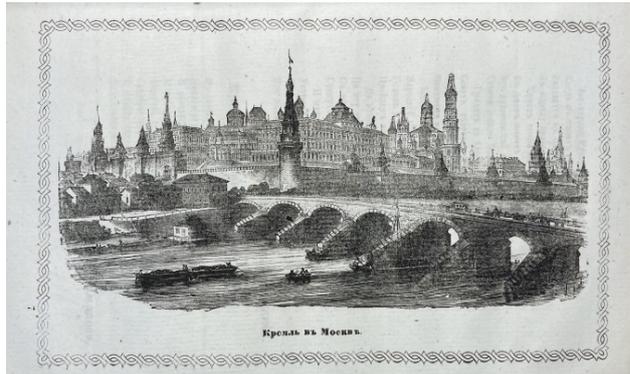

Рис. 12. Иллюстрация «Кремль в Москве» из антологии «Пчела» 1865 г.

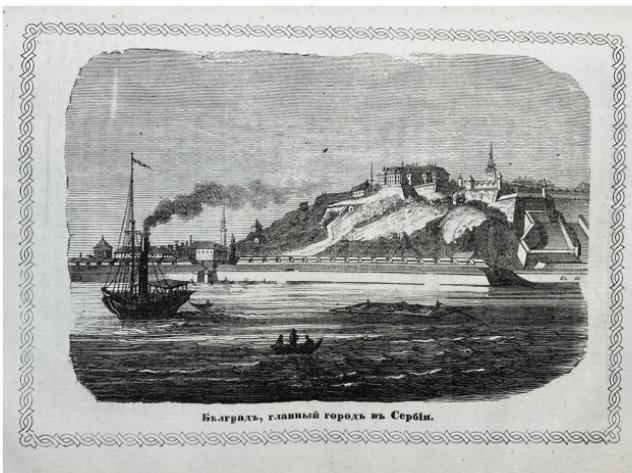

Рис. 13. Иллюстрация «Белград, главный город в Сербии» из антологии «Пчела» 1865 г.

Рис. 14. Иллюстрация «Серб» из антологии «Пчела» 1865 г.

Иллюстрации с изображением Кремля, Иверских ворот, Белграда, серба, церквей и соборов, Царь-пушки, Адмиралтейской площади, надгробного памятника Ломоносову, «посольства нижегородцев к Пожарскому» и т.д. из антологии «Пчела» не только знакомили читателя с наиболее культурно и исторически значимыми локусами и некоторыми событиями российской истории, но и отражали господствующий

назидательно-просветительский и патерналистский дискурс. За счет таких иллюстраций и соответствующих им по содержанию текстов читатели этой антологии приобщались к наследию русской культуры и становились полноправными ее носителями как новые члены современного общества, которых, таким образом, вовлекают в сферу обсуждения общественно значимых вопросов.

Изображение Белграда и серба (в сборнике это единственные изображения выходящих за пределы Российской империи мест и национальностей) настраивали идеологическую оптику, через которую читатель антологии воспринимал ее содержание и дополняющие его иллюстрации. Эта оптика связана в первую очередь с политикой империи по отношению к Балканскому полуострову, православное славянское население которого воспринималось как братья меньшие, нуждающиеся в протекции «брата большего»¹⁶, а также с подавлением польского восстания 1863–1864 гг.¹⁷ Свидетельством этому может быть еще недавний опыт (на момент издания «Пчелы» в 1865 г.) опыт Крымской войны и причины, побудившие Российскую империю вступить в нее¹⁸.

Кроме того, иллюстрации в таких типах изданий, будучи приравненными к печатному слову, обеспечивали доступность книг для понимания и чтения. Поскольку печатный текст был недавним нововведением в «медиапотреблении» народа, возникла необходимость в такой гибридной форме, сочетающей изображения и текст. Иллюстрации, более наглядные и знакомые, облегчили восприятие и понимание текста людьми, которые только недавно выработали привычку читать [31. С. 192].

Книжный формат проанализированных в статье антологий среди изданий своего времени вновь обре-

тает популярность и актуальность к концу 1850-х гг., что связано в первую очередь с зарождением новой читательской аудитории. Формат чтения для пользы был противопоставлен как своей формой, так и наполнением, легкой литературе (которая чаще всего была адресована образованным горожанам, мещанам, купцам, рабочим) и литературе рафинированной, салонной, т.е. женской, литературе для досуга и удовольствия. Однако, несмотря на две отличные друг от друга издательские тенденции и различия в формате и содержании, некоторые антологии 1853–1871 гг. оказываются объединенными общим «инклюзивным» направлением и стремлением к демократизации литературы, удешевлению материальной составляющей книг, что в конечном счете приводит к расширению читательской аудитории и распространению литературы среди представителей разных социальных слоев. Таким образом, издатели антологий, ориентируясь на вкусы, запросы и покупательную способность своей целевой аудитории и свое представление о ее культурном и образовательном уровне, с помощью различных стратегий репрезентации письменного текста формировали ее облик. Рецепция интересующих нас антологий реальными читателями и читательницами выходит за рамки нашей темы и может стать предметом отдельного исследования по истории и социологии чтения.

Приложение 1

Список антологий, вошедших в датасет

1. Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молоденьких дам и девиц / изд. В. Шатаев. СПб., 1867. 100 с.
2. Библиотека для легкого чтения, или Собрание стихотворений, басен, анекдотов, сцен, загадок, отгадок и описание разных исторических событий : в 4 т. М., 1857. 82; 96; 97; 109 с.
3. Для легкого чтения: Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей : в 9 т. СПб., 1856–1859. 363; 399; 368; 335; 392; 404; 359; 367; 352 с.
4. Заря. Сборник для легкого чтения, составленный из произведений В. Бенедиктова, Ф. Берга, П. Вейнберга, И. Генследа, Н. Гоголя, И. Горбунова, Ф. Зиновьева, В. Крестовского, В. Курочкина, Л. Мея, Д. Минаева, Н. Некрасова, А. Плещеева, Н. Помяловского, Н. Соколовского, А. Толстого, Н. Успенского, Н. Щедрина и др. / изд. А.А. Дубровин. Казань, 1868. 232 с.
5. Купидон. Собрание лучших стихотворений современных русских поэтов / изд. И.М. Аврорин. М., 1865. 215 с.
6. Литературная ералаш из повестей, рассказов, стихов и драматических сцен современных русских писателей. М., 1858. 242 с.
7. Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии Жуковского, Пушкина, Крылова, Лермонтова, Грибоедова, Ростопчиной, Козлова, Бенедиктова, Жадовской, Кольцова, Подолинского, Давыдова, Фета, Щербины, Корсакова, Тургенева, Майкова, Губера и 10-ю ориг. картинками Г. Педанова. СПб., 1853. 176 с.
8. Новые писатели. Сборник литературных произведений, изданный под редакцией Н. Тиблена. Т. 1. СПб., 1868. 364 с.
9. Новый поэтический свет. Альманах / изд. Д.П. Ломачевский и П.И. Вайнберг. М., 1857. 84 с.
10. Пчела. Сборник для народного чтения и употребления при народном обучении / сост. Н. Щербина. СПб., 1865. 502 с.
11. Русская лира. Хрестоматия, составленная из произведений новейших поэтов. СПб., 1860. 156 с.
12. Русская лирическая поэзия для девиц. Жуковский, Денис Давыдов, Козлов, Языков, Дельвиг, Баратынский, Лермонтов, Кольцов / изд. В. Стоюнин. СПб., 1859. 267 с.
13. Сборник избранных мест из произведений современных русских писателей. Вып. 1–2. СПб., 1859–1860. 203; 208 с.
14. Сборник лучших произведений русской поэзии / изд. Н.Ф. Щербина. СПб., 1858. 471 с.
15. Сборник рассказов в прозе и стихах. СПб., 1863. 124 с.
16. Сборник рассказов в прозе и стихах / изд. К.Н. Смердынский. СПб., 1871. 160 с.
17. Сборник русских стихотворений для чтения простолюдином и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина / изд. П.В. Алабин. СПб., 1862. 124 с.
18. Сборник статей для народного чтения. Вып. 1–2. Киев, 1868. 212; 200 с.
19. Сборник стихотворений известных русских писателей. СПб., 1862. 134 с.
20. Сборник юмористических и сатирических современных стихотворений из сочинений Некрасова, Курочкина, Бенедиктова, Стародубского, Скорбного поэта, Обличительного поэта, Костомарова, Розенгейма и прочих / Изд. А. Захаров. Казань, 1866. 130 с.
21. Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов / Изд. В. Гергард. Лейпциг, 1858. 272 с.
22. Современники. Сборник литературных статей русских писателей. Т. 1–4. СПб., 1863. 346; 376; 358; 382 с.
23. Старые знакомые. Сборник статей в стихах и прозе для легкого чтения. СПб., 1863. 314 с.

Примечания

¹ Для сравнения: судя по данным из книги Н. Смирнова-Сокольского, в первой половине 1850-х гг. было издано 37 сборников и альманахов, во второй половине – 64. Итого: 101 [6].

² 1853–1871 гг. условно можно считать «эпохой 1860-х гг.». Такой временной промежуток выбран из-за его значимости в историческом, культурном и общественном отношении, поскольку эти годы Великих реформ характеризуются заметным подъемом национального самосознания и гражданственности, а также возникновением различных общественных движений и инициатив. Поэтому одной из задач нашего исследования стало выявление основных тенденций в репрезентации книжной материальности в сборниках этого периода, объединенного общей идейной рамкой.

³ Статья основана на материале опубликованного датасета «Лучшие образцы русской литературы (1853–1871): сборники избранной поэзии и прозы, сборники для легкого чтения, сборники для народа и дамские сборники» [7]. Принципы отбора литературных антологий для датасета, а также их перечень указаны в приложении – *teadme*. Общее количество антологий в датасете – 23 издания.

⁴ Наши выводы относительно характера и прагматики 23 сборников 1853–1871 гг. основаны на реконструкции тех издательских стратегий, которые непосредственно воплощены в материальных характеристиках печатной продукции. Еще один важный аспект, не затронутый в статье, тема которой узко и специфически ограничена рамками определенного вопроса о стратегиях репрезентации письменного текста, – это культурная экономика.

⁵ Ср. со словами Ю.М. Лотмана о том, что художественный текст содержит в себе образ читателя/читательницы, который можно реконструировать исходя из имплицитной коммуникации с аудиторией, заложеной в тексте: «...всякий текст (в особенности художественный) содержит в себе то, что мы предпочли бы называть образом аудитории, и что этот образ аудитории активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [9. С. 161].

⁶ Об институциональном потенциале литературных антологий и их влиянии на формирование литературного канона, читательских практик и привычек, репутаций авторов и текстов см.: [11. Р. 10, 16; 12; 13. Р. 404–414; 14. Р. 6; 15. Р. 287; 16. Р. 35, 53].

⁷ Это же подчеркивал и Н.Ф. Щербина уже в 1865 г. предисловии к сборнику для народного чтения «Пчела», в чем проявляется преемственность между изданиями 1820–1830-х и 1850–1860-х гг.: «Несмотря на видимую отрывочность большей части статей, обусловливаемую самим родом книги, все они заключают в себе в известном отношении (при известного рода соображениях и приемах редакции) целостное, определительно-законченное, удовлетворяющее читателя содержание, и, притом, сопровождаемое, где нужно, примечаниями и изложением, от составителя вкратце, выпущенных мест» [17].

⁸ Ср. характерные названия сборников – «Альбом стихотворений, песен, куплетов, баллад и романсов с прибавлением свадебных, святочных и подблюдных песен, выбранных из сочинений лучших русских поэтов. Для молодых дам и девиц» 1867 г. и «Незабудочка. Дамский альбом, составленный из лучших статей русской поэзии...» 1853 г., ориентированных на традицию альбомов начала XIX в.

⁹ См., например, название антологий «Собрание стихотворений Пушкина, Рыльева, Лермонтова и других лучших авторов» 1858 г., «Русская лирическая поэзия для девиц. Жуковский, Денис Давыдов, Козлов, Языков, Дельвиг, Баратынский, Лермонтов, Кольцов» 1859 г., «Сборник русских стихотворений для чтения простолюдинам и краткие жизнеописания Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Кострова, Никитина и Слепушкина» 1862 г. Кроме того, содержание некоторых антологий было представлено множеством разделов, посвященных конкретным авторам, нередко с краткими биографиями и портретами.

¹⁰ Об актуализации этой тенденции свидетельствуют слова Н.Г. Чернышевского из рецензии на первый том «Библиотеки для дач, пароходов и железных дорог» 1855 г.: «Мы желали бы предсказать успех изданию, предпринимаемому г. Смирдиным: мысль издать собрание повестей и романов заслуживает одобрения; для сборника выбран миньютюрный формат (в 24 долю листа), довольно красивый; шрифт, которым напечатана первая книжка, хорош; бумага очень недурна, – одним словом, внешний вид издания говорит в его пользу» [18. Т. II. С. 755–756].

¹¹ Из 1417 текстов, вошедших в состав нашей базы данных, 89,5% приходятся на поэзию и только 9,4% – на прозу (это 1 268 и 134 текста соответственно). Остальные 0,91% приходятся на драму (13 текстов).

¹² Ср. рецензии на произведения некоторых писательниц, в которых критики считали недостатком их «салонность» и «светскость», не соответствовавшие идейным направлениям своего времени: [18. Т. II. С. 222–232; 25. С. 171–183; 26. С. 473–490].

¹³ Хотя в теории обсуждения «женского вопроса» в России не эксплицитно выделяли отдельную читательскую категорию, на практике оказывалось, что антологии для женщин были удобным педагогическим и идеологическим инструментом в рамках господствующего патерналистского дискурса для реализации идей о том, какой должна быть современная женщина и как она должна быть образованна и развита для того, чтобы иметь возможность воспитывать своих детей в соответствии с новым идеалом просвещенного и осознанного человека, формировать нравственный облик общества. Поэтому оказывается вновь востребованной традиция издания антологий для женщин, в которых очерчивается круг женского чтения. Несмотря на общие инклюзивные интенции, в 1860-х гг. «основным сюжетом либерально-демократической прессы было рассмотрение женщины как “матери и воспитательницы человечества”» [27. С. 89] и одной из интерпретативных схем в дискурсе женского вопроса был фрейм объективации женщин и определения ее положения как зависимого по отношению к мужчине.

¹⁴ Например, стоимость одной книги в серии А.Ф. Смирдина «Библиотека для дач, пароходов и железных дорог» 1855–1856 гг. в среднем равнялась 50 коп. Цена на книги для народа варьировалась от 3 до 30 коп. [29. С. 130–147], в то время как средняя цена поэтической книги или сборника, отдельного издания популярного романа была 1 руб. 50 коп. (например, «Сборника лучших произведений русской поэзии» 1858 г., который издал Н. Щербина). На таком фоне некарасовский сборник «Для легкого чтения» (цена: 1 руб. сер.) был не таким уж дешевым и позволить себе его могли только довольно состоятельные люди. Об этом свидетельствует и содержание сборника – лучшая современная беллетристика и поэзия, взятая со страниц наиболее авторитетных журналов того времени.

¹⁵ Мы разграничиваем два типографских термина: книжная обложка и переплет. Большинство интересующих нас антологий были изданы в «мягких» обложках, а затем помещались в переплеты их владельцами. Однако в нашей базе данных есть несколько антологий, изданных в твердых переплетах (это утверждение основано на просмотре всех имеющихся в РГБ и РНБ экземпляров этих антологий).

¹⁶ Ср. с этим позицию И.А. Гончарова, который в это же время в очерках «Фрагата “Паллада”» легитимирует свой патриотический энтузиазм через идею прогресса, отмену крепостного права, миссионерство и идеализированную цивилизационно-просветительскую миссию Российской империи [30. С. 115].

¹⁷ См. об этом: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре. М.: НЛЮ, 2010. С. 163–227.

¹⁸ Ср. с этим слова Н.Ф. Щербина – издателя и составителя антологии для народа «Пчела» – из предисловия к изданию: «По статьям, здесь собранным и представляющим по мере возможности совокупностью своею бытовую, практическую историческую, патриотическую и нравственную сторону Русской жизни, образцы Русского языка и словесности, знакомство с отечественными писателями, а также и ознакомление собственно с Великорусским народом, по всем этим данным предлагаемую книгу можно употреблять в видах утверждения и развития чувства и сознания Русской народности в Западных и Юго-Западных губерниях России» [17].

Список источников

1. Майофис М. Воздвижение акрополя // Майофис М. Воззвание к Европе. Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818. М.: НЛЮ, 2008. С. 532–600.
2. Лотман Ю.М. Об альманахах пушкинской поры // Декоративное искусство СССР. 1985. № 6. С. 28–29.
3. Рейтблат А.И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении. М.: НЛЮ, 2001. С. 70–82.

4. Гин М.М. Н.А. Некрасов – литературный критик. Петрозаводск : Государственное издательство Карельской АССР, 1957. 190 с.
5. Makeev M.S. Nikolay Nekrasov: poet and entrepreneur. M. : Maks Press, 2008. 235 с.
6. Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М. : Книга, 1965. 592 с.
7. Олещук А. Лучшие образцы русской литературы (1853–1871): сборники 1849–1900: антологии избранной поэзии и прозы, литературные сборники и альманахи, сборники для легкого чтения, сборникантологий для народа и дамские сборники, антологии для женщин // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. URL: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.5-L002>.
8. Genette G. Introduction to the Paratext // *New Literary History*. 1991. № 22. P. 261–272.
9. Лотман М.Ю. Текст и структура аудитории // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. С. 161–167.
10. Шартье Р. Репрезентации письменного текста // Шартье Р. Письменная культура и общество. М. : Новое издательство, 2006. С. 18–44.
11. Korte B. Flowers for the Picking. *Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies // Anthologies of British Poetry. Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam ; Atlanta, 2000. P. 1–32.
12. Houston N. *Anthologies and the Making of the Poetic Canon // A Companion to Victorian Poetry*. Malden : Wiley-Blackwell Publishing, 2002. P. 361–377.
13. Goldensohn B. *Poetry Anthologies and the Canon // The Yale Review*. 1985. № 3. P. 404–414.
14. Ferry A. *Tradition and the Individual Poem. An Inquiry into Anthologies*. Stanford : Stanford University Press, 2001. 289 p.
15. Hopkins D. *On Anthologies // The Cambridge Quarterly*. 2008. Vol. 37, № 3. P. 285–304.
16. Benedict V. *Choice Reading: Anthologies, Reading Practices and the Canon, 1680–1800 // The Yearbook of English Studies*. 2015. Vol. 45. P. 35–55.
17. Щербина Н.Ф. Опыт о книге для народа // *Отечественные записки*. 1861. № 2. С. 285.
18. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939–1953.
19. Бодрова А.С. «Сочинения Лермонтова» 1860 и 1863 годов как историко-литературное исследование и книгоиздательский проект // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 28–46.
20. Байрон в русских переводах 1810-х – 1860-х годов: библиографический указатель // Пушкинский Дом. URL: <http://lib2.pushkinskiy-dom.ru/библиографический-указатель-и-база-данных> (дата обращения: 24.01.2022).
21. Кучерская М.А. Байронизм Некрасова: к постановке проблемы // *Карабиха: историко-литературный сборник*. Т. 9. Ярославль : Академия 76, 2016. С. 8–25.
22. Makeev M.S. Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н.А. Некрасова в середине 1850-х гг. // *Вестник Московского университета*. 2008. № 2. С. 62–71.
23. Mole T. *What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 318 p.
24. Reitblat A. *The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book // Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan, 2020. С. 317–346.
25. Майков А.Н. Очерки современной жизни. Семья Ассессорши. 2 тома. Сочинение М. Корсини // *Современник*. 1848. Т. 12, № 12. С. 171–183.
26. Тургенев И.С. Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части, Москва, 1851 // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 4. М. : Наука, 1980. С. 473–491.
27. Юкина И. *Русский феминизм как вызов современности*. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
28. Вдовин А.В. Литературный канон и национальная идентичность: «Что ты спишь, мужичок?» А.В. Кольцова и споры о рускости в XIX веке // *Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX (4): Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика и литературный канон XIX века*. Тарту, 2013. С. 139–162.
29. Makeev M.S. *Литература для народа: протекция против спекуляции (к истории некрасовских «красных книжек» // НЛЮ*. 2013. Т. 124, № 6. С. 130–147.
30. Vdovin A. *Formulating the «Russian Idea»: Russian Writers and the Nationalization of Patriotism during the Crimean War (Maikov, Goncharov, Pisemsky) // Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV. Tartu*. 2014. P. 107–120.
31. Reitblat A. *The Reading Audience of the Second Half of the Nineteenth Century // Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan : Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 171–209.

References

1. Mayofis, M. (2008) *Vozzvanie k Evrope. Literaturnoe obshchestvo “Arzamas” i rossiyskiy modernizatsionnyy projekt 1815–1818* [Appeal to Europe. Arzamas literary society and the Russian modernization project 1815–1818]. Moscow: NLO. pp. 532–600.
2. Lotman, Yu.M. (1985) *Ob al'manakhakh pushkinskoy pory* [About the almanacs of Pushkin's time]. *Dekorativnoye iskusstvo SSSR*. 6. pp. 28–29.
3. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii* [How Pushkin Became a Genius]. Moscow: NLO. pp. 70–82.
4. Gin, M.M. (1957) *N.A. Nekrasov – literaturnyy kritik* [Nekrasov as a Literary Critic]. Petrozavodsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoy ASSR.
5. Makeev, M.S. (2008) *Nikolay Nekrasov: poet i predprinimatel'* [Nikolay Nekrasov: Poet and entrepreneur]. Moscow: Maks Press.
6. Smirnov-Sokol'skiy, N. (1965) *Russkie literaturnye al'manakhi i sborniki XVIII–XIX vv.* [Russian Literary Almanacs and Collections of the 18th–19th Centuries]. Moscow: Kniga.
7. Oleshchuk, A. (2021) *Luchshie obratzys russkoy literatury (1853–1871): sborniki 1849–1900: antologii izbrannoy poezii i prozy, literaturnye sborniki i al'manakhi, sborniki dlya legkogo chteniya, sbornikiantologii dlya naroda i damskie sborniki, antologii dlya zhenshchin* [Best Examples of Russian Literature (1853–1871): Collections 1849–1900: anthologies of selected poetry and prose, literary collections and almanacs, collections for easy reading, collections of anthologies for the people and ladies' collections, anthologies for women]. [Online] Available from: <https://dataverse.pushdom.ru/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.31860/openlit-2021.5-L002>.
8. Genette, G. (1991) Introduction to the Paratext. *New Literary History*. 22. pp. 261–272.
9. Lotman, M.Yu. (1992) *Izbrannyye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra. pp. 161–167.
10. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 18–44.
11. Korte, B. (2000) *Flowers for the Picking. Anthologies of Poetry in (British) Literary and Cultural Studies*. In: Korte, B., Schneider, R., & Lethbridge, S. (eds) *Anthologies of British Poetry. Critical Perspectives from Literary and Cultural Studies*. Amsterdam; Atlanta: Brill Rodopi. pp. 1–32.
12. Houston, N. (2002) *Anthologies and the Making of the Poetic Canon*. In: Cronin, R., Chapman, A. & Harrison, A.H. (eds) *A Companion to Victorian Poetry*. Malden: Wiley-Blackwell Publishing. pp. 361–377.
13. Goldensohn, B. (1985) *Poetry Anthologies and the Canon. The Yale Review*. 3. pp. 404–414.
14. Ferry, A. (2001) *Tradition and the Individual Poem. An Inquiry into Anthologies*. Stanford: Stanford University Press.
15. Hopkins, D. (2008) *On Anthologies. The Cambridge Quarterly*. 3 (37). pp. 285–304.

16. Benedict, B. (2015) Choice Reading: Anthologies, Reading Practices and the Canon, 1680–1800. *The Yearbook of English Studies*. 45. pp. 35–55. DOI: 10.5699/yearengstud.45.2015.0035
17. Shcherbina, N.F. (1861) Opyt o knige dlya naroda [An exercise of a book for the people]. *Otechestvennyye zapiski*. 2. pp. 285.
18. Chernyshevskiy, N.G. (1939–1953) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Moscow: Goslitizdat.
19. Bodrova, A.S. (2016) “Sochineniya Lermontova” 1860 i 1863 godov kak istoriko-literaturnoe issledovanie i knigoizdatel'skiy proekt [“Works of Lermontov” of 1860 and 1863 as a historical and literary research and book publishing project]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 28–46.
20. Bodrova, A.S., Martynenko, A.I. & Stepina, S.A. (n.d.) *Bayron v russkikh perevodakh 1810-kh – 1860-kh godov: bibliograficheskiy ukazatel'* [Byron in Russian Translations of the 1810s – 1860s: A bibliography]. [Online] Available from: <http://lib2.pushkinskij-dom.ru/bibliograficheskii-ukazatel'-i-baza-dannykh> (Accessed: 24.01.2022).
21. Kucherskaya, M.A. (2016) Bayronizm Nekrasova: k postanovke problem [Byronism of Nekrasov: to the problem]. In: Makeev, M., Yanovskaya, E.V. & Ivushkin, A.A. (eds) *Karabikha: istoriko-literaturnyy sbornik* [Karabikha: Historical and Literary Collection]. Vol. 9. Yaroslavl: Akademiya-76. pp. 8–25.
22. Makeev, M.S. (2008) Robert Berns i Tomas Karleyl' v poeticheskom samoopredelenii N.A. Nekrasova v seredine 1850-kh gg. [Robert Burns and Thomas Carlyle in the poetic self-determination of Nikolay Nekrasov in the mid-1850s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2. pp. 62–71.
23. Mole, T. (2017) *What the Victorians Made of Romanticism. Material Artefacts, Cultural Practices, and Reception History*. Princeton: Princeton University Press.
24. Reitblat, A. (2020) The Book and the Peasant in the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century: from Illiteracy to the Religious Book to the Secular Book. In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan: Ledizioni Ledi Publishing. pp. 317–346.
25. Maykov, A.N. (1848) Ocherki sovremennoy zhizni. Sem'ya Asecorshi. 2 toma. Sochinenie M. Korsini [Essays on modern life. Asecorshi family. 2 volumes. The composition of M. Corsini]. *Sovremennik*. 12 (12). pp. 171–183.
26. Turgenev, I.S. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 4. Moscow: Nauka. pp. 473–491.
27. Yukina, I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. Saint Petersburg: Aleteyya.
28. Vdovin, A.V. (2013) Literaturnyy kanon i natsional'naya identichnost': “Chto ty spish', muzhichok?” A.V. Kol'tsova i spory o russkosti v XIX veke [Literary canon and national identity: “Why are you sleeping, man?” Aleksey Koltsov and disputes about Russianness in the 19th century]. In: Vdovin, A. et al. (eds) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie, IX (4)* [Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic Philology. Literary Studies, IX (4)]. Tartu: University of Tartu. pp. 139–162.
29. Makeev, M.S. (2013) Literatura dlya naroda: protektsiya protiv spekulyatsii (k istorii nekrasovskikh “krasnykh knizhek”) [Literature for the People: Patronage against speculation (on the history of Nekrasov's “red books”).] *NLO*. 6 (124). pp. 130–147.
30. Vdovin, A. (2014) Formulating the “Russian Idea”: Russian Writers and the Nationalization of Patriotism during the Crimean War (Maikov, Goncharov, Pisemsky). In: Kissel'jova, L. (ed.) *Russian National Myth in Transition. Acta Slavica Estonica, VI. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia, XIV*. Tartu: University of Tartu. pp. 107–120.
31. Reitblat, A. (2020) The Reading Audience of the Second Half of the Nineteenth Century. In: Rebecchini, D. & Vassena, R. (eds) *Reading Russia. A History of reading in Modern Russia*. Vol. 2. Milan: Ledizioni Ledi Publishing. pp. 171–209.

Информация об авторе:

Олещук А.В. – стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов и большого проекта «Литература как культурная практика и социальный опыт» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anastasiya.oleschuk@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Oleschuk, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasiya.oleschuk@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.05.2022;
одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 24.05.2022;
approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 141.3
doi: 10.17223/15617793/481/6

Философские аспекты экономики дара

Надежда Дмитриевна Асташова¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
nadya.astashova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются философские вопросы применения экономики дара в современных условиях. В результате критического анализа, направленного на переосмысление сложившихся в науке устойчивых представлений об экономике дара, делаются выводы о том, что цифровые технологии, оперируя открытостью и доступностью информации, обращаются к принципам экономики дара. Глобальной задачей данного типа отношений становится преобразование природы рыночного обмена с тем, чтобы построить совершенно иную систему смыслов. Категории экономики дара становятся важным шагом к пониманию человеком собственного существования.

Ключевые слова: экономика дара, альтруизм, обмен, эгоизм, этический принцип, неотчуждаемые ценности

Для цитирования: Асташова Н.Д. Философские аспекты экономики дара // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 53–59. doi: 10.17223/15617793/481/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/6

Philosophical aspects of a gift economy

Nadezhda D. Astashova¹

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, nadya.astashova@mail.ru

Abstract. The article discusses the philosophical issues of the use of a gift economy in modern conditions. The researcher is faced with the task of a systems analysis of the current trends in the development of the gift economy in their comparison with previous approaches in philosophy and anthropology, and with cultural characteristics of modern society. The method of critical analysis is aimed at rethinking the stable ideas that have developed in science and identifying the uniqueness of the current stage of development of the gift economy. The study examines the concepts of the gift economy as a reversible process, contexts of inalienable, symbolic interaction, systems of moral attitudes, forms of social construction. Conclusions are drawn that, in the revision of economic models of market participants' interaction, we observe the active use of the gift economy as one of the directions of society's development. Digital technologies, operating with openness and accessibility of information, create conditions for the use of the gift economy. Today, the gift economy exists as one of several economies in parallel with traditional commodity relations. However, the global task of this type of relationship is to transform the nature of market exchange in order to build a system of meanings, completely different from those created by utilitarian economists. The value of the gift economy lies in preserving the spiritual, mental connection between people. Corporate solidarity and the joy of giving in public are of paramount importance. Possessing a more ancient, sacred nature than market exchange, donation is aimed at forming long-term relationships in society. Practices of the gift economy include the awareness of oneself as the subjective center of a collective event, which is important for the individual, and give the opportunity to present the best version of oneself in the face of the community. Behind social structures, the gift economy reveals a person with his/her experiences and feelings. Thus, the gift economy becomes an important link to understanding one's own existence in the relationship between culture and society, appears as a way to lead a conscious life based on the inability to separate egoistic goals from collective consciousness, removing the false opposition of exchange and gift, egoism and altruism, motive and principle. We are witnessing the emergence of the economy as a sphere associated with the returning of the potential meanings of human existence, the ensuring of the priority of human relations over material well-being – all this actualizes the appeal to the gift economy as a form of living, emotional being.

Keywords: gift economy, altruism, exchange, egoism, ethical principle, inalienable values

For citation: Astashova, N.D. (2022) Philosophical aspects of a gift economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 53–59. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/6

Утрата значимости классических экономических подходов в современных условиях ставит перед философией экономики непростую задачу осмысления новой социальной парадигмы. Мы вынуждены фиксировать, что современные условия развития экономики на практике не создают условий для благополучия большинства и является причиной экологических, промышленных и социальных катаклизмов. Волна общественных призывов в Европе подтолкнула интеллектуальную и политическую элиту к формулированию документов, аргументирующих отказ от роста производства и неограниченного потребления [1]; по их мнению, лишь радикальные меры способны вернуть жизнь людей «к нормальному течению» [2]. Очевидно, что перед современным обществом остро встает необходимость постановки «постматериалистических» целей экономики, обеспечивающих приоритет человеческих отношений над материальным благосостоянием (Н. Кляйн) [3]. Исследователи «другой экономики» (в частности, Дж. Стиглиц [4]), видят свою задачу в получении нового экономического знания, в фокусе внимания оказываются проблемы иных принципов экономического сознания, а также решение методологических и теоретических вопросов, связанных с ними.

В свете подобных тенденций призыв о возвращении к экономике дара как форме «живого», эмоционального бытия (М. Мосс) звучит как никогда актуально.

Как понимать «экономику дара»?

Конструирование символической логики экономики дара представлено двумя направлениями: первое основано на понимании дарения как условия взаимности (М. Мосс, К. Леви-Стросс, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё), второе интерпретирует дар в качестве нерационального, не подразумевающего ответа действия (Ж. Батай, М. Годелье) или отрицает возможность дара как такового вообще (Ж. Деррида).

Начало социальных отношений в первобытных обществах М. Мосс [5] видит в обмене дарами как важнейшей функции социального взаимодействия. Он берет за основу трехфазную экономическую схему: дар–получение дара–ответный дар. В качестве особенной формы дарения М. Мосс рассматривает демонстративный акт (потлач), при котором каждый стремится превзойти в дарах другого. Амбивалентность дарения предполагает, что, с одной стороны, это добровольное, а с другой – обязующее действие. При демонстративном дарении противостояние может закончиться бессмысленным уничтожением своего имущества с целью показать богатство и превосходство. Здесь в полной мере проявляется суть архаического акта дарения, который был основан на мифических представлениях и имел сакральный смысл, многократно превосходящий значение материального обмена.

Для К. Леви-Стросса [6] экономика дара – это «универсальная модель культуры», в которой проявляется природа человеческих отношений, основанных на структурах бессознательного обмена дарами. Культура в экономике дара выступает контролирующей

инстанцией, гарантирующей стабильность процессов. Цель экономики дара, по К. Леви-Строссу, – регулирование символического взаимодействия в обществе.

В понимании Ж. Батая [7] дар – деструктивное действие, цель которого находится за пределами каких-либо рациональных побуждений: человеку необходимы чрезмерные траты, такие как роскошь, искусство, культы и т.п., – нечто иное всегда рождается через потерю. В своих рассуждениях об отношениях дарения Ж. Деррида [8] идет еще дальше, развивая мысль о бессмысленности жертвы дарения. Согласно его взгляду, истинный дар возможен, если за ним не следует ответного обмена дарами, – такая ситуация становится реальной, когда ни один из участников процесса не воспринимает дар как дарение, что ставит саму идею дара под сомнение.

М. Годелье показывает, что индустриальная культура, так же как и архаичная, состоит из двух контекстов – продаваемого и неотчуждаемого (то, что может быть предметом сделки, и то, что в принципе не может быть предметом), т.е. «в рыночном обществе вне рынка» присутствуют идеальное в качестве продукта мышления – дара [9. С. 130]. Через понятие дара, который обогащает социальное бытие индивида символическими смыслами и кодами, реализуется принцип синтеза воображаемого и материального. По мнению М. Годелье, в обществе, где все выставлено на продажу, существуют «опорные точки культуры» – неотчуждаемые ценности, напрямую связанные с практиками дарения.

Ж. Бодрийяр выступает с критикой товарных отношений при капитализме, которым он противопоставляет символический обмен дарами [10]. Проблему обесценивания бытия в связи с проникновением рыночных отношений во все сферы жизни автор предлагает решить через обращение к идее дара, который может стать «дыханием жизни в задыхающемся обществе» [10. С. 53]. Если товар – это «вещь», то дар – «невещь», в своем символизме он полностью исключен из поля стоимостей [11. С. 150], он не экономичен и противоположен производству / производительности. Дар и ответный дар составляют сущность амбивалентного бытия [12. Р. 128], культура и история переживаются нами не как вещь, а как неотчуждаемый дар передачи опыта от предшествующих поколений последующим [12. Р. 83].

Обмен дарами, по П. Бурдьё, становится формой социального конструирования; поскольку в современном обществе реальные экономические механизмы удерживания власти над людьми перестали быть эффективными, господствующие круги вынуждены прибегать к отношениям символического обмена [13. С. 149], таким образом происходит коллективное отрицание экономики «ты мне – я тебе», она «не просто исключена, она невысказана» [13. С. 96].

Тем не менее, несмотря на очевидные перспективы экономики дара, мы по-прежнему сталкиваемся с ее неприятием некоторыми исследователями [14], в связи с чем считаем необходимым более подробно рассмотреть философские аспекты данной проблемы.

Обмен или дарение?

Одной из главных химер социальной теории является убеждение, что в основе как общественных, так и личных отношений лежит идея взаимовыгодного обмена (купли-продажи). Этот подход долгое время поддерживался теорией Марса–Энгельса, в которой они пытались применить исторический контекст капитализма в качестве всеобщего принципа существования цивилизации [15. Р. 15]. Этим же путем следует и К. Леви-Стросс в своих антропологических исследованиях, связывая культурный прогресс с развитием торговли и утверждением ценностей консюмеризма. Идея коммерческого взаимовыгодного обмена в качестве основополагающего принципа жизни человека активно культивировалась в течение всего XX в., в результате чего мы имеем «превращение мысленной инверсии в инверсию конструируемой реальности» [16. С. 162]. Массовое сознание XXI в. предполагает новую модификацию старой идеи, в результате чего мы становимся свидетелями невысказанной ранее логики «контракта на рождение» человека [9. С. 256]. Так, А. Мулен описывает случаи в США, когда дети с инвалидностью подали в суд на родителей за то, что они, узнав о физических недостатках во время внутриутробного развития, допустили их появление на свет [17. С. 57]. Абсурдность увлеченности концептом рыночного обмена, делающим даже связь человека с его родителями предметом сделки, демонстрирует недопустимость сведения многообразия отношений в культуре к данному принципу.

Развенчание иллюзии ценности обмена, возможно, следует начать с рассуждений Э. Дюркгейма о происхождении экономических ценностей из религиозных представлений. Согласно его тезисам, в основе человеческой деятельности «стоит высшая духовная реальность, а именно коллектив» [18. С. 7], являющийся выражением «страсти к бесконечному» и возводящий «беспорядочность в закон». То есть наиболее существенное влияние на жизнь общества оказывают эмоциональные состояния человека, определяющими из которых являются чувства симпатии и солидарности, им мы обязаны появлению социальности. М. Мосс подхватывает эту мысль: на протяжении всей истории человечества в обществах «циркулирует нечто совсем иное, нежели полезность» [5. С. 271]. Очевидно, что кроме продажной стоимости вещь обладает чувственной ценностью, – этот принцип и ложится в основу экономики дара. В отличие от экономического обмена, в котором циркулируют объективные, количественные показатели стоимости, экономика дара определяется субъективной оценкой качества отношений. Первостепенное значение приобретают «корпоративная солидарность» и «радость отдавать публично» (М. Мосс). Так, за социальными структурами экономики дара обнаруживает человека с его переживаниями и чувствами, выступающими «неотчуждаемыми объектами» (М. Гodelь) при любом общественном строе.

М. Мосс настаивает на возвратности как обязательном условии дарения, аргументируя тем, что «невозмещенный дар также принижает того, кто его при-

нял» [5. С. 262]. Выступая против интерпретации дара как щедрости [5. С. 98], Ж. Бодрийяр отстаивает реверсивность дарения, когда дар – это лишь вызов, символическое обращение к оппоненту [11]. И действительно, если рассматривать дар как «индивидуальный тотем» [19. С. 307], генерирующий индивидуальные ценности, то символическая возвратность неизменно в качестве отклика коллективного сознания на индивидуальные стремления дарителя. Однако не все исследователи согласны с такой позицией. А. Вайнер утверждает, что дарение никак не связано с укоренившимся в западном мышлении принципом «ты мне – я тебе», а вызвано желанием сохранить нечто, не подлежащее обмену, что «свидетельствует об идентичности индивида или группы и этим утверждает различие между людьми или группами» [20. Р. 43]. Ценность дарения – в сохранении ментальной связи между людьми. Если и говорить об обратимости дарения, то это с большой долей вероятности эмоциональный ответ, когда две стороны, вступая в контакт, инициируют обращение к субъективным качествам друг друга, в отличие от товарных отношений, в которых преобладает взаимодействие, опосредованное абстракцией «холодного» чужака, выступающего посредником – третьим лишним в денежном / вещественном обмене. Дарение стимулирует семейные чувства не только между родственниками, но и между малознакомыми людьми, об этом свидетельствует популярность практики обмена подарками, услугами, помощью и т.п. [21. Р. 68.]. Именно благодаря чувствам солидарности, преданности и великодушия, возникающим при дарении, с глубокой древности народы подкрепляют свои союзы (военные, брачные, торговые) преподнесением даров, тем самым обращаясь к эмоциям, а не рассудку. Такой тип отношений направлен в будущее и нацелен на поддержание длительного контакта.

Вполне логично, что в силу некалькулируемости дарения, в отличие от товарности обмена, оно предстает в первую очередь символической экономикой эмоций. Экономика дара парадоксально противопоставляется взаимовыгодному рыночному обмену, при этом осуществляя символическую реверсивность, при которой вещи становятся несводимы к тому, чем они были до акта дарения. Обладая более древней, сакральной природой, чем рыночный обмен, дарение выходит за рамки осознаваемого дарителем и одариваемым. Анализ отношений, возникающих при экономике дара, демонстрирует факт того, что процессами рыночного обмена далеко не исчерпывается все многообразие человеческих взаимоотношений как в современной культуре, так и при традиционном укладе. Взаимовыгодный обмен – один из множества способов функционирования общества, но не его цель.

Альтруизм или эгоизм?

В первом приближении альтруистическое поведение кажется наиболее очевидным объяснением экономики дара. В связи с этим особое значение приобретают практики изучения дарения как уникального феномена, способного объяснить формирование личности и общества [16. С. 201].

О. Конт определял альтруизм как «религию человечества» [22], выводимую исключительно из области чувственно-иррационального. Следуя этой, ставшей классической, установке, в научной литературе часто встречается противопоставление альтруизма и эгоизма. Не исключение и экономические теории, определяющие альтруизм как совокупность установок и действий, не требующих ничего взамен и ориентированных на благо других. Эгоизм же в них становится выражением противоположной позиции, с ним связывают меркантильное, направленное на удовлетворение индивидуальных потребностей поведение.

Однако в современных условиях альтруистическая концепция претерпевает существенные изменения, приобретая форму «экономического альтруизма». С. Боулз считает, что для эффективной деятельности индивид должен «отдавать предпочтение альтруистическому поведению, т.е. принимать во внимание эффект своих действий на других» [23. С. 114]. В подтверждение подобных выводов М. Сандел отмечает, что «назначение цены на любую деятельность человека подрывает гражданские блага» [24. Р. 121]. Проблематичность использования экономических стимулов наталкивает Т. Нагеля на выводы о том, что у экономических субъектов есть существенный повод приносить пользу другим людям без какого-либо мотива в виде личной выгоды или симпатии [25]. Ж. Аттали в набирающей популярность «отношенческой экономике» видит этап перехода к новым социальным отношениям, главной идеей которых станет осознанная взаимопомощь между различными социальными группами с целью устранения конфликтов и обеспечения безопасности [26]. «Экономический альтруизм» выделяет коллективные ценности в качестве важного фактора экономического поведения, определяющего предпочтение при распределении прибыли. При наличии причинно-следственных связей в современной трактовке экономистов альтруизм больше не понимается как исключительно чувственно-иррациональное явление.

Важно понимать, что «экономический альтруизм» – явление отнюдь не новое. В.П. Эфроимсон показал эволюционную обусловленность альтруистического поведения в качестве важного условия выживания коллектива, при котором общественные цели преобладают над личными [27]. Характерным проявлением современного альтруизма может служить экономика дара, выражающая идею сотрудничества, при котором индивидуальный безвозмездный дар (например, дар знания ученого) служит важным условием благополучия целого общества.

Действительно, будучи социальными существами, мы вынуждены учитывать интересы других людей, при этом степень внутренней эгоистичности не имеет никакого значения. Если альтруизм предполагает мышление, направленное на понимание чужих потребностей, то в этом случае возникает мысль о том, что и все остальные испытывают аналогичные переживания (боль, страх, любовь). Но для реализации эгоистического интереса также требуется осознание иной точки зрения другого человека, без которой до-

стижение индивидуальных целей невозможно. В «индивидуализированном обществе» (З. Бауман) практики экономики дара включают важное для личности осознание себя как субъективного центра некоего коллективного события. В акте дарения противопоставление эгоизма и альтруизма снимается, личный мотив и коллективные ценности сливаются в единое целое. Экономика дара становится важным шагом к пониманию собственного существования во взаимосвязи с культурой и обществом, существующими независимо от нас. Таким образом, она предстает способом вести осознанную жизнь, исходя из понимания невозможности отделить эгоистические цели от коллективного сознания.

Мотив или этический принцип?

Амбивалентность экономики дара наталкивает на мысли о невозможности понимания ее в качестве суммы этических принципов, поскольку значение дара для дарителя не может быть оценено с позиции коллективного блага, и даритель в итоге рассчитывает получить нечто, превосходящее его дар по ценности: славу, признание, популярность, статус и т.п.

С одной стороны, сложно не согласиться с этим аргументом. В ситуации экономических и социальных кризисов все большее количество талантливых молодых людей ищет финансовой помощи у покровителей. Однако даритель и одариваемый в реальности живые люди со своими желаниями и обстоятельствами, послужившими причиной этого бартера. Феномен психологического переноса объясняет участие в дарении: даритель бессознательно проецирует пережитые в прошлом отношения на участников новых. Для одних власть и контроль, возникающие в силу финансовой природы дарения, позволяют чувствовать себя уверенней, для других определяющим является так называемый «комплекс спасителя», базирующийся на вере в собственное уникальное предназначение, заключающееся в помощи другим и т.п. При всем многообразии личных мотивов дарения общим для них является возможность «демонстрации своего превосходства, показывая, что ты нечто большее и высшее» [28. Р. 467].

Материальная составляющая дарения, переходя в духовную сферу, открывает другую сторону дарения, связанную с реализацией этических составляющих этих отношений. Целый ряд исследователей экономики дара [20, 29–31] отмечают, что для участников сообщества гораздо более важным оказывается отдавать, чем брать, поэтому компенсация за дар не является важным условием инициализации дарения. В данном случае дарение понимается как форма общения, проявление внимания к другим людям. Особенно ярко этот аспект проявляется при одаривании тех, кто совершенно в этом не нуждается. Здесь бескорыстное дарение не может быть представлено как замаскированный эгоистический интерес, а в качестве этического принципа образует гораздо более крепкие социальные связи, чем те, которые формируются «эгоистическим интересом экономически мотивированных личностей» [32. Р. 129]. Антиэкономический принцип дарения «трансцендирует такие стоимости,

как воспоминание и возрождение, традиция и утопия счастливого единения» [32. Р. 129], вызывая психологическое состояние удовлетворения и радости в результате дара, – именно это альтруистическое начало как моральная ценность становится основой формирования чувства единения в обществе.

Этическая составляющая экономики дара помогает человеку представить лучшую версию себя для общества. Это, бесспорно, является и эгоистичным мотивом, и коллективным требованием, лишаящим выбора: «хороший человек» – это статус-кво, потеря которого означает утрату значимости для других. Отказаться от бескорыстного дара также невозможно, поскольку одариваемый попадает в аналогичную зависимость: если ты отказываешься от дара, значит ты признаешь себя аутсайдером, не заслуживающим подарков. Такой подачей экономика дара фиксирует дарение в качестве этического нормы.

Сепарабельность индивидуальной мотивации и морали является отправной точкой рассуждений для большинства современных экономистов [23. С. 112]. Однако в случае экономики дара мы наблюдаем ситуацию, в которой эффект от дуэта независимых друг от друга мотивов и этических принципов оказывается выше, чем если они представляли бы собой смысловое единство. Акт дарения направлен на реализацию коллективных ценностей, при этом остается личностным, сохраняя интимные мотивы дарителя, вот почему истинные цели дарения часто полностью скрыты. Реализуя этические принципы, экономика дара не просто проясняет социальную природу, но и заново определяет границы понимания человека.

Современная экономика дара

В XXI в. на фоне стабильного падения прибыльности товарного производства капиталистические системы обращаются к информационным ресурсам в качестве источника экономической прибыли. Инфраструктура информационных данных стала играть ключевую роль в развитии предприятий, а эффективность использования открытого доступа к информации является важным фактором участия в современных экономических процессах. Цифровые технологии способствуют активному вовлечению большого количества людей в разработку и появление на рынке новых продуктов, повышения качества сервисного обслуживания. К. Фукс и С. Севиньяни наглядно показывают «информационную деятельность» в качестве новой формы занятости на рынке труда: как результат совместной коммуникативной и познавательной работы в Интернете появляются информационные продукты, обладающие всеобщим значением [33. Р. 252–253]. Создаваемое на цифровых просторах знание в качестве практики совместной жизнедеятельности превратилось в реальную производительную силу на рынке. Например, контекстная реклама, которая однозначно обладает потребительской стоимостью и денежным эквивалентом, но ее двойственный характер заключается в том, что информация остается под контролем пользователей и полностью отвечает их потребностям, – конечный продукт предстает результатом совместного творчества соцсети, пользователя и

рекламодателя. Использование онлайн-активности и сбор данных через социальные сети позволяет корпорациям незаметно для человека вовлекать его в производство, преумножая капитал и удерживая власть в своих руках.

Бесспорно, интернет-медиа создают условия для цифровой эксплуатации огромных человеческих ресурсов в рыночном взаимодействии. Однако, будучи коллективным продуктом, информационная деятельность демонстрирует свою амбивалентность, включаясь в экономику дара.

С одной стороны, использование таргетированной рекламы превращает самовыражение индивида через онлайн-платформы в товар, с другой стороны, открытость и доступность ресурсов социализируют человеческую деятельность. И если мы говорим о том, что время, проведенное онлайн, воспринимается как форма досуга [34], то в восприятии индивида «информационная деятельность» становится творчеством, игрой [33. Р. 287]. То есть можно говорить о том, что самовыражение человека онлайн выходит за рамки рыночных схем и выстраивается на основе творческого восприятия мира и других людей. В качестве примера можно привести размещение в открытом доступе произведений искусства, фотографии, дизайн акантов соцсетей и сайтов, записи концертов, видеоролики с демонстрацией многочисленных талантов в Интернете и т.п. Важно отметить, что такая творческая активность далеко не всегда подразумевает коммерческую основу; размещая информацию или произведение онлайн, автор включается в экономику дара: деля объект всеобщим достоянием, через символический акт дарения подчеркивает его ценность для сообщества. Для пользователей сети, безвозмездно делящихся информацией, первостепенное значение приобретают душевная, ментальная связь между людьми, радость отдавать публично.

Анализируя ситуацию дарения в науке, когда научное призвание выступает как дар (божественный или инициированный учителем) [35. С. 252], И.Т. Касавин обращает внимание на то, что особый дар знания (особенно в рамках фундаментальных исследований) нельзя купить, им можно только поделиться, а наука требует слишком долгой и трудной социализации, чтобы руководствоваться в первую очередь мотивом прибыли [28. Р. 455]. В ситуации научного знания акт дарения предстает важным условием благополучия всего сообщества. При этом личные мотивы ученого заниматься исследованиями выглядят незначимыми в свете реализации коллективных ценностей и начинают восприниматься как форма альтруизма.

На базе открытых интернет-платформ (open data), позволяющих оперировать огромными массивами данных в различных областях, формируется новое качество научных исследований. Так, интернет-энциклопедия «Википедия», будучи некоммерческим проектом, привлекает тысячи авторов, работающих абсолютно бесплатно. Пример «Википедии» демонстрирует, что материальная составляющая дарения переходя в духовную сферу, открывает сторону, связанную с реализацией этических ценностей, согласно

которым гораздо более важным оказывается отдавать, чем брать, не задумываясь о возможной компенсации за дар. Таким образом, цифровые технологии, оперируя открытостью и доступностью информации, создают условия для использования экономики дара.

В заключение можно сделать вывод о том, что в ситуации пересмотра экономических моделей взаимодействия участников рынка мы наблюдаем активное применение экономики дара в качестве одного из направлений развития общества. На сегодняшний день экономика дара существует как одна из нескольких экономик параллельно с традиционными товарными отношениями. Однако глобальной задачей данного типа отношений становится преобразование природы рыночного обмена с тем, чтобы построить совершенно иную систему смыслов, отличную от созданной экономистами-утилитаристами.

Ценность экономики дара заключается в сохранении душевной, ментальной связи между людьми. Первостепенное значение приобретают корпоративная солидарность и радость отдавать публично. Обладая более древней, сакральной природой, чем рыноч-

ный обмен, дарение нацелено на формирование длительных отношений в социуме.

Практики экономики дара включают важное для личности осознание себя в качестве субъективного центра некоего коллективного события, дают возможность представить лучшую версию себя перед лицом сообщества. За социальными структурами экономика дара обнаруживает человека с его переживаниями и чувствами. Таким образом, экономика дара становится важным шагом к пониманию человеком собственного существования во взаимосвязи с культурой и обществом, предстает способом вести осознанную жизнь, исходя из невозможности отделить эгоистические цели от коллективного сознания, снимая ложное противопоставление обмена и дара, эгоизма и альтруизма, мотива и принципа.

Мы являемся свидетелями становления экономики в качестве сферы, связанной с процессами возврата потенциальных смыслов существования человека, обеспечивающих приоритет человеческих отношений над материальным благосостоянием, – все это актуализирует обращение к экономике дара в качестве формы живого, эмоционального бытия.

Список источников

1. The EU Needs a Stability and Wellbeing Pact, Not More Growth // Theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/sep/16/the-eu-needs-a-stability-and-wellbeing-pact-not-more-growth> (accessed: 07.06.2021).
2. What is degrowth? // Degrowth.info.en. URL: <https://www.degrowth.info/en/degrowth-definition/> (accessed: 07.06.2021).
3. Кляйн Н. Это меняет все. Капитализм против климата. М.: Муза SA, 2016. 576 с.
4. Стиглиц Дж. Глобализация : тревожные тенденции. М.: Мысль : Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. 300 с.
5. Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011. 416 с.
6. Lévi-Strauss C. Les Structures Élémentaires De La Parenté. Berlin : de Gruyter Mouton, 2002. 591 p.
7. Bataille G. La notion de dépense // Bataille G. Oeuvres complètes. Paris : Gallimard, 1970. Vol. 1: Premiers Ecrits, 1922–1940. P. 302–320.
8. Derrida J. Donner Le Temps I: La Fausse Monnaie. Paris : Galilée, 1991. 221 p.
9. Годель М. Загадка дара. М.: Вост. лит., 2007. 295 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2003. 258 с.
12. Baudrillard J. Fragments: Cool Memories III, 1990–1995. London : Verso, 1997. 154 p.
13. Бурдьё П. Экономическая антропология : курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 416 с.
14. Столярова О.Е. Призвание ученого в расколдованном и вновь заколдованном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 255–260.
15. Bloch M. Marxism and Anthropology: The history of a relationship. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1991. 180 p.
16. Белик А.А. Человек в экономической антропологии. М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 371 с.
17. Мулен А.М. Тело с точки зрения медицины // История тела : в 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2016. Т. 3: Перемена взгляда: XX век / ред. тома Ж. Ж. Куртин. С. 11–62.
18. Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд. СПб.: Союз, 1998. 492 с.
19. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.
20. Weiner A. Inalienable Possessions: the Paradox of Keeping – While-Giving. Berkeley : University of California Press, 1992. 264 p.
21. Bourdieu P. Practical Reason – on the theory of action. Cambridge ; Oxford : Polity Press, 1994. 153 p.
22. Конт О. Общий обзор позитивизма. М.: Либроком, 2012. 296 с.
23. Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан // Экономическая социология. 2016. Т. 17, № 4. С. 100–128.
24. Sandel M. What Money Can't Buy: the Moral Limits of Markets. New York : Farrar, Straus and Giroux. 2012. 244 p.
25. Nagel T. The Possibility of Altruism. Princeton : Princeton University Press, 1970. 148 p.
26. Аттали Ж. Краткая история будущего : мир в ближайшие 50 лет. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
27. Эфромсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10. URL: <http://www.evolbiol.ru/document/940> (дата обращения: 07.07.2021).
28. Kasavin I. Gift Versus Trade: on the Culture of Science Communication // Philosophy of the Social Sciences. 2019. Vol. 49 (6). P. 453–472.
29. Cheal D. Gift Economy. New York : Routledge, 1988. 228 pp.
30. Wenzel G. W., Kishigami N. The Social Economy of Sharing: Resource Allocation and Modern Hunter – Gatherers. Osaka : National Museum of Ethnology, 2000. 219 p.
31. Woodburn J. Sharing is not a form of exchange: an analysis of property-sharing in immediate-return hunter-gatherer societies // Property relations: Renewing the anthropological tradition. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 48–63.
32. Berking H. Sociology of giving. London : Sage, 1999. 176 p.
33. Fuchs Ch., Sevignani S. What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? // TripleC. 2013. Vol. 11 (2). P. 237–293.
34. Афанасов Н. Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. Т. 1, № 1. С. 43–61.
35. Касавин И.Т. Этический парадокс науки: между абсолютным и солидарностью // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 249–254.

References

1. The Guardian. (2018) The EU Needs a Stability and Wellbeing Pact, Not More Growth. *The Guardian*. 16 September. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2018/sep/16/the-eu-needs-a-stability-and-wellbeing-pact-not-more-growth> (Accessed: 07.06.2021).
2. Degrowth. (n.d.) *What is degrowth?* [Online] Available from: <https://www.degrowth.info/en/degrowth-definition/> (Accessed: 07.06.2021).
3. Klein, N. (2016) *Eto menyaet vse. Kapitalizm protiv klimata* [This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate]. Translated from English. Moscow: Muza SA.
4. Stiglitz, J. (2003) *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii* [Globalization and Its Discontents]. Translated from English. Moscow: Mysl'.
5. Mauss, M. (2011) *Obshchestva. Obmen. Lichnost': trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality: Works on social anthropology]. Translated from French. Moscow: KDU.
6. Lévi-Strauss, C. (2002) *Les Structures Élémentaires De La Parenté*. Berlin: de Gruyter Mouton.
7. Bataille, G. (1970) *Oeuvres complètes*. Vol. 1. Paris: Gallimard. pp. 302–320.
8. Derrida, J. (1991) *Donner Le Temps I: La Fausse Monnaie*. Paris: Galilée.
9. Godelier, M. (2007) *Zagadka dara* [The Enigma of the Gift]. Translated from French. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Translated from French. Moscow: Dobrosvet.
11. Baudrillard, J. (2003) *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign]. Translated from French. Moscow: Biblion – Russkaya kniga.
12. Baudrillard, J. (1997) *Fragments: Cool Memories III, 1990–1995*. London: Verso.
13. Bourdieu, P. (2019) *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lektiy v Kollezhe de Frans* [Economic Anthropology: A course of lectures at the College de France]. Translated from French. Moscow: RANEPА (“Delo”).
14. Stolyarova, O.E. (2020) The vocation of a scientist in a disenchanted and re-enchanted world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 255–260. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/26
15. Bloch, M. (1991) *Marxism and Anthropology: The history of a relationship*. Oxford; New York: Oxford University Press.
16. Belik, A.A. (2014) *Chelovek v ekonomicheskoy antropologii* [Man in Economic Anthropology]. Moscow: Izd-vo Ippolitova.
17. Moulin, A.M. (2016) Telo s tochki zreniya meditsiny [The body from the point of view of medicine]. In: Corbin, A., Courtine, J.-J. & Vigarello G. (eds.) *Istoriya tela* [The History of the Body]. Translated from French. Vol. 3. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 11–62.
18. Durkheim, E. (1998) *Samoubiystvo: sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A sociological study]. Translated from French. Saint Petersburg: Soyuz.
19. Durkheim, E. (2018) *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life]. Translated from French. Moscow: Elementarnye formy.
20. Weiner, A. (1992) *Inalienable Possessions: the Paradox of Keeping – While-Giving*. Berkeley: University of California Press.
21. Bourdieu, P. (1994) *Practical Reason – on the theory of action*. Cambridge; Oxford: Polity Press.
22. Comte, A. (2012) *Obshchiy obzor pozitivizma* [General Review of Positivism]. Moscow: Librokom.
23. Bowles, S. (2016) Moral'naya ekonomika: pochemu khoroshie stimuly ne zamenyat khoroshikh grazhdan [Moral Economics: Why Good Incentives Cannot Replace Good Citizens]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 4 (17). pp. 100–128.
24. Sandel, M. (2012) *What Money Can't Buy: the Moral Limits of Markets*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
25. Nagel, T. (1970) *The Possibility of Altruism*. Princeton: Princeton University Press.
26. Attali, Zh. (2014) *Kratkaya istoriya budushchego: mir v blizhayshe 50 let* [Brief History of the Future: The world in the next 50 years]. Saint Petersburg: Piter.
27. Efrogimson, V.P. (1971) Rodoslovnaya al'truizma (etika s pozitsiy evolyutsionnoy genetiki cheloveka) [Genealogy of altruism (ethics from the standpoint of human evolutionary genetics)]. *Novyy mir*. 10. [Online] Available from: <http://www.evolbiol.ru/document/940> (Accessed: 07.07.2021).
28. Kasavin, I. (2019) Gift Versus Trade: on the Culture of Science Communication. *Philosophy of the Social Sciences*. 6 (49). pp. 453–472. DOI: 10.1177/0048393119864698
29. Cheal, D. (1988) *Gift Economy*. New York: Routledge.
30. Wenzel, G.W. & Kishigami, N. (2000) *The Social Economy of Sharing: Resource Allocation and Modern Hunter – Gatherers*. Osaka: National Museum of Ethnology.
31. Woodburn, J. (1998) Sharing is not a form of exchange: an analysis of property-sharing in immediate-return hunter-gatherer societies. In: Hann, C.M. (ed.) *Property Relations: Renewing the anthropological tradition*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 48–63.
32. Berking, H. (1999) *Sociology of Giving*. London: Sage.
33. Fuchs, Ch. & Sevignani, S. (2013) What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *TripleC*. 2 (11). pp. 237–293. DOI: 10.31269/vol11iss2pp237-293
34. Afanasov, N. (2019) Svobodnoe vremya kak novaya forma truda: tsifrovye professii i kapitalizm. [Free time as a new form of work: digital professions and capitalism]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 1 (1). pp. 43–61.
35. Kasavin, I.T. (2020) The ethical paradox of science: between the absolute and solidarity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 55. pp. 249–254. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/55/25

Информация об авторе:

Асташова Н.Д. – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.D. Astashova, Cand. Sci. (Philosophy), senior lecturer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 11.01.2022;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 101.14
doi: 10.17223/15617793/481/7

Философия Ницше как проект семиотической онтологии

Вячеслав Тависович Фаритов¹, Илья Вячеславович Дёмин²

¹ Самарский государственный технический университет, Самара, Россия, vfar@mail.ru

² Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия, ilyadem83@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу семиотических аспектов учения Ф. Ницше. Авторы обосновывают тезис, что в философии Ницше представлен проект семиотической онтологии, основанный на понимании воли к власти как семиотического процесса. Показано, что в европейской метафизике утвердилась семиотическая модель платонизма, исходным пунктом которой выступает гипостазирование трансцендентного означаемого. Авторы приходят к выводу, что в учении Ницше разрабатывается семиотическая модель иного типа, позволяющая выйти за пределы концептуального горизонта европейской метафизики.

Ключевые слова: семиотика, знак, означаемое, онтология, метафизика, Ницше, Платон

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-2252.2021.2 «Политический язык российского консерватизма: культурно-семиотический анализ».

Для цитирования: Фаритов В.Т., Дёмин И.В. Философия Ницше как проект семиотической онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 60–65. doi: 10.17223/15617793/481/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/7

Nietzsche's philosophy as a project of semiotic ontology

Vyacheslav T. Faritov¹, Ilya V. Demin²

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

² Samara National Research University, Samara, Russian Federation, ilyadem83@yandex.ru

Abstract. The article analyses the semiotic aspects of Nietzsche's teachings. The authors substantiate the thesis that Nietzsche's philosophy presents a project of semiotic ontology based on understanding the will to power as a semiotic process. Post-metaphysical philosophy emerges as a response to the event of a crisis in European metaphysics. The situation of "loss of confidence in metanarratives" provokes the need for a reorientation of philosophical discourse and the search for new conceptual horizons of philosophical thinking, up to the development of a new categorical-conceptual apparatus. The metaphysical categories of substance, phenomenon, existence, transcendence turn out to be inadequate for post-metaphysics. In this situation, Nietzsche was one of the first to search for other perspectives of philosophical thinking. In his teachings, a project of semiotic philosophy is already presented as an alternative to metaphysics. Of course, both the philosophy of language and the theory of the sign were developed even before Nietzsche. But it was primarily a metaphysical philosophy: language was interpreted as a sphere of representation of being. Nietzsche implements a fundamentally different approach: being itself turns out to be only an effect of language, a grammatical phenomenon. The article substantiates the thesis that Nietzsche's speech is not about the rejection of ontology as such, but about the formation of a new ontological paradigm, an ontology of a post-metaphysical type. This is not an ontology of transcendental being, being as a "thing-in-itself", in relation to which everything sensuously perceived acts as a sign, a "phenomenon." Nietzsche presented a draft ontology of the sign itself. The philosopher understands meaning as a permanent process of meaning formation, not as a representation of a transcendental substance. In Nietzsche's philosophy, signification is not a representation of the will to power, hypostatized in the manner of Schopenhauer's metaphysics. The very process of signifying is nothing more than the will to power. The will to power, understood as a process of meaning and interpretation, meaning formation, is not something fixed, established once and for all. The will to power as a semiotic process is a permanent formation, a continuous generation of new meanings and values. The article shows that Nietzsche implements a project of Heraclitean semiotics, proceeding from the ontological premise of understanding meaning formation as a stream that does not know the completion of formation. As a result of the study, the authors come to the conclusion that Nietzsche's orientation towards a hierarchical order of values again allows drawing a parallel between Nietzsche and Plato. At the same time, the article articulates the difference between the semiotic-ontological models: Plato proceeds from the inner structure of the soul, from the order of eternal ideas, while Nietzsche asserts the will to power as a process of creating higher values and orders of existence. Plato proceeds from the transcendent signified to be represented; for Nietzsche, the will to power itself is a semiotic process.

Keywords: semiotics, sign, signified, ontology, metaphysics, Nietzsche, Plato

Financial support: The article was prepared with the support of the Council for Grants of the President of the Russian Federation, project MD-2252.2021.2 “The political language of Russian conservatism: cultural and semiotic analysis”.

For citation: Faritov, V.T. & Demin, I.V. (2022) Nietzsche’s philosophy as a project of semiotic ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 60–65. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/7

Одним из знаковых проявлений лингвистического поворота в постметафизической философской мысли является становление философии семиотики [1]. Семиотика трактуется в качестве онтологического учения: «Общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предметов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело» [2. С. 9]. В исследовательской литературе можно встретить положение, согласно которому данное направление вырастает на основе философской рефлексии по поводу семиотики как научной дисциплины: «Философия семиотики вырастает из семиотики. Семиотика дорастает до философских обобщений в теории семиотического пространства (семиосферы) Ю.М. Лотмана, которого следует признать основоположником философии семиотики» [3. С. 1]. Это утверждение можно признать справедливым лишь отчасти. Дело в том, что сама семиотика вырастает из постметафизических преобразований философского дискурса и потому изначально содержит в себе философские импликации. В качестве науки семиотика занимается исследованием вопросов, связанных с функционированием знаковых систем в отдельных областях культуры, например в художественном тексте [4], и в семиотических научных работах могут быть эксплицированы философские мотивы [5]. Но возможно и другое направление исследования: в концептуальных разработках представителей постметафизической философии можно раскрыть становление самой семиотики – в качестве именно философского подхода, ориентированного на решение специфически философских проблем. Данный тезис означает, что философская семиотика существовала до семиотики как науки и до философии семиотики (направления, осуществляющего философскую рефлексии семиотических научных исследований). Таким образом, можно выделить три направления присутствия философии в семиотической парадигме: до семиотики, в семиотике и после семиотики. В настоящем исследовании мы сосредоточим внимание на проблеме философской семиотики до появления семиотики как науки.

Постметафизическая философия возникает в качестве ответа на событие кризиса европейской метафизики. Ситуация «утраты доверия к метанарративам» провоцирует необходимость переориентации философского дискурса и поиска новых концептуальных горизонтов философского мышления вплоть до разработки нового категориально-понятийного аппарата. Метафизические категории субстанции, явления, наличного бытия, трансценденции оказываются неадекватными для постметафизики. В этой ситуации одним из первых к поиску иных перспектив философского мышления обращается Ф. Ницше. В его учении

уже фактически представлен проект семиотической философии в качестве альтернативы метафизике. Разумеется, и философия языка, и теория знака разрабатывались и до Ницше. Но это была преимущественно метафизическая философия: язык трактовался в качестве сферы репрезентации бытия. Ницше реализует принципиально иной подход: само бытие оказывается лишь эффектом языка, грамматическим феноменом: «Язык, по его возникновению, относится ко времени рудиментарнейшей формы психологии: мы впадаем в грубый фетишизм, если вводим в наше сознание основные предположения метафизики языка, по-немецки: *разума*. Оно видит всюду делателя и делание: оно верит в волю как причину вообще; оно верит в “Я”, в Я как бытие, в Я как субстанцию и *проецирует* веру в субстанцию-Я на все вещи – оно *создает* впервые этим понятие “вещь”... Бытие вымысливается, *подсовывается* всюду; из концепции “Я” вытекает впервые, как производное, понятие “бытия”... В начале стоит великое роковое заблуждение, что воля есть нечто *действующее* – что воля есть *способность*... Нынче мы знаем, что она – только слово... <...> В самом деле, ничто до сих пор не имело более наивной силы убеждения, нежели заблуждение о бытии, как оно сформулировано, например, элеатами: ведь за него говорит каждое слово, каждое изрекаемое нами предложение! – Также и противники элеатов подчинялись обольщению их понятием бытия: в числе других и Демокрит, когда он измыслил свой *атом*... “Разум” в языке – о, что это за старый обманщик! Я боюсь, что мы не освободимся от Бога, потому что еще верим в грамматику...» [6. С. 31].

В приведенном фрагменте Ницше осуществляет философскую деструкцию основополагающих категорий метафизики: единства, идентичности, постоянства, субстанции, причины, вечности, бытия (Einheit, Identität, Dauer, Substanz, Ursache, Dinglichkeit, Sein). Все перечисленные категории лишаются своего онтологического статуса и полагаются в качестве продукта гипостазирования грамматики. Позднее данная тенденция будет разработана представителями позитивизма (Л. Витгенштейн, Р. Карнап) и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида). Аналогичные установки могут быть эксплицированы и в семиотике Ю.М. Лотмана [7].

По сути, речь у Ницше идет не об отрицании онтологии как таковой, но о формировании новой онтологической парадигмы, онтологии постметафизического типа [8]. Это не онтология трансцендентного бытия, бытия как «вещи в себе», по отношению к которой все чувственно-воспринимаемое выступает в качестве знака, «явления». У Ницше представлен проект онтологии *самого* знака. Означивание понимается философом не как репрезентация транс-

цендентной субстанции, но как перманентный процесс смыслообразования. В философии Ницше означивание не является репрезентацией воли к власти, гипостазированной на манер метафизики Шопенгауэра. Сам процесс означивания и есть не что иное, как воля к власти.

Это принципиальный момент. Волю к власти не следует понимать биологически-натуралистически. Тем более не следует подозревать Ницше в вульгарном дарвинизме. Воля к власти – сугубо семиотический процесс. Лучше всего этот момент прописан в «К генеалогии морали» – наиболее семиотической работе Ницше. Оспаривая прагматический подход к пониманию развития («глаз создан-де для зрения, рука создана-де для хватания»), мыслитель утверждает понимание истории как осуществляющегося во времени процесса означивания: «...совокупная история всякой “вещи”, органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом и сменяют друг друга» [9. С. 293–294]. Эта поддающаяся все новым интерпретациям непрерывная цепь знаков (eine fortgesetzte Zeichen-Kette von immer neuen Interpretationen und Zurechtmachungen sein) и есть воля к власти как семиотический процесс: «...все цели, все выгоды суть лишь симптомы того, что некая воля к власти возгосподствовала над чем-то менее могущественным и самотворно оттиснула его значением определенной функции» [9. С. 293]. (alle Zwecke, alle Nützlichkeiten sind nur Anzeichen davon, dass ein Wille zur Macht über etwas weniger Mächtiges Herr geworden ist und ihm von sich aus den Sinn einer Funktion aufgeprägt hat). Воля к власти – не лежащая за знаками сущность, но непрерывная интерпретация знаков, процесс генерации новых смыслов и конфликт смыслов и интерпретаций.

В следующем положении мы сталкиваемся с основополагающим тезисом ницшевской семиотической онтологии: «Форма текуча, “смысл” еще более...» [9. С. 294]. (Die Form ist flüchtig, der “Sinn” ist es aber noch mehr...). Воля к власти, понимаемая как процесс означивания и интерпретации, смыслообразования, не является чем-то фиксированным, раз и навсегда установленным. Воля к власти в качестве семиотического процесса представляет собой перманентное становление, непрекращающуюся генерацию новых смыслов и ценностей. Можно сказать, что Ницше реализует проект гераклитианской семиотики, исходящей из онтологической предпосылки понимания смыслообразования как потока, не ведающего завершения становления. Из этой установки Ницше выводит тезис, согласно которому любой предмет с исторической точки зрения есть «отнюдь не *один* смысл, но целый синтез “смыслов”» [9. С. 296]. (nicht mehr Einen Sinn vor, sondern eine ganze Synthesis von “Sinnen”).

Генеалогический метод исследования, используемый Ницше в качестве альтернативы метафизическому методу, предполагает экспликацию смысловых нюансов, выдвигаемых на передний план на той или

иной фазе преобразования понятия (die Phase der Begriffs-Verwandlung) [10. S. 627]. Совокупная история этих фаз преобразования понятия и образует синтез смыслов (Synthesis von “Sinnen”). Особое внимание Ницше уделяет моментам кардинальных трансформаций смысла, пунктам, в которых происходит «радикальный выверт смысла» (die “Sinnes”-Änderung, die radikale Sinnes-Umschlag) [10. S. 684], впадение в противоположную крайность [9. С. 316]. В результате Ницше приходит к утверждению невозможности сведения предмета к единому знаменателю, к раскрытию множественности и гетерогенности смыслового горизонта понятий. По этой причине в текстах философа при внимательном чтении мы никогда не найдем полагания какой-либо одной доминирующей идеи, но всегда будем обнаруживать пучок расходящихся в разных направлениях смыслов. По словам Ницше, в его произведениях читатель встретит «некое эстетическое отвращение к громким, добродетельным и не допускающим возражений словам и вкус, дающий отпор при виде всевозможных четырехугольных противоположностей, *желающий* от вещей доброй доли зыбкости и стирающий противоположности, потому что предпочитает оттенки, тени, послеполуденные блики и безбрежные моря» (der Zwischenfarben, Schatten, Nachmittagslichter und endlosen Meere) [11. С. 131].

Подход, ориентированный на стирание противоположностей и экспликацию гетерогенной множественности оттенков смысла, может быть охарактеризован как семиотика трансгрессии. Такая семиотика выступает в качестве альтернативы метафизической семиотики, представленной в учениях Платона, Канта, Гегеля, Шопенгауэра (называем здесь только наиболее значительных представителей).

В учении Платона задается универсальная схема метафизической семиотики: идея как сверхчувственное означаемое, чувственно воспринимаемая вещь как означающее. Метафизическое означаемое доступно только умозрению: акту, предполагающему переход от множественности означающих к единству универсального означаемого. У Канта это трансцендентное означаемое становится «утопленным», закрывается путь к умозрению, познание возможно только в сфере означающих (явлений). Гегель осуществляет переход от «утопленного означаемого» к «плавающему означаемому»: от неразрешимой потусторонности «вещи в себе» к диалектическому понятию как единству многообразных определений, понятию как процессу, переходящему через противоречие изолированных моментов к их абсолютной тотальности. В учении Шопенгауэра мы находим хаотическое означаемое: стихийная воля в качестве единого основания всех означающих. При всех различиях во всех системах реализована одна семиотическая модель – трансцендентное означаемое как универсальный источник семиозиса. Определенная тенденция к преодолению этой модели наблюдается у Гегеля, вносящего процессуальность и становление в сферу самоозначаемого. Даже складывается впечатление, что в гегелевской диалектике стирается граница между означаемым и означающим, по крайней мере

означающее и означающее у него постоянно меняются местами. Но и у Гегеля в завершении диалектического процесса утверждается метафизическая тотальность идеи. И не следует забывать, что в гегелевской философии то, что достигается в завершении процесса, уже предустановлено изначально. Через окольные пути диалектики Гегель пришел к утверждению платонизма. Платоновская семиотическая модель восторжествовала и в гегельянстве.

Историко-философская значимость Ницше состоит в том, что в его учении реализуется действительный переход от платоновской семиотической модели к гераклитовской. Проблема состоит в том, что в европейской философии именно платоновская модель получила однозначный перевес. Это привело к тому, что за достаточно продолжительный период развития европейской метафизики многие аспекты данной модели были тщательно разработаны, а отчасти и исчерпаны. Побочным моментом этого стала фактически полная нераскрытость философского и семиотического потенциала линии Гераклита. Для западной метафизики Гераклит остался тайной за семью печатями. В XX столетии М. Хайдеггер не нашел ничего лучше, как заявить, что оппозиция Гераклита и Парменида – мнимая, надуманная [12]. Данное утверждение привлекательно во многом в силу своей парадоксальной оригинальности и неожиданности, в действительности же Хайдеггер просто вписал Гераклита в магистральную онтолого-семиотическую модель западной метафизики. Подобным же образом он поступил и с Ницше, истолковав его учение в качестве последнего слова европейской метафизики.

Вопреки авторитетной и по сей день позиции Хайдеггера, мы постараемся продолжить обоснование тезиса, что в учении Ницше реализуется принципиально иная семиотико-онтологическая модель. Эту модель можно было бы назвать гераклитианской. Однако потенциал гераклитовского учения был в столь незначительно малой степени реализован в истории философии, что не будет несправедливости в том, чтобы назвать эту модель ницшеанской. Не имея за спиной фактически никого, кроме далекого, забытого и непонятого Гераклита, Ницше практически начинал все самого начала.

Еще раз подчеркнем принципиальное отличие семиотической онтологии Ницше от метафизической семиотики Платона: в ницшеанской модели нет трансцендентного означаемого. Есть только не имеющий ни начала, ни конца, не ведающий завершения процесс интерпретации. Интерпретация и есть воля к власти – не лежащая в основании всего и подлежащая репрезентации сущность, но сам процесс означивания и смыслообразования: «На самом деле *интерпретация – это прямо-таки прямой способ получить господство над чем-нибудь*» [11. С. 127]. Поскольку семиотический процесс как воля к власти не может получить завершения, неизбежно возникает ситуация конфликта интерпретаций. А именно: уже существующие истолкования вступают в противоречие с новыми истолкованиями. Преодоление уже существующих интерпретаций есть необходимый компонент

воли к власти как трансгрессивного феномена, ориентированного на выход за пределы установленных границ: «всякое *возвышение человека* несет с собою преодоление ограниченных интерпретаций... всякое достигнутое усиление и расширение власти открывает новые перспективы и призывает верить в новые горизонты» [11. С. 104]. Из этой перспективы рождается идея сверхчеловека. Речь идет вовсе не о каком-то новом биологическом типе, но о новом способе истолкования, о новом горизонте оценок: «Проблема, которую я здесь ставлю, не в том, что должно сменить человечество в череде живых существ, но – какой тип человека надлежит *вывести*, надлежит *извоить*: как более ценный, более достойный жизни, какому принадлежит будущее» [13. С. 180].

Положение о выведении человеческих типов неоднократно интерпретировалось в смысле евгеники [14. С. 195–200]. Конечно, сам Ницше дает повод к подобным заключениям, поскольку достаточно щедро использует в своих афористических высказываниях физиологическую терминологию. Ницше действительно говорит о выведении, взращивании (*Züchtung*) не только в метафорическом, но и в прямом смысле. Однако сторонники натуралистического прочтения Ницше забывают, что для философа сама физиология представляет собой процесс интерпретации как воли к власти. Об этом достаточно ясно сказано в «К генеалогии морали»: «Но все задачи, всякая полезность суть лишь *симптомы* того, что некая воля к власти возобладала над чем-то менее могущественным и сама прочно наделила его значением определенной функции; и оттого совокупная история всякой “вещи”, органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом и сменяют друг друга» [9. С. 293–294]. Мы видим, что у Ницше вещь, орган и навык стоят в одном ряду, все они представляют собой непрерывную цепь знаков (*Zeichen-Kette*), подлежащую истолкованию. Поэтому Ницше может использовать физиологическую терминологию и во вполне прямом смысле – поскольку семиотический аспект для него и есть прямой смысл.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что задача взращивания человека нового типа означает для философа в первую очередь преодоление установленных и фиксированных интерпретаций и созидание новых горизонтов смыслов и ценностей. Это справедливо даже в тех случаях, когда Ницше говорит о зачатии и рождении в прямом, биологическом смысле. И брак по Ницше представляет собой волю двух созидать дальше и выше себя («Так говорил Заратустра») – ценностный аспект здесь неотделим от физиологического, само физиологическое имеет, по Ницше, знаковую природу, как было показано выше. Таким образом, проблема разграничения физиологического и семиотического в работах Ницше должна быть снята – у Ницше нет оппозиции физиологического и знакового.

Воля к власти в перспективе жизни отдельного человека предполагает императив “*über sich hinausbauen*”:

«формировать дальше *себя самого*: воля к власти как самовозвышение и усиление» [11. С. 191]. В перспективе жизни общества и государства речь идет о созидании необходимых для самопреодоления и самовозвышения человека условий существования. В этом моменте – в сфере политической философии – одновременно проявляются как точки пересечения, так и пункты расхождения учений Платона и Ницше. Общие тенденции очевидны и не раз отмечались в литературе [14]. И Платон, и Ницше выступают сторонниками аристократического общества и государства. И Платон, и Ницше говорят о выведении определенных типов человека как о главной задаче правильной организации государственного строя. И Платон, и Ницше настаивают на справедливости предписания различных ценностей для разных слоев общества, признают необходимым подчиненное положение масс как фундамента возвышения отдельных типов человека. И для Платона, и для Ницше политика есть в первую очередь философский проект, проект, созданный философом и для философов. Но как раз в философском аспекте и проступают принципиальные различия метафизической семиотики и семиотики трансгрессии.

Как справедливо отмечает Е.Н. Трубецкой, смысл политической утопии Платона «в осуществлении божеского начала в человеке»: «Задача философского государства именно в том и заключается, чтобы осуществить этот нормальный душевный строй, совершить тот полный поворот человека к Богу, о котором повествуется в знаменитом сравнении земной жизни с пещерой» [15. С. 559, 601]. Русский философ верно уловил религиозную направленность платоновского учения о государстве. Он же указал и на историческую ограниченность богопознания в платонизме: «Для Древней Греции Божество должно было оставаться *только* идеей; соответственно с этим и *царство Божие* могло здесь быть *только* философским царством. Платон сказал миру вещь слово. Но *это* слово не могло перейти в дело, стать плотью и вочеловечиться по той простой причине, что оно не было Богом. Божество-идея не могло ни сойти на землю, ни поднять ее до себя. Оно должно оставаться вне области генезиса, то есть, иначе говоря, не могло родиться в мир» [15. С. 640–641]. Впоследствии на новом витке этот конечный вывод платонизма повторит Гегель: и он будет утверждать Бога в качестве идеи. Но идея не есть Бог, идея есть трансцендентное означаемое. В замене Бога трансцендентным означаемым – трагедия европейской философии, избравшей путь метафизической семиотики, пока безумный человек из «Веселой науки» не возвестил смерть *этого* Бога (Бога, который не был Богом...).

Возвестив «смерть Бога», Ницше разом опрокинул модель метафизической семиотики, чего не смогли сделать ни Кант, ни Гегель, ни Шопенгауэр. С Ницше

в философии был открыт путь для семиотической онтологии нового типа. Новая семиотическая модель прочитывается в ницшевской трактовке политики как созидания форм (Formen-schaffen), как артистического насилия (Künstler-Gewaltsamkeit) [9. С. 303]. Здесь речь идет не о репрезентации трансцендентного Бога-идеи в порядке общественного строя, но о государстве как творческой силе, оформляющей и организующей бесформенную (gestaltlose) массу полуживотных (Halbthier). Высшие смыслы не репрезентируются в наличном бытии, они создаются в самом наличном бытии, понятом как воля к власти, как семиотический процесс.

В постструктурализме это открытие Ницше новой семиотической модели выродится в трактовку бытия как лишенной трансцендентного измерения игры означающих. Однако сам Ницше остается мыслителем, бесконечно превосходящим всех поборников языковых игр. Ницше неоднократно подчеркивал, что воля к власти лишена какой-либо цели. И на первый взгляд это обстоятельство сближает философа с постмодернизмом. Однако Ницше говорит лишь об отсутствии *заданной* цели, цели, гипостазированной в качестве трансцендентного означаемого. Но отсюда не следует, что воля к власти вообще не может иметь каких-либо целей. Как семиотический процесс воля к власти сама есть не что иное, как созидание и полагание целей (а также смыслов и ценностей). Она сеть конфликт и война гетерогенных целей, смыслов и ценностей. И она есть победа, обладание одних целей, смыслов и ценностей над другими. И уже здесь, в сфере этой борьбы различных ценностных и целевых перспектив за господство, Ницше утверждает иерархию. Высшее положение в этой иерархии отводится тем целям, которые выражают «стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, <...> возвышение типа “человек”, продолжающееся “самопреодоление человека”» [9. С. 191]. (Verlangen nach immer neuer Distanz-Erweiterung innerhalb der Seele selbst, die Herausbildung immer höherer, seltenerer, fernerer, weitgespannterer, umfanglicherer Zustände, kurz eben die Erhöhung des Typus “Mensch”, die fortgesetzte “Selbst-Überwindung des Menschen”) [16. S. 189]).

Ориентация на иерархический порядок ценностей вновь позволяет провести параллель между Ницше и Платоном. При этом еще раз артикулируется различие семиотико-онтологических моделей: Платон исходит из внутреннего строя души, из порядка вечных идей, Ницше утверждает волю к власти как процесс созидания высших ценностей и порядок существования. Платон исходит из подлежащего репрезентации трансцендентного означаемого, у Ницше сама воля к власти представляет собой семиотический процесс.

Список источников

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
2. Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1, № 1. С. 6–14.
3. Шелковников А.Ю. Философия семиотики. М. : АПКвППРО, 2006. 172 с.

4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб. : Азбука, 2016. 704 с.
5. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. DOI: 10.17223/15617793/419/7
6. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2009. Т. 6: Сумерки идолов. Антихрист. Ессе homo. Дионисовы дифирамбы. Ницше contra Вагнер. 408 с.
7. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. DOI: 10.17223/15617793/434/9
8. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб. : Алетея, 2017. 442 с.
9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». 480 с.
10. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
11. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2005. Т. 12: Черновики и наброски 1885–1887 гг. 560 с.
12. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. *Время и бытие* : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 327–345. (Мыслители XX века).
13. Ницше Ф. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Культурная революция, 2006. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. 688 с.
14. Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб. : Наука, 2016. 287.
15. Трубецкой Е.Н. Социальная утопия Платона // Трубецкой С.Н., Трубецкой Е.Н. *Избранное*. М. : РОССПЭН, 2010. С. 557–645.
16. Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2006. 294 S.

References

1. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Jakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [Open Structure: Jacobson-Bakhtin-Lotman-Gasparov]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Nesterov, A.Yu. (2021) Semiotika kak metodologiya i ontologiya [Semiotics as methodology and ontology]. *Semioticheskie issledovaniya. Semiotic studies*. 1 (1). pp. 6–14.
3. Shelkovnikov, A.Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki* [Philosophy of Semiotics]. Moscow: APKiPPRO.
4. Lotman, Yu.M. (2016) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The Structure of the Artistic Text. Analysis of the poetic text]. Saint Petersburg: Azbuka.
5. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
6. Nietzsche, F. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 6. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
7. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
8. Faritov, V.T. (2017) *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i F. Nitsche u istokov novoy filosofskoy paradigmy (iz istorii metafizicheskikh ucheniy)* [Ontology of Transgression: G.W.F. Hegel and F. Nietzsche at the origins of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical teachings)]. Saint Petersburg: Aleteya.
9. Nietzsche, F. (2012) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
10. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
11. Nietzsche, F. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 12. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
12. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 327–345.
13. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Translated from German. Vol. 13. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
14. Appel, F. (2016) *Nitsche protiv demokrati* [Nietzsche against Democracy]. Translated from German. Saint Petersburg: Nauka.
15. Trubetskoy, E.N. (2010) *Sotsial'naya utopiya Platona* [Social utopia of Plato]. In: Trubetskoy, S.N. & Trubetskoy, E.N. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 557–645.
16. Nietzsche, F. (2006) *Jenseits von Gut und Böse*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.

Информация об авторах:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры “Философия и социально-гуманитарные науки” Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Дёмин И.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самара, Россия). E-mail: ilyadem83@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

I.V. Demin, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara National Research University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 27.11.2021;
approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.3
doi: 10.17223/15617793/481/8

«Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов

Бахри Хуришедович Бахриев¹, Ксения Петровна Боришполец²

^{1,2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия
¹ mr.bahriev29@gmail.com
² oksabor@mgimo.ru

Аннотация. Анализируются особенности формирования «мягкой силы» негосударственных акторов мировой политики. Утверждается, что значительным «мягкосиловым» потенциалом обладают негосударственные акторы, работающие в социально-гуманитарной сфере, у которых «мягкая сила» формируется за счет продвигаемых ими позитивных ценностей, международного признания их деятельности и доверия к ним со стороны членов мирового сообщества. В качестве прикладного примера изучается деятельность духовного лидера исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых им гуманитарных институтов.

Ключевые слова: «мягкая сила», негосударственные акторы, Ага Хан IV, Организация Ага Хана по развитию

Для цитирования: Бахриев Б.Х., Боришполец К.П. «Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 66–76. doi: 10.17223/15617793/481/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/8

Soft power of non-state actors in world politics: The case of Aga Khan IV and his institutions

Bahri Kh. Bahriev¹, Ksenia P. Borishpolets²

^{1,2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation
¹ mr.bahriev29@gmail.com
² oksabor@mgimo.ru

Abstract. The article studies the specifics of the formation of soft power of non-state actors (NSAs) in world politics. The authors argue that contemporary research discourse on soft power mainly focuses on the experience and potential of states for which the soft power component complementary to the resources of hard power is another tool for projecting influence on the international arena. Though scholars recognize that NSAs possess similar resources, this phenomenon does not attract regular academic interest. The aim of the article is to analyze the sources, potential and options of practical application of soft power by NSAs in modern world politics. The main results of the conducted study are as follows. Firstly, the authors have shown that some NSAs' range of tools for influencing the world politics can be viewed within the line, dichotomous and specific to states, of soft power and hard power. Secondly, the authors have revealed that despite the fact that many NSAs utilize various combinations of soft and hard power resources, such a binary model's capacity for them is often limited in time and space. What ensures NSAs' sustainable influence in world politics is their exclusive reliance on soft power resources. Thirdly, the authors have established that NSAs, working in the social and humanitarian sphere, have a significant soft power potential which is largely formed by the nature of the values they promote, the international community's recognition of their activity and the level of trust in them. As a case study, the authors analyze the activity of Aga Khan IV, the head of the Ismaili community, and the humanitarian institutions personally led by him. The study proves that Aga Khan IV's soft power derives not only from considerable human support within adherents of Ismailism, but also from the focus on high principles of humanity, diverse formats of practical activity, and growing international recognition. These factors allow Aga Khan IV to overcome the constraints that individual actors of world politics usually face while projecting international influence and enhancing soft power.

Keywords: soft power of non-state actors, Aga Khan IV, Aga Khan Development Network

For citation: Bahriev, B.Kh. & Borishpolets, K.P. (2022) Soft power of non-state actors in world politics: The case of Aga Khan IV and his institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 66–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/8

Концепция «мягкой силы» достаточно популярна в исследованиях, посвященных разнообразию ресурсов достижения внешнеполитических целей современных государств. Ее концептуальную основу в начале 1990-х гг. впервые предложил известный американский ученый Джозеф Най. По его мнению, «мягкая сила» государства, опирающаяся на его культуру, политические ценности и принципы внешней политики, заключается в «способности оказывать влияние с целью достижения желаемых результатов скорее с помощью привлекательности, нежели принуждения или оплаты» [1. Р. 28]. Логика идеи Дж. Наия выглядит вполне убедительной, если рассматривать возможности влияния государства на международной арене через призму дихотомии «жесткая сила» – «мягкая сила». Согласно такому подходу государство как актор, обладающий исключительным правом на применение насилия на своей территории, но существенно ограниченный в применении силы за рубежом, может получить важный дополнительный ресурс реализации своих внешнеполитических интересов в виде «мягкой силы». Однако одновременно подход Дж. Наия формально ограничивает круг обладателей «мягкой силы» исключительно государствами, которые, хотя и остаются ключевыми, но далеко не единственными акторами современной мировой политики.

В этой связи объективно возникает два вопроса. *Во-первых*, является ли «мягкая сила» ресурсом, который атрибутируется только государствам, или же в современных реалиях этот ресурс может применяться и другими акторами? *Во-вторых*, если «мягкой силой» могут обладать и негосударственные акторы (НГА), то как она формируется и каким образом проявляется в их деятельности? Поиск ответов на поставленные вопросы является *целью* настоящей статьи, а в качестве примера «мягкосилового» влияния НГА авторы анализируют деятельность духовного главы общины исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых им гуманитарных институтов.

Говоря о степени разработанности темы исследования, необходимо констатировать наличие обширного научного задела в изучении разнообразия механизмов проецирования влияния НГА на современную мировую политику. Однако в существующих работах в фокусе внимания специалистов преимущественно оказываются наиболее общие аспекты проблематики ресурсов влияния НГА. Последние в сфере проецирования не-силового влияния часто рассматриваются как стандартные инструменты публичной дипломатии государственных акторов. При этом в контексте осмысления международного влияния НГА главное внимание уделяется анализу возможностей неправительственных организаций (НПО), транснациональных корпораций (ТНК), а также акторов, использующих насилие (террористических группировок), тогда как ресурсы влияния отдельных личностей (персонально или через институты) обычно находятся на периферии научного дискурса. Таким образом, в русскоязычной и англоязычной профильной литературе ощущается недостаток фундаментальных научных публикаций, посвященных анализу особенностей «мягкой

силы» исключительно НГА, факторов ее возникновения, критериев оценки и, что особенно важно, характеристике специфики персонально-атрибутированных ресурсов «мягкой силы» негосударственных участников современной мировой политики.

Источники «мягкой силы» НГА: теоретико-методологический аспект

Оригинальная концепция Дж. Наия не акцентирует внимания на предметном осмыслении возможностей НГА, хотя сам Най признает за ними наличие собственной «мягкой силы». В частности, по его мнению, неправительственные организации, не располагая «жесткой силой», обладают способностью получить желаемые результаты через *привлекательность*, а не *принуждение* [2]. Такой выход концепта «мягкой силы» за рамки этатистской трактовки ресурсов взаимодействия на международной арене открывает возможности его дальнейшего научного развития в интересах мирополитической практики.

Соглашаясь с авторитетным американским профессором, отметим, что большинство НПО действительно обладают именно «мягкой силой», однако отдельные «внесистемные» НГА, например террористические, могут иметь в своем распоряжении и другие ресурсы, они могут использовать давление / насилие. Инструменты влияния таких НГА целесообразно рассматривать в уже известном дихотомическом ключе «жесткой» и «мягкой» силы. К примеру, используя современные технологии, запрещенное на территории России ИГИЛ в течение ряда лет создавало большое количество медиапродукции, распространяя ее через социальные сети и демонстрируя мифологему об идеальном обществе в своем квазигосударстве. Однако подобная тактика создания привлекательности через манипулятивные стратегии, которая вписывается в рамки реалистской трактовки «мягкой силы», не может быть эффективной в долгосрочной перспективе [3]. Отсюда следует вывод, что из-за характера деятельности, которая признается членами мирового сообщества деструктивной, инструменты конструирования «мягкой силы» у НГА, использующих насилие, априори ограничены во времени и пространстве.

В современной международной жизни можно найти и менее драматические, чем деятельность ИГИЛ, факты применения ресурсов «мягкой силы» НГА. Например, целесообразно отметить мобилизационный потенциал отдельных религиозных авторитетов, которых можно называть «сверхправомочными / сверхвлиятельными» индивидами (*super-empowered individuals*), – термин, который не так давно вошел в американский аналитический дискурс [4]. К таким деятелям относится, в частности, видный шиитский теолог аятолла Али Систани, последователи которого проживают не только в Ираке, но и в других странах Ближнего Востока. Хотя Систани публично дистанцируется от политики, он пользуется огромным авторитетом в иракском обществе и имеет влияние на политику государства, обладает поддержкой вооруженного формирования «Армия Бадр». По мнению неко-

торых исследователей, такие религиозные деятели, как А. Систани «могут найти спасительный баланс в тяжелой современной ближневосточной ситуации, и их деятельность может привести к возвращению в этот регион стабильности и необходимого развития» [5].

И, конечно, анализируя многоликость «мягкой силы», следует сослаться на возможности транснациональных корпораций, которые не только обладают внушительными экономическими ресурсами, но и пытаются с помощью механизмов, аналогичных тем, которыми пользуются государства, конструировать и реализовывать весь арсенал средств своего влияния. ТНК способны контролировать целые секторы национальной экономики, налоговую политику государств [6], некоторые из них (к примеру, транснациональные частные военные компании) прибегают к применению силы в отношении государственных структур, бросая вызов последним в том, что касается обладания монополией на легитимное применение насилия.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что для некоторых НГА инструментарий воздействия на мировую политику не ограничивается только «мягкими» ресурсами. Однако, как правило, НГА опираются все же именно на ресурсы «мягкой силы», что в свете растущей роли таких акторов на международной арене актуализирует изучение особенностей формирования их «мягкого» влияния. На этом пути возникают определенные сложности ввиду многочисленности НГА и широкого разнообразия направлений их деятельности, отсутствия у этой категории акторов некоего общего знаменателя (например, такого как суверенитет у государства) и, наконец, сложности установления подлинной природы НГА, поскольку некоторые из них являются всего лишь инструментариумом государственных акторов.

В то же время существует много примеров, когда НГА, используя ресурсы «мягкой силы» – убеждение и выдвижение привлекательной идеи, добиваются позитивных перемен или важных глобальных соглашений между государствами. Классическим примером представляется инициатива ряда НПО о запрете производства и использования противопехотных мин. Активная работа в этом направлении увенчалась успехом и в итоге завершилась подписанием в конце 1990-х гг. в Оттаве межгосударственных соглашений. Сегодня 164 государства являются участниками Оттавского договора. Приведенный пример вписывается в рамки «мягкосиловой» стратегии НГА, которую сингапурский исследователь А. Чонг называет интерместической социализацией (*intermestic socialization*). Ее суть заключается в том, что НГА, формируя некие режимы, добиваются, чтобы в соответствии с ними государства также брали на себя обязательства [7. С. 80].

Хотя примеры говорят об активном использовании НГА «мягкосиловых» ресурсов, вопрос о том, что формирует их «мягкую силу», остается открытым. Можно, конечно, исходить из тех же источников, которые конструируют «мягкую силу» государств (культура, политические ценности и принципы внешней политики), однако, *во-первых*, не все НГА обладают

ими, и, *во-вторых*, в рамках канонического государственноцентричного понимания «мягкой силы» она в большей степени связана со стремлением к власти, господством и конкуренцией, тогда как многие НГА к таким целям в их прямом и привычном смысле не стремятся. Соответственно, формирование единого набора ресурсов «мягкого» влияния НГА в силу разнородности этой категории акторов крайне затруднительно.

Как представляется, «мягкой силой», способной к конвертированию в значительные практические перемены в мировой политике, преимущественно обладают крупные региональные и глобальные НГА. По нашему мнению, «мягкая сила» таких акторов формируется за счет нескольких источников / ресурсов. *Во-первых*, важным условием являются *ценности*, которые лежат в основе деятельности конкретного НГА, и то общественное *благо*, к которому он стремится. Справедливость, благоприятная экология, безопасность и другие сопоставимые с идеалами устойчивого развития человечества цели, выступающие практическим воплощением ориентиров мирового сообщества, в обязательном порядке включаются в программные установки всех авторитетных НГА.

Во-вторых, учитывая, что в современной системе международных отношений главными акторами являются государства, для НГА очень важно *признание* их деятельности со стороны государств. Признание международных правительственных организаций и желательность других НГА также важны, но оно является как бы промежуточным этапом к признанию на государственном уровне. Важность признания НГА со стороны государств, по мнению специалистов, заключается в том, у государств, несмотря на все проблемы с функционированием институтов демократии, легитимность власти исходит от института выборов. По отношению к НГА этот механизм неприменим, никто ведь, например, не выбирал Amnesty International [8]. Другими словами, легитимность НГА как международного актора в полной мере может быть обеспечена только посредством государственного признания.

И, *в-третьих*, внешняя политика негосударственного актора, под которым следует понимать его международное *общение-сотрудничество*, должно основываться на конструктивных принципах, способных формировать *доверие* к НГА со стороны глобального сообщества. Строго говоря, фактор доверия как обеспечение «мягкой силы» важен и для государств [9], но ресурс доверия абсолютно необходим в случае НГА. Данный критерий, конечно, имеет ряд ограничений. Например, международная деятельность правозащитных НПО по лоббированию давления на так называемые «страны-нарушители» прав человека никак не является конструктивной с точки зрения обретения доверия стран – объектов давления. Соответственно, для них такие НПО не могут обладать «мягкой силой».

Основные факторы формирования «мягкой силы» в контексте деятельности НГА указывают, с одной стороны, на вариативность моделей их поведения на международной арене, а с другой – на субъективность оценки параметров ресурсов «мягкой силы». Но все

же следует отметить, что у НГА, работающих в менее политизированных сферах, больше шансов для формирования доверительных отношений с различными государствами, чем у тех, которые стремятся изменить политический статус-кво, режим, правоприменительную практику и т.п.

Можно указать и ряд других факторов, от которых зависит формирование «мягкой силы» негосударственного актора. Например, наличие у НГА информационных инструментов, т.е. речь идет о своего рода публичной дипломатии, являющейся инструментом «мягкой силы». Как отмечают специалисты, в виртуальном пространстве государственные акторы не являются *primus inter pares*; в борьбе за «умы и сердца» они там находятся в равном положении с НГА [10]. Также фактором, влияющим на «мягкую силу» НГА, можно назвать их отношение к «жесткой силе» как к инструменту достижения целей. Это особенно важно в современных условиях, когда идеи отдельных НГА, использующих насилие, оказываются привлекательными для некоторых групп населения, причем как в развивающихся, так и развитых странах [11]. Но такая «мягкая сила», слитая воедино с силой «жесткой», ограничена во времени и пространстве и отторгается мировым сообществом.

Приведенный набор параметров, которые могут формировать «мягкую силу» НГА, не является исчерпывающим; вероятно, в большей степени он подходит для оценки «мягкосилового» потенциала тех НГА, которые функционируют в социально-гуманитарной сфере. Такие НГА обладают значительным потенциалом «мягкой силы», поскольку у них нет «жесткосиловых» механизмов достижения целей. Они, по мнению А. Чонга, используя свою «мягкую силу», путем мирного убеждения (*peaceful persuasion*) обращают взгляд на морально-этические проблемы международных отношений, которые часто оказываются вне фокуса внимания государств и межправительственных организаций [10]. Сегодня НГА, работающих в социогуманитарной сфере, великое множество, что усиливает исследовательский интерес к многоликости «мягкой силы». Однако авторами настоящей статьи в качестве прикладного примера (кейса) выбрана деятельность главы общины исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых персонально им институтов. Данный кейс в общих чертах интересен по ряду моментов.

Во-первых, в России об Ага Хане IV и деятельности возглавляемых им институтов знают немногие, хотя духовный лидер исмаилитов является хорошо известной фигурой в мусульманском мире и на Западе. Учрежденные лидером современных исмаилитов организации успешно работают во многих государствах – преимущественно в развивающихся странах Азии и Африки.

Во-вторых, пример деятельности Ага Хана IV и его институтов наглядно демонстрирует растущую роль НГА в мировой политике, возможности их влияния на решение насущных и перспективных вопросов человеческого развития в конструктивном ключе.

В-третьих, пример духовного лидера исмаилитов показывает, что в определенных случаях статус главы

религиозной общины не является ограничением для распространения позитивного персонального влияния за ее пределы, например при опоре на конструктивные идеи и умелом использовании не только религиозных, но и общегражданских институциональных ресурсов.

И, *в-четвертых*, в современных условиях перманентной угрозы религиозного терроризма опыт Ага Хана IV, его институтов и его общины в целом показывает, какие ресурсы имеются в распоряжении позитивно мыслящих религиозных лидеров для несиловой борьбы с деструктивными идеями религиозных радикалов.

Обращение к анализу опыта деятельности персонализированных в силу происхождения и традиций негосударственных структур во главе с Ага Ханом IV отражает объективную дихотомию концептуализации явлений мирополитической действительности, которая формируется на основе сочетания элементов нормативного и эмпирического подходов. В этой связи авторы полагают, что кейс Ага Хана IV отмечен как универсальными для ресурсов «мягкой силы» НГА характеристиками, так и чертами, указывающими на его уникальность, и, следовательно, открывающими возможности для дальнейших, более глубоких разработок феноменологического плана. При этом фокусирование внимания на позитивных аспектах деятельности объекта научного наблюдения обусловлено доминированием в актуальном публичном дискурсе сведений и данных, характеризующих именно конструктивные характеристики разнообразных общественных проектов, ассоциируемых с личностью Ага Хана IV.

Представляется, что, не отрицая возможность альтернативных взглядов, на современном этапе целесообразно уделить главное внимание позитивному вкладу взятого за основу примера НГА как имеющему необходимую доказательную базу в виде официального признания высокого статуса актора значительным числом государств, номенклатуры реализованных проектов и поддержки со стороны населения в различных регионах мира. Это позволит оценить соотношение универсальных и частных характеристик «мягкосиловых» ресурсов современных акторов мирополитического взаимодействия с тем, чтобы посредством эмпирических доказательств сформулировать представления о наличии или отсутствии существенных отличий разнообразных форматов современного поведения в международной среде без использования военного или иного силового принуждения.

О роли Ага Хана IV как индивидуального актора мировой политики

Научный дискурс об антропологическом / индивидуалистском измерении мировой политики не является новым явлением. Постановка проблемы индивида как актора мировой политики во основном началась со второй половины XX в. В начале 1980-х гг. британский исследователь Э. Линклейтер писал о противоречии между гражданско-социальным партикуляризмом человека и его этическим универсализмом.

В начале 1990-х гг. американский ученый Дж. Розенау уже ставил вопрос о целесообразности углубленного осмысления роли индивидов в международной политике [12].

Представляется логичным, что индивид является основным актором политики на всех уровнях (международный, национальный, институциональный), хотя и действует в рамках или посредством таких институтов, как государство, транснациональные, общественные или частные организации. Как справедливо отмечает известный российский специалист по антропологии международных отношений Э. Баталов, «непосредственными строителями международных отношений являются живые конкретные люди, накладывающие на них печать своей личности» [13. С. 136]. Как бы ни представляли индивида – «механиком, обслуживающим международные институты и системы», или просто «колесиком и винтиком» этих систем [13. С. 137], вопрос о том, кто скрывается за фасадом всех институтов и союзов, определяя их политику, возвращает нас к ключевой роли индивида в международных отношениях и мировой политике.

В рамках основных теоретических школ международных отношений значимость роли индивида признается, но оценка факторов мирополитического влияния индивидуальных акторов во многом носит индивидуально-ситуативный характер [14]. В этом контексте рассмотрим пример Ага Хана IV, который, с одной стороны, представляется индивидуальным актором мировой политики в качестве главы транснациональной религиозной общины, а с другой – его акторность проявляется через созданные им светские институты. Необходимо отметить, что в таких случаях во избежание антропоморфизации следует анализировать институты, объединения и общности, как отмечает А. Кузнецов, «как с позиции составляющих их людей с реальными качествами и свойствами последних, так и с точки зрения организации, правил, норм и функций институций разного рода» [15].

Принц Карим Ага Хан IV (полное имя – Шах Карим аль-Хусейни, род. 13 декабря 1936 г.) является духовным лидером мусульман шиитов-исмаилитов – 20-миллионной общины, проживающей в 25 странах мира. Ага Хан IV не раз приезжал в Россию – начиная с 1990-х гг. и до последнего визита в сентябре 2019 г. О нем и о деятельности основанной им Организации Ага Хана по развитию (Aga Khan Development Network – АКДН; АКДН) в российских политических кругах всегда отзывались положительно. В своих мемуарах Евгений Примаков называет Ага Хана IV выдающимся человеком, отмечая, что многократно встречался с ним и «всегда черпал мудрые советы этого человека, без сомнения, заинтересованного в мире и стабильности в этих двух странах (Таджикистан и Афганистан. – Б.Б., К.Б.)» [16. С. 50].

Со времен Е. Примакова отношение к Ага Хану IV в российском руководстве не изменилось; министр иностранных дел России С. Лавров на последней встрече с духовным лидером исмаилитов в 2017 г. заявил, что Россия высоко оценивает предлагаемые им оценки не только по афганской проблематике, но и

по многим другим вопросам современности. В нынешних условиях напряженных отношений между Россией и Западом удивительно, что лидер исмаилитов – выпускник Гарварда, который «вхож во все правительства и аристократические дома Запада» [17], получает признание и одобрение деятельности своих институтов как на Западе, так и на Востоке. Как отмечают некоторые эксперты, «европейская ментальность в сочетании с приверженностью к исламским ценностям делают лидера исмаилитов “своим” как в мусульманском, так и в западном мире» [18].

Высокие оценки и признание Ага Хана IV и учрежденные им институты получают и в развивающихся странах, на которые и ориентирован основной фокус деятельности АКДН. Внушительный список и самая широкая география государственных и негосударственных наград, почетных степеней, полученных Ага Ханом IV за достижения в улучшении жизни людей, укреплении институтов гражданского общества, продвижении идей плюрализма и толерантности [19], демонстрируют выдающиеся дипломатические способности духовного лидера исмаилитов, его авторитет и конструктивную акторность в мировой политике в широком смысле этого термина. Некоторые исследователи отмечают, что деятельная вовлеченность актора в мировую политику часто разрешается на уровне личной биографии индивида, и одним из важнейших признаков акторности при этом является «относительная обособленность индивида от вскормившей и воспитавшей его политики, выделенность человека из той общности, которая непосредственно определяет его социализацию, оснащая его системой норм, ценностей и поведенческих стандартов, всего того, что влияет на формирование его политических убеждений и политической деятельности» [14]. Определенную обособленность такого характера мы наблюдаем на примере самого Ага Хана IV и в практике его институтов, которые работают в разных странах и обществах, но не проявляют себя как инструменты навязывания ценностей или моделей поведения какой-то одной конкретной *политии*.

Влияние Ага Хана IV не ограничивается лишь исмаилитской общиной с опорой на статус духовного лидера. Его авторитет сложно описать только одним типом лидерства в рамках соответствующей веберовской концепции [20. С. 19]. В 1986 г. Ага Хан IV принял Исмаилитскую Конституцию, которая приводит управление межнациональной исмаилитской общины под одной установленной структурой [21]. Также Принц Карим Ага Хан IV находится во главе АКДН, которая религиозной организацией не является. На основе таких фактов Д. Мохаммедпур пишет, что тип лидерства Ага Хана IV является *калейдоскопическим лидерством* (kaleidoscopic leadership) – комбинацией харизматического, традиционного и рационально-легального типов по Веберу [20. С. 20–21]. Такое гибридное лидерство позволяет Ага Хану IV проецировать свою «мягкую силу» за пределами исмаилитской общины, а ключевым инструментом в этом деле выступает АКДН, деятельность которой, согласно Исмаилитской Конституции, направлена на «воплоче-

ние в жизнь социального сознания ислама через институциональные действия» [22].

АКДН представляет собой крупную сеть различных агентств, работающих по различным направлениям – от экономического развития, продвижения гражданского общества, образования и культурного возрождения до здравоохранения и предоставления финансовых услуг (рис. 1). Все агентства в своей деятельности взаимосвязаны и подчинены общей цели – улучшению качества

жизни людей независимо от их вероисповедания путем создания институтов и программ, способных решать проблемы, которые возникают перед развивающимися государствами. Организация ежегодно тратит более 920 млн долл. на реализацию программ социально-культурного развития. В целом по всему миру АКДН реализовывает около 1 000 проектов, ее штат составляет более 95 000 человек, что делает ее одной из крупнейших мировых организаций в области развития [23].

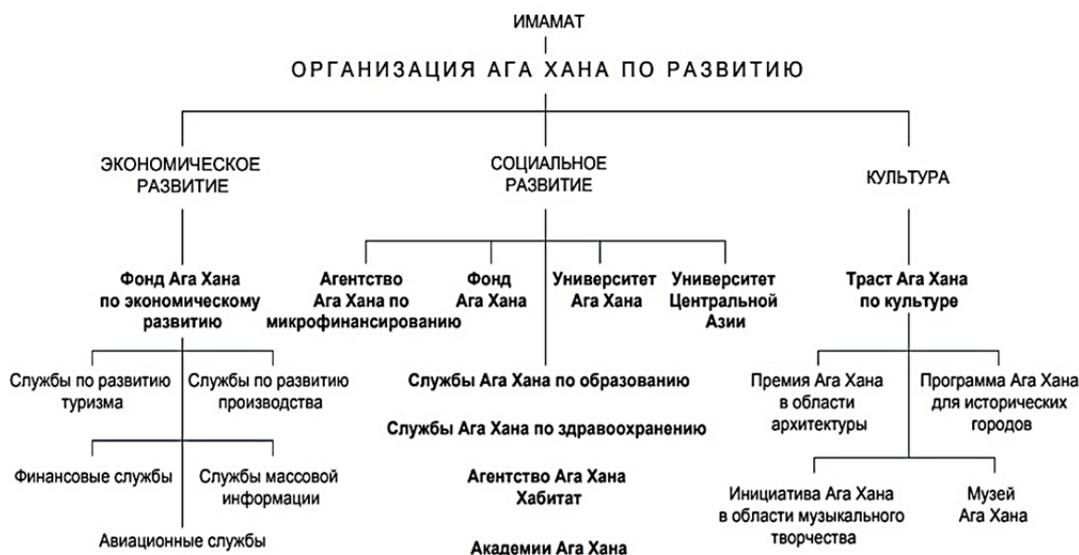

Рис. 1. Структура Организации Ага Хана по развитию
 Источник: AKDN. URL: <https://www.akdn.org/about-us/organisation-information>

Имея перед собой относительно полную картину масштаба деятельности Ага Хана IV и его институтов, на основе сформулированного нами набора критериев посмотрим на то, как формируется «мягкая сила» духовного лидера исмаилитов и его институтов, действующих в качестве НГА мировой политики. Здесь необходимо пояснить, что в качестве духовного лидера транснациональной религиозной общины Ага Хан IV в большей степени выступает в роли индивидуального актора мировой политики.

Однако, выходя за пределы исмаилитской общины через институциональные механизмы, природа субъектности Ага Хана IV видоизменяется; мирополитическим актором он становится уже в большей степени посредством созданных или возглавляемых им институтов.

Источники «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов: от частного к универсальному

Ценностный компонент представляется одним из важных в конструировании «мягкой силы» государств. Таким же значением ценности обладают для «мягкосилового» потенциала НГА. Ключевыми ценностями, которые пропагандирует Ага Хан IV, являются космополитическая этика, толерантность и плюрализм, а благо, к которому направлены усилия духовного лидера исмаилитов и его институциональных ресурсов, в первую очередь представляется улучшение качества жизни людей. В своих выступлениях Ага

Хан IV всегда высказывается за взаимопонимание между религиями и культурами, за создание меритократического гражданского общества; он отвергает хантингтоновскую теорию «столкновения цивилизаций», утверждая, что существующие проблемы между Западом и мусульманским миром – это столкновение незнания и невежества (clash of ignorance) [24]. Многим на Западе запомнилось его знаменитое выступление перед парламентом Канады в 2014 г., когда он завершил свою речь аятом из Корана, в котором говорится, что все люди созданы из одной души [25]. Примечательно, что данный аят был выгравирован на единой эмблеме Золотого Юбилея (Golden Jubilee) – 50-летия Имамата Ага Хана IV, которую носили на своей одежде исмаилиты по всему миру. К Алмазному юбилею (Diamond Jubilee) Ага Хана IV (2017) была выпущена новая эмблема, которую также украшал близкий по смыслу аят из священной книги мусульман. Тем самым в широкой публичной сфере были продемонстрированы как приверженность учения исмаилитов принципам современного гуманизма, так и особые, во многом уникальные, связи между религиозным лидером и верующими.

Пропаганда универсальных гуманистических ценностей, которую постоянно ведет духовный лидер исмаилитов, не может быть непривлекательной для любой цивилизованной аудитории, но при отсутствии постоянных механизмов популяризации традиции толкования, разъяснения таких идеалов у провозглашающего их субъекта «мягкая сила» автоматически

не возникает. В случае с Ага Ханом IV эта сила формируется посредством продвижения провозглашаемых ценностей через практику институтов исмаилитской общины, посредством созданных им АКДН, Глобального центра плюрализма и других структур, в которых лидер исмаилитов имеет большое личное влияние. Так, АКДН, согласно разработанному для нее Институтом Исмаилитский Исследований свода этических норм [26], участвует в оказании помощи людям вне зависимости от религии или других принадлежностей; на этой основе формируется и управленческий состав Организации. Как отмечает канадский исследователь Х. Карим, высокая эффективность деятельности АКДН связана с тем, что она подбирает людей для работы не на религиозной, а на профессиональной основе. При этом акцент делается на традиционные ценности исмаилитской общины, такие как добровольное и безвозмездное служение общине (волонтерство), опора на собственные силы, щедрость и др. Такая политика обеспечивает АКДН хорошую репутацию [27].

Еще одним критерием, влияющим на формирование «мягкой силы» у НГА, является *признание* на международной арене, особенно со стороны государств. Пример Ага Хана IV показывает, что такого признания можно добиться не только благодаря статусу духовного лидера своей религиозной общины, но и благодаря деятельности, которая выходит далеко за ее пределы. В историческом контексте признание (в политическом смысле это термина) исмаилитского Имамата произошло в связи с фактом обладания этой общины своего государства, пример чему – Фатимидский халифат (909–1171) [28]. Однако на современном этапе разбросанная по всему миру исмаилитская община не имеет своего государства. Поэтому знаковым историческим моментом для нее стало признание в 2015 г. со стороны Португалии правосубъектности исмаилитского Имамата. Теперь он признается Португалией в таком же статусе, в каком в Лиссабоне признают Ватикан [29]. В соглашении между Португалией и исмаилитским Имаматом об учреждении резиденции (Seat of the Ismaili Imamat) в Португалии отмечается, что глобальный центр в Лиссабоне будет служить духовному лидеру исмаилитов в осуществлении руководства своей общиной, улучшении качества жизни людей по всему миру, укреплении международных отношений и продвижении сотрудничества с государствами, международными организациями и другими акторами [30].

Хотя данное соглашение и приравнивает в церемониально-дипломатическом плане статус Имама исмаилитов к статусу глав государств, тем не менее следует отметить, что и раньше во время официальных визитов во многих странах его фактически принимали по протоколу приемов глав государств. Такие проявления высокого уважения к Ага Хану IV, конечно, опираются на его религиозный статус, но не в меньшей степени и на его гуманитарную деятельность. Характерно, что многие государства Африки, Азии и Европы на основе соглашений или специальных протоколов предоставляют институтам Ага Хана IV дипломатические привилегии.

Как отмечает А. Чонг, по своей природе «мягкая сила» НГА связана с проецированием в сфере сознания некоего идеального сообщества (общины), старающегося продемонстрировать лучшие качества человечества, особенно в плане эффективного / надлежащего управления (good governance) [10]. Фактор признания Исмаилитского Имамата со стороны Португалии не превращает исмаилитскую общину в государство, однако он дает Ага Хану IV дополнительные возможности для организации деятельности своей транснациональной общины, продвижения позитивных ценностей, что в дальнейшем будет способствовать повышению его международного авторитета, укреплению «мягкой силы» его институтов.

Переходя к третьему критерию оценки «мягкой силы» НГА в лице Ага Хана IV и его институтов – *доверию*, отметим, что он по своей сути тесно связан с предыдущим. Дистанцирование лидера исмаилитов от политической практики, активная конструктивная деятельность его организаций с опорой на принципы космополитической этики являются важным фактором международного доверия к духовному лидеру исмаилитов и его институтам. Как отмечает российский писатель С. Плеханов, духовный лидер исмаилитов «считается одним из видных лидеров современного мира. Его регулярно принимают главы великих держав, к его мнению прислушиваются в ООН и в самых влиятельных международных организациях» [31]. Его вклад в развитии гуманитарного сотрудничества регулярно отмечается международными наградами. Так, в 2017 г. Ага Хан IV получил премию за лидерство в глобальном мире, выдающиеся достижения и перемены (Global Leadership Award). Данная награда присуждается людям и организациям, внесшим значительный вклад в работу ООН для достижения мира и процветания.

Следует отметить, что на доверие государства к НГА часто влияет политическая нейтральность последнего. В контексте нашего кейса нельзя говорить, что духовный лидер исмаилитов никогда не влиял на общественно-политические процессы – такая абсолютная нейтральность просто невозможна ввиду присутствия представителей исмаилитской общины по всему миру, в том числе во многих конфликтных зонах. Однако влияние лидера исмаилитов на политические процессы всегда оценивалось положительно. Более того, в ряде случаев государства были прямо заинтересованы в участии Имама исмаилитов в решении конкретных вопросов политического характера.

Примером может служить позиция правительства Республики Таджикистан в период гражданской войны, в урегулирование которой заметный вклад внес и Ага Хан IV. Значительным был вклад его институтов в постконфликтном поддержании социально-экономической стабильности в Таджикистане. Важным оказалось и его участие в налаживании отношений между таджикскими властями и населением Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) после спецоперации таджикских силовых структур против криминальных элементов региона в 2012 г. Как отмечает таджикский политолог П. Муллоджонов, боль-

ших жертв тогда удалось избежать именно благодаря обращению Ага Хана IV к населению с призывом пойти на примирение с правительством. Действительно, одним из основных постулатов современного исмаилизма является лояльность к власти, что неоднократно было подтверждено политикой духовного лидера исмаилитов по отношению к Таджикистану. По мнению экспертов, сегодня в контексте обеспечения стабильности в Центральной Азии, особенно на фоне ухудшающейся ситуации в соседнем Афганистане, Россия признает авторитет Ага Хана IV, который может позитивно повлиять на ход событий в регионе [32]. Примеры говорят о том, что духовному лидеру исмаилитов удастся остаться в стороне от активной политической роли, но использование им ресурсов «мягкой силы» создает ему лично и его организациям образ надежного партнера и медиатора для решения социально-гуманитарных и значимых общественно-политических проблем в положительном для вовлеченных сторон ключе.

Безусловно, обеспечение «мягкой силы» Ага Хана IV не ограничивается рассмотренными нами факторами. Можно говорить о образовательных инструментах, которые являются трансляторами ценностей НГА. Ага Хан IV уделяет большое внимание сфере образования, являющейся одним из ключевых направлений работы АКДН, в которой этой сферой занимаются пять ведущих подразделений: Служба Ага Хана по образованию, Академии Ага Хана, Фонд Ага Хана, Университет Ага Хана и Университет Центральной Азии (УЦА). В сегменте высшего образования в семи странах работают Университет Ага Хана и УЦА, которые готовят специалистов в сфере медицинского обслуживания, образования, медиакоммуникации и бизнеса [33].

Отдельно в этом контексте хотелось бы отметить значимость УЦА – одного из крупнейших образовательных проектов АКДН на постсоветском пространстве. УЦА учрежден в 2000 г. в качестве некоммерческого светского университета, его кампусы расположены в Нарыне (Кыргызстан), Хороге (Таджикистан) и Текели (Казахстан). Примечательно, что учредительный договор и Устав УЦА были подписаны президентами этих стран и Ага Ханом IV, ратифицированы парламентами трех республик и зарегистрированы в ООН. Стратегическая значимость работы УЦА в контексте ЦА заключается не только в том, что он будет готовить высококвалифицированных специалистов для решения насущных проблем региона. Кампусы УЦА являются точкой притяжения для студентов со всего региона и его окружения. В среднесрочной перспективе функционирование УЦА может способствовать формированию эпистемических сообществ, позитивной динамике гуманитарного сотрудничества в регионе и конструктивному диалогу по урегулированию существующих противоречий [34]. Эти факторы, можно полагать, будут оказывать позитивное влияние на продвижение «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов.

Не стоит также забывать о роли информационных инструментов, которым НГА активно пользуются

в сегодняшних условиях развития сетевых коммуникаций. Самого Ага Хана IV вряд ли можно назвать большим ньюсмейкером, однако исмаилитский Имамат умело работает в медиапространстве. Медийное внимание в последнее время привлекает феномен *Юбилеев* – празднование годовщин Имамата Ага Хана IV. Так, большим числом международных мероприятий социального характера сопровождалось празднование 50-й годовщины Имамата Ага Хана IV (Golden Jubilee), а в 2017 г. начались мероприятия в рамках празднования Алмазного Юбилея (Diamond Jubilee) Ага Хана IV, которое продолжилось до июля 2018 г. По всему миру, в том числе и в России, были проведены различные крупные культурные, социальные мероприятия – Jubilee Concert, Jubilee Arts, спортивные турниры и другие. Следует упомянуть и свежий пример: в сентябре 2019 г. в Казани состоялась церемония вручения награды в области архитектуры – Aga Khan Award for Architecture. Вручение данной премии с сорокалетней историей является важным событием в мире архитектуры. Награда с призовым фондом в 1 млн долл. вручается раз в три года, что делает ее одной из наиболее престижных в данной сфере. В 2019 г. в числе победителей впервые оказалась и заявка из России – Программа развития общественных пространств на территории Татарстана. Мероприятие в Казани, в котором принял участие и сам Ага Хан IV, получило широкое освещение в СМИ и социальных сетях.

Хотя многие из вышеупомянутых мероприятий являются внутриобщинными, но, оказываясь в фокусе внимания СМИ, они демонстрируют широко и публично ее духовные ценности, что способствует формированию положительного образа Ага Хана IV и его институтов. Такая глобальная социальная активность мусульман-исмаилитов способна повлиять и на имидж мусульман в целом, которому наносит ущерб деструктивная деятельность террористических групп, связывающих себя с исламом. По мнению американского профессора Ли Хубнера, если от чрезмерной концентрации на освещении деятельности радикальных исламистов СМИ перейдут к освещению деятельности таких личностей, как Ага Хан IV, общество будет по-другому настроено в отношении мусульман и их религии [35].

Таким образом, рассмотрение ресурсов «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов как возможного типологического примера обеспечения деятельности НГА на международной арене подтверждает основные подходы к оценке этого феномена. Он сочетает объективные модельные и субъективные персонифицированные характеристики, причем соотношение этих компонентов варьирует. Тем не менее проведенный анализ позволяет сделать вывод, что именно субъективные моменты, такие как способность к конструктивному участию в разрешении конфликтных проблем, приверженность принципам гуманизма и содействие развитию на пути к достижению общественного блага в его идеальной трактовке, в том числе религиозной, являются наиболее надежным источником авторитета, привлекательности и влияния НГА.

«Мягкая сила» Ага Хана IV и его институтов опирается не только на основательную массовую базу в лице миллионов убежденных приверженцев исмаилизма, но и на реальное содержание практической деятельности, поэтапное включение в ее сферу новых направлений и форматов, расширение международного признания, в том числе со стороны отдельных государств.

В целом сопоставление различных аспектов деятельности институтов Ага Хана IV позволяет сделать заключение о тесной взаимосвязи уникального опыта негосударственных форматов акторности с общими тенденциями трансформаций международной среды, которые стимулируют сопряженность проявлений частного и универсального в развитии мировой политики.

Заключение

В современных реалиях мировой политики наблюдается диффузия влияния различных участников, а также перераспределение их ресурсов между государствами и негосударственными акторами. «Мягкая сила» как не-силовой инструмент достижения целей оказывается все более многоликой. Однако, в отличие от государств, для которых критерии оценки «мягкосилового» потенциала обычно схожи и могут определяться как преимущественно универсальные, «мягкую силу» НГА необходимо рассматривать в рамках более дифференцированных параметров. НГА крайне разнородны по своей природе. Для тех НГА, которые вовлечены в социально-гуманитарную сферу международного взаимодействия, ключевыми конструктами «мягкой силы» являются *привлекательность их ценностей, факт публичного признания их деятельности как позитивной и доверие со стороны членов мирово-*

го сообщества. При этом субъективные начала в каждом из конструктов выражены для НГА намного ярче, чем в случае, когда аналогичные начала используются в составе «мягкосиловых» ресурсов традиционных государственных акторов.

Рассмотренный авторами кейс демонстрирует, как индивидуальный актор, обладающий указанными качествами в личностном плане или посредством руководимых им институциональных структур, становится активным участником международного взаимодействия, формируя свою репутацию надежного партнера суверенных государств в решении насущных проблем современности.

Ресурсы «мягкой силы» по-разному применяются на международной арене, часто используются для микширования «жесткосиловых» силовых интенций, но политический запрос на «мягкую силу» как таковую остается стабильным. Представляется, что повышение внимания к научному осмыслению «мягкосилового» влияния НГА, в частности категории индивидуальных / персональных акторов, может способствовать не только обогащению дискурса по тематике «мягкой силы», но и пониманию объективных возможностей различных негосударственных форматов трансграничного взаимодействия. Применение аналитических сравнений с опорой на исследование опыта деятельности Ага Хана IV и его институтов, проводившееся с учетом состояния современной международной среды, показывает, что взаимное влияние частных и универсальных факторов формирования ресурсов «мягкой силы» НГА развивается неравномерно, но «мягкосиловые» аспекты частных начал международного бытия способны инициировать трансформации, сопоставимые по масштабам с трансформациями, происходящими под влиянием деятельности традиционных государственных акторов.

Список источников

1. Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
2. Nye J. The Rising Power of NGO's // Project Syndicate. 2004. June 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s-2004-06> (accessed: 30.03.2022).
3. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
4. Non-state Actors: Impact on International Relations and Implications for the US // National Intelligence Council. 2007. URL: https://www.dni.gov/files/documents/nonstate_actors_2007.pdf (accessed: 12.03.2022).
5. Филин Н.А., Пилюян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть. 2015. № 2. С. 133–137.
6. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель. 2013. № 9. С. 5–17.
7. Chong A. Foreign Policy in Global Information Space: Actualising Soft Power. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.
8. Treverton G.F., Jones S.G. Measuring National Power. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2005. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html (accessed: 30.03.2022).
9. Nye J. China's Soft Power Deficit // The Wall Street Journal. 2012. May 8. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (accessed: 04.04.2022).
10. Chong A. Non-State Actors and Soft Power // Non-State Actors in International Law / ed. by M. Noortmann, A. Reinisch, C. Ryngaert. Oxford : Hart Publishing, 2015. P. 323–344.
11. Манойло А. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3 (297). С. 137–149.
12. Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. 504 p.
13. Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2018. 352 с.
14. Катаев Д.С., Фельдман Д.М. Человек в науке о мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 102–107.
15. Кузнецов А.М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 218–229.
16. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 624 с.
17. Мирзаян Г., Скорик П. Давать удочки, а не рыбу // Эксперт. № 34 (671). URL: http://expert.ru/expert/2009/34/davay_udochki_a_ne_rybu/ (дата обращения: 06.04.2022).
18. Бухари-заде Н. 1995–2015: Его Высочество Ага Хан IV и его таджикские единоверцы // ИА «Фергана». 2015. 26 мая. URL: <http://www.fergananews.com/articles/8559> (дата обращения: 04.04.2022).
19. His Highness the Aga Khan's Awards & Honours. URL: <https://the.ismaili/his-highness-aga-khans-awards-honours> (accessed: 04.04.2022).

20. Mohammad Poor D. *Authority without Territory: The Aga Khan Development Network and the Ismaili Imamate*. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 258 p.
21. The Ismaili Imamate and its Institutional Capacity // The Institute of Ismaili Studies. 2007. July. URL: https://prod-static-iis.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/ismailiimamat_logo-861685442.pdf (accessed: 04.04.2022).
22. The Constitution of the Shia Imami Ismaili Muslims. URL: <http://ismaili.net/source/legal-documents/1998-ismaili-constitution.pdf> (accessed: 04.04.2022).
23. About AKDN. URL: www.akdn.org/ (accessed: 04.04.2022).
24. Interview with Aga Khan: “Islam Is a Faith of Reason” // Spiegel. 2006. October 12. URL: <http://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-aga-khan-islam-is-a-faith-of-reason-a-442180.html> (accessed: 04.04.2022).
25. Address to both Houses of the Parliament of Canada in the House of Commons Chamber. 27 February 2014. URL: <http://www.akdn.org/speech/his-highness-aga-khan/address-both-houses-parliament-canada-house-commons-chamber> (accessed: 04.04.2022).
26. Aga Khan Development Network: an Ethical Framework // Institute of Ismaili Studies. London, 2000. URL: www.akdn.org/sites/akdn/files/media/documents/various_pdf_documents/akdn_ethical_framework.pdf (accessed: 04.04.2022).
27. Karim K.H. Muslim Migration, Institutional Development, and the Geographic Imagination: The Aga Khan Development Network's Global Transnationalism // *Transnational Europe: Promise, Paradox, Limits* / ed. by J. De Bardeleben, A. Hurrelmann. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P. 205–221.
28. Lakhani A.M. *Faith and Ethics: The Vision of the Ismaili Imamate*. London ; New York : I.B. Tauris, 2018. 272 p.
29. Seat of the Ismaili Imamate: Portugal – the capital of enlightened and peaceful Islam? // ismailmail.wordpress.com/2017/07/18/seat-of-the-ismaili-imamat-portugal-the-capital-of-enlightened-and-peaceful-islam/ (accessed: 04.04.2022).
30. Agreement between the Portuguese Republic and the Ismaili Imamate on the Establishment of the Seat of the Ismaili Imamate in Portugal. URL: <https://simerg.com/2015/08/03/the-seat-of-imamat-text-of-the-historic-agreement-between-the-portuguese-republic-and-the-ismaili-imamat/> (accessed: 04.04.2022).
31. Плеханов С. Ага Хан IV: «Я верю в основополагающие человеческие ценности...» // *Обозреватель*. 2009. № 2. С. 118–126.
32. Крючков И. Россия отдала Хану должное // *Газета.ру*. 2017. 20 апр. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/04/20_a_10636367.shtml (дата обращения: 05.04.2022).
33. AKDN and Education. URL: <http://www.akdn.org/what-we-do/education> (accessed: 04.04.2022).
34. Бахриев Б.Х. Центральноеазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2019. Т. 14, № 2 (188). С. 140–152.
35. Kaplan S. Why You Haven't Heard of the Aga Khan // *Mediafiled*. 2016. Sept. 19. URL: <http://www.mediafiled.com/havent-heard-aga-khan/> (accessed: 02.04.2022).

References

1. Nye, S.J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
2. Nye, J. (2004) The Rising Power of NGO's. *Project Syndicate*. 24 June. [Online] Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s-2004-06> (Accessed: 30.03.2022).
3. Lebedeva, M.M. (2017) “Myagkaya sila”: ponyatie i podkhody [“Soft power”: concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3 (54). pp. 212–223.
4. National Intelligence Council. (2007) *Non-state Actors: Impact on International Relations and Implications for the US*. [Online] Available from: https://www.dni.gov/files/documents/nonstate_actors_2007.pdf (Accessed: 12.03.2022).
5. Filin, N.A. & Piloyan, M.G. (2015) Ayatolla Ali Sistani: novye vozmozhnosti staroy shkoly shiitskogo religioznogo nastavnichestva [Ayatollah Ali Sistani: New Opportunities for the Old School of Shia Religious Mentoring]. *Vlast'*. 2. pp. 133–137.
6. Tsygankov, P.A. (2013) Negosudarstvennyye uchastniki mirovoy politiki [Non-state participants in world politics]. *Obozrevatel'*. 9. pp. 5–17.
7. Chong, A. (2007) *Foreign Policy in Global Information Space: Actualising Soft Power*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Treverton, G.F. & Jones, S.G. (2005) *Measuring National Power*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. [Online] Available from: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html (Accessed: 30.03.2022).
9. Nye, J. (2012) China's Soft Power Deficit. *The Wall Street Journal*. 8 May. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (Accessed: 04.04.2022).
10. Chong, A. (2015) Non-State Actors and Soft Power. In: Noortmann, M., Reinisch, A. & Ryngaert, C. (eds) *Non-State Actors in International Law*. Oxford: Hart Publishing. pp. 323–344.
11. Manoylo, A. (2017) “Myagkaya sila” terroristov [“Soft power” of terrorists]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 3 (297). pp. 137–149.
12. Rosenau, J. (1990) *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
13. Batalov, E.Ya. (2018) *Antropologiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Anthropology of International Relations]. Moscow: Aspekt Press.
14. Kataev, D.S. & Fel'dman, D.M. (2010) Chelovek v nauke o mirovoy politike [Man in the science of world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 6 (15). pp. 102–107.
15. Kuznetsov, A.M. (2013) Chelovek v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: dan' vremeni ili neobkhodimaya transformatsiya paradigmy? [Man in international relations: a tribute to the times or a necessary paradigm transformation?]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2. pp. 218–229.
16. Primakov, E.M. (2015) *Vstrechi na perekrestkakh* [Meeting at the Crossroads]. Moscow: Tsentrpoligraf.
17. Mirzayan, G. & Skorik, P. (2009) Davat' udochki, a ne rybu [Teaching to fish, not giving fish]. *Ekspert*. 34 (671). [Online] Available from: http://expert.ru/expert/2009/34/davat_udochki_a_ne_rybu/ (Accessed: 06.04.2022).
18. Bukhari-zade, N. (2015) 1995–2015: Ego Vysochestvo Aga Khan IV i ego tadjikskie edinovertsy [1995–2015: His Highness Aga Khan IV and his Tajik co-religionists]. *IA “Fergana”*. 26 May. [Online] Available from: <http://www.fergananews.com/articles/8559> (Accessed: 04.04.2022).
19. The Ismaili. (n.d.) *His Highness the Aga Khan's Awards & Honours*. [Online] Available from: <https://the.ismaili/his-highness-aga-khans-awards-honours> (Accessed: 04.04.2022).
20. Mohammad Poor, D. (2014) *Authority without Territory: The Aga Khan Development Network and the Ismaili Imamate*. New York: Palgrave Macmillan.
21. *The Institute of Ismaili Studies*. (2007) The Ismaili Imamate and its Institutional Capacity. *The Institute of Ismaili Studies*. July. [Online] Available from: https://prod-static-iis.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/ismailiimamat_logo-861685442.pdf (Accessed: 04.04.2022).
22. Ismaili Heritage. (2010) *The Constitution of the Shia Imami Ismaili Muslims*. [Online] Available from: <http://ismaili.net/source/legal-documents/1998-ismaili-constitution.pdf> (Accessed: 04.04.2022).
23. AKDN. (n.d.) *About AKDN*. [Online] Available from: www.akdn.org/ (Accessed: 04.04.2022).
24. Der Spiegel. (2006) Interview with Aga Khan: “Islam Is a Faith of Reason”. *Der Spiegel*. 12 October. [Online] Available from: <http://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-aga-khan-islam-is-a-faith-of-reason-a-442180.html> (Accessed: 04.04.2022).
25. AKDN. (2014) *Address to both Houses of the Parliament of Canada in the House of Commons Chamber*. 27 February. [Online] Available from: <http://www.akdn.org/speech/his-highness-aga-khan/address-both-houses-parliament-canada-house-commons-chamber> (Accessed: 04.04.2022).

26. AKDN. (2000) *Aga Khan Development Network: an Ethical Framework*. [Online] Available from: www.akdn.org/sites/akdn/files/media/documents/various_pdf_documents/akdn_ethical_framework.pdf (Accessed: 04.04.2022).
27. Karim, K.H. (2011) Muslim Migration, Institutional Development, and the Geographic Imagination: The Aga Khan Development Network's Global Transnationalism. In: De Bardeleben, J. & Hurrelmann, A. (eds) *Transnational Europe: Promise, Paradox, Limits*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 205–221.
28. Lakhani, A.M. (2018) *Faith and Ethics: The Vision of the Ismaili Imam*. London; New York: I.B. Tauris.
29. Ismailimail.wordpress.com. (2017) Seat of the Ismaili Imam: Portugal – the capital of enlightened and peaceful Islam? *Ismailimail.wordpress.com*. 18 July. [Online] Available from: <https://ismailimail.wordpress.com/2017/07/18/seat-of-the-ismaili-imamat-portugal-the-capital-of-enlightened-and-peaceful-islam/> (Accessed: 04.04.2022).
30. Simerg. (2015) Agreement between the Portuguese Republic and the Ismaili Imam on the Establishment of the Seat of the Ismaili Imam in Portugal. *Simerg*. 3 August. [Online] Available from: <https://simerg.com/2015/08/03/the-seat-of-imamat-text-of-the-historic-agreement-between-the-portuguese-republic-and-the-ismaili-imamat/> (Accessed: 04.04.2022).
31. Plekhanov, S. (2009) Aga Khan IV: “Ya veryu v osnovopolagayushchie chelovecheskie tsennosti...” [Aga Khan IV: “I believe in fundamental human values ...”]. *Obozrevatel'*. 2. pp. 118–126.
32. Kryuchkov, I. (2017) Rossiya otdala Khanu dolzhnoe [Russia paid tribute to Khan]. *Gazeta.ru*. 20 April. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2017/04/20_a_10636367.shtml (Accessed: 05.04.2022).
33. AKDN. (n.d.) *AKDN and Education*. [Online] Available from: <http://www.akdn.org/what-we-do/education> (Accessed: 04.04.2022).
34. Bakhriev, B.Kh. (2019) Tsentral'noaziatskoe napravlenie sotsial'no-gumanitarnoy deyatel'nosti negosudarstvennykh aktorov (na primere Organizatsii Aga Khana po razvitiyu) [Central Asian direction of social and humanitarian activities of non-state actors (on the example of the Aga Khan Development Organization)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 2 (188). pp. 140–152.
35. Kaplan, S. (2016) Why You Haven't Heard of the Aga Khan. *Mediafiled*. 19 September. [Online] Available from: <http://www.mediafiled.com/havent-heard-aga-khan/> (Accessed: 02.04.2022).

Информация об авторах:

Бахриев Б.Х. – канд. полит. наук, научный сотрудник кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Боришполец К.П. – канд. полит. наук, профессор кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: oksabor@mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.Kh. Bahriev, Cand. Sci. (Political Science), researcher, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

K.P. Borishpolets, Cand. Sci. (Political Science), professor, leading researcher, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksabor@mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2022;
одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 07.04.2022;
approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 32.019.5:502
doi: 10.17223/15617793/481/9

Политическая экология как проект: между идеологией и политической религией

Виталий Александрович Волков¹

¹ *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, v.a.volkov@spbu.ru*

Аннотация. Анализируется концепт политической экологии. Целью исследования выступает выявление особенностей политической экологии как теории, экологической идеологии и экологической политической религии. Выделяют три стадии развития политической экологии со стороны формы: от концепта, через относительно автономное существование его различных измерений, к системной целостности всех составляющих на основе политико-теоретического измерения.

Ключевые слова: экологический кризис, политическая экология, эгоцентризм, коэволюция

Для цитирования: Волков В.А. Политическая экология как проект: между идеологией и политической религией // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 77–83. doi: 10.17223/15617793/481/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/9

Political ecology as a project: Between ideology and political religion

Vitaly A. Volkov¹

¹ *Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation, v.a.volkov@spbu.ru*

Abstract. The emergence of political ecology is associated with the division of public consciousness and political communities into opposing currents in an attempt to find a way out of the impasse of the ecological crisis. The concept of political ecology can manifest itself in various forms of knowledge as relatively independent entities: as a political theory, as a political ideology, as a political religion. The ambiguity of the content of political ecology is connected with the variety of contexts in which the problem of the ecological crisis is considered. The aim of the study is to identify the features of political ecology as a theory and the stages of its formation, as well as the features of ecological ideology and ecological political religion. The subject of the study is the forms of manifestation of political ecology, their difference and unity. The research is based on the materials of ideological concepts, religious doctrines, political theories. The methodological basis of the research is a critical approach, which organically follows from the understanding of political ecology as a critical theory. A systematic approach and comparative analysis make it possible to study various forms of manifestation of political ecology as a complex phenomenon. The ecological crisis has become a source of emerging social anomie in the form of a conflict of old and new values. The central value of ideology becomes “ecocentrism”, opposing “anthropocentrism”. Ecological ideology is based on the theoretical analysis of modernity, constructs a chiliastic eschatology that describes the “end of history”. Its focus is to maintain the mobilization potential for legitimising the bearers of the new system of values. Political ecology as a political religion is based on the belief in the divinity of nature, from which the sacred character of the entire sphere of the political follows. Politics and political institutions act as practices which resist the forces that destroy nature and which correlate with forms of worship that provide a way to save humanity. The focus for political religion, in comparison with theoretical argumentation and the system of values, remains the world as a structure of human connection, through faith, with the sacred essence of nature. The core of political ecology is critical political theory as a project aimed at finding compromises in resolving the ecological crisis. The opposite principles of anthropocentrism and ecocentrism find synthesis in the concept of co-evolution. Political ecology at the third stage of its development makes ecological ideology and political religion the subjects of research, introducing them into its system as moments. It is possible to distinguish three stages in the development of political ecology from the side of form: from the concept, through the relatively autonomous existence of various dimensions, to the systemic integrity of all components on the basis of the political-theoretical dimension.

Keywords: ecological crisis, political ecology, ecocentrism, co-evolution

For citation: Volkov, V.A. (2022) Political ecology as a project: Between ideology and political religion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 77–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/9

Введение

Экологическая проблематика неотвратимо перемещается к верхним позициям в мировой политической повестке. И это не случайный тренд, а, скорее, выражение интегральной трансформации оснований политики. Экологические алармистские общественные движения, возникшие во второй половине XX в., создали почву для бурного роста эколого-политического дискурса. Общественное сознание обнаруживает тотальную угрозу существованию человечества в виде наступающего экологического кризиса. Уже из чувства самосохранения рождается потребность в изменении мышления, поведения, целей для спасения окружающей среды и человечества. Гражданские экологические движения и настроения очень быстро переформируются в экологические политики отдельных государств и международных организаций. Углубление экологического кризиса вынуждает политические силы искать инструменты оказания влияния на негативные процессы, происходящие в окружающей среде. Проблема заключается не столько в технологических решениях, сколько в том, чтобы в сфере разнообразных форм знаний и ценностей выработать рациональные теории, достигающие компромисса как в понимании основных параметров и тенденций развития экологического кризиса, так и в соотношении сил и качеств политических субъектов, способных обеспечить разрешение этого кризиса. Экологизм как доминирующее умонастроение культуры конца XX в. неожиданно превращается в сферу разнообразных и противоречащих друг другу концепций, являющихся условием для принятия политических решений.

Возникновение политической экологии как нового направления в развитии политического дискурса связано с разделением общественного сознания и политических сообществ на противоборствующие течения в попытке найти выход из тупика экологического кризиса. Экологические изменения не могут быть поняты без учета политических и экономических институтов, в которые они встроены. Политическая экология первоначально выявляется в политическом дискурсе как концепт, поскольку она представляет собой многомерный, синкретичный феномен культуры. Неоднозначность содержания политической экологии связана с многообразием контекстов, в которых рассматривается проблема экологического кризиса.

Концепт политической экологии обладает сложной структурой. Многомерность концепта во многом определена его генезисом. Исходя из истории становления политической экологии, можно выделить несколько его измерений. Идеологическое измерение характеризует возникновение экологических движений и связано с критикой системы ценностей, ставшей причиной экологического кризиса. Религиозное измерение выражает экзистенциальный характер экологического кризиса, стремление к обновлению существующей картины мира и требование одухотворения политических практик в движении к неизбежному преобразению общества. Теоретико-понятийное измерение политической экологии связано с потребно-

стью понять реальное положение дел и пути выхода из экологического кризиса посредством критического анализа концепций и развития рациональной аргументации политических теорий.

Политическая экология не существует только в виде концепта, обладающего сложной многомерной структурой. Концепт политической экологии разворачивается в различные концепции, доктрины, в которых его измерения образуют часто противоречивые, иерархические структуры. Важной проблемой в рассмотрении концепций политической экологии является определение их взаимоотношений и доминирующего концептуального измерения. Из этого следует правильное понимание целей рассматриваемых концепций.

Гипотеза исследования. Чем же является политическая экология: идеологией, теорией, или политической религией? Политическая экология как концепт политического дискурса может проявляться в различных формах знания как относительно самостоятельных образованиях: как политическая теория; как политическая идеология; как политическая религия. Эти формы знания, в свою очередь, содержат в себе сопряженные формы в качестве подчиненных особенностей измерений. Можно вычленить три стадии в развитии политической экологии со стороны формы: от концепта, через относительно автономное существование различных измерений, к системной целостности всех составляющих на основе политико-теоретического измерения.

Предметом исследования являются формы проявления политической экологии, их различия и единство.

Цель исследования – выявление особенностей политической экологии как теории и этапов ее становления, а также особенностей экологической идеологии и экологической политической религии.

Дискурс политической экологии начал складываться в 60-х гг. XX в. Уже тогда становилась очевидной системная деградация окружающей среды, и такие книги, как «Безмолвная весна» Рейчел Карсон, впервые оказались в центре общественного внимания. С выходом докладов Римского клуба «Пределы роста», «За пределами роста», «Пределы роста. 30 лет спустя» Донеллы и Дениса Медоуз научные исследования были соединены с политической теорией. Экологическую идеологию формировали представители либерализма Т. Андерсон и Д. Лиль, Де Шалит, консерватизма – Д. Близ, П. Хокен, экосоциализма – Д. О'Коннор, Б. Коммонер, глубинной экологии – А. Нейс [1]. Религиозная доктрина экологии была выражена во второй энциклике «Laudato si» (Хвала Тебе) Папы римского Франциска [2] и концепции Брон Тейлор [3]. Разнообразные направления политической экологии были обобщены в таких компендиумах, как «The International Handbook of Political Ecology» Р. Брайданта [4], «The Routledge Handbook of Political Ecology» Т. Пеппо, Г. Бридж, Дж. Маккарти [5], «Global Political Ecology» Р. Пит, П. Роббинс, М. Уотс [6]. Системная концепция политической экологии была разработана под руководством Э. Вайцеккера и А. Вийкмана – «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» [7].

Политическая экология в политической науке находится еще на периферии исследований. О ней можно говорить как о формирующемся проекте, требующем дальнейшего структурирования. Вследствие этого обсуждение дискурса политической экологии является актуальной задачей.

Методологической основой исследования выступает критический подход, органически вытекающий из понимания политической экологии как критической теории. Его критический потенциал основывается на неприемлемости фактического положения дел в мире, сложившегося во второй половине XX в. и касающегося самих экзистенциальных основ существования человечества. Преодоление традиционных политологических противопоставлений факта и ценности, субъекта и объекта, природы и общества, науки и политики, идеологии и науки, теории и практики, гендерных, расово-этнических различий направлено на критическое диалектическое снятие авторитарно-властных импликаций, разделяющих современный мир. Системный подход и сравнительный анализ позволяют провести исследование различных форм проявления политической экологии как комплексного феномена.

Исследование предполагает рассмотрение политической экологии как идеологии, как политической религии, как политической науки.

Обсуждение и результаты

Политические сообщества имеют свои особенности в восприятии экологического кризиса как формы отношения общества и природы. Исходя из этого возникает треугольник, в котором особенные отношения политических сообществ к характеристикам экологического кризиса определяют отношения этих сообществ друг к другу. Отношения между политическими субъектами следует рассматривать как сложную и непрерывную борьбу за определение и осмысление природы и самой экологической проблемы. Борьба между политическими субъектами, рассматриваемая в политической экологии, распадается на несколько содержательных моментов. Во-первых, это борьба за ценности, с которыми себя отождествляет субъект. Во-вторых, это борьба против тех, кто придерживается иных интерпретаций ценностей или иных ценностей. В-третьих, это борьба за доминирование и лидерство в контроле над смыслами и ресурсами в данной сфере отношений.

Экологическая идеология. Борьба за ценности формирует идеологические доктрины, в центре которых оказывается ценность природы. В контексте экологического дискурса природа понимается как окружающая среда, экосистема человека на планете Земля. В. Хесле выделяет в истории пять форм отношения человека к природе [8. С. 45]. Последняя форма, соответствующая эпохе Модерна, завершает их историческую трансформацию – от синкретического единства человека и природы, божественной и живой в архаической культуре, до их взаимного противопоставления, в котором человек занимает доминирующее положение. Последняя, современная интерпретация

природы исходит из идеи господства человека над природой и получила свое воплощение в идеологии экономического и политического либерализма индустриального общества. Природа в эту эпоху понимается исключительно как объект, предметный материальный мир, как источник ресурсов. Растительный и животный миры также не выходят за рамки простой объектности. Разделение Декартом всего сущего на субстанцию протяженную и субстанцию мыслящую стало метафизическим основанием естествознания как паттерна научности. Массовое производство предметов «второй природы» на принципах инструментальной целесообразности формирует современную картину мира.

Ограниченность такого мировоззрения проявилась во второй половине XX в., когда стала очевидной избыточность антропогенной, техногенной нагрузки на природу, которая ведет к ее деградации, и ограниченность природных ресурсов, необходимых для экстенсивного развития капиталистической экономики. В обществе возникает потребность пересмотра отношения к природе перед лицом очевидных угроз. Первые стихийные экологические движения выступили под лозунгом защиты природы. Политическая экология определяется в этот период как «способ описания намерений радикальных движений в Соединенных Штатах, в Западной Европе и в других развитых индустриальных странах... очень далеких от первоначальных, довольно спокойных действий экологии» [9. Р. 3]. Ухудшение состояния окружающей среды первого мира объяснялось результатом неумелого управления корпорациями и государством. Возникает еще расплывчатая экологическая идеология с ведущей идеей «защиты природы». Очевидная необходимость практических протестных действий против властвующих элит является ее специфической чертой. Высокий мобилизационный потенциал, убежденность в единой заинтересованности всех слоев населения детерминируются ценностной «очевидностью» идеи.

Идеология как форма коллективного сознания обладает своими специфическими характеристиками: «...идеологиями являются лишь такие системы ценностей, которые, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и потому способны обуздывать связанные с кризисом процессы социальной аномии» [10. С. 130].

Экологический кризис стал источником возникающей социальной аномии в форме конфликта старых и новых ценностей. Антагонизм идеи «господства человека над природой» и идеи «защиты природы» становится центральной темой эмоционально окрашенных установок экологической идеологии. Идеология основывается на практическом чувстве, фиксирующем разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть. Образы будущего и настоящего выступают уже как сформировавшиеся представления, являющиеся основанием для проявления политической воли. Классические идеологии сфокусированы в концепте «антропоцентризма», в котором человек рассматривается в качестве вершины мироздания и его имманент-

ной цели. Основные ценности такого человека на пути бесконечного прогресса выражаются в признании свободной воли индивида, предпочтении невидимой руки рынка перед государственным регулированием, свободной торговли, взаимовыгодной для всех участников рынка, конкуренции, которая является движущей силой прогресса в стремлении к максимальному благосостоянию максимально большого числа членов общества.

Первые альтернативные варианты экологических идеологий пытались приспособить старые ценности к новым обстоятельствам, вследствие чего возникли такие конструкты, как консервативный энвайронментализм, либеральный энвайронментализм, экосоциализм и др. [11]. Исходным пунктом для них является концепт «устойчивого развития». Задача состоит в том, чтобы найти такое соотношение развития и стабильности, в рамках которого возможно поддержание достойного существования человеческого сообщества.

Эвристическая ограниченность старых идеологий дала толчок к разработкам экологической идеологии на ее собственных основаниях, а не в качестве производной от классических идеологий. Новое мировоззрение рождается из противопоставления двух подходов, предложенных норвежским философом Арне Нейсом: «поверхностной экологии», разработанной на принципах классических идеологий, и «глубинной экологии», составляющей ядро новой идеологии [12]. Ее центральной ценностью становится «экоцентризм», противостоящий «антропоцентризму». Близкую по смыслу концепцию *ecosophy* сформулировал также Феликс Гваттари [13]. Экоцентризм и его вариации в виде биоцентризма, натуроцентризма исходят из внутренней ценности всех форм живой и неживой природы. Человек не является чем-то уникальным в ряду других существ, которые также обладают совершенством – каждый в своем роде, как и человек. Все формообразования природы должны обладать правами наряду с человеком и быть защищены. Разнообразие природных форм выступает самостоятельной ценностью, и люди не имеют права сокращать это разнообразие. Жизненные стратегии человека должны быть изменены и направлены на внутренние ценности. В глубинной экологии происходит смещение акцентов в рассмотрении отношения природы и человека. Главное состоит в том, что человек является частью природы. Если человек, будучи частью природы, обладает субъектностью, то это значит, что и природа как целое с необходимостью обладает субъектностью. Она содержит в себе трансцендентное начало, объясняющее возможность человеческой субъектности. Трансцендентное начало природы присуще и тождественно исключительно ей самой, и в этом смысле оно имманентно природе. Идеологическое сознание воспринимает субъектность природы как систему ценностей, которая обнаруживает иллюзорность самодостаточности человеческих ценностей.

Носителями экологической идеологии являются широкие слои защитников природы, стремящиеся утвердить альтернативную систему ценностей и каче-

ства жизни, связанные с духовной самореализацией человека и ценностями биоцентрического равновесия. Государство может стать экологическим государством, приняв культурную гегемонию экологической идеологии в гражданском обществе за основание своей легитимности. Зеленая повестка становится консолидирующей идеей для современного Запада, а также инструментом борьбы против конкурирующих экономик. Установление экологических норм обеспечивает доминирование в альтернативной зеленой экономике. Таким образом, экологическая идеология опирается на теоретический анализ современности, конструирует хилиастическую эсхатологию, описывающую «конец истории», но главным для нее является поддержание мобилизационного потенциала для легитимации носителей новой системы ценностей.

Политическая религия. Ценности экологической идеологии должны получить свое оправдание в отношении к предельным принципам бытия, к новой картине мира. Человек, будучи частью природы, способен объяснить свою духовность, если будет исходить из допущения духовности природы в той или иной форме, признавая ее сакральность. Даже предположение о сотворении природы указывает на ее божественное происхождение. Идея защиты природы дополняется идеей спасения природы как собственной сущности человека. Спасение природы связано со спасением человека двойным образом – человека как части природы и природы как сущности человека.

Трансформация отношения природы и человека обнаруживает религиозное измерение экологии. Началом религиозного отношения является страдание от раздвоения и разрыва человека и природы. Человек обнаруживает себя как зло в отношении природы и тем самым злым по своей сущности. Страдание влечет за собой потребность в примирении с природой посредством веры. Природа обнаруживает свое сакральное содержание. Возникает новая «религия, которая считает природу священной, проникнутой внутренней ценностью и достойной благоговейной заботы» [4. P. ix].

Эта сакральная, религиозная идея вместе с тем не тождественна традиционным религиям. Разделяя точку зрения многих исследователей, Брон Тейлор считает, что мы являемся «свидетелями появления глобальной, гражданской экологической религии земли» [4. P. 195]. В концепции Б. Тейлор «темно-зеленая» религия отличается от «светло-зеленых» религий, представленных традиционными конфессиями, тем, что она способна обеспечить поворот в развитии человечества, изменить основания политической действительности. В XX в. уже возникали религиозные феномены, связанные с сакрализацией политики и получившие название гражданских и политических религий. Они значительно расширили понимание религии. В работах исследователя таких феноменов Эмилио Джентиле «под религией понимается система верований, мифов, обрядов и символов, интерпретирующих и определяющих смысл и цель человеческой экзистенции, подчиняя предназначение индивида и социума высшей сущности» [14. С. 42]. Отнесение

эмпирического мира к трансцендентному плану признается необходимым признаком религии, но он не обязательно персонифицирован. В новой религии природы божественное является ее внутренним содержанием.

Под религией политической сферы понимается «способ интерпретации жизни и истории, а также понимания политики не только в ключе власти и интересов, но и с усмотрением в ней смысла и предельной цели существования человека и общества» [14, С. 352]. Политика коррелирует с трансцендентной сферой и поэтому никогда не будет полностью определяться человеческим произволом. Политическая экология является разновидностью религии политической сферы, поскольку спасение человека осуществляется в посюстороннем мире и требует политических институтов и действий для спасения природы. Реализацией таких действий должна стать экологическая политика, формирующаяся из практик множества субъектов политики.

Религия предполагает наличие двух моментов: религиозного отношения в форме религиозного сознания и религиозного культа. Религиозное сознание формируется при переходе от антропоцентристской установки в понимании природы к позиции пантеизма. Вера как высшая духовная ценность конкретизируется через систему нравственности. Этические ценности на протяжении всей истории находят свое выражение в религиозной мысли. Этические императивы вытесняют за границы религиозного сознания рациональное, научное исследование фактов как нечто второстепенное, инструментальное.

Внутреннее содержание культа воплощается в практиках спасения человека, прохождении всех этапов его радикального внутреннего перевоплощения. Человек должен эволюционировать от восприятия своего отдельного эго, через идентификацию себя со всем человеческим родом, до идентификации со всей природой. Становление политической религии связано с актуализацией насущной потребности в борьбе у тех, кто считает себя призванным противостоять экологическому кризису, против тех, кто его порождает. Вопрос об оптимальной форме политической организации общества, от утопий децентрализованных общин до развития экологического государства, становится значимым. Если мы все еще зависим от природы в плане ресурсов, то окружающая среда зависит от того политического устройства, которое обеспечивает ее защиту. «В современном движении за охрану окружающей среды даже группы, полностью не связанные с определенными организациями, часто вдохновляются политической идеологией или по крайней мере моральной чувствительностью с сильным религиозным подтекстом» [15]. Политические религии объективируют картину мира через теоцентрическое мировосприятие и сакрализацию политики.

Таким образом, политическая экология как политическая религия опирается на веру в божественность природы, из которой вытекает сакральный характер всей сферы политического. Политика и политические институты выступают практиками, противостоящими

силам, разрушающим природу, и коррелируемыми с формами культа, обеспечивающими путь спасения человечества. Главным для политической религии по сравнению теоретической аргументацией и системой ценностей остается преобразование человека и общественных структур посредством связи с сакральной сущностью природы.

Политическая экология как политическая теория. Признаком научной теории является понятийная система доказательств и аргументаций, объясняющая причинно-следственные отношения, действия и связи с фактами и опирающаяся на научный метод. В то же время приходится признать, что в социальном знании невозможно обеспечить сплошной континуум обоснований для всех утверждений. Ядро научных положений всегда окружено какой-то периферией общепринятых представлений, допущений, интенций. Основательность теоретических исследований определяется не их наличием, что неизбежно, а степенью рефлексии по поводу таких положений. В политической экологии преодолевается предрассудок, согласно которому научные исследования объясняют экологические проблемы, а экологические политики проектируют пути их решения. Критический подход исходит из того, что научные проблематики возникают под влиянием политических стратегий. В этой связи уместно вспомнить политико-экономические трансформации в мире в связи с проблемой «озоновых дыр».

Важнейшим результатом создания теории должны стать предвидение будущего и осуществление целеполагания в качестве проектов. В этом пункте, однако, возникает ситуация неопределенности, размывающая однозначность признаков политической теории. Создание образа будущего опирается на длительную традицию в истории человечества – от откровений, пророчеств, экзегетики до футурологии. Предвидение существенно связано с особым религиозным типом мировосприятия. Образ будущего всегда раскрывает и сакральный смысл истории. Вера в будущее духовно преобразует сообщество в народ, нацию и становится политическим ресурсом. Преодоление экологического кризиса соразмерно с обретением смысла истории. Религиозная вера часто сочетается с верой в рациональность истории, превращаясь в мобилизующую силу для социальных преобразований. Политическая экология самим концептом экологического кризиса предполагает в теоретическом дискурсе экзистенциальные основания.

Политическая экология как раздел политической теории и философии является знанием отношений политических субъектов по поводу экологического кризиса. В рамках критического исследования многие очевидные представления об экологическом кризисе утрачивают свой ореол «очевидности». «Критическая» политическая экология – это дисциплина, которая избегает метанарративов или полученной мудрости о деградации окружающей среды и вместо этого принимает критическое отношение к тому, как были сделаны такие, якобы нейтральные, объяснения экологической реальности» [11].

Рассматривая коллизию, возникшую при формировании экологической идеологии, необходимо за-

фиксировать определенный парадокс. Центральное понятие экоцентризма в экологической идеологии исходит из того, что все природные объекты должны быть защищены правами наряду с человеком. Таким образом, понятия права, морали и нравственности должны быть распространены на весь окружающий мир. Но насколько это логически корректно? Человек обладает правом постольку, поскольку он обладает выбором: действовать согласно закону или нарушить его. Во втором случае он понесет наказание. Обладает ли таким выбором животное или растение? Животное действует согласно своей природе, и невозможно его за это наказывать, например львов, если они нарушают «право» на жизнь козули. В сфере права могут оставаться только люди, и на них может распространяться регламентация действий в отношении животных, растений и других природных объектов. Понятие экоцентризма, таким образом, оказывается двусмысленным. Замену антропоцентризма на экоцентризм в действительности можно интерпретировать как замену на антропоморфизм. На природные объекты переносятся свойства человека, его способность выбора между различными стратегиями поведения. Вопрос об отказе от антропоцентризма остается открытым. Для решения таких предельных вопросов остается актуальной потребность в философии природы.

Противоположные принципы антропоцентризма и экоцентризма обнаруживают взаимное опосредствование и синтез в концепции коэволюции. Взаимодействие человека и природы имеет длительную историю, и воздействие человека на природу знает не только деструктивные, но и конструктивные примеры. Одомашнивание животных, окультуривание растений были связаны не только с господством, но и с ограничениями в человеческой практике. Принцип коэволюционного существования человека и природы основывается на понятии меры в отношениях созидательных и разрушительных процессов, осуществляемых человеческими сообществами.

Политическая экология как критическая теория возвращает проблему экологического кризиса в фокус внимания общественных отношений из сферы антропоморфных и анимистических представлений. Политическая теория отказывается от идеологических суждений, касающихся безусловной ценности природы. Для теории важна процедура «отнесения к ценности», согласно которой экология является причиной конфликтов и споров между различными политическими субъектами. Во взглядах на экологический кризис сталкиваются три позиции: тех, кто выступает за радикальную модернизацию производственно-экономических отношений; тех, кто борется за радикальный отказ и ограничения в технологическом развитии; тех, кто стоит за политико-правовое регулирование технологического и экономического развития. Теория исследует существенные противоречия, связанные с защитой, сохранением, восстановлением природы между богатыми и бедными странами Севера и Юга, между странами, добывающими сырье, и странами, его импортирующими, между странами с разрушенными экосистемами и странами с устойчи-

выми экосистемами. Производство знания является основной доминантой политической теории, и истина выступает безусловной ценностью познания.

Политическая теория есть способ интеллектуального доминирования в социальных отношениях. Будучи системным процессом познания отношений между политическими субъектами, политическая экология на третьей стадии своего развития делает предметами исследования экологическую идеологию и политическую религию, вводя их в свою систему в качестве элементов. Концептуальные основания идеологии и религии должны быть подвергнуты теоретическому анализу. Результатом будет научный анализ идеологии и религии. Включение в политическую теорию этих измерений позволяет политической экологии сформулировать практическое отношение к экологическому кризису как действительный политический проект.

Единство теоретического подхода и многообразие предметности политической экологии может быть сведено к одному обобщению: «Если “политическая экология” достойна своего названия, она должна быть чем-то большим, чем просто еще одним термином для “экологической политики”, и вместо этого должна стремиться к проведению критического анализа политических факторов, лежащих в основе конкурирующих определений и объяснений экологической реальности» [16. P. 273].

Заключение

Политическая экология развивается как форма знания, соединяющая в себе идеологические, религиозные и теоретические измерения. Вместе с тем существуют особенности, позволяющие различать эти сферы как относительно самостоятельные феномены. Ядром политической экологии является критическая политическая теория как проект, нацеленный на поиск компромиссов в разрешении экологического кризиса. Политическая экология в своем развитии проходит три этапа. На первом этапе она выступает как концепт, потенциально содержащий в себе несколько измерений. На втором этапе политическая экология различает в себе относительно самостоятельные образования в виде экологической идеологии, политической религии, политической теории. Экологическая идеология представляет собой систему идей о безусловной ценности природы, ориентирующих человека на адаптивное поведение в отношении к последней. Политическая религия экологии формирует картину мира, нацеленную на преобразование человека и общества в свете сакральности природы. Особенностью политической теории является ориентация на критическое познание отношений между политическими субъектами как носителями интересов в условиях экологического кризиса. В рамках третьего этапа политическая экология как политическая теория включает в себя идеологию и религию как подчиненные элементы единой системы посредством анализа концептуальных оснований. На этом этапе актуальной становится проблема отношения теории и практики как проекта политической экологии.

Список источников

1. Belous V., Volkov V., Baltovskij L. Geo-Eco-Ideology: Modern world in search of common values // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography / ed. by R. Bolgov et al. Cham : Springer, 2021. P. 213–225. DOI: 10.1007/978-3-030-78690-8_19
2. Папа Римский Франциск. О заботе об общем доме : Laudato si'. М. : Изд-во францисканцев, 2015. 192 с.
3. Taylor B. Dark Green Religion: Nature Spirituality and the Planetary Future. Berkeley : University of California Press, 2009. 338 p.
4. The International Handbook of Political Ecology / ed. by R.L. Bryant. Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar, 2015. 699 p.
5. The Routledge Handbook of Political Ecology / ed. by T. Perreault, G. Bridge, J. McCarthy. London ; New York : Routledge, 2015. 646 p.
6. Global Political Ecology / ed. by R. Peet, P. Robbins, M. Watts. London ; New York : Routledge, 2011. 444 p.
7. Weizsaecker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.
8. Höslle V. Philosophie der ökologischen Krise: Moskauer Vorträge. München : C.H. Beck, 1994. 155 S.
9. Political Ecology Cockburn / ed. by A. Cockburn, J. Ridgeway. New York : Times Books, 1979. 422 p.
10. Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Политические исследования. 1992. № 1. С. 130–142.
11. Clark J.P. Political Ecology // Encyclopedia of Applied Ethics. 2nd ed. San Diego : Academic Press, 2012. Vol. 3. P. 505–516.
12. Naess A. The shallow and the deep, long-range ecology movement: a summary // Inquiry. 1973. Vol. 16 (1). P. 95–100. DOI: 10.1080/00201747308601682
13. Guattari F. The three ecologies. London : The Athlone Press, 2000. 174 p.
14. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб. : Владимир Даль, 2020. 400 с.
15. Gottlieb R. Introduction: Religion and Ecology – What Is the Connection and Why Does It Matter? // The Oxford Handbook of Religion and Ecology / ed. by R. Gottlieb. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2006. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780195178722.001.0001/oxfordhb-9780195178722-e-1> (accessed: 09.10.2021).
16. Forsyth T. Critical political ecology: the politics of environmental science. Routledge, 2004. 338 p.

References

1. Belous, V., Volkov, V. & Baltovskij, L. (2021) Geo-Eco-Ideology: Modern world in search of common values. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Saint-Petersburg. 15–16 October 2021. Cham: Springer. pp. 213–225. DOI: 10.1007/978-3-030-78690-8_19
2. Pope Francis. (2015) *O zabote ob obshchem dome: Laudato si'* [On caring for a common home: Laudato si']. Moscow: Izd-vo frantsiskantsev.
3. Taylor, B. (2009) *Dark Green Religion: Nature Spirituality and the Planetary Future*. Berkeley: University of California Press.
4. Bryant, R.L. (ed.) (2015) *The International Handbook of Political Ecology*. Cheltenham; Northampton, MA: Edward Elgar.
5. Perreault, T., Bridge, G. & McCarthy, J. (eds) (2015) *The Routledge Handbook of Political Ecology*. London; New York: Routledge.
6. Peet, R., Robbins, P. & Watts, M. (eds) (2011) *Global Political Ecology*. London; New York: Routledge.
7. Von Weizsaecker, E.U. & Wijkman, A. (2018) *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
8. Höslle, V. (1994) *Philosophie der ökologischen Krise: Moskauer Vorträge*. München: C.H. Beck.
9. Cockburn, A. & Ridgeway, J. (eds) (1979) *Political Ecology Cockburn*. New York: Times Books.
10. Matts, U. (1992) Ideologii kak determinanta politiki v epokhu moderna [Ideologies as a determinant of politics in the modern era]. *Politicheskie issledovaniya*. 1. pp. 130–142.
11. Clark, J.P. (2012) Political Ecology. In: Chadwick, R.F. (ed.) *Encyclopedia of Applied Ethics*. 2nd ed. Vol. 3. San Diego: Academic Press. pp. 505–516.
12. Naess, A. (1973) The shallow and the deep, long-range ecology movement: a summary. *Inquiry*. 16 (1). pp. 95–100. DOI: 10.1080/00201747308601682
13. Guattari, F. (2000) *The Three Ecologies*. London: The Athlone Press.
14. Gentile, E. (2020) *Politicheskie religii. Mezhdum demokratiey i totalitarizmom* [Political Religions. Between democracy and totalitarianism]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
15. Gottlieb, R. (2006) Introduction: Religion and Ecology – What Is the Connection and Why Does It Matter? In: Gottlieb, R. (ed.) *The Oxford Handbook of Religion and Ecology*. Oxford; New York: Oxford University Press. [Online] Available from: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780195178722.001.0001/oxfordhb-9780195178722-e-1> (Accessed: 09.10.2021).
16. Forsyth, T. (2004) *Critical Political Ecology: The politics of environmental science*. London; New York: Routledge.

Информация об авторе:

Волков В.А. – д-р полит. наук, доцент кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: v.a.volkov@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Volkov, Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.a.volkov@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 17.02.2022;
approved after reviewing 10.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 323
doi: 10.17223/15617793/481/10

Модели работы с коллективными историческими травмами

Наталья Николаевна Самсонова¹

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, natalie.samsonova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов работы с коллективной травматической памятью: моделей забывания истории, моделей квазирепрезентаций прошлого и моделей детравматизации. Делается вывод, что травматическая реакция определяется не только психологическими механизмами, но и спланированными стратегиями (конструктивными и квазирепрезентативными). Заключается, что особое значение в современном мире приобретает уход от монолизма групповой памяти к выстраиванию совместимых картин прошлого отдельных сообществ.

Ключевые слова: коллективная историческая травма, модели детравматизации, политика памяти, диалогическое памятование

Для цитирования: Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 84–89. doi: 10.17223/15617793/481/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/10

Models of dealing with historical traumas

Natalia N. Samsonova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, natalie.samsonova@gmail.com*

Abstract. The article analyses the mechanisms of dealing with collective traumatic memory as a source of similar patterns of identification in a stable community. Collective historical traumas are a problem of dissonance between the collective experience of a historical event and its consequences, on the one hand, and the constructed representation of this experience, which arose as a result of either the absence of conditions for its articulation, or incorrect decoding (interpretation) of this experience, on the other. Overcoming collective historical traumas is one of the objectives of memory politics, including the state memory politics. At the same time, the formation of cultural models for working with traumatic experience cannot be successful without a thorough theoretical study of the types of traumatic reactions, the mechanisms of awareness and overcoming of historical traumas. The analysis is based on the methodological synthesis of the main approaches to the understanding of historical trauma (psychoanalytical and sociological), the author explores the mechanisms of detraumatization using a historical retrospective approach and discourse analysis. Through the analysis of the fundamental studies of the phenomenon of the traumatic past (Z. Freud, C. Caruth, F.R. Ankersmit, D. LaCapra, J. Alexander, A. Assmann, et al.), several levels of work with collective traumatic memory are distinguished: models of forgetting history, models of quasi-representations, models of detraumatization. The author infers that the reaction to collective trauma is determined not only by psychological mechanisms (repression, oblivion, self-justification), but also by planned strategies and directives (on the one hand, these models could be constructive: a model of intellectual historicisation, models of compromise and dialogic memory; on the other hand, they could be aimed at suppressing analytical impulses and building quasi-representations: models of falsification, mutual offset of guilt, externalisation). The advocates of psychoanalysis claim that the articulation of traumatic experience is one of the main mechanisms for overcoming a historical trauma. At the same time, the orderly organization of memory of the past, which includes the techniques of spatial and temporal localisation, is a condition for successful detraumatization. For successful canalisation, a certain social significance must be attributed to a traumatic event, expressed in fixing it in normatively significant texts, and strengthened with the help of the performative potential of art. The intellectual historicization model corresponds to these goals. One of the most important contemporary memory trends is the shift from the monologue nature of group memory (as well as from the compromise memory model based on shared narratives) to shareable narratives of individual communities (the dialogic memory model).

Keywords: collective historical trauma, detraumatization models, memory policy, dialogic commemoration

For citation: Samsonova, N.N. (2022) Models of dealing with historical traumas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 84–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/10

В качестве гарантии устойчивости как условия непрерывного развития каждое сообщество нуждается если не в идентичности, то в сходных паттернах иден-

тификации, одним из которых выступает историческая память как «механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся основанием не индиви-

дуального, а минимально коллективного сознания» [1. С. 29]. В этом смысле коллективный травматический опыт нуждается в осмыслении не меньше, нежели иные аспекты исторического наследия.

Анализируя основополагающие научные работы, посвященные феномену травматического прошлого, представляется возможным выделить несколько уровней работы с коллективной травматической памятью (см. также: [2]).

Уровень 1. Модели забывания истории

Императив забвения как противоположность императива памятования, выраженный в формуле “perpetua, oblivio et amnestia” в тексте заключенного в 1648 г. по итогам Тридцатилетней войны мирного договора, считался ориентиром в разрешении социальных конфликтов вплоть до XX в., когда в условиях формирования в мировом сообществе новых, все более высоких правовых стандартов как властные, так и интеллектуальные элиты столкнулись с необходимостью переоценки таких явлений, как колониализм, политическое насилие, дискриминация по расовому, религиозному и иным признакам, и их включения в официальный исторический нарратив.

Исследуя проблематику разрешения внешних и внутренних вооруженных конфликтов, К. Майер отмечает, что, хотя память традиционно рассматривают в качестве средства, препятствующего рецидиву насильственных преступлений (формула Х. Арндт «помнить, чтобы не забывать»), она обладает и способностью сохранять деструктивные силы в коллективном сознании участников конфликта [3]. Вкупе с излишней самовиктимизацией память способна спровоцировать новый виток спирали насилия, особенно если мирные средства восстановления общественного равновесия были исчерпаны [4. С. 196].

С позиций психоанализа вытеснение памяти о травматическом событии представляет собой естественную реакцию психики. Как отмечал В. Болебер, дефицит скорби (т.е. описанного З. Фрейдом благотворного осмысления утраты на контрасте с неконструктивным состоянием меланхолии – заикливания на травматическом событии) [5] сам по себе является симптомом травмы, которую «люди отстраняют от себя, чтобы жить дальше» [6. С. 142]. Однако мнематическое обнуление не способствует преодолению травмы: будучи вытесненной в подсознание, она может привести к психическим расстройствам, неврозам, психосоматике.

Применительно к групповому сознанию Ф.Р. Анкерсмит описывает два варианта подобного вытеснения. В первом случае речь идет о намеренном вытеснении из коллективной памяти исторических эпизодов, переживание которых сопряжено со слишком большим эмоциональным напряжением для их немедленной имплементации в коллективную ментальность. При этом травмирующее событие не приводит к утрате коллективной идентичности: она сохраняется вместе с действующими психологическими законами и механизмами, определяющими возможную реакцию

общества на травматический опыт. Вытеснение травматического эпизода сопряжено с желанием сконцентрировать коллективные силы для движения вперед, без чувства вины или неконструктивной жалости к себе. О сходных формах коллективных реакций на риск пишет и Э. Гидденс, выделяя в числе поведенческих паттернов прагматический (фокус на повседневных действиях, табуирование тревожных симптомов) и оптимистический (убеждение в том, что общественное развитие рано или поздно само нивелирует травматические последствия) [7].

Как уже упоминалось ранее, подавление аналитических импульсов не проходит бесследно. Описывая германский опыт коммуникативного замалчивания, А. Ассман отмечает такие его негативные последствия, как разделение между частной жизнью и политикой, атрофия общественной жизни, героизация молчания, постепенно распространившаяся на все сферы общественной жизни, обесценивание публичной сферы, низкий уровень развития средств общественной коммуникации [8. С. 193].

Во втором случае забвения в классификации Ф.Р. Анкерсмита речь идет о подлинной утрате идентичности, следующей за радикальными историческими преобразованиями, вызывающими ощущение тяжелой и невозможной потери, которая сопровождается упадком культуры и общей дезориентацией: «Между идентичностями (старой и новой) возникает пустота, и нет даже прослойки бессознательно» [9. С. 404]. Примером может послужить уничтожение триединства «православие, самодержавие, народность» после революции 1917 г., а также радикальный отказ от коммунистической риторики в посткоммунистических государствах в 1990-е гг. Столкнувшись с осознанием, что прежний порядок, сформированные каналы социальных отношений, сложившаяся иерархия разрушены, а система ценностей более не актуальна и даже порицаема, коллективная общность не может уже основываться на них свою идентичность.

Таким образом, возникновение моделей забывания истории сопряжено либо с «перерывностью истории», изменением типа цивилизации, утратой органического единства (распад государств СССР, Югославии и т.д.), либо с коренным переформатированием общества (например, Германия после Второй Мировой Войны), когда субъекту необходимо иначе конструировать и понимать себя. Вместе с тем идентичность необходимо выстраивать исходя из прошлого, а заблокированные в течение долгого времени фрагменты заменяются мифами, манипулятивными псевдоисторическими конструкциями.

Уровень 2. Модели квазирепрезентации прошлого

В ситуации, когда субъект не может в полной мере осознать травматический опыт по ряду причин (например, когда число жертв было велико, а палачи не наказаны), вероятна подмена правдивых образов прошлого эрзац-репрезентациями, которые могут вести к коллективным неврозам. К совокупности стратегий отрица-

ния вины, используемых при построении квазирепрезентаций прошлого, исследователи относят экстернализацию, взаимный зачет вины, фальсификацию, инструментализацию травмы и др. [8].

В основе *стратегии взаимного зачета вины* лежит идея допущения уравнивания одной вины другой с целью аннулирования. Примером подобной риторики могут служить множющиеся представления о характере Второй мировой войны, по верному замечанию В.И. Коваленко, как минимум «уравнивающие» политики СССР и нацистской Германии, а в крайних своих выражениях объявляющие Союз «страной, утвердившей в сравнении с гитлеризмом оккупационный режим в десятке стран Центральной и Восточной Европы» [10. С. 36–37].

Стратегия экстернализации предполагает отрицание собственной вины и приписывание ее другому. Ее использование характерно для описанной Б. Гизеном «травмы преступника», или «травмы стыда», вызываемой стремительной деконструкцией положительного представления о себе в результате радикального изменения рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий, массовым получением критических оценочных суждений извне и невозможностью ни рациональным (для молчаливого свидетеля), ни насильственным способом (для палача) доказать свою прежнюю правоту [11].

Возможность *фальсификации* травматической памяти сопряжена с пластичностью социальной памяти в целом. Пользуясь терминологией М. Хальбвакса, процесс воспоминания можно охарактеризовать как «работу по преобразованию прошлого» [12]: формирование репрезентаций травматического события происходит под влиянием изменчивой социальной конъюнктуры, особенно с учетом естественной с течением времени замены живой памяти опыта на медиальную память. Однако если М. Хальбвакс рассматривал такую работу с прошлым как естественный коллективный мнемотический механизм, то современные представители социологического подхода к пониманию травмы, в частности П. Штомпка, Дж. Александер, Р. Айерман, Дж. Смелзер, подчеркивали, что травматическое переживание не только активизируется и трансформируется сообразно социокультурному контексту, но и вектор его движения может быть преднамеренно задан группой лиц, преследующих конкретные цели. Подобная инструментализация травмы может представлять собой попытку легитимизации политических целей за счет потенциально травматических исторических эпизодов. Обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма, как отмечает Д.А. Аникин, конструирует определенную интерпретацию исторического прошлого, задавая выбор события, трагическое восприятие которого становится фактором поддержания коллективной идентичности [13]. Примером может послужить использование критического нарратива «старой России» и трагических событий 1917 г. в предвыборной риторике Б.Н. Ельцина.

Особую опасность инструментализация травмы представляет тогда, когда речь идет об использовании

в конфликтогенной схеме «свой–чужой» травматических переживаний отдельных этнофоров, проживающих в многонациональном и мультикультурном государстве. При определенных условиях искусственное разжигание чувства исторической несправедливости может привести к повышению уровня напряженности в межэтнических отношениях и выразиться в конфликтах, росте этнической преступности и экстремистских настроений. В качестве примера подобного выстраивания травматического дискурса можно привести использование Партией народной свободы событий 1919 г. в своей риторике, направленной на создание собственной интерпретации травматического опыта казачества таким образом, что в вопросах распределения вины в спектр ответственных включалась не только «коммунистическая», но и современная власть.

Уровень 3. Модели проработки травмы (детравматизации), сопряженные с полноценной работой над травмами

Организация полноценной проработки травмирующего прошлого требует комплекса условий. В первую очередь речь идет о наличии сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Второе условие – институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной (например, от диктатуры к демократии) и создание условий для артикуляции травматических переживаний как в правовом, так и в культурном поле. Кроме того, в работе с коллективной травмой необходимо учитывать естественные мнемологические и психологические механизмы.

Специфика травматического эффекта заключается в том, что травма с высокой долей вероятности лишает индивида возможности связать и артикулировать свои переживания, поэтому «голос травмы» может звучать посредством, на первый взгляд, непрозрачных действий или образов. Исследователи, в частности, К. Каруг, Р. Айерман и др., отмечают необходимость изучения литературных и иных форм искусства как сообщений, способных преодолеть границы неартикулируемого. Например, репрезентации травмы жертв политических репрессий в отечественном культурном пространстве во многом формировались в жанре так называемой «лагерной литературы»: «Крутой маршрут» З.С. Гинзбург, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и т.д. Артикулированные воспоминания становятся в данном случае социально-терапевтическим средством, перформативным актом кризисного периода, подготавливающим почву для следующего этапа – вписания в общепринятый исторический нарратив.

Еще одно условие успешной детравматизации – упорядоченная организация памяти о прошлом (каналлизация переживаний). Хотя артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы, сама по себе травма не «проговаривается» так, чтобы ввести ситуацию в нормальное русло. Напротив, автома-

тическое, рефлексивное проговаривание, как отмечает Д. ЛаКапра, способно усилить травматизацию, поскольку его механизм тождествен механизму неконструктивной меланхолии и ведет к сращиванию с травматическим контекстом [14. С. 722]. «Проработывание» же, наоборот, выражается в максимально рациональном стремлении субъекта создать четкое разграничение между травматическим прошлым, конструктивным настоящим и перспективным будущим, что создает потенциал критической оценки как самого события и пережитого опыта, так и их сформированного восприятия [15. С. 36]. В описанном З. Фрейдом механизме травматических реакций принципиальным отличием между деструктивной меланхолией и конструктивной скорбью выступают «системность», «регламентированность» и «дозированность» травматического повторения [5. С. 253]. Примером такого повторения, конструктивного «осовременивания прошлого» являются коммеморационные практики.

Основными коммеморационными приемами в работе с травмами выступают прием определенной пространственной локализации за счет «устойчивых форм сохранения» и прием временной локализации благодаря достижению «универсальных форм повторяемости».

К способам пространственной локализации относятся как организация мемориалов, музеев и исторических памятников на нейтральных территориях с расширением информированной и сопереживающей аудитории (например, Музей ГУЛАГа и мемориал «Стена скорби» в Москве, памятный знак «Пострадавшим в годы гонений и репрессий» в Сергиевом посаде), так и означение непосредственно травматических мест (мемориальный комплекс «Катынь», Еланский казачий музейно-мемориальный комплекс, мемориальный комплекс «Двенадцатый километр» в Свердловской области и др.). Временная локализация представляет собой чествование травматических годовщин. Такие даты могут быть комплексными и нести в себе память о пережитом страдании, память о победе, память об извлеченных уроках, а также вмещать определенные политические цели (так, назначение годовщины Октябрьской революции Днем согласия и примирения в 1996 г. можно рассматривать как попытку нивелировать идеологический раскол в постсоветском обществе).

Устоявшиеся модели воспоминания представляют собой идентификационные маркеры, предлагают императивы действия для будущих поколений, дают возможность в одно и то же время выражать свои чувства и соблюдать установленные в обществе правила поведения [8. С. 249]. Однако для успешной канализации травматическому событию должна приписываться определенная социальная значимость, выражаемая в закреплении в нормативно-значимых текстах и упроченная с помощью перформативного потенциала искусства. Этим целям соответствует *модель интеллектуальной историзации*.

Ф.Р. Анкерсмит описывает механизм преодоления травмы как восстановление правдивой истории о травмирующем прошлом. С позиций психоанализа

представление травматического опыта в форме нарратива способствует его излечению в силу четкого разграничения травмирующего прошлого и настоящего. В плоскости коллективной памяти историзация события должна основываться на двух аспектах: обзоре потерь, которые могут быть трансформированы в нарратив и тем самым представлены в настоящем или транслированы в будущее (буквально: «Преодоление прошлого может состояться только при условии нашей способности рассказать окончательно историю о том, от чего мы откажемся именно благодаря нашей способности рассказывать» [9. С. 467]), и свидетельской объективации.

Вместе с тем модель интеллектуальной историзации сопряжена с определенными рисками. Как отмечают представители социологического подхода к пониманию исторических травм, специфика институционализации дискурса напрямую зависит от социально-политического контекста, целей, которые «переводчик» закладывает в формируемое им сообщение (примечательно, что в модели Н.Дж. Смелзера фаза посттравматической адаптации носит название «социального контроля» [16]). Так, в числе разнообразных доминирующих в различные периоды нарративов советского прошлого можно выделить актуальный в 1990-е гг. критический нарратив, созданный с целью сформировать образ «новой, сильной России» на контрасте с «Россией прежней» (советской и дореволюционной), сменивший его нарратив «сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации», сформированный для решения проблемы избыточной самовиктимизации, и, наконец, предложенный Д.А. Медведевым и сохраняющий свою актуальность нарратив «невозможности нормализации сталинизма» и признания равновеликой важности сохранения памяти как о победах, так и о поражениях прошлого, нашедший свое отражение в тексте принятой в 2015 г. Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий: «Страна не может стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий» [17]. Как подчеркивает А. Ассман, в условиях глобализации реконструкция памяти национальной утрачивает свою направленность исключительно на собственную нацию [4. С. 190]. Безусловно, каждая социальная группа обладает правом на собственную память, однако ее история, по замечанию Р. Козеллека, будет иметь значение лишь при признании другими социальными группами и при устойчивой взаимосвязи с их картинами прошлого [18], что приводит к необходимости использования *моделей компромисного и диалогического памятования*.

Компромиссное памятование основано на выстраивании диалогической взаимосвязи между памятью жертв, свидетельской памятью и памятью преступников. Специфическим институтом, отвечающим данной цели, выступают так называемые комиссии правды и примирения – официально уполномоченные государственной властью организации, занимающие

ся исследованиями спорных исторических событий (например, Южноафриканская комиссия правды и примирения (TRC), Сальвадорская комиссия (Commission on the Truth for El Salvador), Аргентинская комиссия CONADEP и др.). Деятельность таких институтов позволяет снизить уровень коллективной вины и дать ответы на необходимые в создании устойчивого нарратива вопросы: установление источника боли и личности преступника, определение природы жертвы и т.д. В этом смысле существенную роль играют и профессиональные экспертные сообщества, а также правозащитные организации (например, в РФ – Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 г. АИРО-XXI), фонд «Историческая память», портал «Полит.ру», клуб «Билингва», центр Карнеги (издание «Pro et Contra») и др.).

Модель диалогического памятования характеризуется ослаблением монологизма групповой памяти, открытостью травматического дискурса. В отличие от компромиссного памятования оно подразумевает не заключение мемориально-этического договора на какой-либо длительный срок, а совместное производство исторического знания в общей истории нанесенной и пережитой травмы. Речь идет не столько о выработке единого нарратива (shared narratives) для всех социальных общностей (в том числе государств), что невозможно с учетом рамок социальной памяти, сколько о взаимном признании и совместимости картин истории (shareable narratives) [19. P. 14] (например, деятельность группы по сложным вопросам истории российских польских отношений под руководством бывшего министра иностранных дел Республики Польша А. Ротфельда и ректора МГИМО А.В. Торкунова).

Использование модели диалогического памятования значимо не только на общемировом, но и на внут-

ригосударственном уровне. Как показал Дж. Александер, для конструирования травматической репрезентации, способной помочь носителям травматических переживаний преодолеть их, особое значение имеет формирование связи жертвы травмы с более широкой аудиторией [20. С. 23]. Это особенно важно, когда речь идет о коллективных травмах этнических групп, проживающих в многонациональном государстве: диалог памяти как акт коммуникации позволяет устранить асимметрию памяти, достичь символического баланса и сформировать устойчивые связи между отдельными сообществами, как то: сообщество носителей и периферийная аудитория, поляризованные различными взглядами на травматический эпизод группы и т.д.

Таким образом, реакция на коллективную травму определяется не только психологическими механизмами (вытеснение, забвение, самооправдание), но и спланированными стратегиями и директивами, как конструктивными (модель интеллектуальной историзации, модели компромиссного и диалогического памятования), так и направленными на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций (фальсификация, взаимный зачет вины, экстернализация). С позиции психоанализа артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы. Вместе с тем условием успешной детравматизации является упорядоченная организация памяти о прошлом, включающая в себя приемы пространственной и временной локализации. Особое значение в современном мире приобретают уход от монологического характера групповой памяти и выстраивание совместимых картин травматического прошлого отдельных сообществ.

Список источников

1. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянской культуры. 2018. Т. 48. С. 29–49.
2. Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 69–77.
3. Meier Ch. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns : Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München : Siedler Verlag, 2010. 160 S.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
5. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. М. : Республика, 1917. С. 252–260.
6. Bohleber V. Trauma, Trauer und Geschichte. Köln, 2001. 154 S.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Практикс, 2011. 352 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
9. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 609 с.
10. Коваленко В.И. Историческая память и историческая ответственность: против фальсификации истории второй Мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 36–42.
11. Giesen V. Triumph and Trauma. London : Paradigm publishers, 2004. 196 p.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
13. Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. 2020. № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik>
14. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. Vol. 25 (4). P. 696–727.
15. Николаи Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапры: контекст и метод // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 31–44.
16. Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York : The Free Press, 1963. 436 p.
17. Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-п (ред. от 26.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4930.
18. Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M. : Schurkamp, 1995. 389 S.
19. Passerini L. Shareable Narratives? Intersubjectively, Life Stories and Reinterpreting the Past // Berkely Paper. 2006. August. P. 11–16.
20. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

References

1. Artamonova, Yu.D. (2018) K voprosu o mekhanizmax istoricheskoy pamyati [To the question of the mechanisms of historical memory]. *Vestnik slavyanskoy kul'tury*. 48. pp. 29–49.

2. Samsonova, N.N. (2021) *Mekhanizmy preodoleniya istoricheskoy travmy: osnovnye issledovatel'skie podkhody* [Mechanisms for Overcoming Historical Trauma: Basic Research Approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 3. pp. 69–77.
3. Meier, Ch. (2010) *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerens: Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München: Siedler Verlag.
4. Assmann, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Freud, S. (1917) *Khudozhnik i fantazirovanie* [Mourning and Melancholia]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 252–260.
6. Bohleber, V. (2001) *Trauma, Trauer und Geschichte*. Köln: [s.n.].
7. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Translated from English. Moscow: Praxis.
8. Assmann, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial culture and politics]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Ankersmit, F.R. (2007) *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime Historical Experience]. Translated from English. Moscow: Evropa.
10. Kovalenko, V.I. (2013) *Istoricheskaya pamyat' i istoricheskaya otvetstvennost': protiv fal'sifikatsii istorii vtoroy Mirovoy voyny* [Historical memory and historical responsibility: against the falsification of the history of the Second World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 36–42.
11. Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm publishers.
12. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
13. Anikin, D.A. (2020) *Kollektivnye travmy kak predmet memory studies: spetsifika rossiyskogo diskursa* [Collective Trauma as a Subject of Memory Studies: Specifics of Russian Discourse]. *Studia Humanitatis*. 4. [Online] Available from: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik>.
14. LaCapra, D. (1999) *Trauma, Absence, Loss*. *Critical Inquiry*. 4 (25). pp. 696–727. DOI: 10.1086/448943
15. Nikolai, F.V. & Kobylin, I.I. (2011) *Intellectual'naya istoriya D. LaCapry: kontekst i metod* [Intellectual history of D. LaCapra: context and method]. *Dialog so vremenem*. 34. pp. 31–44.
16. Smelser, N.J. (1963) *Theory of Collective Behavior*. New York: The Free Press.
17. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2015) *Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressiy: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.08.2015 № 1561-r (red. ot 26.03.2019)* [On the approval of the Concept of State Policy for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repressions: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1561-r of August 15, 2015 (as amended on March 26, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 34. Art. 4930.
18. Koselleck, R. (1995) *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Schurkamp.
19. Passerini, L. (2006) *Shareable Narratives? Intersubjectively, Life Stories and Reinterpreting the Past*. *Berkely Paper*. August. pp. 11–16.
20. Alexander, J. (2021) *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 5–40.

Информация об авторе:

Самсонова Н.Н. – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.N. Samsonova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.05.2022;
одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 31.05.2022;
approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 327.7, 94(41/99)
doi: 10.17223/15617793/481/11

Политико-правовые и институциональные особенности процесса Brexit со стороны Европейского Союза

Олег Юрьевич Семенов¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, osemenov@hse.ru

Аннотация. Решается научная проблема определения ключевых моментов договорно-правовой и институциональной специфики процесса выхода Великобритании из ЕС со стороны Европейского Союза. Отмечается специфика процедур ЕС для соглашений с третьими странами, использованных в процессе Brexit и имевших результатом подписание Политической декларации о выходе Великобритании, а также Соглашения о торговле и сотрудничестве. Отдельное внимание уделяется анализу приоритетов ЕС в переговорном процессе, переговорной команде Евросоюза и значению Европарламента.

Ключевые слова: Brexit, Европейский Союз, Соглашение о торговле и сотрудничестве, процедуры ЕС для соглашений с третьими странами

Для цитирования: Семенов О.Ю. Политико-правовые и институциональные особенности процесса Brexit со стороны Европейского Союза // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 90–96. doi: 10.17223/15617793/481/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/11

Political, legal and institutional features of Brexit: The European Union perspective

Oleg Yu. Semenov¹

¹ National Research University Higher School of Economics – Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation, osemenov@hse.ru

Abstract. The article aims to solve the scientific problem of identifying the key legal and institutional points of the UK's exit process from the European Union (Brexit) as seen from the EU perspective. The urgency of the problem is determined by the fact that the UK's decision to leave the EU, together with the subsequent negotiation process, taking into account the global and local issues, is a serious challenge to the further functioning of the EU as an integration body. The sources used for writing the article are official treaties and accompanying declarations on the Brexit issue, doctrinal and strategic documents of the European Union, materials from the European Council, the EU Commission, as well as speeches by official representatives of the integration body and member states. A structural-functional version of the system analysis is used to reach the article's aim, orienting the researcher to the structural characteristics of the UK's exit from the EU. The specificity of the object under analysis predetermined the use of the decisional method to focus on the European Union as a decision-making center and on decision elaboration and subsequent implementation. The analysis resulted in identifying the specifics of EU procedures for agreements with third countries used in the Brexit process and resulting in the Withdrawal Agreement and Political Declaration on the future relationship between the UK and EU, and in the Trade and Cooperation Agreement. Special attention is paid to the analysis of the EU priorities in the negotiation process, the negotiating EU team coupled with the importance of the European Parliament. The main conclusions are highlighting the key role of Article 50 of the Treaty on European Union, guidelines for negotiating Brexit, a specific regulatory framework for future relations represented by Article 218 of the Treaty on the Functioning of the European Union. The article emphasises the special role of the European Parliament and its Brexit Steering Group, which allowed lawmakers to participate in developing an EU political strategy for negotiations and, despite a lesser formal role in the Brexit process, to demonstrate high organizational flexibility and the ability to take great part in negotiations. The gained results make a significant contribution to the study of the European Union development problems as well as the parameters of various interaction links within the EU mechanism for political decisions development and implementation in the Brexit negotiation process.

Keywords: Brexit, European Union, Trade and Cooperation Agreement, EU procedures for agreements with third countries

For citation: Semenov, O.Yu. (2022) Political, legal and institutional features of Brexit: The European Union perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 90–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/11

23 июня 2016 г. в Великобритании состоялся исторический референдум, на котором избиратели должны были решить вопрос о членстве страны в Евросоюзе. По официальным данным, обнародованным избирательной комиссией, на референдуме победили сторонники Brexit (Брекзит, Брексит) – выхода Великобритании из Евросоюза. За такое решение проголосовали 51,9% граждан, против – 48,1%. В частности, за выход Великобритании из ЕС проголосовали Англия (53,4% голосов) и Уэльс (52,5% голосов), против – Северная Ирландия (55,8% голосов против выхода) и Шотландия (62% голосов против). Для участия в голосовании зарегистрировались 46 500 000 британцев, из которых пришли на участки более 33 500 000 человек. Явка составила 72,1%, что явилось самым высоким показателем в Великобритании с 1997 г. [1].

Д. Кэмерон, выступая в палате общин с официальным объявлением о результатах референдума 23 июня по членству Британии в ЕС, заявил о своей отставке, подчеркнул, что все ключевые решения о выходе государства из состава Евросоюза будет принимать уже новое правительство, и отметил, что сообщил руководству Евросоюза о том, что его кабинет не намерен официально инициировать процесс выхода страны из ЕС. Он заверил, что его кабинет делает и сделает все, что в его силах, но «все ключевые решения не будут приняты до тех пор, пока не появится новый премьер-министр». Д. Кэмерон заявил, что не считает правильным для себя «быть капитаном, который ведет страну к новому пункту назначения».

Со своей стороны Европейский Союз заявил, что не будет вести переговоры с Британией, пока та не задействует юридический механизм выхода из организации, о чем говорилось в совместном заявлении, подписанном канцлером Германии А. Меркель, президентом Франции Ф. Олландом и премьером Италии М. Ренци. Каждый из трех европейских лидеров высказался за скорейшее начало юридической процедуры выхода Британии из ЕС на основании ст. 50 Договора о Европейском Союзе, которая до тех пор ни разу не применялась [2].

Статья 50 Договора о Европейском Союзе устанавливает процесс выхода государства-члена из состава ЕС. Она предусматривает заключение соглашения о выходе, но также требует, чтобы переговоры о выходе учитывали рамки будущих отношений. Этот подход использовался в переговорах о Brexit после того, как в марте 2017 г. премьер-министр Тереза Мэй направила уведомление в соответствии со ст. 50 Договора о ЕС с изложением намерения Великобритании покинуть ЕС.

В апреле 2017 г. Европейский совет принял руководящие принципы ведения переговоров о Brexit, в которых отмечалось требование ст. 50 учитывать рамки будущих отношений [3]. Однако в руководящих принципах указывалось, что соглашение о будущих отношениях может быть «окончательно оформлено и заключено только после того, как Соединенное Королевство станет третьей страной».

Таким образом, в руководящих принципах был изложен поэтапный подход к переговорам, в рамках

которого приоритетны будут меры по упорядоченному выходу Великобритании, конкретные контуры же будущих отношений определялись на втором этапе переговоров.

В итоге, хотя Великобритания и ЕС достигли соглашения по некоторым вопросам выхода из ЕС еще в декабре 2017 г. [4], первоначальное соглашение по другим вопросам (в частности, договоренности о границе между Северной Ирландией и Ирландией) не было достигнуто до ноября 2018 г. [5]. Вместе с Соглашением о выходе в ноябре 2018 г. была согласована первоначальная версия Политической декларации [6]. Однако эти тексты не были одобрены Палатой общин, а в июле 2019 г. Борис Джонсон, нацелившийся на повторные переговоры, сменил Терезу Мэй на посту премьер-министра.

В октябре 2019 г. британское правительство Бориса Джонсона согласовало пересмотренные версии Соглашения о выходе [7] и Политической декларации [8]. Получив большинство голосов на всеобщих выборах в декабре, правительство затем получило места в парламенте и возможность легко принять Закон о выходе из Европейского Союза для реализации Соглашения о выходе и ратифицировать его в январе 2020 г. После принятия данного документа была завершена процедура ратификации и со стороны ЕС, позволяющая Соглашению о выходе вступить в силу сразу после выхода Великобритании из ЕС 31 января. Это означало, что процесс, предусмотренный ст. 50, был завершен.

Статья 50 (2) Договора о ЕС закрепляет положение о том, что будущие переговоры о взаимоотношениях будут иметь отдельную правовую основу в договорах ЕС, а переговоры о будущих взаимоотношениях должны были состояться в соответствии со ст. 218 (3) Договора о функционировании Европейского Союза – правовая основа для переговоров ЕС с третьими странами [9]. При этом Великобритания по-прежнему рассматривалась как государство-член для целей применения большинства законов ЕС в течение переходного периода, предусмотренного Соглашением о выходе.

В декабре 2019 г. Европейский совет предложил Европейской комиссии представить свои рекомендации, а Совету по общим вопросам – принять мандат как можно скорее после выхода Великобритании из ЕС [10]. В январе 2020 г. представитель Еврокомиссии М. Барнье заявил, что ЕС начнет переговоры «как можно скорее, но случится это не раньше конца февраля – начала марта». Это, по его словам, было обусловлено не «замедлением или ускорением процесса», а самой природой институционального процесса и консультаций, которые должны состояться до официального принятия директив по переговорам [11].

Процедуры ЕС для соглашений с третьими странами в контексте Brexit

Согласно ст. 218 Договора о функционировании ЕС, Совет санкционирует открытие переговоров, принимает директивы о переговорах и принимает реше-

ния, санкционирующие подписание соглашений и их заключение. Европейская комиссия представляет рекомендации Совету до разрешения переговоров. Совет также назначает ведущего переговорщика. Европейский парламент должен быть полностью информирован на всех этапах процедуры [12].

Для соглашений об ассоциации и других форм международных соглашений, перечисленных в ст. 218 (6), требуется согласие Европейского парламента, прежде чем Совет сможет принять решение о заключении соглашения. Это дает Европейскому парламенту право вето на такие соглашения. К числу форм соглашений, требующих согласия парламента, относятся области, в которых Европейский парламент выступает в качестве законодателя с Советом (стандартная законодательная процедура). К ним относится Общая коммерческая политика (ст. 207 Договора о функционировании ЕС), в соответствии с которой разрабатываются торговые соглашения.

В ст. 207 Договора о функционировании ЕС указано, что соглашения в области торговли услугами, коммерческими аспектами интеллектуальной собственности и прямыми иностранными инвестициями требуют единогласия Совета, если они включают положения, в отношении которых требуется единогласие для принятия внутренних правил. В ст. 207 также указывается, что Совет должен действовать единогласно для переговоров и заключения соглашений, охватывающих определенные аспекты культурных и аудиовизуальных услуг, а также соглашений о торговле социальными, образовательными и медицинскими услугами [13].

Статья 218 Договора о функционировании ЕС предусматривает также, что Европейский парламент, Совет, Комиссия и государства-члены могут запрашивать мнение Суда ЕС о соответствии рассматриваемых соглашений базовым договорам Евросоюза.

Потенциальным осложнением ратификации будущего соглашения между ЕС и Великобританией явилось то обстоятельство, что если соглашения выходят за рамки исключительной компетенции ЕС (так называемые смешанные соглашения), то требуется их ратификация в каждом государстве-участнике в соответствии с их собственными конституционными процедурами. В некоторых случаях это означает согласие со стороны национальных парламента или проведение национальных референдумов.

После принятия в 2017 г., например, решения Суда ЕС о том, что положения об инвестициях в предлагаемом соглашении между ЕС и Сингапуром сделали его смешанным соглашением, ЕС придерживался двустороннего подхода в регулировании отношений с третьими странами [14]. Как соглашения между ЕС и Сингапуром, так и соглашения между ЕС и Вьетнамом были разделены на соглашения о свободной торговле, требующие одобрения только на уровне ЕС, и соглашения о защите инвестиций, требующие ратификации государствами-членами. ЕС также применил этот подход к другим торговым соглашениям, чтобы избежать проблем с ратификацией, которые встреча-

ются, например, во Всеобъемлющем экономическом и торговом соглашении между ЕС и Канадой.

Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией, вступившее в силу в 2019 г., также является соглашением исключительной компетенции ЕС. Наряду с этим ЕС и Япония договорились о более широком соглашении, охватывающем 40 областей, представляющих общий интерес, включая сотрудничество в области безопасности.

Хотя ЕС призвал создать всеобъемлющую институциональную основу для будущих отношений между ЕС и Великобританией, в Политической декларации упоминались соглашения во множественном числе, и вполне возможно, что в обсуждениях будущих отношений может быть применен многосторонний подход. Торговое соглашение в итоге подпало единогласным решением национальных парламента стран Евросоюза под исключительную компетенцию ЕС и было ратифицировано на уровне Европарламента. Партнерство же в области безопасности и других областях сотрудничества будет входить в области общей компетенции и потребует, после выработки общей позиции и текста документа, ратификации государствами-членами как смешанное соглашение [15].

Переговорная команда ЕС в процессе Brexit

С октября 2016 по ноябрь 2019 г. Европейский Союз на переговорах по выходу Великобритании из основания ст. 50 представлял исполнявший до этого обязанности Европейского комиссара по внутренней торговле Мишель Барнье, а затем он был назначен председателем новой Целевой группы ЕС по отношениям с Соединенным Королевством (TF50), которая была сформирована в ноябре 2019 г. в рамках Генерального секретариата Европейской комиссии и состояла из семи рабочих групп по конкретным сферам взаимодействия [16].

Целевая группа координировала работу Европейской Комиссии по всем вопросам, связанным с выходом Великобритании из ЕС и переговорами о будущих отношениях, действовала под непосредственным руководством Президента Комиссии Урсулы фон дер Ляйен и в тесном сотрудничестве с Европейской службой внешних связей.

В директивах ЕС по ведению переговоров говорилось, что Комиссия будет вести переговоры «в постоянной координации и постоянном диалоге с Советом и его подготовительными органами». Совет и Комитет послов стран-членов ЕС при содействии Рабочей группы Совета по Великобритании, объединяющей представителей государств-членов, давали рекомендации Комиссии, а та проводила консультации и отчитывалась перед Комитетом послов стран-членов ЕС [17].

Целевая группа прекратила свою деятельность с 1 марта 2021 г. в связи с подписанием и ратификацией Соглашения по Brexit и была преобразована в новую Службу по соглашениям между ЕС и Великобританией (UKS) как часть Генерального секретариата ЕС и в тесном взаимодействии с Европейской службой внешних связей [18].

М. Барнье стал специальным советником У. фон дер Ляйен и консультирует Президента Еврокомиссии по вопросам реализации Соглашения о выходе Великобритании из ЕС. Его заместитель Марош Шефчович, отвечавший за институциональное взаимодействие и выработку перспективных предложений по двусторонним отношениям после Brexit, был назначен членом Еврокомиссии с полномочиями сопредседателя и представителя Европейского Союза в Партнерском Совете, учрежденном по Соглашению о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией.

Роль Европейского Парламента в переговорном процессе по Brexit

В ст. 50 Договора о Европейском союзе довольно полно излагаются процедуры выхода государства-члена из ЕС, при этом Европейский парламент как институт упоминается только один раз: его роль ограничивается одобрением Соглашения о выходе между ЕС и покидающим государством, отвечал за данную сферу в контексте Brexit Комитет по конституционным вопросам [19. Р. 16].

При этом Европарламент (ЕП) де-факто довольно успешно использовал положения ст. 50 для усиления своих институциональных полномочий. Благодаря своим полномочиям на предоставление согласия ЕП удавалось получать полную информацию о ходе и состоянии каждого раунда переговоров и участвовать в принятии ключевых решений на протяжении всего процесса Brexit. ЕП стал своего рода «квазипереговорщиком», хотя его представителей и не приглашали за стол переговоров напрямую. Деятельность ЕП по Brexit внутри самого парламента контролировалась на самом высоком политическом уровне – Конференции председателей политических фракций, которая учредила Руководящую группу по Brexit (BSG) под председательством Ги Верхофстадта. Учитывая необходимость избежать разрозненности позиций, подготовка резолюций, ведущих к окончательному консолидированному мнению, находилась под строгим контролем BSG. Самые тесные контакты с главным переговорщиком от ЕС Мишелем Барнье и Целевой группой Европейской Комиссии по Brexit также поддерживались этой группой. Пять политических групп Европарламента (Христианские демократы – EPP, социал-демократы – S&D, либералы – RENEW, зеленые и регионалы – Greens-EFA, коммунисты и левые – GUE / NGL) участвовали в BSG, отложив в сторону разногласия по другим вопросам, чтобы выступить единым фронтом в переговорах с Великобританией. Две группы сторонников Brexit в ЕП – национал- и евроскептики – EFDD и ENF, где британские депутаты Европарламента имели значительное влияние, не были включены в состав BSG. В то же время постоянные комитеты Европарламента были в значительной степени отодвинуты на второй план в переговорном процессе, а их вклад в согласованную позицию Европарламента был довольно незначительным [20. Р. 630].

Таким образом, в целом деятельность Руководящей группы по Brexit позволила ЕП участвовать

в разработке политической стратегии переговоров со стороны Евросоюза в тесной и конструктивной взаимосвязи с Советом ЕС и Целевой группой Еврокомиссии. Примечательно, что ЕП и Комиссия разработали хорошо отлаженный механизм посылки взаимно полезных и подкрепляющих политических сигналов, обычно достигая значительной степени согласованности тактики и стратегии. Чиновники ЕК часто согласовывали с политическими группами Европарламента, что и как последние должны сообщать прессе. С другой стороны, схожесть позиций Европарламента, Совета ЕС и Комиссии привела к тому, что трудно обнаружить конкретное влияние Европарламента на переговоры. Из явного можно отметить, что ЕП предпочел сосредоточиться на правах граждан, при этом менее приоритетными оказались вопросы урегулирования финансового взаимодействия и ирландской границы. По мнению некоторых исследователей, Совет ЕС, правительство Великобритании и даже Комиссия придали меньшее значение довольно экзистенциальным и актуальным проблемам, возникающим для многих граждан Великобритании и ЕС в результате Brexit (заявки на постоянное проживание, разрешения на работу или правила передвижения), а Европарламенту фактически удалось в этой области напрямую изменить некоторые положения Соглашения о выходе, например в отношении гарантий прав граждан в переходный период и прав будущих супругов – граждан ЕС / Великобритании [21].

Всего ЕП принял шесть резолюций по Brexit в ходе переговоров по Соглашению о выходе, в предпоследней из них – от 18 сентября 2019 г. – содержалось и видение контуров будущих отношений. ЕП призвал к соглашению об ассоциации с Великобританией и напомнил, что высокий уровень доступа к рынку ЕС должен сопровождаться четкими положениями о правилах игры, при отсутствии которых ЕП не сможет ратифицировать будущее торговое соглашение. Резолюция от сентября 2019 г. также подтвердила, что «первоочередной задачей» Европарламента в переговорах по соглашению о выходе является защита прав граждан ЕС в Великобритании и британских граждан в ЕС. Поэтому неудивительно, что последняя (15 января 2020 г.) резолюция Европарламента по этим вопросам до дня Brexit была специально посвящена «реализации и мониторингу положений о правах граждан в Соглашении о выходе» [22]. Наконец, 29 января 2020 г. пленарное заседание ЕП одобрило Соглашение о выходе Великобритании подавляющим большинством голосов: 621 голос – за, 49 – против и 13 воздержавшихся. Большинство выступавших в дебатах отметили, что Brexit не стал концом сотрудничества между Великобританией и ЕС, хотя переговоры о будущих отношениях были полны препятствий.

Таким образом, в переговорах по соглашению о Brexit Европейский Парламент, очевидно, сыграл меньшую формальную роль, чем Комиссия и Совет, но при этом продемонстрировал высокую организационную адаптивность и способность применять существующую правовую базу для практически полноценного участия в переговорах.

Отметим в заключение, что официально Великобритания покинула Европейский Союз 31 января 2020 г., и буквально в последний момент – в канун Рождества 2020 г. – было заключено не всеобъемлющее, но все-таки распространяющееся на многие сферы взаимодействия Соглашение о торговле и сотрудничестве (Trade and Cooperation Agreement – TCA), формальный процесс ратификации которого был завершён в апреле 2021 г. TCA обеспечивает свободный от тарифов и квот доступ на рынки договаривающихся сторон для товаров, но не услуг, а также охватывает такие злободневные вопросы, как будущие условия конкуренции и права на рыболовство.

При этом Лондон и Брюссель до сих пор не достигли компромисса по таким ключевым вопросам, как открытие и статус дипломатических представительств, экспорт вакцины от коронавируса и всеобъемлющие договоренности по Северной Ирландии, которая, хотя и является частью Великобритании, продолжает соблюдать ряд правил ЕС, чтобы сохранять открытую сухопутную границу с Ирландской Республикой, остающейся членом Европейского Союза. При этом Великобритания требует полного пересмотра правил пересечения границы и выражает намерение приостановить действие соглашения в случае необходимости. ЕС же настаивает на упрощенном пограничном режиме, исключая при этом пересмотр условий сделки по Brexit. Напряженность сохраняется и в Шотландии, где сепаратистские партии получили большинство мест на выборах 2021 г., призывая к очередному референдуму о независимости.

Заключение

Основными политико-правовыми и институциональными особенностями процесса Brexit со стороны Европейского Союза по итогам проведенного исследования следует назвать следующее:

– ключевую роль сыграла ст. 50 Договора о Европейском Союзе, которая определяет основополагающие принципы процесса выхода государства-члена из состава ЕС, предусматривает заключение соглашения о выходе и при этом затрагивает рамки будущих отношений двух сторон;

– Европейский Совет принял руководящие принципы ведения переговоров о Brexit, определяющие поэтапный подход к переговорам, в рамках которого устанавливались приоритет мер по упорядоченному выходу Великобритании и наличие переходного периода;

– конкретной нормативно-правовой основой переговоров о будущих взаимоотношениях стала ст. 218 Договора о функционировании Европейского Союза, при этом Великобритания продолжала рассматриваться как страна-участник интеграционного объеди-

нения с целью беспрепятственного применения большинства законов ЕС в течение переходного периода;

– потенциальным осложнением соглашения между ЕС и Великобританией явился выход документа за рамки исключительной компетенции ЕС (смешанное соглашение), что требовало ратификации в каждом государстве-участнике. В итоге кризис был преодолен таким образом, что Соглашение о торговле и сотрудничестве было признано исключительной компетенцией ЕС и ратифицировано на уровне Европарламента, а определение контуров партнерства в области безопасности и других сферах было отложено на перспективу;

– на начальном этапе переговорного процесса по Brexit Европейский Союз представлял исполнявший до этого обязанности Европейского комиссара по внутренней торговле Мишель Барнье. Затем он был назначен руководителем Целевой группы ЕС по отношениям с Соединенным Королевством, которая была сформирована в ноябре 2019 г. в рамках Генерального секретариата Европейской комиссии и осуществляла деятельность до 1 марта 2021 г. в связи с подписанием и ратификацией Соглашения по Brexit, а затем была преобразована в новую Службу по соглашениям между ЕС и Великобританией.

– особую роль в Brexit сыграли Европейский парламент и созданная в его рамках Руководящая группа по Brexit, что позволило законодателям участвовать в разработке политической стратегии переговоров со стороны Евросоюза в тесной и конструктивной взаимосвязи с высшими руководящими органами Евросоюза. При меньшей формальной роли в процессе Brexit Европарламент продемонстрировал высокую организационную гибкость и способность практически полноценно участвовать в переговорах.

В кратко- и среднесрочной перспективе для институциональной структуры Евросоюза выход Великобритании, как представляется, почти наверняка будет означать изменения в балансе сил между 27 оставшимися государствами-членами. Нидерланды и Ирландия, основные экономические партнеры Великобритании, могут постараться заполнить в какой-то мере и политический вакуум влияния, возникший в результате Brexit; Дублин также может претендовать на большую роль в институтах ЕС из-за возможного переезда туда ряда финансовых учреждений из Лондона. Представляется также, что Германия, Франция и Италия как государства-основатели, мощные экономические центры силы и своего рода символы европейской интеграции будут стремиться к более сильному в политическом и институциональном отношении Европейскому Союзу в отсутствие главного евроскептика в лице Соединенного Королевства.

Список источников

1. EU Referendum: Final Results. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-brexite-referendum/> (accessed: 07.12.2021).
2. 'This is the beginning of a new Europe' say Merkel, Renzi and Hollande. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/aug/22/beginning-new-europe-merkel-renzi-hollande> (accessed: 07.12.2021).
3. European Council (Art. 50) guidelines for Brexit negotiations. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/29/euco-brexite-guidelines/> (accessed: 07.12.2021).
4. Taking Back Control of Trade Policy, Institute for Government, 2017. URL: www.instituteforgovernment.org.uk/publications/takingback-control-trade-policy (accessed: 07.12.2021).

5. Recommendation for a Council Decision authorising the opening of negotiations for a new partnership with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-annex-negotiating-directives.pdf> (accessed: 07.12.2021).
6. Agreement on the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as endorsed by leaders at a special meeting of the European Council on 25 November 2018. URL: www.gov.uk/government/publications/withdrawalagreement-and-political-declaration (accessed: 07.12.2021).
7. The October 2019 EU UK Withdrawal Agreement. URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8713/> (accessed: 07.12.2021).
8. Political Declaration setting out the framework for the future relationship between the European Union and the United Kingdom. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840656/Political_Declaration_setting_out_the_framework_for_the_future_relationship_between_the_European_Union_and_the_United_Kingdom.pdf (accessed: 07.12.2021).
9. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. URL: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/oj (accessed: 07.12.2021).
10. General Secretariat of the Council Delegations. European Council (Art.50) meeting (13 December 2019) – Conclusions. 13 December 2019. URL: www.consilium.europa.eu/media/41796/13-euco-art50-conclusions-en.pdf (accessed: 07.12.2021).
11. Statement by Michel Barnier following the restricted round of negotiations for a new partnership between the European Union and the United Kingdom. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_1262 (accessed: 07.12.2021).
12. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Article 218. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008E218> (accessed: 07.12.2021).
13. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Article 207. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12008E207:en:HTML> (accessed: 07.12.2021).
14. Court of Justice of the European Union Press Release No 52/17. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf> (accessed: 07.12.2021).
15. UK–EU future relationship: EU ratification and provisional application. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/future-relationship-eu-ratification> (accessed: 07.12.2021).
16. Task Force for the Preparation and Conduct of the Negotiations with the United Kingdom under Article 50 TEU (TF50). URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/organisation_charts/organisation-chart-tf50_en.pdf (accessed: 07.12.2021).
17. State of play of preparations of contingency measures for the withdrawal of the United Kingdom from the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:40eadc58-8dc8-11e9-9369-01aa75ed71a1.0016.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 07.12.2021).
18. The Task Force for Relations with the United Kingdom. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_21_160/IP_21_160_EN.pdf (accessed: 07.12.2021).
19. Bressanelli E., Chelotti N., Lehmann W. Managing Disintegration: How the European Parliament Responded and Adapted to Brexit // *Politics and Governance*. 2021. Vol. 9 (1). P. 16–26. DOI: 10.17645/pag.v9i1.3684
20. Closa C. Inter-institutional cooperation and intergroup unity in the shadow of veto: The construction of the EP’s institutional role in the Brexit negotiations // *Journal of European Public Policy*. 2020. Vol. 27 (4). P. 630–648. DOI: 10.1080/13501763.2019.1603249
21. Usherwood S. Three messages from the Withdrawal Agreement. URL: <https://politicsatsurrey.ideasononeurope.eu/2018/11/15/three-messages-from-the-withdrawal-agreement> (accessed: 07.12.2021).
22. European Parliament resolutions. URL: <https://www.europarl.europa.eu/brexit-steering-group/en/documents/ep-resolutions> (accessed: 07.12.2021).

References

1. Bloomberg. (n.d.) *EU Referendum: Final Results*. [Online] Available from: <https://www.bloomberg.com/graphics/2016-brexit-referendum/> (Accessed: 07.12.2021).
2. Henley, J. (2016) ‘This is the beginning of a new Europe’ say Merkel, Renzi and Hollande. *The Guardian*. 22 August. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/politics/2016/aug/22/beginning-new-europe-merkel-renzi-hollande> (Accessed: 07.12.2021).
3. European Council. (2017) *European Council (Art. 50) guidelines for Brexit negotiations*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2017/04/29/euco-brexit-guidelines/> (Accessed: 07.12.2021).
4. Institute for Government. (2017) *Taking Back Control of Trade Policy*. [Online] Available from: www.instituteforgovernment.org.uk/publications/takingback-control-trade-policy (Accessed: 07.12.2021).
5. European Commission. (2020) *Recommendation for a Council Decision authorising the opening of negotiations for a new partnership with the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland*. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-annex-negotiating-directives.pdf> (Accessed: 07.12.2021).
6. GOV.UK. (2018) *Agreement on the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as endorsed by leaders at a special meeting of the European Council on 25 November 2018*. [Online] Available from: www.gov.uk/government/publications/withdrawalagreement-and-political-declaration (Accessed: 07.12.2021).
7. House of Commons Library. (2019) *The October 2019 EU UK Withdrawal Agreement*. [Online] Available from: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-8713/> (Accessed: 07.12.2021).
8. HM Government. (2019) *Political Declaration setting out the framework for the future relationship between the European Union and the United Kingdom*. [Online] Available from: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840656/Political_Declaration_setting_out_the_framework_for_the_future_relationship_between_the_European_Union_and_the_United_Kingdom.pdf (Accessed: 07.12.2021).
9. European Union. (2012) *Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union*. [Online] Available from: http://data.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/oj (Accessed: 07.12.2021).
10. European Council. (2019) *General Secretariat of the Council Delegations. European Council (Art.50) meeting (13 December 2019) – Conclusions*. 13 December 2019. [Online] Available from: www.consilium.europa.eu/media/41796/13-euco-art50-conclusions-en.pdf (Accessed: 07.12.2021).
11. European Commission. (2020) *Statement by Michel Barnier following the restricted round of negotiations for a new partnership between the European Union and the United Kingdom*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_1262 (Accessed: 07.12.2021).
12. European Union. (2008) *Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Article 218*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12008E218> (Accessed: 07.12.2021).
13. European Union. (2008) *Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union – Article 207*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12008E207:en:HTML> (Accessed: 07.12.2021).
14. Court of Justice of the European Union. (2017) *Court of Justice of the European Union Press Release No 52/17*. [Online] Available from: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2017-05/cp170052en.pdf> (Accessed: 07.12.2021).

15. Institute for Government. (2021) *UK–EU future relationship: EU ratification and provisional application*. [Online] Available from: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/explainers/future-relationship-eu-ratification> (Accessed: 07.12.2021).
16. European Union. (2018) *Task Force for the Preparation and Conduct of the Negotiations with the United Kingdom under Article 50 TEU (TF50)*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/organisation_charts/organisation-chart-tf50_en.pdf (Accessed: 07.12.2021).
17. European Commission. (2019) *State of play of preparations of contingency measures for the withdrawal of the United Kingdom from the European Union*. [Online] Available from: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:40eadc58-8dc8-11e9-9369-01aa75ed71a1.0016.02/DOC_1&format=PDF (Accessed: 07.12.2021).
18. European Commission. (2021) *The Task Force for Relations with the United Kingdom*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/api/files/document/print/en/ip_21_160/IP_21_160_EN.pdf (Accessed: 07.12.2021).
19. Bressanelli, E., Chelotti, N. & Lehmann, W. (2021) Managing Disintegration: How the European Parliament Responded and Adapted to Brexit. *Politics and Governance*. 1 (9). pp. 16–26. DOI: 10.17645/pag.v9i1.3684
20. Closa, C. (2020) Inter-institutional cooperation and intergroup unity in the shadow of veto: The construction of the EP's institutional role in the Brexit negotiations. *Journal of European Public Policy*. 4 (27). pp. 630–648. DOI: 10.1080/13501763.2019.1603249
21. Usherwood, S. (2018) *Three messages from the Withdrawal Agreement*. [Online] Available from: <https://politicsatsurrey.ideasoneuropa.eu/2018/11/15/three-messages-from-the-withdrawal-agreement> (Accessed: 07.12.2021).
22. European Parliament. (n.d.) *European Parliament resolutions*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/brexit-steering-group/en/documents/ep-resolutions> (Accessed: 07.12.2021).

Информация об авторе:

Семенов О.Ю. – канд. ист. наук, начальник отдела сопровождения учебного процесса в бакалавриате по направлению “Востоковедение и африканистика” Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: osemenov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.Yu. Semenov, Cand. Sci. (History), National Research University Higher School of Economics – Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: osemenov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.12.2021;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 09.12.2021;
approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 395.3
doi: 10.17223/15617793/481/12

Родовая организация ранних номадов и проблема ее выявления

Евгений Викторович Вдовченко¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, evvdovchenkov@srfedu.ru

Аннотация. Разбираются данные Геродота, Лукиана, Николая Дамасского, Валерия Флакка и археологическая информация, способные пролить свет на специфику систем родства у скифов и сарматов. Показано, что использование понятий «род», «родовой», «родоплеменной» в отношении ранних номадов является скорее данью историографической традиции, чем итогом источниковедческого разбора.

Ключевые слова: родовая организация, скифы, сарматы, генеалогический и латеральные счета родства

Источник финансирования: исследование выполнено в Южном федеральном университете в рамках проекта РНФ № 22-28-02000 «Комплексное историко-культурное и молекулярно-генетическое исследование древнего населения Нижнего Подонья в сарматское время».

Для цитирования: Вдовченко Е.В. Родовая организация ранних номадов и проблема ее выявления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 97–103. doi: 10.17223/15617793/481/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/12

Early nomads' clan organization and the problem of its identification

Evgeny V. Vdovichenkov¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, evvdovchenkov@srfedu.ru

Abstract. The aim of the article is to determine the peculiarities of the generic organization of the early nomads – Scythians and Sarmatians. The article examines the data of Herodotus, Lucian, Nicholas of Damascus, Valerius Flaccus, and archaeological information that can shed light on the specifics of the kinship systems of Scythians and Sarmatians. In favor of the existence of a generic organization among the early nomads, one can interpret Herodotus' message about the Scythian ethnogenic tradition, which elevated all Scythians to one ancestor, Targitaos, and his sons – Lipoxais, Arpoxais, and Kolaxais. The principle of genealogical kinship in this interpretation extended to the entire Scythian association. Meanwhile, there are reports from sources that may testify in favor of the existence of a sex-and-age division of the Sarmatian society. Nicholas of Damascus reports that Scythians jointly own property and women, so that the eldest of them are considered fathers, the youngest sons, and peers brothers. Nicholas of Damascus is believed to follow the tradition of the Ephor idealization of Scythians, like Pseudo-Scymnus. But these reports about the just Scythians may contain specific ethnographic details. This information can be interpreted as a direct evidence of the age classes of Scythians. The inherited status can be traced by archaeological data, which allows archaeology to be involved in solving these problems. A source such as tamga signs is fundamentally important for the analysis of the generic organization. The generally accepted view is that tamgas are signs of belonging to a family and a clan. The clan requires special attention due to the contradictions between the scientific tradition, the data of sources and modern anthropological theory. The idea of the clan as a universal institution at the early stages of the development of human society has been convincingly refuted. Kinship is a single structure-forming principle of social systems operating at the early stages of society's development, but it implies different institutions and practices. Social organisation of the Turkic- and Mongolian-speaking nomads of the Eurasian steppes cannot be automatically transferred to the social organisation of the early nomads, mainly Iranian-speaking. Moreover, we cannot say that the early nomads necessarily had a genealogical principle of origin. According to V.A. Popov and N.M. Girenko, the clan appears in the late stages of primitiveness. The genealogical (linear) principle of kinship counting replaced the group (lateral) one. In lateral systems, continuity was carried out from group to group, and, in linear systems, individual continuity dominates. The article shows that the use of the concepts “clan”, “generic”, “tribal” in relation to the early nomads is more a tribute to the historiographical tradition than the result of a source analysis. The concepts of γένος ~ gens of ancient authors may hide not only the generic organization, but also other social and political institutions.

Keywords: ancestral organization, Scythians, Sarmatians, genealogical and lateral accounts of kinship

Financial support: The study was carried out at the Southern Federal University and supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02000: Comprehensive historical, cultural and molecular genetic study of the ancient population of the Lower Don region in the Sarmatian period.

For citation: Vdovichenkov, E.V. (2022) Early nomads' clan organization and the problem of its identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 97–103. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/12

Такой институт, как род, требует особого внимания в связи с противоречиями между научной традицией, данными источников и современной антропологической теорией.

Для описания объединений кочевников античные авторы использовали термины *ἔθνος*, *γένος* (др.-греч.) и *patio*, *gens* (лат.), по-русски обычно переводимыми как народ (*ἔθνος* ~ *patio*) и род (*γένος* ~ *gens*). Также используется при переводе понятие племя. Термин *gens* довольно широко использовался античными авторами. Например, Плиний Старший использует *gens*: «...к северу от Истра, вообще говоря, все племена считаются скифские (*omnes Scytharum sunt gentes*)» (Plin. S. Nat. Hist. IV, 80) [1. С. 171]. Помпоний Мела сообщает: «Его (Танаиса) берегами и их окрестностями владеют савроматы – одно племя, [но состоящее] из нескольких народностей с разными названиями (*una gens aliquot populi et aliquot nomina*)» (Pomp. Mela I. 116) [2. С. 80–81]. Но неопределенность терминологии с одной стороны, и прямой перевод, с другой, способствовали тому, что исследователи свободно применяют понятия «родоплеменная структура», «родовая организация» в отношении ранних кочевников в современной литературе. Наличие у скифов и сарматов родовой организации утверждают практически все исследователи [3. С. 104–110].

Важность и неизбежность понятия «род» для отечественной науки определяются тем, что по Л. Моргану и Ф. Энгельсу вся первобытная история строится вокруг основной для этого научного направления проблемы – возникновение и эволюция рода, родовой организации. Но представления о роде как универсальном институте на ранних этапах развития человеческого общества убедительно опровергнуто (см. обзор [4], а также ее статью и книгу [5, 6]).

Но и сейчас целый ряд исследователей, чьи научные интересы далеки от социальной и политической антропологии, продолжают ориентироваться на устаревшие теоретические модели советской версии марксизма, постулирующие существование в первобытности «родового строя», который отождествляется с первичной формой и разлагается при переходе к классовому обществу.

Между тем неадекватность этой схемы, восходящей к работам Ф. Энгельса [7], историческому и этнографическому материалу, стала очевидной для многих ещё во второй половине XX в. [6, 8], и в настоящее время признаётся даже марксистскими исследователями первобытности [9. С. 52–53]. Отдельно следует сказать о понятии «родоплеменной», активно используемом в отношении кочевников. По умолчанию предполагается существование племен, состоящих из родов. Источник этого постулата в значительной степени происходит из марксистской догматики. Вот как об этом пишет В.А. Попов: «...значительная часть этнографов не столько изучала конкретные институты первобытных обществ, сколько занималась откровен-

ной подгонкой материала под парадигму Моргана – Энгельса, т.е. искали племена, родовую организацию, матриархат, патронимию, брачные классы, возрастные классы, дуальную организацию и прочие конструкции и, как правило, находили» [10. С. 14]. Племя и род как базовые формы социальной организации доклассовых обществ воспринимаются по умолчанию и сейчас. Понятие «родоплеменной» стало, таким образом, определённым клише, с очень размытым содержанием.

Родство – единый структурообразующий принцип социальных систем, действующий на ранних стадиях развития общества – впервые это обосновал Морган [5. С. 897]. Но родство подразумевает разные институты и практики. А.М. Хазанов указывает, что перманентная нестабильность экономики кочевников приводит к формированию текучей социальной организации, способной к перестройке, и наиболее подходящим для этого принципом является происхождение и отношения родства [11. С. 243]. Сам принцип происхождения у кочевников проявляется как в генеалогиях, так и в представлениях об общности происхождения, и оба эти его проявления не обязательно совпадают одно с другим [11. С. 245]. Генеалогия может появиться не только как результат реального родства, но и как результат потребности в объединении. Генеалогический принцип очень важен для кочевников, поскольку он имеет полифункциональное назначение. Социальная организация кочевников приобретает необходимую гибкость, способность к сужению или расширению, приспособления к новым условиям, но с сохранением структурообразующих элементов общества. У кочевников генеалогии идеологически обеспечивают легкую инкорпорацию чужих групп в их общество [11. С. 246–247]. И довольно типично, что у тюркоязычных кочевников евразийских степей количество вертикальных сегментов генеалогического ряда не всегда было постоянным [11. С. 247].

Различными исследователями неоднократно отмечалось наличие у кочевников развитой родовой организации. В основе этой структуры находится род. С.М. Абрамзон называет этот институт генеалогическим родом [12], Е. Бэкон – «обок» [13], а Л. Крэдер использует понятие «генеалогический клан» [14. Р. 10]. Но то, что мы видим у тюрко- и монгольских кочевников евразийских степей, не может автоматически переноситься на социальную организацию ранних кочевников, преимущественно ираноязычных. Более того, мы не можем утверждать, что у ранних кочевников обязательно присутствовал генеалогический принцип происхождения. Письменные источники содержат только косвенные указания на родовую организацию ранних кочевников.

Поднимая вопрос о существовании родовой организации у кочевников, А.М. Хазанов написал, что «трудно думать, что социальная структура кочевников, в основном совпадающая с той, которая рисуется по данным эт-

нографии для остальных кочевников (ср. легенду о Таргитае и его сыновьях), применительно к роду обладала принципиальными отличиями» [3. С. 106]. Но использование этнографического материала нового времени для ранних кочевников имеет свои ограничения. Если хозяйственно-культурный тип в целом не очень изменился (с учетом климатических колебаний и технических инноваций) и связанные с ним нестабильность и тесная связь кочевников и их политической организации с оседлым миром, то такие феномены, как социальная организация и система родства не могут экстраполироваться на ранние общества, а являются только аналогиями. Ведь у нас в распоряжении материалы иных этнокультурных групп – тюркоязычных и монголоязычных, как правило, а не ираноязычных кочевников. Помимо этого, за 2 500–2 000 лет произошли сильные изменения, которые нам трудно осмыслить в связи с недостатком источников.

В.А. Попов выделяет отличительные черты рода – унилинейность, экзогамию, корпоративность, локальность [10]. Из этих признаков наши источники дают нам информацию в какой-то мере об унилинейности, что касается локальности и корпоративности, то они характерны для довольно широкого круга социальных явлений.

Согласно В.А. Попову и Н.М. Гиренко, род появляется на поздних этапах первобытности. Генеалогический (линейный) принцип счета родства пришел на смену групповому (латеральному), что находится в корреляции с качественными различиями между историческими стадиями (типами) систем родства – первичной (классификаторской, групповой) и вторичной (линейно-степенной, вертикальной, описательной) [10. С. 232; 15]. В латеральных системах преемственность осуществлялась от группы к группе, а в линейных системах доминирует индивидуальная преемственность. Род же, как унилинейный социальный институт, или генеалогический коллектив кровных родственников, происходит от одного реального (или мифического) предка. Вокруг проблемы универсальности возрастных групп и латерального счета родства развернулась дискуссия, инициированная Н.М. Гиренко и В.А. Поповым (см., например, [16–18]).

Предположение, что возрастная организация и система латерального счета родства исторически предшествуют генеалогической организации и роду, а также линейному счету родства, мне представляется заслуживающего внимания.

Отдельно стоит упомянуть позицию С.В. Кулланды, который не только говорит о половозрастном делении скифского общества. Он утверждает, что скифские сословия (или как он их ещё именуется, варны) генетически связаны с половозрастным делением: «старшая возрастная группа эволюционирует в сословие жрецов, средняя – производителей материальных благ, младшая – воинов» [19. С. 329; 20]. Я не берусь оценить здесь исследование С.В. Кулланды, тем более сделанное на лингвистическом материале, но его работы по изучению половозрастных групп хорошо известны. Его точка зрения не поддержана иранистами и археологами, но заслуживает внимания и обсужде-

ния – хотя бы из общих соображений, приведенных в данном исследовании, о значительной роли половозрастной организации в жизни архаических обществ.

Институт половозрастных групп является самой ранней формой социальной стратификации и выступает главным структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов. В силу ограниченности кочевнического способа производства есть предел социальному развитию кочевников. В силу этого половозрастное деление обычно сохраняется у кочевников древности.

В пользу существования родовой организации у ранних кочевников можно интерпретировать сообщение Геродота о скифском этногонимическом предании, возводившее всех скифов к одному первопредку – Таргитаю, и его сыновьям – Липоксаю, Арпаксаю и Колаксаю, из которых младший становится первым царем и предком всех скифов (Herod. IV. 5-6) [10. С. 248; 21. С. 188]. Происхождение различных неравноправных подразделений скифского общества связывалось с различными сыновьями героя-первопредка. Принцип генеалогического родства в такой трактовке распространялся на все скифское объединение [3. С. 106]. Лукиан (Scyth., 1, 3) [22. С. 543] сообщает о существовании царского рода, знатнейших родов, «колпаконосцев» у рассматриваемых им скифов.

В отношении скифов и сарматов источники не дают сколько-нибудь четкой картины. В нескольких сообщениях античных авторов о скифах и сарматах фигурирует абстрактный круг родственников, которые участвуют в подготовке и проведении похорон умершего скифа (Herod. Hist. IV, 26) [21] и выступают совместно в поход в целях осуществления мести за обиду, нанесенную сородичу (Luc. Tox. 48) [22. С. 557].

А.М. Хазанов в своей известной статье анализирует матрилинейность сарматов [23], но в фокусе его внимания – положение женщин, а не родовая организация, в пользу существования которой у савроматов и сарматов у нас есть преимущественно косвенные данные.

Между тем есть сообщения источников, которые могут свидетельствовать в пользу существования половозрастного членения сарматского общества. Николай Дамасский сообщает о скифах следующее: «Млекоеды, скифский народ... Они также справедливейшие, владея совместно и имуществом, и женщинами, так что старших из них считают отцами, младших – сыновьями, а того же возраста – братьями» (Nic. Damsc. Paradox., 144) [24. С. 35; пер. А.И. Иванчика]. С этим сообщением обычно соотносят данные Эфора: «Далее [Эфор] объясняет, что, будучи скромными по образу жизни и не стяжателями, они живут в добром согласии друг с другом, имея общим все и даже жен, детей и всех родственников» (Strabo VII, 3, 9. Пер. А.В. Подосинова)¹. Считается, что Николай Дамасский следует традиции Эфора идеализации скифов, так же, как и Псевдо-Скимн: «За Пантикапой находится народ 'Озерных' и многие другие, имена которых неизвестны, но прозываемые номадами, весьма благочестивые, из которых ни один не причинит несправедливости одушевленному; они, как он

(Эфор)говорит, переносят свои жилища и питаются молоком и скифскими лошадиными надоями; живут же так, что у них все общее – и все имущество, и вся семья» (Ps.-Sc. 851-857) [24. С. 36; пер. А.И. Иванчика].

В этих сообщениях речь идет об изобретенном Эфором идеальном народе, живущем среди дикарей [24. С. 35, 49], или же реальных обычаях, интерпретированных Эфором и его последователями, и иными античными авторами – вопрос открытый. Это свидетельство трудно прокомментировать, поскольку вопрос об источниках данного места у Николая Дамасского очень сложен. Предполагать здесь идеализацию скифов как образца справедливого общества вслед за Эфором можно, однако эту информацию можно трактовать и как прямое свидетельство именно о возрастных степенях у скифов. Идея об общих женах, детях и всех родственниках у Эфора (согласно Страбону) строго говоря, не равнозначна пассажи Николая Дамасского, особенно выражению «а того же возраста – братьями». Имея многочисленные примеры в этнографии половозрастной организации и возрастных классов (постановка проблемы – [25]), мы можем ставить вопрос не только об изобретенном народе, но, как часто это бывает с античными авторами, с их интерпретацией реальных традиций народов Ойкумены.

Примечательно упоминание языгов Валерием Флакком: «Разноцветная Иберия излила вооружённые копьями отряды, которые ведут... не знающие убеждённого сединами возраста язиги. Ибо когда уже изменяют прежние силы, знакомый лук отказывается служить и копьё презирает стремления своего хозяина, у мужественных предков создался обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства вручённым ему мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками» (Val. Flac. Argonaut. VI, 120-129) [26. С. 210]. Здесь мы видим обычай убийства соплеменников по достижении определенного возраста. При всей дискуссионности информации Валерия Флакка как исторического источника в основе его сообщения лежат этнографические реалии, послужившие ему материалом для его поэмы. Сообщение о языгах показывает традицию возрастного деления у кочевников.

Моя цель в этой статье – показать слабость аргументов сторонников родовой организации у ранних кочевников, и при этом отсутствие системных представлений для альтернативной точки зрения. Но она есть, и мимо этого обстоятельства пойти нельзя. Если исходить из того, что родовая организация не имманентно присуща древним обществам, то тогда встает вопрос о том, когда же она возникла, когда установилась в обществах евразийских степей – в эпоху бронзы или раннего железного века? На этот вопрос пока нет ответа. Мы можем только предполагать: о негенеалогическом принципе родства у кочевников могут говорить свидетельства о существовании возрастных групп и молодежных объединений [27, 28].

Несмотря на существование уравнивающих факторов в обществе кочевников (нет очень бедных кочевников, поскольку для кочевания предполагается

определенный минимум скота и благосостояния, но экстенсивное кочевое скотоводство ставит предел и богатству, поскольку не позволяет скопить его большое количество), оно с самого начала своего существования делилось на страты по богатству и власти, и как минимум у верхушки можно предполагать генеалогические системы.

Часто исследователи называют небольшие курганные могильники клановыми или родовыми. По археологическим данным, преобладание небольших могильников у скифов и сарматов говорит скорее о семейных некрополях, а не родовых.

Археологические данные трактовать в пользу наличия/отсутствия родовой организации очень сложно. А.М. Хазанов обратил внимание на группу курганов прохоровского времени в урочище «Горбатый мост» у пос. Нежинского, сосредоточенной вокруг женского подкурганного погребения VI в. до н.э. (по А.М. Хазанову – «жрицы»). По его мнению, это была родственная группа, хоронившая своих членов в урочище, которая продолжала рассматривать погребенную ранее женщину как своего предка, реального или легендарного [23. С. 143]. Не говоря уже о крайне спорной атрибуции погребения как жреческого, связь между населением через двести лет является здесь трудно доказуемой.

Наличие наследуемой власти говорит о генеалогии как принципе. Вообще исторически генеалогический принцип родства раньше проявился у элиты, а наследуемый статус может быть прослежен по археологическим данным. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное [29]. Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудозатраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки).

Принципиально важным для анализа родовой организации является такой источник, как тамги. Общепринятой является точка зрения, что тамги являются знаками принадлежности к семье и роду. Нам неизвестно появление тамг в европейских степях ранее рубежа III–II вв. до н.э. [30. С. 308, рис. 14], но массово они распространяются только на рубеже эр, в ходе масштабных изменений в кочевых обществах, связанных с появлением среднесарматской культуры. Однако, по всей видимости, тамги не охватывали всех кочевников степи. Они, конечно, были чуждой традицией для языгов Среднего Дуная, и это понятно – языги по происхождению связаны с раннесарматской культурой, в которой тамги не были распространены, и сохранили своим раннесарматские традиции (например, элементы погребального обряда) и после миграции в Подунавье. Но и среди погребений средне- и позднесарматской культур тамги отнюдь не повсеместное явление, и это вряд ли можно объяснить только тем,

что они были на предметах из органики. Мы имеем тысячи погребений, но количество тамг и погребений с тамгами на порядок ниже. Возможно, что тамги были аристократическим феноменом или же связаны с какими-то группами номадов, но не обязательно элитными.

Чрезвычайно интересным является вопрос о том, почему такое удобное средство идентификации и маркирования собственности, каким были тамги, не появилось раньше. И это не просто риторический вопрос. В наших археологических материалах тамги – самый очевидный маркер наследования, который существует в погребальных комплексах степной зоны. Многочисленные этнографические параллели в степной зоне, Сибири и на Кавказе позволяют прояснить значение и функционирование тамг. Что если социальная структура обществ зоны евразийских степей эпохи бронзы и I тыс. до н.э. не способствовала появлению тамг? Мы видим развитие иерархических структур, особенно в скифскую эпоху и далее, но мы видим это на примере царских родов. Родовая организация и линейный принцип родства должен был развиваться, очевидно, в господствующих группах. Но справедливо ли это в отношении других групп населения – вопрос открытый. Наличие латеральной системы родства делало тамги не актуальными, поскольку система родства выстраивалась по другому принципу. Здесь стоит вспомнить легенду Геродота о киммерийцах (Herod. IV. 11; 21): «С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков». Данное сообщение детально исследовали специалисты, при этом они обращали внимание на разные его аспекты: анализ скифского завоевания, политической организации,

культуры ранних номадов, разного этоса двух групп. Д.С. Раевский, анализируя этот сюжет, указал на явные эпические черты, возможно, фрагмент киммерийского эпоса, донесённого до Геродота скифской традицией [31. С. 51, 53, сн. 15]. Но за этим скрывается и еще один аспект – социальное, а не только политическое различие между царями и народом.

В настоящий момент я могу только поставить эту проблему. Проблема социальной организации обществ ранних номадов требует большего и обстоятельного исследования, в котором решающую роль могут сыграть новые методы, особенно палеогенетические исследования. Известна традиция семейных, как предполагают, курганов-кладбищ у ранних номадов. В раннесарматских курганах часто вокруг центрального погребения в кургане размещались по кругу (иногда в линию) несколько сарматских погребений, которые интерпретируют как родовые и семейные [32]. Но для того, чтобы уверенно говорить о том, что мы имеем семейную структуру в одном кургане, необходима генетическая экспертиза костных останков. На настоящий момент уже приняты шаги в этом направлении (например, публикации по генетике хунну: [33]). Исследования ДНК костных останков сарматских погребений уже проводятся, но по реконструкции семейных и родовых отношений данных еще недостаточно [34]. Эти работы позволяют пролить свет на систему родства у номадов. Очень интересно сопоставление данных генетики по костным остаткам погребений сарматской культуры с одинаковыми тамгами.

Подводя итог, следует указать на отсутствие конкретных данных о родовой организации скифов и сарматов. Использование понятий «род», «родовой», «родоплеменной» в отношении сарматского общества является скорее данью историографической традиции, чем итогом источниковедческого разбора. За понятиями γένος ~ gens античных авторов могут скрываться не только родовая организация, но и иные социальные и политические институты.

Примечания

¹ Выражаю искреннюю признательность А.В. Подосинову за предоставленный текст Страбона, переведенный в рамках готовящейся публикации: «География» Страбона как источник по истории Восточной Европы / под ред. Л.И. Грацианской, А.В. Подосинова.

Список источников

1. Плиний Старший // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. II, вып. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 167–200.
2. Помпоний Мела. Хорография / под общ. ред. А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 509 с.
3. Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975. 344 с.
4. Артёмова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контроверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 25–50.
5. Артёмова О.Ю. Род // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 896–897.
6. Артёмова О.Ю. Колена Исава: охотники, собиратели, рыболовы (Опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 559 с.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989. 222 с.
8. Коротчаев А.В., Оболонков А.А. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // Советская этнография. 1989. № 2. С. 36–45.
9. Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития. Ч. I // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 52–70.
10. Попов В.А. Концепты «род» и «родовая организация»: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 230–242.
11. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

12. Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М., 1951. С. 132–156.
13. Bacon E.E. *Obok: a study of social structure in Eurasia* // Viking fund publications in anthropology. N.Y., 1958. № 25. 235 p.
14. Krader L. *Social Organisation of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague : Mouton & Co, 1963. 412 S.
15. Гиренко Н.М. От истории событий к истории структур // Мисюгин В.М. Три брата. СПб. : Наука, 2009. С. 20–33.
16. Коротаев А.В. О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа (к дискуссии между Н.М. Гиренко и О.Ю. Артемовой) // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 117–147.
17. Артемова О.Ю. Лукавство или самообман? (О «латеральности» счета родства и о некоторых историко-социологических реконструкциях) // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 21–81.
18. Гиренко Н.М. Латеральность и линейность как дифференцирующие признаки социального организма родства // Алгебра родства. СПб., 1999. Вып. 3. С. 5–20.
19. Кулланда С.В. Скифские варны // Археологические вести. 2014. Вып. 20. С. 318–331.
20. Кулланда С.В. Происхождение варн. М., 2018. 152 с.
21. Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л. : Наука, 1972.
22. Лукиан Самосатский // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Греческие писатели. Т. I, вып. 1. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. С. 539–563.
23. Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 138–148.
24. Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин ; Москва : Палеограф, 2005. 312 с.
25. Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1981. № 6. С. 89–97.
26. Валерий Флакк // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Латинские писатели. Т. II, вып. 2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. С. 201–214.
27. Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем / ред. В.А. Попов. СПб., 2013. С. 182–201.
28. Вдовченков Е.В. Эгалитарные и иерархические общества ранних кочевников степной зоны Евразии и конгруэнтные типы военной организации // Новое прошлое/The new past. 2019. № 4. С. 8–26.
29. Медведев А.П. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН, 2002. С. 98–111.
30. Синика В., Тельнов Н. Миски из скифских погребальных памятников конца IV–II в. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*, s.n. 2014. Vol. VIII (XXIII), № 1. С. 287–316.
31. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М. : Наука, 1985. 256 с.
32. Мордвинцева В.И. К проблеме семейно-родовых отношений у сарматов (по материалам сарматских погребений последних веков до нашей эры) // Вопросы краеведения : материалы краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 1993. С. 31–34.
33. Keyser C., Zvenigorosky V., Gonzalez A. et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia // *Hum Genet.* 2021. P. 140, 349–359.
34. Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Трапезов Р.О., Томилини М.А., Балабанова М.А., Пристяжнюк М.С., Журавлев А.А. К вопросу о генетическом составе сарматского населения Нижнего Поволжья (данные палеогенетики) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 4. С. 17–50.

References

1. Latyshev, V.V. (1904) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Latinskie pisateli* [News of Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Latin writers]. Vol. 2-2. Saint Petersburg: IAS. pp. 167–200.
2. Podosinov, A.V. (ed.) (2017) *Pomponiy Mela. Khorografiya* [Pomponius Mela. Chorography]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
3. Khazanov, A.M. (1975) *Sotsial'naya istoriya skifov. Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov evraziyskikh stepey* [Social History of the Scythians. The main problems of the development of the ancient nomads of the Eurasian steppes]. Moscow: Nauka.
4. Artemova, O.Yu. (2000) V ocherednoy raz o teorii "rodovogo byta" i ob "avstraliyskoy kontroverzhe" [Once again about the theory of "tribal life" and the "Australian controversy"]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy sotsial'noy organizatsii* [Early Forms of Social Organization]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 25–50.
5. Artemova, O.Yu. (1998) Rod [Clan]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira: Entsiklopediya* [Peoples and Religions of the World: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 896–897.
6. Artemova, O.Yu. (2009) *Koleno Isava: okhotniki, sobirатели, rybolovy (Opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The Tribe of Esau: Hunters, gatherers, fishermen (Experience in the study of alternative social systems)]. Moscow: Smysl.
7. Engels, F. (1989) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Translated from German. Moscow: Politizdat.
8. Korotaev, A.V. & Obolonkov, A.A. (1989) Rodovaya organizatsiya v sotsial'no-ekonomicheskoy strukture klassovykh obshchestv [Tribal Organization in the Socio-Economic Structure of Class Societies]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 36–45.
9. Semenov, Yu.I. (1993). Perekhod ot pervobytnogo obshchestva k klassovomu: puti i varianty razvitiya. Ch. I [Transition from primitive to class society: ways and options for development. Part I]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 52–70.
10. Popov, V.A. (2020) Kontsepty "rod" i "rodovaya organizatsiya": opyt pereosmysleniya definititsiy [The concepts of "clan" and "clan organization": the experience of rethinking definitions]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 3. pp. 230–242.
11. Khazanov, A.M. (2002) *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and the Outside World]. Almaty: Dayk-Press.
12. Abramzon, S.M. (1951) Formy rodoplemennoy organizatsii u kochevnikov Sredney Azii [Forms of tribal organization among the nomads of Central Asia]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Rodovoe obshchestvo. Etnograficheskie materialy i issledovaniya* [Tribal Society. Ethnographic materials and research]. Vol. 14. Moscow: USSR AS. pp. 132–156.
13. Bacon, E.E. (1958) *Obok: a study of social structure in Eurasia*. New York: Wenner Gren Foundation for Anthropological Research.
14. Krader, L. (1963) *Social Organisation of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads*. The Hague: Mouton & Co.
15. Girenko, N.M. (2009) Ot istorii sobytii k istorii struktur [From the history of events to the history of structures]. In: Misyugin, V.M. *Tri brata* [Three Brothers]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 20–33.
16. Korotaev, A.V. (1999) O sootnoshenii sistem terminov rodstva i tipov sotsial'nykh sistem: opyt kolichestvennogo kross-kul'turnogo analiza (k diskussii mezhdu N.M. Girenko i O.Yu. Artemovoy) [On the relationship between systems of kinship terms and types of social systems: an experience of quantitative cross-cultural analysis (to the discussion between N.M. Girenko and O.Yu. Artemova)]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 117–147.

17. Artemova, O.Yu. (1999) Lukavstvo ili samoobman? (O "lateral'nosti" scheta rodstva i o nekotorykh istoriko-sotsiologicheskikh rekonstruktsiyakh) [Guile or self-deception? (On the "laterality" of the kinship account and on some historical and sociological reconstructions)]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 21–81.
18. Girenko, N.M. (1999) Lateral'nost' i lineynost' kak differentsiruyushchie priznaki sotsial'nogo organizma rodstva [Laterality and linearity as differentiating features of the social organism of kinship]. In: Popov, V.A. (ed.) *Algebra rodstva* [The Algebra of Kinship]. Vol. 3. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 5–20.
19. Kullanda, S.V. (2014) Skifskie varny [Scythian varnas]. *Arkheologicheskie vesti*. 20. pp. 318–331.
20. Kullanda, S.V. (2018) *Proiskhozhdenie varn* [The Origin of Varnas]. Moscow: IOS RAS.
21. Herodotus. (1972) *Istoriya v devyati knigakh* [History in Nine Books]. Translated from Ancient Greek by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka.
22. Latyshev, V.V. (1890) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Grecheskie pisateli* [Notes by Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Greek writers]. Vol. 1-1. Saint Petersburg: IAS. pp. 539–563.
23. Khazanov, A.M. (1970) Materinskiy rod u sarmatov [Maternal genus among the Sarmatians]. *VDI*. 2. pp. 138–148.
24. Ivanchik, A.I. (2005) *Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* [On the Verge of Colonization. Northern Black Sea region and steppe nomads of the 8th–7th centuries BC in the ancient literary tradition: folklore, literature and history]. Berlin; Moscow: Paleograf.
25. Popov, V.A. (1981) Polovozrastnaya stratifikatsiya i vozrastnye klassy drevneakanskogo obshchestva (k postanovke problemy) [Sex and age stratification and age classes of the ancient Akan society (towards the problem)]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 89–97.
26. Latyshev, V.V. (1904) *Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Latinskie pisateli* [Notes by Ancient Greek and Latin Writers about Scythia and the Caucasus. Latin writers]. Vol 2-2. Saint Petersburg: IAS. pp. 201–214.
27. Vdovchenkov, E.V. (2013) Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov [The problem of the existence of male unions among the Sarmatians]. In: Popov, V.A. (ed.) *Rannie formy potestarnykh sistem* [Early forms of Potestary Systems]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS. pp. 182–201.
28. Vdovchenkov, E.V. (2019) Egalitarnye i ierarkhicheskie obshchestva rannikh nomadov stepnoy zony Evrazii i kongruentnye tipy voennoy organizatsii [Egalitarian and hierarchical societies of the early nomads of the steppe zone of Eurasia and congruent types of military organization]. *Novoe proshloe/The new past*. 4. pp. 8–26.
29. Medvedev, A.P. (2002) Razvitiye ierarkhicheskikh struktur v obshchestvakh epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka yuga Vostochnoy Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkheologicheskogo analiza) [The development of hierarchical structures in the societies of the Bronze Age and the Early Iron Age in the south of Eastern Europe (the experience of diachronic historical and archaeological analysis)]. In: Kradin, N.N. & Bondarenko, D.M. (eds) *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow: IAS RAS. pp. 98–111.
30. Sinika, V. & Tel'nov, N. (2014) Miski iz skifskikh pogrebal'nykh pamyatnikov kontsa IV–II v. do n.e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra [Bowls from Scythian burial sites of the late 4th–2nd centuries BC on the left bank of the Lower Dniester]. *Tyragetia*. 1-8 (23). pp. 287–316.
31. Raevskiy, D.S. (1985) *Model' mira skifskoy kul'tury* [Model of the World of Scythian Culture]. Moscow: Nauka.
32. Mordvintseva, V.I. (1993) K probleme semeyno-rodovyykh otnosheniy u sarmatov (po materialam sarmatskikh pogrebeniy. poslednikh vekov do nashey ery) [To the problem of family and tribal relations among the Sarmatians (based on the materials of the Sarmatian burials of the last centuries BC)]. *Voprosy kraevedeniya: materialy kraevedcheskikh chteniy*. 2. pp. 31–34.
33. Keyser, C. et al. (2021) Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia. *Hum Genet*. pp. 140, 349–359. DOI: 10.1007/s00439-020-02209-4
34. Pilipenko, A.S. et al. (2020) K voprosu o geneticheskom sostave sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (dannye paleogenetiki) [On the question of the genetic composition of the Sarmatian population of the Lower Volga region (data of paleogenetics)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 4 (25). pp. 17–50.

Информация об авторе:

Вдовченков Е.В. – канд. ист. наук, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Vdovchenkov, Cand. Sci. (History), head of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: evvdovchenkov@sfedu.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022;
одобрена после рецензирования 06.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 06.06.2022;
approved after reviewing 06.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 39:281.93 (811.511.132)
doi: 10.17223/15617793/481/13

Рассказы о снах в религиозных практиках верхневыхегодских коми в XIX–XX вв.

Виктория Владимировна Власова¹

¹ *Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, vv505@hotmail.com*

Аннотация. Рассматриваются роль и функции рассказывания сновидений во внецерковных религиозных практиках верхневыхегодских коми. Характеризуются особенности социальной позиции рассказчика религиозных сновидений и его аудитории. Анализируется отношение причта и епархиального начальства к крестьянским рассказам о снах, а также реакция духовенства на появление почитаемого места, связанного с этими рассказами. На конкретных примерах демонстрируется реализация различных сценариев развития событий.

Ключевые слова: рассказы о снах, почитаемые места, Русская православная церковь, религиозные практики

Источник финансирования: статья подготовлена по плановой теме сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистрационный номер 121042600207-7.

Для цитирования: Власова В.В. Рассказы о снах в религиозных практиках верхневыхегодских коми в XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 104–113. doi: 10.17223/15617793/481/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/13

Dream narrations in religious practices of the Upper Vychegda Komi in the 19th and 20th centuries

Victoria V. Vlasova¹

¹ *Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktывkar, Russian Federation, vv505@hotmail.com*

Abstract. Dream narration as a cultural practice implies a series of communication processes that have cultural, social and local specifics. The aim of the article is to explore the role of dream narrations, about meetings with the “divine”, in the emergence of holy places of the Upper Vychegda Komi (Ust’-Kulom village) and their significance for the modern religious tradition. The author also analyzes the reaction of the Church to these practices, characterises the social positions of the dream-narrator and his audience. The article is based on archival materials and publications of the pre-revolutionary period, modern ethnographic research data and publications. The author explores stories of Ust’-Kulom peasants about the appearance of St. Nicholas the Wonderworker, who indicated the place for a new stone church to the peasant girl Anna Lipina; spinsters’ stories of “omen dreams” about the place Keres-bok. The analysis of the materials confirms researchers’ conclusions that it was the local landscape and the folk calendar that were the semiotic resources for adapting transpersonal experience and constructing socially significant religious practices of the rural community. At the same time, the actualization of the narrations about meetings with the “divine” could be due to the social crisis in a particular village. The cases of the appearance of dream narrations considered in the article are associated with women who had authority in the local religious community. A small group of followers was formed around the dream-narrator, united by non-church fellowship. Representatives of this group could act as mediators between the dreamer and the rest of society. Archival materials allow an assumption that for the peasant community important was a sacred character’s direct appeal to the dream-narrator with a clearly defined requirement, which initiated the further development of events. The parish clergy often tried to “include” the emerging local religious tradition (reverence of place, icon) in canonical church practices. However, the Church authorities saw such peasant religious practices as “deviations from the Orthodox faith”. Dream-narrators were accused of superstition, attempts to deceive believers, and ambition. In an effort to maintain control over the religious life of believers, declaring the impossibility of communicating with God without its mediation, the Church condemned or punished dreamers; newly-appeared holy places were either liquidated, or, after a while, their veneration could be sanctioned. In the post-Soviet period, the revival of the tradition of veneration of rural holy places took place with the active participa-

tion of the Russian Orthodox Church. At present, the legend about the miraculous appearance of the icon at the Keres-bok spring, which existed in the local oral tradition, is actively reproduced in the media space, and the temporal remoteness of the event made it possible to perceive the text of the legend as faithfully depicting a real precedent.

Keywords: dream narration, holy place, clergy, religious practice

Financial support: The article was prepared on the planned theme of the Ethnography Sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Registration number 121042600207-7.

For citation: Vlasova, V.V. (2022) Dream narrations in religious practices of the Upper Vychegda Komi in the 19th and 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 104–113. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/13

Рассказывание сновидений как культурная практика подразумевает серию коммуникативных процессов, обладающих культурной, социальной и локальной спецификой [1. С. 10]. В первой половине XX в. зарубежные антропологи обратили внимание на социальное значение снов и снотолкований, их эвристическую ценность при изучении ритуальных практик, мифологии и верований [2]. Историки обращались к рассказам о сновидениях (в документах, дневниках, литературных памятниках, архивных записях) при изучении массового сознания, стратегий и мотивов поведения людей в разные исторические эпохи. Рассказы о снах изучались как «факты культуры», представляющие особое значение для общества, в рамках которого они функционировали [3. С. 377], став одним из источников характеристики «ментальности» людей Средневековья и Нового времени [4. С. 323–384; 5; 6]. Исследователи описывали и анализировали представления о природе и значении снов, их классификации и толкования, существовавшие в разные исторические эпохи [4, 5]. С. Крюгер высказал предположение, что онирологические теории, существовавшие в разные эпохи, можно рассматривать как попытку контролировать сновидения, представляющие индивидуальный эмпирический опыт, являющийся одновременно источником силы и опасности, посредством кодификации. Различные запреты, предписания, толкования, сонники и т.п. были нацелены на то, чтобы сделать этот опыт обыденным, предсказуемым и интерпретируемым [5. С. 150].

Тема сна занимала особое место в христианских культурах Западной Европы. Сны, видения и откровения играли важную роль в средневековой агиографии: они демонстрировали величие святого, его связь с Богом, являлись божественной легитимацией его действий [6. Р. 56]. Переводы Библии на европейские языки, позволившие верующим прочесть о сновидениях пророков и царей, проповеди, в которых упоминались сны и видения святых и библейских пророков, оказали значительное влияние на европейские рассказы о сновидениях [7. Р. 68–70]. Исследователи отмечают, что рассказы о снах и их толкования, бытующие в народной среде, зачастую оценивались церковью как суеверия [5. Р. 83], а источником сновидений могли выступать и злые (демонические) силы [7. Р. 34].

В православной традиции сновидения также рассматривались как особый канал связи со священным: таким образом подвижники получали «наставления»

от святых и Богородицы, постигали скрытый смысл событий и явлений [8. С. 544]. В то же время отношение церкви к практике рассказывания и толкования сновидений, существовавшей среди верующих, было неоднозначным. На страницах церковных периодических изданий XIX – начала XX в. значительное внимание уделялось религиозным практикам крестьян разных губерний, трактованным как суеверия и христианские обычаи, с которыми необходимо бороться сельским священникам. Среди прочего публиковались статьи, заметки и поучения, посвященные рассказам о снах, видениях и их толкованиях в народной среде. С одной стороны, авторы публикаций призывали приходских священников вести разъяснительные беседы с прихожанами о том, что нельзя верить сновидениям [9. С. 344; 10. С. 394; 11. С. 561]. С другой стороны, писали о существовании «знаменательных снов – указателей состояния души человеческой» [9. С. 349]. В 1892 г. была опубликована монография священника П. Светлова, который обращал внимание на значимость пророческих сновидений, которые, по его словам, хоть и не имеют догматической важности, но являются составным элементом христианской традиции. Свою работу он рассматривал как первый опыт исследования библейского учения о снах в духе христианской апологетики [12. С. 4–5, 7]. П. Светлов выделил сны «обыкновенные, происходящие от деятельности воображения» и «необыкновенные, сны от Бога». Последние, по его мнению, «служат орудием не общего, а частного или индивидуального Божественного Промысла», являясь «низшим видом Божественного Откровения» [12. С. 153–155]. Схожей позиции придерживался и преподаватель Олонецкой духовной семинарии Д. Ягодкин. Он писал, что необходимо бороться с ложными толкованиями примет, поверий и сновидений, которые делают людей суеверными, однако «если бывают сновидения и видения чего-либо таинственного наяву, то они, несомненно, чему-нибудь научают нас, даже против нашего желания и для своего существования имеют и причины, и цели, и самый разнообразный смысл» [13. С. 28].

Можно предположить, что двойственное отношение к сновидениям было характерно для большинства приходских священников. Каждый из них сам решал, как относиться к существующим в приходе рассказам о снах и их толкованиям. С точки зрения Церкви именно священник, хорошо ориентирующийся в Божественном Писании и учении святых отцов, был тем,

кто определял, являются ли сны, о которых рассказывали прихожане, пустыми и ложными либо «необыкновенными, от Бога». Например, священник В. Шадрин, служивший в с. Позтыкерос Усть-Сысольского уезда, посчитал уместным записать в церковно-приходскую летопись рассказы о сновидениях прихожан (красная корова, за которой гонится волк; красные колокола), предшествовавших пожару в церкви. Он отметил, что «все это указывает на неслучайность некоторых слов или действий, как бы вещающих о предстоящем событии, совершившемся на наших глазах, и не есть ли эти сны от Бога, назначения которых мы не можем предугадать до совершившегося известного события» [14. С. 11].

Рассказы о религиозных сновидениях¹ известны со времен Древней Руси [8. С. 544–546], они фиксировались исследователями народной культуры XIX – начала XX в. [15. С. 212]. После значительного перерыва, обусловленного идеологическими установками отечественной науки, подобные рассказы вновь стали фиксироваться фольклористами и этнографами в 1990–2000-е гг. А.А. Панченко предполагает, что последовательное наблюдение локальных сновидческих традиций могло пополнить наши знания о роли сновидения в крестьянской культуре вообще и традиционных религиозных практиках в частности [1. С. 23]. Большинство исследователей указывают на необходимость учета взаимосвязи мотива сна, особенностей соотносимого с ним события и конкретной коммуникативной ситуации [16. С. 20, 34]. Часто тема сна/видения встречается в рассказах о происхождении деревенских святынь, сюжетным ядром которых является встреча/общение с «божественным» [1; 17. С. 88; 18]. В народной традиции понятия «сон» и «видение» довольно четко разделяются, вместе с тем для рассказов о святыне способ, каким сакральный объект устанавливает контакт с визионером, менее значим, чем содержание общения [19. С. 247].

В статье рассматривается роль рассказов о снах, содержащих сообщения, исходящие непосредственно из «божественной» сферы, в возникновении деревенских святынь с. Усть-Кулом Республики Коми, их значение для современной религиозной традиции. Характеризуются особенности социальной позиции рассказчика религиозных сновидений и его аудитории; анализируется реакция представителей Церкви (приходских священников и епархиального начальства) на появление подобных почитаемых объектов.

Статья основана на архивных материалах и публикациях дореволюционного периода, данных современных этнографических исследований и публикациях в местных СМИ и сети Интернет. Материалы исследований, проводившихся в связи с «появлением суеверий» Вологодской духовной консисторией, а также делопроизводственные материалы Усть-Сысольского духовного правления, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области (далее ГАВО) и Национальном архиве Республики Коми (далее НАРК), содержат сведения о первоначальной истории двух почитаемых мест с. Усть-Кулом. Делознания фиксировали народную и официальную

точки зрения на чудесное событие, в них отмечались «свидетельские показания» очевидцев и непосредственных участников события [20. С. 237]. Делопроизводство в XIX – начале XX в. велось на русском языке (опросы, свидетельства и т.п.), поэтому в настоящее время невозможно понять, говорили ли крестьяне о «явлении», «видении» или «сновидении»², поскольку все три термина употребляются в делах одновременно. Этнографические материалы и данные СМИ позволяют охарактеризовать советские и современные религиозные практики верхневьегодцев, связанные с почитаемым местом, дознание по которому вела Вологодская духовная консистория в 1907–1910 гг.

В XIX в. село Усть-Кулом, расположенное на правом берегу р. Вычегды, являлось крупным административным и хозяйственным центром Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. С середины XVII в. здесь существовала деревянная церковь Святого Николая [22. С. 495], в 1877 г. на месте деревянного был построен каменный храм. В 1799 г. в селе была построена каменная церковь во имя Петра и Павла, в 1857 г. – каменный Воскресенский храм с двумя престолами: сверху – во имя Воскресения Христова, внизу – во имя Владимирской иконы Божьей Матери [23]. С середины XIX в. день Сретения Владимирской иконы Богоматери становится обетным праздником усть-куломцев [24. С. 118]. В настоящее время село является административным центром Усть-Куломского района Республики Коми.

Явление Николая Чудотворца крестьянской девице Анне Липиной

В январе 1840 г. священник Петропавловской церкви (с. Усть-Кулом) сообщил благочинному, что прихожанка его церкви Анна Михайловна Липина «своими сновидениями соблазняет приходских крестьян... относительно будущей жизни», «предсказывает крестьянам на будущее время приключения», особо отметив, что девицу поддерживает приходской пономарь Василий Дубленников. В документе не указан предмет сновидений и предсказаний, отмечено лишь, что Анна «возмутила» крестьян на строительство новой каменной церкви, тогда как в селе еще не закончено строительство двухэтажной церкви во имя Воскресения Господня [25. Л. 9]. Усть-Сысольское духовное правление поручило протоиерею Усть-Сысольского собора Вонифатию Кокшарову отправиться в с. Усть-Кулом и выяснить, какую связь имеет пономарь с Анной; вразумить крестьян, чтобы «они девке Липиной... сатанинской посланнице, вечно во имя сатаны убивающей души их, ни в чем не верили», а также объявить о том, что строительство еще одной каменной церкви не будет [25. Л. 9 об., 18]. Неизвестно, состоялась ли поездка В. Кокшарова и каковы были ее результаты, однако в последовавшие два года в документах правления об этой истории не упоминалось.

Более подробные сведения об этих сновидениях были получены в 1842 г., когда в Министерство внут-

ренных дел и в Вологодскую духовную консисторию были отправлены секретные рапорты о «суеверии/ чуде», (по)явившемся в с. Усть-Кулом³. В центре событий вновь оказалась крестьянская девица Анна Липина. Земский суд предписал провести расследование о причинах появления суеверия и выяснить, «почему некие крестьяне считают девку Анну за пророчицу». Расследование было проведено в июле–августе 1842 г.: в течение шести дней представители гражданского начальства и духовенства опрашивали местных крестьян как, собственно, о «чуде», так и «предсказаниях» Анны Липиной и о ней самой [26. Л. 218–219].

В ходе опросов было выяснено, что восемнадцатилетняя крестьянка А. Липина с 1839 г. проживала в доме крестьянина Сергея Разсыхаева⁴, приходившегося ей дальним родственником. В Великий пост 1842 г. Анна попросила разрешения обустроить в его доме небольшую комнату («в роде кельи»), где она могла бы проводить время за молитвой «по распоряжению ея ко благочестивой жизни». С. Разсыхаев также сообщил, что в это время Анна «отлучалась... для обучения себя грамоте в другое селение» [27. Л. 1 об., 38 об.].

Большинство опрошенных крестьян, проживавших по соседству с домом А. Разсыхаева, говорили об Анне с уважением, отмечая, что она скромна, набожна, регулярно посещает церковь, «живет с хорошей нравственностью»; «учит народ жить благочестиво», «всех научает по-доброму жить, скромно». Пономарь В. Дубленников, которого приходской священник назвал одним из сторонников Анны, сообщил, что некоторые усть-куломцы «полагают ее за угодницу». Несколько человек утверждали, что в дом С. Разсыхаева, к Анне, регулярно ходят несколько крестьян (Федор Туриев, Прокопий Логинов и Василий Кипрушев) и «кто к Анне начнет ходить, тот начнет много говорить о Боге и спасении, и вообще о добрых делах». По словам грамотного крестьянина Прокопия Туриева, он сам обращался к Анне, желая узнать от нее «что-нибудь назидательное для души», на что получил ответ, что раз «сам имеет зырянское Евангелие⁶ и умеет читать, то нечего уже спрашивать» [27. Л. 38 об., 35, 33 об., 39]. Это замечание позволяет предположить, что в доме С. Разсыхаева Анна читала неграмотным односельчанам книги религиозного содержания, возможно, и Евангелие на коми языке.

Некоторые из опрошенных крестьян заявили, что слышали от «Аннушки» предсказания/пророчества. В частности, она «говорила, будто бы смерть бывшего церковного старосты Ивана Ногиева случилась от того, что он не послушал народу, начал постройку Воскресной церкви не на месте», «многие крестьяне говорили, что Во имя Воскресения Христова церковь заложена не на месте... этому священнику не служить в новой церкви». А.М. Липин утверждал, что ему «через людей было сказано: сын его, в Сибири проживающий, убит уже: в голову топором ударили ему», а спустя какое-то время после этого его сын приезжал домой. Однако большинство опрошенных крестьян утверждали, что никаких предсказаний от Анны лично не слышали [27. Л. 32–37]. Сама Анна заявила, что никаких предсказаний не делала («приписывают...

видений, коих вовсе не видела она») и никто к ней не ходит [27. Л. 41].

Проживая в миру, Анна следовала монашеским традициям: время проводила в молитвах, читала Писание, призывала («учила») односельчан жить благочестиво. В русской традиции таких женщин и девушек называли черничками. Исследователи отмечают, «келейное черничество» было широко распространено в деревнях, причем, как правило, крестьянская община поддерживала девушку, принявшую решение посвятить себя Богу [29]. Богомолки-келейницы зачастую обучали крестьян и их детей грамоте, наставляли верующих; некоторые, по мнению крестьян, могли предвидеть события и исцелять телесные недуги. Такие богомольцы, как правило, обладали авторитетом в вопросах веры и пользовались уважением сельского сообщества. В то же время отношение к ним со стороны духовенства было неоднозначным: представители духовенства обвиняли «келейниц» в обмане и стремлении к наживе, требуя от священников бороться с подобными явлениями [10. С. 387–389].

Рассказы Анны о явлении святого появились в очень непростое для села время: с 1836 г. в Усть-Куломе разгорался конфликт между крестьянами и местными чиновниками в связи с растратами, незаконными сборами и т.п., который закончился «бунтом» 1842–1843 гг. [30. С. 345; 31]. В 1839 г. Анна рассказала односельчанам о сне (видении), который видела в детстве: в семь лет ей явился старец, «объявивший» себя Николаем Чудотворцем. Он «изъявил желание иметь во имя свое церковь по южной стороне деревянной церкви», в руках он держал колосья [27. Л. 41]. В ходе расследования от местных крестьян, опрошенных как под присягой, так и без присяги (всего 22 человека), было записано три варианта рассказа о чудесном сне (видении) Анны. Первый вариант: Николай Чудотворец явился (во сне или наяву неизвестно) к Анне и просил ее построить новую каменную церковь в указанном месте [27. Л. 35 об.]. Второй вариант: святой обещал богатый урожай хлеба, если народ будет жить благочестиво. «Анне когда-то являлся старик, почитаемый за Николая Чудотворца, который говорил ей, что народ не умеет жить, если бы жить хорошо, то вам бы дал бы какой хлеб, показав в это время полные колосья, а теперь вот какой едят, показывал тонкие колосья» [27. Л. 36 об.]. Третий вариант рассказа содержал в себе оба мотива: просьбу о строительстве храма и обещание благополучия за праведную жизнь. «Рассказывала Анна, что... являлся ей старик, называя себя Николаем Чудотворцем... который был в черном армяке... о колосьях говорил ей. Назад тому года три или четыре назначала Анна на южной стороне деревянной церкви место для церкви Николая Чудотворца, который сам будто бы назначал тут место и смерял аршином, вследствие чего было то место загорожено, и говорила еще Анна, что на том месте находятся мощи угодников» [27. Л. 37 об.]. О том, что Анна объясняла выбор места для церкви не только желанием святого, но и наличием здесь мощей неизвестных угодников, сообщили еще несколько человек [27. Л. 31 об., 36].

В 1839 г. Анна лично указала, где находится нужное место, и вокруг него была поставлена ограда, началась активная деятельность по подготовке к возведению нового храма: крестьяне ездили за разрешением на строительство к епископу в Вологду, закупили строительные материалы [27. Л. 31 об., 32]. Если бы не начавшееся следствие, строительство каменной церкви во имя Святителя Николая в селе началось не в 1870-е, а в 1840-е гг. В ходе расследования дела о чудесах ограда, установленная крестьянами на месте предполагаемого храма, была снесена. Анна Липина обвинена «в разглашении видений» и «явлений», а также в том, что «уединенным своим молениям и скромной жизнью заставила крестьян считать себя за пророчицу», обвинена в распространении суеверий и приговорена к десяти ударам плетью [27. Л. 125 об.].

«Благие сновидения» и явление иконы крестьянским девицам села Усть-Кулом

В 1907 г. девять жительниц с. Усть-Кулом подали в Синод прошение о создании женской общины в местечке Керес-бок⁵. Просительницы писали о необходимости создания женской общины, которая объединила бы коми женщин и девиц («зырянок»), стремящихся к иноческой жизни, но из-за незнания русского языка не желающих отправляться в русские монастыри. Первыми насельницами новой обители они видели себя: «несколько девиц более пожилых лет (40–45 лет), есть грамотные, умеющие хорошо читать церковные книги (но писать некоторые из таковых не научились), несколько лет занимающиеся чтением псалтири, более или менее любящие истинно-христианскую и вместе с тем иноческую жизнь». В прошении девицы особо отметили, что местность Керес-бок «ознаменована замечательными сновидениями, заключающимися в милосердии Божиим и как будто Промыслу Божию угодно эту местность заселить жителями иночествующих» [32. Л. 13–14]. Епархиальное начальство поручило причту Усть-Куломской церкви собрать сведения о благонадежности женщин и их финансовых возможностях [32. Л. 1–3 об.]. Прошения девиц, рапорты благочинного, приходского священника и уездного исправника позволяют составить общее представление о происходивших в селе событиях.

В 1904 г. Перпетуя и Филицата Тюрнины, Елена Алексеева Кочанова и Анна Федорова Попова, «повинуясь благим сновидениям», установили в местечке Керес-бок деревянный крест. О чем конкретно были сны этих девиц, в материалах дела не указано, ясно лишь одно: они были связаны с конкретным местом. После того как был установлен крест, несколько женщин во главе с П. Тюрниной стали собираться у креста в летнее время, чтобы читать молитвы и акафисты, а также вести «душеспасительные беседы», исключительно «между собой». Весной 1907 г. Перпетуя и Анна нашли у креста бумажную икону Покрова Пресвятой Богородицы, которую прикрепили к кресту [32. Л. 8, 14 об.].

Вскоре сведения о найденной у креста иконе стали известны не только усть-куломцам, но и жителям со-

седних волостей. В июне 1907 г. по многочисленным просьбам девиц и других прихожан причт Петропавловской церкви провел у креста молебен Покрову Божьей Матери с водосвятием, причем во время молебна у некоторых «истеричных» женщин случились припадки, которые прошли после окропления их водой из источника. Именно с этого времени, по мнению священника, началось паломничество местных крестьян к кресту и источнику за исцелением и целебной водой, чему немало способствовала молва, распространяемая «девицами».

Представители причта, наблюдая за паломничеством к источнику, планировали обратиться к епархиальному начальству с ходатайством о возведении в местечке Керес-бок часовни, однако они ничего не знали о прошении крестьянок об организации здесь женской общины [32. Л. 19–19 об.]. По сведениям исправника, в июне–июле 1907 г. молебны у креста и источника проходили неоднократно при большом стечении народа (19 июля было около двухсот богомольцев), дважды они сопровождались крестным ходом к кресту. Были собраны деньги за молебен в пользу священника и отдельно церковным старостой на строительство часовни, а в дальнейшем и женской обители. В рапорте указано, что «главной руководительницей в сооружении креста и распространении слухов о святой местности» является П. Тюрнина, которая после молебна читала «боголюбцам» псалтирь, рассказывала о чудесных свойствах воды из источника и свои «провиденные сны». По ее же инициативе крест был обновлен: поставлен более высокий, покрашен белой краской и «оперилен наподобие стола». На кресте было закреплено несколько икон, в том числе и бумажная Покров Пресвятой Богородицы и медный крест Распятие [32. Л. 8–9].

В сентябре 1907 г. Вологодская духовная консистория вынесла решение отказать в организации женской общины ввиду неблагонадежности просительниц (дурной репутации, неграмотности, недостаточной осведомленности в православном учении) и отсутствием у них средств. Возглавлявшая группу «пожилых девиц» П. Тюрнина имела, по слухам, внебрачного ребенка, которого оставила в приюте; в 1906 г. она была замечена в связи с женатым дьяконом Усть-Куломской церкви [32. Л. 10, 17–18 об.]. Прошение, поданное в Синод, привлекло внимание епархиального начальства не только к девицам, но и к новоявленному святому месту: в октябре 1907 г. приходскому священнику рекомендовано не совершать у креста молебнов, более того, убрать его и вразумить прихожан [32. Оп. 1. Д. 18584. Л. 20 об.].

В марте 1908 г. в консисторию было отправлено прошение крестьян Усть-Куломской волости, в котором они просили разрешения построить в местечке Керес-бок часовню «в честь Покрова Божьей Матери». Крестьяне указывали на то, что в этом месте чувствуется особая Божья благодать, бывают разные видения (свет), кроме того, люди (чаще всего больные) видят сны о том, что «если в местности Керес тыла у креста будет отслужен молебен ко иконе Покрова Пресвятой Богородицы, то может (человек. – В.В.)

получить исцеление от болезни, что и повторялось в течение 1907 года очень часто» [32. Л. 32–32 об.]. На прошении, поданном «пожилыми девицами» в поддержку ходатайства крестьян о строительстве часовни в 1908 г., в котором вновь упоминается о чудесных явлениях, епископ Вологодский и Тотемский Никон написал: «В деле спасения души всего опаснее самочиние и своеволие. Не дело простых девушек решать вопрос о чудесах, разглашаемых людьми простыми. Это дело власти церковной» [32. Л. 24].

Очевидно, что прошения, в которых постоянно упоминались видения, сновидения и чудеса, весьма насторожили епархиальное начальство: приходскому священнику было настоятельно рекомендовано убрать крест. В новом рапорте усть-куломский священник Иоанн Попов пишет, что не знает причин, побудивших прихожан строить в местечке Керес-бок часовню, отмечая, что народ привлекает целебная вода, а не какая-то чудесная сила и видения [32. Л. 31 об.]. Благочинный в своем рапорте в консисторию также подчеркивает, что «в религиозном движении народа» нет отступления от православной веры, это лишь «искание темным, но глубоко верующим народом новых святынь, знамений, заступничества» [32. Л. 27 об.].

В 1909 г., исполняя распоряжение консистории, пристав перевез крест с иконами, а также снятый с ели у источника киот с иконой в Воскресенский храм села. Несмотря на это, паломничество к источнику и исцеления у креста, стоявшего на паперти, продолжались [32. Л. 37, 40–41]. В 1910 г. благочинному было поручено изучить случаи исцеления, собрать письменные сведения. К этому моменту, по его словам, о местечке Керес-бок существовало уже несколько легенд: «видели будто» к источнику с небес спускался Христос на телеге, по ночам наблюдались огненные столбы, появился упавший с неба камень, который больной должен носить на голове. Он отметил, что распространение рассказов об исцелениях и чудесах происходит благодаря группе женщин, возглавляемой П. Тюриной [32. Л. 45].

В 1911 г. «Вологодские епархиальные ведомости» публикуют небольшую заметку о явлении иконы Богородицы в местечке Керес-бок, ставшим к этому времени местом паломничества не только для крестьян из уездов Вологодской губернии, но и соседних Архангельской и Пермской. Автор дает свою версию истории возникновения почитания данного места, особо отмечая, что никакого явления иконы Богородицы здесь не было [33. С. 206]. В начале 1920-х гг. В.П. Кунгин записал легенду о явленной иконе Божьей Матери недалеко от Усть-Кулома от послушника Ульяновского монастыря. Икона явилась двум девицам на источнике (плавала в ручье), но не дала себя забрать («кукурнула на дно»). Отнести в церковь икону смогли после крестного хода и молебна у ручья. Послушник упомянул, что на месте обретения иконы планировали построить женский монастырь, а также о том, что считал это «чудо» делом монахов Ульяновского монастыря [34]. Очевидно, что паломничество верующих к источнику продолжалось, с чем в конечном счете смирилось и приходское духовен-

ство. Можно предположить, что в 1910–1920-е гг. легенда о явлении иконы Богородицы становится основной в объяснении возникновения почитания местечка Керес-бок, причем речь идет исключительно об источнике, тогда как о кресте, поставленном здесь первоначально, уже не упоминается, равно как и о сновидениях.

В 1993 г. была записана легенда о происхождении «Источника явления Божьей Матери», находящегося в трех километрах от села в местечке Нюр-курья (местечко Керес-бок находилось в урочище Нюр-курья). «Один мужчина видел явление образа Пресвятой Богородицы Девы Марии. Богоматерь спустилась с ночного неба на белом камне, похожем на челпан (круглый хлеб). Эту икону мужчина поутру принес в житник. Но образ сам вышел из житника, и на следующее утро его вновь нашли у источника. Так повторялось три раза. Ночью одной женщине было видение во сне: Пресвятая Богородица просила, чтобы ее образ вернули на источник и поставили в храм. Тогда и решили построить деревянную часовню для образа прямо на источнике, а на месте явления Божьей Матери – рядом со священным камнем – установили большой деревянный крест».

В данном варианте легенды весьма значима тема сна: он предшествует обретению иконы, во сне священный предмет выражает свою волю. Информанты подробно описывали часовню (вероятно, она была построена после 1911 г.), стоявшую над источником и разрушенную в 1930-е гг. В советский период, несмотря на запреты, местные жители дважды в год проводили молебны у креста, установленного на месте разрушенной часовни: на Сретение Владимирской иконы Божьей Матери (престольный праздник села) и на Покров (именно икона Покров Пресвятой Богородицы была найдена девицами на источнике) [18. С. 14–16]. Ритуалы, проводившиеся у креста и источника вплоть до середины 1990-х гг. верующими, которые обращались за исцелением (использование воды, обход с камнем на голове вокруг креста), позволяют говорить об устойчивости обрядовых практик, сохранявшихся с 1910-х гг.

В 2000 г. крест, установленный на месте часовни, был освящен настоятелем Петропавловской церкви в с. Усть-Кулом. Текст, записанный исследователем в 1993 г., в настоящее время получил широкое распространение, став «каноническим». Его воспроизводят в различных публикациях, посвященных источнику (сайты о почитаемых местах Республики Коми, газетные интервью с представителями прихода), в телевизионных интервью и даже в мультфильме, созданном Усть-Куломской центральной детской библиотекой, при поддержке жены настоятеля Петропавловской церкви с. Усть-Кулом [35–37].

Исследователи отмечают, что локальный ландшафт и народный календарь являлись семиотическими ресурсами для адаптации трансперсонального опыта и конструирования социально значимых религиозных практик сельской общины [38. С. 9]. Появление среди жителей Усть-Кулома рассказов о (сно)видениях, главными персонажами которых явля-

лись Николай Чудотворец и Богородица, неслучайно: они являлись главными небесными заступниками и покровителями села (храм и престол, освященные в их честь, обетный праздник). Сны и видения усть-куломских крестьянок были связаны с конкретными ландшафтными объектами, находившимися либо в селе, либо в непосредственной близости от него, и оказали определенное влияние на формирование локального сакрального ландшафта. В то же время актуализация рассказов о встрече с «божественным» могла быть обусловлена кризисной ситуацией в конкретном селе. Анна Липина рассказывает о снах (об обещании Св. Николая хлебного изобилия за благочестивую жизнь), которые видела будучи семилетней девочкой, в период обострения конфликта между жителями села и чиновниками.

Сферу духовного религиозного мира деревни на обыденном внецерковном уровне во многом определяли крестьяне, посвятившие свою жизнь Богу (чернички, монашествовавшие) [29]. Случаи появления рассказов о религиозных снах, рассмотренные в статье, связаны именно с такими людьми. Вокруг сновидца, пользовавшегося определенным авторитетом в религиозной сфере, формировалась небольшая группа последователей, объединенная внецерковным общением (совместное чтение Писания, молитв, ведение «душеспасительных бесед»). Представители этой группы могли выступать в качестве медиаторов между сновидцем и остальным обществом, пересказывая содержание «божественного» сна, подчеркивая особый статус, избранность сновидца. Сам сновидец также мог принимать активное участие в распространении сведений о своих снах, как это было в случае с П. Тюрниной, которая рассказывала о них многочисленным крестьянам, собиравшимся на молебны в местечке Керес-бок. Архивные материалы позволяют сделать предположение, что для крестьянского сообщества принципиально важным было прямое обращение сакрального персонажа (святого, иконы) к сновидцу с четко обозначенным требованием (построить

каменный храм, провести молебен и т.п.). Рассказы о сновидениях, которые были не конкретны (святой призывает к благочестивой жизни, знаменательные сновидения о месте), каких-либо активных действий со стороны сельского сообщества не вызывали. В свою очередь, активные действия крестьян (огораживание места, установление креста) привлекали внимание приходского духовенства, которое, как следует из имеющихся дел, было в курсе снов (видений), предшествовавших этим событиям. Приходское духовенство, санкционируя почитание святыни, пыталось «включить» возникшую локальную религиозную традицию в канонические церковные практики. Например, первоначально именно представители причта заговорили о строительстве часовни в местечке Керес-бок. Однако ситуация кардинальным образом менялась, когда о возникновении почитания становилось известно епархиальному начальству. Последнее зачастую видело в крестьянских религиозных практиках «уклонение от православной веры». Особое недовольство вызывали сновидцы, которые обвинялись в суеверии, попытках обмануть односельчан, честолюбии. Стремясь сохранить контроль над религиозной жизнью верующих, декларируя невозможность общения с Богом без своего посредничества [4. С. 350], церковь либо ликвидировала новоявленные святыни, либо спустя время санкционировала их почитание, при этом порицая или наказывая сновидцев.

Исследователи отмечают, что в постсоветский период возрождение традиции почитания деревенских святынь происходило при активном участии Русской православной церкви, хотя ранее подобное не предусматривалось каноническим церковным обиходом [39. С. 554]. В настоящее время легенда об «Источнике явления Божьей Матери», бытовавшая в локальной устной традиции, активно воспроизводится в медийном пространстве, а временная удаленность события позволяет воспринимать текст легенды как истинно отражающий прецедент.

Примечания

¹ Религиозные сновидения – сны, происхождение которых приписывается Богу и святым Его [15. С. 212].

² В коми языке используют слова *вот, вѳтасьѳм* – для обозначения сна, сновидения; для обозначения «видений» используют русские слова *явитчыны* – явиться, *кажитчыны* – видеться, казаться [21. С. 67, 145, 454].

³ 26 июня 1842 г. в своей комнате Анна Липина обнаружила волосы, которые сочла за «необыкновенные» (волосы Николая Чудотворца), а 29 июня блестящий ящик, заполненный бумагами. Информация об этом стала известна не только местному духовенству, но и волостному и уездному начальству, которое в это время находилось в селе [27. Л. 40–40 об.].

⁴ В тексте статьи фамилии даны так же, как в деле.

⁵ В 1823 г. усть-сысольским протоиереем А. Шергиным было переведено на коми язык и издано Евангелие от Матфея. По мнению большинства исследователей, этот перевод был чрезвычайно неудачным, так как изобиловал большим количеством русских заимствований и был крайне «неудобен в чтении» [28. С. 232].

⁶ Слово «керес» переводится как возвышенность, гора, иногда покрытая лесом [21. С. 153]. В деле фигурирует несколько названия этого места: Керес-бок тыла, Керес-тыла (подсека Керес-бок). Это живописное место находилось в двух с половиной – трех верстах от села Усть-Кулом, недалеко от дороги, за урочищем Нюр-курья. С возвышенности был виден мужской Ульяновский монастырь, рядом находился родник [32. Л. 8, 8 об., 12 об., 24, 24 об.].

Список источников

1. Панченко А.А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 9–25.
2. Соколовский С.А. Сновидческая реальность – бессознательное российской антропологии? // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 3–15.

3. Гуревич А.Я. Устная и письменная культура средневековья: два «крестьянских видения» конца XII и начала XIII века // Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 375–387.
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. Е.В. Морозовой. М. : Прогресс, 2001. 439 с.
5. Kruger S.F. Dreaming in the Middle Ages. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1992. 254 p. (Cambridge studies in medieval literature; 14).
6. Pansters K. Dreams in medieval saints' lives: Saint Francis of Assisi // Dreaming. 2009. Vol. 19, № 1. P. 55–63.
7. Levin C. Dreaming the English Renaissance: politics and desire in court culture. New York : Palgrave / Macmillan, 2008. 224 p.
8. Долгов В.В. Представления об обществе в картине мира населения Древней Руси XI–XIII вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2008. 616 с.
9. Розов А.Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах журнала «Руководство для сельских пастырей» (1860–1917). Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор. СПб. : Наука, 2001. Т. XXXI. С. 334–400.
10. Розов А. Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Пензенские епархиальные ведомости» (1866–1917). Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2008. Т. XXXIII. С. 381–424.
11. Розов А.Н. Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Ярославские епархиальные ведомости» (1860–1917). Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб. : Дмитрий Буланин, 2016. Т. XXXV. С. 556–587.
12. Светлов П. Пророческие или вещие сны. Апологетическое исследование в области библейской психологии. Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1892. 212 с.
13. Ягодкин Д. Олонекские приметы, поверья и суеверия // Олонекские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1899. № 20. С. 27–29.
14. Церковно-приходская летопись Позтыкеросской Троицкой церкви Устьсысольского уезда Вологодской епархии // Церковно-приходские летописи Европейского Северо-Востока России XIX – начала XX в. / сост. М.В. Хайдуров. Сыктывкар : РИО ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2021. Вып. 1. С. 8–46.
15. Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях. Из этнографических наблюдений, собранных в Ярославской губернии // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 208–213.
16. Сафронов Е.В. Сновидения в традиционной культуре. Исследование и тексты. М. : Лабиринт, 2016. 544 с.
17. Гура А.В. Регламентация поведения человека в связи со сновидениями // Образ человека в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М. : Индрик, 2018. С. 79–93.
18. Шараров В. Э. Богородичные праздники у современных коми : доклад на заседании президиума Коми науч. центра УрО РАН. Сыктывкар, 1995. 31 с. (Научные доклады КНЦ УРО РАН. Вып. 359).
19. Леонтьева С.Г. Рассказы о «привидениях» среди визионерских жанров // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / сост. О.Б. Христофорова. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. С. 247–258. (Серия «Традиция – текст – фольклор»).
20. Липатова А.П. Архивные дела о якобы явившейся иконе как источник этнографических исследований // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф. / под ред. Т.К. Щегловой. Барнаул : Алтайский гос. пед. ун-т, 2011. С. 236–240.
21. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар : Коми книжное изд-во, 1961. 490 с.
22. Жеребцов И.Л. Усть-Кулом // Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М. : Наука, 2001. С. 495–497.
23. Усть-Куломская Петро-Павловская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. 2013. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=35 (дата обращения: 25.01.2022).
24. Чувьоров А.А. Сакральное пространство в сельском ландшафте коми-зырян // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, № 3. С. 111–124.
25. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. 230. Оп. 1. Д. 110.
26. НАРК. Ф. 230. Оп. 1. Д. 116.
27. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 10690.
28. Терюков А.И. Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П.И. Саввантов и Г.С. Лыткин) // Христианство в регионах мира : сб. ст. / отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков. СПб. : Наука, 2008. С. 229–245.
29. Тульцева Л.А. К этнопсихологической характеристике одного типа русских женщин: Христовы невесты (чернички) // Женщина в религиях. Информационный портал. 1999. URL: http://woman.upelsinka.com/history/christ_11.htm (дата обращения: 07.02.2022).
30. Котов П.П. Крестьянское движение // История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд. Сыктывкар Анбур, 2011. Т. I. С. 342–347.
31. Сивкова А.Н. «Дух народный возмущен...» // Дым Отечества. 2013 год. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2019. С. 44–52.
32. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18584.
33. Устькуломец. История о кресте в местности «Керес-бок» (близь села Усть-Кулома Устьсысольского уезда) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1911. № 8–9. С. 203–206.
34. Кунгин В.П. Собрание сочинений. Наивные повести из жизни Севера / сост. М.Д. Игнатов, Д.И. Напалков. 2011. URL: <https://refdb.ru/look/3077695-pall.html> (дата обращения: 07.02.2022).
35. Суворов Е. Двадцать два креста // Вера. Христианская православная газета севера России. 2015. URL: <https://vera-eskom.ru/2015/03/dvadsat-dva-kresta/> (дата обращения: 14.02.2022).
36. Козлова А. Поклонись живой водице, чтобы умыться и исцелиться // Комсомольская правда. Коми. 2017. URL: <https://www.komi.kp.ru/daily/26707/3735749/> (дата обращения: 14.02.2022).
37. Мультфильм «Святые источники села Усть-Кулом». 2021. URL: <https://мой-усть-кулом.рф/> (дата обращения: 15.02.2022).
38. Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
39. Любимова Г.В. Способы сакрализации пространства в современных религиозно-обрядовых практиках (на материалах сибирского региона) // Проблемы истории, филологии, культуры / Магнитогорский государственный университет. 2008. № 22. С. 554–565.

References

1. Panchenko, A.A. (2001) Son i snovidenie v traditsionnykh religioznykh praktikakh [Sleep and dreaming in traditional religious practices]. In: Khristoforova, O.B. (ed.) *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskii, religiozno-misticheskii i kul'turno-psikhologicheskii aspekty* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 9–25.
2. Sokolovskiy, S.A. (2006) Snovidcheskaya real'nost' – bessoznatel'noe rossiyskoy antropologii? [Dream reality – the unconscious of Russian anthropology?]. *Emograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 3–15.

3. Gurevich, A.Ya. (2007) *Izbrannye trudy. Srednevekovyy mir* [Selected Works. Medieval world]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 375–387.
4. Le Goff, J. (2001) *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [the medieval world of the imaginary]. Translated from French by E.V. Morozova. Moscow: Progress.
5. Kruger, S.F. (1992) *Dreaming in the Middle Ages*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
6. Pansters, K. (2009) Dreams in medieval saints' lives: Saint Francis of Assisi. *Dreaming*. 1 (19). pp. 55–63. DOI: 10.1037/a0015265
7. Levin, C. (2008) *Dreaming the English Renaissance: politics and desire in court culture*. New York: Palgrave / Macmillan.
8. Dolgov, V.V. (2008) *Predstavleniya ob obshchestve v kartine mira naseleniya Drevney Rusi XI–XIII vv.* [Representations of society in the picture of the world of the population of Ancient Rus' in the 11th–13th centuries]. History Dr. Diss. Izhevsk.
9. Rozov, A.N. (2001) Etnograficheskie i fol'klornye materialy na stranitsakh zhurnala "Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyrey" (1860–1917). Annotirovanny tematiko-bibliograficheskiy ukazatel' [Ethnographic and folklore materials on the pages of the Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyrey journal (1860–1917). Annotated thematic and bibliographic index]. *Russkiy fol'klor*. 31. pp. 334–400.
10. Rozov, A.N. (2008) Fol'klorno-etnograficheskie materialy na stranitsakh zhurnala "Penzenskie eparkhial'nye vedomosti" (1866–1917). Annotirovanny tematiko-bibliograficheskiy ukazatel' [Folklore and ethnographic materials on the pages of the Penzenskie eparkhial'nye vedomosti journal (1866–1917). Annotated thematic and bibliographic index]. *Russkiy fol'klor*. 33. pp. 381–424.
11. Rozov, A.N. (2016) Fol'klorno-etnograficheskie materialy na stranitsakh zhurnala "Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti" (1860–1917). Annotirovanny tematiko-bibliograficheskiy ukazatel' [Folklore and ethnographic materials on the pages of the Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti journal (1860–1917). Annotated thematic and bibliographic index]. *Russkiy fol'klor*. 35. pp. 556–587.
12. Svetlov, P. (1892) *Prorocheskie ili veshchie sny. Apologetichesko issledovanie v oblasti bibleyskoy psikhologii* [Prophetic Dreams. Apologetic research in the field of biblical psychology]. Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo.
13. Yagodkin, D. (1899) Olonetskie primety, pover'ya i sueveriya [Olonets signs, beliefs and superstitions]. *Olonetskie eparkhial'nye vedomosti*. Unofficial Part. 20. pp. 27–29.
14. Khaydurov, M.V. (ed.) (2021) Tserkovno-prikhodskaya letopis' Poztykerosskoy Troitskoy tserkvi Ust'sysol'skogo uezda Vologodskoy eparkhii [Church and parish chronicle of the Poztykeros Trinity Church of Ustysol District of Vologda Eparchy]. In: Khaydurov, M.V. (ed.) *Tserkovno-prikhodskie letopisi Evropeyskogo Severo-Vostoka Rossii XIX – nachala XX v.* [Church and Parish Chronicles of the European North-East of Russia in the 19th – early 20th Centuries]. Syktyvkar: Komi SC UB RAS. 1. pp. 8–46.
15. Balov, A. (1891) Son i snovideniya v narodnykh verovaniyakh. Iz etnograficheskikh nablyudeni, sobrannykh v Yaroslavskoy gubernii [Sleep and dreams in folk beliefs. From ethnographic observations collected in the Yaroslavl province]. *Zhivaya starina*. 4. pp. 208–213.
16. Safronov, E.V. (2016) *Snovideniya v traditsionnoy kul'ture. Issledovanie i teksty* [Dreams in Traditional Culture. Research and texts]. Moscow: Labirint.
17. Gura, A.V. (2018) Reglamentatsiya povedeniya cheloveka v svyazi so snovideniyami [Regulation of human behavior in connection with dreams]. In: Tolstaya, S.M. (ed) *Obraz cheloveka v yazyke i kul'ture* [The Image of a Person in Language and Culture]. Moscow: Indrik. pp. 79–93.
18. Sharapov, V.E. (1995) *Bogorodichnye prazdniki u sovremennykh komi: doklad na zasedanii prezidiuma Komi nauch. tsentra UrO RAN* [Mother of God holidays among modern Komi: report at a meeting of the presidium of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Syktyvkar: Komi SC UB RAS.
19. Leont'eva, S.G. (2001) Rasskazy o "privizhdeniyakh" sredi vizionerskikh zhanrov [Stories about "ghosts" among visionary genres]. In: Khristoforova, O.B. (ed.) *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskii, religiozno-misticheskii i kul'turno-psikhologicheskii aspekty* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, religious-mystical and cultural-psychological aspects]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 247–258.
20. Lipatova, A.P. (2011) [Archival files about the allegedly appearing icon as a source of ethnographic research]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altai and Adjacent Territories]. Proceedings of the International Conference. Barnaul. 1 January – 30 December 2011. Barnaul: Altay State Pedagogical University. pp. 236–240. (In Russian).
21. Zhilina, T.I., Sakharova, M.A. & Sorvacheva, V.A. (eds) (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan Dialects]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izd-vo.
22. Zherebtsov, I.L. (2001) *Naselennye punkty Respubliki Komi: Istoriko-demograficheskiy spravochnik* [Settlements of the Komi Republic: Historical and demographic reference book]. Moscow: Nauka. pp. 495–497.
23. Pravoslavnye prikhody i monastyr'i Severa [Orthodox Parishes and Monasteries of the North]. (2013) *Ust'-Kulomskaya Petro-Pavlovskaya tserkov'* [Ust-Kulom Peter and Paul Church]. [Online] Available from: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=35 (Accessed: 25.01.2022).
24. Chuv'yurov, A.A. (2016) Sakral'noe prostranstvo v sel'skom landshafte komi-zyryan [Sacred space in the rural landscape of the Komi-Zyryans]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 3 (10). pp. 111–124.
25. National Archive of Komi Republic (NARK). Fund 230. List 1. File 110.
26. National Archive of Komi Republic (NARK). Fund 230. List 1. File 116.
27. State Archive of Volgograd Oblast (GAVO). Fund 496. List 1. File 10690.
28. Teryukov, A.I. (2008) Iz istorii perevoda Svyashchennogo Pisaniya na yazyk komi-zyryan (P.I. Savvaitov i G.S. Lytkin) [From the history of the translation of the Holy Scriptures into the Komi-Zyryan language (P.I. Savvaitov and G.S. Lytkin)]. In: Bernshtam, T.A. & Teryukov, A.I. (eds) *Khristianstvo v regionakh mira* [Christianity in the Regions of the World]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 229–245.
29. Tul'tseva, L.A. (1999) K etnopsikhologicheskoy kharakteristike odnogo tipa russkikh zhenshchin: Khristovy nevesty (chernichki) [On the ethnopsychological characteristics of one type of Russian women: Christ's brides (nuns)]. *Zhenshchina v religiyakh. Informatsionnyy portal*. [Online] Available from: http://woman.upelsinka.com/history/christ_11.htm (Accessed: 07.02.2022).
30. Kotov, P.P. (2011) Krest'yanskoe dvizhenie [Peasant movement]. In: Zherebtsov, I.L., Popov, A.A. & Smetanin, A.F. (eds) *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do sovremennosti* [History of Komi from Ancient Times to the Present]. 2nd ed. Vol. 1. Syktyvkar: Anbur. pp. 342–347.
31. Sivkova, A.N. (2013) "Dukh narodnyy vozmushchen..." ["The spirit of the people is indignant ..."]. *Dym Otechestva*. pp. 44–52.
32. State Archive of Volgograd Oblast (GAVO). Fund 496. List 1. File 18584.
33. Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam. (1911) Ust'kulomets. Istoriya o kreste v mestnosti "Keres-bok" (bliz' sela Ust'-Kuloma Ust'sysol'skogo uezda) [Ust-Kulomets. The story of the cross in the area "Keres-bok" (near the village of Ust-Kuloma, Ustysolsk district)]. *Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nyim vedomostyam*. 8–9. pp. 203–206.
34. Kungin, V.P. (2011) *Sobranie sochineniy. Naivnye povesti iz zhizni Severa* [Collected Works. Naive stories from the life of the North]. [Online] Available from: <https://refdb.ru/look/3077695-pall.html> (Accessed: 07.02.2022).
35. Suvorov, E. (2015) Dvadtsat' dva kresta [Twenty-two crosses]. *Vera. Khristianskaya pravoslavnyaya gazeta severa Rossii*. [Online] Available from: <https://vera-eskom.ru/2015/03/dvadtsat-dva-kresta/> (Accessed: 14.02.2022).
36. Kozlova, A. (2017) Poklonis' zhivoy voditse, chtoby umyt'sya i istselit'sya [Bow to living water to wash and heal]. *Komsomol'skaya pravda. Komi*. [Online] Available from: <https://www.komi.kp.ru/daily/26707/3735749/> (Accessed: 14.02.2022).
37. #MoyUst'-Kulom. (2021) *Syatyte istochniki sela Ust'-Kulom* [Holy springs of the village of Ust-Kulom]. [Online Video] Available from: <https://xn-----yicgfbkfk0alke7j.xn--p1ai/> (Accessed: 15.02.2022).

38. Panchenko, A.A. (2012) *Ivan i Yakov – neobychnye svyatye iz bolotistoy mestnosti: “Krest`yanskaya agiologiya” i religioznye praktiki v Rossii Novogo vremeni* [Ivan and Yakov – Unusual Marshland Saints: “Peasant Hagiology” and Religious Practices in the Russia of Modern Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
39. Lyubimova, G.V. (2008) *Sposoby sakralizatsii prostranstva v sovremennykh religiozno-obryadovykh praktikakh (na materialakh sibirskogo regiona)* [Ways of space sacralization in modern religious and ritual practices (on the materials of the Siberian region)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 22. pp. 554–565.

Информация об авторе:

Власова В.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Россия). E-mail: vv505@hotmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Vlasova, Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 28.02.2022;
approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 94(571)
doi: 10.17223/15617793/481/14

Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики

Виктория Викторовна Гермизеева¹, Дмитрий Игоревич Петин²

^{1,2} Омский государственный технический университет, Омск, Россия

¹ vika-germ@mail.ru
² dimario86@rambler.ru

Аннотация. Рассматривается динамика социально-экономической сферы Степного края в период последнего для Российской империи экономического подъема. Источниковой базой работы выступили материалы, опубликованные на страницах ключевых официальных газет («Акмолинские областные ведомости», «Омский телеграф», «Омский вестник»), выходявших в Омске – административном центре Степного генерал-губернаторства. Издания, являвшиеся для своего времени едва ли не единственным способом получения оперативной информации, дают историкам представления о развитии в регионе торгово-рыночной, банковской, биржевой и миграционной сфер, о положении в среде пролетариата и крестьянства.

Ключевые слова: периодическая печать, финансовая политика, экономическая политика, Степной край, Степное генерал-губернаторство, Акмолинская область, Семипалатинская область, Омск

Для цитирования: Гермизеева В.В., Петин Д.И. Социально-экономическое развитие Степного края в 1907–1914 гг. в зеркале официальной омской периодики // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 114–126. doi: 10.17223/15617793/481/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/14

Socio-economic development of Stepnoy Krai in 1907–1914 in reviews of the official Omsk press

Victoriya V. Germizeeva¹, Dmitriy I. Petin²

^{1,2} Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation

¹ vika-germ@mail.ru
² dimario86@rambler.ru

Abstract. The study of the agricultural, commercial and industrial development of the provinces and regions of the Russian Empire at the turn of the 20th century is one of the popular areas of modern Russian historiography. One of the representative sources that give a number of diverse and fairly full-fledged characteristics on this issue is the official periodical press, which at the beginning of the 20th century was actually the only source of prompt information for society. The aim of this article is to study the dynamics of the socio-economic sphere of a large administrative unit of Asian Russia – Stepnoy Krai – based on the materials of the periodical press. The source base for the work was the key newspapers published in Omsk, the administrative center of the Governor-Generalship of the Steppes (Akmolinsk oblastnye vedomosti [Akmolinsk Regional Gazette], Omskiy telegraf [Omsk Telegraph], Omskiy vestnik [Omsk Bulletin]). The relevance of the publication is evidenced by the fact that the identified problem has not been considered by historians of the topic from a similar perspective. The methodological basis of the study was the principles of consistency, determinism, content analysis and the problem-chronological method. This theoretical set made it possible, after analyzing the content of newspaper materials, to study, with reference to a specific historical situation, the interdependent integral development in the region of the trade and market, banking, stock exchange and migration spheres, the situation among the proletariat and the peasantry, and other issues. As shown by the reference to the periodicals, it was these social, economic, and financial aspects that were the most important for the regional authorities, determining its then current and future policy in this regard. Summing up the results of the study, the authors emphasize the dilatability of the issue, saying that publications in the official periodical press, due to their operational content purpose or censorship, make it possible to highlight the most important trends and problems of the socio-economic development of the region, giving, mainly, a general dynamic picture, but not in all cases fully covering the details. At the same time, understanding the socio-economic processes in Stepnoy Krai on the basis of the periodicals of 1907–1914 plays an important role in the interpretation of subsequent events of the military revolutionary period.

Keywords: periodicals, finance, economy, Stepnoy Krai, Governor-Generalship of the Steppes, Akmolinsk Oblast, Semipalatinsk Oblast, Omsk

For citation: Germizeeva, V.V. & Petin, D.I. (2022) Socio-economic development of Stepnoy Krai in 1907–1914 in reviews of the official Omsk press. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 114–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/14

Постановка проблемы. По мнению, устоявшемуся в отечественной историографии, периодическая печать является содержательным источником, который часто используется в научных трудах, в том числе для характеристики особенностей социально-экономического развития губерний и областей Российской империи. Дореволюционная региональная пресса, будучи ориентированной на достаточно широкую читательскую аудиторию горожан, традиционно стремилась анализировать в числе событий актуальные вопросы текущей жизни. Следует согласиться, что в связи с необходимостью публиковать информацию оперативно в изданиях не всегда имела место высокая степень подробности и достоверности сведений. Но именно периодическая печать – «иллюстрация времени» – в ряде случаев освещает сюжеты, которые могли не найти отражение, к примеру, в официальном делопроизводстве или эго-документах. Данное обстоятельство (применительно и к социально-экономическому направлению) способствует воссозданию атмосферы эпохи и получению более полных представлений о ней историком. В связи с этим объяснима отчетливая историографическая тенденция, констатирующая значительное внимание исследователей текущей четверти века к изучению сквозь призму региональной периодической печати различных сторон жизни сибирской провинции в имперский период (см. напр.: [1–10]).

В Западной Сибири в административном отношении особое место занимало Степное генерал-губернаторство (Степной край) с центром в Омске – стратегически важный пограничный регион, охватывавший обширные малоосвоенные азиатские территории и замыкавший на себе часть юго-восточных границ империи. Историческое существование Степного края (1882–1918 гг.) выпало на царствование двух последних императоров – противоречивый период, вобравший в себя и апогей развития российского капитализма, и тотальный кризис имперской государственности, увенчавшийся ее крахом и последовавшей Гражданской войной. С точки зрения развития территорий вызывает интерес социально-экономическое бытование Степного края в хронологический отрезок 1907–1914 гг., когда в стране наступило некоторое «политическое успокоение» после Первой русской революции и, как следствие, недолгая стабилизация экономического курса, нарушенная Первой мировой войной.

На фоне растущего академического интереса к сибирскому краеведению в современных исследованиях находят отражение сюжеты, повествующие о положении дел в социальной и экономической сферах в Степном крае на рубеже XIX–XX вв. Внимание уделяется общественной, торговой и промышленной жизни, миграционным процессам, этнокультурному взаимодействию (см. напр.: [11–24]). В то же время обозначенная широкая проблема не рассматривалась историками на основе официальной региональной

прессы в рамках периода 1907–1914 гг. Отсюда вытекает цель нашего исследования.

В качестве основы источниковой базы использованы издававшиеся в Омске три газеты. Они являлись ключевыми информационными ресурсами региона и важными инструментами формирования общественного мнения. Это «Акмолинские областные ведомости» (стала официальным печатным органом администрации Степного края, выходила еженедельно по средам в 1871–1919 гг.), а также «Омский телеграф» (позиционировалась как орган свободной печати, выходила ежедневно, кроме дней послепраздничных 1907–1917 гг.) и «Омский вестник» (общественно-литературная и экономическая газета, выходила ежедневно, кроме дней послепраздничных в 1909–1918 гг.). На рассматриваемый период пришлось возникновение и расцвет двух последних изданий. В процессе исследования проблемы нами изучены газеты, находящиеся на хранении в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета и в справочно-информационном фонде Исторического архива Омской области (табл. 1). В целом сохранность изданий удовлетворительная, за исключением отдельных периодов («Акмолинские областные ведомости» представлены единичными номерами за 1912, 1914 гг.; в подборке «Омского телеграфа» всего 5 номеров за 1912 г., отсутствует около 88% выпусков за 1913 г.). Кроме того, среди использованных материалов «Омского вестника» нет данных о содержании издания за март, апрель, май, июнь и октябрь 1913 г. За 1914 г. анализировались газеты, изданные до 1 сентября (табл. 1). С осени 1914 г. социально-экономическая проблематика не утратила актуальности, но акцент при ее освещении резко сместился с учетом набиравшей обороты Первой мировой войны.

Таблица 1

Сохранность номеров изданий, использованных для исследования

Год	«Акмолинские областные ведомости»	«Омский телеграф»	«Омский вестник»
	Количество номеров		
1907	48	44	–
1908	42	132	–
1909	42	217	211
1910	52	245	154
1911	51	179	228
1912	6	5	259
1913	47	36	87
1914	1	186	137

Среди множества новостей повседневной провинциальной жизни газеты, имевшие популярность в Омске, равно как и в Степном крае, уделяли особое внимание именно социально-экономической сфере. Но стоит помнить, что они в своем регионе оказались доминирующими после кампании по борьбе имперских властей с революционным движением [25. С. 170],

которая привела к ужесточению условий общественной жизни. Закрылось, например, нескольких периодических изданий социал-демократического толка [26. С. 116–117]. В силу формата «Акмолинские областные ведомости» – наиболее статусное и официозное издание – во многом были призваны обнародовать приказания и распоряжения властей региона. Соответственно, стиль большей части материалов был сухим и казенным. Освещению экономических сюжетов эта газета уделяла внимание, но в большей степени публикуя официальные данные, крайне мало затрагивая проблемы развития экономики в крае. В связи с этим данное издание в нашем исследовании использовалось ограниченно.

Основная часть. В процессе изучения нами были проанализированы публикации за 6 месяцев (март–август) в газетах «Омский телеграф» и «Омский вестник» за 1909, 1911, 1914 гг., это период с наиболее полной сохранностью номеров изданий. Выявлено, что среди всех обсуждаемых вопросов, связанных с развитием Степного края, доминирует социально-экономическая тематика (табл. 2).

Таблица 2
Выборка публикаций, использованных для исследования

Издания	«Омский телеграф»			«Омский вестник»		
	1909	1911	1914	1909	1911	1914
Тематика публикаций	Количество публикаций					
Социально-экономическая сфера	191	152	231	167	158	149
Административное управление	71	28	31	56	62	32
Культура и досуг	75	83	89	72	67	39

Приведенный анализ (табл. 2) сделан на основе изучения 314 номеров «Омского телеграфа» и 340 – «Омского вестника». Из полученных данных видно, что оба издания уделяли достаточно внимания проблемам социально-экономического развития, количественные показатели отличаются существенно только по состоянию на 1914 г. Это связано с двумя моментами: 1) меньшая сохранность номеров газеты «Омский вестник» (разница в 40 экземпляров), 2) несколько большее внимание «Омского телеграфа» к вопросам развития региона в рубрике «Хроника», где были выделены отдельные разделы «По Степному краю», «В торгово-промышленном мире», «Разные известия», «Городские дела».

Исследование публикаций за 1907 г., напечатанных в газете «Омский телеграф», показывает иную тенденцию: в сохранившихся 44 номерах выявлено 20 заметок по социально-экономической проблематике, 4 – по вопросам административного управления и 22 – по культурной жизни Степного края. Вероятная причина тому – первый год существования издания, редакционная политика еще формировалась. Кроме того, увеличение интереса к экономической тематике в последующие годы может быть связано с динамичным развитием данной сферы. В «Акмолинских областных ведомостях» доминируют приказы по Степному генерал-губернаторству, информация о перемещениях чиновников разных ведомств – сюжеты, где не

отражен интересующий нас вопрос, что в целом связано со спецификой издания. Преобладали материалы официального характера, поэтому количественный подсчет по данному изданию не проводился.

Социально-экономическое развитие Степного края в начале XX в. шло весьма динамично. Этому способствовал, прежде всего, «пришедший» из европейской России Транссиб, последовавшее вскоре открытие торговых бирж в Омске (1905 г.), Петропавловске (1908 г.), Семипалатинске (1910 г.), а также переселенческая политика, существенно повлиявшая на развитие внутреннего рынка и увеличение товарности сельского хозяйства. Степной генерал-губернатор И.П. Надаров в 1908 г. констатировал, что переселение «приняло такие размеры, какие нельзя было и предвидеть» [27. Л. 9 об.].

На страницах региональной печати можно встретить общую информацию о характере движения приезжих в разные годы, статистику, описание бытового обустройства и повседневности прибывших крестьян, их взаимодействия с административными учреждениями и местным населением. Так, в начале 1908 г. «Омский телеграф» сообщал, что движение переселенцев по железной дороге увеличивалось, но при этом санитарные условия часто были неприемлемы: «О чистом воздухе нечего и мечтать. Надо удивляться, как не все переселенцы переболевают по дороге. На днях на ст.[анции] Омск в одной теплушке была обнаружена ревизором переселенческого движения неправильная посадка – вместо 30 в вагоне ехало 46 чел., составлен протокол» [28].

Пресса со временем стала отмечать и положительные стороны в организации переселенческого дела. В публикации 1911 г. говорилось об устройстве на станции Петропавловск Акмолинской области помещения для переселенцев, которое состояло из зала, кухни, аптеки и барака. В заметке отмечалось, что раньше они вынуждены были ютиться «на своих ломотях и сундуках под стенами станции». Кроме того, изменился и сам переселенческий пункт, которому была дана такая характеристика: «Красивый забор с большими воротами опоясал всю его территорию, на которой построены новые дома для служащих, инфекционная больница на четыре отделения, обширная каменная баня для переселенцев» и т.д. [29].

Подобная тенденция получила отражение в официальных материалах, в которых указывалось, что сокращение объемов переселенческого движения к 1911 г. дало возможность ликвидировать ряд недостатков и улучшить положение переселенцев в целом. В последующие годы освещение данной проблематики имело место, но основной акцент был смещен с предоставления данных по движению переселенцев на их обустройство, медицинское обеспечение, подготовку участков, организацию ветеринарной помощи. В частности, о постепенном снижении интереса к данной проблеме наглядно свидетельствует и суммарное количество публикаций за 6 месяцев 1909, 1911 и 1914 гг. в газетах «Омский вестник» и «Омский телеграф»: 105, 65 и 59 соответственно.

Скотоводы Степного края в начале XX в. стали осваивать новые направления деятельности, приспосабливаясь к условиям рынка. Постепенно возрастало число хозяйств, занимавшихся товарным скотоводством, сеявших зерновые и кормовые культуры [12. С. 42]. Эти изменения в определенной степени были связаны с переселенческим движением. В качестве иллюстрации подобных процессов можно привести заметку в «Омском вестнике», где отмечалось, что «некоторые киргизы, не имея знаний по сельскому хозяйству, пригласили в свой аул крестьян – самовольных переселенцев, не получивших в надел казенной земли. Так, в ауле № 2 Омской киргизской волости с 1908 г. проживало три таких семьи, в результате киргизы научились пахать, сеять и убирать хлеб, а с 1909 г. стали немного выращивать овощи, преимущественно картофель» [30]. Подобные примеры не были единичны: в Степном крае под влиянием переселения шла трансформация деятельности, образа жизни местного кочевого населения, распространялись среди них сведения из таких областей, как ветеринария, агрономия, медицина [13. С. 205].

Но все же традиционный образ жизни степняков был связан со скотоводством. В периодической печати публиковались небольшие заметки об особенностях их жизни и деятельности, о проблемах, с которыми приходилось сталкиваться. На основании сведений, поступивших из Павлодарского уезда Семипалатинской области в 1912 г. и опубликованных в газете «Омский вестник», тяжелая зима с большими бурями и морозами сильно отразилась на поголовье скота. Вследствие этого выросли цены на коров и кобылиц, которые при дороговизне хлеба являлись единственными кормилицами киргизского населения [31]. Продолжая освещать эту проблему в июне 1912 г., издание обращало внимание на положение киргизов Каркаралинского уезда Семипалатинской области, у которых из-за холода погибло много скота. Лошади, угнанные в далекие степи на подножный корм, исчезали целыми табунами в несколько сот голов. Население уезда находилось в очень сложном материальном положении, все киргизы из аула № 1 ушли на поиски работы, в основном в Павлодар и Семипалатинск. В заметке отмечалось, что надежды их не оправдались, так как из-за большого наплыва народа цены на черный труд сильно упали, в связи с чем киргизы вынуждены были идти дальше в поисках хотя бы минимального заработка. Так, по линии Сибирской железной дороги они нанимались к подрядчикам на земляные работы за 40–50 копеек в день на свое содержание [32].

Большой сложностью для хозяйственной жизни Степного края являлись саранчовые насекомые. Сведения об этой проблеме выделяются особняком среди заметок о количестве собранного урожая, эпизоотиях, неблагоприятных погодных условиях, повлиявших на состояние сельского хозяйства и т.п. В прессе освещались не только мероприятия по борьбе с кобылкой, проводимые местной властью, но и содержались материалы, нацеленные на знакомство сельского населения с иными существующими способами уничто-

жения вредителей. В одном из номеров за 1912 г. сообщалось, что из Санкт-Петербурга в Омск в Переселенческое управление отправлены конный и ручные опрыскиватели для скорейшего решения данного вопроса [33]. В периодике также представлена информация о проводимых совещаниях по мерам борьбы с кобылкой и организации различных работ, описаны масштабы вреда, нанесенного насекомыми.

В числе важнейших направлений, определявших социально-экономическое развитие региона, была торгово-промышленная деятельность. Вопросы ее развития в Степном крае, как видно из анализа прессы, регулярно обсуждались на различных совещаниях с участием представителей региональной и городской администрации, коммерсантов и промышленников. В крупных городах Степного края создавались комитеты для регулирования вопросов данной сферы, объединявшей в себе ряд смежных направлений. Закономерно, что издания уделяли внимание формам и итогам взаимодействия власти и предпринимательской общественности, касаясь как масштабных, так и частных аспектов.

В газете «Омский телеграф» был предусмотрен специальный «Торгово-промышленный отдел», где публиковались сведения о ситуации на Омской бирже, представлялись обзоры цен на востребованные товары, печаталась информация о сделках и т.д. Так, в июне 1908 г. состоялось общее собрание членов Омского биржевого комитета, на котором был подведен итог деятельности за 1907 г. Отмечалось, что в течение отчетного года было проведено 42 заседания для обсуждения проблем, имеющих значение для торгово-промышленной жизни Степного края. В частности, рассматривался вопрос об открытии весенней жировой ярмарки в Омске, об упорядочении торговли хлебом и маслом, урегулировании транспортировок данной продукции [34]. В ноябре 1909 г. ситуация на Омской бирже характеризовалась прессой следующим образом: «За истекшую неделю покупателями на пшеницу были местные, челябинский и екатеринбургские мельники. Больших подвозов даже с наступлением зимнего пути ожидать нельзя, так как видно по всему ошиблись в урожае, каковой, как выясняется, ниже среднего [35].

В материалах периодической печати региона подчеркивалась тесная взаимосвязь торговли, промышленности и сельского хозяйства, отмечалось влияние природных факторов на данные процессы. Акцентировалось внимание на организацию торговли отдельными видами товаров, на качество продукции, условиях труда работников лавок и т.п. Например, одна из заметок в «Омском телеграфе» в июне 1908 г. содержала информацию об открытии временных магазинов по продаже свежих фруктов, особо отмечалось, что в связи с хорошим урожаем ожидаются низкие цены [36]. Сведения о положении в сельскохозяйственной сфере присутствовали в рубрике «Корреспонденции» в газете «Омский вестник». В ноябре 1909 г. в публикации «Вести из степи» шла речь о жаркой погоде в Павлодарском уезде Семипалатинской области с весны по осень текущего года, вследствие чего образо-

вался недостаток хлеба, сена, повысились хлебные цены: «Перспективы – далеко не блестящие, и какой выход местное население найдет из создавшегося положения в текущую зиму, – ответить очень трудно» [37]. В октябре 1911 г. плохой урожай кормовых трав привел к тому, что крестьяне вынужденно продавали скот. Причем многие оказались в убытке, так как за коров, которые раньше стоили 35–45 руб., скотопромышленники давали только 10–15 руб., при этом цена за мясо не снизилась и составляла 7–8 коп. за фунт [38]. Шедшая в Омске бойкая торговля сельскохозяйственными орудиями, в 1913 г. значительно понизилась. В одной из публикаций это объяснялось плохим урожаем трав, отсутствием денег у крестьян в связи с низкими ценами на хлеб и т.п., подчеркивалось, что неудачный сезон отразился на делах некоторых фирм [39].

Периодическая печать регулярно освещала мероприятия, направленные на обсуждение актуальных вопросов, имеющих приоритетное значение для социально-экономического развития региона. Так, 15–18 мая 1912 г. в Омске была организована работа Съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья. Пресса акцентировала внимание на подготовку мероприятия, анонсировала состав приглашенных лиц, освещала ход заседаний и принятые резолюции. В частности, обсуждались вопросы о введении торгово-промышленных палат, о средствах на содержание биржевых организаций, создании постоянного совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, об урегулировании торговли мясом, сливочным маслом и т.д. [40]. На протяжении всех дней работы деятельность Съезда подробно освещалась «Омским вестником», что свидетельствует об интересе к данной теме и важности рассматриваемых вопросов.

В июне 1912 г. в Омске прошло совещание представителей банков, железнодорожных агентов, торговцев мясом и скотопромышленников, направленное на улучшение условий транспортировки скота и мяса. Речь шла об увеличении скорости перевозок, использовании вагонов-рефрижераторов и т.п. Выражалась надежда, что планируемые мероприятия будут способствовать вывозу сибирской продукции в отдаленные внутренние районы и за границу [41]. 4 декабря 1913 г. состоялось очередное заседание Акмолинского областного кустарного комитета, где был заслушан доклад об опыте аналогичной деятельности в Томске и принято решение открыть ткацкую учебно-показательную мастерскую и прядильный пункт в 65 верстах на юго-запад от Омска в селе Борисовском (с 1933 г. – Шербакуль) [42]. Таким образом, в омской прессе присутствовала информация обобщенного характера, дающая возможность проследить тенденции, имевшие место в торговле, организации транспортировки, хранения продукции, характерные для определенного периода (года).

Ярким событием в Омске стало торжественное открытие Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в июне 1911 г. На протяжении длительного времени, которое предшествовало этому мероприятию, перио-

дическая печать освещала его подготовку и проведение. Одна из аналитических публикаций отмечала связь выставки с переселенческими процессами в регионе, подчеркивая, что переселенческая организация подготовила на суд общественного мнения результаты своей деятельности, представив в своем павильоне диаграммы, карты, фотографии из жизни переселенцев, таблицы, характеризующие движение как в Сибирь, так и обратно [43]. По данным отчета за 1911 г. генерал-губернатора Степного края Е.О. Шмита, на обустройство было потрачено до 70 тыс. рублей, общие затраты на организацию выставки (без учета расходов частных лиц на постройку павильонов) составили более 346 тыс. руб., при этом отмечалось, что выставка закончилась без дефицита [44]. В то же время в октябре 1911 г. в одной из заметок в газете «Омский телеграф» называли общую сумму расхода в 317 тыс. руб. и писали о возможном дефиците в 3–5 тыс. руб., в зависимости от успешности взыскания выставочных долгов и продажи выставочного имущества [45]. Можно сделать вывод об эффективности проведенной работы, принимая во внимание выводы, представленные в генерал-губернаторском отчете.

В начале XX столетия в Степном крае большую роль по-прежнему играла ярмарочная торговля. Это наглядно подтверждает количество упоминаний данного вопроса в прессе. Среди летних ярмарок в Акмолинской области по состоянию на 1914 г. большое значение имели: Константиновская (21 мая – 10 июня) в Акмолинске, Петровская (10 июня – 5 июля) в Атбасаре, Таинчинская (1–20 июля) в Петропавловском уезде. Осенние ярмарки были расположены в полосе казачьих и крестьянских поселков, поэтому киргизы, возвращаясь на свои зимние стойбища, имели возможность обменивать скот на хлеб, домашнюю утварь и другие товары. Из подобных ярмарок были популярны: Знаменская (27 ноября – 6 декабря) в Атбасаре, Покровская (14 сентября – 1 октября) в станице Кокчетавской, Введенская (15–30 ноября) в Омске и др. [46. С. 34]. Время от времени газеты приводили информацию о начале работы ярмарок, давали общую характеристику их деятельности. «Акмолинские областные ведомости» в январе 1907 г. в рубрике «Объявления» информировали читателей о разрешении открытия в Кокчетавском уезде двух ежегодных семидневных ярмарок (с 24 июня и с 1 октября) и еженедельного, по понедельникам, базара [47]. В данном издании такие сведения представлены были чаще, чем в других газетах. В ноябре 1907 г. сообщались данные об оборотах осенней Введенской ярмарки в Омске, на основании данных за 1905 г. и 1907 г. делался вывод об их росте за последние 2 года [48]. Общие сведения о ее работе печатались ежегодно, как правило, они не содержат подробных сведений, но передают общую атмосферу и существующий спрос на товары. Так, в конце ноября 1909 г. была опубликована следующая информация: «Благодаря выпавшему снегу и установившемуся санному пути, омская Введенская ярмарка несколько оживилась. Появились с окрестных деревень и из-за Иртыша приезжие крестьяне. Однако, сравнительно с прежними годами, ярмарка протекает очень слабо» [49].

Летняя Куяндинская ярмарка была крупнейшей в Семипалатинской области, она проходила ежегодно с 1 июня по 1 июля. Информировав об очередном ее открытии, в периодической печати в 1912 г. отмечалось, что ярмарка действует уже 52 года и отличается крупными торговыми операциями. Главным предметом торговли был крупнорогатый скот, бараны и лошади, основными поставщиками являлись семиреченцы, а покупателями – крупные скотопромышленники из Омска, Петропавловска, Ново-Николаевска, Томска. При этом жители Семиреченской области, продавая скот, закупали мануфактурные товары у омских, семипалатинских и петропавловских отделений московских фирм [50]. В таких городах Степного края, как Омск и Петропавловск, после начала эксплуатации железной дороги больших размеров достигли обороты стационарной торговли (магазинов, складов, лавок и т.п.). Но в то же время доставка товаров на значительные расстояния обходилась дорого, поэтому ярмарочная торговля в казахской степи сохраняла свое значение. Так, в середине 1890-х гг. обороты всех ярмарок Семипалатинской области составляли 2,5 млн руб., а в начале XX в. оборот только Куяндинской ярмарки составлял более 3 млн руб. [12. С. 48]. Посредством ярмарок создавались условия для формирования предпринимательства в сельскохозяйственной сфере. Но в силу региональной специфики они также способствовали сохранению традиционных отношений в социально-экономической сфере [11. С. 226].

После окончания очередной ярмарки в печати могли подводиться ее итоги. В декабре 1913 г. отмечалось, что завершившаяся омская ярмарка, по мнению коммерсантов, является неудачной, так как торговцев приехало много, а «спрос на товары, кроме сырья и кож, был крайне незначительный» [51]. Тем не менее стоит отметить, что роль ярмарок в это время постепенно начинает снижаться, значение же постоянной торговли, напротив, повышалось, и данную тенденцию мы можем проследить в материалах периодической печати.

В начале XX в. в Степном крае активно развивалась банковская сфера. В омской прессе, как правило, публиковалась информация об открытии новых отделений банков, без указания каких-либо подробных сведений. Основные обороты в банковской сфере приходились на Омск, тем не менее, и в других городах этот процесс развивался достаточно интенсивно. Так, по сообщениям печати, в 1909 г. Министерство финансов разрешило открыть в Акмолинске отделение Сибирского торгового банка, а в Семипалатинске – Русского для внешней торговли банка [52]. Однако в адрес-календарях Семипалатинска с 1910 г. сведений о наличии таковых учреждений не имеется.

Во всеподданнейшем отчете за 1913 г. генерал-губернатор Е.О. Шмит отмечал, что еще 10 лет назад в степных областях насчитывалось всего 6 отделений банков, и такого количества вполне было достаточно. Но по мере оживления торгово-промышленной жизни края стали постепенно открываться новые, и по состоянию на 1913 г. банковских отделений было уже 19. В отчете генерал-губернатора Степного края ука-

зывалось, что обороты в этой сфере с каждым годом увеличивались. В частности, с 1910 по 1912 г. суммарный оборот всех банков вырос с 1,7 до 2,3 млрд руб. в год [53. С. 17–18]. Одной из проблем развития банков как кредитных учреждений назывался неплатеж по векселям, который за 1910–1912 гг. только по Омску достиг 5 млн руб. [53. С. 19].

Вопросы несостоятельности получили отражение и в периодической печати. На страницах газет можно встретить информацию о публичных торгах в связи с неплатежеспособностью заемщиков: «Петропавловский городской общественный банк сим объявляет, что в правлении оно в 12 часов дня 19 февраля 1913 г. за невзнос причитающихся банку платежей будет продаваться с публичного торга состоящее в залоге банка недвижимое имущество, принадлежащее подполковнику Борису Александровичу Оссовскому» [54] (в 1902–1906 гг. каркаралинский, с 1906 и до момента смерти в 1916 г. – петропавловский уездный начальник [55. С. 272, 274, 325]).

В местной печати широко характеризовалось текущее состояние цен на местных рынках, давалась оценка качества продаваемых продуктов. Подобные сведения в газете «Омский вестник» публиковались в рубриках «Наш край», «Местная жизнь», «Хроника», в которых встречается информация как по Степному краю в целом, так и по отдельным населенным пунктам Сибири. Используя показатели за разные периоды, можно наглядно проследить динамику цен на местных рынках. Заметки в периодической печати способны передать также и особую атмосферу времени – обывательскую реакцию на состояние рынка: «Вот уже третий день как цены на сахар поднялись до 19 к.[опеек] за фунт. Чем объясняется подобный рост <...> торговцы не говорят, только прибавляют и прибавляют» [56].

Часть публикаций посвящена развитию маслоделия в Степном крае, освещению деятельности экспортеров сибирского масла, обсуждавших актуальные проблемы отрасли. В ноябре 1909 г. была представлена характеристика омского масляного рынка, где отмечены благоприятные условия производства в текущем году. В то же время обращалось внимание на проблемы экспорта, во многом связанные с обмелением Иртыша и Оби. В результате навигация в Семипалатинске прекратилась 27 сентября, а в Барнауле 1 октября. Много вопросов возникало при транспортировке масла по железной дороге, серьезной проблемой был недостаток льда: «Масло в пути портилось настолько сильно, что отправленный первый сорт прибывал к месту назначения 2 или даже 3 сортом». В результате в заграничных центрах образовались большие запасы продукции названных сортов, спрос на него снизился из-за большого предложения. В публикациях указывался круг потребителей, в частности, сибирское масло покупали Дания и Германия, первые сорта которого пользовались большой популярностью [57]. Степной генерал-губернатор Е.О. Шмит отмечал важность маслоделия в торгово-промышленном развитии края. В отчете за 1910 г. он указывал, что только в Омске экспортом масла зани-

мается около 50 контор. Ежегодно в различные регионы отправлялись миллионы пудов продукции [58. С. 19–20]. Неудивительно, что освещение вопросов, связанных с развитием маслодельной промышленности в Степном крае, было актуальным, и данная информация пользовалась интересом у читателей.

В публикации «Что мы едим?» обращалось внимание на факты фальсификации пищевых продуктов на центральном рынке города Омска: «... сметана продается с примесью муки и отваренного молока, молоко – с примесью воды, коровье масло – коковара и маргарина». В статье обращалось внимание на необходимость со стороны врачебно-санитарной комиссии принять решительные меры для борьбы с фальсификацией, которая в отдельных случаях доходит до 60–70% [59]. Вопросы о качестве мяса, сметаны и другой сельскохозяйственной продукции регулярно обсуждались в омской прессе. Например, отмечалось, что некоторые приезжие крестьяне продавали на рынке молоко и масло с примесями. Так, в одной публикации говорилось о торговле маслом с добавлением творога, при разрезании ножом наблюдалась рыхлость, не свойственная продукту, но при продаже в замороженном состоянии покупатель этого заметить не может [60]. В октябре 1913 г. отмечалось, что при перевозке коровьего масла имели место случаи, когда на некоторых станциях Сибирской железной дороги под видом топленого масла предьявлялся для отправления суррогат с примесью кокосового масла [61]. Для торговли и транспортировки мяса и масла большое значение имели условия хранения, в печати встречается информация о необходимости урегулирования этого серьезного вопроса. В одной из публикаций отмечалось, что для решения этой проблемы Петропавловское городское управление совместно с биржевым комитетом возбудило ходатайство об устройстве в городе холодильника на средства казны [62].

Кроме характеристики сельскохозяйственной продукции изредка встречаются сведения о качестве других товаров. Например, в одном из номеров «Омского телеграфа» отмечалось, что в городе даже в порядочных магазинах сложно купить короткую детскую обувь: «Цены берут высокие, а обувь отпускают с картонными подметками и стельками на клею. Бывали случаи, особенно осенью при сырой погоде, что купленные башмаки или сапожки, стоящие 2–4 руб., расползались в день покупки» [63].

Наряду с темами, посвященными развитию земледелия, промышленности, торговли, банковской сферы, на страницах газет активно обсуждались социальные проблемы. Так, в печати можно встретить сведения о положении рабочих в отдельных сферах, размере их заработка, бытовых условиях. В одной из публикаций за 1909 г. обращалось внимание на безработицу в Омске: «Число безработных у нас с каждым днем все увеличивается, на бирже труда ежедневно толпится от 150 до 200 мужчин и женщин, желающих работать. Приехавшего нанять работника обступает несколько десятков человек. Начинается продажа рабочей силы. Один просит за нее 10 руб. в месяц, другой 7 и, наконец, находится такой, что идет в работ-

ники за 3 руб. в месяц, дабы не умереть с голоду» [64]. В газете «Омский телеграф» в декабре 1911 г. указывалась, что в рабочей среде ситуация еще более усугублялась в зимнее время, когда «без гроша денег, в грязной, холодной одежде, предлагающие свой мускульный труд рабочие не находят на него спроса» [65]. Кроме того, в это же время много нищенствующих крестьян также шли в город в поисках заработка. В публикации с сожалением указывалось, что подобное положение вещей никого не беспокоит, помощь не оказывается и ситуация регулярно повторяется.

В 1910 г. в «Омском вестнике» была серия публикаций, посвященных положению представителей ряда профессий. Так, при характеристике местной водозной промышленности обращалось внимание на то, что рабочий день начинается в 3–4 утра, заканчивается в 16–17 часов без каких либо перерывов. Кроме развоза воды, они обязаны заботиться о лошадях, упряжи и телеге, поэтому часто вынуждены работать по 14–15 часов в сутки. При этом заработная плата этих рабочих не превышала 7–10 руб. в месяц, общее положение их характеризовалось как «крайне незавидное» [66]. В печати можно встретить жалобы жителей на качество доставляемой водовозами воды. В другом номере «Омского вестника» приводятся сведения о положении рабочих в строительном деле, а также обращено внимание на использование в данной сфере женского труда. В публикации отмечалось, что в строительстве за сезон можно заработать от 100 до 200 руб., в день от 60–80 коп., продолжительность рабочего дня около 10,5 часов [67].

В другом номере акцентировалось внимание на традиционно усиливающуюся к зиме общую безработицу, особенно тяжело отражавшуюся на положении пильщиков, с которыми могли конкурировать любые безработные. Зарботная плата у этой категории рабочих была сдельная – 65–70 коп. с сажени дров, и самый здоровый пильщик не мог заработать больше 90 коп. – 1 руб. 20 коп. в день [68]. Подчеркивалась экономическая угнетенность городской бедноты: «Все неприступно дорого. Начиная с муки и кончая мясом. Не смотря на отличные виды на урожай, наши... торговцы мукой не спешат с понижением цен. Кабала мясников известна. Они не довольствуются 10–15 процентами, наживая 100. Обыватель гнется, но платит» [69].

Также в анализируемых периодических изданиях изредка можно встретить сведения об условиях труда рабочих, о проведении контроля со стороны местной администрации. В июле 1908 г. по распоряжению Акмолинского губернатора В.С. Лосевского санитарные комиссии (в составе представителей областного правления, города, военного и врачебного ведомств) проводили осмотр всех мастерских, фабрик и заводов Омска с целью улучшения санитарного состояния этих заведений [70]. В отдельные годы в местных газетах встречаются статистические сведения о состоянии промышленности и торговли в областях Степного края. По данным, опубликованным в прессе, в Акмолинской области действовало 1 158 фабрик и заводов, на которых было занято более 5 600 человек. Отмеча-

лось, что основной продукцией, производимой на данных предприятиях, являлась мука [71]. В прессе отражались сведения об открытии новых производств, ориентированных как на продовольственную, так и на промышленную продукцию. Приводились характеристики предприятий. Так, «Омский вестник» в июне 1912 г., сообщая о начале работы в Омске кирпичного завода, давал описание его оборудования. В заметке отмечалось, что пока предприятие занимается только выработкой сырца и работать на полную мощность начнет только через месяц [72].

В начале XX в. Степном крае активизировалось кооперативное движение, что также нашло отражение в местных изданиях. Наряду с маслодельными артелями получили распространение кредитные товарищества. Изменения в социально-экономической сфере требовали создания эффективной системы кредита, необходимого для успешного развития торговли и сельского хозяйства. В крестьянской среде мелкий кредит играл важную роль, что связано как с общим экономическим положением, так и с неблагоприятными природно-климатическими условиями. Кредитное товарищество позволяло участникам за относительно небольшой процент брать деньги в займы, особенно важна их деятельность была в весенне-осенний период. В Семипалатинской области такие финансовые организации появились в 1906 г., а к концу 1913 г. их насчитывалось уже 41 [16. С. 114]. Вопросы развития сельской кооперации в периодической печати представлены фрагментарно и в основном связаны с публикацией сведений об открытии или прекращении деятельности. Так, в 1910 г. крестьяне Семипалатинской области организовали 4 кредитных товарищества в Павлодарском и Усть-Каменогорском уездах. Основным капиталом для них стала первоначальная ссуда, выданная под круговую ответственность товарищей Семипалатинским областным комитетом по делам мелкого кредита, с условием возврата частями начиная с пятого года действия [73].

Ключевые сведения по исследуемому вопросу, выявленные нами в периодике Степного края, для удобства анализа и обобщенного восприятия представлены ниже в табличном виде (табл. 3).

Таблица 3

Видовая динамика публикаций на тему социально-экономического развития Степного края в газетах данного региона за 1909, 1911 и 1914 гг. (март–август)

Издания	«Омский телеграф»			«Омский вестник»		
	1909	1911	1914	1909	1911	1914
Период						
Тематика публикаций	Количество публикаций					
Развитие сельского хозяйства	35	47	66	32	45	41
Торговля	50	37	52	47	40	48
Политика переселения	63	26	42	42	39	17
Промышленность	19	26	53	35	18	25
Кредитно-банковская сфера	24	16	18	11	16	18

В публикациях исследуемого периода по социально-экономической проблематике на первом месте

находятся сведения, посвященные ситуации в торговой сфере (деятельность ярмарок, рынков, вопросы ценовой политики и т.п.). В частности, если за основу взять выявленные в количественном отношении данные за 6 месяцев 1909 г., 1911 г. и 1914 г. («Омский телеграф», «Омский вестник»), то из 1 048 заметок 274 имеют прямое отношение к данной сфере. На втором месте находятся материалы, связанные с развитием сельского хозяйства, – 266, на третьем – с политикой переселения – 229. Довольно много публикаций, дающих представление о состоянии промышленности и банковской сферы, – 176 и 103 заметок соответственно. При этом мы наблюдаем как увеличение, так и снижение интереса к той или иной сфере, что может быть связано с уменьшением актуальности проблемы (переселение), закрытостью данных в государственных или коммерческих целях (деятельность банков), отсутствием информационного повода и т.п.

Большая часть сведений, отражающих проблемы социально-экономического развития Степного края, в газете «Акмолинские областные ведомости» представлена объявлениями о проведении торгов по продаже просроченных вещей, проводимых Омским городским ломбардом и другими организациями, ведомостями о ходе эпизоотий домашних животных, обязательными постановлениями о ветеринарно-полицейских мерах, сметами доходов и расходов городов Акмолинской области, данными о составе и численности населения (см. напр.: [74–76]). Обнаружение в издании статистических сведений, получаемых из отделений Акмолинского областного управления, было обусловлено спецификой содержания газеты и наличием в ней официальной и неофициальной частей. В связи с этим данные публикации стоят особняком и практически отсутствуют в других изданиях. В тоже время подобная ситуация характерна не для всей официальной периодической печати. Исследователь В.В. Шевцов в процессе анализа информационного потенциала «Томских губернских ведомостей» отмечает, что в неофициальной части газеты присутствовали сведения по переселенческим вопросам, данные о распространении сельскохозяйственных знаний среди крестьян и деятельности кредитных и потребительных кооперативов [1. С. 562].

При обращении к отчетам генерал-губернаторов Степного края мы видим, что там наиболее полно представлены вопросы переселения, развития сельского хозяйства, торговли и промышленности (см. напр.: [18]), что в целом соответствует тематике исследуемых периодических изданий в социально-экономической сфере.

Выводы и дискуссия. Региональные периодические издания позволяют составить общую картину социально-экономической жизни Степного края в предреволюционные годы, ставшие последним всплеском рыночной и хозяйственной активности. На основе анализа публикаций прессы можно выделить главные тенденции и актуальные проблемы, оказывавшие влияние на положение дел в сельском хозяйстве, финансово-банковском секторе, торговле и промышленности. Эта информация представлена практи-

чески в каждом номере анализируемых изданий. Но специальные рубрики в газетах, освещающие данную тему, появились не сразу или же вовсе отсутствовали, представляя эту проблематику в хрониках местной жизни и объявлениях.

Для исследователя при анализе по периодике отдельных вопросов социально-экономической жизни отрицательными факторами являются небольшой объем газетных публикаций и отрывочность сведений. Следует отметить, что основная задача большинства заметок – оперативно донести до читателя актуальную информацию, поэтому проследить решение той или иной проблемы на основе периодической печати не всегда представляется возможным. Достаточно емкие и лаконичные материалы передают особое отношение авторов к описываемым событиям, содержат элементы сопереживания или, напротив, критики, создавая определенные условия для восприятия. Но такие субъективные взгляды обладают достаточной степенью достоверности: с одной стороны, отражают тенденцию экономического роста Степного края в исследуемый период, а с другой – делают акцент на насущные для определенного времени проблемы (ценовая политика, состояние рынка, условия труда и т.п.). Большая часть публикуемой информации связана с Омском, что вполне объяснимо: город являлся центром Степного края и именно там находились многие учреждения, задававшие ритм социально-экономического развития.

В освещении периодикой социально-экономического развития Степного края в 1907–1914 гг. имели место «информационные перекосы». Так, довольно широко представлена информация о развитии маслодельной промышленности, о качестве товаров, продаваемых на местных рынках и ярмарках, о возникающих проблемах в сельскохозяйственной сфере (неурожай, засуха), о подготовке и проведении Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки, о работе съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Сибири, Степного края и Зауралья. Гораздо реже встречаются заметки о состоянии банковской сферы, кредитных организаций, деятельности местных заводов. Очевидно, это обусловлено тем, что

издания при выборе материалов ориентировались на интересы основной массы населения края, обращая внимание на состояние местной торговли, динамику цен, ситуацию в сельском хозяйстве.

Подобная избирательность присуща и официальным документам. Например, в отчетах степных генерал-губернаторов этого периода в разделах, связанных с социально-экономической сферой, освещались только актуальные вопросы, давалась характеристика политике переселения, оценивались перспективы развития маслоделия, банковской сферы и т.п. Вместе с тем, учитывая очевидную официальную ориентацию газет, стоит помнить о том, что на их страницах публикации подлежали далеко не все сведения. Логичным исключением и объектом действия цензуры становились материалы, как-либо компрометирующие власть с экономических позиций (например, недостатки текущих реформ, рабочий вопрос, критика в адрес коммерсантов и др.) [77. С. 18]. Поэтому анализ газет дает о региональной экономике колоритные, но далеко не исчерпывающие представления, обретение каких-либо возможно лишь при обязательном соотношении материалов прессы с иными источниками (прежде всего, делопроизводством, эго-документами и др.).

В заключение дополнительно отметим, что осмысление социально-экономических процессов, имевших место в семилетие между Первой русской революцией и Первой мировой войной, обретает значимость и для трактовок последующих событий. Порожденный политической нестабильностью общероссийский кризис всех сфер, стремительно возраставший в 1914–1917 гг., дезорганизовал, а в ряде случаев и разрушил отлаженные за годы торговые и хозяйственные связи [78. С. 49]. За относительно непродолжительный период это привело экономику и снабжение региона от разовых сбоев к коллапсу. При этом нерешенные противоречия, остававшиеся в Степном крае накануне Гражданской войны, наряду с острыми межэтническими отношениями (см. подр.: [79. С. 157–169]), стали факторами, активно формировавшими политические предпочтения на основе социально-экономического расслоения, ведя к ожесточению бра-тоубийственного противостояния.

Список источников

1. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : ТГУ, 2016. 622 с.
2. Шайдуров В.Н. Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88–92.
3. Жеравина А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). Томск : ТГУ, 2010. 402 с.
4. Сулягина О.А. Социокультурный облик сибирского купечества второй половины XIX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 338. С. 105–107.
5. Гефнер О.В. Образ армии в периодической печати Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 76–80.
6. Шевцов В.В. Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. Т. 92, № 3. С. 92–99.
7. Адоньева И.Г. Местная периодическая печать как инструмент коммуникации сибирского общества и судебной власти в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 56–59.
8. Кискидосова Т.А. «Есть город золотой...»: повседневная жизнь Енисейска на страницах сибирских газет во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 109–113. doi: 10.17223/15617793/421/16
9. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожанок Восточной Сибири на страницах региональной периодической печати второй половины XIX в. // Исторический курьер. 2019. № 3. С. 178–189.
10. Ткачев В.В. Сибирская периодическая печать о художественной жизни в Иркутской губернии в начале XX века // Исторический курьер. 2021. № 2. С. 178–183.

11. Щеглова Т.К. Территориальное развитие торговой инфраструктуры Западной Сибири и Степного края в период капиталистической модернизации: традиции и новации в размещении ярмарок в начале XX века // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв. : сб. материалов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. С. 218–232.
12. Толочко А.П. Омск в истории русско-казахских экономических, культурных и общественных связей (конец XIX – начало XX в.). Омск : ОмГУ, 2010. 176 с.
13. Тарасова Е.В. Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4–2. С. 203–206. doi: 10.14258/izvasu(2013)4.2-40
14. Блинова О.В. Специфика формирования и исследовательской деятельности Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества в Степном крае в последней четверти XIX – начале XX в. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2013. № 18. С. 181–189.
15. Блинова О.В. Специфика социокультурного облика учительства этноконфессиональных школ Западно-Сибирского учебного округа (1880–1914 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2014. № 19. С. 88–97.
16. Скопа В.А. Организация и деятельность кредитных товариществ в переселенческих районах Степного края в начале XX в. (на материалах Семипалатинской области) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5. С. 113–116.
17. Ермакбай Ж.А. Сибирская администрация и казахи (20-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 37–43.
18. Гермизеева В.В., Глазунова Т.В. Отражение проблем социально-экономического развития Степного края в отчетах генерал-губернаторов в начале XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 5. С. 27–31. doi: 10.30853/manuscript.2019.5.4
19. Гермизеева В.В. Введение института крестьянских начальников в Степном крае в начале XX века // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 16–20. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-16-20
20. Абселемов С.А. Казахстанский сегмент советской историографии аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в.: факторы генезиса и эволюции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 60–66. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-60-66
21. Кротт И.И. Конфликтное поведение в сельском сообществе Сибири: сельскохозяйственные предприниматели и «киргизское население» в условиях социокультурных трансформаций конца XIX – начала XX в. // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 4. С. 45–50. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-45-50
22. Иванов Е.П. Межэтнические отношения в Степном крае в XIX – начале XX века на страницах периодической печати // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 48–54. doi: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-48-54
23. Гермизеева В.В. Генерал-губернаторы Степного края (1882–1917) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 66–72. doi: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72
24. Иванов Е.П. Развитие товарно-денежных отношений в Степном крае в XIX веке в отражении российской периодической печати // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 25–30. doi: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-25-30
25. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов: реконструкция биографии омского социал-демократа // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 3. С. 168–182. doi: 10.25513/2312-1300.2018.3.168-182
26. Дмитриенко Н.Н. Газетный мир Омской области (1871–1996 гг.) // Четвертые Макушинские чтения (Омск, 7 мая 1997 г.). Новосибирск : ГИИТБ СО РАН, 1997. С. 116–119.
27. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1. Д. 492.
28. Движение переселенцев // Омский телеграф (Омск). 1909. 27 февраля. № 45.
29. Корреспонденция // Омский телеграф (Омск). 1911. 12 ноября. № 241.
30. «Нужда учит калачи есть» (Из жизни киргиз) // Омский вестник (Омск). 1911. 15 июля. № 151.
31. Высокие цены на коров и кобылиц // Омский вестник (Омск). 1912. 11 мая. № 103.
32. Уход киргиз из аулов на заработки // Омский вестник (Омск). 1912. 7 июня. № 124.
33. Борьба с кобылкой // Омский вестник (Омск). 1912. 9 мая. № 102.
34. Омский биржевой комитет в 1907 г. // Омский телеграф (Омск). 1908. 19 июня. № 132.
35. Омская биржа // Омский вестник (Омск). 1909. 17 ноября. № 185.
36. Свежие фрукты // Омский телеграф (Омск). 1908. 19 июня. № 132.
37. Вести из степи // Омский вестник (Омск). 1909. 20 ноября. № 188.
38. К падению цен на скотину // Омский телеграф (Омск). 1911. 14 октября. № 218.
39. Торговля // Омский телеграф (Омск). 1913. 9 октября. № 215.
40. Первый съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства // Омский вестник (Омск). 1912. 17 мая. № 107.
41. Совещание о перевозке скота и мяса // Омский вестник (Омск). 1912. 14 июня. № 130.
42. В кустарном комитете // Омский вестник (Омск). 1913. 6 декабря. № 261.
43. Переселенческое дело на выставке // Омский вестник (Омск). 1911. 16 июля. № 152.
44. Всеподданнейший отчет Степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1911. 24 с.
45. К ликвидации выставочных дел // Омский телеграф (Омск). 1911. 13 октября. № 217.
46. Обзор Акмолинской области за 1914 г. Омск : Изд-е Акмолинского обл. стат. комитета, 1915. 140 с.
47. Объявления // Акмолинские областные ведомости. 1907. 31 января. № 5.
48. Краткие сведения // Омский телеграф (Омск). 1907. 27 ноября. № 115.
49. С Введенской ярмарки // Омский вестник (Омск). 1909. 21 ноября. № 189.
50. Куяндинская ярмарка // Омский вестник (Омск). 1912. 10 июня. № 127.
51. На ярмарке // Омский вестник (Омск). 1913. 4 декабря. № 259.
52. Министерство финансов // Омский вестник (Омск). 1909. 4 июня. № 57.
53. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1913. 30 с.
54. Объявления // Акмолинские областные ведомости. 1913. 16 января. № 3.
55. Ефремова Ю.Н., Осовский А.В. Осовские герба Долэнга. XVII–XXI вв. Омск : Омскбланкиздат, 2019. 500 с.
56. Цены растут // Омский вестник (Омск). 1909. 6 июня. № 59.
57. К положению омского масляного рынка // Омский телеграф (Омск). 1909. 4 ноября. № 233.
58. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1910. 30 с.
59. Что мы едим? // Омский вестник (Омск). 1912. 10 июня. № 127.
60. Примесь к маслу // Омский телеграф (Омск). 1911. 31 декабря. № 277.
61. Перевозка масла // Омский телеграф (Омск). 1913. 17 октября. № 222.
62. К устройству холодильника // Омский телеграф (Омск). 1913. 27 октября. № 229.
63. Хроника // Омский телеграф (Омск). 1907. 29 октября. № 117.

64. Безработица // Омский телеграф (Омск). 1909. 16 апреля. № 80.
65. Рабочая жизнь // Омский телеграф (Омск). 1911. 14 декабря. № 265.
66. Положение водовозных рабочих // Омский вестник (Омск). 1910. 12 октября. № 219.
67. Строительный сезон // Омский вестник (Омск). 1910. 10 октября. № 218.
68. Положение пильщиков // Омский вестник (Омск). 1910. 13 октября. № 220.
69. Злободневные картинки // Омский вестник (Омск). 1912. 2 июня. № 120.
70. Осмотр фабрик и заводов // Омский телеграф (Омск). 1908. 4 июля. № 145.
71. Фабрики и заводы в Акмолинской области // Омский телеграф (Омск). 1911. 29 января. № 23.
72. Новый кирпичделательный завод // Омский вестник (Омск). 1912. 5 июня. № 122.
73. Кредитные товарищества // Омский телеграф (Омск). 1910. 28 октября. № 231.
74. Объявления // Акмолинские областные ведомости (Омск). 1912. 19 сентября. № 38.
75. Смета доходов города Петропавловска Акмолинской области на 1913 год // Акмолинские областные ведомости (Омск). 1913. 20 марта. № 12.
76. Состав населения Акмолинской области на 1 января 1913 года // Акмолинские областные ведомости (Омск). 1913. 19 июня. № 25.
77. Стельмак М.М. Константин Андреевич Попов и последняя провокация омских жандармов (январь 1917 года) // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 8–27. doi: 10.21638/11701/spbu24.2021.101
78. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920-е годы. 3-е изд. СПб.: СПбГУ, 2019. 312 с.
79. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2014. 376 с.

References

1. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Government Periodical Press of Siberia (Second half of the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Shaydurov, V.N. (2010) Everyday life of European communities in Western Siberia of late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 335. pp. 88–92. (In Russian).
3. Zheravina, A.N. (2010) *Tomsk vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam dorevolutsionnoy pechati)* [Tomsk in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. (Based on the materials of the pre-revolutionary press)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Sutyagina, O.A. (2010) Social-cultural image of the Siberian merchant class in the second half of the 19th century (using periodicals materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 338. pp. 105–107. (In Russian).
5. Gefner, O.V. (2011) *Obraz armii v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [The image of the army in the periodical press of Western Siberia (the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 3. pp. 76–80.
6. Shevtsov, V.V. (2011) *Obraz Sibiri na stranitsakh ofitsial'noy i chastnoy dorevolutsionnoy pechati* [The image of Siberia on the pages of the official and private pre-revolutionary press]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 3 (92). pp. 92–99.
7. Adon'eva, I.G. (2012) *Mestnaya periodicheskaya pechat' kak instrument kommunikatsii sibirskogo obshchestva i sudebnoy vlasti v kontse XIX – nachale XX v.* [Local periodicals as an instrument of communication between the Siberian society and the judiciary in the late 19th – early 20th centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 56–59.
8. Kiskidosova, T.A. (2017) *There is a Golden Town ...": everyday life of Yeniseisk on pages of Siberian newspapers of the second half of the 19th – early 20th centuries.* *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 109–113. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/16
9. Kiskidosova, T.A. (2019) *Povsednevnyaya zhizn' gorozhanok Vostochnoy Sibiri na stranitsakh regional'noy periodicheskoy pechati vtoroy poloviny XIX v.* [Everyday life of the townspeople of Eastern Siberia on the pages of the regional periodical press of the second half of the 19th century]. *Istoricheskiy kur'er*. 3. pp. 178–189.
10. Tkachev, V.V. (2021) *Sibirskaya periodicheskaya pechat' o khudozhestvennoy zhizni v Irkutskoy gubernii v nachale XX veka* [Siberian periodicals about artistic life in the Irkutsk province at the beginning of the 20th century]. *Istoricheskiy kur'er*. 2. pp. 178–183.
11. Shcheglova, T.K. (2003) [Territorial development of the trade infrastructure of Western Siberia and Stepnoy Krai during the period of capitalist modernization: traditions and innovations in the placement of fairs at the beginning of the 20th century]. *Sibirskoe obshchestvo v kontekste modernizatsii. XVIII–XX vv.* [Siberian society in the context of modernization. 18th–20th centuries]. Proceedings of the All-Russian Conference. Novosibirsk. 22–23 September. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 218–232. (In Russian).
12. Tolochko, A.P. (2010) *Omsk v istorii russko-kazakhskikh ekonomicheskikh, kul'turnykh i obshchestvennykh svyazey (konets XIX – nachalo XX v.)* [Omsk in the History of Russian-Kazakh Economic, Cultural and Social Relations (Late 19th – Early 20th Centuries)]. Omsk: Omsk State University.
13. Tarasova, E.V. (2013) *Vliyaniye pereselencheskogo dvizheniya na zemel'nye otnosheniya v Stepnom krae i Turkestane v kontse XIX – nachale XX v.* [The influence of the resettlement movement on land relations in Stepnoy Krai and Turkestan in the late 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2. pp. 203–206. DOI: 10.14258/izvasu(2013)4.2-40
14. Blinova, O.V. (2013) *Spetsifika formirovaniya i issledovatel'skoy deyatel'nosti Zapadno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v Stepnom krae v posledney chetverti XIX – nachale XX v.* [The specifics of the formation and research activities of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in Stepnoy Krai in the last quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 18. pp. 181–189.
15. Blinova, O.V. (2014) *Spetsifika sotsiokul'turnogo oblika uchitel'stva etnokonfessional'nykh shkol Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga (1880–1914 gg.)* [The specifics of the socio-cultural image of teaching in ethno-confessional schools of the West Siberian educational district (1880–1914)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 19. pp. 88–97.
16. Skopa, V.A. (2017) *Organizatsiya i deyatel'nost' kreditnykh tovarishchestv v pereselencheskikh rayonakh Stepnogo kraya v nachale XX v. (na materialakh Semipalatinskoy oblasti)* [Organization and activities of credit partnerships in the resettlement areas of Stepnoy Krai at the beginning of the 20th century (on the materials of Semipalatinsk Oblast)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 113–116.
17. Ermekbay, Zh.A. (2017) *Sibirskaya administratsiya i kazakhi (20-e gg. XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Siberian administration and Kazakhs (1820s – 1920s)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 21. pp. 37–43.
18. Germizeeva, V.V. & Glazunova, T.V. (2019) *Otrazhenie problem sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Stepnogo kraya v otchetakh general-gubernatorov v nachale XX veka* [Reflection of the problems of socio-economic development of Stepnoy Krai in the reports of governors-general at the beginning of the 20th century]. *Manuskript*. 5 (12). pp. 27–31. DOI: 10.30853/manuskript.2019.5.4
19. Germizeeva, V.V. (2019) *Vvedeniye instituta krest'yanskikh nachal'nikov v Stepnom krae v nachale XX veka* [Introduction of the Institute of Peasant Chiefs in Stepnoy Krai at the Beginning of the 20th Century]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 1 (4). pp. 16–20. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-16-20
20. Abseleymov, S.A. (2019) *Kazakhstanskiy segment sovetskoy istoriografii agrarnoy kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: faktory genezisa i evolyutsii* [Kazakh segment of the Soviet historiography of the agrarian colonization of Stepnoy Krai in the second half of the 19th – early 20th centuries: factors of genesis and evolution]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 3

- (4). pp. 60–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-3-60-66
21. Krott, I.I. (2019) Konfliktnoe povedenie v sel'skom soobshchestve Sibiri: sel'skokhozyaystvennye predprinimateli i "kirgizskoe naselenie" v usloviyakh sotsiokul'turnykh transformatsiy kontsa XIX – nachala XX v. [Conflict behavior in the rural community of Siberia: agricultural entrepreneurs and the "Kyrgyz Population" in the conditions of sociocultural transformations in the late 19th – early 20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 4 (4). pp. 45–50. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-4-45-50
 22. Ivanov, E.P. (2020) Mezhetnicheskije otnosheniya v Stepnom krae v XIX – nachale XX veka na stranitsakh periodicheskoy pechati [Interethnic relations in Stepnoy Krai in the 19th – early 20th centuries on the pages of the periodical press]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2 (5). pp. 48–54. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-48-54
 23. Germizeeva, V.V. (2020) General-gubernatory Stepnogo kraya (1882–1917) [Governor-Generals of Stepnoy Krai (1882–1917)]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 2 (5). pp. 66–72. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-66-72
 24. Ivanov, E.P. (2020) Razvitiye tovarno-denezhnykh otnosheniy v Stepnom krae v XIX veke v otrazhenii rossiysskoy periodicheskoy pechati [Development of commodity-money relations in Stepnoy Krai in the 19th century in the reflection of the Russian periodical press]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 4 (5). pp. 25–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-4-25-30
 25. Stel'mak, M.M. (2018) Konstantin Andreevich Popov: rekonstruktsiya biografii omskogo sotsial-demokrata [Konstantin Andreevich Popov: reconstruction of the biography of the Omsk Social Democrat]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 3. pp. 168–182. DOI: 10.25513/2312-1300.2018.3.168-182
 26. Dmitrienko, N.N. (1997) [Newspaper world of Omsk Oblast (1871–1996)]. *Proceedings of the 4th Makushin Readings*. Omsk. 7 May 1997. Novosibirsk: State Public Scientific and Technological Library SB RAS. pp. 116–119. (In Russian).
 27. *State Archive of the Russian Federation*. Fund 543. List 1. File 492. (In Russian).
 28. *Omskiy telegraf*. (1909) Dvizhenie pereselentsev [Movement of settlers]. *Omskiy telegraf*. 27 February.
 29. *Omskiy telegraf*. (1911) Korrespondentsiya [Correspondence]. *Omskiy telegraf*. 12 November.
 30. *Omskiy vestnik*. (1911) "Nuzhda učit kalachi est'" (Iz zhizni kirgiz) ["Need teaches to eat kalaches" (From the life of the Kyrgyz)]. *Omskiy vestnik*. 15 July.
 31. *Omskiy vestnik*. (1912) Vysokie tseny na korov i kobylits [High prices for cows and mares]. *Omskiy vestnik*. 11 May.
 32. *Omskiy vestnik*. (1912) Ukhod kirgiz iz aulov na zarabotki [Departure of the Kyrgyz from auls to work]. *Omskiy vestnik*. 1912. 7 June.
 33. *Omskiy vestnik*. (1912) Bor'ba s kobylkoy [Fighting a filly]. *Omskiy vestnik*. 9 May.
 34. *Omskiy telegraf*. (1908) Omskiy birzhevoy komitet v 1907 g. [Omsk Stock Exchange Committee in 1907]. *Omskiy telegraf*. 19 June.
 35. *Omskiy vestnik*. (1909) Omskaya birzha [Omsk Stock Exchange]. *Omskiy vestnik*. 17 November.
 36. *Omskiy telegraf*. (1908) Svezhie frukty [Fresh fruit]. *Omskiy telegraf*. 19 June.
 37. *Omskiy vestnik*. (1909) Vesti iz stepi [News from the steppe]. *Omskiy vestnik*. 20 November.
 38. *Omskiy telegraf*. (1911) K padeniyu tsen na skotinu [To the fall in prices for cattle]. *Omskiy telegraf*. 14 October.
 39. *Omskiy telegraf*. (1913) Torgovlya [Trade]. *Omskiy telegraf*. 9 October.
 40. *Omskiy vestnik*. (1912) Pervyy s'ezd predstaviteley birzhevoy torgovli i sel'skogo khozyaystva [The first congress of representatives of exchange trade and agriculture]. *Omskiy vestnik*. 17 May.
 41. *Omskiy vestnik*. (1912) Soveshchanie o perezovzhe skota i myasa [Meeting on the transportation of livestock and meat]. *Omskiy vestnik*. 14 June.
 42. *Omskiy vestnik*. (1913) V kustarnom komitete [In the handicraft committee]. *Omskiy vestnik*. 6 December.
 43. *Omskiy vestnik*. (1911) Pereselencheskoe delo na vystavke [Resettlement at the exhibition]. *Omskiy vestnik*. 16 July.
 44. Shmit, E.O. (1911) *Vspoddanneyshiy otchet Stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoyanii i nuzhdakh Stepnogo kraya* [The Most Humble Report of the Steppe Governor-General, General of the Cavalry Shmit, on the Condition and Needs of Stepnoy Krai]. Omsk: [s.n.].
 45. *Omskiy telegraf*. (1911) K likvidatsii vystavochnykh del [To the elimination of exhibition files]. *Omskiy telegraf*. 13 October.
 46. Akmolinsk Oblast Statistics Committee. (1915) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1914 g.* [Overview of Akmolinsk Oblast for 1914]. Omsk: Akmolinsk Oblast Statistics Committee.
 47. Akmolinskie oblastnye vedomosti. (1907) Ob'yavleniya [Announcements]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 31 January.
 48. *Omskiy telegraf*. (1907) Kratkie svedeniya [Brief information]. *Omskiy telegraf*. 27 November.
 49. *Omskiy vestnik*. (1909) S Vvedenskoy yarmarki [From the Vvedensk fair]. *Omskiy vestnik*. 21 November.
 50. *Omskiy vestnik*. (1912) Kuyandinskaya yarmarka [Kuyandinsk fair]. *Omskiy vestnik*. 10 June.
 51. *Omskiy vestnik*. (1913) Na yarmarke [At the fair]. *Omskiy vestnik*. 4 December.
 52. *Omskiy vestnik*. (1909) Ministerstvo finansov [Ministry of Finance]. *Omskiy vestnik*. 4 June.
 53. Shmit, E.O. (1913) *Vspoddanneyshiy otchet stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoyanii i nuzhdakh Stepnogo kraya* [The Most Humble Report of the Steppe Governor-General, General of the Cavalry Shmit, on the Condition and Needs of Stepnoy Krai]. Omsk: [s.n.].
 54. Akmolinskie oblastnye vedomosti. (1913) Ob'yavleniya [Announcements]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 16 January.
 55. Efremova, Yu.N. & Ossovskiy, A.V. (2019) *Ossovskie gerba Dolenga. XVII–XXI vv.* [The Ossovskiys of the Dolega coat of arms. 17th–21th centuries]. Omsk: Omskblankizdat.
 56. *Omskiy vestnik*. (1909) Tseny rastut [Prices are rising]. *Omskiy vestnik*. 6 June.
 57. *Omskiy telegraf*. (1909) K polozheniyu omskogo maslyanogo rynka [To the position of the Omsk oil market]. *Omskiy telegraf*. 4 November.
 58. Shmit, E.O. (1910) *Vspoddanneyshiy otchet stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoyanii i nuzhdakh Stepnogo kraya* [The Most Humble Report of the Steppe Governor-General, General of the Cavalry Shmit, on the Condition and Needs of Stepnoy Krai]. Omsk: [s.n.].
 59. *Omskiy vestnik*. (1912) Chto my edim? [What do we eat?]. *Omskiy vestnik*. 10 June.
 60. *Omskiy telegraf*. (1911) Primes' k maslu [Admixture to oil]. *Omskiy telegraf*. 31 December.
 61. *Omskiy telegraf*. (1913) Perevozka masla [Transportation of oil]. *Omskiy telegraf*. 17 October.
 62. *Omskiy telegraf*. (1913) K ustroystvu kholodil'nika [To the device of the refrigerator]. *Omskiy telegraf*. 27 October.
 63. *Omskiy telegraf*. (1907) Khronika [Chronicle]. *Omskiy telegraf*. 29 October.
 64. *Omskiy telegraf*. (1909) Bezrabotitsa [Unemployment]. *Omskiy telegraf*. 16 April.
 65. *Omskiy telegraf*. (1911) Rabochaya zhizn' [Working life]. *Omskiy telegraf*. 14 December.
 66. *Omskiy vestnik*. (1910) Polozhenie vodovoznykh rabochikh [The situation of water-carrying workers]. *Omskiy vestnik*. 12 October.
 67. *Omskiy vestnik*. (1910) Stroitel'nyy sezon [Construction season]. *Omskiy vestnik*. 10 October.
 68. *Omskiy vestnik*. (1910) Polozhenie pil'shchikov [The position of the sawyers]. *Omskiy vestnik*. 13 October.
 69. *Omskiy vestnik*. (1912) Zlobodnevnyye kartinki [Topical pictures]. *Omskiy vestnik*. 2 June.
 70. *Omskiy telegraf*. (1908) Osmotr fabrik i zavodov [Inspection of factories and plants]. *Omskiy telegraf*. 4 July.
 71. *Omskiy telegraf*. (1911) Fabriki i zavody v Akmolinskoy oblasti [Factories and plants in Akmolinsk Oblast]. *Omskiy telegraf*. 29 January.
 72. *Omskiy vestnik*. (1912) Novyy kirpichedelatel'nyy zavod [New brick-making plant]. *Omskiy vestnik*. 5 June.
 73. *Omskiy telegraf*. (1910) Kreditnyye tovarishchestva [Credit partnerships]. *Omskiy telegraf*. 28 October.
 74. Akmolinskie oblastnye vedomosti. (1912) Ob'yavleniya [Announcements]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 19 September.

75. Akmolinskie oblastnye vedomosti. (1913) Smeta dokhodov goroda Petropavlovskaya Akmolinskoy oblasti na 1913 god [Estimated income of the city of Petropavlovsk, Akmolinsk Oblast for 1913]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 20 March.
76. Akmolinskie oblastnye vedomosti. (1913) Sostav naseleniya Akmolinskoy oblasti na 1 yanvarya 1913 goda [Composition of the population of the Akmolinsk Oblast on January 1, 1913]. *Akmolinskie oblastnye vedomosti*. 19 June.
77. Stef'mak, M.M. (2021) Konstantin Andreevich Popov i poslednyaya provokatsiya omskikh zhandarmov (yanvar' 1917 goda) [Konstantin Andreevich Popov and the last provocation of the Omsk gendarmes (January 1917)]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 1 (11). pp. 8–27. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.101
78. Khodyakov, M.V. (2019) *Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920-e gody* [Revolution and Civil War Money: 1917–1920s]. 3rd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
79. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [The Processes of Sovereignization of the Peoples of Siberia During the Civil War]. 2nd ed. Moscow: Lenand.

Информация об авторах:

Гермизеева В.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: vika-germ@mail.ru

Петин Д.И. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: dimario86@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.V. Germizeeva, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vika-germ@mail.ru

D.I. Petin, Cand. Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2022;
одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 23.05.2022;
approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 94(47)(470.342)"18"
doi: 10.17223/15617793/481/15

Особенности реализации миссионерской политики Русской православной церкви в отношении нерусских народов Вятской губернии во второй половине XIX в.

Дарья Александровна Калинина¹, Вера Александровна Криушина²

¹ Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия, kalininadarja@mail.ru

² Кировский государственный медицинский университет Минздрава России, Киров, Россия, vkriushina@inbox.ru

Аннотация. Дан обзор особенностей реализации одного из направлений миссионерской политики государства в условиях полиэтничной Вятской губернии. Определены основные направления государственной политики второй половины XIX в. в отношении нерусских неправославных народов. Выявлен пласт информации о религиозно-просветительской работе священнослужителей, направленной на укрепление положения Русской православной церкви среди иноверческого населения губернии.

Ключевые слова: конфессиональная политика, миссионерская деятельность, иноверцы, Вятская губерния, Вятские епархиальные ведомости

Для цитирования: Калинина Д.А., Криушина В.А. Особенности реализации миссионерской политики Русской православной церкви в отношении нерусских народов Вятской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 127–133. doi: 10.17223/15617793/481/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/15

Features of implementing the Russian Orthodox Church's missionary policy towards the non-Russian peoples of Vyatka Province in the second half of the 19th century

Daria A. Kalinina¹, Vera A. Kriushina²

¹ Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University, Kirov, Russian Federation, kalininadarja@mail.ru

² Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation, vkriushina@inbox.ru

Abstract. The article aims to single out and analyse the missionary activities of the Orthodox clergy of Vyatka Province in the second half of the 19th century. The spatial scope of the study is determined by the boundaries of the given region as of the specified period. The chronological framework of the study is due to the identified trend of intensifying missionary practice associated with the internal political processes of the post-reform era. The source base of the study was made up of various categories of historical sources. First of all, these are the acts of the Holy Synod, which make it possible to identify the directions of the state confessional policy in general. Documents of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society contain rich factual material about missionary practice in a foreign environment. Clerical records tell about the milestones of the missionary service of specific priests. The characteristics of Vyatka Province as a region with peculiarities of national and confessional structure are recreated based on published statistical sources. Publicistic sources from the periodical *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti* are of paramount importance in solving the problems of the study. The methodological basis of the study is the problem-chronological approach. In accordance with it, the starting point of the study was the characteristic of the ethno-confessional situation in Vyatka Province in its evolution: from the period of the appearance of the Slavic-Russian population in the region inhabited by ethnic Finno-Ugric peoples, pagans in terms of worldview, to ascertaining the facts of the ongoing assimilation in the 16th–18th centuries, which followed the path of forming a regional ethos on the basis of Orthodox values. The result of the study within the framework of the designated problem is the formulation of several specific areas of these activities. These areas include: creation in Vyatka Province, in the context of the general imperial trend, of Orthodox societies and brotherhoods; dissemination of education among non-Russian non-Orthodox peoples through the establishment of special foreign schools; creation of new church parishes in foreign villages; organization of regular monitoring by the Holy Synod of missionary activities; strengthening of informational coverage of missionary activities in the *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti* periodical of Vyatka Eparchy. Based on the results of the study, the following conclusions were drawn: missionary work was carried out by various means; regional practice was in the context of national events; the state and the church spurred missionary activities when a threat to social stability arose from a number of post-reform populist organizations. It can be argued that the non-native population of Vyatka Province

turned out to be receptive to the efforts of the Orthodox clergy, which became a kind of a social bond, uniting different nationalities into a single state entity.

Keywords: confessional policy, missionary activity, non-Orthodox, Vyatka Province, *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*

For citation: Kalinina, D.A. & Kriushina, V.A. (2022) Features of implementing the Russian Orthodox Church's missionary policy towards the non-Russian peoples of Vyatka Province in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 127–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/15

Российская империя во второй половине XIX в., являясь многонациональным государством с обширной и неравномерно заселенной территорией, отстаивала идею государственного единства и целостности. Одним из ключевых направлений деятельности государства, направленных на достижение обозначенной цели, было сохранение стабильности в полиэтничном и многоконфессиональном обществе. Путем достижения мирного продуктивного сотрудничества в разных сферах общественной жизни государственные деятели (прежде всего, консерваторы) стремились к сплочению приверженцев отличных от православия религиозных течений в единое сообщество – нацию, понимаемую не только в политическом, но и в общекультурном значении. В середине XIX в. российскими государственными лидерами определялись сугубо мирные способы подобного сплочения: четкое установление правового статуса этносов и представителей разных конфессий, просвещение инородцев с целью распространения ценностей русской культуры, организация миссионерской деятельности.

Государственной религией в Российской империи являлось православие. На основании «Учреждения об Императорской фамилии» 1797 г. занятие российского престола было запрещено для лица, не принадлежащего к Русской православной церкви, поскольку русский император де-юре был ее главой (со времен церковной реформы Петра I). В этих условиях миссионерская политика государства становилась особо значимой. Она осуществлялась Русской православной церковью при поддержке государства и оказывала влияние на формирование единого национального самосознания у разных этносов в пределах Российской империи.

Распространение православия среди нерусских народов как одно из направлений миссионерской политики Русской православной церкви во второй половине XIX в. имело существенные региональные отличия (как в практике осуществления, так и в результатах). На примере одного из «сложных» регионов империи – Вятской губернии – охарактеризуем конкретику реализации конфессиональной политики и трудности, с которыми сталкивалось государство в решении ее задач.

Географическое положение созданной в конце XVIII в. Вятской губернии было образовано землями между реками Вятка и Кама («искони занимаемы были, главным образом, вотяками»), а также землями, ограничиваемыми течением Вятки и Камы с одной стороны, Волги и Ветлуги – с другой, которые были «местопребыванием черемис». В XII в. в рамках колонизационной политики Северо-Западной Руси в

пределах будущей Вятской губернии появились новгородцы, потеснившие вотяков и черемисов с их исконных земель. Во второй половине XIX в. черемисы и вотяки по-прежнему исповедовали язычество, важнейшей частью идолослужения оставалось поклонение природе: кроме главного бога, всемогущего и доброго, они поклонялись богам огня, воды, грома, земли и др. Служение богам состояло в принесении им в жертву домашних животных, птиц, шкур, хлеба и денег.

Длительное сохранение языческих верований среди нерусских народов Вятской губернии имело объективные причины. Вятка долгое время «не имела своего местного епископа... не имела ни одного монастыря; удалена была на великие расстояния от древних святительских кафедр Новгородской, Московской, Ростовской... отделена была от них непроходимыми лесами и болотами» [1. С. 10]. Распространение православия на Вятке как один из путей адаптации местных народов к русской социокультурной и духовной среде, их пребывания в государственном пространстве Московского царства было начато лишь в XVI в. При Петре I была предпринята попытка комплексного решения задачи повсеместного присоединения всех нерусских народов, проживающих на территории государства, к православию. Этот процесс в отношении к вотякам и черемисам Вятки осложнялся насильственным характером колонизации местных земель. Русские поселенцы здесь были вовлечены «в упорную, вековую борьбу с аборигенами...» [1. С. 12–13].

Доказательством тому служит один из первых православных храмов Вятской земли – Николаевский собор уездного Нолинска. Он был основан монахами Успенского Свято-Трифонов монастыря Вятки в 1668 г. В петровскую эпоху – по хромозданной грамоте архиепископа Вятского и Великопермского Дионисия – строился каменный храм. Показательно, что в конце XVIII в. (1795 г.) была начата постройка ограды вокруг храма: из утрамбованной земли, камня и щебня были возведены стены из кирпича с железными решетками, в юго-восточном и юго-западном углах появились восьмигранные сторожевые башни [2. С. 28]. Храм приобрел облик крепости, что было обусловлено противостоянием с окрестными черемисами. Практика обращения в православие местных народов начала давать небольшие позитивные результаты лишь в XVIII в.: «...среди непрестанных военных тревог, среди постоянных опасностей со стороны вотяков и черемис, русским... доводилось думать сначала только о защите своей, а не о просвещении... святою верой» [1. С. 13].

И во второй половине XIX в. Вятская губерния продолжала оставаться поликонфессиональной. Процесс формирования на почве разных народностей единого этоса (сходного миропонимания, возникающего в результате длительного совместного местопребывания людей), базирующегося на общих ценностных установках, шел довольно медленно. Православное духовенство активно и деятельно включилось в решение этой государственной задачи.

Бытование языческих верований и обычаев у коренных народов региона во второй половине XIX в. воспринималось русским населением губернии и православными священнослужителями как привычная и традиционная практика. В отчете о религиозно-нравственном состоянии инородцев за 1881 г. констатировались факты внебрачного сожительства, принятого в языческой среде: «...Удерживается между вотяками обычай... увозить невесту за месяц, два и более до свадьбы в дом жениха... Молодые люди находятся в сожительстве, не освященном церковью» [3. Л. 2 об.]. Среди инородческих проявлений языческого культа конца XIX в. названы «умилостивительные жертвы быков, баранов, гусей... с испрашиванием плодородия», «ворожба при несчастных случаях», «поминки умерших предков», которые, однако, «во многих приходах заменяются церковным поминовением через исправление панихид» [3. Л. 3, 3 об.]. Благочинные по епархиальным округам, фиксируя в отчетах глубину укоренения языческих верований, объясняли медленное распространение православия среди вотяков и черемисов огромным влиянием «жрецов-кудесников», которые «поддерживали суеверия».

Сходные сведения содержатся в отчете за 1886 г. священника села Галицкое Саввы Наумова о религиозно-нравственном состоянии черемисов в Яранском и части Котельничского уездов. Миссионер указывал на численное доминирование инородцев в южных уездах губернии: «В составе округа 310 черемисских селений, в которых 20 568 мужчин и 22 663 женщины (Яранский уезд). В двух приходах Котельничского уезда (Верхошижемском и Верхотульском) 5 черемисских селений, в которых около 500 душ обоего пола» [4. Л. 3]. При этом священник констатировал факт поверхностного принятия православия местным населением: «...хотя все черемисы моего округа принадлежат к православной церкви, все крещены, принимают святыя таинства церкви, но есть еще между ними колеблющиеся, придерживающиеся языческих обычаев» [4. Л. 3–3 об.].

Отчеты вятских миссионеров свидетельствуют, что в отношении инородцев применялись мирные методы миссионерской деятельности. Это соответствовало принципам государственной конфессиональной политики в данном вопросе. На основании определений Святейшего синода Вятская духовная консистория разработала общие начала миссионерской деятельности в отношении нерусских народов губернии. Священнослужителям рекомендовалось принимать «меры разумные, целесообразные... всячески стараясь избегать в деле совести мер принудительных... Нужно убеждение здесь кротким и разум-

ным пастырским словом, а полицейские меры могут лишь охладить сердца прихожан к вере...» [5. С. 54].

Во всех благочиниях, где часть местного населения оставалась приверженной к язычеству, священники проявляли «неустанное пастырское внимание и вразумление» иноверцев, которых называли «заблуждающимися» [3. Л. 3 об.]. Савва Наумов сообщал, что в 1886 г. он провел 22 дня в поездках по черемисским селениям, посетив 70 населенных пунктов. И везде «говорил о пользе обучения детей грамоте, убеждая отдавать детей для обучения в народные училища и церковно-приходские школы, обращал внимание на знание и понимание ими молитв... Черемисы довольно охотно собираются на увещевания, с расположением слушают и иногда предлагают свои вопросы относительно благоповедения...» [4. Л. 7, 7 об.].

Явным проявлением религиозного чувства инородцев признавалось то, что «во всех почти приходах... приучены без напоминаний исполнять христианский долг исповеди и Святого Причастия..., часто обращаются к помощи Божией, исправляя молебны в храмах, и в домах, и на полях..., исполняют обеты поклониться местным иконам...» [4. Л. 2]. Приобщение язычников к православию имело и цивилизующее значение: «при врожденной скупости призывают бедных в своих семействах... в болезнях вместо ворожбы и знахарей начинают обращаться к врачам, сознают потребность учить детей грамоте» [3. Л. 2]. Кроме богослужебных обязанностей, привычка выполнения которых в среде коренного населения губернии формировалась православными священниками, особенно важным представляется акцентировка личностных качеств милосердия, щедрости, актуальных в повседневном быту, здравого смысла по отношению к процессам обучения и врачевания. Так православная проповедь становилась основанием приобщения инородцев к культуре.

В документах отложились факты, свидетельствующие о результативности деятельности священнослужителей. В рапорте миссионера по инородческим делам священника Петра Мышкина (Глазовский округ, село Верхпорзинское) епископу Сарапульскому Нафанаилу отмечалось: «Состояние инородцев крещеных... в удовлетворительной степени, хотя резкого возвышения в познании веры и в улучшении нравственности не проявлялось... С пониманием христианских правил, обязанностей любви к Богу и ближнему... нравы инородцев смягчаются...» [3. Л. 1]. Священник Савва Наумов в отчете за 1886 г. фиксировал увеличение с каждым годом числа черемисов, осознанно воспринявших православие: «...многие черемисы по своей принадлежности Святой церкви могут служить примером для многих русских православных. Во всех случаях жизни обращаются с домашней молитвой... не отказываются жертвовать на устройство и благоустройство храма» [4. Л. 4]. По свидетельству вятского священника-миссионера, общепринятым названием черемисина, оставившего свои языческие верования, являлось слово «руссковер». А в объяснении своей приверженности язычеству черемисы XIX в. ссылались на то, что

«для каждого народа должна быть своя вера» [4. Л. 3 об.]. Так приходили в гармоничное сочетание (необходимое в условиях поликонфессионального и многонационального государства) причастность к целому русскому миру и сохранение исконных оснований народности и самоидентификации.

Приходские священнослужители ежегодно отчитывались о количестве лиц, принявших православие. Подобные сведения сводились воедино и фиксировались в ежегодных отчетах, предоставляемых в Святейший синод руководством Вятской епархии. Местное население извещали об успехах миссионерской деятельности на страницах «Вятских епархиальных ведомостей». Так, протоиерей И.Ф. Фармаковский сообщал о результатах обращения в православие по итогам 1862 г.: «Присоединилось к православию из католиков – 1 человек, лютеран – 4 человека, магометан – 2 человека, евреев – 2 человека. Из язычников вотяков – 1 человек, черемис – 22 человека» [6. С. 266]. Эти данные показывают, что вопрос обращения в православие касался не только язычников юго-восточных и северо-восточных уездов губернии, но и представителей иных религий и конфессий, проживающих на территории Вятской губернии. Информирование прихожан епархии касалось и результатов деятельности конкретных миссионеров. Так, в формулярном списке протоиерея Иосифа Стефанова, определенного с сентября 1830 г. миссионером для утверждения в христианской вере новокрещенных вотяков по Глазовскому уезду, уже в 1831 г. значится обращение в христианство 118 язычников. А в некрологе от февраля 1881 г. отмечено, что он лично просветил святым крещением 409 инородцев из язычества [7. С. 78].

Из практики «вразумления» нерусских народов священнослужителями Вятской епархии с опорой на основы общегосударственной конфессиональной политики Русской православной церкви ко второй половине XIX в. постепенно сформировались направления миссионерской деятельности в отношении нерусских народов, проживающих в Вятской губернии.

Первым направлением подобной политики стало создание в губерниях Российской империи православных обществ и братств. Православные церковные братства создавались в великорусских губерниях для «противодействия посягательствам на права [Церкви] со стороны иноверцев и раскольников... для распространения и утверждения духовного просвещения» [8. С. 399]. В Вятской губернии действовало Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая, основанное в 1881 г. епархиальным миссионером, кафедральным протоиереем Стефаном Никифоровичем Кашменским. В 1866 г. в Петербурге под высочайшим покровительством Государыни Императрицы было учреждено общество для распространения православного христианства, задачами которого стали «возбуждение, поддержание и развитие в членах русской церкви сочувствия к миссионерскому делу; содействие духовному начальству в снабжении миссий достаточным числом благонадежных миссионеров и удовлетворение всем вещественным нуждам миссий по содержанию миссионерских станом, церквей,

больниц, школ...» [9. С. 58]. В развитие общероссийской практики в 1870 г. в губернии был создан Вятский комитет Православного миссионерского общества, акцентировавший внимание на обращение в православие путем просветительской деятельности среди нерусских народов. Перед комитетом были поставлены две задачи: «Заботиться об утверждении христианства между крещеными инородцами Вятской епархии и просвещении православной христианской верой остающихся в языческом суеверии соплеменников посредством школьного обучения» [10. Л. 4].

В конце XIX в. Вятский комитет Православного миссионерского общества представлял собой хорошо организованный центр ненасильственного приобщения к православной вере вотяков, черемисов, татар и иных нерусских народов губернии. В результате создания подобных обществ и братств, специализирующихся на распространении православия, в том числе и среди нерусских народов, миссионерская деятельность Русской православной церкви в целом и Вятской епархии в частности вышла на качественно новый уровень.

Вторым направлением конфессиональной политики являлось распространение просвещения среди нерусских неправославных народов, для чего создавались специальные инородческие школы. Развитие грамотности признавалось «более верным средством для искоренения языческих заблуждений» [4. Л. 8]. Открытие инородческих школ проводилось централизованно Вятским комитетом Православного миссионерского общества и частными инициативами священнослужителей. В итоге к 1884 г. в Вятской губернии действовало «16 училищ среди инородческого населения: 7 – татарских в деревнях, 4 – черемисских в деревнях, 1 – бесермянское в деревне Ворцынской Глазовского уезда... 3 – вотских в деревнях». В числе учащихся было 40 русских детей, 176 татар, 140 черемис, 107 вотяков, 37 бесермян [11. Л. 4 об.]. Упомянутый выше протоиерей Иосиф Стефанов в первые годы своего миссионерского служения столкнулся с такой ситуацией, когда «для тех немногих школ, которые были открыты, почти неволей набирали учащихся... Даже русские никак не хотели отдавать детей в школы, находя грамотность делом ненужным для крестьянина» [7. С. 79]. В поощрение приходским священникам и в образец для иных школ в 1836 г. он открыл у себя домашнюю школу, в которой под его руководством обучались городские и сельские дети.

Важнейшей составляющей этого процесса было обеспечение школ «надежными и способными учителями». Ради достижения цели Вятский комитет Православного миссионерского общества на свои средства постоянно содержал в Казанской крещено-татарской школе нескольких мальчиков из инородцев. В 1880 г. это были Павел Петров и Семен Дмитриев, которые, получив впоследствии свидетельства об окончании курса, были определены учителями в Старогришкинское миссионерское училище Елабужского уезда [12. С. 142]. Важно отметить, что Комитет старался «иметь в своих училищах способных и благонадежных учителей из природных инородцев...» [13. Л. 5 об.] по преимуществу выходцев из крестьянского сословия.

Содержание инородческих школ осуществлялось за счет денежных пожертвований, что позволяет говорить об объединении государственных и общественных усилий: членские взносы комитета составляли 3 рубля, проводились сборы в кружки, учрежденные при церквях на распространение православия между язычниками империи; сборы в кружки, поставленные от Комитета в волостных правлениях [10. Л. 1 об.]. Комитет постоянно привлекал приходских священников к ревизиям существующих школ. Из материалов данных ревизий можно составить представление о материальной базе этих учебных заведений: «Священник Карп Шишков обревизовал открытую учителем Иваном Якимовым в селе Казанском инородческую школу... Училище помещается в церковном казенном доме на 7 и 9 аршинах... Здание обогревается одной кухонной печью, в училищной комнате стоят четыре шестиместных парты и одна черная доска. Учебников недостаточно, но учитель обещался приобретать на пожертвованные Его Преосвященством деньги... В училище в течение прошедшей зимы 35 учеников, из коих половина – черемисского племени... Учитель объясняется по-черемисски свободно...» [13. Л. 47].

Третьим направлением конфессиональной политики Российской империи в конце XIX в. стало создание новых церковных приходов в инородческих селах. Новые церкви создавались по инициативе местных православных, нуждавшихся в организованном месте и священнослужителе для осуществления христианских треб. Помимо своего прямого назначения приходское духовенство распространяло грамотность и христианские ценности среди местных жителей. В Уржумском уезде Вятской губернии были построены церкви в новых селах Илетское, Салтак-Ял, Русско-Шойское, Аракнур, населенных по преимуществу нерусскими народами. Так, приход молитвенного дома в селе Русско-Шойском Уржумского уезда в основном состоял из черемисских деревень, а в приходе Казанско-Богородицкой церкви села Салтак-Ял Уржумского уезда, насчитывающего 1 563 человек, 399 человек были марийцами [14. Л. 317 об., 522].

Четвертым направлением в борьбе за укрепление православия было формирование регулярного контроля со стороны Святейшего синода за миссионерской деятельностью. В соответствии с указом Святейшего синода от 1865 г. все церковные причты должны были ежегодно предоставлять епархиальному преосвященному статистические сведения об уклоняющихся в иные вероисповедания [15. С. 9–16] и обращающихся в православие жителях губернии. Следовало предоставлять сведения о «присоединенных к православию иноверцах в продолжение года и окрещенных», о детях «иноверных родителей», письменные показания иноверцев «о добровольном присоединении их к православию и подписки иноверных родителей о воспитании крещеных... детей в православной вере...» [16. С. 291–292]. Епархиальные начальства ежегодно предоставляли подобные статистические сведения в Святейший синод в приложении к отчету о состоянии епархии.

Пятым направлением конфессиональной политики выступает усиление информационного освещения миссионерской деятельности в периодических изданиях епархий. В «Вятских епархиальных ведомостях» после событий апреля 1866 г. (покушение на императора) постепенно нарастает информационный поток, на регулярной основе извещающий прихожан о важности укрепления православия. В 1881 г., после гибели Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии о методах воздействия на умы инородцев ради распространения среди последних православных ценностей, становящихся подлинной опорой государственного порядка: «Внушая почтение к родителям, благоговение к царю и покорность начальствующим, следует сказать, что Господь заповедал чтить отца и мать, что от Господа поставляются цари, а всякая власть и начальство – установление Божие, и потому нужно чтить родителей, почитать Царя и покоряться всякой власти, не из страха наказания, а по совести, памятуя, что это добро и приятно Богу... На малоразвитых инородцев, как на детей, добрый пример пастыря действует сильнее всякого назидательного слова. Слово пастыря должно быть и делом его: чему он учит, то первый, в образец поучаемым, должен исполнять» [17. С. 418].

На страницах епархиальных ведомостей рос объем полезной информации о методах миссионерской деятельности. Регулярно звучали призывы к сбору пожертвований [18. С. 305], печатались отчеты о собранных на миссионерскую деятельность средствах и о деятельности Вятского комитета Православного миссионерского общества, дающие представления о трудностях и успехах на поприще распространения православия среди иноверцев. В 1899 г. в ведомостях было размещено объявление преосвященного Гурия, епископа Самарского и Ставропольского, об издании сборника статей по просвещению инородцев [19. С. 850–852], целью которого было обобщение опыта миссионерской деятельности священников разных епархий. В конце XIX в. на страницах епархиальных ведомостей акцентировалось внимание читателя на успехах в деле присоединения к православию иноверцев. Ежегодно в первых номерах «Вятских епархиальных ведомостей» публиковались персональные сведения о том, кто присоединен к Русской православной церкви в истекшем году. Так, в 1898 г. перешел в православие из магометян 26-летний житель деревни Салаж Малмыжского уезда Гильям Музафаров с наречением его Никифором [20. С. 9]. Доводилась до сведения общественности и информация о наградах миссионеров с целью демонстрации священнослужителям и прихожанам примеров успешного служения. Так, в 1881 г. в некрологе протоиерея Новоторьяльского благочиния Яранского уезда Стефана Загуляева подробно перечислены награды за усердную службу, среди которых и благодарности епархиального начальства 1858, 1861, 1865 гг. за «утверждение прихожан-черемис в православной вере» [21. С. 406].

Комплекс мероприятий в отношении иноверцев, проживающих на территории Вятской губернии, при-

вел к некоторым позитивным результатам. Первая всеобщая перепись населения, проведенная в 1897 г., демонстрирует изменения в конфессиональной структуре Вятской губернии. К концу XIX в. общая численность населения губернии составляла 3 030 831 человек. Этнический состав губернии был представлен преимущественно русскими, финно-угорскими (вотяками, черемисами, пермяками) и турецко-татарскими (татары, башкиры, тептяри) народами [22. С. III]. Из конфессий наиболее распространено было православие, приверженцами которого в основном были русские и финно-угорские народы. По данным переписи, лишь 2% из общей численности вотяков и черемисов сохраняли языческие верования. Турецко-татарские народы в основном относились к магометанам [22. С. 84–85]. Увеличение числа православных среди вотяков и черемисов объяснялось тем, что представители финно-угорских народов охотно отзывались на проповедь миссионеров, проводивших планомерную и многоаспектную деятельность. В тоже время язычество оставалось частью реальности Вятской губернии и являлось основанием продолжения миссионерской деятельности священнослужителей в начале XX в.

Итак, издревле на Вятской земле сосуществовали православие и язычество. Коренное население Вятской губернии в имперский период находилось в зоне

активного влияния Русской православной церкви, которая проводила систематические мероприятия миссионерской направленности, устремленные к включению нерусских народностей империи в ценностное пространство русского мира. Региональная миссионерская практика Вятской епархии находилась в контексте общегосударственных мероприятий. Миссионерство осуществлялось разнообразными средствами, среди которых особое внимание уделялось распространению образования и проповедям среди иноверцев. Священническая проповедь затрагивала не только богословскую и богослужебную проблематику, но и вопросы социокультурного развития инородческих уездов губернии, формирования в иноэтничной среде образцов верноподданнического поведения по отношению не только к церковным, но и гражданским властям. Архивные документы свидетельствуют, что финно-угорское население Вятской губернии (вотяки и черемисы) во второй половине XIX в. отзывалось на проповедь православных священников, принимало те изменения в повседневном быту, которые предлагала государственная политика в сфере образования и здравоохранения. Православное духовенство становилось своеобразной социальной скрепой, объединяющей разные народности в единое государственное целое.

Список источников

1. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 1. С. 10–18.
2. Васильевых В. Нолинск православный. Нолинск, 2007. 43 с.
3. Отчет о религиозно-нравственном состоянии инородцев за 1881 год // Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 811. Оп. 1. Д. 175.
4. Отчет миссионера о религиозно-нравственном состоянии черемис в Яранском уезде 1886 г. // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 221.
5. Распоряжение епархиального начальства // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 53–54.
6. Фармаковский И.Ф. Несколько статистических сведений о Вятской епархии за 1862 год // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 9. С. 265–277.
7. Протоиерей Иосиф Андреевич Стефанов. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 76–80.
8. Указ Святейшего Синода от 31 июля 1864 г. об основных правилах для учреждения православных церковных братств // Вятские епархиальные ведомости. 1864. № 23. С. 397–401.
9. Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего Синода, графа Д. Толстого о деятельности православного духовного ведомства с июня 1865 по январь 1866 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 4. С. 54–59.
10. Отчетность миссионерского комитета за 1884 год // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 203.
11. Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1884 год // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 203.
12. Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1880 год // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 7. С. 134–150.
13. Сведения о состоянии миссионерских школ (январь–декабрь 1884 г.) // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 202.
14. Клировые ведомости и ведомости о церквях за 1864 г. // ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1484.
15. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 5 ноября 1865 г. за № 3153 по делу о сокращении переписки // Вятские епархиальные ведомости. 1866. № 2. С. 9–16.
16. Указ Святейшего Синода от 25 августа 1865 г. за № 1966 об изменении действовавших постановлений относительно предоставления причтами епархиальному начальству сведений об обращающихся в православие // Вятские епархиальные ведомости. 1865. № 20. С. 291–292.
17. Предложение Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 20. С. 418–421.
18. Указ Святейшего Синода от 28 августа 1865 г. за № 3419 о прекращении кружечных сборов, производимых на духовные нужды восточных христиан, и установлении взамен оных таково же на распространение православия между язычниками империи // Вятские епархиальные ведомости. 1865. № 21. С. 303–306.
19. Объявление об издании сборника статей по просвещению инородцев // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 24. С. 850–852.
20. О присоединении к православию // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 9.
21. Протоиерей Стефан Николаевич Загуляев (некролог) // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 15. С. 406–410.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 10: Вятская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904. [4], XII, 267 с.

References

1. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1863). Materialy dlya istorii Vyatskoy eparkhii [Materials for the history of Vyatka Eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. pp. 10–18.
2. Vasil'evykh, V. (2007) *Nolinsk pravoslavnyy* [Orthodox Nolinsk]. Nolinsk: Sel'skaya nov'.
3. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 175. *Otchet o religiozno-nravstvennom sostoyanii inorodtsev za 1881 god*

- [Report on the religious and moral state of inorodtsy for 1881].
- Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 221. *Otchet missionera o religiozno-nravstvennom sostoyanii cheremis v Yaranskom uezde 1886 g.* [Report of a missionary on the religious and moral state of the Cheremis in the Yaransk district in 1886].
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Rasporyazhenie eparkhial'nogo nachal'stva [Order of the diocesan authorities]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 3. pp. 53–54.
 - Farmakovskiy, I.F. (1863) Neskol'ko statisticheskikh svedeniy o Vyatskoy eparkhii za 1862 god [Some statistical information about Vyatka Eparchy for 1862]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 9. pp. 265–277.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Protoierey Iosif Andreevich Stefanov. Nekrolog [Archpriest Iosif Andreevich Stefanov. Obituary]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 3. pp. 76–80.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1864) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 31 iyulya 1864 g. ob osnovnykh pravilakh dlya uchrezhdeniya pravoslavnykh tserkovnykh bratstv [Decree of the Holy Synod of July 31, 1864 on the basic rules for the establishment of Orthodox church brotherhoods]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 23. pp. 397–401.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1867) Vsepoddanneyshaya dokladnaya zapiska ober-prokurora Svyateyshego Sinoda, grafa D. Tolstogo o deyatel'nosti pravoslavnogo dukhovnogo vedomstva s iyunya 1865 po yanvar' 1866 g. [All-submissive memorandum of the chief prosecutor of the Holy Synod, Count D. Tolstoy on the activities of the Orthodox spiritual department from June 1865 to January 1866]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 4. pp. 54–59.
 - Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 203. *Otchetnost' missionerskogo komiteta za 1884 god* [Reporting of the missionary committee for 1884].
 - Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 203. *Otchet Vyatskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1884 god* [Report of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society for 1884].
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Otchet Vyatskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1880 god [Report of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society for 1880]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 7. pp. 134–150.
 - Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 202. *Svedeniya o sostoyanii missionerskikh shkol (yanvar'–dekabr' 1884 g.)* [Information about the state of missionary schools (January – December 1884)].
 - Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 70. File 1484. *Klirovye vedomosti i vedomosti o tserkvyakh za 1864 g.* [Clerical statements and statements about churches for 1864].
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1866) Ukaz Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda ot 5 noyabrya 1865 g. za № 3153 po delu o sokrashchenii perepiski [Decree of the Most Holy Governing Synod of November 5, 1865, No. 3153 on the case of reducing correspondence]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 2. pp. 9–16.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1865) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 25 avgusta 1865 g. za № 1966 ob izmenenii deystvovavshikh postanovleniy otnositel'no predostavleniya prichtami eparkhial'nomu nachal'stvu svedeniy ob obrashchayushchikhsya v pravoslavie [Decree of the Holy Synod of August 25, 1865, No. 1966 on changing the existing resolutions regarding the provision by clergy to the diocesan authorities of information about those converting to Orthodoxy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 20. pp. 291–292.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Predlozhenie Apollosa, arkhiepiskopa Vyatskogo, dukhovenstvu Vyatskoy eparkhii [Proposal of Apollon, Archbishop of Vyatka, to the clergy of Vyatka Eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 20. pp. 418–421.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1865) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 28 avgusta 1865 g. za № 3419 o prekrashchenii kruzhechnykh sborov, proizvodimykh na dukhovnye nuzhdy vostochnykh khristian, i ustanovlenii vzamen onykh takovo zhe na rasprostranenie pravoslaviya mezhdru yazychnikami imperii [Decree of the Holy Synod of August 28, 1865 No. 3419 on the termination of mug collections made for the spiritual needs of Eastern Christians, and the establishment of the same in return for the spread of Orthodoxy among the pagans of the empire]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 21. pp. 303–306.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) Ob'yavlenie ob izdanii sbornika statey po prosveshcheniyu inorodtsev [Announcement of the publication of a collection of articles on the education of foreigners]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 24. pp. 850–852.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) O prisoedenenii k pravoslaviyu [On joining Orthodoxy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 1. P. 9.
 - Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Protoierey Stefan Nikolaevich Zagulyaev (nekrolog) [Archpriest Stefan Nikolaevich Zagulyaev (obituary)]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti.* 15. pp. 406–410.
 - Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: [kn. 1–89]* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897: [book. 1–89]]. Vol. 10. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD.

Информация об авторах:

Калинина Д.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: kalininadarja@mail.ru

Криушина В.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета Минздрава России (Киров, Россия). E-mail: vkriushina@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Kalinina, Cand. Sci. (History), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: kalininadarja@mail.ru

V.A. Kriushina, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kirov State Medical University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vkriushina@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 11.03.2022;
одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 11.03.2022;
approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/15617793/481/16

Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества

Владимир Дмитриевич Камынин¹, Андрей Валерьевич Лямзин²

^{1,2} *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*
¹ *kamyninv@yandex.ru*
² *lyamzin@mail.ru*

Аннотация. Предпринят историографический анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной истории Уральской республики. Выделены несколько групп исследователей, в соответствии с принадлежностью к различным отраслям научных знаний: политологи, правоведы, историки, филологи, культурологи.

Ключевые слова: Уральская республика, Свердловская область, федерализм, Россель, историография

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

Для цитирования: Камынин В.Д., Лямзин А.В. Уральская республика 1993 г. в дискурсе научного сообщества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 134–142. doi: 10.17223/15617793/481/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/16

The Ural Republic of 1993 in the discourse of the scientific community

Vladimir D. Kamynin¹, Andrey V. Lyamzin²

^{1,2} *Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation*
¹ *kamyninv@yandex.ru*
² *lyamzin@mail.ru*

Abstract. The phenomenon of the Ural Republic, organized by the governor Eduard Rossel in 1993 based on Sverdlovsk Oblast, played a huge role in the formation and development of Russian federalism. This story is still of great interest to researchers of Russia's modern history. The article undertakes a historiographical analysis of domestic and foreign literature on the history of the Ural Republic. Several groups of researchers have been identified, in accordance with their belonging to various branches of scientific knowledge: political scientists, jurists, historians, philologists, culturologists. They highlight several theses that reveal the reasons why the Urals became the venue for such an unusual "secessionist" experiment. On the one hand, the local elites retained a connection, including an ideological one, with the reformist team of the former regional leader Boris Yeltsin, counting on his support in promoting reforms on the ground. On the other hand, a peculiar Ural identity played its role, the existence of which a few researchers insist on. In any case, regional originality was present, inspired by the experience of the first president of Russia. Most researchers note that the reasons that prompted the local elites to create the Ural Republic were quite pragmatic. First of all, this was an established trend in the development of separatist sentiments in the country, at the time of the weakening of the central government. The most striking examples here are Chechnya and Tatarstan. One of the most important is the "foralistic" nature (legal imbalance that prevailed at that time) of the regions of Russia, which required compensation. Such demands were caused by the deterioration of the economic situation during the ongoing radical reforms. Sverdlovsk Oblast as a donor region demanded a fair distribution of resources. The Ural Republic, which existed, according to different estimates, from a week to several months, was liquidated for several reasons. Sverdlovsk elites, Gennady Burbulis personally, lost their influence on the president at that moment. But a much more significant factor was the strong concern of the Kremlin elites about the political instability in the country associated with the conflict between the president and the Supreme Soviet of Russia, as well as the threat of the collapse of the state, most clearly manifested in Chechnya. The consequences of the Ural experiment are positively assessed by most researchers of this problem. Despite the tense dialogue between the parties, it is very important that it took place. The Ural elites managed to convey to the federal center an understanding of the need for equal rights for the regions, which made it possible to create a more stable model of the federation.

Keywords: Ural Republic, Sverdlovsk Oblast, federalism, Rossel, historiography

Financial support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Sverdlovsk Oblast, Project No. 20-414-660001 r_a.

For citation: Kamynin, V.D. & Lyamzin, A.V. (2022) The Ural Republic of 1993 in the discourse of the scientific community. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 134–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/16

Введение

В начале 1990-х гг. в России происходили процессы, оказавшие значительное влияние на последующее общественно-политическое развитие страны. После распада СССР российское общество было поставлено перед необходимостью решения проблемы асимметрии Федерации.

Политолог из Колумбийского университета Ст. Солник отмечал, что после провозглашения в 1991 г. независимости России многим казалось, что начавшийся процесс фрагментации Советского Союза переклестнется и на территорию самой Российской Федерации. Заявления большинства бывших автономных республик о своем суверенитете, казалось бы, подтверждали эти предположения [1. Р. 69]. В 1993 г., когда велись работы по созданию проекта Конституции Российской Федерации, целый ряд областей и краев Российской Федерации попытались выровнять свое положение с национальными республиками и получить статус республик. Такие попытки были предприняты Архангельской, Вологодской, Вятской, Иркутской, Новосибирской, Ростовской, Свердловской, Читинской областями, Красноярским краем, г. Санкт-Петербургом и другими регионами России.

Однако реальные очертания получила только Уральская республика. Попытка создания этого административного образования произвела сильное впечатление на современников и решительную негативную реакцию федерального центра. Воспринятая тогда Б.Н. Ельциным как проявление сепаратистских тенденций, Уральская республика стала явлением, породившим широкий спектр оценок исследователей, с неким налетом нелегальности. Иначе как самоцензурой нельзя было объяснить отсутствие статьи «Уральская республика» в «Уральской исторической энциклопедии» [2].

1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет народных депутатов провозгласил Уральскую республику, приняв Декларацию об изменении статуса Свердловской области. 27 октября 1993 г. областным Советом была принята Конституция Уральской республики, а 30 октября она была опубликована в «Областной газете» и, соответственно, вступила в силу. 31 октября Указом № 1 глава администрации Свердловской области Э.Э. Россель возложил на себя обязанности губернатора Уральской республики.

9 ноября 1993 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ № 1874 «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета Народных Депутатов», а 10 ноября появился Указ Б.Н. Ельцина № 1890 об отстранении от должности главы администрации Свердловской области Росселя. На этом история Уральской республики завершилась.

В литературе порой можно встретить довольно спорные утверждения о том, что сейчас о существовании Уральской республики пытаются забыть, полно-

стью отсутствуют научные публикации по этой теме, о том, что в публицистических изданиях проводится мифологизация «екатеринбургского феномена» и т.п. [3. С. 149]. На самом деле об Уральской республике за почти 30-летний период, который прошел после ее появления на политической карте Российской Федерации, накоплен значительный массив литературы, и не только публицистической, но и научной.

Интерес к проблеме возник по горячим следам происходивших событий. Уже в 1993 г. студентам дневного отделения Уральского кадрового центра г. Екатеринбурга был прочитан лекционный курс «Региональное и муниципальное управление на Урале в переходный период», в котором были проанализированы исторические, экономические, политические предпосылки процесса образования Уральской республики. В следующем году было опубликовано учебное пособие по данному курсу [4]. Об актуальности изучения проблемы в наше время свидетельствует хотя бы такой факт, что в сентябре 2021 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по истории Уральской республики [5].

К изучению истории Уральской республики обращаются специалисты различных отраслей научных знаний: политологи, правоведы, историки, филологи, культурологи и др. Среди работ, специально посвященных этой проблеме, преобладают историки [5, 6–9] и политологи [3, 4, 10, 11]. Об Уральской республике пишут и зарубежные исследователи [1, 12–14].

Для изучения истории Уральской республики имеется достаточная источниковая база. Обнародование документов об Уральской республике начал по горячим следам происходивших событий А.Д. Кириллов, который в 1995–1997 гг. работал в администрации губернатора Э.Э. Росселя начальником информационно-аналитического управления, а в 1997–2000 гг. был советником губернатора Свердловской области по политическим вопросам. В 1997 г. им была опубликована книга [15], в которой помещены важнейшие документы из истории Уральской республики. Некоторые из них до сих пор остаются неизвестными исследователям данной проблемы.

К настоящему времени вышли мемуары политиков, активно участвовавших в создании Уральской республики [16, 17], а также их сподвижников [18, 19] и противников [20]. Изданы и другие источники личного происхождения участников политического процесса в Свердловской области начала 1990-х гг. [21–23].

Почему именно Уралу удалось довести идею республики до реализации?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от специализации автора. Политологи связывают этот вопрос поведением элит. Н.А. Комлева пишет: «Свердловск – родина и место многолетней работы первого Прези-

дента России, в окружении которого в то время было особенно много людей, которые не только работали вместе с ним в Свердловске, но и были связаны с губернатором Э. Росселем и непосредственным окружением последнего. Влиятельные земляки находились и в иных московских экономических и политических структурах. Иначе говоря, идею, которая возникла не только на Урале, легче всего было реализовать именно здесь» [10. С. 22].

М.А. Фадеичева подчеркивает, что после распада Союза ССР политика Москвы в отношении Урала приобрела характер нового колониализма. Она пишет: «Урал до сих пор остается московской колонией, причем колонизация усиливается. Метрополия и колония относятся к обществам разных типов. Москва представляет собой постиндустриальное общество. Урал – общество индустриальное. Для него характерны: крупное машинное производство, развитие промышленности, расширение доли городского населения, распространение городского образа жизни, включающего в себя традиционные деревенские черты, на все слои населения; более половины населения занято в промышленности. Колонизация Урала с начала 1990-х гг. возобновилась и приобрела черты неоколониализма. Отношение Москвы и Урала может быть отнесено к модели “внутреннего колониализма”, что находит выражение в экономическом, этнокультурном и политическом отношении» [24. С. 46–48].

Историки и культурологи Е.Ю. Казакова-Апкаримова, А.Э. Мурзин, И.Я. Мурзина основывают изучение этого вопроса на этнокультурных особенностях Уральского региона, настаивая на существовании некоей уральской идентичности [25–27]. Т.В. Соловьева в своей статье напрямую связывает идею Уральской республики с опытом Сибирского областничества периода Гражданской войны в России, отмечая, что «проектируемый флаг Уральской республики (три равновеликие горизонтальные полосы: белого, зеленого (малахитового) и черного цветов) больше напоминает бело-зеленый флаг ВСП (Временного Сибирского правительства)» [8. С. 295].

Большое внимание авторы уделяют соотношению понятий «региональная идентичность», «региональная самоидентификация» и «региональное самосознание». Общим в позициях и выводах указанных работ можно считать утверждение о том, что определенно различные на «русском пространстве» региональные идентичности и культуры не противостоят общероссийской идентичности и российской культуре, а соотносятся с ними в своем локальном проявлении как частное с общим. М.П. Крылов даже особо выделил в одном из итоговых выводов своей работы фразу: «Региональная идентичность нетождественна сепаратизму» [28].

М.А. Фадеичева пишет, что в этнокультурном отношении уральцы представляют собой общность, имеющую признаки этноса, что фиксируется в самоназвании – этнониме «уральцы» и этническом самосознании, отражающем особые свойства народа, зафиксированные в этнических стереотипах. Этностереотипы сложились в отношении уральского характера. Главной чертой уральского характера является

терпение, которое дополняется упорством, суровостью, крепостью, прямодушием и почти первобытной простотой. Принято считать, что крепкое уральское здоровье позволяет быть уральцам особенно выносливыми. Очевидно, что этностереотипы, как укоренившиеся в сознании штампы, не обязательно адекватны действительности [24].

Н.А. Комлева указывает: «Во время разработки идеи Уральской республики стал складываться и любопытный миф об особом уральском этносе – носителе будущей новой формы российской региональной государственности. Любопытно в этом процессе то, что миф немедленно нашел достаточно прочную поддержку в кругах уральских бизнесменов, соединив две линии своего формирования – «сверху» и «снизу».

Некоторые ученые Уральского регионального отделения РАН, а также губернатор Свердловской области в местной электронной прессе стали проводить мысль о том, что уральцы отличаются от остальных россиян антропологически, психологически и по своим деловым качествам. Но только в конце XX в. уральцы получают возможность стать самостоятельным экономическим и политическим субъектом и до некоторой степени восстановить историческую справедливость [10. С. 20–21].

Исследователи полагают, что миф об особом уральском этносе представлял собой теоретическое обоснование необходимости уравнивания прав титульных этносов национальных республик и «уральского этноса» путем создания особой Уральской республики как формы этнической, а не региональной государственности.

Причины создания

Причины, побудившие власти Свердловской области к созданию Уральской республики, являются предметом дискуссий на протяжении последних десятилетий. В научном сообществе до сих пор не утихают споры о том, что это было: сепаратистский демарш свердловских областных властей, акт одностороннего неподчинения центру или отчаянная попытка уральцев обратить внимание федерального центра на неравноправные статусы, права и полномочия субъектов, составляющих Российскую Федерацию?

Дискурс по этому вопросу подогревается тем, что на разных позициях стоят сторонники центральных властей и сторонники политического руководства Свердловской области.

Политические противники Уральской республики стремятся уральцев к политической самостоятельности, желание влиять на порядок распределения ресурсов в свою пользу однозначно расценивают как сепаратизм.

Один из сподвижников Б.Н. Ельцина Р.Г. Пихоя пишет: «Двоевластие, свойственное федеральной власти в течение значительного времени 1993 г., объективно стимулировало сепаратистские тенденции в стране. В Свердловской области в июле 1993 г. была провозглашена Уральская республика. Сибирское соглашение – объединение областей – демонстриро-

вало политические претензии. На Дону, в Ростовской области, звучало требование о восстановлении на Дону казачьей национально-государственной автономии. В национальных республиках полным ходом принимались законы, отличающиеся от федеральных» [29. С. 478–479]. Таким образом, автор не только обвинял создателей Уральской республики в сепаратизме, но и не видел принципиального различия в их действиях и в действиях руководителей национальных республик России.

Московский политолог Т.К. Алябьева считает, что развитию политического сепаратизма в стране способствовали меры, принятые Президентом РФ Б.Н. Ельциным в начале 1990-х гг., в частности его указ «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» (1991 г.) и постановления Правительства «О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории РФ» 1992 г. и «О введении экспортного тарифа на отдельные товары, вывозимые с территории РФ» [30].

По мнению уральского политолога Н.В. Панкевич, создатели Уральской республики отстаивали сецессионистскую модель федерализма, требовали последовательной передачи на региональный уровень всего объема государственных полномочий [31. С. 132].

Многие авторы полагают, что действия руководства Свердловской области не противоречили намерениям центральных властей реформировать государственный строй и экономику новой России и не ставили перед собой политические цели.

А.П. Минеев пишет: «Вопреки устоявшемуся в памяти стереотипу Вологодская и Уральская республики не были явлениями сепаратистской направленности» [32. С. 81].

Известный российский политолог и этнограф Э.А. Паин считает, что создание Уральской республики не представляло реальной опасности для целостности России, поскольку данное территориальное образование не имело признаков суверенного государства. По его мнению, конституция Уральской республики, в отличие от конституций национальных республик в составе России, безоговорочно признавала верховенство «российского права и федеральной государственной власти на своей территории» [33].

И.В. Осипов пишет: «Решения свердловских властей, во многом опиравшиеся на традиции уральского регионализма, были тесно связаны с выдвинутыми на рубеже 1980–1990-х гг. проектами децентрализации государства, движением краев и областей за повышение своего статуса в рамках Российской Федерации, поисками путей выхода из поразившего страну социально-экономического и политического кризиса» [5].

Для уточнения намерений руководства Свердловской области обратимся к источникам.

Об отсутствии сепаратизма в своих действиях естественно свидетельствовали сами участники политического процесса на Урале. Глава администрации области Э.Э. Россель заявлял: «Нам не нужен суверенитет, но очень нужны экономическая и законодательная самостоятельность» [34]. А.В. Гребенкин, возглавлявший в то время Свердловский областной

совет, говорил в интервью: «...слово “республика” означает в первую очередь форму правления и вовсе не тождественно государству. Мы создали типичную конституцию штата, земли, характерную именно для субъекта неделимой Федерации. 16-я статья специально формулирует отказ от всяких признаков суверенитета» [21. С. 4].

Показательно, что Указ президента № 1874 от 09.11.1993 г. о роспуске Свердловского облсовета не содержал в качестве основания сепаратизм. Формулировка была иной: «Изменение в одностороннем порядке конституционно-правового статуса Свердловской области и присвоение областным советом полномочий представительного (законодательного) органа государственной власти республики в составе Российской Федерации» [35].

Большинство исследователей к причинам возникновения Уральской республики относят особенности отношений между федеральным центром и регионами в РФ. Об этом пишут как зарубежные, так и российские авторы.

Ст. Солник отмечает, что проводимая в отношении субъектов Федерации фискальная политика носила селективный характер. «При распределении доходов в наиболее проигрышном положении чаще всего оказывались русские области и края» [1. Р. 69].

Российские авторы Н.А. Комлева, Э. Крюков, Д. Леонтьев, А.П. Минеев, С.В. Мошкин и другие указывают на то, что основной причиной создания Уральской республики, с точки зрения региональных властей, была необходимость выравнивания статусов различных субъектов Российской Федерации в правовом, политическом и экономическом отношениях [10, 11, 32, 36, 37].

Желание руководства «повысить статус» Свердловской области до того уровня, который имели национальные республики, подтверждается и самими участниками политического процесса. Руководитель коллектива по разработке конституции Уральской республики А.В. Гайда вспоминает: «Во время бесед с областным руководством неоднократно поднимался вопрос изменения статуса нашего региона. Тем более что Конституция РСФСР позволяла это сделать. Напомню, по действовавшему тогда Основному закону существовали субъекты разного статуса – автономные республики, края и области. И у каждого из них был свой юридический, политический и, что самое главное, экономический статус. А мы вели разговор о том, что если все россияне – жители одной страны, то нужно, чтобы их статус был одинаковым. Так появилась идея создания Уральской республики» [22]. А.Д. Кириллов так характеризует ситуацию, предшествовавшую провозглашению Уральской республики: попытки Э. Росселя «пробить» президентские указы, расширяющие сферу компетенции области, не привели к существенным результатам. Области катастрофически не хватало финансовых средств, при этом республики, входившие в состав России, продолжали получать средства из федерального бюджета, значительно сокращая процент собственных отчислений [7. С. 44–45].

Большинство исследователей главной причиной возникновения идеи Уральской республики считают

экономическую целесообразность. С точки зрения А.С. Рябова, сторонники республики не преследовали какие-либо политические цели, стремились в первую очередь к защите экономических прав региона [3. С. 157]. Н.А. Комлева указывает на то, что ликвидация СССР привела и к разрушению хозяйственных связей. Предприятия Свердловской области, в том числе военно-промышленного комплекса, прекратили взаимодействие с такими странами, как Украина, Армения, Литва, Латвия, Эстония, Казахстан. Результатом стало сокращение производства [10. С. 24]. Т. В. Соловьева считает, что создание Уральской республики в 1993 г. было попыткой объединить территории Урала в экономически сильное территориальное образование. События 1991–1993 гг. на государственном уровне привели к тому, что экономические связи были нарушены, хозяйственное развитие, как и материальное положение граждан, оказалось на очень низком уровне. Для того чтобы в будущем иметь большую самостоятельность в экономической и законодательной сферах, руководством Свердловской области была выдвинута идея преобразования области в республику [8. С. 293].

Интересную мысль высказывает испанская журналистка, многие годы проработавшая в СССР и в России, Пилар Бонет. Еще в 1994 г., по горячим следам произошедших событий, она писала: «Уральская республика явилась логическим развитием Ассоциации экономического взаимодействия республик и областей Уральского региона, созданной в 1991 г. при содействии Ельцина. Она соответствовала декларациям Ельцина, с которыми он в 1990 г. объездил вдоль и поперек всю Россию» [12].

Политологи пытаются рассмотреть попытку создания Уральской республики как один из типов внутреннего конфликта. По мнению А.Г. Здравомыслова, это был статусный конфликт, в основе которого находились требования к расширению административно-управленческих полномочий в регионе [38]. Однако Н.А. Комлева полагает, что попытка территориального самоопределения в виде создания Уральской республики – это более чем попытка разрешения статусного конфликта. Это один из типов требований самоопределения [10. С. 24].

Таким образом, большинство исследователей склоняются к экономическим причинам возникновения Уральской республики. Проблему урегулирования статуса можно считать лишь инструментом разрешения более глубоких экономических противоречий.

Причины ликвидации Уральской республики

Зарубежные и многие российские исследователи связывают причины неудачи реализации идеи Уральской республики, несмотря на высокую степень ее проработки и подготовленности, с поведением московской политической элиты.

Ст. Солник отмечает, что судьба Уральской республики наглядно продемонстрировала как помехи, стоявшие на пути региональной интеграции, так и широкие возможности маневрирования, которыми располагали федеральные власти в Москве [1. Р. 73].

По мнению Н.А. Комлевой, идея не была реализована, во-первых, из-за того, что влиятельнейший лоббист данной идеи в Москве Г.Э. Бурбулис – земляк как президента, так и губернатора Э.Э. Росселя – в 1993 г. уже лишился своего поста государственного секретаря при Президенте России. Во-вторых, она указывает на то, что события начала октября 1993 г. укрепили позиции президента и центральной исполнительной власти в целом. К субъектам Федерации, слишком свободно ведущим себя в отношении центра, были применены санкции, в частности, вышел указ президента, предусматривавший финансовые кары неплательщикам федеральных налогов [10. С. 23].

А. Дуняшин пишет: «Против создания Уральской Республики было окружение Бориса Ельцина. В частности Сергей Шахрай, в то время председатель Госкомитета по делам федерации и национальностей, и Сергей Филатов, руководитель администрации президента России. Они считали, что обретение областью с преимущественно русским населением республиканского статуса является шагом к распаду России» [39].

Многие исследователи указывают на то, что в федеральном центре вызвала опасение личность Э.Э. Росселя, лидера движения за создание Уральской республики. Н.А. Комлева указывает, что Россель точно нашел движитель своего пути на политический верх – естественно возникшее общероссийское движение регионов к самостоятельности и смягчению формальности (т.е. правовой неравноценности субъектов Российской Федерации и связанного с этим стремления к выравниванию правовых и экономических параметров их существования) Федерации [10. С. 23].

А.В. Гайда в интервью «Областной газете» в 2014 г. говорил: «Пошли разговоры, что Россель, дескать, собирается создавать армию, вводить свои деньги и выходить из состава России» [40].

Большая часть исследователей указывает на объективные причины неудачи «екатеринбургского феномена», прежде всего на то, что провозглашение Уральской республики произошло в неудачное время, когда в России происходили судьбоносные события.

Среди причин неудачи реализации идеи Уральской республики Н.А. Комлева называет то, что напуганное как фактическим отделением от России Чечни, так и слухами о возможном отделении других регионов, включая Уральский (вспомним также, что Татария не подписала вместе с другими субъектами федерации Федеративного договора, чем усугубила формалистический характер нашей формы государственного устройства), руководство страны решило задуть реализацию подобных идей в зародыше [10. С. 23]. А. Дуняшин указывает, что особенно негативно провозглашение Уральской республики стало расцениваться в Москве после событий 3–4 октября 1993 г., связанных с роспуском Верховного Совета и последующим подавлением попытки вооруженного сопротивления их сторонников. После этих событий роль федерального центра возросла, республики стали постепенно утрачивать ряд привилегий, предоставленных им предшествующими договорами. В новой Кон-

ституции о суверенитете республик уже не упоминалось, их уравнивали, по крайней мере формально, с областями [39].

По словам А.Д. Кириллова, оппоненты Уральской республики считали, что «в условиях политического кризиса и экономических катаклизмов действия Свердловского областного Совета не способствуют укреплению единства России, а выборы Губернатора Уральской республики могут привести к разрыву единой системы исполнительной власти в области» [41].

Причины ликвидации проекта Уральской республики часть исследователей относят на счет особенностей политических интриг и борьбы в окружении Ельцина. В то же время большая часть доводов звучит в пользу причин более объективных, связанных с опасениями федеральных элит поставить под угрозу единство Российской Федерации. Доводы основателей проекта о неприемлемости на Урале этнического и территориального сепаратизма не воспринимались в Москве как значимые. Такая особенность восприятия может быть объяснена с точки зрения теории онтологической безопасности.

А.В. Худайкулова и Н.Я. Неклюдов пишут об этом так: «Люди склонны к обеспечению безопасности личностного “я”. Но подобные ощущения определенности и стабильности они хотят проецировать и на внутренний общественный порядок, и международную систему в целом» [42. С. 131]. Внутренний порядок России в 1993 г. подвергался сильнейшим вызовам со стороны таких факторов, как экономический кризис, политическое противостояние Президенту России и Верховного Совета, сепаратистские настроения в национальных республиках. В этих условиях стремлением федеральных элит стало острое желание немедленно прекратить эксперименты и вернуться к привычной, «рутинной» картине федеративных отношений.

Оценка общественно-политических и правовых последствий ликвидации Уральской республики

Исследователи указывают на парадокс: несмотря на эфемерность существования Уральской республики, она оказала существенное влияние на развитие политического процесса не только в Уральском регионе, но и в России.

И.В. Осипов пишет: «Попытка создания Уральской Республики закончилась неудачей, но она оказала определенное влияние на политические процессы в стране. Ссылаясь на позицию краев и областей, их стремление к равноправию в рамках Федерации, центр получил возможность более последовательно отстаивать свою позицию в ходе полемики с национальными республиками» [5. С. 20–21].

А.Д. Кириллов отмечал: «Во многом благодаря деятельности политиков Урала к концу 1993 г. принятием Конституции Российской Федерации был снят вопрос о правовых основах федерализма в России, являвшийся главным элементом концепции нового федерализма, нашедшего воплощение в провозглашении Уральской республики. Уральская республика стала

немаловажным политическим фактором, обусловившим дальнейшие политические коллизии на Урале» [15. С. 131].

Один из разработчиков Конституции РФ 1993 г. С.М. Шахрай, вспоминая события на Урале, признавал, что эта история «сыграла на руку нам, разработчикам проекта Конституции» [43]. По мнению политика, «именно попытка Свердловской области в одностороннем порядке изменить свой конституционный статус поставила точку в дискуссиях о целесообразности “иерархии статусов” и привела участников разработки проекта новой российской Конституции к пониманию необходимости юридического закрепления равноправия всех российских регионов и включения в текст Основного закона единого понятия – “субъект Российской Федерации”» [44].

Назначенный временно исполняющим обязанности главы администрации Свердловской области Валерий Трушников в первом же своем интервью в новом качестве обратил внимание на то, что «в только что опубликованном проекте Конституции РФ, в статье 5, появился тезис о равноправии, равенстве всех субъектов Федерации. И предусмотрено законодательное право областей. Думаю, что в этом есть позитивный смысл проделанной работы» [45].

Ст. Солник отмечает, что с начала 1996 г. давление на федеральные власти русских регионов, требующих уравнивания с республиками, продолжало нарастать. С введением выборности губернаторов последние становились более независимыми: препятствовать их совместным действиям было теперь уже сложнее, особенно после того, как реорганизованный Совет Федерации стал их регулярно созываемым форумом. Автор высказывал предположение: «Не исключено, однако, что со временем, в результате возрастающей институализации региональных экономических ассоциаций, противостояние республик и регионов сместится расколом между областями» [1. Р. 75–76].

До 1996 г. двусторонние договоры заключались только с автономиями, что давало основания остальным членам Федерации заявлять, что такого рода соглашения стали исключительной прерогативой этнических республик. В январе 1996 г. Ельцин подписал аналогичные договоры со Свердловской, Калининградской, Оренбургской областями и Краснодарским краем.

Н.А. Комлева указывает: В начале 1996 г. был подписан Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области. В текст Договора вошли многие положения, соответствующие ныне действующему Уставу области, формулировок которого, надо отметить, много мягче и осторожней, чем былые «фанфары независимости» Конституции Уральской республики. Правда, при всей осторожности формулировок Устав области и Договор преследуют те же цели, что и во времена разработки идеи Уральской республики.

Модифицированная в Договоре о разграничении полномочий между федеральным центром и Свердлов-

ской областью идея Уральской республики закрепляет и расширяет права элит, продолжая общеисторическую линию развития России, которая всегда строилась «с крыши», с создания политических скреп, а не с осуществления общего экономического интереса [10. С. 26].

И.В. Осипов пишет: «Идеи проекта Уральской республики продолжали жить в общественном сознании и в дальнейшем сыграли заметную роль в общественно-политической жизни уральского региона» [9].

Британский историк-славист и русист П. Дьюкс отмечает, что «принятая в 1993 г. Конституция России наделила субъекты достаточно широкими правами в части формирования собственных органов управления. Свердловская область в полной мере воспользовалась этими правами, в связи с чем вопрос о создании собственной республики утратил прежнюю остроту» [13].

По словам И.В. Осипова, «ликвидация Уральской Республики не остановила процесс становления региональной модели власти в Свердловской области. Многие идеологи и активисты движения за создание республики вскоре вернулись на высокие посты в регионе. Формировавшаяся в области система управления во многом соответствовала тем положениям, которые были намечены в Конституции Уральской Республики. Дальнейшее общественно-политическое развитие Свердловской области и Урала в целом в значительной степени определялось влиянием событий и процессов, разворачивавшихся в начале 1990-х гг.» [5].

Заключение

Подводя итоги обзору научной литературы, можно сделать ряд выводов. Феномен Уральской республики уже около тридцати лет, с момента своего возникновения, продолжает вызывать интерес исследователей. Несмотря на то, что эта тема связана с «токсичной» проблемой сепаратизма, авторы ищут объяснения и в основном позитивно оценивают этот опыт.

Они выделяют несколько тезисов, которые раскрывают причины, почему именно Урал становится местом проведения столь необычного «сепаратистского» эксперимента.

С одной стороны, местные элиты сохранили связь, в том числе идейную, с реформаторской командой бывшего регионального лидера Б.Н. Ельцина, рассчитывая на его поддержку в продвижении реформ на местах. С другой стороны, сыграла свою роль своеобразная уральская идентичность, на существовании которой настаивает ряд исследователей. В любом случае региональное своеобразие присутствовало, вдохновляясь опытом первого Президента России.

Большинство исследователей отмечают, что причины, подтолкнувшие местные элиты к созданию Уральской республики, вполне прагматичны. Прежде всего, это сложившийся в момент ослабления центральной власти тренд развития сепаратистских настроений в стране. Наиболее яркими здесь могут служить примеры Чечни и Татарстана. Одним из важнейших выделяют «форалистический» характер (сложившаяся на тот момент правовая неравновесность) регионов России, требовавших компенсации. Такие требования были вызваны ухудшением экономической ситуации в ходе проводившихся радикальных реформ. Свердловская область как регион-донор требовала справедливого распределения ресурсов.

Уральская республика, просуществовавшая, по разным оценкам, от недели до нескольких месяцев, была ликвидирована по нескольким причинам. Свердловские элиты, в частности Г.Э. Бурбулис, утратили в тот момент влияние на президента. Но гораздо более значимым фактором следует считать сильную обеспокоенность кремлевских элит политической нестабильностью в стране, связанной с конфликтом президента и Верховного Совета России, а также угрозой распада государства, наиболее ярко проявившейся в Чечне.

Последствия уральского эксперимента большинство исследователей данной проблемы оценивают положительно. Несмотря на напряженный диалог сторон, очень важно, что он состоялся. Уральским элитам удалось донести до федерального центра понимание необходимости равноправия регионов, что позволило создать более устойчивую модель Федерации.

Список источников

1. Solnick St. Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation // Post-Soviet political order: Conflict and state building. N. Y., 1998. P. 58–80.
2. Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург : Академкнига, 2000. 640 с.
3. Рябов А. Уральская Республика: мифы и реалии // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 149–159.
4. Азанов Г.Г. Уральская республика: игра амбиций или необходимость. Екатеринбург : Уральский кадровый центр, 1994. 68 с.
5. Осипов И.В. Движение за создание Уральской Республики в контексте истории уральского регионализма : дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 243 с.
6. Кириллов А.Д., Кириллов Б.А. Рожденная демократией // Урал в панораме XX века. Екатеринбург : СВ-96, 2000. С. 450–454.
7. Кириллов А. К вопросу создания Уральской республики // Уральский федеральный округ. 2013. № 7–9 (авг.–окт.). С. 44–45.
8. Соловьева Т.В. Идея «Уральской республики» в условиях революционных потрясений // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сборник научных трудов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 287–298.
9. Осипов И.В. Проект создания Уральской республики в 1993 г. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2018. № 3. С. 143–160.
10. Комлева Н.А. Идея Уральской республики как выражение форалистического характера Российской Федерации // Российский федерализм: проблемы и перспективы дальнейшего развития : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2001. С. 18–26.
11. Мошкин С.В. Уральская республика. Хроники // Дискурс-ПИ. 2013. № 13. С. 103–107.
12. Бонет П. Невозможная Россия. Борис Ельцин, провинциал в Кремле // Uchebana5.ru. URL: <https://uchebana5.ru/cont/3502508.html> (дата обращения: 17.02.2022).
13. Dukes P.A. History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the PostSoviet Era. L. : Bloomsbury Academic, 2015. P. 186–187.
14. Herrera Y.M. Imagined Economies: The Sources of Russian Regionalism. Cambridge [etc.] : Cambridge univ. press, 2005. 320 p.

15. Кириллов А.Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990–1997 гг.). Екатеринбург : УрГУ, 1997. 391 с.
16. Россель Э.Э. Публично о личном. Записки на полях моей жизни. М. : Международный Демидовский Фонд, 2017. 287 с.
17. Баков А. «Уральская республика». Как это было // Демократия по-русски. Записки бывшего гражданина СССР: сайт. URL: <http://www.itsmycity.ru/blog/post/id/6532> (дата обращения: 17.02.2022).
18. Сурганов В.С. На изломе. Екатеринбург : Пакрус, 2004. 392 с.;
19. Левин А.Ю. Феномен: Штрихи к портрету Эдуарда Росселя. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. 320 с.
20. Самарин Ю.Е. Об Уральской республике. История Екатеринбургской городской Думы // YouTube. 29.10.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CucAho-RUPg> (дата обращения: 19.02.2022).
21. «Мы считывали хотя бы на диалог» / интервью А.В. Гребенкина и Э.Э. Росселя // Ваш выбор. 1993. № 5. С. 4–7.
22. Станислав Соломатов. Анатолий Гайда – соавтор коренных правовых преобразований в Свердловской области. URL: <https://www.oblgazeta.ru/society/15531/> (дата обращения: 21.02.2022).
23. Гайда Анатолий Войцехович: биобиблиография ученого (к 60-летию со дня рождения). Екатеринбург : УрО РАН, 2007. 134 с.
24. Фадеева М.А. Колония и терпение: внутренний неокOLONиализм и этнопOLитика на Урале // Дискурс Пи. 2003. № 3. С. 46–48.
25. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: Бытие и сознание : дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург : УПУ, 2003. 237 с.
26. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 12. С. 46–52.
27. Мурзин А.Э. Советский миф в судьбе Урала. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2016. 290 с.
28. Крылов М.П. Европейская идентичность в Европейской России : дис. ... д-ра геогр. наук. М. : Ин-т наследия, 2007. 381 с.
29. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005. М. : Русь-Олимп, 2007. С. 478–479.
30. Алябьева Т.К. Россия: от полураспада к централизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 285–295.
31. Панкевич Н.В. Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург, 2008.
32. Минеев А.П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 81–98.
33. Паин Э.А. Становление государственной независимости и национальной консолидации России: проблемы, тенденции, альтернативы // Мир России. 1995. № 1. С. 58–90.
34. Челиков В. Эдуард Россель: «Нам не нужен суверенитет, но очень нужна экономическая и законодательная самостоятельность» // На смену! 1993. 4 авг.
35. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.1993 г. № 1874. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4784> (дата обращения: 06.12.2021).
36. Леонтьев Д. Причины провозглашения Уральской Республики. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2001. 32 с.
37. Крюков Э. Об одном юбилее... Уральская республика и ее наследники // Суть времени. 2013. № 13. 30 янв. URL: <https://gazeta.eot.su/issue/13> (дата обращения: 11.02.2022).
38. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12–21.
39. Дуняшин А. Двадцать лет назад завершилась короткая история Уральской Республики. URL: <https://www.oblgazeta.ru/politics/13890/> (дата обращения: 15.02.2022).
40. Уральская народная республика 1991. URL: <https://workoutcrew.ru/uralskaya-narodnaya-respublika-1991/> (дата обращения: 11.02.2022).
41. Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь: Очерки истории. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2000. 414 с.
42. Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 129–149.
43. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. М. : Красная Звезда, 2013. 320 с.
44. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М. : Наука, 2013. 919 с.
45. Клепиков В. Жизнь продолжается. Трудная жизнь... // Областная газета. 1993. 11 нояб.

References

1. Solnick, St. (1998) Will Russia survive? Center and periphery in the Russian Federation. In: Rubin, B.R. & Snyder, J.L. (eds) *Post-Soviet Political Order: Conflict and state building*. New York: Routledge. pp. 58–80.
2. Alekseev, V.V. (ed.) (2000) *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. 2nd ed. Yekaterinburg: Akademkniga.
3. Ryabov, A. (2007) Ural'skaya Respublika: mify i realii [The Ural Republic: Myths and realities]. *Svobodnaya mysl'*. 6 (1577). pp. 149–159.
4. Azanov, G.G. (1994) *Ural'skaya respublika: igra ambitsiy ili neobkhodimost'* [Ural Republic: Game of ambition or necessity]. Yekaterinburg: Ural'skiy kadrovyy tsentr.
5. Osipov, I.V. (2021) *Dvizhenie za sozdanie Ural'skoy Respubliki v kontekste istorii ural'skogo regionalizma* [Movement for the creation of the Ural Republic in the context of the history of Ural regionalism]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Kirillov, A.D. & Kirillov, B.A. (2000) *Rozhdennaya demokratiey* [Born by democracy]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Ural v panorame XX veka* [Ural in the Panorama of the 20th Century]. Yekaterinburg: SV-96. pp. 450–454.
7. Kirillov, A. (2013) *K voprosu sozdaniya Ural'skoy respubliki* [To the question of the creation of the Ural Republic]. *Ural'skiy federal'nyy okrug*. 7–9. pp. 44–45.
8. Solov'eva, T.V. (2016) Ideya “Ural'skoy respubliki” v usloviyakh revolyutsionnykh potryaseniy [The idea of the “Ural Republic” in the context of revolutionary upheavals]. In: Mazur, L.N. et al. (eds) *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaya ideya, revolyutsionnaya mifologiya i praktika* [1917 in Russia: A socialist idea, revolutionary mythology and practice]. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 287–298.
9. Osipov, I.V. (2018) *Proekt sozdaniya Ural'skoy respubliki v 1993 g.* [Project for the creation of the Ural Republic in 1993]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*. 3. pp. 143–160.
10. Komleva, N.A. (2001) Ideya Ural'skoy respubliki kak vyrazhenie formalisticheskogo kharaktera Rossiyskoy Federatsii [The idea of the Ural Republic as an expression of the formalistic character of the Russian Federation]. In: *Rossiyskiy federalizm: problemy i perspektivy dal'neyshego razvitiya* [Russian Federalism: Problems and prospects for further development]. Yekaterinburg: [s.n.]. pp. 18–26.
11. Moshkin, S.V. (2013) Ural'skaya respublika. Khroniki [Ural Republic. Chronicles]. *Diskurs-PI*. 13. pp. 103–107.
12. Bonet, P. (1994) *Nevozmozhnaya Rossiya. Boris El'tsin, provintsial v Kremle* [Impossible Russia. Boris Yeltsin, provincial in the Kremlin]. [Online] Available from: <https://uchebana5.ru/cont/3502508.html> (Accessed: 17.02.2022).
13. Dukes, P.A. (2015) *History of the Urals: Russia's Crucible from Early Empire to the PostSoviet Era*. London: Bloomsbury Academic. pp. 186–187.
14. Herrera, Y.M. (2005) *Imagined Economies: The Sources of Russian Regionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Kirillov, A.D. (1997) *Ural: ot El'tsina do El'tsina (khronika politicheskogo razvitiya, 1990–1997 gg.)* [Ural: From Yeltsin to Yeltsin (chronicle of political development, 1990–1997)]. Yekaterinburg: Ural State University.
16. Rossel', E.E. (2017) *Publichno o lichnom. Zapiski na polyakh moey zhizni* [Public about Personal. Notes on the margins of my life]. Moscow: Mezhdunarodnyy Demidovskiy Fond.

17. Bakov, A. (n.d.) "Ural'skaya respublika". Kak eto bylo ["Ural Republic". How it was]. *Demokratiya po-russki. Zapiski byvshego grazhdanina SSSR* [Democracy in Russian. Notes of a former citizen of the USSR]. [Online] Available from: <http://www.itsmcity.ru/blog/post/id/6532> (Accessed: 17.02.2022).
18. Sarganov, V.S. (2004) *Na izlome* [At the Break]. Yekaterinburg: Pakrus.
19. Levin, A.Yu. (2007) *Fenomen: Shtrikhi k portretu Eduarda Rosselya* [Phenomenon: Strokes to the portrait of Eduard Rossel]. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
20. Samarin, Yu.E. (2013) *Ob Ural'skoy respublike. Istoriya Ekaterinburgskoy gorodskoy Dumy* [About the Ural Republic. History of the Yekaterinburg City Duma]. 29 October. [Online Video] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=CucAxo-RUPg> (Accessed: 19.02.2022).
21. Vash vybor. (1993) "My rasschityvali khotya by na dialog" / interv'y u A.V. Grebenkina i E.E. Rosselya ["We counted on at least a dialogue" / interview with A.V. Grebenkin and E.E. Rossel]. *Vash vybor*. 5. pp. 4–7.
22. Solomatov, S. (2014) Anatoliy Gayda – soavtor korennykh pravovykh preobrazovaniy v Sverdlovskoy oblasti [Anatoly Gaida is a co-author of radical legal reforms in Sverdlovsk]. *Oblgazeta.ru*. 23 January. [Online] Available from: <https://www.oblgazeta.ru/society/15531/> (Accessed: 21.02.2022).
23. Rudenko, V.N. (ed.) (2007) *Gayda Anatoliy Voytsekhovich: biobibliografiya uchenogo (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Gaida Anatoly Voitsekhovich: Bio-bibliography of the researcher (on the occasion of his 60th birthday)]. Yekaterinburg: UB RAS.
24. Fadeicheva, M.A. (2003) Koloniya i terpenie: vnutrenniy neokolonializm i etnopolitika na Urale [Colony and patience: internal neocolonialism and ethnopolitics in the Urals]. *Diskurs Pi*. 3. pp. 46–48.
25. Murzina, I.Ya. (2003) *Fenomen regional'noy kul'tury: Bytie i soznanie* [Phenomenon of regional culture: Being and consciousness]. Culturology Dr. Diss. Yekaterinburg.
26. Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2014) Ideologiya oblastnichestva kak faktor formirovaniya regional'noy identichnosti (na primere Sibiri i Urala) [The ideology of regionalism as a factor in the formation of regional identity (on the example of Siberia and the Urals)]. *Vestnik Iyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12. pp. 46–52.
27. Murzin, A.E. (2016) *Sovetskiy mif v sud'be Urala* [Soviet Myth in the Fate of Ural]. 2nd ed. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
28. Krylov, M.P. (2007) *Evropeyskaya identichnost' v Evropeyskoy Rossii* [European identity in European Russia]. Geography Dr. Diss. Moscow.
29. Pikhoya, R.G. (2007) *Moskva. Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy, 1985–2005* [Moscow. Kremlin. Power. Two stories of one country. Russia at the turn of the millennium, 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp. pp. 478–479.
30. Alyab'eva, T.K. (2018) Rossiya: ot poluraspada k tsentralizatsii [Russia: from half-life to centralization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. 5. pp. 285–295.
31. Pankevich N.V. (2008) *Modeli federativnogo ustroystva: zakonomernosti politicheskoy transformatsii* [Models of the Federal Structure: Patterns of political transformation]. Yekaterinburg: UB RAS.
32. Mineev, A.P. (2015) K voprosu o politicheskoy inokul'turnosti rossiyskikh regionov [To the question of the political foreign culture of Russian regions]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 1. pp. 81–98.
33. Pain, E.A. (1995) Stanovlenie gosudarstvennoy nezavisimosti i natsional'noy konsolidatsii Rossii: problemy, tendentsii, al'ternativy [The formation of state independence and national consolidation of Russia: problems, trends, alternatives]. *Mir Rossii*. 1. pp. 58–90.
34. Chelikov, V. (1993) Eduard Rossel': "Nam ne nuzhen suverenitet, no ochen' nuzhna ekonomicheskaya i zakonodatel'naya samostoyatel'nost'" [Eduard Rossel: "We do not need sovereignty, but we really need economic and legislative independence"]. *Na smenu!* 4 August.
35. President of Russia. (1993) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.1993 g. № 1874* [Decree of the Russian Federation of November 09, 1993 No. 1874]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4784> (Accessed: 06.12.2021).
36. Leont'ev, D. (2001) *Prichiny provozglasheniya Ural'skoy Respubliki* [Reasons for the Proclamation of the Ural Republic]. Moscow: ISPR RAS.
37. Kryukov, E. (2013) Ob odnom yubilee... Ural'skaya respublika i ee nasledniki [About one anniversary ... The Ural Republic and its heirs]. *Sut' vremeni*. 13. 30 January. [Online] Available from: <https://gazeta.eot.su/issue/13> (Accessed: 11.02.2022).
38. Zdravomyslov, A.G. (1993) Fundamental'nye problemy sotsiologii konflikta i dinamika massovogo soznaniya [Fundamental problems of the sociology of conflict and the dynamics of mass consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 8. pp. 12–21.
39. Dunyashin, A. (2013) Dvadsat' let nazad zavershilas' korotkaya istoriya Ural'skoy Respubliki [Twenty years ago the short history of the Ural Republic ended]. *Oblgazeta.ru*. 8 November. [Online] Available from: <https://www.oblgazeta.ru/politics/13890/> (Accessed: 15.02.2022).
40. Moi rekomendatsii [My Recommendations]. (2021) *Ural'skaya narodnaya respublika 1991* [Ural People's Republic 1991]. [Online] Available from: <https://workoutcrew.ru/uralskaya-narodnaya-respublika-1991> (Accessed: 11.02.2022).
41. Kirillov, A.D. & Popov, N.N. (eds) (2000) *Ural: vek dvadtsatyy. Lyudi. Sobytiya. Zhizn': Ocherki istorii* [Ural: Twentieth century. People. Developments. Life: Essays on History]. Yekaterinburg: Ural'skiy rabochiy.
42. Khudaykulova, A.V. & Neklyudov, N.Ya. (2019) Kontseptsiya ontologicheskoy bezopasnosti v mezhdunarodno-politicheskom diskurse [The concept of ontological security in international political discourse]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 12 (6). pp. 129–149.
43. Shakhrai, S.M. (2013) *Neizvestnaya Konstitutsiya. Constitutio incognita* [Unknown Constitution. Constitutio incognita]. Moscow: Krasnaya Zvezda.
44. Shakhrai, S.M. (2013) *O Konstitutsii: Osnovnoy zakon kak instrument pravovykh i sotsial'no-politicheskikh preobrazovaniy* [On the Constitution: The Basic Law as an Instrument of Legal and Socio-Political Changes]. Moscow: Nauka.
45. Klepikov, V. (1993) Zhizn' prodolzhaetsya. Trudnaya zhizn'... [Life goes on. Difficult life...]. *Oblastnaya gazeta*. 11 November.

Информация об авторах:

Камынин В.Д. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kamyninv@yandex.ru

Лямзин А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: lyamzin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.D. Kamynin, Dr. Sci. (History), professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kamyninv@yandex.ru

A.V. Lyamzin, Cand. Sci. (History), associate professor, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lyamzin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022;
одобрена после рецензирования 23.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 19.03.2022;
approved after reviewing 23.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 352; 327
doi: 10.17223/15617793/481/17

Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия

Светлана Викторовна Кондратьева¹

¹ Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»,
Петрозаводск, Россия, svkorka@mail.ru

Аннотация. Показана значимость побратимского движения в развитии доброжелательных (добрососедских) отношений между государствами на основе опыта взаимных обменов, сотрудничества и реализации совместных проектов. Целью исследования является анализ международных практик взаимодействия Республики Карелия и Финляндии с упором на побратимские связи в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: институт побратимства, добрососедские отношения, карельско-финляндские побратимские связи, города-побратимы, Финляндия, Республика Карелия, муниципалитет

Для цитирования: Кондратьева С.В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156. doi: 10.17223/15617793/481/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/17

Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction

Svetlana V. Kondrateva¹

¹ Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russian Federation, svkorka@mail.ru

Abstract. The article reveals the theoretical and practical aspects of the development and the significance of the sister city movement in the development of benevolent (neighborly) relations between the peoples of different states (good neighborliness), in the formation of ideas about their culture, values and way of life based on the experience of mutual exchanges, cooperation, and the implementation of joint projects. The aim of the study is to analyze international practices of interaction between the Republic of Karelia and Finland with an emphasis on sister city relations in the historical retrospective and in the face of modern challenges. The article presents the transformation of the Karelian-Finnish twinning that has been developing since the second half of the 20th century, from a response to the realities of historical challenges into a relationship formed by the 21st century, institute of twinning, which is an effective tool for improving mutual understanding at the regional and local levels. The research revealed that by 2022, in total, the municipalities of the Republic of Karelia have established about 50 international (including border, sister city) contacts with administrative-territorial units of foreign states, of which more than half (59.2%) are in Finland. A detailed analysis of Karelian-Finnish sister city relations (geography and activities) between the municipalities of the Republic of Karelia and the administrative-territorial units of Finland is presented. The analysis has shown that the international relations of the Karelian municipalities are mainly concluded with the administrative-territorial units of the border regions of Finland (from north to south along the state border): Northern Ostrobothnia, Kainuu, North Karelia and South Karelia, as well as Northern Savo and Central Finland. Based on data analysis, three periods of development of the Karelian-Finnish sister city relations are identified. Given the high significance and number of international treaties and agreements concluded, including twinning contacts, with the administrative-territorial units of neighboring Finland, attention should be paid to the lack of information content and updating of the official websites of the municipalities of the Republic of Karelia in the context under study. It is shown that the existing gaps in the information field, the prevailing challenges of our time, have a restraining effect on the possibilities of revealing and realizing the joint potential of sister cities of adjacent territories. Overcoming the challenges of modernity through the institution of twinning seems to be one of the urgent tasks that require significant efforts on the part of various actors on different sides of state borders.

Keywords: institution of twinning, good neighborliness, Karelian-Finnish twinning, sister cities, Finland, Republic of Karelia, municipality

For citation: Kondrateva, S.V. (2022) Sister city connections in the development of benevolent relations: The practice of Karelian-Finnish interaction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 143–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/17

Введение

Международная практика побратимского движения демонстрирует свою высокую значимость в развитии доброжелательных (добрососедских) отношений между народами разных государств, в формировании представлений об их культуре, ценностях и образе жизни на основе опыта взаимных обменов, сотрудничества и реализации совместных проектов. Проблематика побратимских связей особенно актуальна в периоды усиления противоречий, обострения межгосударственных отношений в силу специфики ее акторов.

Карельско-финляндские побратимские связи, развивающиеся со второй половины XX в., демонстрируют процесс преобразования из ответа на реалии исторических вызовов в сформированный к XXI в. институт побратимства, являющийся действенным инструментом улучшения взаимопонимания на региональном и локальном уровнях. Вместе с тем имеющиеся пробелы в информационном поле, довлеющие вызовы современности оказывают сдерживающее влияние на возможности раскрытия и реализации совместного потенциала городов-побратимов сопредельных территорий.

Целью исследования является анализ международных практик взаимодействия Республики Карелия и Финляндии с упором на побратимские связи в исторической ретроспективе и в условиях современных вызовов. В статье не рассмотрены международные связи приграничного региона с другими государствами мира, а также не раскрыты внутригосударственные контакты городов-побратимов.

О значимости развития побратимских связей

К настоящему времени накоплен значительный научный опыт, раскрывающий проблематику терминологии института побратимства, различных аспектов взаимодействия, реализации совместных проектов и инициатив. В качестве дефиниций исследуемого явления можно привести несколько. Например, городами-побратимами являются города, заключившие «соглашения о побратимских отношениях и между которыми установлены постоянные дружественные связи для взаимного ознакомления с жизнью, историей и культурой с целью достижения лучшего взаимопонимания, укрепления сотрудничества и дружбы, а также обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями и организациями» [1]. Также, города-побратимы представляют собой «города разных государств, установившие между собой дружественные отношения в интересах «культурного и экономического сотрудничества, обмена опытом, укрепления дружбы и взаимопонимания между народами» [2]. Кроме того, А.В. Шеремет подчеркивает, что развитие культурных, технических, экономических, образовательных и других контактов между населением различных городов способствовало их преобразованию «в XX веке в реальный фактор международного сотрудничества» [2]. Г.О. Яровой и

М.А. Подольский показывают, что «побратимство городов – это заслуживающий внимания инструмент влияния на социокультурное и экономическое развитие городской среды, которые могут и должны использовать муниципальными властями и другими акторами» [3]. З.И. Колева справедливо замечает, что, «будучи абсолютно архаичным по моменту своего зарождения, побратимство не потеряло своей актуальности в мире глобальной экономики, культуры и политики». Так, побратимство является ресурсом развития городов, инструментом расширения информационного поля, раскрывая возможности использования опыта городов-побратимов в сфере экономики, образования и культуры. Кроме того, «усиление партнерских отношений между породненными городами способствует коммуникации различных диаспор, культур, религий и социальных групп» [4].

Эксперты в развитии международного сотрудничества и развития побратимского движения показывают, что «интенсивные контакты в сфере трансграничного сотрудничества способствуют, вместе с тем, решению задач конструирования позитивного имиджа территории и определяют потенциальные возможности парадипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» [5].

Значимость развития побратимского движения в развитии международных отношений между РФ и зарубежными государствами, а также в региональном развитии российских территорий иллюстрируется рядом положительных практик. Так, на примере развития побратимских отношений Республики Удмуртия и штата Юта (США) А.Г. Горбунов объясняет становление «основы для создания еще одного важного комплексного ресурса регионального значения, что помогает эффективно решать вопросы экономического, культурного и общественного характера в ходе развития международных отношений» [6]. А.А. Толщина [7] указывает, что статус побратимства символизирует «взаимное признание и уважение городов-партнеров, вложение инвестиций в их развитие, укрепление культурных связей». Кроме того, статус города-побратима открывает возможности формирования заявок в международные организации за поддержкой совместных проектов и начинаний [1].

На основе исследования связей г. Владивостока Е.С. Попов и В.А. Приходько [1] приходят к заключению о том, что «улучшению отношений между городами и плавный их переход в породненные города устанавливает постоянные дружественные отношения между собой, улучшает взаимопонимание и укрепляет межнациональные связи». Так, межкультурные связи между городами-побратимами на основе культурного туризма способствуют развитию толерантности, неприятия национализма, расизма, уважения других культур в процессе формирования непосредственных впечатлений о дестинации [8].

Особое место в установлении и развитии побратимских связей занимают города, «географическое и историческое развитие которых способствует установлению интенсивных контактов с соседними территориями» [9]. Социологические исследования мнения

жителей приграничных муниципалитетов Белгородской области и областных центров, проведенное В.А. Сапрыкой и Р.А. Травиным в 2016–2017 гг., выявило необходимость института побратимства для развития приграничного и межмуниципального сотрудничества. Исследователи подчеркивают значимость движения породненных городов для приграничных территорий. Так, советский и европейский опыт демонстрирует эффективность института побратимства в городском развитии, а также применение «его в качестве важного инструмента публичной и народной дипломатии». Так, «не являясь субъектом международного права, местное самоуправление играет роль субъекта международного общения» и в рамках института побратимства может выступать актором общественной/публичной дипломатии» [10].

Следует подчеркнуть, что основной задачей побратимских связей является «создание необходимых предпосылок для дальнейшей реализации экономических интересов» [11]. В качестве направлений для успешного развития международного сотрудничества М.В. Кузьмина предлагает создание условий, благоприятствующих активизации интеграционных процессов, а также формирование механизмов взаимодействия, предусматривающих разработку и реализацию конкретных проектов [12].

Актуальность и значимость развития побратимского движения подчеркивается инициативой объявления 2022 г. Годом побратимских связей, адресованной в мае 2021 г. в Общественной палате РФ главам регионов РФ – участниками конференции «Побратимское движение: барьеры и перспективы развития международного межмуниципального сотрудничества». Кроме того, Л. Шафиров, заместитель председателя комиссии ОПРФ по территориальному развитию и местному самоуправлению, подчеркнул, что «международные отношения перестали быть прерогативой и компетенцией исключительно органов государственной власти. В этот процесс все больше вовлекаются муниципалитеты, граждане и общественные объединения». В качестве предложений органам федеральной и региональной власти указывалось: внедрение дополнительных мер поддержки въездного туризма из муниципалитетов-побратимов, проведение федерального конкурса муниципальных программ развития международного сотрудничества, выработка методических рекомендаций по организации взаимодействия российских муниципалитетов с зарубежными городами-побратимами, внесение изменений в федеральное законодательство [13]. Однако следует указать, что еще в 2017 г. Президентом РФ В.В. Путиным на встрече с членами Общественной палаты РФ указывалось на необходимость развития горизонтальных связей с иностранными партнерами.

Обобщая практику взаимодействия городов-побратимов, М.А. Мыльников [14] обосновывает ее уникальность, включая синергетический эффект, активизацией сотрудничества в сфере обмена опытом местного самоуправления, партнерства деловых структур и многоаспектного взаимодействия гражданского общества. Основой выстраивания побратим-

ских отношений являются «исторически сложившиеся доверительные связи между представителями местных образований и локальными сообществами» [15], а также «неразрывные духовные связи, многовековое историческое и культурное наследие, когда сотрудничество в сфере культуры осуществляется на межгосударственном, межнациональном и межрегиональном уровнях» [16]. Вместе с тем исследователи подчеркивают неполноту использования потенциала института побратимства российскими городами, особенно средними и малыми [10].

Таким образом, институт побратимства способен повысить уровень международного доверия в отношениях между городами-побратимами, улучшая имидж региона и государства в целом.

Побратимское движение: краткий исторический экскурс

Становление побратимского движения, а также общественного движения породненных городов относится к середине XX в. Так, целью программы People-to-People, учрежденной Президентом США Д. Эйзенхауэром 11.09.1956 г., явилось «укрепление международного взаимопонимания и дружбы посредством образовательной, культурной и гуманитарной деятельности, обменом опытом между народами разных стран и культур» [2]. Также в 1956 г. в США был создан Гражданский комитет, одним из направлений работы которого явилось развитие побратимских связей, преобразованный в 1967 г. в Ассоциацию породненных городов США (Sister Cities International). Параллельно в 1957 г. во Франции была создана Всемирная Федерация породненных городов. Кроме того, наращивал признание созданный в 1951 г. Совет Европейских муниципалитетов (Council of European Municipalities). Идеологическое противоборство, имевшее места в середине XX в., проявилось в существовании нескольких общественных организаций, регулировавших отношения городов-побратимов.

Наибольшее развитие институт породненных городов получил в 1940–1950 гг., что обуславливалось «разрушительными последствиями войны, вследствие которой пострадавшим странам было необходимо оказывать друг другу не только материальную, но и моральную поддержку». Согласно данным немецкого ученого Т. Грунерта, к 1980 г. число породненных городов в мире составляло более 6,5 тыс. [17]. Породнение городов осуществляется в основном на основе схожести исторических аспектов, административного устройства, географического положения [18].

СССР также начала включаться в процесс выстраивания побратимских отношений с зарубежными партнерами. В довоенный период народная дипломатия, связанная с работой Общества культурной связи с заграницей (создание в 1925 г.), материализовалась в международных контактах и связях посредством реализации научных и культурных программ [19]. В целях координации деятельности обществ дружбы в 1958 г. был создан Союз советских обществ дружбы и культурной связи (ССОД) с зарубежными странами

на основе уже функционировавшего с 1925 г. Всесоюзного общества культурной связи с границей [20, 21]. ССОД представляла собой объединение советских общественных организаций в целях развития и укрепления дружбы и культурного сотрудничества народов СССР и зарубежных государств [21]. В 1958 г. наряду с иными обществами дружбы была создана организация «СССР – Финляндия».

В 1964 г. была создана Ассоциация по связям советских и зарубежных городов – общественная организация (также вошедшая в состав ССОД [20], включенная в Союз советских обществ дружбы в целях развития международных контактов советских городов в интересах укрепления взаимопонимания и дружбы народов, пропаганды успехов экономического и культурного строительства за рубежом. Например, в 1960-х гг. более 80 советских городов обладали взаимосвязями с более чем 200 зарубежными городами [22], позднее порядка 300 советских городов и регионов породнились с 530 городами и регионами 71 государства [21]. Следует указать на главенство идеологического фактора в выборе зарубежных городов в советский период. Кроме того, «любая деятельность, связанная с международным сотрудничеством, являлась прерогативой государства... поведение регионов на международной арене, внешнеэкономическая деятельность планировались и контролировались федеральными органами власти и их структурами на местах» и осуществлялись до середины 1980-х гг. [11]. Так, взаимодействие реализовывалось в основном на основе официальных встреч, взаимной переписки и официальных приветствий в праздничные и юбилейные даты [23].

В.А. Шлямин, д-р экон. наук, эксперт российско-финляндских экономических отношений (1992–2022 гг. – министр внешних связей и министр экономического развития Республики Карелия, 2003–2007 гг. – торговый представитель РФ в Финляндии) подчеркивает, что «в основу добрососедства (СССР и Финляндии. – С.К.) был положен прагматический подход и принцип экономической взаимовыгоды». Кроме того, «атмосфера доверия в экономических отношениях», сформированная «на всех уровнях контактов от лидеров государств до рядовых специалистов» не смогла быть нарушена «вводом ограниченного советского воинского контингента в Афганистан в декабре 1979 г.» [24. С. 143–149].

Первой научной работой, раскрывающей проблематику побратимского движения, является диссертация М. Зайцева (1969 г.), а также подготовленное исследователем издание «Города-побратимы», анализирующие 10-летний опыт функционирования Всемирной федерации породненных городов, принципы и особенности ее работы [19]. Позднее стали появляться работы, фрагментарно раскрывающие исторические аспекты побратимского движения между советскими городами и городами зарубежных государств [25. С. 192].

На рубеже XX–XXI вв. механизмы «народной дипломатии становятся инструментом интеграции муниципалитетов регионов... элементом гуманизации и децентрализации международных связей» [26]. Начиная с 2000-х гг. в научном сообществе интерес к про-

блематике развития института побратимства усилился, материализуясь в многочисленные региональные исследования, посвященные практикам взаимодействия отдельных городов-побратимов [2, 27, 28], направлениям сотрудничества и работе общественных организаций [20, 29].

Отдельного внимания заслуживает фактор личных контактов в становлении и развитии побратимского движения, что подтверждается практикой побратимства, например пар городов Псков – Нойс, Германия [30], Петрозаводск – Дулут, США [2]. Практика регионов показывает значительные диспропорции в вопросе установления и удержания породненных контактов среди центральных и средних (малых) городов. В качестве примеров можно привести ряд субъектов РФ: Иркутская область, когда приоритет в деле установления и поддержания побратимских связей принадлежит г. Иркутску [11], Республика Карелия аналогично, Петрозаводск [31] и др. Особую роль в развитии побратимского движения играют общественные организации дружбы, созданные с целью укрепления взаимоотношений двух государств посредством реализации различных мероприятий [20, 23, 32].

Касательно изучения практики развития побратимских отношений карельских и финских партнеров в исторической ретроспективе и в реалиях XX в. необходимо выделить ряд работ исследователей-экспертов: Л.И. Вавулинской [33–36], Н.В. Лаврушиной [21, 37, 38], Е.А. Шлапеко [39]. Особого внимания заслуживает серия публикаций Н.В. Лаврушиной (единолично и в соавторстве), эксперта в вопросах развития международных отношений и побратимского движения, которая долгое время возглавляла отдел внешних связей Петрозаводского городского округа, с февраля 2020 г. – исполнительный директор Карельского фонда развития общественной дипломатии [21, 37, 38, 40].

Современный этап развития М.А. Мыльников [14] характеризует в качестве феномена «дипломатии городов». Так, в 2008 г. на I всемирной конференции по дипломатии городов (Нидерланды) была принята «Га-агская повестка дня по дипломатии городов», декларирующая «развитие инициатив городских и местных властей по поддержанию и укреплению мира... продвижению культуры мира» [14]. На практике реализация «дипломатии городов» проявляется в движении побратимских связей [20].

Т.В. Паликова [9] выделяет несколько важных форм и методов сотрудничества городов-побратимов:

- обмен официальными делегациями;
- организация дней или недель дружбы;
- обмен художественными коллективами;
- обмен художественными артефактами (например, фотографиями);
- молодежная мобильность.

В качестве критериев выделения практики побратимства от иных форм международного сотрудничества на муниципальном уровне А.А. Чернышкова [15] выделяет следующие:

- формальное закрепление сотрудничества, материализующееся в документах, содержащих, как правило, широкий спектр сфер взаимодействия;

– динамичность института побратимства, выраженную в росте экономических интересов в рамках сотрудничества;

– культурное взаимопонимание.

Вместе с тем следует указать, что, несмотря на формальное закрепление сотрудничества, К.В. Фархутдинова [17], исходя из анализа побратимских соглашений и договоров, подчеркивает значимость неофициального характера взаимодействия, поскольку «стороны определяют лишь самые общие направления сотрудничества... нормы не носят общеобязательного характера... и текст... не содержат норм, предусматривающих ответственность за невыполнение этих условий».

Обобщая научный задел, Р.С. Мухаметов [41] выделил несколько групп факторов, оказывающих влияние на «уровень международной вовлеченности городов в побратимские отношения»: географический, экономический, демографический, политико-правовой, а также культурно-историческое наследие.

В условиях современных вызовов ограничений пандемии COVID-19 поддержание межкультурных контактов между достаточно удаленными городами-побратимами становится возможным благодаря развитию технологий. Так, проведение «видеоконференций и взаимных консультаций с целью обмена опытом и повышения квалификации медицинского персонала» представляется успешным примером продуктивного сотрудничества в области медицины между русскими и японскими городами-побратимами [18]. Другим примером представляется опыт проведения Российско-Финляндского культурного форума в режиме онлайн в 2020–2021 гг. из-за ограничений пандемии COVID-19 на пересечение государственной границы [42].

Карельско-финляндские побратимские связи

Процесс установления дружественных контактов и развития побратимского движения городов Республики Карелия начался во второй половине XX в. Исследователи указывают, что карельские города включились в движение породненных городов в 60-е годы XX века» [5, 31], хотя первые контакты между карельской столицей и финским г. Варкаус относятся к концу 1950-х гг. [38] благодаря столичному статусу, наиболее активно в котором участвовал Петрозаводск, заключивший уже к началу 1990-х гг. договора о дружбе с шестью зарубежными партнерами [31]. Любопытно, что заключенный в марте 1987 г. договор о дружбе и сотрудничестве между Петрозаводском и Дулутом (штат Миннесота, США) явился седьмым по счету договором о побратимских связях между советскими и американскими городами в период холодной войны [2].

Установлению партнерских отношений финских городов с советскими городами способствовало организованное в 1944 г. в Финляндии Общество дружбы «Финляндия – СССР» (сейчас «Финляндия – Россия»), позднее в 1958 г. в Советском Союзе образовалось Общество дружбы «СССР – Финляндия»; деятельность этих обществ «приобрела широкую популярность... внесла большой вклад в дело укрепления

дружбы и сотрудничества». Обе общественные организации являлись одними из самых массовых в Финляндии и Советском Союзе. Так, финская организация, возглавляемая Президентом государства У. Кекконеном, в 1970-е гг. объединяла порядка 230 тыс. индивидуальных и 1,4 тыс. коллективных членов; советская – 685 коллективных членов [20].

Становление побратимского движения между СССР и Финляндией, во многом благодаря деятельности финского Общества дружбы, восходит к 1953 г., когда были сформированы связи между советским г. Запорожье и финским г. Лахти, а также пары Ленинград – Турку. Так, к 1963 г. существовали шесть пар городов-побратимов между сопредельными государствами. Петрозаводск можно рассматривать в качестве пионера советско-финляндского побратимского движения [21].

Развитие побратимского движения в Карельской АССР (современной Республике Карелия) началось со столицы – г. Петрозаводск в 1965 г., когда были установлены первые побратимские связи с финским г. Варкаус. В данный исторический период внешнеполитические отношения СССР и Финляндии базировались на Договоре о дружбе, сотрудничестве, взаимной помощи (1948 г.), подкрепляясь активной деятельностью Общества дружбы «Финляндия – Советский Союз». Карельское отделение Общества дружбы «СССР – Финляндия», созданное в 1962 г., «способствовало увеличению тиража финских журналов и газет, постановке спектаклей на финском языке и обмену культурными делегациями». На основе Договора «было заключено более 100 договоров и соглашений по различным вопросам взаимоотношений и сотрудничества между двумя странами» [21, 39].

В апреле 1965 г. предложение И. Гришкина, председателя исполкома горсовета Петрозаводска, об установлении побратимства между карельским городом и г. Варкаус, адресованное Эйно Э. Салми, мэру финского города, было «единогласно принято на Совете городских уполномоченных Варкауса» уже в мае того же года». Вместе с тем исследователи подчеркивают, что выбор карельской столицы в качестве побратима г. Варкаус еще в 1965 г. исходило от Варкаусского отделения Общества дружбы «Финляндия – СССР» посредством обращения в посольство СССР и в Общество дружбы «СССР – Финляндия» [39]. В обращении подчеркивалась выгода географического положения карельской столицы, активное использование финского языка, что в дальнейшем будет способствовать развитию международных контактов. Официальный документ установления и развития побратимских связей был подписан значительно позднее, 13.08.1975 г. Преамбула договора обозначала в качестве его основания «хорошие взаимоотношения городов и взаимный интерес жителей городов к жизни и культуре другой стороны... Договор является рамочным соглашением... о конкретных мероприятиях сотрудничества стороны договариваются ежегодно путем согласования планов» [38].

В период 1960–1970-х гг. столица и районы Карельской АССР принимали активистов коммунисти-

ческой партии Финляндии, были организованы молодежные лагеря, концертные выступления финских артистов [33]. Активно функционировало Карельское отделение Общества дружбы «СССР – Финляндия»: осуществлялся систематический обмен туристскими группами, проходила демонстрация фильмов, привлекались к работе университет, Карело-Финский филиал Академии наук СССР, редакции газет и журналов, союзы творческих работников, театров и пр. [39]. Так, начиная с 1972 г. регулярное проведение дней городов-побратимов в Петрозаводске и Варкаусе являлось до периода ограничений «самой яркой и успешной формой сотрудничества», одновременно праздновались юбилейные даты установления побратимских отношений [38].

Следует подчеркнуть, что в период холодной войны Финляндия была единственным зарубежным капиталистическим государством, имеющим Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1948 г.) с СССР. Тогда «советско-финляндские отношения образовали уникальную модель межгосударственного сотрудничества в условиях конфронтации между Западом и Востоком. Курс Паасикиви – Кекконена стал не только правительственной, но и общенациональной политикой» [36].

Трансформация социально-экономического пространства в 90-х гг. XX в., «изменение геополитического положения на мировой арене отразились на характере взаимодействия Российской Федерации с сопредельными странами, положив начало выстраиванию качественно нового политического, экономического и культурного диалога между государствами по обе стороны границы» [43]. Так, в 1992 г. состоялось подписание Договора об основах отношений между Россией и Финляндией и Договора о сотрудничестве между Россией и Финляндией в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Кроме того, в г. Петрозаводск стало функционировать Министерство внешних связей РК (1992–2002 гг.) [39]. Российская Федерация и Финляндия «настойчиво совершенствовали институты двусторонних экономических отношений, снимая таможенные, налоговые, административные препятствия и бюрократические барьеры» [24. С. 147]. Так, международный коллектив экспертов развития карельско-финляндского побратимского движения указывает, что в 1990-х гг. все муниципальные образования Республики Карелия имели побратимские связи с финскими муниципалитетами [37].

В.А. Шлямин высоко оценивает роль Республики Карелия в сохранении добрососедских отношений и взаимовыгодных торгово-экономических, научных и культурных связей с Финляндией [24. С. 34]. Игнорирование совместных культурных проектов лишает стран-соседей возможностей лучшего понимания многообразия и богатства национальных культур, традиций, ценностей [24. С. 127–128].

Исследователи и эксперты побратимского движения Республики Карелия подчеркивают, что «в оформлении контуров международного диалога существенное значение имела гуманистическая состав-

ляющая, которую на договорной основе муниципальные образования республики продолжают и обновляют на современном этапе» [5].

Обращаясь к современной сети партнерских связей городов-побратимов Республики Карелия, следует указать, что Петрозаводск (столица приграничного субъекта РФ) выгодно выделяется на фоне остальных малых и средних карельских городов. На сегодняшний день у Петрозаводского городского округа действуют договоры о побратимских связях с 12 зарубежными городами десяти стран Европы (Германия, Беларусь, Литва, Норвегия, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония), Передней Азии (Армения) и Северной Америки (США), подтверждаемые регулярной активностью на основе обмена информацией и реализации различных взаимовыгодных проектов [44].

Международные связи карельских муниципалитетов преимущественно заключены с административно-территориальными единицами приграничных областей Финляндии (с севера на юг вдоль государственной границы): Северная Остроботния, Кайнуу, Северная Карелия и Южная Карелия, а также с Северным Саво и Центральной Финляндией (рис. 1).

К 2022 г. совокупно у муниципальных образований Республики Карелия установлено порядка 50 международных (включая приграничные, побратимские) контактов с административно-территориальными единицами зарубежных государств, из которых больше половины (59,2%) приходится на Финляндию. Международные связи муниципалитетов Республики Карелия с территориями Финляндии представлены в таблице. Кроме обозначенного, глубинные муниципалитеты региона имеют побратимские связи: Беломорский район – с финским г. Хаапавеси (1990 г., область Северная Остроботния), и Олонецкий национальный район – с тремя поселениями Хюрюнсальми, Пуоланка и Ристиярви (1989 г., Кайнуу) [37]. Интересен кейс Костомукшского городского округа, имеющего трехсторонний договор о побратимских связях сразу с финскими и шведскими коммунами. Питкярантский муниципальный район в силу специфики исторического развития (см. подробнее: [45]) и активности приграничного взаимодействия является лидером в регионе, уступая столичному муниципалитету, по числу международных соглашений и договоров с финскими партнерами различного административно-территориального уровня (коммуны, населенные пункты). Единственным приграничным муниципалитетом, не имеющим международных договоров о сотрудничестве с финскими партнерами, является Суоярвский район, среди глубинных таковых пять.

В разрезе установления побратимских и дружественных связей муниципалитеты Республики Карелия имеют документально оформленные взаимоотношения с 33 административно-территориальными единицами различного уровня, половина из которых относятся к территории Финляндии. Петрозаводскому городскому округу принадлежит первенство установления побратимских связей с финским г. Варкаус в 1975 г., большинство остальных пар городов-побратимов было образовано позднее, в период 1986–1994 гг. Исключением является договор, подписан-

ный уже в XXI в между российским пос. Муезерский и финским г. Лиекса в 2013 г. Питкярантский муниципальный район также лидирует не только по числу установленных международных контактов, но и по активности побратимского сотрудничества, как на уровне муниципалитета, так и на уровне отдельных сельских поселений (например, пос. Салми). Имею-

щиеся официальные соглашения направлены на активизацию контактов между муниципальными организациями, общественными объединениями и локальным населением. Следует указать, что финский побратим столичного округа г. Йёнсуу является одновременно центром приграничного сотрудничества Республики Карелия и Финляндии.

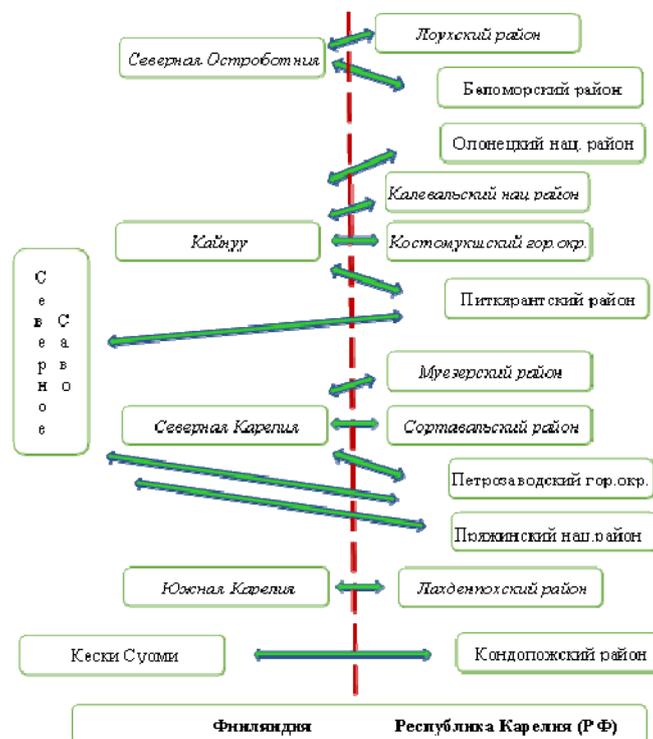

Рис 1. География международных связей муниципалитетов Республики Карелия с областями Финляндии на 01.01.2022 г. (Курсивом выделены приграничные муниципалитеты Республики Карелия и области Финляндии. Составлено на основе данных официальных сайтов администраций муниципальных районов РК и представительства МИД России в Петрозаводске)

Международные связи муниципалитетов Республики Карелия с административно-территориальными единицами Финляндии

Муниципалитет	Наименование документа, дата заключения – срок действия
Петрозаводский городской округ	Договор о дружественных связях между городами Петрозаводск (СССР) и Варкаус (Финляндия), 1975; Меморандум о сотрудничестве между городом Петрозаводском и городом Йёнсуу, 2014; Меморандум о сотрудничестве между городом Петрозаводском и городом Йёнсуу, 2015–2020
<i>Костомукшский городской округ</i>	Договор о побратимских связях с коммуной Кухмо (Финляндия), 1986; Договор о побратимских связях Костомукши с коммуной Кухмо (Финляндия) и коммуной Робертсфорс (Швеция), 2009; Соглашение о приграничном сотрудничестве между Костомукшским городским округом (Российская Федерация, Республика Карелия) и городом Каяни (Финляндская Республика), 2018–2023; Меморандум о взаимодействии между Костомукшским городским округом (Российская Федерация, Республика Карелия) и Региональным союзом Кайнуу (Финляндская Республика), 2018
Беломорский муниципальный район	–
<i>Калевальский национальный муниципальный район</i>	Договор о побратимских связях с Коммуной Суомуссалми (Финляндия), 1989
Кемский муниципальный район	–
Кондопожский муниципальный район	Соглашение между исполкомом Кондопожского городского совета и муниципалитетом города Ямсянкоски (Ямса) (Финляндия) об установлении побратимских связей, 1989
<i>Лахденпохский муниципальный район</i>	Соглашение о сотрудничестве Лахденпохья с муниципалитетом коммуны Париккала (Финляндия), 2008
<i>Лоухский муниципальный район</i>	Соглашение между городом Куусамо и Лоухским районом, 1989
Медвежьегорский муниципальный район	–
<i>Муезерский муниципальный район</i>	Договор об установлении побратимских отношений и укреплении дружбы и сотрудничества поселка Муезерский с городом Лиекса (Финляндия), 2013
Олонецкий национальный муниципальный район	–

Муниципалитет	Наименование документа, дата заключения – срок действия
Питкярантский муниципальный район	Договор о побратимских связях между коммунной Палтамо (Финляндия) и г. Питкяранта, 1989; Договор об установлении отношений побратимства Салминского сельского поселения с коммунной Ваала (Финляндия), 1989; Договор о сотрудничестве Салминского сельского поселения с коммунной Пиелавеси (Финляндия), 1991; Договор о постоянном сотрудничестве между г. Куопио (Финляндия) и г. Питкяранта, 1992; Договор о сотрудничестве Салминского сельского поселения с коммунной Селет (Финляндия), 1992; Договор о сотрудничестве д. Ряймьяля и коммуны Кейтеле (Финляндия), 1992; Соглашение о дружеских отношениях Импилахтинского сельского поселения с исполнительным комитетом Хилтуланлахти г. Куопио (Финляндия), 1994
Прионежский муниципальный район	–
Пряжинский национальный муниципальный район	Договор о намерениях с районами Юанкоски, Лапинлахти, Туусниemi Финляндии, 1992
Пудожский муниципальный район	–
Сегежский муниципальный район	–
Сортавальский муниципальный район	Договор о дружбе г. Сортавала и приграничных коммун Финляндии: Вяртсиля, Тохмаярви, Рьяккюля, Кесялахти, г. Китее, 1989
Суоярвский муниципальный район	–

Примечание. Курсивом выделены приграничные муниципалитеты; кроме указанных, между Петрозаводским городским округом и г. Йонсуу в период 1994–2007 гг. заключалось четыре договора о сотрудничестве в различных сферах деятельности.

Источник: составлено на основе данных официальных сайтов администраций муниципальных районов РК и представительства МИД России в Петрозаводске.

Вместе с тем, учитывая высокую значимость и число заключенных международных договоров и соглашений, включая побратимские контакты, с административно-территориальными единицами сопредельной Финляндии, следует обратить внимание на недостатки информационного наполнения и обновления официальных сайтов муниципалитетов Республики Карелия в исследуемом контексте. Среди муниципальных образований региона информация о побратимских связях с финскими партнерами наиболее подробно представлена на официальных сайтах Петрозаводского и Костомукшского городских округов, Пряжинского национального муниципального района. К сожалению, информация о побратимских связях муниципалитетов, представленная на официальных сайтах, достаточно устарела (например, данные Кондопожского муниципального района до 2009 г.), имеющиеся сведения не имеют перевода на иностранный язык (исключение – два городских округа). Большинство сайтов не содержит данных о международном сотрудничестве.

В качестве исключения можно привести практику столичного округа, где в период 2003–2012 гг. были изданы пять двуязычных брошюр (русский язык и язык государства города-побратима), посвященных аспектам побратимских отношений городов. Одно из посвящено финскому побратиму г. Варкауус, в котором основной раздел об истории побратимских отношений подготовлен многолетним руководителем Варкауусского подразделения общества дружбы «Финляндия – СССР» Юхой Койвула [40].

Одним из последних примеров развития карельско-финляндского побратимского движения является представленная на официальном сайте Костомукшского городского округа информация о встрече «Приграничная деятельность городов-побратимов», состоявшейся в ноябре 2021 г. в онлайн-формате. Пролонгация Соглашения о сотрудничестве между Костомукшским городским округом и финским г. Кухмо еще на пять лет символична и значима. Согласно подписанному документу, стороны договорились продолжить сотрудничество в экономической, социальной и иных сферах, включая: взаимодействие органов

местного самоуправления, развитие экономических связей, транспортную логистику, социальную сферу и здравоохранение, экологию, городское и деревянное строительство, образование, культуру, спорт, молодежную политику, туризм и другие области взаимного интереса [46]. Несколько ранее в октябре 2021 г. на круглом столе, посвященном проблематике побратимского движения, Тутти Мяяття, Мэр г. Кухмо, подчеркнула значимость развития побратимских связей с г. Костомукша. Хотя «пандемия создала дефицит сотрудничества», отношения необходимо «сохранять и укреплять, так как они способствуют социально-экономическому развитию приграничных территорий» [47].

Инициативная деятельность граждан с момента возникновения побратимского движения была важнейшим стимулом развития общественной дипломатии, став с течением времени неотъемлемой составляющей международной деятельности субнациональных акторов. Интенсивные контакты в сфере трансграничного сотрудничества способствуют, вместе с тем, решению задач конструирования позитивного имиджа территории и определяют потенциальные возможности парадипломатии в качестве инструмента «мягкой силы» [5]. Отдельного внимания в развитии добрососедских отношений с Финляндией заслуживает деятельность Карельской региональной общественной организации «Общество дружбы «Карелия – Финляндия» [48], обладающей разветвленной сетью контактов с организациями по обе стороны российско-финляндской государственной границы. Так, отделения Общества успешно функционируют в карельских городах: Костомукша, Беломорск, Кондопога; с финской стороны Общество взаимодействует в рамках проектов Фонда президентских грантов с партнерами в городах Каяяни, Хаапавеси и Ямсянкоски [47]. Кроме того, организация за период 2018–2021 гг. четыре раза становилась победителем конкурса Фонда президентских грантов по направлению развития общественной дипломатии и поддержки соотечественников [49].

Эксперты указывают в качестве «одного из важных и постоянно действующих инструментов пригра-

ничного сотрудничества Финско-Российский Конгресс городов-побратимов... создающий уникальную платформу для личных встреч и нетворкинга». Периодичность проведения мероприятия составляет пять лет, принимающими площадками выступают поочередно российские и финские города. Из-за ограничений пандемии COVID-19 проведение Конгресса в г. Тверь (РФ) было отложено [37].

Другой значимой площадкой культурного диалога в развитии международного сотрудничества России и Финляндии, в реализации трансграничных проектов между партнерами различного уровня по обе стороны государственной границы, включая развитие побратимских связей, представляется Российско-Финляндский культурный форум. Среди российских регионов Республика Карелия по числу сгенерированных проектных предложений является лидером: организации приграничного региона за десять лет выдвинули более 1/5 (22,7%) от числа всех предложений от субъектов РФ. На основе изучения сетей взаимодействия между карельскими и финскими партнерами в рамках деловой площадки Форума (2018–2019 гг.) выявлена высокая степень активность участия в партнерских переговорах организаций НКО, науки и образования и органов управления, что определяется «высокой и устойчивой степенью заинтересованности в развитии приграничного сотрудничества и реализации трансграничных проектов как для развития территорий в целом, укрепления добрососедских отношений, так и достижения уставных целей конкретных организаций» [50]. В 2020–2021 гг., как указывалось выше, проведение Российско-Финляндского культурного форума состоялось в режиме онлайн из-за ограничений пандемии COVID-19 на пересечение государственной границы [42].

Наглядным проявлением наличия побратимских связей для локального населения и гостей является совместное наименование улиц городов-побратимов в честь дружеских партнеров (например, Петрозаводская улица в центре г. Варкаус, 1978 г., и Набережная Варкауса в г. Петрозаводск, 1979 г. [38]), наличие галерей и/или объектов и другие примеры. В Республике Карелия побратимское движение визуализировано в основном столичном муниципалитете. Ярким подтверждением тому представляется визитная карточка г. Петрозаводска – Онежская набережная с парком скульптурных композиций, презентованных городами-побратимами – галерея современного искусства под открытым небом. Все скульптурные группы отражают идеи дружбы, добрососедства, сотрудничества и взаимопроникновения культур. Из финских подарков на набережной представлены скульптуры «Волна Дружбы» (г. Варкаус, 1997 г.), символизирующая развитие проникающей во все сферы жизни дружбы между городами-побратимами, и «Единство» (г. Йюэнсуу, 2003 г.), символизирующая неугасимый огонь сотрудничества [51]. В 2020 г. на набережную перенесли скульптурную композицию «Дерево дружбы» (1978 г.), представляющую шарообразный многогранник на приподнятом постаменте с изображением гербов городов-побратимов. Кроме того, к 100-летию

Республики Карелия на центральном проспекте г. Петрозаводска была обновлена галерея городов-побратимов, где на современной световой панели представлены 17 изображений городов (12 городов-побратимов и 5 российских партнеров) в порядке заключения с ними партнерских соглашений, карта, на которой светодиодами обозначена география объектов; имеется декоративная входная зона [52].

Начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось серьезными вызовами в развитии мирового сообщества, поддержании и укреплении международных отношений и побратимских связей.

В.А. Шлямин указывает, что, несмотря на кризис в европейско-российских взаимоотношениях, наметившийся после событий 2014 г., российско-финляндские отношения продолжали активно развиваться (однако деловой климат двусторонних отношений значительно ухудшился). Сопредельное государство сумело «доказать Брюсселю целесообразность сохранения европейского инструмента соседства в практически свернутом партнерстве ЕС – Россия». Кроме того, сохраняется институт породненных городов и коммун. Эксперт российско-финляндских экономических отношений подчеркивает, что «в кризисные периоды предсказуемый и настроенный на взаимовыгодные отношения сосед дорогого стоит» [24. С. 130, 148]. Н.В. Лаврушина подчеркивает, что между Администрациями «был налажен регулярный информационный обмен» [38].

Поддержанию и укреплению побратимских связей способствуют непосредственные встречи представителей городов-побратимов. Так, в г. Петрозаводск в начале 2000-х гг. была проведена серия международных конференций «Международные связи муниципалитетов», объединявшая экспертов, специалистов по вопросам международного, приграничного сотрудничества и побратимских связей административно-территориальных единиц РФ и зарубежных государств [53].

В фокусе настоящего исследования интерес представляет обращение международного коллектива «Давайте писать историю побратимства карельских и финляндских городов» [37], подготовленное в 2021 г. с карельской стороны Н.В. Лаврушиной, с финской – региональными директорами обществ дружбы «Финляндия – Россия» М. Малми (г. Оулу) и С. Тирри (г. Турку).

Вызов пандемии COVID-19, внесший кардинальные изменения в современную жизнь, ограничил реальные контакты сообществ по разные стороны государственных границ. Это отразилось и на взаимодействии карельско-финляндских партнеров. Недостаток личного взаимодействия в некоторой степени компенсировался возможностями современных технологий, позволяя организовывать контакты в режиме онлайн различных акторов, пересекая в виртуальном пространстве границы государств [42, 46, 47]. Так, проблематика роли муниципалитетов и общественных организаций в сохранении и развитии международных связей и народной дипломатии обсуждалась в ходе встреч экспертов и специалистов в режиме онлайн осенью 2020 г. [54]. В

октябре 2021 г. состоялся круглый стол «Побратимские связи: история и современные вызовы», организованный Карельским фондом развития общественной дипломатии, КРОО «Центр финского языка в Республике Карелия», Междисциплинарным научно-образовательным центром прибалтийско-финских исследований «Fennica» Института Североевропейских исследований ПетрГУ, Национальным музеем Республики Карелия и Обществом «Финляндия – Россия» с финской стороны. Мероприятие объединило свыше 60 представителей обществ дружбы, государственных и муниципальных учреждений и иных заинтересованных лиц более 20 городов и районов Республики Карелия, коммун Финляндии и г. Пскова. Ниина Синкко, генеральный секретарь Общества «Финляндия – Россия», и Соиле Тирри, региональный директор Общества, представили результаты Конгресса породненных городов РФ и Финляндии в г. Турку в 2017 г. и перспективы развития на 2022 г. Согласно Ниина Синкко, между двумя государствами функционирует порядка 100 пар породненных городов в России и Финляндии, около 70 из которых «ведут совместную работу, что внушает оптимизм и способствует интернационализации муниципалитетов с обеих сторон» [47].

Новым вызовом развития карельско-финляндских побратимских связей является резкое охлаждение отношений Европейского Союза и в частности Финляндии с Российской Федерацией с февраля 2022 г., причиной которого послужили известные события на Украине. Согласно данным финской государственной телерадиокомпании Yle, «Турку, Лахти, Хямеенлинна, Риихимяки, Уусикаупunki, Каяани. Список муниципалитетов, разорвавших отношения с городами-побратимами в России, растет с каждым днем» [55]. Обращаясь к карельско-финляндским побратимским связям, следует отметить, что с указанными финскими административно-территориальными единицами у карельских муниципалитетов к настоящему времени не было заключено официальных договоров о дружбе. Пока не ясна позиция остальных финских городов и областей, имеющих длительную историю положи-

тельных взаимовыгодных отношений с карельскими побратимами. Взаимодействие в рамках Соглашения о приграничном сотрудничестве между г. Каяани и Костомукшским городским округом на период 2018–2023 гг., учитывая практику прекращения побратимства данным финским муниципалитетом, скорее всего, тоже будет свернуто.

Заключение

Зарождение в середине XX в. побратимского движения как ответа на реалии исторических вызовов преобразовалось к концу века в сформированный институт побратимства. В XXI в. побратимство представляется действенным инструментом улучшения взаимопонимания между государствами на национальном, региональном и локальном уровнях.

Резюмируя вышеизложенное, в развитии побратимского движения в РФ (СССР) можно выделить несколько условных периодов, характерных и для карельско-финляндских взаимоотношений городов-побратимов:

- в первый период (СССР): побратимство – инструмент идеологического влияния;
- второй период (1990-е гг. – март 2022 г.): побратимство – ресурс развития городов;
- настоящее время (с марта 2022 г.): формирование представлений об ответах на вызовы современности.

Практика взаимодействия городов-побратимов Республики Карелия и Финляндии продолжительностью чуть менее полувека достаточно показательна.

Являясь одним из инструментов укрепления добрососедских отношений между Республикой Карелия и сопредельной Финляндией, проблематика побратимских связей становится особенно актуальной в периоды усиления противоречий, обострения межгосударственных отношений. Преодоление вызовов современности посредством института побратимства представляется одной из актуальных задач, требующих значительных усилий со стороны различных акторов по разные стороны государственных границ.

Список источников

1. Попов Е.С., Приходько В.А. Институт городов побратимов в международных отношениях АТР на примере города Владивостока // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8. С. 390–393.
2. Шеремет А.В. Петрозаводск – Дулут: из истории развития побратимских связей советских и американских городов в 1970–1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 37–45.
3. Яровой Г.О., Подольский М.А. Побратимство как инструмент социокультурного и экономического развития городов: сравнение «континентальной» и «морской» школ // Studia Humanitatis Borealis. 2014. № 2. С. 38–45.
4. Колева З.И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1(99). С. 50–54.
5. Черненко Е.И., Иноземцева В.А., Лаврушина Н.В. Экспертно-аналитическое сопровождение проектной деятельности в сфере общественной дипломатии (случай Республики Карелия) // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: материалы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2021. С. 115–122.
6. Горбунов А.Г. Побратимские связи как эффективный инструмент развития Российско-Американских отношений. URL: <http://www.pri-baikal.ru/rus-america-article/article/4252.html>
7. Толщина А.А. Роль вузов в укреплении сотрудничества между городами-побратимами – Хабаровском и Харбином (на примере Тихоокеанского государственного университета) // Культура и наука Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 151–154.
8. Сергодеева Е.А., Гончарова Е.Н. Специфика проектирования культурных туров как средства развития межкультурных связей между городами-побратимами // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 24–26.
9. Паликова Т.В. Направления международного сотрудничества г. Улан-Уде с городами Монголии // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2019. С. 20–25.
10. Сапрыка В.А., Травин Р.А. Институт городов-побратимов как инструмент развития приграничных территорий // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 12 (4). С. 91–99.

11. Котельникова Н.А. Иркутск в процессах международного сотрудничества в 2012 г.: анализ деятельности органов местного самоуправления в реализации побратимских связей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11). С. 82–90.
12. В ОПРФ предложили регионам объявить 2022 год Годом побратимских связей (28.02.2022). URL: <https://kemerovo.ru/drugie-razdely/ofitsialno/informatsionnye-soobshcheniya/v-oprf-predlozili-regionam-obyavit-2022-god-godom-pobratimskikh-svyazey-62300/?print=Y>
13. Кузьмина В.М. Практика реализации совместных проектов и программ Курской области и г. Курска с городами-побратимами // Научный руководитель. 2018. № 1 (25). С. 1–23.
14. Мыльников М.А. Партнерство городов-побратимов как форма международного сотрудничества муниципального образования «город Казань» // Вестник ТИСБИ. 2020. № 4. С. 106–113.
15. Чернышкова А.А. Особенности интерпретации концепта городов-побратимов и рамки его функционирования в странах Восточной Азии // IN SITU. 2022. № 2. С. 51–55.
16. Косач Н.Н. Культурные связи городов-побратимов Республики Беларусь и Краснодарского края (конец XX – начало XXI в.) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 188–191.
17. Фархутдинова К.В. Институт городов-побратимов в муниципальном праве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-3 (39).
18. Гавриков А.А. Значение и роль городов-побратимов в развитии русско-японской межкультурной коммуникации // Евразийство и мир. 2020. № 2. С. 3–9.
19. Ковалева Е.А. Сталинград – Волгоград в движении породненных городов во второй половине XX в. // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2015. № 3 (37). С. 52–56.
20. Шашина О.Н. Развитие Хельсинского процесса на местах: массовые выезды за границу и связи с городами-побратимами (на примере г. Ярославля) // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 37–44.
21. Лаврушина Н. «Давайте дружить городами». Как начинались побратимские связи Петрозаводска // Дружат города: опыт международного сотрудничества Петрозаводска, Варкауса, Великого Новгорода. Петрозаводск, 2021. С. 10–31.
22. Максимов В.Б. Международные контакты городов СССР как часть внешней политики правительства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2012. № 2 (22). С. 96–102.
23. Шанина О.Н. У истоков международного муниципального сотрудничества. Ярославль – Ювяскюля // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2021. № 6.
24. Шлямин В.А. Приграничный регион на северо-Западе России: сборник избранных статей, докладов, выступлений, интервью. Петрозаводск : Скандинавия, 2022.
25. Менько А.М. Побратимы. Волгоград, 1972.
26. Кичатинова Е.Л. Динамика побратимских контактов городов Иркутской области и Японии в 1990-х гг. – начале XXI в.: историография проблемы // Global & Regional Research. 2021. № 3 (3). С. 217–221.
27. Чижикова О.В. История развития побратимских связей городов-побратимов Приангарья и Японии в 1960–1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 28–34.
28. Колодяжная-Шереметьева С.В. Межмуниципальное сотрудничество в формате побратимских связей как неэкономический метод развития Республики Крым // Beniċium. 2021. № 2 (39). С. 83–89.
29. Алыев Г.А. История развития научно-технических и культурных связей города Сумгайыта с городами-побратимами // Вектор науки Тольяттского государственного университета. 2013. № 4. С. 17–19.
30. Фролова Л.А. Дружба пожарных городов-побратимов Пскова и Нойса // Псков : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2018. № 49. С. 119–134.
31. Шермет А.В. Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70-80 годы XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7. С. 29–32.
32. Мурова К.Э. Сотрудничество городов-побратимов как фактор укрепления русско-немецких отношений // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2018. № 22(4). С. 52–54.
33. Вавулинская Л.И. Контакты Петрозаводска и Варкауса в рамках международного движения городов-побратимов (1960–1980-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 298–308.
34. Вавулинская Л.И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов / О.П. Илюха, И.И. Муллонен (ред.). Петрозаводск, 2008. С. 65–76.
35. Вавулинская Л.И. Культурные связи между Карелией и Финляндией в 1950–1970-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. С. 322–337.
36. Вавулинская Л.И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. № 3. С. 228–249.
37. Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities // Nordic and Baltic Studies Review. 2021. No. 6. DOI: 10.15393/j103.art.2021.2026
38. Лаврушина Н. Варкаус – первый побратим Петрозаводска // Дружат города: опыт международного сотрудничества Петрозаводска, Варкауса, Великого Новгорода. Петрозаводск, 2021. С. 32–43.
39. Шлапеко Е.А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4(1). С. 374–380.
40. Петрозаводск – Варкаус. Города-побратимы / сост. Х. Итконен, Ю. Койвула, Н.В. Лаврушина, В.А. Мешко, Е.А. Шлапеко. Петрозаводск : Скандинавия, 2007. 88 с.
41. Мухаметов Р.С. Факторы международной активности российских городов // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (6). С. 153–174.
42. Российско-Финляндский культурный форум. Официальный сайт. URL: <https://www.kultforum.org/ru>
43. Stepanova S.V. Cross-border tourism in the Russian Northwest: general trends and features of development // Baltic region. 2014. № 3 (21). P. 109–121.
44. Города-побратимы // Официальный сайт Администрации Петрозаводского городского округа. URL: http://www.petrozavodskmo.ru/petrozavodsk_new/city/relations/cities/goroda.htm
45. Stepanova S.V. The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects // Geographia Polonica. 2019. № 92 (4). P. 409–428. doi: 10.7163/GPol.0156
46. Приграничное сотрудничество Костомукши и Кухмо продолжится // Официальный сайт Администрации Костомукшского городского округа. URL: <https://www.kostomuksha-city.ru/novosti/18303-prigranichnoe-sotrudnichestvo-kostomukshi-i-kukhmo-prodolzhitsya>
47. Побратимские связи: история и современные вызовы, 28.10.2021 г. // Официальный сайт некоммерческих организаций Республики Карелия. URL: <http://nko-karelia.ru/news/5121>
48. КРОО «Общество дружбы «Карелия – Финляндия» // Официальный сайт Некоммерческих организаций Республики Карелия. URL: <http://nko-karelia.ru/nko/411>

49. Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников // Официальный сайт Фонда Президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/contest/directions/diplomacy>
50. Кондратьева С.В. Российско-Финляндский культурный форум как площадка диалога и развития сотрудничества: опыт Республики Карелия // *Общественные науки и современность*. 2020. № 5. С. 142–154.
51. Скульптуры на Онежской набережной // Карелия Туристская. Официальный сайт. URL: <http://www.ticrk.ru/regions/region/sights/sight/?PID=7519&ID=17004>
52. 100-летие Республики Карелия. Галерея городов-побратимов открылась после реконструкции в Петрозаводске // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <https://gov.karelia.ru/news/28-12-2019-100-letie-respubliki-kareliya-galereya-gorodov-pobratimov-otkrylas-posle-rekonstruktsii-v-petrozavodsk/>
53. Петрозаводск. О «Международных связях муниципалитетов» // Официальный сайт Всероссийского совета местного самоуправления. URL: <https://vsmsinfo.ru/press-tsentr/novosti/arkhiv-novostej/1318-petrozavodsk-o-mezhdunarodnykh-svyazyakh-munitsipalitetov>
54. Международные связи: опыт сотрудничества НКО и муниципалитетов, 20.10.2020 г. // Официальный сайт Некоммерческих организаций Республики Карелия. URL: <http://nko-karelia.ru/news/4632>
55. Финские муниципалитеты развязывают дружественные связи с городами-побратими в России // Yle. Официальный сайт. URL: <https://yle.fi/novosti/3-12344465>

References

1. Popov, E.S. & Prikhod'ko, V.A. (2015) Institut gorodov pobratimov v mezhdunarodnykh otnosheniyakh ATR na primere goroda Vladivostoka [Institute of twin cities in international relations of the Asia-Pacific Region on the example of the city of Vladivostok]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 8. pp. 390–393.
2. Sheremet, A.V. (2017) Petrozavodsk – Dulut: iz istorii razvitiya pobratimskikh svyazey sovetskikh i amerikanskikh gorodov v 1970–1980-e gody [Petrozavodsk – Duluth: from the history of the development of sister city relations between Soviet and American cities in the 1970–1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 37–45.
3. Yarovoy, G.O. & Podol'skiy, M.A. (2014) Pobratimstvo kak instrument sotsiokul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiya gorodov: sravnenie “kontinental'noy” i “morskoy” shkool [Twinning as a tool for the socio-cultural and economic development of cities: a comparison of “continental” and “marine” schools]. *Studia Humanitatis Borealis*. 2. pp. 38–45.
4. Koleva, Z.I. (2012) Pobratimstvo kak kul'turno-sotsial'naya praktika, vliyayushchaya na formirovanie sotsial'nogo prostranstva goroda [Twinning as a cultural and social practice influencing the formation of the social space of the city]. *Vestnik SamGU*. 8/1(99). pp. 50–54.
5. Chernenkova, E.I., Inozemtseva, V.A. & Lavrushina, N.V. (2021) [Expert and analytical support of project activities in the field of public diplomacy (the case of the Republic of Karelia)]. *Pobratimstvo gorodov: sostoyanie, vozmozhnosti razvitiya, vyzovy, priority* [Twin Cities: State, development opportunities, challenges, priorities]. Proceedings of the International Conference. Tyumen. 23–24 April 2021. Tyumen: Tyumen State University. pp. 115–122. (In Russian).
6. Gorbunov, A.G. (2010) Pobratimskie svyazi kak effektivnyy instrument razvitiya Rossiysko-Amerikanskikh otnosheniy [Twin Cities as an Effective Tool for the Development of Russian-American Relations]. *Pribaykal'e*. 21 May. [Online] Available from: <http://www.pribaikal.ru/rus-america-article/article/4252.html>.
7. Tolshchina, A.A. (2018) Rol' vuzov v ukreplenii sotrudnichestva mezhdu gorodami-pobratimami – Khabarovskom i Kharbinom (na primere Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta) [The role of universities in strengthening cooperation between sister cities – Khabarovsk and Harbin (on the example of the Pacific State University)]. *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka*. 2. pp. 151–154.
8. Sergodeeva, E.A. & Goncharova, E.N. (2016) Spetsifika proektirovaniya kul'turnykh turov kak sredstva razvitiya mezhkul'turnykh svyazey mezhdu gorodami-pobratimami [Specifics of designing cultural tours as a means of developing intercultural relations between sister cities]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 4. pp. 24–26.
9. Palikova, T.V. (2019) Napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva g. Ulan-Ude s gorodami Mongolii [Directions of international cooperation between Ulan-Ude and the cities of Mongolia]. *Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii*. pp. 20–25.
10. Sapryka, V.A. & Travin, R.A. (2017) Institut gorodov-pobratimov kak instrument razvitiya prigranichnykh territoriy [Institute of sister cities as a tool for the development of border areas]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 12 (4). pp. 91–99.
11. Kotel'nikova, N.A. (2013) Irkutsk v protsessakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva v 2012 g.: analiz deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya v realizatsii pobratimskikh svyazey [Irkutsk in the processes of international cooperation in 2012: analysis of the activities of local governments in the implementation of twinning relations]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2 (11). pp. 82–90.
12. Administration of Kemerovo. (2022) *V OPRF predlozhili regionam ob'yavit' 2022 god Godom pobratimskikh svyazey* [The OPRF proposed that the regions declare 2022 the Year of Sister Cities]. [Online] Available from: <https://kemerovo.ru/drugie-razdely/ofitsialno/informatsionnye-soobshcheniya/v-oprf-predlozhili-regionam-obyavit-2022-god-godom-pobratimskikh-svyazey--62300/?print=Y>.
13. Kuz'mina, V.M. (2018) Praktika realizatsii sovместnykh proektov i programm Kurskoy oblasti i g. Kurska s gorodami-pobratimami [The practice of implementing joint projects and programs of the Kursk region and the city of Kursk with sister cities]. *Nauchnyy rukovoditel'*. 1 (25). pp. 1–23.
14. Myl'nikov, M.A. (2020) Partnerstvo gorodov-pobratimov kak forma mezhdunarodnogo sotrudnichestva munitsipal'nogo obrazovaniya “gorod Kazan” [Partnership of sister cities as a form of international cooperation of the municipality “The City of Kazan”]. *Vestnik TISBI*. 4. pp. 106–113.
15. Chernyshkova, A.A. (2022) Osobennosti interpretatsii kontsepta gorodov-pobratimov i ramki ego funktsionirovaniya v stranakh Vostochnoy Azii [Features of the interpretation of the concept of sister cities and the scope of its functioning in the countries of East Asia]. *IN SITU*. 2. pp. 51–55.
16. Kosach, N.N. (2012) Kul'turnye svyazi gorodov-pobratimov Respubliki Belarus' i Krasnodarskogo kraya (konets XX – nachalo XXI v.) [Cultural ties between sister cities of the Republic of Belarus and the Krasnodar Krai (late 20th – early 21st centuries)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 1. pp. 188–191.
17. Farkhutdinova, K.V. (2019) Institut gorodov-pobratimov v munitsipal'nom prave Rossiyskoy Federatsii [Institute of twin cities in the municipal law of the Russian federation]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12-3 (39).
18. Gavrikov, A.A. (2020) Znachenie i rol' gorodov-pobratimov v razvitiy rusско-японской mezhkul'turnoy kommunikatsii [Significance and role of sister cities in the development of Russian-Japanese intercultural communication]. *Evrasiystvo i mir*. 2. pp. 3–9.
19. Kovaleva, E.A. (2015) Stalingrad – Volgograd v dvizhenii porodennykh gorodov vo vtoroy polovine XX v. [Stalingrad – Volgograd in the movement of sister cities in the second half of the 20th century]. *Grani poznaniya*. 3 (37). pp. 52–56.
20. Shashina, O.N. (2018) Razvitie Khel'sinskogo protsesssa na mestakh: massovye vyezdy za granitsu i svyazi s gorodami-pobratimami (na primere g. Yaroslavl'ya) [Local development of the Helsinki process: mass trips abroad and connections with sister cities (on the example of Yaroslavl)]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 4 (20). pp. 37–44.
21. Lavrushina, N. (2021) “Davayte druzhit' gorodami”. Kak nachinalis' pobratimskie svyazi Petrozavodska [“Let's make cities friends”. How Petrozavodsk's twinning relations began]. In: Karelian Resource Center of Public Organizations. *Druzhat goroda: opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva Petrozavodska, Varkausa, Velikogo Novgoroda* [Cities are Friends: International cooperation. Experience of Petrozavodsk, Varkaus, Veliky Novgorod]. Petrozavodsk: PIN. pp. 10–31.

22. Maksimov, V.B. (2012) Mezhdunarodnye kontakty gorodov SSSR kak chast' vneshney politiki pravitel'stva [International contacts of the cities of the USSR as part of the foreign policy of the government]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya.* 2 (22). pp. 96–102.
23. Shanina, O.N. (2021) U istokov mezhdunarodnogo munitsipal'nogo sotrudnichestva. Yaroslavl – Yuvyaskyulya [At the origins of international municipal cooperation. Yaroslavl – Jyväskylä]. *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy.* 6.
24. Shlyamin, V.A. (2022) *Prigranichnyy region na severo-Zapade Rossii: sbornik izbrannykh statey, dokladov, vystupleniy, interv'yu* [Border Region in the North-West of Russia: A collection of selected articles, reports, speeches, interviews]. Petrozavodsk: Skandinaviya.
25. Mon'ko, A.M. (1972) *Pobratimyy* [Sister Cities]. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
26. Kichatinova, E.L. (2021) Dinamika pobratimskikh kontaktov gorodov Irkutskoy oblasti i Yaponii v 1990-kh gg. – nachale XXI v.: istoriografiya problemy [Dynamics of twinning contacts between the cities of the Irkutsk region and Japan in the 1990s – early 21st century: historiography of the problem]. *Global & Regional Research.* 3 (3). pp. 217–221.
27. Chizhikova, O.V. (2015) Istoriya razvitiya pobratimskikh svyazey gorodov-pobratimov Priangar'ya i Yaponii v 1960–1980-e gody [The history of the development of twinning ties between sister cities of the Angara region and Japan in the 1960s–1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 1. pp. 28–34.
28. Kolodyazhnaya-Sheremet'eva, S.V. (2021) Mezhmunitsipal'noe sotrudnichestvo v formate pobratimskikh svyazey kak neekonomicheskyy metod razvitiya Respubliki Krym [Inter-municipal cooperation in the format of sister city relations as a non-economic method of development of the Republic of Crimea]. *Beneficium.* 2 (39). pp. 83–89.
29. Alyev, G.A. (2013) Istoriya razvitiya nauchno-tekhnicheskikh i kul'turnykh svyazey goroda Sumgayta s gorodami-pobratimami [The history of the development of scientific, technical and cultural relations of the city of Sumgayit with sister cities]. *Vektor nauki Tol'yatskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4. pp. 17–19.
30. Frolova, L.A. (2018) Druzhiba pozharnykh gorodov-pobratimov Pskova i Noysa [Friendship of fire-fighters of sister cities of Pskov and Neuss]. *Pskov: nauchno-prakticheskiy, istoriko-kraevedcheskiy zhurnal.* 49. pp. 119–134.
31. Sheremet, A.V. (2015) Sotrudnichestvo predpriyatiy Karelii v ramkakh pobratimskikh svyazey v 70–80 gody XX veka [Cooperation of enterprises of Karelia within the framework of twinning relations in the 1970s–1980s]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.* 7. pp. 29–32.
32. Murova, K.E. (2018) Sotrudnichestvo gorodov-pobratimov kak faktor ukrepleniya russko-nemetskikh otnosheniy [Cooperation between sister cities as a factor in strengthening Russian-German relations]. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiyskoy akademii estestvennykh nauk.* 22 (4). pp. 52–54.
33. Vavulinskaya, L.I. (2008) Kontakty Petrozavodsk i Varkausa v ramkakh mezhdunarodnogo dvizheniya gorodov-pobratimov (1960–1980-e gg.) [Contacts of Petrozavodsk and Varkaus in the framework of the international movement of sister cities (1960–1980s)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy.* 9. pp. 298–308.
34. Vavulinskaya, L.I. (2008) Pobratimskie svyazi gorodov SSSR i Finlyandii v 1960–1980-e gg. kak faktor formirovaniya novykh form sotrudnichestva na regional'nom urovne (na primere Petrozavodsk i Varkausa) [Twin Cities of the USSR and Finland in the 1960s – 1980s as a factor in the formation of new forms of cooperation at the regional level (on the example of Petrozavodsk and Varkaus)]. In: Ilyukha, O.P. & Mullonen, I.I. (eds) *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov* [Borders and Contact Zones in the History and Culture of Karelia and Adjacent Regions]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS. pp. 65–76.
35. Vavulinskaya, L.I. (2009) Kul'turnye svyazi mezhdru Kareliyey i Finlyandiye v 1950–1970-e gody [Cultural ties between Karelia and Finland in the 1950s – 1970s]. In: Ilyukha O.P. (ed.) *Finskiy faktor v istorii i kul'ture Karelii XX veka. Gumanitarnye issledovaniya* [Finnish Factor in the History and Culture of Karelia in the 20th Century. Humanitarian research]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of RAS. pp. 322–337.
36. Vavulinskaya, L.I. (2018) Mezhdrukul'turnaya kommunikatsiya v dialoge Karelii i Finlyandii v 1950–1970-e gg. [Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland in the 1950s–1970s]. *Al'manakh severoevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy.* 3. pp. 228–249.
37. Lavrushina, N., Malmi, M. & Tirri, S. (2021) Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities. *Nordic and Baltic Studies Review.* 6. DOI: 10.15393/j103.art.2021.2026
38. Lavrushina, N. (2021) Varkaus – pervyy pobratim Petrozavodsk [Varkaus is the first sister town of Petrozavodsk]. In: Karelian Resource Center of Public Organizations. *Druzhat goroda: opyt mezhdunarodnogo sotrudnichestva Petrozavodsk, Varkausa, Velikogo Novgoroda* [Cities are Friends: International cooperation. Experience of Petrozavodsk, Varkaus, Veliky Novgorod]. Petrozavodsk: PIN. pp. 32–43.
39. Shlapeko, E.A. (2012) Rol' gorodskikh elit i pobratimskogo dvizheniya v formirovani transgraniichnykh regionov (na primere razvitiya vneshnikh svyazey Petrozavodskogo gorodskogo okruga, Respublika Kareliya) [The role of urban elites and the sister city movement in the formation of cross-border regions (on the example of the development of external relations of the Petrozavodsk urban district, the Republic of Karelia)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 4 (1). pp. 374–380.
40. Itkonen, H. et al. (2007) *Petrozavodsk – Varkaus. Goroda-pobratimyy* [Petrozavodsk – Varkaus. Sister cities]. Petrozavodsk: Skandinaviya.
41. Mukhametov, R.S. (2020) Faktory mezhdunarodnoy aktivnosti rossiyskikh gorodov [Factors of international activity of Russian cities]. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 13 (6). pp. 153–174.
42. *Rossiysko-Finlyandskiy kul'turnyy forum* [Russian-Finnish Cultural Forum]. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.kultforum.org.ru>.
43. Stepanova, S.V. (2014) Cross-border tourism in the Russian Northwest: general trends and features of development. *Baltic Region.* 3 (21). pp. 109–121.
44. Administratsiya Petrozavodskogo gorodskogo okruga [Administration of the Petrozavodsk City District]. (n.d.) *Goroda-pobratimyy* [Sister Cities]. [Online] Available from: http://www.petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk_new/city/relations/cities/goroda.htm.
45. Stepanova, S.V. (2019) The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects. *Geographia Polonica.* 92 (4). pp. 409–428. DOI: 10.7163/GPol.0156
46. Administratsiya Kostomukshskogo gorodskogo okruga [Administration of the Kostomuksha City District]. (n.d.) *Prigranichnoe sotrudnichestvo Kostomukshi i Kukhmo prodolzhitsya* [Cross-border cooperation between Kostomuksha and Kuhmo will continue]. [Online] Available from: <https://www.kostomuksha-city.ru/novosti/18303-prigranichnoe-sotrudnichestvo-kostomukshi-i-kukhmo-prodolzhitsya>.
47. Nekommercheskie organizatsii Respubliki Kareliya [Non-Profit Organizations of the Republic of Karelia]. (2021) *Pobratimskie svyazi: istoriya i sovremennyye vyzovy* [Sister City Relations: History and Modern Challenges]. [Online] Available from: <http://nko-karelia.ru/news/5121>.
48. Nekommercheskie organizatsii Respubliki Kareliya [Non-Profit Organizations of the Republic of Karelia]. (n.d.) *KROO "Obshchestvo druzhby "Kareliya – Finlyandiya"* [Karelia-Finland Friendship Society]. [Online] Available from: <http://nko-karelia.ru/nko/411>.
49. Fond Prezidentskikh grantov [Presidential Grants Fund]. (n.d.) *Razvitiye obshchestvennoy diplomatii i podderzhka sootchestvennikov* [Development of public diplomacy and support of compatriots]. [Online] Available from: <https://xn--80afcd6balict6afooklqj5o.xn--p1ai/public/contest/directions/diplomacy>.
50. Kondrat'eva, S.V. (2020) Rossiysko-Finlyandskiy kul'turnyy forum kak ploshchadka dialoga i razvitiya sotrudnichestva: opyt Respubliki Kareliya [Russian-Finnish cultural forum as a platform for dialogue and development of cooperation: the experience of the Republic of Karelia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 5. pp. 142–154.
51. Kareliya Turistskaya [Tourist Karelia]. (n.d.) *Skul'ptury na Onezhskoy naberezhnoy* [Sculptures on the Onega embankment]. [Online] Available from: <http://www.ticrk.ru/regions/region/sights/sight/?PID=7519&ID=17004>.

52. Respublika Kareliya [The Republic of Karelia]. (2019) *100-letie Respubliki Kareliya. Galereya gorodov-pobratimov otkrylas' posle rekonstruktsii v Petrozavodске* [100th anniversary of the Republic of Karelia. Gallery of sister cities opened after reconstruction in Petrozavodsk]. [Online] Available from: <https://gov.karelia.ru/news/28-12-2019-100-letie-respubliki-kareliya-galereya-gorodov-pobratimov-otkrylas-posle-rekonstruktsii-v-petrozavod/>.
53. Vserossiyskiy sovet mestnogo samoupravleniya [All-Russian Council of Local Self-Government]. (n.d.) *Petrozavodsk. O "Mezhdunarodnykh svyazyakh munitsipalitetov"* [Petrozavodsk. About "International Relations of Municipalities"]. [Online] Available from: <https://vsmsinfo.ru/press-tsentr/novosti/arkhiv-novostej/1318-petrozavodsk-o-mezhdunarodnykh-svyazyakh-munitsipalitetov>.
54. Nekommercheskie organizatsii Respubliki Kareliya [Non-Profit Organizations of the Republic of Karelia]. (2020) *Mezhdunarodnye svyazi: opyt sotrudnichestva NKO i munitsipalitetov, 20.10.2020 g.* [International relations: the experience of cooperation between non-profit organisations and municipalities, October 20, 2020]. [Online] Available from: <http://nko-karelia.ru/news/4632>.
55. Yleisradio Oy. (n.d.) *Finskie munitsipaliteti razryvayut družestvennye svyazi s gorodami-pobratimami v Rossii* [Finnish municipalities break friendly ties with sister cities in Russia]. [Online] Available from: <https://yle.fi/novosti/3-12344465>.

Информация об авторе:

Кондратьева С.В. – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия). E-mail: svkorka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Kondrateva, Cand. Sci. (Economics), senior researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: svkorka@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 05.07.2022;
одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 05.07.2022;
approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 94(47).08
doi: 10.17223/15617793/481/18

Карьерные сценарии выпускников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX в. на примере Курской губернии

Виктория Александровна Лю-Ку-Тан¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия, lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Аннотация. Проанализирован процесс профессиональной реализации выпускников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX в. Изучены особенности комплектования учебных заведений Курской губернии выпускниками Белгородского учительского института. Выявлены три основных карьерных сценария выпускников учительского института, которые обусловлены стремлением к улучшению финансового благосостояния, а также назначением в различные типы учебных заведений.

Ключевые слова: Белгородский учительский институт, выпускники, карьерный сценарий, учитель, городское училище

Для цитирования: Лю-Ку-Тан В.А. Карьерные сценарии выпускников Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX в. на примере Курской губернии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 157–164. doi: 10.17223/15617793/481/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/18

Career scenarios for graduates of Belgorod Teachers' Institute in the late 19th – early 20th centuries: The case of Kursk Province

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan¹

¹ Belgorod National Research University, Belgorod, Russian Federation, lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Abstract. The main aim of the research is identification of career scenarios for graduates of Belgorod Teachers' Institute by the case of Kursk Province. The methodological basis of the study was formed by the main provisions of microhistory. An integrated application of historical biography and prosopography methods made it possible to identify the main scenarios of graduates' professional activities. The recruitment of Belgorod Teachers' Institute graduates into Kursk Province schools and identification of the main trends in graduates' professional fulfilment was analysed based on the study of unpublished reports on the activities of the institution from the funds of the Russian State Historical Archive and published reference sources: List of Persons Serving in Kharkiv Educational District, Circular of Kharkiv Educational District, Kursk Address Calendar. The study of the quantitative composition of graduates showed that until 1902 almost all of them were supported at the state expense. This allowed a conclusion that the first stage of the professional realization for the majority of graduates of the Institute was the mandatory six-year work as a teacher of city schools for state support. The "career scenario" in the article means a sequence of events in the career that determine professional realization and career progression. In the late 19th – early 20th centuries, teachers trained at Belgorod Teachers' Institute could be appointed to the city school at this institute, to city, county and craft schools, both in the entire Kharkiv Educational District and in Kursk Province. However, the number of graduates of the Institute employed in city schools far exceeded the number of graduates of appointed teachers in county and district schools. The analysis of the recruitment of the Institute's graduates into city and county schools in Kursk Province showed that the number of teachers educated in it grew constantly. The career progression, which was represented by different career scenarios, was the main vector of the graduates' professional realization. This was due to their desire to improve their financial well-being. Also, the difference in career scenarios was determined by graduates' appointment to various types of educational institutions of the province. The article identifies the following career scenarios: (1) promotion from a full-time teacher to a head of a city or county school; (2) introduction of a first additional stage – assistant teacher – due to a lack of vacancies; (3) professional advancement in gymnasiums and teacher seminaries.

Keywords: Belgorod Teachers' Institute, graduates, career scenario, teacher town, school

For citation: Lyu-Ku-Tan, V.A. (2022) Career scenarios for graduates of Belgorod Teachers' Institute in the late 19th – early 20th centuries: The case of Kursk Province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 157–164. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/18

В современной исторической науке можно констатировать увеличение исследовательского интереса к истории учительских институтов Российской империи. Исследователи акцентируют внимание на истории создания и деятельности данных учебных заведений [1–3], обращаются к изучению различных антропологических аспектов: от биографий и особенностей развития административно-преподавательского состава [4, 5] до нравственных ориентиров и повседневной жизни воспитанников [6]. Однако на периферии остаются вопросы о том, насколько учительские институты справлялись со своей главной задачей – подготовкой педагогических кадров, каким образом реализовывали себя их выпускники. В связи с этим в указанном исследовании предпринята попытка выявить основные карьерные сценарии выпускников Белгородского учительского института на примере Курской губернии.

Методологическая база исследования основывается на положениях микроисторического направления антропологического подхода, в рамках которого был изучен аспект профессиональной самореализации представителей такой социальной группы, как выпускники Белгородского учительского института. Применение метода статистического анализа позволило проанализировать количественные характеристики укомплектованности учебных заведений Курской губернии выпускниками указанного учебного заведения. Методы исторической биографики и просопографии позволили выявить основные сценарии служебной деятельности выпускников.

Открытый в 1876 г. как среднее специальное учебное заведение, Белгородский учительский институт по Положению от 31 мая 1872 г. готовил учителей городских училищ [7. С. 13], а с 1912 г. – учителей для преобразованных из них высших начальных училищ. Для большинства своих выпускников в качестве главного карьерного сценария институт предполагал учительскую службу.

Обращаясь к исследованиям Н.В. Гришиной [8] и Ю.А. Котельниковой [9], мы предлагаем рассматривать карьерный сценарий выпускников Белгородского учительского института, который является одним из промежуточных жизненных сценариев, как определенную последовательность событий в служебной деятельности, детерминирующую профессиональную реализацию и движение по карьерной лестнице.

Отправной точкой карьерных сценариев выпускников становилось завершение обучения в Белгородском учительском институте. Молодые люди получали аттестаты, которые не только свидетельствовали о присвоении им звания учителя, но и содержали обязательное требование по сроку службы в указанной должности для казеннокоштных воспитанников на основании главных государственных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность учебного заведения [10. С. 735; 11. Стб. 1635–1636]. Например, в аттестате выпускника 1916 г. З.И. Угрюмова было указано, что последний «обязан прослужить шесть лет в должности учителя высшего начального училища по назначению учебного начальства, за по-

лученное им на казенный счет воспитание в Белгородском учительском институте или возратить Государственному Казначейству затраченную на его содержание сумму пятьсот двадцать пять руб.» [12]. Кроме того, лучшие выпускники, успешно завершившие курс обучения в Белгородском учительском институте, награждались золотыми и серебряными медалями «Достойному», учрежденными 1 июля 1875 г. [13. С. 1]. Воспоминания о конкуренции среди воспитанников за получение указанных наград оставил выпускник 1897 г. М.М. Рыбалкин [14. С. 57]. На заседании Педагогического совета 6 июня 1908 г. обсуждались результаты выпускных испытаний воспитанников выпускного класса: 25 выпускников были удостоены звания городского учителя, из них двоим присуждены золотые медали и 5 – награждены серебряными [15. Л. 25].

С 1876 по 1916 г. учительским институтом в Белгороде было подготовлено более 590 педагогов. На рубеже XIX–XX вв. количество выпускников ежегодно составляло от 9 до 15 человек [16. С. 56]. На основании неопубликованных отчетов о деятельности Белгородского учительского института с 1886 по 1895 г. (из фондов Российского государственного исторического архива) и «Всеподданнейшего отчета Министра народного просвещения» (1896–1902 гг.) удалось установить, что в данный период в учительском институте обучались только казеннокоштные воспитанники, в связи с чем все выпускники являлись подготовленными педагогическими кадрами для городских училищ Харьковского учебного округа. В 1902 г. массовое преобразование всех уездных училищ в Харьковском учебном округе в городские повлекло за собой появление большого количества вакансий учителей. Указанный процесс обусловил рост спроса среди молодых людей на получение педагогического образования, что в конечном итоге привело к увеличению ежегодного количества выпускников в Белгородском учительском институте: в начале XX в. оно колебалось от 21 до 34 человек.

Отметим, что в 1870-х гг. темпы подготовки педагогических кадров в учительских институтах значительно опережали процесс реорганизации уездных училищ в городские. Несмотря на законодательное утверждение начального этапа профессиональной реализации выпускников учительских институтов в качестве прохождения шестилетней учительской службы в городских училищах, в 1884 г. Министерством народного просвещения было разрешено назначать их и в уездные училища, а также помощниками учителей в городские училища [17. С. 4–6]. Таким образом, педагоги, подготовленные в Белгородском учительском институте, могли быть назначены в городские училища при учительском институте, в городские, уездные и ремесленные училища Харьковского учебного округа.

На основе анализа отчета попечителя Харьковского учебного округа в 1890 г. была выявлена следующая тенденция: количество выпускников Белгородского учительского института, служащих в городских училищах, значительно превышало число выпускни-

ков, назначенных на должности учителей уездных и окружных училищ. При анализе количественных показателей была выявлена следующая закономерность: чем больше выпускников служило в городских училищах губернии, входившей в состав округа, тем меньше в уездных, и наоборот. Так, наибольшее количество выпускников учительского института преподавали в городских училищах Пензенской губернии – 18, по 12 в Харьковской и Курской губерниях. Также наименьшее количество выпускников служило в уездных училищах указанных губерний, самые низкие показатели были в Курской и Пензенской губернии – по 3 и 2 выпускника соответственно. Наименее представленными выпускники Белгородского учительского института оказались в числе учителей городских училищ Области Войска Донского – 1 человек, где значительную часть должностей учителей занимали воспитанники Феодосийского учительского института, и Тамбовской губернии – 7 учителей. Самые высокие показатели количества выпускников учительского института, служащих в уездных училищах, наблюдаются в Тамбовской и Воронежской губерниях – по 9 человек, в Области Войска Донского – 6 [18. Л. 55–86].

В связи с тем, что Белгородский учительский институт был открыт в Курской губернии, в исследовании проанализирован процесс комплектования городских и уездных училищ региона выпускниками учебного заведения и этапы их профессиональной реализации и карьерные сценарии.

В 1890 г. по количеству учителей городских и уездных училищ, подготовленных в Белгородском учительском институте, Курская губерния занимала предпоследнее место. В четырех городских училищах служили 15 выпускников (в Льговском двухклассном – 2, в Путивльском трехклассном – 4, в Рыльском – 4 и Фатежском трехклассном – 2), кроме Старооскольского трехклассного, а также в уездных училищах: Гайворонском – 2 и Новооскольском – 1 [18. Л. 60–65].

Отметим, что в конце XIX – начале XX в. выпускников Белгородского учительского института могли определять учителями в ремесленные училища, наряду с уездными. В Курской губернии в Путивльском ремесленном училище «Маклаковых» в 1892 г. учителем русского языка, истории и географии был назначен выпускник Белгородского учительского института 1888 г. Александр Петрович Савельев [19. С. 38], математику с 1896 г. преподавал выпускник 1892 г. Василий Петрович Савельев [20. С. 90]. Также выпускники учительского института назначались в Борисовскую школу ремесленных учеников, например, в 1900 г. учителем общеобразовательных предметов был выпускник этого же года Алексей Иванович Панов [20. С. 89], а в 1902 г. на эту должность был назначен выпускник 1894 г. Александр Иванович Куценко [21. С. 20].

В начале XX в., после завершившегося процесса преобразования уездных училищ в городские, Курская губерния среди административно-территориальных единиц Харьковского учебного округа за-

нимает лидирующие позиции по количеству городских училищ и служащих в них выпускников Белгородского учительского института. В 1903 г. в 15 городских училищах, за исключением Суджанского, учительствовали выпускники учительского института. Следует отметить, что 5 городских училищ были полностью укомплектованы выпускниками учебного заведения – Льговское, Фатежское, Путивльское, Рыльское, Белгородское при учительском институте. Наименее представленными (по одному человеку) выпускники были в преподавательских составах Новооскольского и Белгородского четырехклассных городских училищ. Из 56 учителей наук в городских училищах Курской губернии 32 получили образование в Белгородском учительском институте, что составило около 55% от общего количества [22. С. 233–330]. Большинство учителей Курской губернии, которые получили образование в Белгородском учительском институте, стремились возглавить училища, получить должность инспектора или заведующего училищем. В ходе исследования было установлено, что из 98 выпускников Белгородского учительского института, назначенных учителями в училища Курской губернии с 1879 по 1916 г., 23 руководили учебными заведениями.

Увеличение количества учителей-инспекторов и заведующих городскими училищами, окончивших курс Белгородского учительского института, в начале XX в. было обусловлено одновременным преобразованием 10 уездных училищ в городские, что потребовало изменения преподавательского состава учебных заведений в соответствии с нормативно-правовой базой. Если в 1890 г. из 14 городских и уездных училищ Курской губернии 3 возглавляли выпускники учительского института, а в 1898 г. данное количество увеличилось до 6, то в 1903 г. – в 10 из 16 городских училищ должности учителей-инспекторов и заведующих занимали учителя, которые окончили Белгородский учительский институт, в 1909 г. работой 11 городских училищ руководили выпускники Белгородского учительского института, а в 1916 г. – 12 [18. Л. 59–65; 23. С. 240–249, 280–291; 24. Л. 4–19; 25. С. 110–349; 26. С. 113–308].

Движение по карьерной лестнице, которое было представлено разными карьерными сценариями, являлось основным вектором профессиональной реализации выпускника.

Первый карьерный сценарий предполагал продвижение по службе от должности учителя к должности учителя-инспектора (заведующего училищем). Например, выпускник 1880 г. учительского института Василий Павлович Ефремов был назначен учителем в Путивльское городское училище, а в 1886 г. переведен на должность учителя-инспектора в Рыльское городское трехклассное училище, где прослужил до 1916 г. [27. С. 52–53; 26. С. 261]. Окончивший курс Белгородского учительского института в 1881 г., Александр Никифорович Попов [28. С. 18] был назначен учителем в Чембарское городское училище, в 1894 г. переведен на должность штатного смотрителя Дмитриевского уездного училища, с 1902 г., в связи с

его преобразованием в городское, был утвержден в должности учителя-инспектора Дмитриевского городского училища, которое он возглавлял до 1916 г. [23. С. 288; 26. С. 201].

Отметим, что большинство выпускников изначально назначались «исправляющими должности учителей», а затем утверждались в них [29. С. 33–35].

По результатам анализа преподавательского состава городских и уездных училищ Курской губернии было установлено, что карьерное продвижение в одном училище было, скорее, частным случаем. Выпускник Белгородского учительского института 1903 г. Федор Алексеевич Епишев в 1909 г. занимал должность учителя Курского городского училища, а в 1916 г. являлся учителем-инспектором преобразованного Курского высшего начального училища [26. С. 113].

Большинство учителей, окончивших учительский институт, в основном назначались на должности инспекторов в другие училища. Корней Михайлович Шпаков (выпускник 1889 г.) служил учителем геометрии и арифметики в Рыльском городском училище, на должность учителя-инспектора был переведен в Львовское городское училище [25. С. 295; 26. С. 261]. Иван Гаврилович Курдяев (выпускник 1897 г.) занимал должность учителя в Курском городском училище, на должность инспектора переведен в Обоянское городское училище [22. С. 249; 25. С. 269]. Иван Иванович Ермаков (выпускник 1885 г.) служил учителем русского языка в Грайворонском уездном училище, позже был переведен на должность инспектора в Путивльское городское училище [18. Л. 62; 22. С. 255].

Кроме того, известны случаи перемещения с руководящей должности из одного училища в другое. Выпускник 1889 г. Михаил Константинович Медведев в 1902 г. назначен в Борисовское городское училище на должность заведующего, в 1909 г. он служил в Щигровском городском училище учителем-инспектором [25. С. 110].

Появление второго карьерного сценария было обусловлено несоответствием количества вакансий учителей городских училищ количеству подготовленных Белгородским учительским институтом педагогических кадров. Ввиду того что педагогических кадров было значительно больше, как и обучающихся в училищах, появлялись дополнительные ступени в карьерной лестнице, такие как назначение на должность помощника учителя. Для выпускников процесс вертикальной мобильности выглядел следующим образом: помощник учителя – учитель – учитель-инспектор (заведующий училищем). Так, Порфирий Антонович Лихачев, выпускник 1891 г., был назначен помощником учителя в Старооскольское городское училище. Позже он был переведен на должность учителя Новооскольского уездного училища, а в 1902 г. утвержден в должности учителя русского языка реорганизованного Новооскольского городского училища; в 1916 г. он занимает должность заведующего Борисовским высшим начальным училищем, преобразованным из городского [26. С. 193; 30. С. 13].

Однако встречаются случаи, когда помощники продвигались только до должности учителей и останавли-

вались на ней. Например, Трофим Яковлевич Чумаков, окончивший курс Белгородского учительского института в 1901 г., сразу был назначен помощником учителя Львовского городского училища. К 1909 г. он являлся учителем данного училища, где служил и в 1916 г. в указанной должности [25. С. 247; 26. С. 219].

Улучшение финансового состояния являлось одной из причин стремления продвигаться по службе. В конце XIX – начале XX в. за руководство училищем учителя получали доплаты. Частным примером, отражающим общую тенденцию финансового обеспечения учителей городских училищ данного периода, является Фатежское городское трехклассное училище, которое было укомплектовано полностью выпускниками Белгородского учительского института. В 1894 г. выпускник учительского института учитель-инспектор Иван Яковлевич Фадеев за службу получал 640 руб., в том числе 350 руб. – жалованье, 190 руб. – столовые и 100 руб. за руководство училищем. В соответствии с инструкцией 1894 г. в обязанности руководителя училища входило наблюдение за учебно-воспитательным процессом и его организация, а также руководство хозяйственной частью училища [31. С. 65]. Размер жалованья и столовых денег штатных учителей Ивана Ивановича Попова и Антона Яковлевича Касименко был такой же, а также они получали 75 руб. – квартирные, итого 615 руб. Помощники учителя получали по 395 руб., из них жалованье – 220 руб., столовые – 100 руб., размер квартирных не менялся [23. С. 239–241]. В уездных училищах служившие в должности штатного смотрителя учителя получали 400 руб., штатные учителя – 300 руб. [23. С. 288].

Следует отметить, что данных средств хватало только на скромную жизнь, поэтому многие из учителей, служивших в городских училищах, преподавали за отдельную плату дополнительные предметы как в училище, так в местных женских прогимназиях, а также брали на себя дополнительные административные обязанности.

Преподавая в Старооскольском городском училище, М.М. Коновалов получал дополнительно 75 руб. за надзор за поведением учащихся в указанном учебном заведении, М.Г. Корытников – 75 руб. за работу библиотекарем в фундаментальной и ученической библиотеке Грайворонского городского училища, Г.А. Матвейченков, А.Д. Филиппов, И.И. Понарин – за преподавание гимнастики в училищах по 75 руб. [22. С. 248–266].

В начале XX в. выпускники Белгородского учительского института – инспекторы Щигровского, Обоянского, Рыльского, Дмитриевского, Фатежского, Старооскольского, Тимского городских училищ и заведующий Львовского городского училища являлись председателями педагогических советов женских прогимназий.

Как инспекторы, так и штатные учителя часто преподавали в прогимназиях и гимназиях. Предметы, преподаваемые в прогимназиях, могли коренным образом отличаться от тех, которые учителя вели в училищах, что в целом соответствовало основной идее подготовки универсального городского учителя в учительском институте. В 1911 г. инспектор Путивль-

ского городского училища И.И. Ермаков был назначен преподавателем методики русского языка и арифметики в VIII классе Путивльской женской гимназии [32. С. 31]. В 1903 г. Андрей Тарасович Бураков в Щигровском городском училище преподавал русский язык и церковно-славянский, в Щигровской женской прогимназии – историю. Выпускник учительского института 1901 г. Алексей Иванович Нельгунов в Обоянском городском училище вел русский язык и гимнастику, а в Обоянской женской прогимназии – историю и географию. Михаил Михайлович Коновалов в Старооскольском городском училище преподавал арифметику и физику, в прогимназии – естествоведение [22. С. 250–262].

Оказавшиеся в наиболее затруднительном финансовом состоянии, выпускники, назначенные на должность помощников учителей, брали на себя дополнительные учебные и административные обязанности. Например, назначенный помощником учителя Льговского городского училища Трофим Семенович Чумаков в 1903 г. преподавал в училище гимнастику и являлся библиотекарем фундаментальной и ученической библиотеки училища, а также секретарем педагогического совета учебного заведения, преподавал географию в Льговской женской прогимназии [22. С. 265].

В целом продвижение до должности учителя-инспектора становилось финалом профессиональной реализации для многих выпускников, поэтому многие из них занимали указанные должности достаточно длительное время, например: в Фатежском училище И.Я. Фадеев – с 1881 по 1913 г., в Дмитриевском А.Н. Попов – с 1894 по 1916 г., в Рыльском В.П. Ефремов – с 1886 по 1916 г., в Путивльском И.И. Ермаков – с 1891 по 1916 г. [26. С. 201, 247, 261]. Длительная служба могла поощряться правительством. Так, В.П. Ефремову в 1911 г. за выслугу 30 лет по учебной части была назначена дополнительная выплата к пенсии в размере 80 руб. в год [33. С. 59].

Редким случаем было продвижение по службе дальше должности инспектора или заведующего. В 1904 г. выпускники Белгородского учительского института Захирий Циценко и Павел Барышников служили в должности инспекторов народных училищ. Первый – инспектором народных училищ Суджанского и Грайворонского уездов Курской губернии, второй – 4-го участка Пензенской губернии [24. Л. 4 об., 30 об.].

Третий карьерный сценарий характерен для выпускников Белгородского учительского института, которые назначались учителями открытого при нем городского училища. Практически все учителя указанного училища с 1879 по 1917 г. являлись выпускниками учительского института. В качестве основных особенностей их профессиональной реализации отметим отсутствие возможности возглавить училище, так как директор учительского института руководил и городским училищем, а также более высокий уровень финансового обеспечения по сравнению с выпускниками, которые были назначены в другие городские и уездные училища. Жалованье, которое получали учителя городского училища при институте, составляло 450 руб., столовые – 200 руб., квартирные – 75 руб.

Учителя городского училища, так же как и другие выпускники, искали дополнительный доход, который они могли получать за ведение дополнительных предметов, заведывание структурными подразделениями института – библиотекой и кабинетами. В отличие от других городских училищ, в которых преподаватели пения и гимнастики работали по найму, в городском училище, действовавшем при Белгородском учительском институте, преподавание указанных предметов было поручено штатным учителям с дополнительной оплатой. В 1903 г. учителя городского училища при институте получали: Дмитрий Иванович Черняк за преподавание гимнастики в училище и учительском институте – дополнительно 575 руб., а Алексей Иванович Панов за преподавание пения в училище – 75 руб. [22. С. 218]. В 1913 г. по 40 руб. дополнительно получали Д.И. Черняк и В.А. Мазурин за заведывание физическим кабинетом и библиотекой соответственно [22. С. 452]. Также некоторые из учителей могли одновременно преподавать в других учебных заведениях Белгорода. Алексей Иванович Панов, служивший в должности учителя городского училища при учительском институте с 1901 по 1915 г., 25 августа 1908 г. временно на 1908/09 учебный год допущен к преподаванию русского языка в основном и параллельном отделениях первого класса Белгородской женской гимназии, а 2 ноября 1909 г. – в параллельном отделении второго класса Белгородской женской гимназии [34. С. 59]. Одновременно с 20 августа 1909 г. он был назначен преподавателем русского языка и церковно-славянского в четвертом классе Белгородского женского епархиального училища, доплата – 90 руб. в год [35. С. 462–463].

Карьерный рост учителей городского училища при Белгородском учительском институте мог продолжаться в других учебных заведениях. Например, Евгений Михайлович Подтягин преподавал в училище с 1879 по 1901 г., а позже занимал должность помощника инспектора студентов Харьковского университета и преподавателя русского языка и арифметики в подготовительном классе Харьковской женской гимназии Е.Н. Дращковской [36. С. 81; 37. С. 79]. А.И. Панов в 1915 г. был назначен наставником Белопольской учительской семинарии [38. Л. 31].

Изученные сценарии профессиональной реализации выпускников Белгородского учительского института отражают наиболее общие тенденции карьерного роста, однако некоторые выпускники смогли реализовать себя не только в учительской деятельности.

Выпускник 1882 г. Павел Иванович Барышников продолжил исследовательскую работу в педагогическом направлении, публикуя статьи в крупных педагогических журналах «Народная школа» и «Воспитание и обучение». Большое внимание он уделял созданию учебных пособий, самое известное из них – «Краткие сведения из русской грамматики и важнейшие правила орфографии для начальных училищ» – было рекомендовано Министерством народного просвещения для указанных училищ.

Афанасий Борисович Петрищев, выпускник 1893 г., – известный публицист, историк и общественно-

политический деятель. С 1904 г. он работал в журнале «Русское богатство», написал очерк по истории системы образования Российской империи, в который были включены воспоминания об учительском институте («Заметки учителя», 1905 г.), а также художественные произведения и исторические очерки. В 1922 г. за свои политические убеждения он был арестован, а вскоре в числе антисоветской интеллигенции выслан на «философском пароходе».

Петр Филиппович Бузук, окончивший учительский институт в 1903 г., был инициатором создания первого на территории Российской империи Хортицкого общества охранителей природы (село Верхняя Хортица Екатеринославской губернии) [16. С. 56–60].

Таким образом, выпускники Белгородского учительского института в конце XIX – начале XX в. назначались на службу в городские, уездные и ремесленные училища Курской губернии, а также в городское училище при указанном институте. Продвижение по карьерной лестнице и, как следствие, улучшение финансового состояния являлось главным вектором профессиональной реализации выпускников учительского института.

В связи с этим было выделено несколько сценариев. Первый сценарий включал движение по службе от должности учителя к должности руководителя училища – учителя-инспектора или заведующего училищем. Второй сценарий был обусловлен избытком педагогических кадров, подготовленных в учительском институте в конце XIX в., в этой связи появилась дополнительная первая ступень в карьерной лестнице – должность помощника учителя. Третий сценарий характерен для выпускников, назначенных учителями городского училища при Белгородском учительском институте, которые имели более высокий уровень финансового обеспечения, однако были лишены возможности возглавить учебное заведение. Продвижение по карьерной лестнице они могли продолжить в гимназиях, учительских семинариях и других учебных заведениях. Несмотря на то, что первый и второй сценарии были наиболее распространенными, встречаются частные случаи самореализации выпускников в других сферах, кроме преподавательской деятельности, например в публицистике, исторической науке, педагогике и естественной истории.

Список источников

1. Терещенко Д.А. Учительские институты в системе профессионального образования России во второй половине XIX – начале XX века (на примере Белгородского учительского института) // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 2 (19). С. 149–158.
2. Дутов Н.В. Из истории учительского института. Выбор места // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 4. С. 220–232.
3. Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920 годы. Томск, 2002. 239 с.
4. Острога В.М. Преподаватели учительских институтов Виленского учебного округа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Серия 6. История, философия. 2020. № 1 (233). С. 21–26.
5. Саввина О.А. Директора Московского учительского института // Московский журнал. История государства Российского. 2014. № 9. С. 20–27.
6. Кочурина С.А. Формирование морально-ценностных установок и развитие профессионального потенциала личности педагога у воспитанников учительских институтов Западно-Сибирского учебного округа // Сборник статей по материалам IX научно-практической конференции «Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии». Новосибирск : СибАК, 2011. URL: <https://sibac.info/conf/pedagog/ix/36942> (дата обращения: 15.06.2021).
7. Список высших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения, как существовавших до 1866 года, так и учрежденных в течение 1866–1876 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. Ч. CLXXXV. С. 1–23.
8. Гришина Н.В. Жизненные сценарии: нормативность и индивидуализация // Психологические исследования. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.com/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html> (дата обращения: 20.02.2021).
9. Котельникова Ю.А. Жизненный сценарий личности как системный конструкт ее функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 4. С. 16–30.
10. Положение о городских училищах и учительских институтах от 31 мая 1872 года № 50909 // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. Т. 47. Ч. 1. С. 727–736.
11. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1874–1876 гг. СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1901. Т. 6. 1698 стб. (1635–1636).
12. Белгородский государственный историко-краеведческий музей (БОКМ). Инв. № 9552 – О.
13. О введении во всех Учительских Институтах наградных для лучших воспитанников, с успехом окончивших в них курс, золотой и серебряной медалей от 1 июля 1875 года № 54879 // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. II. Т. 50. Ч. 2. С. 1.
14. Рыбалкин М.М. Белгородский учительский институт. Белгород, 1962. 102 с. Деп. в Белгор. ист.-краевед. музей 13.05.2009, № 58880-58883. URL: <http://library-mp.bsu.edu.ru/ProtectedView/Book/ViewBook/1515> (дата обращения: 05.05.2021).
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 205. Д. 2810.
16. Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. Выпускники Белгородского учительского института в экспозиции музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета // Жизнь Земли : междисциплинарный научно-практический журнал, 2019. 41 (1). С. 54–60.
17. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1884. № 11.
18. РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 1480.
19. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1888. № 9.
20. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1902. Харьков : Типография Зильберберг, 1902. 120 с.
21. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1894. № 9.
22. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу. 1903. Харьков : Печатное дело, 1903. Вып. 1. V, 642 с.
23. Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1898. Харьков : Паровая типография и литография Зильберберг, 1898. XII, 619 с.
24. РГИА. Ф.733. Оп. 204. Д. 183.
25. Курский адрес-календарь 1909 г. Курск : Типо-лит. Губ. правления, 1909. V, 405 с.
26. Курский адрес-календарь 1916 г. Курск : Электр. типо-литогр. губ. правл., 1916. 10, 369 с., [1] л.
27. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1880. № 8.
28. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1881. № 9.

29. Московкин В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Серия «Социальные и гуманитарные исследования». 2014. № 2 (2). С. 29–41.
30. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1891. № 9.
31. Острога В.М. Социальное положение учителей городских училищ Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Ученые записки Брестского государственного технического университета: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1. С. 64–71.
32. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1911. № 7.
33. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1911. № 3.
34. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1908. № 9.
35. Отчет о состоянии Белгородского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1909–1910 учебный год // Курские епархиальные ведомости. Часть официальная. 5 ноября 1910. №45. С. 462–463.
36. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1908. № 10.
37. Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1909. № 2.
38. РГИА. Ф.733. Оп. 205. Д. 2818.

References

1. Tereshchenko, D.A. (2016) Uchitel'skie instituty v sisteme professional'nogo obrazovaniya Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na primere Belgorodskogo uchitel'skogo instituta) [Teacher's institutes in the system of vocational education in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries (on the example of the Belgorod Teachers' Institute)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. 2 (19). pp. 149–158.
2. Dutov, N.V. (2008) Iz istorii uchitel'skogo instituta. Vybora mesta [From the history of the teacher's institute. Choosing a place]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 4. pp. 220–232.
3. Voytekhovskaya, M.P. & Kochurina, S.A. (2002) *Tomskiy uchitel'skiy institut: vozvrashchennaya istoriya. 1902–1920 gody* [Tomsk Teacher's Institute: History returned. 1902–1920]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
4. Ostroga, V.M. (2020) Prepodavateli uchitel'skikh institutov Vilenskogo uchebnogo okruga (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Professors of teachers' institutes of the Vilna educational district (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Trudy BGTU. Seriya 6. Istoriya, filosofiya*. 1 (233). pp. 21–26.
5. Savvina, O.A. (2014) Direktora Moskovskogo uchitel'skogo instituta [Directors of the Moscow Teachers' Institute]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. 9. pp. 20–27.
6. Kochurina, S.A. (2011) [Formation of moral and value attitudes and development of the professional potential of the teacher's personality among pupils of teacher's institutes of the West Siberian educational district]. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii* [Personality, Family and Society: Questions of pedagogy and psychology]. Proceedings of the 9th International Conference. Novosibirsk. 24 October 2011. Novosibirsk: SibAK. [Online] Available from: <https://sibac.info/conf/pedagog/ix/36942> (Accessed: 15.06.2021). (In Russian).
7. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. (1876) Spisok vysshikh i srednikh uchebnykh zavedeniy Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, kak sushchestvovavshikh do 1866 goda, tak i uchrezhdennykh v techenie 1866–1876 gg. [List of higher and secondary educational institutions of the Ministry of Public Education, both existing before 1866 and established during 1866–1876]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Pt. CLXXXV. pp. 1–23.
8. Grishina, N.V. (2011) Zhiznennyye stsenarii: normativnost' i individualizatsiya [Life scenarios: normativity and individualization]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 3 (17). [Online] Available from: <http://psystudy.com/index.php/num/2011n3-17/491-grishina17.html> (Accessed: 20.02.2021).
9. Kotelnikova, Yu.A. (2014) Zhiznennyy stsenariy lichnosti kak sistemnyy konstrukt ee funktsionirovaniya [Personal life scenario as a systemic construct of its functioning]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 4. pp. 16–30.
10. Russian Empire. (1872) Polozhenie o gorodskikh uchilishchakh i uchitel'skikh institutakh ot 31 maya 1872 goda № 50909 [Regulations on city schools and teacher's institutes of May 31, 1872 No. 50909]. In: Maykov, P.M. (ed.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 47. Part 1. Moscow: Imperial Moscow University. pp. 727–736.
11. Ministry of National Enlightenment. (1901) *Sbornik rasporyazheniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya 1874–1876 gg.* [Collection of Orders for the Ministry of Public Education 1874–1876]. Vol. 6. Saint Petersburg: Tipografiya P.P. Soykina.
12. Belgorod State Historical and Regional Museum (BOKM). Item 9552 – O. (In Russian).
13. Russian Empire. (1875) O vvedenii vo vsekh Uchitel'skikh Institutakh nagradnykh dlya luchshikh vospitannikov, s uspekham okonchivshikh v nikh kurs, zolotoy i serebryanoy medaley ot 1 iyulya 1875 goda № 54879 [On the introduction in all Teachers' Institutes of awards for the best students who successfully completed their course, gold and silver medals of July 1, 1875 No. 54879]. In: Maykov, P.M. (ed.) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 50. Part 2. Moscow: Imperial Moscow University. P. 1.
14. Rybalkin, M.M. (1962) *Belgorodskiy uchitel'skiy institut* [Belgorod Teachers' Institute]. Belgorod: [s.n.]. [Online] Available from: <http://library-mp.bsu.edu.ru/ProtectedView/Book/ViewBook/1515> (Accessed: 05.05.2021).
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. *Departament narodnogo prosveshcheniya* [Department of Public Education]. List 205. File 2810.
16. Denisova, I.V. & Lyu-Ku-Tan, V.A. (2019) Vypusniki Belgorodskogo uchitel'skogo instituta v ekspozitsii muzeya istorii Belgorodskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta [Alumni of Belgorod Teachers' Institute in the exposition of the Museum of History of Belgorod State National Research University]. *Zhizn' Zemli*. 41 (1). pp. 54–60.
17. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1884) 11. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 203. File 1480. (In Russian).
19. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1888) 9. (In Russian).
20. Kharkiv Educational District. (1902) *Spisok litsam, sluzhashchim po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu. 1902* [List of Persons Serving in Kharkiv Educational District. 1902]. Kharkiv: Tipografiya Zil'berberg.
21. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu* [Circular of Kharkiv Educational District]. (1894) 9. (In Russian).
22. Kharkiv Educational District. (1903) *Spisok litsam, sluzhashchim po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu. 1903* [List of Persons Serving in Kharkiv Educational District. 1903]. Vol. 1. Kharkiv: Pechatnoye delo.
23. Kharkiv Educational District. (1898) *Spisok litsam, sluzhashchim po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu. 1903* [List of Persons Serving in Kharkiv Educational District. 1898]. Kharkiv: Parovaya tipografiya i litografiya Zil'berberg.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 204. File 183. (In Russian).
25. Kursk Governorate. (1909) *Kurskiy adres-kalendar' 1909 g.* [Kursk Address Calendar 1909]. Kursk: Tipo-lit. Gub. pravleniya.
26. Kursk Governorate. (1916) *Kurskiy adres-kalendar' 1916 g.* [Kursk Address Calendar 1916]. Kursk: Elektr. tipo-litogr. gub. pravl.
27. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1880) 8. (In Russian).
28. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1881) 9. (In Russian).
29. Московкин, В.М. (2014) Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники [Belgorod Teachers' Institute: directors, teachers and alumni]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya "Sotsial'nye i gumanitarnyye issledovaniya"*. 2 (2). pp. 29–41.

30. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1891) 9. (In Russian).
31. Ostroga, V.M. (2019) Sotsial'noe polozhenie uchiteley gorodskikh uchilishch Belarusi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The social status of teachers of urban schools in Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Uchenye zapiski Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 64–71.
32. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1911) 7. (In Russian).
33. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1911) 3. (In Russian).
34. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu* (1908) 9. (In Russian).
35. Kurskie eparkhial'nye vedomosti. (1910) Otchet o sostoyanii Belgorodskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha v uchebno-vospitatel'nom otnošenii za 1909–1910 uchebnyy god [Report on the state of Belgorod eparchy women's school in terms of teaching and upbringing for the 1909–1910 academic year]. *Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Official Part*. 5 November. 45. pp. 462–463.
36. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1908) 10. (In Russian).
37. *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu*. (1909) 2. (In Russian).
38. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 205. File 2818. (In Russian).

Информация об авторе:

Лю-Ку-Тан В.А. – аспирант кафедры российской истории и документоведения, специалист по экспозиционной и выставочной работе музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Lyu-Ku-Tan, postgraduate student, specialist in exposition and exhibition work of the History Museum, Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: lyu-ku-tan@bsu.edu.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 03.08.2021;
одобрена после рецензирования 20.10.2021; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 03.08.2021;
approved after reviewing 20.10.2021; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 93"1757–1768"
doi: 10.17223/15617793/481/19

К истории преследования российских помещиков за жестокое обращение с крепостными: инициирование дела Салтычихи (1757–1763 гг.)

Ерофей Юрьевич Моряков¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, erofeymoryakov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6907-1865*

Аннотация. Проводится анализ следственных дел и жалоб против Дарьи Салтыковой в 1757–1763 гг., в период, предвещающий централизованное следствие в Юстиц-коллегии. Показано, как и когда челобитчики добились реакции властей на преступления помещицы и почему ей удавалось уходить от правосудия. Предложены три объяснения тому, почему следствие в Юстиц-коллегии началось только в 1763 г. и имело затяжной характер.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, Петр III, Екатерина II, Салтычиха, крепостное право, жестокое обращение, жалобы, Москва

Благодарности: автор выражает благодарность Е.В. Акельеву, В.Е. Борисову и А.С. Сироткину за предоставление отдельных источников и помощь с архивными поисками, Е.Б. Смилянкой – за помощь с редактированием статьи.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402/>, ИРЛИ РАН.

Для цитирования: Моряков Е.Ю. К истории преследования российских помещиков за жестокое обращение с крепостными: инициирование дела Салтычихи (1757–1763 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 165–182. doi: 10.17223/15617793/481/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/19

To the history of the prosecution of Russian landlords for the abuse of serfs: Initiation of the Saltychikha Case (1757–1763)

Yerofei Yu. Moriakov¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, erofeymoryakov@gmail.com ORCID: 0000-0002-6907-1865*

Abstract. This article examines the legal cases and petitions about the crimes of Darya Saltykova, the most famous serial killer in eighteenth-century Russia. From the mid-1750s to 1762, Saltykova murdered and maimed serfs in her Moscow mansion at the intersection of Sretenka and Kuznetsky Most streets, as well as in the village of Troitskoye near Moscow. According to testimonies, Saltykova murdered 75 serfs, whereas the court found her guilty of 45 murders. The imperial decree of 1768 deprived Saltykova of nobility and the family name, after which contemporaries took to calling her “Saltychikha”. The chronological framework of my study covers the period of 1757–1763, when at least 22 cases of crimes committed by the “Bloody Lady” were initiated and that preceded the centralised investigation at the Collegium of Justice. This article shows how and when the complainants got the authorities to react to the landlady’s atrocities. Achieving this goal will make it possible to understand better why Darya Saltykova evaded justice for many years. The research refers to legal cases related to the murders committed by Saltychikha. The unpublished cases are stored in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). The sources consist of the serfs’ complaints, decrees of Catherine II, reports and decrees of the Senate, reports, references, extracts from the interrogation protocols, as well as opinions prepared by the Collegium of Justice, office correspondence. In the text of the article, I reconstruct the chronology of petitions and investigative proceedings against Darya Saltykova. I analysed the practices of sending complaints to courts, as well as the narratives presented by petitioners and officials during the investigation. The serfs, a priest and a nobleman – more than 60 people – filed 20 complaints charging the landlady with beatings, assassinations and attempted murders. Additionally, 7 girls who had died from beatings by Darya Saltykova were examined in different Moscow institutions. The petitions filed between 1757 and 1763, as well as medico-legal autopsy reports did not initiate full-scale investigations. However, during this period a body of evidence developed to support the subsequent murderer’s conviction. After the

serfs' appeals to Catherine II, a radical change occurred in the process leading to the house arrest, interrogation and punishment of the notorious noblewoman. I conclude that the serfs' complaints, as well as the monarch's control over the investigation, were of key importance in initiating the case. Three points could explain why the investigation started late and why it was protracted: lack of legislation, lack of complaints, and indifference of the officials and victims' neighbours.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Peter III, Catherine II, Saltychikha, serfdom, abuse, complaints, Moscow

Acknowledgements: I am grateful to E.V. Akelev, V.E. Borisov and A.S. Sirotkin for their assistance in finding sources, to E.B. Smilyanskaya for her help with editing.

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01402, <https://rscf.ru/project/22-28-01402/>, IRLI RAN.

For citation: Moriakov, Ye.Yu. (2022) To the history of the prosecution of Russian landlords for the abuse of serfs: Initiation of the Saltychikha Case (1757–1763). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 165–182. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/19

В период существования крепостничества в Российской империи многие помещики, включая А.Т. Болотова, В.В. и И.В. Капнистов, Н.И. Новикова, В.Г. Полетику, А.И. и Н.И. Чихачевых, следили за благосостоянием, здоровьем и нравственностью подневольных им людей, с умеренностью наказывали их за проступки и преступления, защищали их от злоупотреблений приказчиков и старост. Так, например, писатель и ученый Андрей Тимофеевич Болотов в 1766 г. сослал своего приказчика в дальнюю вотчину «из подозрения якобы он портил людей» [1. Л. 95 об.; 2. Стб. 303–315; 3. Стб. 63–65, 103, 474–478, 505–507, 638–642, 1123; 4. Стб. 131, 177–179; 5. С. 207–209, 319–350, 471–520; 6. С. 147–156; 7. С. 98–227; 8. С. 203–233]. Однако среди помещиков встречались и садисты-крепостники, которые изнурили, калечили и убивали свою «крещеную собственность». Повествуя о событиях 1762 г., мемуарист А.Т. Болотов отмечает, что крепостные, находившиеся под управлением Анны Фоминой (в замуж. Кавериной), супруги «внучатого дяди» писателя, терпели от помещицы «не только всякия брани и ругательствы, но и самые побои и мучительствы» [2. Стб. 349–350]. Многие крестьяне четы Кавериных не выдержали такого отношения и убежали из деревни, приведя состояние помещиков в упадок. Фомину мемуарист иронически называет «госпожей Чудихиной» [2. Стб. 511], отсылая к отрицательному персонажу из комедий Екатерины II.

Помещица Дарья Николаевна Салтыкова (1730–1800) – самая известная серийная убийца в России XVIII в. Дарья приходилась внучкой думного дьяка Поместного приказа Автонома Ивановича Иванова (ум. 1709), скопившего за время службы при Софье Алексеевне и Петре I имения, которые населяли около 16 тысяч крепостных. Первым и последним браком Д.Н. Иванова вышла замуж за Глеба Алексеевича Салтыкова (ок. 1714–1756), который служил ротмистром лейб-гвардии Конного полка, и взяла фамилию супруга. После его смерти Дарья Салтыкова принялась калечить и убивать дворовых девушек в своей московской усадьбе, стоявшей на пересечении Сретенки и Кузнецкого моста, а также в подмосковном селе Троицкое. Под управлением «кровавой барыни» находилось более 4 000 крепостных (по данным 3-й ревизии), а значит, она может быть причислена приблизительно к тысяче богатейших помещиков

Российской империи. Вдове Салтыковой и ее детям, Федору (1750–1801) и Николаю (ок. 1751–1775), принадлежали селения, находившиеся в Московском уезде Московской губернии, в Малоярославецком и Медынском уездах Калужской губернии, в Вяземском уезде Смоленской губернии, в Унженском и Вологодском уездах Архангелогородской губернии. По приказу барыни и ее мужа из деревень в Москву и Троицкое были привезены 138 крестьянок, большинство из которых к 1762 г. умерли или пропали без вести. Согласно показаниям, Салтыкова и ее помощники из числа дворовых убили 75 крепостных. Их жертвами становились, как правило, «девки» (незамужние женщины), реже – «жонки» (замужние женщины), тогда как всего трое известных жертв были мужчинами. Помещица оправдывала побои и пытки девушек тем, что они якобы некачественно убирали господский дом [9. Л. 8–12 об.; 10. Л. 29–38, 60, 123, 133, 163–163 об.; 11. Л. 285–289 об., 315 об., 391–392; 12. С. 497–498, 526–528; 13. С. 31–34].

Салтыкова совершала свои убийства на рубеже правлений Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, когда дворяне приобрели монопольное право на владение землей и крепостными, в отношении которых пользовались практически абсолютной властью. Помещики по своему усмотрению обменивали и продавали, переселяли и женили, наказывали и отдавали в солдаты зависимых от них людей. Во второй половине XVIII в., по словам Е.Н. Марасиновой, подневольный труд не только создавал материальную базу для самоутверждения господствующего сословия: крепостничество прочно переплеталось с бытием дворянина, мощно воздействуя на его сознание. Потребительское отношение к крестьянам и дворовым становилось нормой, и многие дворяне воспринимали убийство крепостных как частное дело владельца. В целях сохранения общественной стабильности государство должно было реагировать на вопиющие случаи крепостнического насилия. По крайней мере, с 1761 г. суды преследовали помещиков за жестокое обращение с подневольными им людьми. Согласно подсчетам, в 1760-х – начале 1790-х гг. более 40 помещиков были приговорены к наказаниям за убийство своих крепостных, в том числе к лишению дворянства и ссылке в Сибирь. Императрица Екатерина Алексеевна в своих конфирмациях на доклады Сената утвер-

дила большинство известных приговоров по таким делам. Как правило, за крепостных в судах ходатайствовали местные светские и духовные власти. Частновладельческие крестьяне и дворовые были вынуждены искать посредников для обращения к представителям власти, поскольку они не имели права свидетельствовать против своих владельцев по уголовным делам [8. С. 203–233; 13. С. 178–222, 370–376; 14. С. 128–144]. Первым случаем, когда помещица-садистка была арестована и наказана после того, как ее крепостные самостоятельно ходатайствовали в суде, стало дело Дарьи Салтыковой. Указом от 2 октября 1768 г. Екатерина II лишила Салтыкову дворянства и запретила подданным именовать ее «названием рода» отца и мужа, т.е. у Дарьи официально отняли фамилию. 18 октября это постановление было прочитано на Красной площади, где Дарья Николаева дочь выстояла час с прикрепленным ей на шею листом, на котором было написано «Мучительница и душегубица». Указ о гражданской казни бесфамильной изуверки был объявлен «во всенародное известие». Вероятно, именно тогда современники и дали крепостнице прозвище «Салтычиха», которое стало нарицательным [11. Л. 400–401 об., 426 об.; 15; 16. Р. 82, 124]. С тех пор салтычихами называли помещиц, истязавших своих крепостных (А.В. Козловскую, А.И. Полуэктову, О.К. Брискорн, А.С. Шелешпанскую и Г. Стоцкую), а также любых других жестоких женщин.

В XVIII–XIX вв. память о деле Салтычихи сохранялась, прежде всего, в устной традиции. Широкое распространение имел ничем не подтвержденный слух о людоедстве помещицы. Через столетие после наказания «душегубицы» на Красной площади было опубликовано письмо непосредственного свидетеля казни. В Нижегородской губернии была записана легенда о встрече Салтычихи и заточенного в клетку Емельяна Пугачева в Москве (согласно легенде, помещица умерла сразу после свидания с Пугачевым, и на ее «хоромы» прилетели два черных ворона). В 1779–1800 гг. Дарья Салтыкова содержалась в застенке, пристроенном к южной стене собора Ивановского женского монастыря. Желаящие приходили в церковь, чтобы посмотреть на заключенную через окно с занавеской, которое выходило на пристройку. Француз П.Д. де Пассенан, работавший частным учителем в Москве, записал в своих воспоминаниях, что нашел монастырскую колодницу уже 70-летней старухой. Пореформенные историки узнали об этом зрелище со слов московских старожилов П.Ф. Карабанова и П.М. Рудина [16. Р. 82, 124; 17. С. 18–19; 18. С. 304; 19. С. 650–651; 20; 21. С. 1283–1284; 22].

Исторические сочинения о следственном процессе¹ над Д.Н. Салтыковой начали появляться после 1861 г. В год отмены крепостного права историк и этнограф И.М. Снегирев сообщил в публикации, что в его коллекции хранится «обстоятельный экстракт» (краткий пересказ) из дела Юстиц-коллегии о преступлениях Салтычихи. Еще в 1817 г. Снегирев получил этот экстракт от подъячего С.С. Горюшкина [24. С. 66–67]. В сентябре 1863 г. редакция журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» за-

получила «подлинное, до сих пор никому неизвестное дело о Салтыковой»; в двух номерах было опубликовано его краткое содержание [18; 25]. В статье 1874 г. Г.И. Студенкин подробно описал преступления «душегубицы» и то, как они расследовались, а также составил список жертв Салтычихи (на основании свидетельских показаний, собранных Юстиц-коллегией) [12]. В работе «Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II» В.И. Семевский проанализировал как материалы следствия, так и обширную историографию о деле, накопившуюся к тому времени [13. С. 223–229]. Среди дореволюционных авторов, которые исследовали процесс Салтычихи или публиковали материалы дела, также следует назвать П.Г. Кичеева, Л.П. Майкова, Д.О. Шеппинга, Н.П. Розанова и П.И. Мельникова [19–21, 26–28]. При всей фундаментальности всех упомянутых работ, существенным их недостатком является отсутствие ссылок на архивные источники. Кроме того, дореволюционные авторы не ставили задачей реконструировать в хронологическом порядке петиционное движение и следственные дела, возбужденные против Салтычихи.

Русисты, писавшие о деле Дарьи Салтыковой после 1917 г., опирались на предшествующую научную традицию. М.Н. Гернет и Е.Н. Марасинова проанализировали приговор в отношении Дарьи Салтыковой [14. С. 134, 202–203; 29. С. 79–80, 84–86, 289–290]. Дж. Блюм в 1961 г. отмечал, что, хотя Салтычиха и ей подобные были психопатами, «бездумная и подсознательная жестокость» имела вездесущий характер в крепостнической России. Блюм преуменьшал роль крепостных в возбуждении следствия, отмечая, что «поведение помещицы обрело дурную славу, и власти были вынуждены что-то предпринять» [30. Р. 438–439]. М.Ф. Прохоров рассмотрел жалобы крепостных Салтычихи и других помещиков, поданные в Московской губернии с 1750 по 1775 г., всего 41 петицию. Как оказалось, в 33 челобитных крепостные сообщали о произволе и насилии со стороны владельцев, а в 7 случаях – о взяточничестве и волокитстве в судах, куда они обращались [31. С. 126, 171–176]. Упоминания о деле Салтычихи М.Л. Маррезе отметила, что крепостные практически не имели средств правовой защиты от злоупотреблений помещиков. Только Павел I разрешил подневольному люду обращаться к правителю с жалобами на притеснения владельцев [32. Р. 229–231].

С.А. Экштут проанализировал покушения Салтычихи на своего бывшего любовника, капитана Николая Андреевича Тютчева, приходившегося родным дедом поэту Ф.И. Тютчеву [33]. Две работы Л.В. Маньковой 2002 и 2016 гг. представляют собой заимствования из статьи Г.И. Студенкина. Текст Студенкина в них скопирован или перефразирован, однако ссылки на него отсутствуют, равно как и ссылки на источники, о знакомстве с которыми заявляет автор [34, 35]. Е.В. Анисимов проанализировал исторический контекст преступлений барыни, отметив, что в 1750-х гг. крепостных окружал «мир каждодневного насилия и издевательства». С этим замечанием трудно поспорить, но нельзя согласиться с указанием исто-

рика, что дело Салтычихи началось из-за молвы, которая «возбудила общество» [36. С. 279–285; 37. С. 401–425]. Ю.М. Эскин в публикации 2002 г. привел фонды Российского государственного архива древних актов (РГАДА), в которых хранятся дела о преступлениях Д.Н. Салтыковой, в том числе «экстракты» из следственного дела о преступлениях Салтычихи, которое велось в Юстиц-коллегии. Данные материалы, однако, не используются современными исследователями [38]. В 2012 г. С.В. Черников опубликовал алфавитные списки помещиков Московского уезда в первой половине XVIII в. с указанием числа принадлежавших им крепостных. Выясняется, что, по данным 3-й ревизии, Дарья Салтыкова владела 487 душами м. п. в Московском уезде [39. Р. 172, 217]. Участники проекта «Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в.», проводившегося под эгидой Германского исторического института в Москве, на сайте проекта создали веб-страницу о Дарье Салтыковой. Здесь упоминается архивное дело 1762 г., посвященное отправке производств по жалобам на Д.Н. Салтыкову из Сыснкого приказа в Юстиц-коллегию [40, 41]. Хотя в историографии 1917–2022 гг. были рассмотрены новые аспекты следственного дела Салтычихи, историки в значительной степени опирались на выводы дореволюционных авторов, без обращения к архивным источникам.

Распространение в историографии, литературе и массовой культуре мифов и домыслов о Салтычихе можно объяснить отсутствием современных историко-архивных исследований о деле помещицы. Необходимо свести в одной работе все известные архивные документы, относящиеся к процессу «душегубицы». Вместе с тем представляется актуальным комплексный анализ петиционного движения и следственных дел против Дарьи Салтыковой в 1757–1763 гг. В этот период, совпавший с рубежом царствований Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, в широком смысле определялось, найдется ли сила, способная остановить Салтычиху, понесут ли наказание злодейка и ее пособники. Далее я попробую доказать, что инициирование расследования преступлений вдовы Салтыковой было заслугой челобитчиков и Екатерины II, а вовсе не широкой публики. Для этого важно понять, когда и как крепостные добились реакции властей на преступления «кровоавой барыни» и почему Дарье Салтыковой удавалось избегать от правосудия весьма продолжительное время.

Комплекс делопроизводственной документации, относящейся к делу Салтычихи, по объему превосходит любое другое дело о жестоком обращении с крепостными в России. С 1757 по 1762 г. в московских учреждениях было инициировано по меньшей мере 22 дела об убийствах, приписываемых Салтычихе. Весь этот период Дарья Салтыкова продолжала истязать служанок. Только после обращения крепостных к Екатерине II в октябре 1762 г. все дела, возбужденные ранее против помещицы, были переданы в Юстиц-коллегию, а сама «душегубица» была посажена под домашний арест [9; 10. Л. 19, 32, 39 об., 152 об.–155; 11. Л. 260 об.–264, 290–291 об.; 41; 42; 43. Л. 108–108 об.; 44. Л. 455; 45. Л. 22–24 об.].

Ниже представлена хронология жалоб и расследований по делу Салтычихи.

14 декабря 1757 г. в Московскую полицмейстерскую канцелярию обратилась дворовая Салтычихи, Василиса Нефедьева дочь, сообщившая, что Дарья Салтыкова убила свою «девку» Аграфену Потапову дочь. Дело было передано в Сыснкой приказ, где Василиса была наказана кнутом; очная ставка крепостной и барыни не проводилась. По воле Салтычихи девушка была сослана в Оренбургскую губернию. Как показали Савелий Мартынов и Ермолай Ильин, «оное все сделано по подкупу во угождение помещицы их» [9. Л. 14 об.; 10. Л. 165–166; 11. Л. 185–187 об.].

23 декабря 1757 г. капитан съезжего двора 1-й команды² Николай Телегин сообщил в Московскую полицмейстерскую канцелярию, что он был призван Д.Н. Салтыковой в ее дом на пересечении Кузнецкого моста и Сретенки для осмотра умершей дворовой Анисьи Григорьевой дочери. Телегин зафиксировал на ней рубцы от побоев. Муж Анисьи, дворовый Трофим Степанов, объявил капитану, что причина смерти – побои Салтыковой. После этого сотские и десятские доставили труп в Московский генеральный сухопутный госпиталь, где на нем зафиксировали телесные повреждения «на всей спине и по обоим бокам». 2 февраля Трофим Степанов сбежал от Салтыковой и кричал около съезжего двора «караул». Крепостной объявил полицейским, что по приказанию помещицы ее «гайдук» (так называли в имени приближенных к госпоже дворовых) Федор Сомин забил до смерти служанку Анну Матвееву. На допросе в Московской полицмейстерской канцелярии Трофим также сообщил, что после истязания Анисья выкинула мертвого младенца и на четвертый день скончалась. Два свидетеля из числа крепостных, которых назвал челобитчик в полиции, не подтвердили его показаний, после чего Трофим был отправлен обратно в дом помещицы. При пересмотре дела в 1766–1767 гг. на основании проведенной ранее судебно-медицинской экспертизы Юстиц-коллегия установила вину вдовы Салтыковой в убийстве Анисьи. Однако факт убийства Анны Матвеевой остался недоказанным [10. Л. 33–34; 11. Л. 213–218].

24 мая 1759 г. в 4 часа утра в Московскую полицмейстерскую канцелярию пришел упомянутый сообщник Салтычихи Федор Иванов сын Сомин. Дворовый сообщил, что помещица в марте и апреле убила шесть «девок», которых привезла из своих дальних вотчин. Дело было передано в Сыснкой приказ. Сомин назвал ряд свидетелей, однако они не подтвердили его показаний. В июле того же года крепостного наказали кнутом и отдали в дом Салтычихи. Согласно показаниям Савелия Мартынова и Ермолая Ильина, он был отправлен в село Вокшино, где был содержан «в железах» [9. Л. 14; 10. Л. 122 об.–123 об.; 11. Л. 187 об.–192]. Затем Федор Сомин был отправлен под надзор старосты деревни Телячковой Никифора Григорьева, от которого крепостному удалось сбежать. В августе 1761 г. Салтычиха лишила жизни Никифора в наказание за плохой надзор [11. Л. 242–244]. Дела по жалобам Василисы Нефедьевой дочери и Фе-

дора Сомина не были пересмотрены и далее: в 1767 г. Юстиц-коллегия рассудила, что они были решены на законных основаниях. Проситель Ермолай Ильин, который сообщил, что московские чиновники помогали Салтычихе скрывать совершенные убийства за взятки, был обвинен в ложном доносе и сослан в Нерчинск. Против Ермолая сыграл тот факт, что он соучаствовал «кровавой барыне» в убийствах, а также то, что в 1757–1759 г. он лжесвидетельствовал в полиции «во оправдание помещицы своей» [11. Л. 190–190 об., 381, 405–405 об.].

19 ноября 1759 г. гайдук Федот Михайлов сын Богомоллов объявил караульному московской полиции, что по приказанию Салтыковой в ноябре он стал соучастником убийства своего племянника Хрисанфа Андреева в московском доме помещицы. После избияния Хрисанфа Богомоллов отвез умирающего в Троицкое. В селе гайдук встретил старосту Ивана Михайлова, которому рассказал об истязаниях. К тому времени Хрисанф испустил последнее дыхание, и крепостные отнесли тело в сельский хлев. Назавтра Богомоллов перепрятал труп под пол кухни господского дома, и в течение нескольких дней обратился в полицию. Дело было передано в Московскую губернскую канцелярию. Узнав об этом, Салтычиха приказала перепрятать труп в поле под снегом; тело покойника нашел подпоручик Суков, отправленный из губернской канцелярии. На допросе староста Михайлов не подтвердил показания Богомоллова. В апреле 1760 г. материалы дела и двух крепостных доставили в Сысольскую канцелярию. Через несколько месяцев челобитчика отдали обратно помещице. Только на допросе в Юстиц-коллегии в 1763 г. Иван Михайлов изменил показания, подтвердив версию Федота: убийство Хрисанфа Андреева Салтычихой было доказано. Коллегия выявила, что в 1759–1760 гг. процедура расследования была нарушена и даты, проставленные в документах, не соответствовали действительности [9. Л. 14; 10. Л. 44 об.–50; 11. Л. 192–209; 12. С. 516–517; 42. Л. 2 об.–3].

С 1757 по 1762 г. приходской священник, офицеры съезжего двора, врачи полиции и Московского генерального сухопутного госпиталя провели осмотры пяти служанок, умерших от побоев Салтыковой в ее доме на пересечении Кузнецкого моста и Сретенки: Анисьи Григорьевой дочери, Пелагеи Петровой дочери, Катерины Тимофеевой дочери, Анны Петровой дочери и Дарьи Дементьевой дочери. В разное время эти девушки были привезены в Москву соответственно из деревни Гребенкиной Медынского уезда, из деревни Теплый стан Московского уезда (Пелагея и Катерина), из деревни Анисимовской Вологодского уезда и из села Вокшино Московского уезда [10. Л. 58–63; 11. Л. 213–237].

Иван Иванов был священником Введенской церкви на Сретенке, прихожанкой которой была Д.Н. Салтыкова и ее люди. В обязанности пастыря входило исповедовать и причащать жителей прихода перед смертью на дому, но сделать это получалось не всегда: дворовые Анисья, Пелагея и Катерина скоропостижно скончались в доме Дарьи Салтыковой «без

исповеди и причастия». Священники не имели права хоронить умерших насильственной или внезапной смертью, без предварительного получения полицейского свидетельства. Поэтому каждый раз, когда вдова Салтыкова просила Ивана Иванова похоронить девушек у приходской церкви, он требовал от нее «похоронные». После отказов со стороны сретенского священника служитель барыни Мартьян Зотов был вынужден объявить об Анисье, а после о Пелагее и Катерине на съезде двора 1-й команды. В усадьбу барыни на Кузнецком мосту приходили полицейские офицеры, сотские и десятские, которые проводили наружные осмотры покойниц, отправляли тела для проведения вскрытия в Московский госпиталь [10. Л. 32–35 об., 60 об.–62; 11. Л. 213–231; 45. Л. 22–24 об.; 48. С. 1303–1308]. Как отмечают А.Б. Каменский и Е.Х. Баринев, осмотры было положено проводить в присутствии свидетелей из числа местных жителей. В Москве середины XVIII в. при освидетельствовании мертвых тел часто присутствовали профессиональные медики. Если участники осмотра обнаруживали следы насильственной смерти, покойников отправляли в госпиталь [49. С. 300–302; 50. С. 32–39].

Других дворовых Салтычихи, Анну Петрову дочь и Дарью Дементьеву дочь, священник Иван Иванов успел исповедать и причастить, но все же отказался их хоронить, подозревая, что их смерть приключилась по вине помещицы. В декабре 1760 г. сретенский пастырь вместе с причтом осмотрел тело Анны в храме и нашел на покойнице «боевые знаки», а потому «без указа» хоронить ее не стал. Иван сообщил о трупе в Московскую духовную консисторию, которая в свою очередь потребовала от полиции расследовать «умертвие». В апреле 1762 г. по просьбе Ивана Иванова причт сретенского храма вместе со священником из другого прихода осмотрели в доме Салтыковой тело дворовой Дарьи и заметили на ее лице «синие пятна». Служители церкви собирались отнести покойницу в церковь, где бы ее осмотрели «богаделенные старухи»³. Но поскольку помещица «мертвого тела в церковь выносить не велела», Иванов подал в московскую консисторию уже второе «доношение», и учреждение провело собственное расследование. Служитель помещицы Мартьян Зотов, в свою очередь, сообщил об Анне, а после – о Дарье на съезде двора, после чего покойницы были осмотрены полицейскими и врачами. Как показала коллежская ревизия, не только в этих случаях, но и «почасту» Зотов объявлял полицейским 1-й команды о дворовых девушках своей помещицы, которые якобы умерли от болезни [10. Л. 34 об.–36, 58–62 об.; 11. Л. 220 об.–237].

На каких основаниях врачи Московского генерального сухопутного госпиталя проводили освидетельствование пяти дворовых девушек, и как полиция распорядилась об их захоронении? С петровского времени в Москве тела «подлых людей», найденных на улице, доставляли в основанный Н.Л. Бидлоо госпиталь для проведения учебных вскрытий, хотя рассечения тел проводились в госпитале и в судебно-медицинских целях. Генеральный регламент о госпи-

талях 1735 г. предписывал врачам и ученикам медико-хирургических школ в Санкт-Петербурге и Москве проводить вскрытия трупов, устанавливать причины смерти, после чего отправлять тела для погребения [52. С. 679–680; 53. С. 52–53, 83, 94–95]. В ходе следствия об убийстве дворовой Пелагеи Петровой дочери коллегия сделала запрос в полицмейстерскую канцелярию, на основании каких распоряжений полиция проводила осмотры покойников, отправляла тела в госпиталь и в «убогий дом». Ответный рапорт сообщал, что Московская Сенатская контора указом от 20 мая 1736 г. предписала московской полиции отвозить «найденные мертвые тела, и брошенные, и подметные телеса» напрямую в госпиталь для освидетельствования, а затем требовать от врачей «верных ведомостей» [45. Л. 22–24 об.].

Соответственно, в декабре 1757 г. полиция отправила тело дворовой Анисьи в госпиталь и потребовала от врачей письменно сообщить, «от чего подлинно смерть приключилась» [11. Л. 213–214 об.]. Как объявил врач, тело покойницы сгнило на спине и по бокам (т.е. в местах побоев), а на ее желудке и печени была найдена «инфлимация». Московская полиция не стала проводить дальнейшего расследования, несмотря на полученные результаты экспертизы. Дворовый Салтычихи Алексей Савельев доставил тело Анисьи из госпиталя с полученным похоронным свидетельством, после чего Иван Иванов провел похороны [11. Л. 213–214 об.]. Сходным образом из дома на Кузнецком мосту полицейские 1-й команды отправили в госпиталь тело Анны Петровой дочери. Подлекарь Андриан Степанов отказался проводить рассечение, поскольку к тому времени труп уже сгнил, и мертвую возвратили обратно на съезжий двор. Полицейстерская канцелярия приказала 1-й команде отдать тело для погребения Ивану Иванову, которому предписали захоронить девушку и рапортовать об этом в московскую полицию и в духовную консисторию. Между тем на допросе в ходе коллежского следствия пастырь заявил, что не знает, где в конечном итоге была погребена Анна [11. Л. 223–231].

Дворовые Пелагея, Катерина и Дарья также были осмотрены полицейскими и врачами. Врачи московского госпиталя зафиксировали на телах 3 девушек следы насильственной смерти: ссадины, кровоподтеки, раны и повреждения внутренних органов («пятны, так, как бы от побои», «от побои наружные знаки», пробитие тела «почти до костей», «срастение крови», «много изливания крови густой», «антонов огонь» снаружи и внутри органов, «великое затвердение печенки»). Как выявила коллежская ревизия, полицейские проигнорировали результаты осмотров Пелагеи, Катерины и Дарьи. Каждую из них отправили для погребения в «убогий дом»⁴ (место хранения и захоронения умерших неестественной смертью в XVIII в.). Об этом следователям сообщили родители покойниц, которые продолжали жить в деревнях (они узнавали о смерти дочерей от московских дворовых) [11. Л. 218–237]. Дворовый Алексей Савельев сообщил в коллегии, что покойница Пелагея Петрова дочь была им отвезена из дома Салтычихи «в гошпиталь же, а из

оного гошпиталя отвезена с письмом для похорон в убогой дом» [11. Л. 218 об.]. Итак, полицейские отказывались расследовать преступления Салтычихи, несмотря на результаты медицинских освидетельствований, которые говорили сами за себя. Вместе с тем, полиция отправила по меньшей мере три крепостных помещицы в «убогий дом» – место захоронения погибших насильственной смертью.

Весной 1762 г. дворянин Николай Андреевич Тютчев в Судном приказе подал явочную челобитную на вдову Салтыкову, а также на ее дворового Ермолая Ильина и ее крестьян Романа, Давыда и Семиона Ивановых. Как сообщал Тютчев, крепостные Салтыковой выехали за ним «нарядным делом, на четырех санях с дубьем» [11. Л. 291 об.]. Архивных материалов по этому делу в Судном приказе найти не удастся. Между тем, из «доношения» Мартынова и Ильина Екатерине II, а также из свидетельских показаний, собранных Юстиц-коллегией, становится ясно, что Салтыкова трижды пыталась убить Тютчева и его невесту Пелагею Панютину. Капитан Николай Тютчев был землемером и межевал земли по Калужскому тракту, где находились имения Салтыковой: село Троицкое и деревня Теплый стан. По свидетельствам крепостных, их барыня имела любовную связь с Тютчевым. На второй неделе Великого поста, т.е. в конце февраля 1762 г., дворянин перестал ездить к Дарье Николаевне. Тютчев «сговорил за себя» девицу П.Д. Панютину, соседку Салтыковой по имению. Узнав об этом, крепостница решила погубить жениха и невесту. Согласно выписке из московской канцелярии Канцелярии главной артиллерии и фортификации, еще 12–13 февраля, заблаговременно, служитель помещицы приобрел 5 фунтов пороха. После расставания с Тютчевым барыня докупила серы, смешала ее с порохом и завернула этот «горючий состав» в пеньку. Салтычиха приказывала сначала конюху Роману Иванову, а затем, на другой день, вместе с ним и дворовому Сергею Леонтьеву положить самодельное взрывное устройство под московский дом Панютиных. Усадьба, в которой тогда проживали помолвленные, находилась за Пречистенскими воротами «близ бывших Левшинских бань». Иванов и Леонтьев отказались подрывать дом, за что были наказаны помещицей [10. Л. 32 об.–33, 56–57 об.; 11. Л. 290–291 об.].

В тот же Великий пост Пелагея Панютина выехала по Калужскому тракту в Брянский уезд, где находилось имение Овстуг, принадлежавшее ее родителям. В одних санях с Прасковьей отправился Николай Тютчев, провожавший невесту. В это же время по приказу Дарьи Салтыковой дворовый Ермолай Ильин и вместе с ним 20 мужиков выехали из московской усадьбы на большую Калужскую дорогу. План был следующим: когда ночью помолвленные будут проезжать деревню Теплый стан, крепостные разбойники нагонят их в поле и убьют «дубьем». Крестьяне Троицкого и Теплового стана узнали о готовящейся засаде и предупредили Тютчева, когда он проезжал деревню. Капитан вернулся в Москву и подал челобитную в Судный приказ. В 1767 г. Юстиц-коллегия заключила, что «блудное житие» Дарьи Салтыковой с Николаем

Тютчевым не было доказано. В то же время явочная челобитная Тютчева и справка о покупке пороха доказывали участие барыни «в сих законопреступных страстях» [11. Л. 290–291 об., 371 об.–372; 12. С. 533–534; 33. С. 52–55; 56. С. 24–25]. Важно отметить, что после жалобы на бывшую любовницу в Судный приказ Тютчев перестал «ходить за делом». В апреле 1762 г. он стал мужем П.Д. Панютиной и поселился вместе с ней в селе Овстуг – именно здесь в 1803 г. родится поэт Федор Тютчев. Супруги занялись хозяйством и тяжбами с соседями, благодаря чему нажили более двух тысяч крестьянских душ [33. С. 52–55].

Во второй половине марта 1762 г. крепостные Иван и Владимир Шавкуновы, Семен Алексеев и Игнатий Угрюмов сбежали из села Троицкого и отправились в Москву. Помещица узнала об этом и послала за ними в погоню «человек с десять». Уходя от преследования, челобитчики «скорей добежали до будки, и у будки кричали караул» [9. Л. 3; 11. Л. 291 об.–292; 12. С. 534–535]. Крестьян взяли полицейские и отвели на съезжий двор, откуда 26 марта 1762 г. их отправили в Московскую полицмейстерскую канцелярию. В тот же день Салтычиха через служителя подала в полицию челобитную о краже беглыми крепостными одежды и денег. В полиции Иван Шавкунов объявил, что он имеет некоторое нужное дело донести самому Его Императорскому Величеству [9. Л. 2–3 об.]; крестьяне и дворовые потребовали отправить их в Московскую Сенатскую контору.

Здесь следует отметить, что до 1762 г. политические доносы в России обозначались формулировкой «слово и дело государево». После объявления о «деле государевом» челобитчику требовалось сообщить о конкретных угрозах правителю, измене или бунте. Случай с крепостными Салтычихи был иным: согласно полицейскому допросу, они лишь хотели «донести на помещицу свою об учиненном ею смертном убийстве» [9. Л. 2–3 об.]. «Недоведение» извета о политических преступлениях в первой половине XVIII в. вело к суровому наказанию изветчика. Шавкунов с товарищами избавились от взыскания только благодаря недавно вышедшему указу Петра III от 21 февраля 1762 г. о закрытии Тайной канцелярии и запрете выражения «слово и дело». 5-й раздел акта предписывал отпускать челобитчиков без наказания и отправлять их в другие инстанции, если выяснится, что им нечего сообщить о двух «пунктах» государственных преступлений: во-первых – о здравии, персоне и чести государя, во-вторых – о бунте и измене [57; 58. С. 123–124, 320–324, 686–687].

Полицейская документация и показания крепостных содержат два различающихся нарратива о дальнейших событиях. Согласно полицейской резолюции, Шавкунову со товарищи объявили, что им необходимо жаловаться в Юстиц-коллегию, а до тех пор – отправляться в дом помещицы «с роспискою». Возвращаясь к «душегубице» челобитчики отказались и повторно объявили на съезде двора, что «имеют за собой секрет иной до Сенатской конторы и до Его Императорского Величества» [9. Л. 3–3 об., 5]. Тогда крепостных возвратили в полицмейстерскую канце-

лярию. По силе указа от 21 февраля «доносителей» о государственных преступлениях посадили под крепкий караул без пищи и воды на два дня, чтобы дать «все сие время на размышление», и только затем их отправили в Сенатскую контору [9. Л. 3–3 об., 5]. Согласно петиции Мартынова и Ильина и показанию Алексея Савельева, на Страстной неделе, когда не работали государственные учреждения, солдаты съезжего двора 1-й команды объявили Шавкунову со товарищи, что отведут их в Сенатскую контору, но затем обманным образом доставили к дому Салтычихи. Завидев усадьбу помещицы, крепостные трижды объявили за собой «дело государево», после чего солдаты были вынуждены отвести их обратно на съезжий двор. Салтыкова пыталась вернуть своих крепостных с помощью передачи взятки «присутствующему» в московской полиции советнику А.И. Молчанову. Несмотря на это, после Пасхи крепостных доставили в Московскую полицмейстерскую канцелярию, а 23 апреля – в Сенатскую контору [11. Л. 291 об.–300 об.].

22 апреля 1762 г. на крыльцо Московской Сенатской конторы непосредственно из сретенской усадьбы пришел дворовый Мелентий Некрасов. Он объявил за собой «государево слово и дело» и был допрошен вместе с группой Ивана Шавкунова [9. Л. 2]. 23 апреля на съезжий двор был приведен другой крепостной Салтыковой, Артемий Тарнахин: его привел церковный староста как подозреваемого в краже из храма на Лазаревском кладбище. Затем Тарнахина отправили в полицмейстерскую канцелярию, где он объявил за собой «государев секрет по первому пункту». Крепостной использовал ту же «политическую» стратегию, что и его предшественники. Уже 3 мая Тарнахин был доставлен в Сенатскую контору [9. Л. 2, 4–5 об.]. Допросы в Сенате братьев Шавкуновых, Алексева, Угрюмова, Некрасова и Тарнахина показали, что в действительности крепостные не намеревались сообщать о государственных преступлениях; они заявили об убийствах «жонок» и «девок», совершенных Салтыковой. 14 мая все шесть челобитчиков были отосланы в Сыскной приказ, где они содержались вплоть до октября 1762 г., когда дело было передано в Юстиц-коллегию; по всей видимости, в течении полугода следствие не проводилось [9. Л. 6 об.–20 об.; 41. Л. 7 об.].

6 мая 1762 г. в Московскую губернскую канцелярию из Клинской воеводской канцелярии были присланы пойманные в Клину крестьяне деревни Телячково Василий Цыганов, Иван Борисов и Петр Баракон, которые не имели «о пропуске видов»⁵. Крестьяне были отправлены в Санкт-Петербург для подачи императору Петру III письменного «донесения» от имени всей вотчины Телячковой о преступлениях Дарьи Салтыковой. В воеводской и губернской канцеляриях задержанные сообщили, что помещица избила или заморозила до смерти 18 крестьянок из их имения. После передачи дела в Москву следствие остановилось. Согласно ревизии, проведенной Юстиц-коллегией, чиновники губернской канцелярии подготовили выписки из указов, относящихся к делу, но так и не допросили челобитчиков о «крепких доводах и свидетельстве». В 1766 г.

секретарь Иван Загорский, в «экспедиции» которого находилось производство, объяснял прекращение расследования крайней загруженностью отдела: в 1762 г. в ведомстве Загорского находилось более 800 дел. Отвечая на запрос Юстиц-коллегии, чиновник также оправдывался занятостью по делам, связанным со строительством и ремонтом в Москве в преддверии коронации Екатерины II [42. Л. 1–1 об., 8–8 об.].

17 мая 1762 г. уже сама Дарья Салтыкова подала челобитную в Московскую губернскую канцелярию о волнениях в ее подмосковных имениях Вокшино и Телячково, после чего в селения была отправлена военная команда. 19 июля в канцелярию были привезены староста Кузьма Иванов и 13 крестьян. Подневольные люди подтвердили, что отказывались повиноваться барыне и присылать ей доходы с вотчин. Они объявили, что Салтыкова лишила жизни старосту деревни Телячково Никифора Григорьева и 20 крестьянских дочерей. Как и в случае производства по жалобе Василия Цыганова, дело осталось нерешенным и было отослано в Юстиц-коллегию уже в октябре 1762 г. [42. Л. 1–1 об., 8–8 об.].

22 июля 1762 г. от команды Сысского приказа в Московскую губернскую канцелярию были присланы трое крепостных Салтыковой с мертвым телом Феклы Герасимовой дочери. Труп девушки был осмотрен врачом. Пришедший староста села Троицкого Иван Михайлов показал, что Феклу, еще живую, привезли из московского дома Салтыковой в Троицкое, где она успела рассказать о побоях. В это же время Никита Шестаков показал, что Салтыкова забила до смерти обеих его жен (Матрену Иванову дочь и Устинью Никитину), а Дарья Аврамова сообщила, что помещица лишила жизни всех трех жен Ермолая Ильина (сына Дарьи): Катерину Семенову, Федосью Артамонову и Аксиною Яковлеву [42. Л. 1 об.–2]. 26 июля 1762 г. от команды Сысского приказа в Московскую губернскую канцелярию были присланы крепостные Ирина Ануфриева дочь и Василий Фомин. Ирина рассказала, что Дарья Салтыкова убила 21 человека. Расследования этих дел, сходным образом, не проводилось, и они были отправлены в Юстиц-коллегию в октябре [42. Л. 2].

Тем временем 17 июля 1762 г. Д.Н. Салтыкова пожаловалась в губернскую канцелярию на непослушание крепостных села Бегичево. 9 августа в канцелярию были приведены шесть крестьян этого селения, которые показали, что староста Иван Осипов отправил их с сеном помещицы на шести подводах в Москву; сено предназначалось родственнику старосты, поручику Василию Иванову, чтобы он «за них имел старание». Тогда же в августе в канцелярию были взяты 23 крепостных села Вокшино и деревни Телячково, которые обвинили свою помещицу в убийстве 21 крестьянина (очевидно, Кузьма Иванов и Ирина Ануфриева дочь ранее сообщали о той же 21 жертве) [42. Л. 2–2 об.]. Как и в других случаях, после допросов крепостных следствие остановилось; иных упоминаний об участии в деле офицера Василя Иванова не сохранилось.

Весной-летом 1762 г. в Юстиц-коллегию обратился с жалобой дворовый села Бегичево Василий Антонов, после чего в учреждении допросили и других крепостных [61. Л. 139]. Здесь следует отметить, что в 1767 г. коллегия и Сенат признали Василия виновным в «ложном неосновательном на помещицу свою доносе» об убийстве Ирины Алексеевой дочери и других, поскольку свидетели не смогли подтвердить показания Василия [11. Л. 381, 405 об.]. 2 октября 1768 г. в своей конфирмации на сенатский доклад императрица дала распоряжение рассмотреть, состоит ли вина Антонова в чем-либо ином, и если не виновна – освободить дворового, пусть даже он «не доказал против такой убицы, которая уже и бес той несколько душ погубила» [11. Л. 405 об.–406].

В июле 1762 г. со съезжего двора в Московскую полицмейстерскую канцелярию были отосланы крепостные Федор Сергеев, Давыд Иванов и Роман Иванов, представившиеся жителями селений Бегичево и Вокшино, принадлежавшие некоему поручику В.В. Думному. На допросе они объявили, что между Думным и Салтыковой якобы шел спор за эти имения. Федор Сергеев сообщил, что Салтычиха убила его дочь Марию. Крепостной сообщил, что в Юстиц-коллегии, после жалобы дворового Василия Антонова, началось расследование. Братья Ивановы уже два месяца скрывались от дачи свидетельств по этому делу, и Федор решил объявить о них в полицию. Давыд и Роман были конюхами Салтычихи, они отвезли по приказу барыни искалеченных ею девушек в Троицкое для захоронения. Однако после начала следствия, по словам Романа, братья испугались, что на них «ссылка будет», и поэтому сбежали из усадьбы на Кузнецком мосту. 29 июля Д.Н. Салтыковой стало известно о приводе ее крепостных в полицию. В начале августа барыня подала челобитную, в которой сообщила о волнениях в имениях Вокшино, Бегичево и Телячково. Помещица потребовала, чтобы полицмейстерская канцелярия расспросила Сергеева и Ивановых о побеге из вотчины, об их участии в крестьянских волнениях, а также о личности Думного. Несмотря на обвинения со стороны помещицы, 13 августа крепостных передали в Юстиц-коллегию для дачи показаний об убийствах [61. Л. 139–142]. У подмосковных крепостных Дарьи Салтыковой, кажется, не было оснований обвинять помещицу в незаконном их закрепощении. Тяжбу Салтыковой и Думного, как представляется, могли выдумать специально, чтобы создать легальный повод для начала следствия.

24 апреля 1762 г., вскоре после побега Некрасова и Тарнахина, из московского дома Салтычихи бежали дворовые Савелий Мартынов и Ермолай Ильин. Следующие месяцы крепостные скрывались в подмосковных селениях помещицы Вокшино, Бегичево и Телячково. Как утверждала Салтыкова в своей челобитной на Высочайшее имя, Мартынов и Ильин привели в непослушание крепостных трех селений, в которых имелось 400 душ мужского пола (т.е. около 800 человек). По меньшей мере с мая 1762 г. по октябрь 1763 г. жители Вокшино, Бегичево и Телячково не отправляли «душегубице» платежей [10. Л. 87–88].

Наконец, в июле 1762 г. Мартынов и Ильин добрались до Санкт-Петербурга, где подали жалобу новой императрице Екатерине II. По всей видимости, прошение составил Савелий Мартынов, который был грамотным и вел тетрадь расходов Салтыковой. В своей жалобе крепостные сообщили, что с 1756 г. Дарья Салтыкова погубила «душ со сто» крепостных. Дворовые просили монархиню защитить их от истязаний, распорядиться о расследовании дела и наказании помещицы «по указам» [10. Л. 29–31, 39 об.; 11. Л. 293 об.–294; 298; 28. С. 38–39; 62. Л. 1–1 об.]. Екатерина Алексеевна распорядилась исследовать это дело, и 1 октября 1762 г. в Юстиц-коллегию из Правительствующего Сената был прислан императорский указ вместе с челобитчиками. Сенат предписал московской коллегии собрать свидетелей, названных в челобитной Мартынова и Ильина, расследовать дело и вынести решение. Если Юстиц-коллегия не сможет вынести приговор по делу самостоятельно, учреждению предписывалось отправить в Сенат «экстракт» вместе с выпиской из указов и «мнением». Уже в начале октября коллегия разослала в московские учреждения указы, которыми потребовала прислать «надлежащие описи» дел о преступлениях Д.Н. Салтыковой, а также проходивших по ним крепостных [10. Л. 29–38; 41. 1–1 об.] То, что императрица с 9 сентября 1762 г. по 14 июня 1763 г. находилась в Москве [63. С. 137], определенно могло способствовать началу централизованного расследования.

В ноябре-декабре 1762 г. в Москве Мартынов и Ильин обратились к императрице вторично и пожаловались, что московская полиция и Сыскной приказ за взятки скрывали убийства Салтыковой. Жалоба была принята графом К.Г. Разумовским, после чего передана генерал-прокурору Сената А.И. Глебову. Челобитчики просили истребовать у Глебова дело «по причине знакомства его с помещицею». В феврале 1763 г. Сенат приказал полиции публично высечь дворовых плетью за то, что они обращались к императрице напрямую, а также потому, что следствие по делу уже велось в Юстиц-коллегии. [13. С. 226, 371–372; 64. Л. 319, 386–386 об.]. Следует отметить, что российское законодательство предусматривало наказания за обращение к монарху при личной встрече, а также в обход надлежащих присутственных мест. В отличие от контр-адмирала Д. Эльфинстона [65. С. 529–533] и отдельных представителей элиты, дворовые Салтычихи не избежали взыскания за подачу прошения императрице.

В начале декабря 1762 г. императрице вручили челобитную и от имени раннее упомянутого старосты Кузьмы Иванова со товарищи (всего от 40 крепостных Салтыковой!), которые находились под арестом в Юстиц-коллегии. Как утверждали просители, коллегия до сих пор не допросила Дарью Салтыкову под предлогом ее болезни, тогда как на самом деле помещица была здорова и продолжала истязать своих крепостных. Тем временем челобитчики не получали даже «кормовых денег», положенных людям, содержащимся под стражей. В феврале 1762 г. Сенат пред-

писал коллегии скорее «учинить надлежащее рассмотрение и определение» по начатому делу [13. С. 225–226; 64. Л. 29 об., 33].

7 марта 1763 г. крепостные Салтычихи, находившиеся под следствием в Юстиц-коллегии, подали новую петицию на высочайшее имя: ходатаи Савелий Мартынов и Ермолай Ильин отнесли ее в императорскую канцелярию. Поскольку служители «душегубицы» содержались в коллегии под караулом, они не имели возможности «ходить за делом» и прошение «пропало» [62. Л. 3 об.]. Тогда 8 мая 1763 г. служители Мартынов и Ильин «с товарищи тридцать восемь человек» подали на имя Екатерины II новую жалобу. Составители челобитной (ее оригинал хранится в РГАДА) представились людьми «конной гвардии умершего ротмистра Глеба Алексеева сына Салтыкова»⁶ [62. Л. 1]. Колодники писали, что вопреки императорскому указу Дарья Салтыкова так и не была доставлена в коллегия и допрошена. Начиная с 9 октября 1762 г. крепостница содержалась под домашним арестом, однако в своем доме она продолжала устраивать девушкам «кровапролитные мучительские смертные губительствы» [62. Л. 2]. С ноября по май караульные, состоявшие при доме Салтыковой на Кузнецком мосту, представили в Юстиц-коллегию шесть рапортов о побоях и пытках со стороны помещицы. Крепостные привели в челобитной краткое содержание всех рапортов и в том числе упомянули о самоубийствах⁷, причиной которых стала «душегубица». В ноябре-декабре 1762 г. Дарья Николаевна заставляла дворовых жить в неотапливаемых покоях, каждый день мыть пол и «всякое платье» при открытых окнах. Не выдержав пыток голодом и холодом, Марина Федорова, Анна Родионова и Устинья Прокофьева «от нестерпимого мучения принуждены были себя предать смерти»⁸ [62. Л. 2 об.]. Между тем, в декабре и январе три советника, секретарь и канцелярист Юстиц-коллегии посещали дом помещицы, как предполагали крепостные Салтыковой, для ее «неправового оправдания». В заключении своей жалобы Мартынов и Ильин со товарищи «слезно просили» Екатерину II о скорейшем решении дела, об освобождении их из-под караула, где они «безвинно» содержались около года, а также о защите от «от нея и от наследников ее Салтыковой» [62. Л. 2, 4–4 об.].

Подведу предварительные итоги. В ходе исследования были выявлены 20 жалоб⁹ за 1757–1763 гг., в которых Д.Н. Салтыкова обвинялась в побоях, пытках, убийствах и покушениях на убийства. Из них 17 устных и письменных жалоб подали крепостные помещицы, две – приходской священник Иван Иванов, и одну – дворянин Николай Тютчев. Согласно подсчетам, более 60 человек выступили в качестве обвинителей по делу (учитывая коллективные жалобы, а также показания участников волнений в имениях Салтычихи). Челобитчики обращались в Московскую губернскую канцелярию, в Московскую полицмейстерскую канцелярию, в Московскую духовную консисторию, в Сыскной приказ, в Клинскую воеводскую канцелярию, в Судный приказ, в Юстиц-коллегию, в Московскую Сенатскую контору, а также

к императрице Екатерине II. На съезде двора, в губернской канцелярии и в госпитале были осмотрены пять тел изуверченных дворовых, привезенных из дома Салтыковой на Кузнецком мосту, а также тела Хрисанфа Андреева и Феклы Герасимовой дочери. Уже в период домашнего ареста Дарья Салтыкова продолжала истязать крепостных девушек, о чем приставленные к ней караульные сообщали в рапортах.

Петиционное движение против «душегубицы» можно разделить на три этапа. В 1757–1760 гг. крепостные, а также священник Иван Иванов обратились с пятью «доношениями» о преступлениях помещицы. Дела, инициированные по жалобам крепостных и священника, осмотры трупов, привозимых из московского дома Салтычихи, оканчивались безрезультатно. В марте–августе 1762 г. в московских учреждениях на Дарью Салтыкову подали 10 «доношений». Дела, инициированные на этом втором по счету этапе после допросов челобитчиков и отдельных свидетелей были фактически остановлены. Салтычиха оставалась на воле и продолжала убивать: в июне–июле 1762 г. в Москве и Троицком она замучила до смерти девочек Марью, Феклу, Прасковью, Аксицию, Авдотью и Авдотью [11. Л. 260 об.–264]. Положительным изменением весны–лета можно считать то, что чиновники перестали отдавать крепостных челобитчиков обратно в дом помещицы, как это происходило ранее: просителей содержали под караулом в московских канцеляриях. Жалобы и показания, полученные с 1757 г., легли в основу последующего обвинения Салтыковой. Летом 1762 г. – весной 1763 г., на третьем этапе, крепостные пять раз обращались с челобитными к Екатерине II. В результате этих обращений уже в октябре 1762 г. Дарья Салтыкова была посажена под домашний арест, а все челобитчики, свидетели и делопроизводственные материалы были переданы в Юстиц-коллегию. Крепостные Салтычихи продолжали обращаться с жалобами к императрице вплоть до мая 1763 г., добиваясь допроса барыни, быстрого решения дела, более мягкого содержания для себя и более строгого – для помещицы. Таким образом, жалобы крестьян и дворовых «душегубицы», в особенности обращения Савелия Мартынова и Ермолая Ильина к Екатерине II, имели ключевое значение для активизации расследования.

С 1762 по 1765 г. около 40 крепостных Дарьи Салтыковой содержались под караулом в стенах Юстиц-коллегии. Тем временем помещица продолжала бить и пытаться людей в своем московском доме, несмотря на приставленный к ней караул. Мартынов и Ильин от имени подследственных сообщали Екатерине II, что челобитчиков содержат «безвинно в прирестении». Как утверждали крепостные, их помещица до сих пор «смертные губительствы чинит», причем, «видя себе такое послабление, явную поноровку, угроживает, что егда мы именованные отданы будем по решению того дела паки ей во владение, то де и жили все из нас [вы]тянут» [10. Л. 118 об.; 62. Л. 2–4 об.]. В 1765 г. 6-й департамент Сената в ответ на составленные коллегией «экстракт» и «мнение» потребовал от Юстиц-коллегии проследить, «дабы

никаких не порядков в доме ее не происходило, ибо и прежние ее поступки видно произошли от слабого под караулом ее содержания; а естма в содержании ее слабости не было, то б того и последовать не могло» [10. Л. 125 об.–126].

В 1763 г. Дарью Салтыкову допросили по каждому пункту из жалобы Мартынова и Ильина, она отрицала свою виновность или, говоря языком того времени, «запиралась». Помещица сообщила о легких наказаниях, которые получали «девки» и «жонки» за свои проступки, заявляла о гибели крепостных по причине болезни или о побегах, но в упор отказывалась признавать свою причастность к убийствам. В октябре 1763 г. арестантка отправила челобитную на имя Екатерины II, в которой попросила императрицу наказать «возмутителей», затеявших против нее «разные невинности напрасно» [10. Л. 87–88] (о том, ответила ли правительница на жалобу, источники умалчивают). Тем временем судьи Юстиц-коллегии собрали показания крепостных и отправили «экстракт» и «мнение» о деле в 6-й департамент Сената. Как и в коллегии, в Сенате определили, что помещица может быть приведена к пытке, поскольку «в убийствах оказывается подозрительною» [10. С. 79].

24 декабря 1763 г., ознакомившись с докладом, Екатерина II приказала объявить Салтыковой о пытке в случае, если она по увещанию священника не признается сама (черновые проекты этого указа составляли статс-секретарь И.П. Елагин и сенатор Я.П. Шаховский). Однако месячное пребывание священника в доме помещицы не убедило ее признаться, равно как и пытка преступника, которую продемонстрировали Салтыковой в застенке Московской розыскной экспедиции [10. С. 98–101 об., 107–109 об.; 67. С. 311–312]. Тогда 3 мая 1764 г. императрица повелела следствию учесть в качестве доказательств свидетельства и повальный обыск, «не чиня ни людям, ни ей [Салтыковой] пыток». В Москве и Троицком опросили соседней помещицы. В 1766 г. в Юстиц-коллегию были присланы «сказки» (свидетельства) крепостных, проживавших в селениях Московской, Калужской, Вологодской и Костромской губерний, откуда барыня вывозила крестьянских девушек [10. Л. 112–126, 132–133 об., 151 об.–153, 163–163 об.; 12. С. 502–505; 27. С. 33–37]. В феврале 1767 г. Юстиц-коллегия в своем «мнении» признала Дарью Салтыкову виновной в истязании 45 крепостных, умерших «от бесчеловечных ее побоев, и почти в христианстве неслыханных мучительств» [11. Л. 380], а также в покушении на дворян – Пелагею Панютину и Николая Тютчева. По мнению коллегии, Салтыкова заслуживала смертной казни путем отсечения головы и колесования, а ее помощники – ссылки на каторгу [11. Л. 380–381 об.]. На основании коллежских документов Сенат подготовил для императрицы доклад, в котором предложил отправить помещицу на каторгу, поскольку смертная казнь перестала применяться в 1754 г. [11. Л. 394–394 об.].

По рассмотрении дела Екатерина II предписала провести гражданскую казнь Дарьи Салтыковой на Красной площади, после чего отправить ее на пожиз-

ненное заключение в монастырь, посадив в «нарочно сделанную подземельную тюрьму». 17 октября 1768 г. полиция подготовила эшафот, а также развесила о грядущем событии объявления «в пристойных местах» города, отправила повестки «по знатым домам». Назавтра состоялась казнь «мучительницы и душегубицы»: в 10 часов утра она была привезена в телеге на главную площадь и поставлена на час к елевому столбу [11. 400–411 об., 437–438; 68. Л. 213, 235, 251 об.–252, 267–267 об.]. По свидетельству очевидца, «почти ни одного места не осталось на всех лавочках, на площади, крышах, где бы людей не было, а карет и других возков, – несказанное множество, так что многих передавили, и карет переломали довольно» [20. С. 94–95]. Имена Дарьи Салтыковой были оставлены «за ее несчастными детьми». Священник Степан Петров, помогавший Салтыковой хоронить крепостных, был лишен сана и сослан в Нерчинск. На каторгу в Нерчинск также были отправлены крепостные Дарьи Салтыковой, которые по приказу барыни истязали девушек, хоронили тела, лжесвидетельствовали в судах: староста Иван Михайлов, а также поверенный в делах барыни Мартьян Зотов, дворовый Ермолай Ильин, крестьяне Роман Иванов, Аксинья Степанова и Василиса Матвеева (Давид Иванов, упомянутый в сенатском докладе, не дожил до исполнения приговора). Помогавший убийце актуариус Сысского приказа Иван Пафнутьев в день казни был лишен офицерского чина; ему была запрещена какая-либо служба. Дворовый Василий Антонов в исполнение указа Екатерины II был помилован, несмотря на «недоказательство» крестьянином пяти сообщений об убийствах девушек, которых по приказу помещицы вывезли из села Бегичево. Крепостного отправили к полковнику Псищеву, который был назначен опекуном над именными лишенной дворянства Дарьи Николаевой дочери (он сменил сенатора Сабурова, который был опекуном во время следствия). Псищеву поручили описать и «сохранить» имена Салтыковой для последующей передачи в наследство ее детям, Николаю и Федору [11. Л. 400–411 об., 419–420, 426–438; 12. С. 497–499, 542–549].

В ноябре 1768 г. решение Екатерины II по делу Салтычихи было объявлено «во всенародное известие». Печатные копии указа были разсланы из московских департаментов Сената в центральные, губернские и провинциальные учреждения в количестве 4 577 экземпляров, их предписывалось публиковать «во всем государстве». Указ сообщал, что императрица освободила вдову Дарью Николаеву дочь от смертной казни и установила для нее особое наказание, предусматривавшее лишение фамилии и дворянства, пожизненное заключение в Ивановском девичьем монастыре. Постановление было обращено к российским подданным всех состояний. Примечательно, что указ упоминал о ссылке на каторгу «попа» и крепостных помещицы, но умалчивал о наказании дворянина Ивана Пафнутьева [11. Л. 437, 448–460; 15; 69. С. 100–100 об.].

Почему же только в 1763 г. был проведен допрос Дарьи Салтыковой и началось полноценное расследо-

вание дела, почему только в 1765 г. «душегубица» была признана виновной? Для ответа на эти вопросы потребуется проанализировать законодательство и судебную практику по делам о жестоком обращении с крепостными, а также записки современника помещицы А.Т. Болотова. Широкое объяснение, распадающееся на три части, поможет понять, почему следствие по делу «кровавой барыни» началось именно тогда, когда это произошло в действительности, и могло ли оно начаться раньше.

Во-первых, крепостные в Российской империи, как отмечал еще А.Н. Радищев, были «мертвы в законе». В XVIII в. продолжала действовать норма 13-го пункта 2-й главы Соборного уложения, согласно которой показания крепостных против помещиков принимались в качестве доказательств исключительно при рассмотрении «великих дел», т.е. государственных преступлений. Руководствуясь этой нормой, присутственные места не учитывали показания крепостных в случаях, когда помещики обвинялись в совершении убийств, пыток и сексуального насилия. Хотя суды принимали челобитные крепостных о незаконном закрепощении и преступлениях против религии, попытки крепостных обвинять помещиков в злоупотреблениях, как показали П.К. Алефиренко и М.Ф. Прохоров, оканчивались безрезультатно [31. С. 126–127; 49. С. 62–63, 103–104, 165–173; 70. С. 135, 148, 303, 312–313, 389; 71. С. 73; 72. С. 11, 62, 68; 73. С. 1294–1295]. На уровне судебной практики государство защищало полную юрисдикцию помещиков над своей «крещеной собственностью». Дарья Салтыкова знала современные реалии и вместе с тем поддерживала контакты с московскими чиновниками.

Казус Салтычихи выделяется среди других дел о крепостническом насилии, поскольку впервые помещица была подвергнута аресту и наказанию именно на основании показаний подневольных ей людей. Тем не менее нельзя забывать, что еще в 1765 г. Юстиц-коллегия «оставила в недоверенности» около двух десятков жалоб и сотни свидетельских показаний крепостных, руководствуясь «силою уложенного 2-й главы 13-го пункта» 1649 г. Вина помещицы устанавливалась на основании «достоверных свидетельств», в число которых входили «доношения» священника Ивана Иванова и результаты судебно-медицинской экспертизы. Поскольку Дарья Салтыкова отказывалась от чистосердечного признания, Юстиц-коллегия смогла обвинить ее исключительно в убийстве пяти девушек. Поворот в деле произошел после ревизии коллежских «экстракта» и «мнения» в Сенатском департаменте. Сенатские чиновники нашли упущения в следственном производстве и напомнили коллегии об императорском указе 1 октября 1762 г.: распоряжение предписывало собрать всех крепостных, бывших свидетелями или соучастниками убийств, и «накрепчайше исследовать» преступления. Только в сентябре 1765 г., в рамках отдельного казуса, свидетельства крепостных были признаны доказательствами в деле о помещичьей жестокости [10. Л. 118–126; 11. Л. 380–381 об.]. Очевидно, что решение следователей, противоречащее норме Соборного уложения, было про-

диктовано волей Екатерины II. Императрица направляла следствие по делу Д.Н. Салтыковой в нужное русло с помощью шести отдельных указов и трех подтверждений на доклады Сената. Салтычиха была признана виновной в совершении 45 убийств и присуждена к пожизненному заключению благодаря тому, что императрица и Сенат взяли дело под особый контроль.

Во-вторых, позднее начало расследования можно объяснить малой инициативой самих крепостных, которые не использовали все имеющиеся возможности для «легальной» борьбы с «душегубицей». Попробую установить, что еще могли предпринять дворовые и крестьяне Салтычихи с 1757 по начало 1762 г., когда они подали «всего лишь» четыре жалобы, и что мешало инициированию дела в этот период. После неудачи, постигшей Василису Нефедьеву дочь и первых ходатаев, у крепостных могла возникнуть мысль о тщетности всяких попыток выступить против своей богатой и родовитой помещицы. Вдова Салтыкова вселяла в невольников пораженческие настроения, говоря им следующее: «Ты хотя и в донос пойдешь, только ничего не сыщешь, разве хочешь, как и прежние доносители, кнутом [быть] высечен» [12. С. 506–507]; «Сколько вам ни доносить, мне они все ничего не сделают и меня на вас не променяют» [12. С. 498–499]. Такие же аргументы в начале 1760-х гг. использовал статс-секретарь Г.Н. Теплов, когда пытался уговорить дворовых не обвинять его в мужеложестве [49. С. 169–170]. Вероятно, многие помещики использовали эти аргументы, чтобы отвести будущих подателей жалоб. На пути крепостных челобитчиков, однако, были и другие препятствия, такие как нехватка средств на дорогу и строгий помещичий надзор [70. С. 135; 73. С. 1300–1301]. Можно также предположить, что вдова Салтыкова в 1750-х гг. отправляла за «доносителями» погоню подобно той, от которой в 1762 г. спасались Иван Шавкунов со товарищи. В мемуарах А.Т. Болотова встречается сходный случай преследования крестьянского ходока. В 1775 г. сам мемуарист и его начальник Сергей Васильевич Гагарин, которым было поручено управление волостями Екатерины II, при помощи солдата и полицейских поймали в Москве дворцового крестьянина Романа, который собирался пожаловаться на Болотова и Гагарина самой императрице. У Романа забрали челобитную, бережно хранимую им за пазухой, а затем сослали крестьянина на поселение в Сибирь [3. Стб. 499–500].

В этом контексте, во имя высшей цели, ходатаи в теории могли бы возвести на Салтычиху ложные обвинения по «слову и делу государеву» либо обвинить ее в колдовстве, богохульстве и еретичестве. В середине XVIII в. такие изветы продолжали рассматриваться государственной властью: сохранились десятки следственных дел, инициированных по «доносам» крепостных, сообщавших о преступлениях своих владельцев против веры и государства. Как правило, по окончании розыскного процесса подобные жалобы признавались ложными. В ряде случаев челобитчики дополняли основные обвинения, будь то «политические» или «колдовские», жалобами на убийства, пытки и сексуальное

насилие. Судьи могли расследовать такие обвинения, пусть даже основной извет оказывался ложным [58. С. 158–162, 189–199; 74. С. 152–171].

Рассмотрим следующий казус. В 1755 г. на Шелеговском форпосте, после того как смоленский шляхтич Иван Милашевич вместе со свитой вернулся из Речи Посполитой, его крепостной Дмитрий Фомин сказал за собой «слово и дело». Фомин обвинил Милошевича в государственной измене: тот якобы вел крамольные переписку и разговоры со своей сестрой Ираклией и знакомыми, проживавшими в Польше. Судьи признали извет ложным и приговорили крепостного к ссылке на поселение. Прежде исполнения приговора, однако, Дмитрия отправили в Смоленскую губернскую канцелярию для расследования по другим объявленным им пунктам: об убийстве Милашевичем крепостного Петра Иванова, а также о «корчемстве» (незаконном производстве и продаже спиртного) [75. Л. 47–62 об., 241–243]. Сходным образом люди Салтычихи могли пойти на ложный донос, чтобы обратить внимание столичных властей на изверства барыни. Так или иначе, жители России 1750-х гг. понимали, что изветчиков, ложно объявлявших «слово и дело», отправляли на каторгу.

С другой стороны, несмотря на законодательный запрет, крепостные Салтычихи могли попробовать лично обратиться к императору. Известно, что в 1760 г. Елизавета Петровна приняла устную жалобу крепостной Домны Антоновой дочери, сообщившей, что помещик Иван Денисов после смерти жены «склонял ее к непотребству» и «бил жестокими побоями». После допроса в императорском Кабинете «девка» была определена в столичную богадельню с назначением ей ежедневного содержания [76. Л. 73 об.–75 об.]. Сходным образом Петр III мог встать на сторону упомянутых Василия Цыганова со товарищи, если бы в мае 1762 г. крепостные Салтычихи не были пойманы и отведены в Клинскую воеводскую канцелярию. Добиться начала следствия подневольному люду удалось только с началом царствования Екатерины II. В 1762–1767 гг. канцелярия императрицы приняла к рассмотрению десятки челобитных крестьян и дворовых против своих владельцев. Люди Дарьи Салтыковой подавали обращения «на высочайшее имя» в наиболее благоприятный для этого период. После выхода указа 22 августа 1767 г. и вплоть до губернской реформы императрица и суды прекратили принимать жалобы крепостных на злоупотребления помещиков, тогда как после 1775 г. рассматривались лишь отдельные петиции. Следующий всплеск подачи крепостными обращений «на высочайшее имя» пришелся на правление императора Павла I [73. С. 1294–1295]. Согласно моим подсчетам, в 1796–1797 гг. канцелярия императора приняла в работу, по крайней мере, 140 жалоб подневольных людей на своих владельцев.

В-третьих, моральную вину в сокрытии преступлений Дарьи Салтыковой разделяли чиновники московских учреждений, соседи помещицы по ее именьям и шире – представители губернской дворянской корпорации. Дарья Салтыкова годами уклонялась от

следствия, в том числе благодаря коррупции и знакомству с чиновниками. По свидетельствам крепостных, дворянка передавала взятки советнику Московской полицмейстерской канцелярии Андрею Ивановичу Молчанову, копиисту Канцелярии тайных и розыскных дел Ивану Никитичу Ярову, советникам Сысского приказа Льву Матвеевичу Вельяминову-Зернову и Петру Михайловскому, служащим в Сысском приказе прокурору Федору Хвоцинскому и актуариусу Ивану Пафнутьеву. Среди упомянутых лиц только Пафнутьев был подвергнут наказанию [10. Л. 153–154 об., 165–173 об.; 11. Л. 372–381 об., 437 об.–438; 12. С. 505, 535–540].

С другой стороны, как открылось в 1764 г. в ходе повального обыска, 2 священника, солдат и 18 крепостных, проживавших в Москве, знали об истязаниях или видели их лично. В окрестностях Троицкого следователь коллегии нашел значительно больше людей, которые знали о крепостническом насилии: священник, дьячок, 135 экономических крестьян и 22 помещичьих крестьянина. Вероятно, многие из 180 соседей Дарьи Салтыковой имели возможность сообщить о ее преступлениях местным властям или лично подать челобитную в судебном учреждении. Соседи барыни могли поступить подобно дворовому поручика Е.З. Яковлева Прохору Попову, а также крестьянке помещицы М.Л. Толмачевой Агафье Басовой, которые в 1749–1751 гг. подавали жалобы в Белгородскую губернскую канцелярию об убийстве помещицей М.М. Шумаковой своей крепостной «жонки» Ксении Максимович дочери. В этом кейсе Прохор и Ксения не остались в стороне, но сообщили о преступлениях Шумаковой (хотя по результатам следствия помещица была признана невиновной) [12. С. 502–504; 28. С. 40–41; 77. Л. 1–2; 78. Л. 1–3 об.]. Особую роль в иницировании дела Салтычихи мог сыграть ее бывший сосед и любовник, жертва трех покушений, офицер Николай Тютчев. После челобитья в Судном приказе весной 1762 г. Николай уехал в брянское имение своей невесты Прасковьи Панютиной [33. С. 52–55]. Между тем Тютчев оказал бы существенную помощь крепостным, если бы продолжил тяжбу с Салтыковой, тем более что барыня представляла меньшую опасность после ее заключения под домашний арест.

О равнодушии к страданиям крепостных, которое испытывали люди, проживавшие с ними по соседству,

можно узнать из записок А.Т. Болотова. Мемуарист упоминает о своем соседе по Каширскому уезду, который около 1769 г. заставил свою крепостную плести кружева под караулом, «в стуле, кандалах и рогатке», после чего девушка зарезалась. По словам Болотова, виновная «дворянская фамилия» осталась безнаказанной, поскольку «дело сие было скрыто и концы с концами очень удачно сведены» [2. Стб. 745–746]. Семья Болотовых прервала контакты с убийцами, преступление которых сделало «пятно всему дворянскому корпусу» уезда. Каширские дворяне отнеслись к извергам с пренебрежением, но они не предприняли активных действий для их наказания – в этом состояла коллективная вина уездного дворянства. Сходным образом молчаливыми соучастниками Салтычихи следует признать московских чиновников и дворян, которые не оказывали противодействие богатой и родовитой вдове, смотрели сквозь пальцы на ее садистские поступки.

Исследование материалов громкого дела Дарьи Салтыковой позволяет заключить, что правосудие достигло убийцу благодаря сочетанию существенной инициативы снизу и личного вмешательства сверху. В России второй половины XVIII в. жертвы крепостнического насилия могли одержать верх в «легальном» сопротивлении помещикам благодаря ходатайству местных властей или помощи со стороны монарха. Для иницирования дела Салтычихи определяющее значение имел исторический контекст. Как показала Е.Н. Марасинова, Екатерина II в своих постановлениях апеллировала в первую очередь к «знатным подданным», тогда как коммуникация власти с податным населением велась редко, была формальной и опосредованной. Тем не менее императрица подписывала приговоры жестоким помещикам, а в начале правления рассматривала обращения крепостного люда, включая пять жалоб дворовых и крестьян Салтычихи. В августе 1767 г. монархиня приняла от Уложенной комиссии титул «Матери Отечества» [14. С. 202–203, 277–279, 386–387; 79. С. 63–65; 80. С. 198–199]. Публикация приговора Дарье Ивановой дочери позволила Екатерине Алексеевне продемонстрировать «матернее милосердие», в том числе по отношению к крепостным. Указ имел назидательный смысл и был адресован всему населению Российской империи.

Примечания

¹ В России середины XVIII в. при решении большинства общеуголовных дел, включая дело Салтычихи, применялся следственный (или розыскной) процесс, а не судебный. Как отмечают Е.В. Акельев и Г.О. Бабкова, «розыскной процесс был тайным и письменным, при его производстве отсутствовало судоговорение, а поверенные допускались лишь в самых исключительных случаях» [23. С. 19]. Одним из основных следственных методов при «розыске» являлась пытка. В 1750–1760-х гг., ввиду общей тенденции к «смягчению нравов», пытки применялись все реже [23. С. 19, 36–39]. Об этом свидетельствует и решение Екатерины II отказаться от пытки подследственных по делу Дарьи Салтыковой, ограничившись только допросами и повальным обыском.

² В 1731 г. Москва была разделена на 12 команд со съезжими дворами, где постоянно дежурили офицеры и солдаты. Кремль и Китай-город, а также восточная часть Белого города, в которой находился дом Дарьи Салтыковой, относились к первой команде [46. С. 239, 256; 47. С. 79].

³ Богадельнями в России назывались заведения для призрения лиц, признанных неспособными к труду, включая людей престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих. Богаделенные люди содержались за счет государственной казны, мирских или церковных денег. Как указывает Н.В. Козлова, в 1761 г. в 87 московских богадельнях, размещавшихся при приходских храмах, содержались за казенный счет более 4 тыс. лиц обоего пола. Деревянные строения богадельни находились в том числе при храме Введения на Сретенке, прихожанкой которого была Дарья Салтыкова. Как отмечает Н.В. Козлова, вопрос об обязанностях богаделенных людей остается малоизученным [51. С. 15, 187–191, 218, 261, 270, 292–297]. Между тем, из материалов дела Салтычихи становится известно, что богадельные люди могли проводить наружный осмотр мертвых тел по просьбе священников.

⁴ «Убогими домами» или «скудельницами» в России называли ямы, в которые клали умерших неестественной смертью. После проведения панихиды в Семик яму закапывали, и она становилась братской могилкой. К концу XVIII в. практика захоронений в убогих домах прекратилась: при Екатерине II они были запрещены и замещены кладбищами. Согласно исследованию А.Б. Каменского, в 1750–1770-е гг. государственные учреждения предписывали хоронить самоубийц в отдаленных от поселений местах, иногда и у церковной ограды. Историк находит лишь один пример, когда тело самоубийцы было отправлено властями в убогий дом. Для сравнения: жертв убийств в середине столетия продолжали хоронить в скудельницах, о чем свидетельствует и дело Салтычихи [49. С. 303–307; 54. С. 238–241, 253–257; 55. С. 123–127, 140–143, 210–211, 269].

⁵ Согласно указу 1724 г., крепостные могли уходить на 30 верст от дома при условии, что они имели разрешение от помещика или приказчика, заверенное у приходского священника. Для отъезда на дальние расстояния такое «пропускное письмо» заверяли у местных властей, земского комиссара и полковника гарнизона. В соответствии с указом 1726 г., крестьянские паспорта на отъезд далее 30 верст изготавливались печатным способом [59. С. 323–328]. В этих обстоятельствах «ходоки», отправлявшиеся для подачи жалоб на помещиков и администрацию, как правило, не имели паспортов, а значит, считались «беглыми». При Павле I крепостным просителям, которые обращались в императорскую канцелярию, начали выдавать паспорта для возвращения к владельцам или посещения канцелярий на законных основаниях [60. Л. 73 об., 110, 162, 167 об.–168].

⁶ Для объяснения, почему крепостные Салтычихи в челобитной представились не ее людьми, а людьми Глеба Салтыкова, который умер около семи лет назад, можно принять следующую гипотезу. Частновладельческие крестьяне и дворовые вкладывали особый смысл в адресную часть формуляра челобитных. По моим подсчетам, в большинстве петиций, которые крепостные подавали Павлу I в 1797 г., имя помещика в адресной части указывалось во вторую очередь после места жительства или вовсе пропускалось (39 из 65 адресов, или 60% случаев) [73. С. 1299–1300]. Решение крепостного люда пропустить имя владельца в начале «всеподданнейшего прошения» могло подчеркивать негативное отношение челобитчиков к помещику и/или их намерение получить «вольный» статус.

⁷ О феномене самоубийства крепостных в России XVIII в. см. [49. С. 311–312, 325–328; 66. С. 238].

⁸ В «экстракте» Юстиц-коллегии приведен упомянутый челобитчиками рапорт каптенармуса 2-го гренадерского Ростовского полка Ивана Шугаева от 27 ноября 1762 г. Согласно рапорту, дворовая Марина Федорова потребовала от караульного сообщить властям, что помещика их бьет, морит и пытает, иначе девушки будут «принуждены предаться смерти». После получения рапорта коллегия приказала унтер-офицеру «до побои людей ее и до таких мучительств не допускать» [11. Л. 250 об.–255]. Находившаяся под арестом Салтыкова, однако, продолжила издеваться над крепостными.

⁹ При подсчете за одну жалобу принимается устное или письменное объявление о преступлениях, совершенных Д.Н. Салтыковой. Крепостных челобитчиков нередко пересылали между двумя-четырьмя учреждениями, в каждом из которых они выступали с обвинениями; несколько подобных жалоб одних и тех же просителей я принимаю за единицу анализа. Например, Василий Цыганов с товарищами обвинили помещицу в Клинской воеводской канцелярии, после чего повторили свою жалобу в Московской губернской канцелярии. Также за единицу анализа принимаются жалобы разрозненных групп и лиц, которые после пересылки между учреждениями были допрошены вместе в рамках одного производства. Так, Иван Шавкунов и его спутники жаловались отдельно от Мелентия Некрасова и от Артемия Тарнахина. Тем не менее все шесть крепостных в рамках одного дела были допрошены в Московской Сенатской конторе, а затем отправлены в Сыскной приказ.

Список источников

1. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 475. К. 1. Д. 2.
2. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1871. Т. 2. 1120 стб.
3. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 3. 1244 стб.
4. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 : в 4 т. СПб. : Печатня В.С. Балашева, 1873. Т. 4. 1330+84 стб.
5. Литвинова Т. «Помещичья правда». Дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 648 с.
6. Щерблыгина И.В. А.Т. Болотов: Гармония мира и души. Ценностные ориентации и творческие интересы. М. : Андреев флаг, 2003. 287 с.
7. Пикеринг Антонова К. Господа Чихачевы. Мир поместного дворянства в николаевской России / пер. с англ. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 456 с.
8. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 302 с.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф 7. Оп. 2. Д. 2076.
10. РГАДА. Ф. 264. Оп. 5. Д. 5.
11. РГАДА. Ф. 264. Оп. 5. Д. 7.
12. Студенкин Г.И. Салтычиха. 1730–1801 // Русская старина. 1874. Т. 10. С. 496–548.
13. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. 2-е изд. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. Т. 1. XXXVII+643 с.
14. Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 512 с.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 18, № 13211. С. 782.
16. Passenans P.D. La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation Européenne: ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe. Paris : Pierre Blanshard, 1822. Vol. 1. 202 p.
17. Снегирев И.М. Ивановский монастырь в Москве // Русские достопамятности / под ред. А.А. Мартынова. М. : Тип. Бахметьева, 1863. Т. 1, вып. 5. С. 1–20.
18. Зритель общественной жизни, литературы и спорта. М., 1863. № 35. С. 303–307.
19. Кичеев П.Г. Салтычиха // Русский архив. 1865. Вып. 2. С. 247–256.
20. Майков Л.П. Современное письмо о Салтычихе // Оснадцатый век / П. Бартев. М. : Тип. Т. Рис. у Мясницких ворот, 1869. Кн. 4. С. 94–96.
21. Шеппинг Д.О. Поместье Салтычихи // Русский архив. М., 1871. Т. 16. С. 1281–1286.
22. Великоорусские народные легенды. Сообщены Ив. Мамакиным из Лукояновского у. Нижегородской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 2. С. 139–140.
23. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. С. 15–39.
24. Снегирев И.М. Лубочные картины русского народа в московском мире. М. : Унив. тип., 1861. 137 с.
25. Зритель общественной жизни, литературы и спорта. М., 1863. № 36. С. 340–344.

26. Кичеев П.Г. О состоянии русской армии в Семилетнюю войну. О злой Салтычихе. Лейпциг : В. Гергард, 1863. 42 с.
27. Указ Московской духовной консистории в Пехрянское духовное правление... Сообщен Н.П. Розановым // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / О.М. Бодянский. М. : Унив. тип, 1872. Кн. 1. С. 33–37.
28. Мельников П.И. Выписка из дела о вдове Салтыковой, судившейся за жестокость в обращении с людьми и многия смертоубийства // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М. : Унив. тип, 1872. Кн. 1. С. 38–44.
29. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 3-е изд. М. : Гос. изд. юр. лит., 1960. Т. 1. 384 с.
30. Blum J. Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1972. X+656 p.
31. Прохоров М.Ф. Помещичьи крестьяне Московской губернии в третьей четверти XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. М. : МГИАИ, 1975. 302 с.
32. Marrese M. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1864. Ithaca, NY : Cornell University Press, 2002. XVI+276 p.
33. Экштут С.А. Роман душегубицы // Родина. 2002. № 3. С. 52–55.
34. Манькова Л.В. Кровавая барыня // Родина. 2002. № 2. С. 44–51.
35. Манькова Л.В. Кровавая барыня. Уголовное дело // Тюрьма и ссылка в дореволюционной России : сб. ст. / под общ. ред. Н. Катцера, С.В. Кудряшова. М. : Историческая литература, 2016. С. 209–229.
36. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна: биография отдельного лица. 4-е изд. М. : Молодая гвардия, 2005. 459 с.
37. Анисимов Е.В. Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны. М. : АСТ, Астрель, 2010. 608 с.
38. Эскин Ю.М. Дело Салтычихи // Родина. 2002. № 3. С. 56.
39. Черников С.В. Власть и собственность. Особенности мобилизации земельных владений в Московском уезде в первой половине XVIII в. // Cahiers du Monde Russe. 2012. № 53/1. P. 141–245.
40. Салтыкова Дарья Николаевна // Культура и быт русского дворянства в провинции XVIII в. Проект Германского исторического института в Москве / науч. рук. О.Е. Глаголева, рук. И. Ширле. URL: https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Салтыкова_Дарья_Николаевна (дата обращения: 31.05.2022).
41. РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ч. 1. Д. 4864.
42. РГАДА. Ф. 400. Оп. 5. Д. 760.
43. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 590.
44. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 633.
45. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 635.
46. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования / под общ. ред. Ф.И. Салова. М. : Мосгорисполком, 1950. Вып. 1. 416 с.
47. Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М. : Молодая гвардия, 2012. 413 с.
48. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). 3-е изд. Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. 23+1772 с.
49. Каменский А.Б. Любовь, страсть и отчаяние – русские преступления XVIII века. СПб. : Алетейя, 2022. 406 с.
50. Баринев Е.Х. Дорогой мистер Холмс. М. : Проспект, 2017. 208 с.
51. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М. : РОССПЭН, 2010. 359 с.
52. ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 9, № 6852. Гл. 11. С. 679–680.
53. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб. : Тип. Я. Трея, 1883. V+662+CCCLXX с.
54. Снегирев И.М. О скудельницах или убогих домах в России // Труды и записки Общества истории и древностей Российских. М. : Унив. тип., 1826. Т. 3, кн. 1. С. 235–263.
55. Шокарев С.Ю. Источники по истории Московского некрополя XII – начала XX в. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 488 с.
56. Кожин В.В. Тютчев. М. : Молодая гвардия, 1988. 496 с.
57. ПСЗРИ. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 15, № 11445. С. 915–918.
58. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 719 с.
59. Кошелева О.Е. «Без пашпортов и с воровскими пашпорты», или Можно ли обмануть государственный контроль? // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М. : ИВИ РАН, 2016. С. 323–348.
60. РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 2.
61. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 588.
62. РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 571.
63. Ибнеева Г.В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII в.: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. 610 с.
64. РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3493.
65. «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона. Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / иссл., пер. с англ. и коммент. Е. Смилянкой и Ю. Лейкин. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 608 с.
66. Моряков Е.Ю. Ссылка на поселение в мемуарах бывших крепостных // Люди империи – империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России : сб. науч. статей / отв. ред. Н.Г. Суворова. Омск : ОмГУ, 2021. С. 233–239.
67. Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). СПб. : Тип. Имп. АН, 1872. Т. 10. XXXII+477 с.
68. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 637.
69. РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 658.
70. Алефиренко П.К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х годах XVIII века. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 422 с.
71. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М. : Изд-во МГУ, 1961. С. 73. Гл. 2. П. 13.
72. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность / В.А. Западков. СПб. : Наука, 1992. 671 с.
73. Моряков Е.Ю. Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 4. С. 1292–1306.
74. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М. : Индрик, 2003. 464 с.
75. РГАДА. Ф. 7. Д. 1677.
76. РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 455.
77. РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1476.
78. РГАДА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 1554.
79. СИРИО. Т. 4. СПб. : Тип. Имп. АН, 1869. XXXVII+511 с.

80. Бабкова Г.О. Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // Гиштории російские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского / сост. Е.В. Акельев, В.Е. Борисов; отв. ред. Е.Б. Смилянская. М.: Древлехранилище, 2014. С. 161–206.

References

1. Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey RGB [Research Department of Manuscripts of the RSL]. Fund 475. List 1. File 2. (In Russian).
2. Bolotov, A.T. (1871) *Zhizn' i priklucheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 2. Saint Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina.
3. Bolotov, A.T. (1872) *Zhizn' i priklucheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 3. Saint Petersburg: Pechatnya V.I. Golovina.
4. Bolotov, A.T. (1873) *Zhizn' i priklucheniya Andrey Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Himself for His Descendants. 1738–1793]. Vol. 4. Saint Petersburg: Pechatnya V.S. Balasheva.
5. Litvinova, T. (2019) "Pomeshchich'ya pravda". *Dvoryanstvo Levoberezhnoy Ukrainy i krest'yanskiy vopros v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka* ["Landowner's Truth"]. The nobility of the Left-Bank Ukraine and the peasant question at the end of the 18th – the first half of the 19th century]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
6. Shcheblygina, I.V. (2003) *A.T. Bolotov: Garmoniya mira i dushi. Tsennostnye orientatsii i tvorcheskies interesy* [A.T. Bolotov: Harmony of the world and soul. Value orientations and creative interests]. Moscow: Andreev flag.
7. Pikering Antonova, K. (2019) *Gospoda Chikhachevy. Mir pomestnogo dvoryanstva v nikolaevskoy Rossii* [The Chikhachevs. The world of the local nobility in Nikolaev Russia]. Translated from English by M. Semikolennykh. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
8. Marasinova, E.N. (1999) *Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (Po materialam perepiski)* [Psychology of the Elite of the Russian Nobility in the Last Third of the 18th Century (Based on correspondence)]. Moscow: ROSSPEN.
9. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. List 2. File 2076. (In Russian).
10. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 264. List 5. File 5. (In Russian).
11. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 264. List 5. File 7. (In Russian).
12. Studenkin, G.I. (1874) Saltychikha. 1730–1801. *Russkaya starina*. 10. pp. 496–548.
13. Semevskiy, V.I. (1903) *Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II* [Peasants in the Reign of Catherine II]. 2nd ed. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
14. Marasinova, E.N. (2017) "Zakon" i "grazhdanin" v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya ["Law" and "Citizen" in Russia in the Second Half of the 18th Century: Essays on the history of social consciousness]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
15. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 18. Issue 13211. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya samostvennoy E.I.V. kantselyarii. P. 782.
16. Passenans, P.D. (1822) *La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation Européenne: ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe*. Vol. 1. Paris: Pierre Blanshard.
17. Snegirev, I.M. (1863) Ivanovskiy monastyr' v Moskve [Ivanovo Monastery in Moscow]. In: Martynov, A.A. (ed.) *Russkie dostopamyatnosti* [Russian Landmarks]. Moscow: Tip. Bakhmet'eva. Vol. 1-5. pp. 1–20.
18. *Zritel' obshchestvennoy zhizni, literatury i sporta*. (1863) 35. pp. 303–307. (In Russian).
19. Kicheev, P.G. (1865) Saltychikha. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 247–256. (In Russian).
20. Maykov, L.P. (1869) Sovremennoe pis'mo o Saltychikhe [Modern letter about Saltychikha]. In: Bartenev, P. *Osmnadsatyy vek* [Eighteenth Century]. Vol. 4. Moscow: Tip. T. Ris. u Myasnitskikh vorot. pp. 94–96.
21. Shepping, D.O. (1871) Pomest'e Saltychikhi [Saltychikha's estate]. *Russkiy arkhiv*. 16. pp. 1281–1286.
22. Zhivaya starina. (1890) Velikorusskie narodnye legendy. Soobshcheny Iv. Mamakinym iz Lukoyanovskogo u. Nizhegorodskoy gubernii [Great Russian folk legends. Reported by Iv. Mamakin from Lukoyanovsky district. Nizhny Novgorod province]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 139–140.
23. Akel'ev, E.V. & Babkova, G.O. (2012) "Daby rozyski i pytki mogli chinittsa poryadochno, kak ukazy povelevayut": Evolyutsiya teorii i praktiki "rozysknogo" protessa v Rossii pervoy poloviny XVIII v. ["So that searches and tortures can be executed decently, as decrees command": The evolution of the theory and practice of the "search" process in Russia in the first half of the 18th century]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 15–39.
24. Snegirev, I.M. (1861) *Lubochnye kartinki russkogo naroda v moskovskom mire* [Lubok Pictures of the Russian People in the Moscow World]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
25. *Zritel' obshchestvennoy zhizni, literatury i sporta*. (1863). 36. pp. 340–344.
26. Kicheev, P.G. (1863) *O sostoyanii russkoy armii v Semiletnyuyu voynu. O zloy Saltychikhe* [On the State of the Russian Army in the Seven Years' War. About the Evil Saltychikha]. Leipzig: V. Gergard.
27. Rozanov, N.P. (1872) Ukaz Moskovskoy dukhovnoy konsistorii v Pekhryanskoe dukhovnoe pravlenie... [Decree of the Moscow Ecclesiastical Consistory to the Pekhryansk Ecclesiastical Board ...]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 1. Moscow: Univ. tip. pp. 33–37.
28. Mel'nikov, P.I. (1872) Vypiska iz dela o vdove Saltykovoy, sudivsheysya za zhestokost' v obrashchenii s lyud'mi i mnogiya smertoubiystva [Extract from the case of the widow Saltykova, who was sued for cruelty in dealing with people and many murders]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Book 1. Moscow: Univ. tip. pp. 38–44.
29. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of the Royal Prison]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury.
30. Blum, J. (1972) *Lord and Peasant in Russia. From the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
31. Prokhorov, M.F. (1975) *Pomeshchich'i krest'yane Moskovskoy gubernii v tret'ey chetverti XVIII veka* [Landlord peasants of the Moscow province in the third quarter of the 18th century]. History Cand. Diss. Moscow.
32. Marrese, M. (2002) *A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1864*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
33. Ekshut, S.A. (2002) Roman dushegubitsy. *Rodina*. 3. pp. 52–55.
34. Man'kova, L.V. (2002) Krovavaya barynya [Bloody Lady]. *Rodina*. 2. pp. 44–51.
35. Man'kova, L.V. (2016) Krovavaya barynya. Ugolovnoe delo [Blood lady. Criminal case]. In: Katzer, N. & Kudryashov, S.V. (eds) *Tyur'ma i ssylka v dorevol'yucionnoy Rossii* [Prison and Exile in Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: Istoricheskaya literatura. pp. 209–229.
36. Anisimov, E.V. (2005) *Elizaveta Petrovna: biografiya otdel'nogo liitsa* [Elizaveta Petrovna: Biography of an individual]. 4th ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
37. Anisimov, E.V. (2010) *Afrodita u vlasti. Tsarstvovanie Elizavety Petrovny* [Aphrodite is in Power. The reign of Elizabeth Petrovna]. Moscow: AST, Astrel'.
38. Eskin, Yu.M. (2002) Delo Saltychikhi [The case of Saltychikha]. *Rodina*. 3. P. 56.

39. Chernikov, S.V. (2012) Vlast' i sobstvennost'. Osobennosti mobilizatsii zemel'nykh vladeniy v Moskovskom uезде v pervoy polovine XVIII v. [Power and property. Features of the mobilization of land holdings in the Moscow district in the first half of the 18th century]. *Cahiers du Monde Russe*. 53/1. pp. 141–245.
40. Glagoleva, O.E. & Shirle, I. (eds) Saltykova Dar'ya Nikolaevna. In: *Kul'tura i byt russkogo dvoryanstva v provintsi XVIII v. Proekt Germanskogo istoricheskogo instituta v Moskve* [Culture and Life of the Russian Nobility in the Province of the 18th Century. Project of the German Historical Institute in Moscow]. [Online] Available from: https://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Saltykova_Dar'ya_Nikolaevna. (Accessed: 31.05.2022).
41. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 372. List 1. Part 1. File 4864. (In Russian).
42. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 400. List 5. File 760. (In Russian).
43. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 590. (In Russian).
44. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 633. (In Russian).
45. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 635. (In Russian).
46. Sytin, P.V. (1950) *Istoriya planirovki i zastroyki Moskvy: Materialy i issledovaniya* [History of Planning and Development of Moscow: Materials and research]. Vol. 1. Moscow: Mosgorispolkom.
47. Akel'ev, E.V. (2012) *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Daily Life of the Thieves' World in Moscow During the Time of Vanka Cain]. Moscow: Molodaya gvardiya.
48. Bulgakov, S.V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya svyashchennno-tserkovno-sluzhiteley: (Sbornik svedeniy, kasayushchikhsya preimushchestvenno prakticheskoy deyatel'nosti otechestvennogo dukhovenstva)* [Handbook for the Sacred Church Ministers: (Collection of information relating mainly to the practical activities of the domestic clergy)]. 3rd ed. Kiev: Tip. Kievo-Pecherskoy Uspenskoj lavry.
49. Kamenskiy, A.B. (2022) *Lyubov', strast' i otchayanie – russkie prestupleniya XVIII veka* [Love, Passion and Despair are Russian Crimes of the 18th Century]. Saint Petersburg: Aleteyya.
50. Barinov, E.Kh. (2017) *Dorogoy mister Kholms* [Dear Mr Holmes]. Moscow: Prospekt.
51. Kozlova, N.V. (2010) *Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [People are Decrepit, Sick, Miserable in Moscow of the 18th Century]. Moscow: ROSSPEN.
52. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 9. Issue 6852. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. pp. 679–680.
53. Chistovich, Ya. (1883) *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii* [History of the First Medical Schools in Russia]. Saint Petersburg: Tip. Ya. Treya.
54. Snegirev, I.M. (1826) O skudel'nitsakh ili ubogikh domakh v Rossii [About skudelnitsy or potter's fields in Russia]. In: *Trudy i zapiski Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Proceedings and Notes of the Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 3. Book 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya. pp. 235–263.
55. Shokarev, S.Yu. (2020) *Istochniki po istorii Moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v.* [Sources on the History of the Moscow Necropolis 12th – Early 20th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
56. Kozhinov, V.V. (1988) *Tyutchev*. Moscow: Molodaya gvardiya.
57. Speranskiy, M.M. (ed.) (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 15. Issue 11445. Saint Petersburg: Tip. II otdeleniya sobstvennoy E.I.V. kantselyarii. pp. 915–918.
58. Anisimov, E.V. (1999) *Dyba i knut: politicheskyy syisk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Rack and Whip: Political investigation and Russian society in the 18th century]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
59. Kosheleva, O.E. (2016) “Bez pashportov i s vorovskimi pashporty”, ili Mozhno li obmanut' gosudarstvennyy kontrol'? [“Without passports and with thieves' passports”, or is it possible to deceive state control?]. In: Togoeva, O.I. & Kosheleva, O.E. (eds) *Obman kak povsednevnyaya praktika. Individual'nye i kollektivnye strategii povedeniya* [Deception as a Daily Practice. Individual and Collective Strategies of Behavior]. Moscow: IWH RAS. pp. 323–348.
60. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. File 2985. Part 2. (In Russian).
61. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 588. (In Russian).
62. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 10. List 3. File 571. (In Russian).
63. Ibneeva, G.V. (2007) *Formirovanie imperskoy politiki Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.: opyt politicheskogo vzaimodeystviya Ekateriny II i imperskogo prostranstva* [Formation of Russia's imperial policy in the second half of the 18th century: the experience of political interaction between Catherine II and the imperial space]. History Dr. Diss. Kazan.
64. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 248. List 41. File 3493. (In Russian).
65. Smilyanskaya, E. & Leykin, Yu. (eds) (2020) “Russkaya vernost', chest' i otvaga” *Dzhona El'finstona. Povestvovanie o sluzhbe Ekaterine II i ob Arkhipelagskoy ekspeditsii Rossiyskogo flota* [John Elphinstone's “Russian fidelity, honor and courage”. The story of the service to Catherine II and the Archipelago expedition of the Russian fleet]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
66. Moryakov, E.Yu. (2021) Ssylka na poselenie v memuarakh byvshikh krepostnykh [Reference to the settlement in the memoirs of former serfs]. In: Suvorova, N.G. (ed.) *Lyudi imperii – imperiya lyudey: personal'naya i institucional'naya istoriya Aziatskikh okrain Rossii* [People of the Empire – the Empire of People: A personal and institutional history of the Asian outskirts of Russia]. Omsk: Omsk State University. pp. 233–239.
67. Imperial Academy of Sciences. (1872) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 10. Saint Petersburg: IAS.
68. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 637. (In Russian).
69. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 931. List 3. File 658. (In Russian).
70. Alefirenko, P.K. (1958) *Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh godakh XVIII veka* [Peasant Movement and the Peasant Question in Russia in the 1730s – 1750s]. Moscow: USSR AS.
71. Tikhomirov, M.N. & Epifanov, P.P. (1961) *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Sobornoe Ulozhenie of 1649]. Moscow: Moscow State University. P. 73.
72. Radishchev, A.N. (1992) *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu; Vol'nost'* [Journey from Petersburg to Moscow; Liberty]. Saint Petersburg: Nauka.
73. Moryakov, E.Yu. (2020) Regional'naya identichnost' krepostnykh v prosheniyakh imperatoru Pavlu Pervomu [Regional Identity of Serfs in Petitions to Emperor Paul the First]. *Quaestio Rossica*. 4 (8). pp. 1292–1306.
74. Smilyanskaya, E.B. (2003) *Volshebnyki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i “dukhovnye prestupleniya” v Rossii XVIII v.* [Wizards. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spiritual crimes” in Russia in the 18th century]. Moscow: Indrik.
75. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 7. File 1677. (In Russian).
76. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 10. List 1. File. 455. (In Russian).
77. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 405. List 1. File 1476. (In Russian).
78. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 405. List 1. File 1554. (In Russian).
79. Polovtsev, A.A. (ed.) (1869) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 4. Saint Petersburg: IAS.
80. Babkova, G.O. (2014) Pnyatiya “kriminal'nyy” i “ugolovnyy” v proektakh po obnovleniyu ugolovnogo prava i protsessu Ekateriny II [The concepts of “kriminal'nyy” and “ugolovnyy” in projects to update the criminal law and the process of Catherine II]. In: Smilyanskaya, E.B. (ed.) *Gishtorii rossyiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [Russian Histories, or Studies and Research for the anniversary of Alexander Borisovich Kamenskiy]. Moscow: Drevlekhranilishche. pp. 161–206.

Информация об авторе:

Моряков Е.Ю. – стажер-исследователь Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: erofeymoryakov@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6907-1865

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ye.Yu. Moryakov, intern researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: erofeymoryakov@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6907-1865

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2022;
одобрена после рецензирования 21.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 21.07.2022;
approved after reviewing 21.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 94 (470/476.42) “1941/1944”
doi: 10.17223/15617793/481/20

Немецкая пропаганда на территории оккупированной Советской Белоруссии: реакция населения и политические настроения в историческом и национальном контексте

Елена Анатольевна Пушкаренко¹

¹ *Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема политических настроений и реакции населения на немецкую политику и пропаганду на оккупированной советской территории (на примере Генерального округа Беларусь). Исследуется вопрос в контексте исторического и национального факторов. Хронологические рамки исследования – 1941–1944 гг. Проблема рассматривается на документальной базе государственных архивов Беларуси, Польши и России. Автор выявляет исторические обстоятельства, обусловившие специфику менталитета белорусского населения и его политических настроений в условиях оккупации.

Ключевые слова: менталитет, политические настроения, немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. Немецкая пропаганда на территории оккупированной Советской Белоруссии: реакция населения и политические настроения в историческом и национальном контексте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 183–190. doi: 10.17223/15617793/481/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/20

German propaganda on the territory of the occupied Soviet Belarus: The reaction of the population and political sentiments in the historical and national context

Elena A. Pushkarenko¹

¹ *Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation, pushkarenko-elena@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of political sentiments and the reaction of the population to German politics and propaganda in the occupied Soviet territory (using the example of the General District of Belarus). The author explores the issue in the context of historical and national factors. The chronological framework of the study is the period from 1941 to 1944. The problem is investigated on the basis of documents from the state archives of Belarus, Poland and Russia. The author reveals the historical circumstances that determined the specifics of the mentality of the Belarusian population and its political sentiments under occupation. The author believes that the reaction of the population to German politics and propaganda was due to a number of objective factors. These include the multi-ethnic and multi-confessional nature of the population, a long stay in neighbouring states and the absence of their own national statehood, as well as the peculiarities of the occupation policy in the district. As a result, prudence, caution, apolitical, indifferent attitude to the institution of politics and power became the characteristic features of the national character of Belarusians. During the Great Patriotic War, it was these features of the Belarusian mentality that manifested themselves. Hence the passive, indifferent attitude to the change of power. The people, as usual, waited, guided only by a simple desire to survive. The Second World War was perceived as an event that affected the interests of Germans and Russians, and Belarus again became only an arena for military operations. Even the attempts of the occupation authorities to play on Belarusian nationalism failed completely. The political ambitions of the collaborators were largely limited to the projects proposed to Cuba for the “revival of Belarus” and its subsequent entry into the “New Europe”, while the occupation authorities did not specify in what institutional forms this should happen. Another specific feature of Belarusian mentality, which was formed in previous historical periods, but was clearly manifested during the Great Patriotic War, was the differentiation of Eastern and Western Belarusians into Orthodox and Catholics, as well as identification with Russians or Poles. At the same time, the reaction of the population of the district to German propaganda was characterised by a high degree of distrust and scepticism, since the content of propaganda materials sharply contrasted with reality. The “scorched earth” policy, methods of fighting partisans, the genocide of the peoples of Belarus, the practice of forced recruitment of Ostarbeiters – all this together levelled the efforts of German propagandists.

Keywords: mentality, political sentiments, German propaganda, General District of Belarus, Great Patriotic War

For citation: Pushkarenko, E.A. (2022) German propaganda on the territory of the occupied Soviet Belarus: The reaction of the population and political sentiments in the historical and national context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 183–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/20

Судьба белорусского народа и белорусской государственности связана со многими историческими перипетиями. В течение длительного времени земля Беларуси выступала ареной для военных столкновений и культурно-цивилизационного противостояния Запада и Востока. Военная повседневность стала тем фактором, который predetermined формирование ряда отличительных черт менталитета белорусов и их политических настроений, реакции на происходящие политические события и процессы. Одной из характерных особенностей национального характера белорусов, обусловленных длительным периодом отсутствия собственной государственности и пребывания в составе сопредельных держав – Речи Посполитой и Российской империи, стали аполитичность и терпимость к власти как таковой. Знаменитая белорусская «памяркоўнасць», которую можно трактовать как рассудительность, терпимость, осторожность, проявилась с приходом частей вермахта в выжидательной позиции большинства местного населения. В массовом сознании прочно укоренился стереотип, что власть периодически меняется и не важно, кто ее представляет, главное, сохранить свою жизнь. Для основной массы населения, проживавшей в пределах Генерального округа Беларусь (а это были преимущественно районы Западной Беларуси), непродолжительный предыдущий этап советского правления был воспринят как очередной, на смену которому снова пришли немцы. Как следствие, люди заняли пассивную позицию, ожидая дальнейшего развития событий. «Несмотря на разные впечатления от советской действительности у белорусов и поляков, в первых донесениях айнзатцгруппы “В” из районов Западной Беларуси отмечалось положительное отношение к приходу немецких войск со стороны обеих групп населения». Отношение населения к новой власти характеризовалось амплитудой от «довольно позитивной нейтральности» до «радости в связи с освобождением от советского ярма, которая проявилась в готовности белорусского и польского населения сотрудничать с нами в деле восстановления» [1. С. 51]. Российский исследователь В.Ю. Чехлов подчеркивает: «как советские, так и нацистские источники с редким единодушием свидетельствуют о первоначально спокойной, выжидательной и даже лояльной позиции значительной части жителей Белоруссии по отношению к оккупантам» [2. С. 23–24]. Причину этого явления мы обозначили выше, связав ее с длительным отсутствием у Беларуси государственности и ее особым геополитическим положением.

Другим немаловажным фактором в отношении людей к происходящим событиям – началу войны и приходу новых властей – стал достаточно низкий уровень национального самосознания этнических белорусов, многие из которых именовали себя «тутэйшыя», т.е. «местные». Население Беларуси исторически испыты-

вало воздействие двух сил – польской и российской, что значительно минимизировало как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. На это обратили внимание и представители германской администрации, указав, что пассивные по отношению к ним политические настроения обусловлены «низким национальным самосознанием» белорусов, а также «отсутствием национальной интеллигенции» [3. Л. 248, 250].

Важнейшим объективным фактором политических настроений и реакции на происходящие события стал полиэтничный и поликонфессиональный характер населения. Земля Беларуси стала исторической родиной для белорусов, поляков, украинцев, русских, татар, литовцев, латышей, евреев, цыган. В культурном пространстве Беларуси сочетались и взаимодействовали православие, католичество, греко-католичество, ислам, иудаизм. Очевидно, что каждый из вышеназванных народов характеризовался целым рядом специфических черт национального характера, которые проявились в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. более контрастно. Подчеркивая пестрый национальный состав округа, сотрудники министерства оккупированных восточных территорий нередко именовали Беларусь «национальным коктейлем» [1. С. 113]. По оценкам представителей немецкой администрации, в целом на территории Беларуси по состоянию на 1941 г. проживало около 10 600 тыс. человек. Из них – 7 880 тыс. (74,3%) белорусов, 935 тыс. (8,8%) евреев, 925 тыс. (8,7%) поляков, 590 тыс. (5,6%) русских, 162,5 тыс. (1,5%) украинцев, 90 тыс. (0,9%) литовцев, 6,5 тыс. (0,06%) немцев [4. Л. 45–46].

При этом «сложные реалии многонационального общества Беларуси германские оккупационные власти стремились обратить в свою пользу», – отмечает белорусский исследователь Д.А. Кривошей [5. С. 4]. Поэтому уже первые распоряжения немецких властей были направлены на выявление количественных и качественных характеристик местного населения. Например, гэбисткомиссар Минского округа в октябре 1941 г. отдает распоряжение бургомистрам о необходимости определения точного числа представителей различных национальностей, проживавших на подконтрольной им территории [6. Л. 127].

Все это делалось с целью установления черт национального характера, политических и национальных симпатий и антипатий, которые впоследствии можно было бы использовать в идейно-политическом воздействии на местное население. «В. Кубе изначально сделал ставку на пропаганду как средство реализации оккупационных экономических и политических задач» [7. С. 168], «с его подачи средства пропаганды активно эксплуатировали белорусскую национальную идею как наиболее козырную карту идеологического воздействия на местное население», – отмечалось ранее [8. С. 81]. Вызвать доверие населения и даже его

симпатии должна была широкая практика «белорусизации». Она предполагала открытие школ и вузов, активную культурно-образовательную деятельность, использование белорусского языка в повседневной жизни и официальном документообороте, а также провозглашение свободы вероисповедания.

Каждая из этнических групп, проживавших на территории округа, по-своему реагировала на «белорусизацию» и в целом оккупационную политику немецких властей. В данном исследовании проведен анализ политических настроений и реакций на оккупационную политику и пропаганду двух наиболее многочисленных этнорелигиозных групп округа – поляков и белорусов/католиков и православных. Округ охватывал в основном районы западной части БССР, с преобладающим белорусско-польским населением. Около 80% территорий, вошедших в состав Генерального округа Беларусь, в междувоенное двадцатилетие принадлежали Польше. В этот период белорусское население («усходніх крэсаў») (как именовали эту часть своей территории поляки) подвергалось целенаправленной политике колонизации, было существенно ограничено в своих правах. Особенности исторического развития белорусов и поляков, проживавших на этой территории, определили специфику политических настроений и ожиданий населения округа в период немецкой оккупации.

Первые впечатления и западных, и восточных белорусов в связи со вступлением войск вермахта отражены в отчетах айнзатцгруппы «В». В них указывается на выжидательную, пассивную позицию местного населения, переходящую порой в симпатии. Критика советской власти касалась, главным образом, экономической и социальной сфер [9. Р. 152, 184; 10. Р. 214]. Определенную активность проявляли поляки, стремившиеся реализовать свои национальные цели [1. С. 55]. Этот феномен объясним с учетом исторического контекста: белорусское население еще помнило о борьбе с так называемой нацдемовщиной – политических репрессиях, затронувших национально ориентированную белорусскую интеллигенцию и политический актив в 30-е гг. XX в. Поэтому оно совершенно безинициативно отнеслось к процессу организации местной администрации и занятию в ней каких-либо должностей. И в Западной, и в Восточной Беларуси, как говорилось в рапортах айнзатцгруппы «В» за август 1941 г., «народ не хочет занимать никаких должностей, опасаясь возвращения советской власти либо мести со стороны партизан» [11].

Польское население Западной Беларуси проявило себя иначе. В отчете одной из разведывательных польских групп осенью 1941 г. указывалось, что «польское население города [Бреста] приветствовало нападение немцев как избавление, как нечто, что освобождает их от еврейско-большевистского ярма. Момент нападения немцами был выбран очень удачно, так как за несколько дней до 22.06 большевики начали интенсивное выселение польского населения, вывоза его по железной дороге» [12. С. 333].

Польский исследователь Ю. Туронек подчеркивает, что события 1939–1941 гг. способствовали росту

антисоветских настроений среди польского населения Западной Беларуси. С началом немецкой оккупации западных регионов СССР польские политические силы постарались снова соединить Западную Беларусь и Польшу. «Имея перед собой подобные политические цели, польское население с симпатией встретило немецкие войска и приняло активное участие в создании новой администрации и полиции. Захват местной администрации польские деятели оценивали как исходный пункт восстановления своих экономических, культурных и политических позиций» [1. С. 52–53].

Белорусский историк Д.А. Кривошей также замечает: «В начале войны складывалась благоприятная для поляков ситуация. Они, как преследуемые коммунистами, занимали места в органах местной администрации. Например, в Гродно, Несвиже, Клецке и большинстве других городов Западной Беларуси они получили ведущие должности» [5. С. 76]. И это было отнюдь не случайно. Ведь земли Западной Беларуси для Польши имели статус «усходніх крэсаў», т.е. восточных окраин, и воспринимались как польская территория. С началом войны и смены власти польские политические силы попытались использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. В процесс колонизации активно включилось и католическое духовенство. «Польская [католическая] церковь смотрит на Беларусь как на колониальную область и разворачивает здесь совместно с польским повстанческим движением политическую деятельность», – говорилось в одном из отчетов немецкой администрации [13. Л. 33–34].

Очевидно, что попытки проведения колонизации через деятельность католической церкви и занятие этническими поляками должностей в местной администрации шли вразрез с заявленной политикой «белорусизации». Поэтому уже в конце 1941 г. В. Кубе обращается к рейхскомиссару Остланда с просьбой санкционировать запрет польского и русского языка на территории округа в официальном делопроизводстве и повседневном общении. «Если в западных областях Беларуси поляки стремились искоренить белорусов как нацию, то в восточных этого добивались большевики», – аргументировал свою позицию Кубе [14. Л. 9–10]. Как следствие, поляков стали выводить из состава местной администрации; претерпели гонения и представители католической церкви.

Заместитель гебитскомиссара Вилейской округа Хаазе на совещании в Генеральном комиссариате в Минске в апреле 1943 г. сообщал: «к началу 1942 г. все бывшие районные бургомистры польской национальности были уволены и заменены белорусами, перед которыми была поставлена первоочередная задача – очистить руководящий аппарат. И это было осуществлено. Поляки были также удалены с руководящих и командных должностей в промышленном производстве, там, где их можно было заменить белорусами» [15].

Более того, в мае 1942 г. на территории Генерального округа Беларусь оккупационные власти вместе с белорусской полицией начали антипольскую кампанию. Эта акция продолжалась до осени 1943 г. и была

направлена, главным образом, против польской интеллигенции, католического духовенства, работников местной администрации польского происхождения. Она охватила всю территорию Генерального округа Беларусь, а наиболее активно проводилась в городах Барановичи, Новогрудок и Слоним. Акция получила масштабную идеологическую поддержку в оккупационных изданиях. Ее началу послужила статья Вильгельма Кубе в «Minsker Zeitung» (№ 69), в которой поляки были причислены к давним врагам белорусского народа и названы «народом горделивых тунецяцев». Непосредственная свидетельница тех событий Л. Якубовская вспоминала: «Надежды на перемены к лучшему в судьбе поляков прошли очень быстро. Стали заявлять о себе белорусские националисты. Вначале были устранены люди из городской власти. А затем и другие – те, которые их когда-нибудь обидели» [16. С. 226–227].

Активная антипольская пропаганда, санкционированная Кубе, стала составной частью его политики «белорусизации». Ее приоритетным направлением стало поощрение национализма и организация разного рода коллаборационистских объединений под флагом «возрождения Беларуси». Часть белорусской национально ориентированной интеллигенции с энтузиазмом восприняла политику Кубе, посчитав ее своего рода инструментом для реализации собственно «белорусской идеи». Ее политическое кредо уместно выразить цитатой из оккупационного пропагандистского издания. «Война ведется за перестройку Европы на новых экономических и политических началах. Какой бы не стала эта Европа в ближайшем будущем, нам, белорусам, не стоит жалеть о довоенной Европе. У нас ничего в ней не было и ничего мы в ней не могли... На своей земле, где мы никогда не имели возможностей для национального развития не только по форме, но и по содержанию, теперь мы эту возможность имеем». Автор статьи связывал свои политические ожидания с «Третьим рейхом» и подчеркивал, что «судьба белорусского дела зависит исключительно от антибольшевистского фронта» [17].

Генеральный комиссар Беларуси В. Кубе инициировал развернутую антипольскую пропагандистскую кампанию, оказывал содействие коллаборационистским националистическим организациям. Собственно говоря, он и стал инициатором их создания. В их числе следует назвать «Белорусскую народную самопомощь», «Белорусское научное общество», «Союз белорусской молодежи», «Всебелорусский женский комитет» и ряд других. Антипольская кампания вылилась не только в пропагандистские статьи в газетах и увольнение этнических поляков из местной администрации. По доносам расстреливали представителей польской интеллигенции и служителей римско-католической церкви. Наиболее показательным стал случай в городе Новогрудке, где 01.08.1943 г. по приказу немецких властей были убиты двенадцать монахинь.

Таким образом, первоначальные попытки польских политических сил, направленные на захват позиций в местной администрации и активизацию деятельности костела, были пресечены немецкой гражд-

данской администрацией. Как следствие, политические ожидания этой части населения постепенно меняются. В отчете польских спецслужб за июль 1943 г. говорится: «С момента ухудшения наших отношений с Россией польский политический кредит у этого населения [округа Беларусь] снизился. Литовцы и белорусы склоняются одни на сторону немцев, другие – на сторону России. Они рассуждают так: немцы войну проиграют, но решающим фактором в восточной Европе не будет Польша. Поэтому для литовцев и белорусов открываются перспективы, и они неохотно говорят на политические темы с поляками, хотя до этого старались найти согласие» [18].

Изначально иными были политические настроения населения в восточных и центральных районах оккупированной БССР [19. С. 96]. В них в значительной степени проявилась просоветская позиция [20. Л. 9]. В июне 1942 г. ЦК КП (б) Белоруссии докладывал в ЦК ВКП (б), что «население Белоруссии все более озлобляется против немецких захватчиков», и антигерманские настроения «перерастают в народное движение» [21. Л. 119]. Причины этого легко объяснимы: с одной стороны, указанные районы БССР находились под советским правлением значительно дольше, их население испытало в значительно большей степени влияние советской идеологии, выросло целое поколение молодежи, воспитанной в советских школах. С другой стороны, росту партизанского движения способствовали сами действия оккупационных властей, применявших в борьбе с партизанами тактику «выжженной земли».

Давая оценку эффективности немецкого идеологического воздействия на население округа, Ю. Туренок подчеркивает, что «люди не особо интересовались политическими играми, так как, в первую очередь, им надо было перетерпеть, выжить». В полицейских донесениях конца 1941 г. немцы еще не отмечали всеобщей враждебности населения, однако отношение к оккупантам становилось все хуже и хуже. Особенно влияли на это грабежи и реквизиции, убийства военнопленных, евреев и советских деятелей, сохранение колхозов на востоке Беларуси и сложности с продовольствием в городах. При этом до спонтанных, самостоятельных выступлений против немцев еще не доходило. «Людей еще сдерживало понимание, что в первые месяцы войны не могут осуществиться коренные политические и экономические преобразования. Таким образом, симпатии населения могла завоевать любая заинтересованная сторона; тут все зависело только от желания и реальных возможностей властей» [1. С. 88].

Однако немецкие власти не смогли должным образом использовать ситуацию в свою пользу. Дело в том, что в системе управления округом существовало два центра силы – гражданская администрация во главе с В. Кубе и силы СС и полиции, которые ему не подчинялись. Два взаимоисключающих подхода, которые они практиковали, – силовой и идеологический – вступали в противоречие и в конечном итоге сводили все усилия пропаганды к нулю. Подтверждением тому служит один из рапортов оберштурм-

банфюрера СС Штрауха от 25.07.1943 г. Штраух докладывал руководству: «Отсутствие пропаганды сказалось особенно разрушительно. Поскольку русские [местное население как таковое без учета национальной принадлежности] привыкли при большевистской системе к четко налаженной пропаганде, отсутствие немецкой пропаганды очень сильно сказалось на авторитете власти. Этот пробел мог быть заполнен противником. Когда же, наконец, немцы начали принимать такие меры, как введение земельных хозяйств, распределение земель и т.д., было уже слишком поздно. Но даже в этом случае хорошо организованная пропаганда могла бы кое-что спасти... За эти выявленные недостатки гауляйтер Кубе, как глава администрации, должен быть оправдан. Его белорусская политика заслуживает одобрения» [22. С. 80–81].

Аргументируя свой особый политический курс в округе, В. Кубе в апреле 1943 г. на заседании генерального комиссариата заявил: «В действительности же этот народ [белорусский] за 25 лет с 1917 по 1941 год, совершил невероятный скачок вперед в своем развитии... И поэтому, если мы хотим в соответствии с задачами, поставленными перед нами фюрером, привести эту территорию и этот народ в Новую Европу, мы должны решительно покончить с прежним курсом [методы борьбы с партизанами, карательные экспедиции] нашей политики». Кубе указал также на необходимость расширения сетки коллаборационистских организаций, чтобы согласно принципу «разделяй и властвуй» их впоследствии можно было бы противопоставить друг другу. Он указал на ошибки в оккупационной политике, в частности в борьбе с партизанами и в работе вербовочных комиссий. Кубе отметил, что «здоровая крестьянская политика» – это основа всего. «Крестьяне находятся между двух огней. Когда крестьянин получает приказ принять вступивших в деревню партизан, он не может отказаться – иначе он будет расстрелян. Если затем туда приходим мы – снова следуют расстрелы. Крестьян-белорусов расстреливают в любом случае, и для них сложилась критическая ситуация... Предстоящим летом мы постараемся произвести на население положительное впечатление мероприятиями в трех областях. Сюда относятся... реприватизация крестьянской земли, работа с молодежью... работа в области культурной политики. В области образования, воспитания и культуры мы не можем отставать от большевиков», – резюмировал генеральный комиссар [23. С. 103–111].

Следует отметить, что В. Кубе неоднократно обращался к руководству по вопросу активизации в округе пропагандистской работы и изменению методов оккупационной политики. Например, в письме рейхсминистру оккупированных восточных областей А. Розенбергу указывалось, что рост партизанского движения и методы борьбы с «бандитизмом» взаимобусловлены. «Также оно [партизанское движение] свидетельствует о том, что проведение пропаганды после такого рода операций [карательных], которые заканчиваются массовым расстрелом всего населения, совершенно бессмысленно» [24. Л. 185].

Рейхскомиссар Остланда Г. Лозе на основании доносений В. Кубе также обратился к рейхсминистру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу. В письме от 18.06.1943 г. указывалось «на нецелесообразность жестокого обращения с местным населением в ходе борьбы с партизанами». Лозе высказывал опасения относительно того, что подобные факты станут известны противнику и что в подобных обстоятельствах немецкая пропаганда абсолютно неэффективна. «Этот метод [карательные экспедиции в зонах действия партизан] недостойн германского дела и наносит большой ущерб нашему авторитету» [25. Л. 11].

Однако на практике ситуация не менялась: на территории оккупированной Советской Белоруссии происходил целенаправленный геноцид. Как известно, за годы войны погиб каждый третий житель республики. Поэтому рассуждения о «нецелесообразности» применения жестких карательных методов не изменяли ситуацию. Более того, местное белорусское население находилось в ситуации «между двух огней»: с одной стороны, ему грозила смертная казнь за помощь партизанам, а с другой – партизаны карали всех гражданских лиц, так или иначе сотрудничавших с немецкой администрацией. Среди них могли быть крестьяне, члены семей полицаяв, учителя, служители церкви и др. При этом, по данным в отчетах местной администрации, число жертв партизан среди гражданского населения достигало 70–80% от общего числа убитых [26, 27]. Однако эти цифры вызывают большие сомнения, ведь на партизан было весьма удобно списать жертв местных полицаяв и коллаборационистов. Зато в немецких источниках нередко указывалось на то, что партизаны вели себя в отношении местных жителей корректно и старались действовать методами убеждения [28].

Так или иначе, мотивами для вступления в партизанские отряды могли быть как идеологические, основанные на вере в советскую победу и возвращение советской власти, так и психологические, продиктованные страхом за свою жизнь. В зонах проведения карательных операций, когда деревни сжигались вместе со всем населением, людям не оставалось иной дороги. Они уходили в лес и вливались в партизанские отряды. Таким образом, преступный характер немецкой оккупационной политики стал объективным фактором роста партизанского движения, изменения политических настроений и ожиданий людей. Немецкая пропаганда по вопросу «белорусизации» звучала фальшиво и цинично на фоне зверств, чинимых СС и полицией. Когда в Минске и крупных городах округа проходили культурно-просветительские, образовательные, религиозные, спортивные и иные пропагандистские акции под лозунгами «возрождения Беларуси» в сочетании с национальной символикой и атрибутикой, складывалось впечатление о некоем «ренессансе» белорусской культуры и языка. А в это же время карательные отряды СС и полиции, борясь с «партизанской угрозой», применяли тактику «выжженной земли».

Следствием этого стала ситуация, при которой белорусы крайне неохотно участвовали в организации «нового порядка». «В отличие от Украины и Прибалтики тут было сложно создать полицейские батальо-

ны и действительно национальную администрацию – немцы охотней именовали ее “местная”, чем “белорусская”», – подчеркивает Ю. Туронок [1. С. 113].

Белорусские коллаборационисты с возмущением констатировали, что «между населением советской Беларуси и белорусской интеллигенцией, присланной из Польши, полностью отсутствует согласие. Прибывшая интеллигенция со своей немецко-белорусской пропагандой попадает в пустоту. В результате, они возмущаются по поводу отсутствия националистических настроений среди советских белорусов и отсутствия понимания того, чем на самом деле является Беларусь» [29]. Зерна национализма, которые так старательно пытались взрастить немецкие власти в сотрудничестве с белорусскими коллаборационистами, не принесли ожидаемых плодов. Со временем все больше возрастали ожидания и надежды людей на возвращение советской власти. Оккупационный проект «белорусизации» полностью дискредитировал себя на фоне фактического геноцида титульной нации.

Немецкие источники, характеризую политические настроения в округе весной 1943 г., выделяли три группы населения в зависимости от степени их лояльности к немецким властям. Первая из них – решительные сторонники советской власти, которые активно сотрудничали с партизанами и ждали возвращения Красной Армии. К их числу в основном относились жители городов, входивших до 1939 г. в состав Советской Белоруссии. Вторую группу составляла небольшая часть белорусской интеллигенции и крестьянства, политические ожидания которых были связаны с победой нацистской Германии и «Новой Европой». И первая и вторая группы обладали в обществе небольшим удельным весом. Основная же масса населения Генерального округа Беларусь, которая, по мнению немецких аналитиков, изначально с симпатией встретила установление «нового порядка», со временем в нем разочаровалась. Ее политические настроения и ожидания балансировали между «политической антипатией, национализмом и просоветскими симпатиями». Наиболее важные проблемы, которые волновали эту часть общества, были связаны с практикуемыми немецкой властью методами борьбы с партизанами, проведением «земельной реформы» и обеспечением ежедневных жизненных потребностей [30].

Таким образом, изначально дихотомия во взглядах и оценках новой власти у населения оккупированной Советской Белоруссии вскоре исчезла. Причина этого явления заключалась в том, что содержание пропаганды резко контрастировало с реалиями оккупационного режима. Разграбление и уничтожение национально-культурного фонда Беларуси, геноцид народов Беларуси, методы борьбы с партизанами, превратившиеся в охоту на мирное гражданское население, принудительный вывоз людей на работу в Германию – все это девальвировало демагогические лозунги Кубе о «возрождении Беларуси» и становилось тем фактором, который формировал новые политические настроения. Немецкая исследовательница Б. Квинкерт отмечает: «Несмотря на попытки склонить на свою сторону или, по крайней мере, прину-

дить советское население к поддержке оккупантов, усилия пропагандистов не увенчались успехом. Гражданские лица были не только свидетелями [немецких] преступлений, но и сами пострадали от немецкой оккупационной политики». Поэтому уже в первые месяцы войны действия немецких властей полностью уничтожили «всякую возможность завоевать сердца и умы белорусского населения с помощью позитивной пропаганды» [31. С. 157].

Объективная реальность очень скоро изменила представления простых граждан, оказавшихся в зоне оккупации, о «новом порядке» и перспективах обретения суверенитета в составе «Новой Европы». Как следствие, радикальные метаморфозы произошли в настроениях и ожиданиях людей. Российский историк Ф.Л. Сеницын, характеризуя политические настроения белорусского населения на завершающем этапе войны, подчеркивает, что «на основной территории Белоруссии... Красную Армию встречали с радостью» [32. С. 358]. А польский историк Ю. Туронок отмечает, что «под знаменитыми спокойствием и пассивностью» белорусского населения скрывалось «полное бессилие перед двумя великими армиями, которые в страшном противоборстве решали его судьбу» [1. С. 189].

В заключении подчеркнем, что период Великой Отечественной войны стал очередным этапом в длительной истории белорусского народа в условиях «военной повседневности». Война стала настолько привычным явлением, что в совокупности с отсутствием самостоятельной государственности значительно деформировала национальное самосознание белорусов, их восприятие себя как отдельного этноса. Само название «тутэйшыя» (местные) является лучшим тому подтверждением. Эти же объективные факторы обусловили и специфическое отношение белорусов к войне и власти как социальным институтам. В менталитете белорусов прочно укоренился стереотип, что многочисленные войны Западного мира с Россией, ареной которых становилась земля Беларуси, отнюдь не касаются белорусского народа. Поэтому вновь установившаяся власть воспринималась скорее индифферентно или настороженно, пока она не проявляла себя в конкретных действиях по отношению к местному населению. Вхождение в новое политическое и культурно-цивилизационное пространство в очередной раз означало, что «белорусская национальная идея» в виде суверенной государственности снова не будет реализована. Более того, это новое языковое и культурное влияние затормозит развитие этнического самосознания, стремление к обретению собственной государственности. В период Великой Отечественной войны проявились именно эти особенности белорусского менталитета. Отсюда и пассивное, индифферентное отношение к смене власти. Народ, как обычно, выжидал, руководствуясь только простым стремлением выжить. Вторая мировая война была воспринята как событие, которое затрагивает интересы немцев и русских, а Беларусь вновь стала лишь ареной для боевых действий. Даже попытки оккупационных властей сыграть на белорусском национа-

лизме полностью провалились. Политические амбиции коллаборационистов в большей степени ограничивались предлагаемыми Кубе проектами «возрождения Беларуси» и ее последующего вхождения в состав «Новой Европы», при этом оккупационные власти не конкретизировали, в каких институциональных формах это должно произойти.

Еще одной специфической чертой белорусской ментальности, которая сформировалась в предшествующие исторические периоды, но ярко проявилась в период Великой Отечественной войны, стала дифференциация восточных и западных белорусов на православных и католиков, а также отождествление себя с русскими или поляками. Очевидно, что длительное нахождение в составе Речи Посполитой и Российской империи, а впоследствии и в составе СССР, наложило отпечаток на духовную культуру народа, его самосознание, политические цели и настроения. Немаловажным фактором здесь выступала образовательная, религиозная и культурная политика этих держав по отношению к местному населению. В очередной раз белорусский народ испытал на себе воздействие политики колонизации, с одной стороны, и русификации – с другой. Неудивительно, что восточные белорусы зачастую именовали себя «рус-

скими», а западные – «поляками». Существенным фактором стала и советская политическая практика формирования «человека нового типа», а также атеистическая политика. В результате они послужили основанием для еще большего разделения на «восточника» (восточников) и «заходніка» (западников).

В целом бесконечная череда войн, ареной которых становилась белорусская земля, превратилась в массовом сознании в некую обыденность, «военную повседневность». Эта специфическая повседневность объективно ограничивала возможности белорусского народа на национальное самовыражение, обретение суверенной государственности, развитие собственного языка и культуры, формирование страты национальной интеллигенции, которая сможет мобилизовать народ на реализацию «белорусской идеи». В то же время военная повседневность обусловила развитие и закрепление таких черт, как осторожность, пассивность, индифферентность, безразличие к власти и политике. Ситуация «между молотом и наковальней» только ослабляла национальные признаки, девальвировала в глазах народа какие-либо национально-государственные проекты и перспективы, потому что его единственным стремлением в условиях перманентной военной повседневности было желание выжить.

Список источников

1. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск : Беларусь, 1993. 236 с.
2. Чехлов В.Ю. Отношение населения к немецкому оккупационному режиму на территории СССР 1941–1944 гг. (на примере Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 32 с.
3. Российский государственный военный архив. Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 510. Оп. 1. Д. 108.
5. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М. : Фонд «Историческая память», 2017. 315 с.
6. Приказ гзбиткомиссара Минского округа // Государственный архив Минской области. Ф. 623. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
7. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 167–174. doi: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174
8. Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4 (50). С. 80–88. doi: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88
9. Vakar N.P. Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1956. 297 p.
10. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies. London : Macmillan and Company, 1957. 250 p.
11. Ereignismeldung UdSSR. № 43. 05.08.1941.
12. Брест. Лето 1941 г. Документы. Материалы. Фотографии / авт.-сост. К. Генцер (рук. группы) [и др.]. Смоленск : Инбелкульт, 2016. 723 с.
13. НАРБ. Ф. 510. Оп. 1. Д. 13.
14. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5.
15. Стэнаграма нарады вышэйшага кіраўніцтва Генеральнай акругі Беларусь (Мінск, 8–10 красавіка 1943 г.) // ARCHE. 2010. № 7–8. С. 271–454.
16. Lucja Jakubowska, z domu Januszkewiczówna. Moje związki z Nieświeżem (lata 1936–1945) // Nieświeżskie Wspomnienia. Warszawa : Łośgraf, 2001. 226 s.
17. Акінчыц Ф. Увагі на часе // Беларуская газета. 28.03–08.04.1943.
18. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 193. K. 36–41.
19. Майнер С.М. Сталинская священная война: Религия, национализм и союзническая политика: 1941–1945. М. : РОССПЭН, 2010. 453 с.
20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 66.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 104.
22. Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. Jahrgang 4. Hefte 1. S. 80–81.
23. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года) / авт.-сост. С.В. Жумарь, С.Е. Новиков, Р.А. Черноглазова. Минск : МГЛУ, 2006. С. 103–111.
24. НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1037.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171.
26. Письмо окружного комиссара г. Слонима в Генеральный комиссариат в Минске от 07.12.1942 // AAN. Mf. aleks. T-454. R. 30/644.
27. Отчет окружного комиссара г. Барановичи от 11.08.1944 // AAN. Mf. aleks. T-454. R. 102/110.
28. AAN. Mf. aleks. T-175. R. 235/2724566.
29. Представительство правительства Польши на оккупированных территориях. Департамент информации и прессы. Восточная секция. Отчет о ситуации на Восточных землях // AAN. Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25.
30. AAN. Mf. aleks. T-175. R. 236/2725815.
31. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn : F. Schöningh, 2009. 419 s.
32. Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР. Национальный и религиозный аспекты : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2018. 555 с.

References

1. Turonak, Yu. (1993) *Belarus' pad nyametskay akupatsyyay* [Belarus occupied by Germany]. Minsk: Belarus.
2. Chekhlov, V.Yu. (2004) *Otnoshenie naseleniya k nemetskomu okkupatsionnomu rezhimu na territorii SSSR 1941–1944 gg. (na primere Belorusskoy SSR)* [Attitude of the population towards the German occupation regime on the territory of the USSR 1941–1944. (on the example of the Byelorussian SSR)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
3. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 1370k. List 1. File 56. (In Russian).
4. National Archives of Belarus (NARB). Fund 510. List 1. File 108. (In Russian).
5. Krivoshey, D.A. (2017) *Sud'by narodov Belarusi pod okkupatsiey (iyun' 1941 – iyul' 1944 g.)* [The fate of the peoples of Belarus under occupation (June 1941 – July 1944)]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat'".
6. *State Archives of Minsk Oblast*. Fund 623. List 1. File 1. Page 127. Prikaz gebitskomissara Minskogo okruga [Order of the Gebitskomissar of the Minsk District].
7. Pushkarenko, E.A. (2021) Nemetskaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussiya v 1941–1944 godakh [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941–1944]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2 (21). pp. 167–174. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174
8. Mamaeva, T.P. & Pushkarenko, E.A. (2021) Belorusskaya natsional'naya ideya kak instrument nemetskoy propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus' [Belarusian national idea as a tool of German propaganda on the territory of the General District of Belarus]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (50). pp. 80–88. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88
9. Vakar, N.P. (1956) *Belorussia. The Making of a Nation. A Case Study*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
10. Dallin, A. (1957) *German Rule in Russia 1941–1945. A Study of occupation policies*. London: Macmillan and Company.
11. *Ereignismeldung UdSSR*. (1941) 43. 05 August.
12. Gentser, K. et al. (eds) (2016) *Brest. Leto 1941 g. Dokumenty. Materialy. Fotografii* [Brest. Summer 1941 Documents. Materials. Photos]. Smolensk: Inbelkul't.
13. National Archives of Belarus (NARB). Fund 510. List 1. File 13. (In Russian).
14. National Archives of Belarus (NARB). Fund 370. List 1. File 5. (In Russian).
15. ARCHE. (2010) Stenagrama narady vysheyshega kiražnitsva General'nay akruži Belarus' (Minsk, 8–10 krasavika 1943 g.) [Transcript of the meeting of the high management of the General District of Belarus (Minsk, April 8–10, 1943)]. *ARCHE*. 7–8. pp. 271–454.
16. Jakubowska, L. et al. (eds) (2001) *Nieświeskie Wspomnienia*. Warszawa: Łośgraf.
17. Akinchyts, F. (1943) Uvagi na chase [Timely attention]. *Belaruskaya gazeta*. 28 March – 8 April.
18. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 193. K. 36–41. Republic of Poland. (n.d.) *Predstawitel'stvo pravitel'stva Pol'shi na okkupirovannykh territoriyakh. Departament informatsii i pressy. Vostochnaya sektsiya. Otchet o situatsii na Vostochnykh zemlyakh* [Representation of the Government of Poland in the occupied territories. Department of Information and Press. Eastern section. Report on the situation in the Eastern lands].
19. Mayner, S.M. (2010) *Stalinskaya svyashchennaya vojna: Religiya, natsionalizm i soyuznicheskaya politika: 1941–1945* [Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Allied Politics: 1941–1945]. Moscow: ROSSPEN.
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 66. (In Russian).
21. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 125. File 104. (In Russian).
22. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. (1956) Aus den Akten des Gauleiters Kube. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 4 (1). pp. 80–81.
23. Zhumar', S.V., Novikov, S.E. & Chernoglazova, R.A. (eds) (2006) *Stenogramma soveshchaniya vysshego rukovodstva General'nogo okruga "Belorussiya" (Minsk, 8–10 aprelya 1943 goda)* [Transcript of the meeting of the top leadership of the General District "Belarus" (Minsk, April 8–10, 1943)]. Minsk: Minsk State Linguistic University. pp. 103–111.
24. National Archives of Belarus (NARB). Fund 1440. List 3. File 1037.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7445. List 2. File 171. (In Russian).
26. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-454. R. 30/644. *Pis'mo okruzhnogo komissara g. Slonima v General'nyy komissariat v Minske ot 07.12.1942* [Letter from the district commissioner of the city of Slonim to the General Commissariat in Minsk of 07.12.1942].
27. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-454. R. 102/110. *Otchet okruzhnogo komissara g. Baranovichy ot 11.08.1944* [Report of the district commissioner of the city of Baranovichy of 11.08.1944].
28. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-175. R. 235/2724566.
29. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25. Republic of Poland. (n.d.) *Predstawitel'stvo pravitel'stva Pol'shi na okkupirovannykh territoriyakh. Departament informatsii i pressy. Vostochnaya sektsiya. Otchet o situatsii na Vostochnykh zemlyakh* [Representation of the Government of Poland in the occupied territories. Department of Information and Press. Eastern section. Report on the situation in the Eastern lands].
30. Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-175. R. 236/2725815.
31. Quinkert, B. (2009) *Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche "geistige" Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen*. Paderborn: F. Schöningh.
32. Sinitsyn, F.L. (2018) *Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivoborstvo na okkupirovannoy territorii SSSR. Natsional'nyy i religioznyy aspekty* [Soviet-German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR. National and religious aspects]. History Dr. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Пушкарёнка Е.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Pushkarenko, Cand. Sci. (History), associate professor, Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796.012:617.75
doi: 10.17223/15617793/481/21

Коррекция нарушений пространственного праксиса у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом

Владислав Федорович Воробьев¹

¹ *Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, vovofo@mail.ru*

Аннотация. Проведены оценка уровня развития пространственного праксиса и коррекция его нарушений у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом по результатам нейропсихологической диагностики. Оценка характера развития высших психических функций не входила в задачу данного исследования. Выявлена целесообразность использования авторского комплекса физических упражнений для преодоления недостатков в формировании схемы тела, трудностей в определении центра и переходе через среднюю линию тела, коррекции моторных perseverаций и нарушений выполнения последовательности движений у мальчиков с косоглазием и астигматизмом.

Ключевые слова: нарушение зрения, пространственный праксис, обучение движениям, координация, физические упражнения

Для цитирования: Воробьев В.Ф. Коррекция нарушений пространственного праксиса у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 191–198. doi: 10.17223/15617793/481/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/21

Correction of spatial praxis disorders in boys of seven to eight years old with strabismus and astigmatism

Vladislav F. Vorobjov¹

¹ *Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, vovofo@mail.ru*

Abstract. This experimental study deals with the problem of spatial praxis disorders identification and the need for their correction in children with strabismus and astigmatism due to the development of its lagging components. The aim of the research is to assess the level of development of spatial praxis and correct its disorders in boys aged seven to eight with strabismus and astigmatism based on the results of neuropsychological diagnostics. To assess the development dynamics of spatial praxis components, seven- and eight-year-old schoolchildren with visual impairments of the sensory system performed a series of diagnostic tasks twice. The test battery included the tasks walking along a straight line, walking backwards, walking diagonally, bilateral hand coordination, the fist-edge-palm test, the “fence” test, Henry Head’s tests, the Danmann test, the Rey–Osterrieth complex figure, and the Bender Gestalt Test. The assessment of the nature of the development of higher mental functions was not part of the task of this study. The tests show that the majority of children surveyed have a low and below average level of spatial praxis formation. There is a need to enrich visual-spatial representations and visual-motor relationships, to form skills to navigate in the scheme of one’s own body, and to develop inter-hemispheric interaction. We have developed a set of exercises for correcting secondary disorders and enriching the motor sphere of children. The set included drill and development workouts, complex coordination exercises, exercises in pairs and micro groups with and without objects, exercises on finger praxis, oculomotor and kinesiological exercises. The pedagogical experiment showed significant positive changes in the development of orientation in the body pattern, hand-eye coordination, interhemispheric interaction, spatial representations of primary school children with strabismus and astigmatism. The absence of perseverations and difficulties in crossing the middle line of the body was noted. The significance of differences was established using the g-sign criteria with a critical significance level of $p \leq 0.05$. A controversial position is the statement about the need to develop elements of spatial praxis at physical culture lessons and adaptive physical culture classes with obvious limited time resources. Compared to the traditional way of general and fine motor skills evaluation, this approach can be used for a more efficient correction of secondary disorders and for the prevention of tertiary deviations in children with special educational needs.

Keywords: visual impairment, spatial praxis, movement training, coordination, physical exercise

For citation: Vorobjov, V.F. (2022) Correction of spatial praxis disorders in boys of seven to eight years old with strabismus and astigmatism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 191–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/21

Дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) наряду с проблемами, вызванными наличием заболеваний, имеют трудности в освоении движений, развитии двигательной сферы. Не случайно С.П. Евсеев указывает на необходимость облегчения социальной адаптации и интеграции людей с инвалидностью в современное общество с опорой на потенциал адаптивной физической культуры (АФК) [1]. Переход от среднестатистических нормативов к нуждам конкретного ребенка реализуется в разных областях АФК. Коррекционные задачи в сфере адаптивного физического воспитания реализуются благодаря исправлению вторичных нарушений и предупреждению появления третичных расстройств. Примером третичных расстройств у детей дошкольного возраста является амблиопия – нарушение нормального бинокулярного зрения, что обуславливает трудности в дифференциации направлений, неспособности глаза выделять точное местонахождение объекта в пространстве, определять степень его удаленности. Причиной такого нарушения остроты зрения могут являться косоглазие и астигматизм. Факторы, препятствующие развитию нормального зрения, затрудняют не только восприятие объектов окружающего мира, но и вызывают искажения в зрительных сенсорных коррекциях, что требует дополнительных усилий в формировании целенаправленных двигательных действий.

Последовательные комплексы сознательных произвольных движений, выполняемые по заранее освоенной программе, относят к двигательному праксису. Качество таких двигательных действий может снижаться не только из-за недостатков в развитии кондиционных и координационных способностей, а также из-за недостаточного двигательного опыта или погрешностей в реализации методик физического воспитания, а также в связи с игнорированием индивидуальных проблем в формировании и выраженности компенсаций в работе функциональных блоков мозга [2]. Причиной таких различий могут быть заболевания и индивидуальные особенности в развитии коры больших полушарий и подкорковых структур.

Несформированность, незрелость подкорковых образований выявлена у многих часто болеющих детей, особенно при выполнении проб на динамический праксис [3]. Авторы отмечают, что отягощенный перинатальный анамнез, неблагоприятный постнатальный период можно рассматривать как причину дефицитарности подкорковых структур, что подтверждают пробы на двигательный праксис. Церебральные дисфункции различного происхождения приводят к появлению разных форм диспраксий – нарушений в управлении сложными целенаправленными действиями. Такие нарушения праксиса могут успешно корректироваться у детей с ОВЗ благодаря резервным возможностям пластических перестроек в деятельности центральной нервной системы [4, 5]. Показано [6, 7], что в возрасте от пяти до двенадцати лет доминируют процессы дифференцировки и специализации, интенсивно формируются гибкие вероятностные свя-

зи, детерминировано поливариантное гетеродинамическое формирование микроструктуры нейронных группировок коры большого мозга и мозжечка. При нормативном развитии можно надеяться, что благоприятный характер изменений будет реализовываться при наличии высокой и разнообразной двигательной активности. Нарушения взаимодействия зрительной, двигательной и тактильной систем у детей с косоглазием и астигматизмом отрицательно отражаются на восприятии деталей движений и формировании пространственных представлений. Проблемы с передачей и восприятием зрительной информации у детей с косоглазием и астигматизмом могут сказаться на становлении пространственного праксиса. Но проблема общей двигательной неловкости у детей с диспраксией является комплексной, включая первичные сенсорные нарушения, нарушения координации и, как следствие, проблемы в реализации пространственного праксиса [8]. Важно учитывать, что невозможно компенсировать дефицитарность пространственных представлений без воздействия на сенсомоторную сферу, так как базовые уровни регуляции движений формируются и развиваются только через воздействия на тело и в движении [9].

Благодаря исследованиям в нейропсихологии и возрастной физиологии установлены различия в образовательных возможностях детей с ОВЗ [10]. Разработана базовая технология коррекции, абилитации и профилактики нарушений у детей с задержками и дисфункциями в работе центров коры больших полушарий и подкорковых структур [11]. Эта технология представляет собой конкретизацию метода замещающего онтогенеза, причем акцент сделан на работе психолога. В отечественной литературе представлено многообразие средств, которые могут быть использованы для коррекции нарушений праксиса. В частности, это могут быть упражнения для развития мелкой моторики, игры и упражнения на равновесие [5, 11]. Но зачастую акцент в развитии пространственного праксиса делается на школьно-необходимых функциях. Первопричина детской неуклюжести ускользает от педагогов.

В настоящее время отечественными учёными не разработана методика коррекции нарушений пространственного праксиса у детей с нарушениями зрения. Отчасти это связано с разнообразием диспраксий, обусловленных течением конкретного заболевания, своеобразием двигательного опыта конкретного ребенка, малым вниманием к этой проблеме. При обследовании детей с нарушением зрения регистрируется разнообразие проблем от легких нарушений до отчетливых проявлений дисфункции сенсорной интеграции [12]. В то же время в арсенале адаптивного физического воспитания имеется большое количество средств, обеспечивающих освоение двигательных умений и развитие координационных способностей, но этот материал не систематизирован, публикации по развитию отдельных компонентов праксиса у детей с ОВЗ как системы развития целенаправленных движений ограничены. На наш взгляд, нейропсихологическая диагностика, позволяющая конкретизировать проблемы ребёнка, может использоваться в сфере адаптивного

физического воспитания как для повышения эффективности обучения двигательным действиям, так и в коррекции диспраксий. Отсюда **цель нашего исследования** – оценка уровня развития пространственного праксиса и коррекция его нарушений у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом по результатам нейропсихологической диагностики.

Методы и организация исследований. Исследование проводилось на базе МБОУ «Центр образования № 44» г. Череповца. В нём приняло участие девять мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом. В работе реализован традиционный дизайн исследования, включавший констатирующий, формирующий и контрольный эксперименты. На первом этапе осуществлен сбор сведений об экспериментальной группе школьников, проведена выкопировка диагнозов из медицинских карт детей с косоглазием и астигматизмом, осуществлен подбор и проведение диагностических методик, направленных на выявление особенностей развития компонентов пространственного праксиса. Сходящееся косоглазие было выявлено у одного школьника восьми лет. У восьми мальчиков нарушения зрения носили сочетанный характер. У мальчика семи лет выявлены астигматизм, миопия средней степени, амблиопия, у семи школьников сходящееся косоглазие сочеталось с астигматизмом и амблиопией.

Для оценки двигательной сферы и нарушений в развитии праксиса использовалась нейропсихологическая методика обследования детей А.В. Семенович [13] и Л.С. Цветковой [14]. Для оценки особенностей пространственного праксиса при реализации произвольных целенаправленных движений дети выполняли диагностические задания «Ходьба по прямой линии, противоходом, по диагонали». В качестве критериев оценки качества движений выступали такие их характеристики, как прямолинейность, целенаправленность и координация. Исследование уровня реципрокной координации рук, межполушарного взаимодействия в двигательной сфере, кинетического и регулятивного компонентов праксиса приводилось на основе методики «Реципрокная координация рук».

Для оценки качества выполнения двигательной программы деятельности, нарушений кинетического компонента пространственного праксиса мальчики выполняли задания «Кулак–ребро–ладонь» и графическую пробу «Заборчик». Характер ориентировки в схеме тела и особенности обработки зрительно-пространственной информации исследовались с помощью пробы Хэда. Развитие восприятия, пространственных представлений, координации глаз–рука при сканировании большого перцептивного поля оценивались по пробам Рея–Тейлора с учетом особенностей латерализации детей [13]. Гештальт-тест Л. Бендер использовался для оценки качества зрительно-моторной координации. Пространственные представления оценивались по результатам выполнения теста Денманна. Фиксировали тип стратегии копирования фигур: наличие центра, симметрии, прямых линий,

расположение на листе, соответствие размеров рисунка образцу. Характер динамики оценивали в 3-балльной шкале, учитывая направленность изменений (отрицательная или положительная динамика, соответственно, –1 или 1 балл).

При выполнении заданий обращали внимание на качество функций планирования и контроля, динамической и кинестетической организации движений, качество зрительно-пространственного праксиса и гнозиса. Проводилась качественная и количественная оценка результатов проб. Соответствие возрастной норме взяли за средний уровень, выше нормы – высокий уровень, ниже нормы – низкий уровень. Оценка характера развития высших психических функций не входила в задачу данного исследования

Формирующий этап исследования проходил в первой половине дня на уроках физической культуры, во второй половине дня – на коррекционных занятиях. Уроки проходили в спортивном зале или на спортивной площадке, расположенной на территории образовательного учреждения, коррекционные занятия – в кабинете музыкальной ритмики. Кратность занятий с применением средств адаптивной физической культуры – 2-3 раза в неделю. Уроки физической культуры и занятия адаптивной физической культурой во второй половине дня, сбор первичного материала в МБОУ «Центр образования № 44» г. Череповца проводила учитель физической культуры Н.В. Костенкова.

Результаты в связанных выборках фиксировались в номинальной шкале измерений, поэтому использовался непараметрический G-критерий знаков. Расчет его значений проводили с помощью пакета статистический программ Statistica 6.0. Оценку статистических гипотез проводили, исходя из положения: при $n = 9$ преобладание положительного сдвига не является случайным на уровне $p \leq 0,01$ при отсутствии нетипичных сдвигов и на уровне $p \leq 0,05$ – при одном не типичном сдвиге.

Ход и результаты исследования. Количественные результаты констатирующего эксперимента приведены в табл. 1–3. Мальчики с косоглазием и астигматизмом имеют низкий и ниже среднего уровень сформированности пространственного праксиса. Результаты оценки качества зрительно-пространственных представлений на этапе констатирующего эксперимента приведены в табл. 3. Установлено, что у детей нарушено восприятие зрительных образов, существуют проблемы центра и симметрии, выявлен фрагментарно-хаотический тип стратегии копирования, есть нарушения в схеме тела, зрительно-моторной координации, пространственных представлениях.

Своеобразие авторского подхода состояло в разработке комплекса упражнений для обогащения зрительно-пространственных представлений и зрительно-двигательных взаимосвязей, формирования умений ориентироваться в схеме собственного тела, коррекции моторных персевераций и нарушений выполнения последовательности движений, развития межполушарного взаимодействия.

Таблица 1

Динамика ориентировки в схеме тела и выполнения графической пробы «Заборчик» мальчиками на этапе контрольного (А) и констатирующего (Б) эксперимента

Обследуемый	Количество ошибок						Результаты графической пробы	
	в речевых пробах		в наглядных пробах		всего		А	Б
	А	Б	А	Б	А	Б		
М. 1	2	0	2	2	4	2	2	3
М. 2	3	0	4	1	7	1	2	3
М. 3	1	0	3	0	4	0	1	2
М. 4	3	1	3	1	6	2	3	4
М. 5	2	0	3	0	5	0	3	3
М. 6	2	0	4	1	6	1	3	4
М. 7	1	1	2	0	3	1	2	3
М. 8	1	0	2	0	3	0	3	3
М. 9	1	0	1	1	2	1	2	3
Медиана	2	0	3	1	4	1	2	3
Z*	2,475		2,268		2,667		2,268	
p**	0,013		0,023		0,008		0,023	

Примечание. Здесь и в табл. 2. М. – мальчик; * значение биномиального распределения; ** уровень статистической значимости.

Таблица 2

Сравнительная оценка успешности выполнения пробы «Кулак–ребро–ладонь» на этапе контрольного (А) и констатирующего (Б) эксперимента

Обследуемый	Наличие перевертываний		Трудности переключения элементов		Нарушения плавности движений		Замедленность выполнения		Ошибки в последовательности	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
М. 1	+	+	+	+	–	–	+	–	+	+
М. 2	+	+	+	+	+	+	+	–	+	+
М. 3	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–
М. 4	–	–	+	–	–	–	–	+	–	–
М. 5	+	–	+	+	–	–	+	–	+	–
М. 6	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
М. 7	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–
М. 8	+	–	+	–	+	–	–	–	–	–
М. 9	+	–	+	+	+	–	+	–	+	+

Таблица 3

Результаты оценки качества зрительно-пространственных представлений мальчиков (М)

М № п/п	Результаты копирования фигур		ХД*
	Констатирующий эксперимент	Контрольный эксперимент	
1	Фигуры на листе расположены симметрично, везде есть центр, линии прямые. Присутствует уменьшение размеров фигур	Фигуры расположены симметрично, линии местами волнообразны. Размеры фигур соответствуют образцу	2
2	Нарушение восприятия, фрагментарно-хаотический тип стратегии копирования, отсутствие центра и симметрии, отрыв руки	Почти все фигуры изображены симметрично, есть центр, линии прямые. Три фигуры уменьшены в размерах	3
3	Структурно-топологические и метрические ошибки	Незначительные отклонения от центра. Сохраняются ошибки	1
4	Нарушение восприятия, фрагментарно-хаотический тип стратегии копирования, отрыв руки, линии волнистые и ломаные	Все фигуры, кроме двух, имеют симметрию. Линии прямые. Фигуры расположены не на весь лист	3
5	Скопированные фигуры имеют симметрию. Линии прямые. Три фигуры из девяти со смещением центра	Во всех фигурах выражен центр. Копирование близко к образцу	2
6	Увеличение размеров части фигур, одна фигура скопирована с нарушением пропорций	Наличие центра и симметрии в большинстве фигур. Присутствуют волнообразные линии	1
7	Нарушение восприятия, смещение от центра	Наличие центра и симметрии всех фигур	2
8	Наличие центра и симметрии, линии прямые, фигуры равномерно расположены на листе. Имеются незначительные метрические ошибки	Уменьшение размеров фигур. Смещение центра в двух фигурах. Топологические ошибки	–1
9	Наличие симметрии. Увеличение фигур, отрыв руки при копировании прямых линий	Наличие симметрии. Линии прямые, отрыва руки нет. Уменьшение фигур	1

Примечание. ХД – характер динамики, баллы.

Нами предпринята попытка комплексно учесть особенности возрастного развития, нозологии и требования по формированию компонентов пространственного праксиса.

У старших дошкольников при соответствующей стимуляции через специально подобранные движения закрепляются основные межполушарные асимметрии,

а на протяжении младшего школьного возраста улучшается качество каллозальных связей мозолистого тела, поэтому школьники выполняли кинезиологические упражнения, направленные на преодоление недостаточности межполушарного взаимодействия и обеспечивающие устранение трудностей в определении центра и переходе через среднюю линию тела.

Ограничение начальных движений глаз, их рассогласование с работой требуемых мышечных групп, изменяет стереотипную последовательность движений в пространстве, поэтому для совершенствования вклада зрения и движений глаз в координацию всего тела использовались глазодвигательные упражнения. В разработанный комплекс упражнений по коррекции нарушений и обогащению двигательной сферы детей были включены: строевые и общеразвивающие упражнения, сложнокоординационные упражнения, упражнения в парах и микрогруппах с предметами и без предметов, упражнения на пальцевой праксис. Было увеличено время выполнения строевых команд для оптимизации межполушарного взаимодействия и ориентировки в макропространстве. Мальчики регулярно выполняли одно-два задания по развитию целенаправленности и прямолинейности движения. Комплексы общеразвивающих упражнений на месте с целью формирования адекватного образа тела в пространстве, закрепления ориентировки в схеме собственного тела и ребенка, находящегося напротив, мальчики выполняли с мелким спортивным инвентарем – теннисными и массажными мячами, мешочками, кубиками. Показ учителя осуществлялся не зеркально. Дозировка упражнений составляла 8–10 раз. Работа по развитию ориентировки в схеме тела, развитию зрительного восприятия и пространственного мышления велась и на коррекционных занятиях адаптивной физической культуры. Для освоения схемы тела школьники выполняли комплексы общеразвивающих упражнений на месте и в движении.

Интересным для детей и достаточно эффективным стал комплекс двигательных действий «Алфавит телодвижений», разработанный С.И. Веневцевым [15]. Дети выполняли упражнения в парах и микрогруппах (по 3–4 человека). Подбор упражнений обеспечивал закрепление лево-правосторонней ориентации, исправление реактивной зеркальности движений. При выполнении глазодвигательных упражнений акцентировали внимание детей на ориентировке в пространстве, формировали образные представления «влево», «вправо», «вверх», «вниз». Использовался словесный метод, дети проговаривались свои действия вслух.

Для коррекции недостаточности межполушарного взаимодействия, трудностей в определении центра и переходе через среднюю линию тела одно-два кинезиологических упражнения использовались во вводной или заключительной части занятия: «Колечко», «Лягушка», «Ухо–нос», «Лезгинка», «Перекрестные шаги». Дети выполняли их в различных вариантах: по показу, по словесной инструкции, в разном темпе, при участии зрительного контроля и без него. Были использованы элементы телесно-ориентированной практики разной координационной сложности, обоснованной в «Системе целостного движения» Н.Г. Андреевой, в части, доступной для детей младшего школьного возраста [16].

Во вводной или заключительной частях коррекционно-развивающих занятий использовались пальчиковые упражнения без предметов, с маленькими каучуковыми мячами, обеспечивая закрепление ори-

ентировки в понятиях «право», «лево», «верх», «низ» и т.д.

Трудности при реализации авторской методики и пути их преодоления. Сначала у детей вызвало трудность выполнить упражнения в тройках ритмично и синхронно, так как тип нервной системы у всех обучающихся разный. Были использованы возможности сохранной слуховой сенсорной системы. Мальчики выполняли упражнения под счёт, хлопки, музыку различного темпа, с открытыми и закрытыми глазами. На первых занятиях отмечены ошибки при выполнении многосуставных движений руками и их вращением в противофазе из-за асимметричности и несогласованности движений конечностей, из-за недостаточных зрительно-двигательных взаимосвязей отмечались нарушения в кинематических характеристиках движений. Для преодоления этих трудностей осуществлялось поэлементное выполнение движений. Для закрепления умений ориентировки в пространстве использовались глазодвигательные упражнения, но некоторым мальчикам требовалась индивидуальная помощь. Осуществлялось активное использование речи как средства компенсации нарушенных функций. При выполнении двигательных заданий трудности были связаны с переводом регуляции выполняемого действия по внешним сигналам во внутреннюю речь.

На этапе контрольного эксперимента установлено, что у 89% (8/9) испытуемых произошла достоверная положительная динамика в развитии компонентов пространственного праксиса по речевым и наглядным пробам (см. табл. 1).

89% (8/9) испытуемых усвоили заданную структуру двигательной программы деятельности, у одного школьника присутствует незначительное изменение размера элементов при выполнении графической пробы (см. табл. 2). Можно отметить, что у мальчиков по результатам диагностического теста «Заборчик» на этапе контрольного эксперимента зафиксированы средний и высокий темп двигательной активности, снижение количества ошибок. Преобладание типичного направления сдвига не является случайным.

У мальчиков сократилось количество персевераций, уменьшилось количество нарушений заданной последовательности движений, ускорился темп выполнения, но у 67% (6/9) испытуемых сохраняются трудности переключения элементов движений (см. табл. 2).

Наличие нетипичных сдвигов не позволяет говорить о статистической достоверности различий, поэтому можно отметить лишь тенденцию к улучшению компонентов пространственного праксиса. Тем не менее различия в характере выполнения заданий заметны учителю. Сократилось количество ошибок при выполнении мальчиками одноручных и двуручных поз, при этом больше половины (5 мальчиков) выполнили задание лишь с одной ошибкой. Зафиксировано улучшение темпа выполнения движений.

Если в начале эксперимента мальчики долго думали, прежде чем выполнить задание, то на стадии контрольного эксперимента свободно показывали правую и левую руку, без затруднений осуществляли переход через среднюю линию тела.

Отчетливо видна положительная динамика в обогащении зрительно-пространственных представлений (см. табл. 3). Характер динамики был оценен как разность в результатах выполнения пробы на констатирующем и контрольном этапах исследования. Только у обследуемого М 8 зафиксирована отрицательная динамика, что связано с ошибками в последовательности движений и замедленности в выполнении двигательных действий. Если на начальном этапе уровень развития зрительно-моторной координации был ниже нормы у 6 школьников, то после занятий низкий уровень зафиксирован лишь у одного мальчика. Выросло количество детей с уровнем выше среднего.

Обсуждение результатов исследования. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту результатом обучения должно быть не только формирование навыков ориентировки в микропространстве, но и совершенствование умений в ориентировке в макропространстве. Традиционный подход в развитии двигательной сферы связан преимущественно с учетом объема работающих мышц и их анатомии (мелкая и общая моторика, упражнения для рук, туловища и ног), а также по нозологическому признаку или лечебному эффекту. Хорошо структурированный и подробно описанный комплекс занятий по становлению базовых сенсомоторных взаимодействий разработала М.В. Евлампиева с соавт. [11], но упражнения подобраны без соотнесения с нозологией и уточнения их влияния на отдельные компоненты праксиса. В этой связи важным представляется исследование, выполненное А.В. Катасоновой и Н.А. Кравцовой [3]. Авторы выявили отставание от нормативного развития подкорковых образований, которые участвуют в регуляции процессов активации у часто болеющих детей младшего школьного возраста. Было установлено, что у детей имелись трудности переключения с одного элемента на другой, замедленность выполнения действия, упрощение программы задания, импульсивность, что проявлялось в пробах на динамический праксис. Следовательно, необходима специальная работа по устранению таких нарушений.

Уникальность авторской разработки состояла в выявлении слабых сторон и западающих функций у мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом благодаря использованию нейропсихологической диагностики и учёту особенностей функционирования структур мозга. Так, развитие пространственных представлений имеет несколько этапов, и на первом этапе отрабатывается умение ребенка ориентироваться в схеме собственного тела. Причем ему необходимо не только знать правую и левую сторону, но и уметь двигаться в заданном направлении. Формирование внутренней модели конечности у детей 6-7 лет не завершено, во время выполнения проб они в большей степени, чем взрослые, зависят от проприорецептивных и зрительных обратных связей [17]. В этой ситуации конфликт проприорецепции и зрительной информации приводит к более существенному ухудшению качества выполнения задачи. Предупредить возникновение таких проблем особенно важно при физическом воспитании детей с нарушениями

зрения. Глазодвигательный контроль связан с шаговым поведением [18], поэтому на этапе формирующего эксперимента детям предлагали выполнять глазодвигательные упражнения, которые не только укрепляют мышцы глаз, но и позволяют закрепить представления о направлении движений, сформировать адекватный сенсорный поток от работающих мышц. Отобранный комплекс упражнений позволил обеспечить положительную динамику в обогащении зрительно-пространственных представлений.

Правильное выполнение двигательных заданий в пространственном поле свидетельствует о совместном формировании у детей чувства осязания и чувства глубины, что необходимо для коррекции амблиопии, сочетанной с косоглазием [19]. Важно подчеркнуть, что при формировании и реализации модели потребного будущего, по Н.А. Бернштейну, у ребенка должна быть сформирована адекватная схема тела, которая формируется как синтетическое представление о своем теле, его размерах, границах с внешним миром. Образ тела, в свою очередь, хотя и включает психофизиологические компоненты (схема тела, поза, способности тела к движениям), предполагает оценку своего физического Я.

Грубые проблемы координации движений, по-видимому, являются общими для детей с нарушениями праксиса, выявляемыми с помощью нейропсихологических методик. Согласно данным литературы, для полноценного вывода об уровне развития структур центральной нервной системы ребенка без использования инструментальных методов требуется многочасовая работа психолога высокой квалификации. Но использование апробированных методик в скрининг-диагностике дает достаточно информации для разработки индивидуального маршрута в сфере адаптивного физического воспитания.

В литературе имеются рекомендации о необходимости оценки эффективности различных элементов образовательных мероприятий для коррекции нарушений у детей [20]. Сформировать адекватный сенсорный поток от работающих мышц особенно необходимо для детей с ОВЗ. Специальная работа по выработке сенсорных коррекций в процессе совершенствования движений верхнего плечевого пояса у детей может осуществляться благодаря тейпированию [21]. Но несмотря на свою эффективность, такой подход требует расходов на приобретение тейпов. Сравнивая данные по наличному уровню развития способности к пространственной организации и зрительно-моторной координации до и после проведенной работы по развитию пространственного праксиса и межполушарного взаимодействия, можно отметить целесообразность использования выбранных средств адаптивного физического воспитания.

Заключение. Во многих исследованиях у слабовидящих детей выявлены нарушения координации, точности и объема движений, нарушения согласованных движений звеньев тела, трудности формирования двигательных навыков. Полученные нами эмпирические данные свидетельствуют о наличии у

мальчиков семи-восьми лет с косоглазием и астигматизмом нарушений в развитии компонентов пространственного праксиса. Доказано, что авторская система физических упражнений, реализуемая в процессе адаптивного физического воспитания, обеспечивает развитие западающих компонентов пространственного праксиса у мальчиков с косоглазием и астигматизмом. В ходе педагогического эксперимента у мальчиков произошли положительные изменения в развитии ориентировки в схеме тела, зрительно-моторной координации, пространственных представлений.

Нельзя не согласиться, что потребности и возможности лиц с ОВЗ являются главными критериями оценки усилий общества, учителей и тренеров в социализации детей с особыми образовательными потребностями [22].

По разным причинам в настоящее время снижается самостоятельная двигательная активность детей. В то же время пластичность детского мозга и возможность компенсаторного развития при создании соответствующих условий позволяет исправлять вторичные нарушения в двигательной сфере и предупреждать развитие третичных нарушений благодаря системе специально подобранных физических упражнений. Результаты исследования подтверждают необходимость стимулирующего влияния слож-

ных целенаправленных движений на формирующиеся двигательные центры головного мозга. Помощь ребенку будет более действенной, когда проблемы развития будут уточнены по результатам нейропсихологической диагностики. Причем специалисты по адаптивной физической культуре могут не делать выводы об особенностях развития высших психических функций. Конечно, более перспективным представляется дружественная работа с психологами и тифлопедагогами, но такие возможности представляются не всегда.

По нашему мнению, результаты данного исследования показывают возможность и необходимость развития разных компонентов праксиса, опираясь на исследования в возрастной психологии и физиологии. Нейропсихологические проблемы совершенствования целенаправленных движений активно обсуждаются в англоязычной литературе на протяжении последних десятилетий. Перспективным представляется сопоставление зарубежных подходов и результатов отечественных исследователей, опирающихся на работы А.Р. Лурия. Дискуссионным положением представляется утверждение о необходимости целенаправленно развивать элементы пространственного праксиса на уроках физической культуры и занятиях адаптивной физической культурой во второй половине дня при очевидной ограниченности временных ресурсов.

Список источников

1. Евсеев С.П., Евсеева О.Э. Адаптивная физическая культура: сущность, история и современное состояние // Адаптивная физическая культура. 2016. № 10. С. 20–23.
2. Соболева А.Е., Потанина А.Ю. Специфические особенности зависимости успеваемости по основным школьным дисциплинам от состояния ВПФ у детей // Психологическая наука и образование. 2004. № 2. С. 76–81.
3. Катасонова А.В., Кравцова Н.А. Особенности развития высших психических функций у часто болеющих детей младшего школьного возраста // Сибирский психологический журнал. 2005. № 22. С. 25–28.
4. Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение Лурияевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 2. С. 84–95.
5. Шайтор В.М., Емельянов В.Д. Диспраксия у детей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2017. 108 с.
6. Цехмистренко Т.А. Нейроморфологические основы произвольной регуляции движений у детей и подростков // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире: материалы XXVI Международной научно-практической конференции по проблемам физического воспитания учащихся. 2016. С. 131–136.
7. Цехмистренко Т.А., Обухов Д.К., Васильева В.А., Мазлов А.Б., Шумейко Н.С. Структурные возрастные преобразования нейронных группировок коры большого мозга и мозжечка у детей // Журнал анатомии и гистопатологии. 2019. Т. 8, № 4. С. 42–48.
8. Садовская Ю.Е., Ковязина М.С., Троицкая Н.Б., Блохин Б.М. Проблема постановки диагноза «диспраксия развития» в детском возрасте // Лечебное дело. 2011. № 2. С. 79–86.
9. Макарова О.Н., Горячева Т.Г. Влияние уровня развития сенсомоторной сферы младших школьников на уровень сформированности пространственных представлений // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 12-1. С. 65–68.
10. Пылаева Н.М., Ахутина Т.В. Нейропсихология и школа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 2. С. 116–122.
11. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учеб. пособие. М.: Генезис, 2007. 474 с.
12. Садовская Ю.Е. Дисфункция сенсорной интеграции у детей с синдромом Вильямса-Берена // Психическое здоровье. 2010. Т. 8, № 4 (47). С. 28–34.
13. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Академия, 2002. 232с.
14. Цветкова Л.С. Методика нейропсихологической диагностики детей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российское педагогическое агентство, Когито-центр, 1998. 128 с.
15. Лусс Т.В., Меньков А.Б. Дополнительные упражнения к «алфавиту телодвижений» А.А. Дмитриева и С.И. Веневцева // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2019. № 1. С. 31–32.
16. Андреева Н.Г. Энергия преобразования: изменяем жизнь, совершенствуя тело. СПб.: Невский проспект, 2001. 69 с.
17. Киреева Т.Б., Левик Ю.С., Холмогорова Н.В. Взаимодействие зрительной и проприоцептивной информации в восприятии положения руки // Российский журнал биомеханики. 2005. Т. 9, № 2. С. 74–83.
18. Robins R.K., Hollands M.A. The effects of constraining vision and eye movements on whole-body coordination during standing turns // Experimental Brain Research. 2017. № 235(12). P. 3593–3603. doi: 10.1007/s00221-017-5079-0
19. Bangert A. Treatment of amblyopia: Part 3 Apparatus, exercise equipment and games (continued) // Strabismus. 2018. № 26 (2). P. 106–109. doi: 10.1080/09273972.2018.1463676
20. Dean S.E., Povey R.C., Reeves J. Assessing interventions to increase compliance to patching treatment in children with amblyopia: a systematic review and meta-analysis // British Journal of Ophthalmology. 2016. № 100 (2). P. 159–165. doi: 10.1136/bjophthalmol-2015-307340

21. Воробьев В.Ф., Иванов А.В. Коррекция вторичных нарушений у детей с дефектами стоп в условиях кинезиологического тейпирования // Человек. Спорт. Медицина. 2019. Т. 19, № 2. С. 110–116.
22. Румянцева Е.Е. Образование лиц с ОВЗ: помощь или дискриминационный отказ // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 220–230. doi: 10.17223/15617793/441/29

References

1. Evseev, S.P. & Evseeva, O.E. (2016) Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura: sushchnost', istoriya i sovremennoe sostoyanie [Adaptive Physical Education: Mission, History and Modern Situation]. *Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura*. 10. pp. 20–23.
2. Soboleva, A.E. & Potanina, A.Yu. (2004) Spetsificheskie osobennosti zavisimosti uspevaemosti po osnovnym shkol'nym distsiplinam ot sostoyaniya VPF u detey [Specific Features of the Dependence of Progress in the Main School Subjects on the Higher Mental Functions State in Children] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 2. pp. 76–81.
3. Katasonova, A.V. & Kravtsova, N.A. (2005) Osobennosti razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy u chasto boleyushchikh detey mladshogo shkol'nogo vozrasta [Features of the Development of Higher Mental Functions in Frequently ill Children of Primary School Age]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 22. pp. 25–28.
4. Akhutina, T.V., Matveeva, E.Yu. & Romanova, A.A. (2012) Primenenie Lurievskogo printsipa sindromnogo analiza v obrabotke dannykh neyropsikhologicheskogo obsledovaniya detey s otkloneniymi v razviti [Application of the Luria principle of syndrome analysis in the processing of neuropsychological examination data for children with developmental disabilities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2. pp. 84–95.
5. Shaytor, V.M. & Emel'yanov, V.D. (2017) *Dispraksiya u detey* [Dyspraxia in Children]. Moscow: GEOTAR-Media.
6. Tsekhmistrenko, T.A. (2016) [Neuromorphological Bases of Arbitrary Regulation of Movements in Children and Adolescents]. *Chelovek, zdorov'e, fizicheskaya kul'tura i sport v izmenyayushchemysya mire* [Man, health, physical culture and sport in a changing world]. Proceedings of the XXVI International Conference on the Problems of Physical Education of Students. S.I.: [s.n.]. pp. 131–136. (In Russian).
7. Tsekhmistrenko, T.A. et al. (2019) Strukturnye vozrastnye preobrazovaniya neyronnykh gruppirovok kory bol'shogo mozga i mozzhechka u detey [Structural Age-Related Transformations of Neural Groupings of the Cerebral Cortex and Cerebellum in Children]. *Zhurnal anatomii i gistopatologii*. 8 (4). pp. 42–48.
8. Sadovskaya, Yu.E. et al. (2011) Problema postanovki diagnoza "dispraksiya razvitiya" v detskom vozraste [Problems of Diagnosing of Developmental Dyspraxia in Childhood]. *Lechebnoe delo*. 2. pp. 79–86.
9. Makarova, O.N. & Goryacheva, T.G. (2010) Vliyaniye urovnya razvitiya sensomotornoy sfery mladshikh shkol'nikov na uroven' sformirovannosti prostranstvennykh predstavleniy [Influence of the development of younger schoolchildren's sensorimotor sphere on the formation of spatial representations]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*. 12-1. pp. 65–68.
10. Pylaeva, N.M. & Akhutina, T.V. (2012) Neyropsikhologiya i shkola [Neuropsychology and School]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 2. pp. 116–122.
11. Semenovich, A.V. (2007) *Neyropsikhologicheskaya korrektsiya v detskom vozraste. Metod zameshchayushchego ontogeneza: ucheb. posobie* [Neuropsychological Correction in Childhood. Method of Substitution Ontogenesis: Textbook]. Moscow: Genezis.
12. Sadovskaya, Yu.E. (2010) Disfunktsiya sensornoy integratsii u detey s sindromom Vil'yamsa-Berena [Sensory Integration Dysfunction in Children with Williams-Beuren Syndrome]. *Psikhicheskoe zdorov'e*. 8:4(47). pp. 28–34.
13. Semenovich, A.V. (2002) *Neyropsikhologicheskaya diagnostika i korrektsiya v detskom vozraste* [Neuropsychological diagnostics and correction in childhood]. Moscow: Akademiya.
14. Tsvetkova, L.S. (1998) *Metodika neyropsikhologicheskoy diagnostiki detey* [Methods of neuropsychological diagnostics of children]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskoe pedagogicheskoe agentstvo, Kogito-tsentr.
15. Luss, T.V. & Men'kov, A.B. (2019) Dopolnitel'nye uprazhneniya k "alfavitu telodvizheniy" A.A. Dmitrieva i S.I. Venevtseva [Additional Exercises to the Alphabet of Bodily Movements Created by A.A. Dmitriev and S.I. Venevtsev]. *Vospitanie i obuchenie detey s narusheniyami razvitiya*. 1. pp. 31–32.
16. Andreeva, N.G. (2001) *Energiya preobrazheniya: izmenyaem zhizn', sovershenstvuya telo* [Energy of Transformation: Changing Life, Improving the Body]. Saint Petersburg: Nevskiy prospekt.
17. Kireeva, T.B., Levik, Yu.S. & Kholmogorova, N.V. (2005) Vzaimodeystvie zritel'noy i propriotseptivnoy informatsii v vospriyatii polozheniya ruki [Interaction of Visual and Proprioceptive Information in the Perception of Hand Position]. *Rossiyskiy zhurnal biomekhaniki*. 9 (2). pp. 74–83.
18. Robins, R.K. & Hollands, M.A. (2017) The effects of constraining vision and eye movements on whole-body coordination during standing turns. *Experimental Brain Research*. 235(12). pp. 3593–3603. DOI: 10.1007/s00221-017-5079-0
19. Bangerter, A. (2018) Treatment of amblyopia: Part 3 Apparatus, exercise equipment and games (continued). *Strabismus*. 26 (2). pp. 106–109. DOI: 10.1080/09273972.2018.1463676
20. Dean, S.E., Povey, R.C. & Reeves, J. (2016) Assessing interventions to increase compliance to patching treatment in children with amblyopia: a systematic review and meta-analysis. *British Journal of Ophthalmology*. 100 (2). pp. 159–165. DOI: 10.1136/bjophthalmol-2015-307340
21. Vorob'ev, V.F. & Ivanov, A.V. (2019) Korrektsiya vtorichnykh narusheniy u detey s defektami stop v usloviyakh kineziologicheskogo teypirovaniya [Correction of Secondary Disturbances in Children with Foot Defects Through Kinesio Taping]. *Chelovek. Sport. Meditsina*. 19 (2). pp. 110–116.
22. Rumiantsseva, E.E. (2019) Education of persons with special health needs: assistance or a discriminatory refusal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 220–230. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/29

Информация об авторе:

Воробьев В.Ф. – канд биол. наук, доцент кафедры теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия). E-mail: vovofo@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.F. Vorobjov, Cand. Sci. (Biology), associate professor, Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: vovofo@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.03.2020;
одобрена после рецензирования 02.04.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 05.03.2020;
approved after reviewing 02.04.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья
УДК 378.013
doi: 10.17223/15617793/481/22

К вопросу о формировании профессиональных универсалий в деятельности педагога

Анатолий Дмитриевич Копытов¹, Тамара Борисовна Черепанова²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *kopytovad@tspu.edu.ru*

² *tb100@yandex.ru*

Аннотация. Актуализирована проблема формирования профессиональных универсалий в деятельности педагога в контексте изменяющихся требований к системе образования. Проанализирован термин «универсалии» применительно к педагогической деятельности, представлены данные опроса о готовности к осуществлению дистанционного и онлайн-обучения педагогами. Описаны концептуальные требования к современной системе образования, формирующие запрос на изменения в профессиограмме педагога.

Ключевые слова: профессиограмма педагога, профессиональные универсалии в деятельности педагога, дистанционное обучение, онлайн-обучение

Для цитирования: Копытов А.Д., Черепанова Т.Б. К вопросу о формировании профессиональных универсалий в деятельности педагога // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 199–205. doi: 10.17223/15617793/481/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/22

On the formation of professional universals in the teacher's activities

Anatoly D. Kopytov¹, Tamara B. Cherepanova²

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *kopytovad@tspu.edu.ru*

² *tb100@yandex.ru*

Abstract. The study is actualized by the problem of the formation of professional universals in the teacher's activities in the context of the changing requirements for the education system. Based on the statement that pedagogical activities belongs to one of the most formed types of activities in the history of professionography, the authors argue that pedagogical activities are most susceptible to changes due to an organic internal connection with the social development of society. Professional teachers, according to the authors, are not only specialists in specific subject areas, but persons guided in their professional activity by stable social and professional positions concretized at constructive, organizational and communicative levels, persons in a constant mode of development and self-improvement. The main focus of the research is on the term “professional universals in the teacher's activities,” which goes back to ancient philosophy and allows outlining the totality and specificity of professional pedagogical activities in their entirety (including psychological, pedagogical, subject-area, and personal components), thus expanding the boundaries of the professionogram as a regulatory document. The research examines the positions of M.N. Florovskaya, B.F. Kevbrin and F.A. Aizatov, as well as other scientists and methodologists, actualizing changes in the teacher's professionogram. Changes in the teacher's professionogram in digital and communicative competencies, in the designing of educational space in subject areas using various remote technologies are described experimentally. Researchers' ideas about professional universals in pedagogical activities are supported by empirical observations and surveys conducted among teachers. The results of the study prove that professional universals in the teacher's activities are essential; they allow for a mobile and optimal response to the conceptual requirements imposed on the modern education system. This aspect in relation to the evaluation of the teacher's activities can be clarified and specified (at different levels of education – primary, secondary, professional pedagogical; in different subject areas, etc.).

Keywords: professionogram of teacher, professional universals in teacher's activities, distance learning, online learning

For citation: Kopytov, A.D. & Cherepanova, T.B. (2022) On the formation of professional universals in the teacher's activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 199–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/22

Введение

Педагогическая деятельность относится к одним из наиболее сформированных в истории профессиональной деятельности видов деятельности. Вместе с тем именно педагогическая деятельность наиболее подвержена изменениям в силу органичной внутренней связи с социальным развитием общества.

В научной и методической литературе проблемы формирования педагога-профессионала рассмотрены достаточно широко, сформулированы рамки профессиональной деятельности педагога, но вопросов от этого меньше не становится. По-прежнему актуальным, стоящим перед каждым профессионалом и управленцем, остается вопрос об определении его границ, о развивающемся характере его профессиональной деятельности, о реализуемых им педагогических функциях. Сегодня достаточно популярным стало утверждение, что профессиональный педагог – это не только специалист в конкретной предметной области, а личность, придерживающаяся в своей профессиональной деятельности устойчивой социальной и профессиональной позиции; конкретизированная на конструктивном, организаторском и коммуникативном уровнях; находящаяся в постоянном режиме развития и самосовершенствования [1–7].

Методы исследования

В исследовании была использована совокупность методов, взаимодополняющих и взаимопроверяющих друг друга. Так, анализ нормативно-правовых источников, регламентирующих образовательный процесс, а также психолого-педагогической и методической литературы и образовательной практики позволил выявить существенные характеристики современного процесса образования; диагностические методы (анкетирование, беседы, опросы) способствовали формированию и коррекции методов обучения; прогностические методы (моделирование и проектирование, экспертная оценка) обеспечили корректную разработку и апробацию новых форм профессиональной деятельности педагога.

Результаты и обсуждение

В терминологическом поле, ориентированном на рассмотрение проблемы профессиональной компетентности педагога, активно проявляется относительно новый для педагогической науки термин «универсалии», восходящий своими корнями к античной философии и позволяющий очертить всю совокупность и специфичность профессиональной педагогической деятельности в целостном виде, включая и психолого-педагогический, и собственно предметный, и личностный компоненты, расширяя в том числе границы профессиональной деятельности как регламентного документа.

Итак, опираясь на философское понимание термина «универсалии», а именно на то, что универсалии не являются локальным элементом, а рассматриваются как совокупный меняющийся элемент, находящийся в

зависимости и во взаимосвязи с актуальными социальными требованиями и влияющий при этом опосредованно и непосредственно на все базовые компоненты, под профессиональными универсалиями педагога понимается развивающееся свойство личности и профессиональной цельности педагога, условно членяемое на гносеологический, аксеологический, коммуникативный и другие компоненты, формируя универсалию педагогической культуры.

Так, М.Н. Флоровская рассматривает универсалии педагогической культуры как совокупность научно-педагогической картины мира, педагогического мировоззрения, Я-концепции педагога и профессиональный мир педагога, обнаруживающих глубинную связь [8. С. 3–5].

Мы солидарны с позицией Б.Ф. Кевбрина и Ф.А. Айзятова, что «для успешной жизнедеятельности в современном информационном (глобальном сетевом) обществе необходимо не только получить образование, способствующее формированию гармоничной личности, но и учиться в течение всей жизни, оценивая при этом результативность и качество системы образования, чтобы это не стало пустой тратой времени» [9. С. 16].

Обратим в данном контексте внимание на такие процессы, как диверсификация и индивидуализация обучения, внедрение в процесс обучения практики опережающего и непрерывного образования, учет цикличности и многоступенчатости, фундаментализации и др. Например, проблеме фундаментализации в профессиональной деятельности педагога посвящены труды В.Л. Матросова, М.Н. Берулавы, И.О. Петрищева и др. [10–14], вопросы опережающего и непрерывного образования исследовали Н.Л. Соколова и Т.Ю. Цибизова, А.И. Сатдыков, Н.В. Савиной и др. [15–18].

Названные и иные процессы, включенные в образовательную практику, предъявляют свои требования к формированию как собственно предметного наполнения, так и к развитию у педагога новых навыков и умений в профессиональной сфере, а включение их в круг существенных вопросов поддерживается совокупностью концептуальных требований к современной системе образования. Назовем основные из них. Во-первых, это система нормативных и социальных регламентов, содержащих государственные, региональные требования к образованию в сфере организации и достижения заявленных стандартов качества образования. Данное требование включает в себя систему целей и задач конкретной образовательной практики, в том числе в области учета и поддержания традиций конкретного учреждения образования. Во-вторых, это квалиметрические требования, позволяющие наиболее корректно и сопоставимо измерить качество образования, определить адекватные обобщенные индикаторы достижимости. В-третьих, требования собственно организации образовательного процесса, включая уровень владения педагогом технологиями, методами и формами образовательной деятельности с учетом конкретной предметной области, а также уровень владения общепедагогическими механизмами –

навыками осуществления диагностических и мониторинговых процедур, позволяющих в режиме реального времени корректировать процесс обучения и воспитания.

В структуре педагогического образования мировоззренческие и ценностные универсалии получили новое актуальное видение. Еще С.И. Гессен утверждал, что «образование есть не что иное, как индивидуальная культура» [19. С. 35].

В данной связи корректна позиция Б.Ф. Кевбрина и Ф.А. Айзятова, что ценностные универсалии в структуре личности выступают как «наиболее прямой путь к формированию прочных и высоких идеалов, а с ними и той картины мира, которая одна может считаться жизнеутверждающей, несущей импульсы творческой и полнокровной жизни человека» [9. С. 14].

В качестве иллюстрации рассмотрим актуализировавшуюся в период пандемии потребность в навыках реализации обучения в дистанционной и онлайн-формах. Н.В. Бугорина, О.В. Сапко, В.Р. Шаяхметова в 2020 г. утверждали, что «социум требует выпускника с развитыми “универсалиями XXI века”, а именно умением работать с большими объемами информации (цифровые компетентности), вербальной и невербальной коммуникативностью, креативностью наряду со способностью к постоянному неформальному самообразованию. Следовательно, учитель должен не только сам обладать этими навыками, но и уметь формировать и развивать эти компетенции у обучающихся» [20. С. 36–37]. Реальным фактом 2020 г. стало обеспечение образовательного процесса во внеаудиторном пространстве в условиях пандемии, в то время как данными технологиями и формами достаточное количество педагогов на тот момент на уровне сформированных компетенций не владело. Кроме этого, собственно технологическое и методическое обеспечение образовательного процесса также не было разработано в оптимальном объеме. Вместе с тем мотивированность педагогов на необходимость организации корректного образовательного процесса в особых условиях, сформированность у них базовых компетенций позволили в достаточно быстрый срок провести проектирование образовательного пространства по предметным областям с использованием различных дистанционных технологий и обеспечить обучающимся достижение качественных результатов. Так, были разработаны технологические подходы к онлайн-занятиям со школьниками, новые средства наглядности, дидактические материалы, позволяющие в онлайн-формате проводить оценочные и диагностические процедуры.

Наши наблюдения и личное участие в образовательном процессе позволяют зафиксировать несколько выводов.

Во-первых, практика дистанционного и онлайн-обучения к моменту массового внедрения использовалась частично и ограниченно как ответ на мотивированный запрос со стороны отдельных обучающихся и их законных представителей, в силу чего собственно навыками осуществления занятий в таких формах обладало незначительное количество педагогов.

Например, при опросе школьных учителей г. Томска и Томской области было установлено, что из 23 респондентов только у 3 (12%) был такой опыт до весны 2020 г., хотя все педагоги имели навыки работы с компьютером на уровне пользователя, умели и пользовались техническим оборудованием в процессе своей профессиональной деятельности (опрос проводился в ходе проведения семинара для педагогов общеобразовательных школ).

Во-вторых, при организации обучения была обнаружена потребность разработки новых форм осуществления не только самих обучающихся, но и оценочных процедур, объединивших традиционные методы обучения с мультимедийными. В частности, включение в презентационные пакеты для учащихся такого элемента, как гиперссылка, позволило расширить материал учебника, а включение элементов геймификации – повысить привлекательность обучения для школьников и т.д.

Аналогичные утверждения можно обнаружить и в наблюдениях, например, Н.Е. Сердитовой и А.В. Белоцерковского, отметивших беспрецедентную скорость и масштабность внедрения цифровых технологий в образовательное пространство и последовавших за этим изменений в технологии обучения в целом, в формах и методах обучения, в культуре педагогической деятельности [21].

Представленные нами размышления о профессиональных универсалиях в педагогической деятельности поддержаны эмпирическими наблюдениями и опросами, проведенными среди педагогов (всего в опросе приняли участие 117 педагогов общеобразовательных учреждений, имеющих стаж работы по профессии от 2 до 47 лет). Так, изменения в содержании образования по предметным областям вызывают у педагогов необходимость пересмотра отбора методик и форм обучения (отметили 37% опрошенных), изменения в технологии обучения (55%). При этом около половины респондентов (43%) отметили важность осуществления методической поддержки и повышения квалификации учета их личных потребностей и запросов, что не только способствует профессиональному росту педагога, но и позволяет развить их педагогический арсенал исходя из актуальных потребностей конкретного педагога в конкретном учреждении образования.

Рассмотрим механизмы организации дистанционного и онлайн-обучения в предметной области «Русский язык» в средних и старших классах общеобразовательной школы.

Использование дистанционного и онлайн-обучения позволяет решать задачи обучения не только в условиях пандемии. Как показал опыт массового внедрения, данные формы обучения позволяют обеспечить образовательный процесс в условиях удаленности от образовательного учреждения, способствует охвату большей территории и количества обучающихся, создает возможности для реализации различных стратегий обучения, в том числе индивидуальных. Кроме того, формируется надпредметный навык по работе с различными источниками информации. Также важно, на наш взгляд, в условиях дистанцион-

ного и онлайн-обучения, чтобы учащиеся получали возможность распределять собственное время на изучение и освоение материала, выбирая комфортный для себя ритм и объем. Обучающиеся с высоким (или достаточным) уровнем самодисциплины, мотивированные на усвоение знаний и формирование умений и навыков, имеющие высокие образовательные амбиции, в таких условиях могут достичь лучших образовательных результатов.

Вместе с тем данные формы обучения имеют определенные риски. Так, высоки риски (по независящим от участников учебного процесса обстоятельствам) нарушения связи, особенно в начале массового обучения в период пандемии; слабомотивированный учащийся может «организовать» сбой в работе своей техники или только имитировать свое присутствие. Также специфичными становятся отношения в векторе «ученик–учитель» и между учениками: отсутствуют привычные связи, происходит трансформация классно-урочной системы, но этот момент нельзя назвать однозначно положительным или отрицательным, так как минимизация внешних ресурсов и контактов в целом позволяет сконцентрироваться обучающимся непосредственно на собственных результатах в рамках учебного процесса.

Еще одним недочетом дистанционного и онлайн-обучения, особенно на уроках русского языка, является минимизация рукописных работ – речь в данной связи не о каллиграфических навыках, а о так называемой памяти руки при написании, которая не формируется в процессе работы на клавиатуре, кроме того, использование текстовых редакторов создает у ребенка видимость правильности выполненного задания.

Рассматривая проблематику технологизации дистанционного и онлайн-обучения, вспоминается высказывание Кристофера Морли, американского журналиста, поэта и писателя, который еще в середине XX в. утверждал, что полезно иногда переворачивать свой ум вверх ногами, как песочные часы, чтобы позволить его содержимому течь в другом направлении. Действительно, избирая конкретные педагогические технологии, мы опираемся и на собственно предметное содержание, и на формы и методы, посредством использования которых можно оптимально корректно обеспечить достижение результатов обучения, создавая уникальную образовательную среду.

В «Примерной рабочей программе основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций)» указано, что целью изучения русского языка выступает не только овладение знаниями о русском языке, но и совершенствование речевой деятельности, мыслительной деятельности, развитие функциональной грамотности [22. С. 5–6]. Отметим, что русский язык в системе школьного образования – это не только предметная область, но и средство обучения в других областях знаний, так как сформированные в рамках занятий по русскому языку коммуникативные компетенции обучающихся выступают средством интеллектуальных способностей ученика по всем областям знаний.

Организация обучения в формате дистанционного и онлайн-обучения ориентирована на утвержденные локальные документы, в том числе календарно-тематический план, в котором закреплено распределение учебного материала на определенное количество уроков. Этот момент также важно учитывать при подготовке, как и факт наличия у школьников возможности одновременного подключения к занятию и достаточного оборудования, а также фактическое сокращение продолжительности урока в онлайн-формате в соответствии с регламентом СанПиНа и Рособнадзора до 30 минут.

Для организации занятий могут быть использованы типовые материалы таких платформ, как Учи-ру, МЭШ, РЭШ, Яндекс-классы и ряд других ресурсов, которые в полной мере соответствуют нормативным требованиям, предъявляемым к предметной области «Русский язык». Но, как показали наши наблюдения, примерно половина педагогов использовали материалы образовательных платформ частично или не использовали вовсе, создавая собственную уникальную учебную среду.

В практике организации дистанционного и онлайн-обучения по русскому языку основное значение приобретают информационно-коммуникативные технологии, общепедагогические по своему характеру, позволяющие визуализировать знание в формате презентационных пакетов. В данной технологии наблюдается высокая степень систематизации теоретического материала и укрупнения дидактических единиц; дидактический материал позволяет сконцентрироваться на отработке правил орфографии и пунктуации – большинство заданий представлено в форматах тренажеров, тестов, интерактивных заданий и других с обратной связью; использование дидактических материалов по связным текстам объемом более 60–80 слов (в условиях ограничения экрана), проведение диктантов и развитие речи минимизируются.

Основным методическим инструментом педагога при организации учебной онлайн-среды выступает презентационный пакет, благодаря которому для обучающихся фиксируются наиболее важные элементы темы, получение подготовленной презентации в личное пользование позволяет системно освоить материал, закрепить его, отработать наиболее сложные моменты, а также расширить предметное поле благодаря наличию гиперссылок на видеоряд или словари. Так, например, при разработке презентации по разделу «Морфемика. Орфография. Культура речи» в одну презентацию можно объединить материал по темам «Словообразующие морфемы. Суффикс» и «Словообразующие морфемы. Приставка», рассчитанные суммарно на три урока. При этом в первой части материал опирается на расширение известного из начальной школы материала, вторая часть посвящена новому предметному знанию, третья часть презентации содержит различный дидактический материал, который должны выполнить обучающиеся, в том числе упражнения различного уровня сложности, обеспечивая дифференцированный подход. В презентации есть активная ссылка на онлайн-тест, результат которого

одновременно видят и ученик, и учитель, также есть гиперссылка на словарь «Морфемно-словообразовательный словарь» Т.П. Поповой и Е.С. Зайковой для 5–11-х классов. В финальной части презентации ученикам предлагается вариативное домашнее задание: по учебнику, по связному тексту или по созданию презентации.

При формировании презентационного пакета дополнительный смысл несут иллюстрационные элементы (они не должны доминировать в слайде), использование паралингвистических средств (различные виды шрифтов и выделений, в том числе фоновых цветовых), дополнительное включение реплик-комментариев с пояснениями по заданию. Также в рамках слайда эффективно представление теоретического материала с примерами в виде обобщающих таблиц небольшого формата и логико-структурных схем.

Обратим внимание, что отбор методик и форм работы в рамках дистанционного и онлайн-обучения должно быть ориентировано и сопряжено с привычными для учащихся традиционными методами, использованными в очной системе обучения, что позволит в полной мере реализовать собственно преподавательскую деятельность.

Описанная выше модернизированная информационно-коммуникативная технология позволяет создать учебную среду, в которой каждый участник будет осуществлять возложенную на него роль: педагог – учить, а обучающийся – учиться.

В начале массового дистанционного и онлайн-обучения весной 2020 г. ученики восприняли эту форму обучения как «умные каникулы» (используем выражение ученика одного из авторов статьи), но данное оценочное суждение достаточно быстро претерпело изменения. В процессе организации и реализации дистанционного обучения в «Мариинской средней общеобразовательной школе № 3» г. Томска нами регулярно проводился мониторинг включенности, удовлетворенности и результативности обучающихся. Так, опрос десятиклассников (23 обучающихся) показал, что сохранилась комфортная оценка привлекательности работы дома и за компьютером (100%), оценка психологической комфортности такого обучения, нерациональное использование времени на выполнение занятий из-за несформированного

навыка обучения в режиме дистанционной организации снизились (с 80 до 50% – по первому показателю и с 90 до 60% – по второму), а оценка возможностей гибкого ритма и темпа обучения выросла с 55 до 70%.

Опрос педагогов по вопросам дистанционного и онлайн-обучения показал, что сложности при введении данной формы обучения испытывали более 80% (в том числе из-за отсутствия опыта работы в данных форматах), при этом более трети опрошенных затруднялись в определении методики обучения, около половины респондентов затруднялись в выборе оценочных форм и методов. Высокая мотивированность педагогов и наличие деятельной помощи, в том числе со стороны вузов, привела к изменению ответов на данные вопросы: сложности испытывают по-прежнему около 20% педагогов, практически все определились с методикой организации дистанционного и онлайн-обучения и при выборе оценочных форм результатов образовательной деятельности; также отмечено, что появился не только широкий выбор дидактического материала, адаптированного для использования в условиях дистанционного и онлайн-обучения, но и достаточное количество образовательных платформ, предлагающих не фрагментарный набор заданий, а целостные разработки типовых уроков по рекомендованным учебникам.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в профессиограмме педагога сформировался новый ценностный универсалий, способствующий качественно профессиональному росту. Этот вывод подтверждается органичным переключением на осуществление дистанционного и онлайн-образования в периоды объявления карантина в текущем учебном году.

Итак, профессиональные универсалии в деятельности педагога, рассматриваемые как сущностные, позволяют мобильно и оптимально отвечать на концептуальные требования, предъявляемые к современной системе образования. Данный аспект в отношении оценки деятельности педагога может быть уточнен и конкретизирован на разных уровнях образования – начального, среднего, профессионального педагогического; в разных предметных областях и др.

Список источников

1. Колесникова А.С. Современный педагог: личность и профессиональная деятельность // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 1. С. 251–255.
2. Бегитова С.Н. Современные требования к профессиональной деятельности педагога // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. Вып. 1 (193). С. 15–19.
3. Рожнов А.А. Реализация профессиональной деятельности педагога в контексте современных требований к процессу образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-3. С. 242–245.
4. Щербак М.В. Профессиограмма как средство профессионального самовоспитания будущего педагога // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 60, № 6. С. 17–21.
5. Балакирева Э.В. Ценности и смыслы профессионального подхода к современному образованию // Человек и образование. 2018. № 1. С. 27–32.
6. Абраменко Н.Ю., Стекольщиков Н.С. Оценка нового формата профессионализма педагога и педагогической компетентности // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 5–8.
7. Ерина И.А., Фанина Е.Н., Передерий С.Н. Ведущие тенденции в образовании XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 146–148.
8. Флоровская М.Н. Становление профессионального образа мира педагога : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Новокузнецк, 2011. 51 с.
9. Кевбрин Б.Ф., Айзатов Ф.А. Императивы образовательного процесса современного общества // Общество: Философия, История, Культура. 2017. № 10. С. 13–17.

10. Матросов В.Л. Проблемы подготовки учителя на современном этапе // Проблема реализации многоуровневой системы образования. Наука в вузах : труды Междунар. конф. М. : Изд-во РУДН, 1999. С. 137–144.
11. Коржухе А.В., Садыкова А.Р. Педагогический поиск: время перемен. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 360 с.
12. Берулава М.Н. Теория и практика гуманизации образования. М. : Гелиос ; АРВ, 2000. 340 с.
13. Сидоров С.Г. Философия управления образованием: ценности и идеалы // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 252–265.
14. Петрищев И.О. Методологические подходы к модернизации современного российского образования и повышению качества образовательных услуг // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67-2. С. 131–133.
15. Соколова Н.Л., Цибилова Т.Ю. Построение профессиональной карьеры в условиях непрерывного образования // Научный диалог. 2018. № 1. С. 295–299.
16. Сатдыков А.И. Сравнительный анализ систем опережающей подготовки кадров в России и за рубежом // Труд и социальные отношения. 2020. Т. 31, № 1. С. 67–83.
17. Савина Н.В. Методологические основы персонализации образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14, № 4. С. 82–89.
18. Мазилев В.А. Психодидактика и непрерывное образование: методологические проблемы непрерывного образования // Методология современной психологии. 2019. № 10. С. 90–105.
19. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. : Школа-пресс, 1995.
20. Буторина Н.В., Сапко О.В., Шаяхметова В.Р. Развитие мотивации интеллектуальной и инновационной активности педагогов в условиях современной школы // Пермский педагогический журнал. 2020. № 11. С. 36–40.
21. Сердитова Н.Е., Белоцерковский А.В. Образование, качество и цифровая трансформация // Высшее образование в России. 2020. № 4. С. 9–15.
22. Примерная рабочая программа основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций). М., 2021. 128 с.

References

1. Kolesnikova, A.S. (2015) Sovremennyy pedagog: lichnost' i professional'naya deyatel'nost' [Modern teacher: personality and professional activities]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 1. pp. 251–255.
2. Begitova, S.N. (2017) Sovremennyye trebovaniya k professional'noy deyatel'nosti pedagoga [Modern requirements for the professional activities of a teacher]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*. 1 (193). pp. 15–19.
3. Rozhnov, A.A. (2020) Realizatsiya professional'noy deyatel'nosti pedagoga v kontekste sovremennykh trebovaniy k protsessu obrazovaniya [Realization of professional activities of a teacher in the context of modern requirements for the process of education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 66-3. pp. 242–245.
4. Shcherbakova, M.V. (2011) Profesiogramma kak sredstvo professional'nogo samovospitaniya budushchego pedagoga [Professiogram as a means of professional self-education of a future teacher]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 60 (6). pp. 17–21.
5. Balakireeva, E.V. (2018) Tsennosti i smysly professional'nogo podkhoda k sovremennomu obrazovaniyu [Values and meanings of the professional approach to modern education]. *Chelovek i obrazovanie*. 1. S. 27–32.
6. Abramenko, N.Yu. & Stekol'shchikov, N.S. (2019) Otsenka novogo formata professionalizma pedagoga i pedagogicheskoy kompetentnosti [Evaluation of a new format of teacher professionalism and pedagogical competence]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2 (75). pp. 5–8.
7. Erina, I.A., Fanina, E.N. & Perederiy, S.N. (2021) Vedushchie tendentsii v obrazovanii XXI veka [Leading trends in education of the 21st century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 5 (90). pp. 146–148.
8. Florovskaya, M.N. (2011) Stanovlenie professional'nogo obraza mira pedagoga [Formation of a professional image of the teacher's world]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Novokuznetsk.
9. Kevbrin, B.F. & Ayzhatov, F.A. (2017) Imperativy obrazovatel'nogo protsessa sovremennogo obshchestva [Imperatives of the educational process of modern society]. *Obshchestvo: Filosofiya, Istoriya, Kul'tura*. 10. pp. 13–17.
10. Matrosov, V.L. (1999) [Problems of teacher training at the present stage]. *Problema realizatsii mnogourovnevnoy sistemy obrazovaniya. Nauka v vuzakh* [The problem of implementing a multi-level system of education. Science in universities]. Proceedings of the International Conference. Moscow: RUDN. pp. 137–144. (In Russian).
11. Korzhuee, A.V. & Sadykova, A.R. (2018) *Pedagogicheskiy poisk: vremya peremen* [Pedagogical search: time for change]. Moscow; Saint Peterburg: Nestor-Istoriya.
12. Berulava, M.N. (2000) *Teoriya i praktika gumanizatsii obrazovaniya* [Theory and practice of humanization of education]. Moscow: Gelios; ARV.
13. Sidorov, S.G. (2019) *Filosofiya upravleniya obrazovaniem: tsennosti i idealy* [Philosophy of Education Management: Values and Ideals]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 1. pp. 252–265.
14. Petrishchev, I.O. (2020) Metodologicheskie podkhody k modernizatsii sovremennogo rossiyskogo obrazovaniya i povysheniyu kachestva obrazovatel'nykh uslug [Methodological approaches to the modernization of today's Russian education and improving the quality of educational services]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 67-2. pp. 131–133.
15. Sokolova, N.L. & Tsibizova, T.Yu. (2018) Postroenie professional'noy kar'ery v usloviyakh nepreryvno obrazovaniya [Building a professional career in conditions of continuous education]. *Nauchnyy dialog*. 1. pp. 295–299.
16. Satdykov, A.I. (2020) Sravnitel'nyy analiz sistem operezhayushchey podgotovki kadrov v Rossii i za rubezhom [Comparative analysis of advanced training systems in Russia and abroad]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 31 (1). pp. 67–83.
17. Savina, N.V. (2020) Metodologicheskie osnovy personalizatsii obrazovaniya [Methodological foundations of the personalization of education]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. 14 (4). pp. 82–89.
18. Mazilov, V.A. (2019) Psikhodidaktika i nepreryvnoe obrazovanie: metodologicheskie problemy nepreryvno obrazovaniya [Psychodidactics and continuous education: methodological problems of continuous education]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii*. 10. pp. 90–105.
19. Gessen, S.I. (1995) *Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnyuyu filosofiyu* [Fundamentals of Pedagogy. Introduction to Applied Philosophy]. Moscow: Shkola-press.
20. Butorina, N.V., Sapko, O.V. & Shayakhmetova, V.R. (2020) Razvitie motivatsii intellektual'noy i innovatsionnoy aktivnosti pedagogov v usloviyakh sovremennoy shkoly [Development of motivation of teachers' intellectual and innovative activities in the conditions of modern school]. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 11. pp. 36–40.
21. Serditova, N.E. & Belotserkovskiy, A.V. (2020) Obrazovanie, kachestvo i tsifrovaya transformatsiya [Education, quality and digital transformation]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 9–15.
22. RF Ministry of Education. (2021) *Primernaya rabochaya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya. Russkiy yazyk (dlya 5–9 klassov obrazovatel'nykh organizatsiy)* [Exemplary work program of basic general education. Russian language (for grades 5–9 of educational organizations)]. Moscow.

Информация об авторах:

Копытов А.Д. – д-р пед. наук, член-корреспондент РАО, главный научных сотрудник Института научных исследований и разработок Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: kopytovad@tspu.edu.ru

Черепанова Т.Б. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: tb100@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.D. Kopytov, Dr. Sci. (Pedagogics), corresponding member of the Russian Academy of Education, chief researcher, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kopytovad@tspu.ed

T.B. Cherepanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tb100@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 16.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 16.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 37.01
doi: 10.17223/15617793/481/23

Сельская школа в условиях социокультурной модернизации образования: постнеклассические основания для концептуализации

Елена Евгеньевна Сартакова¹, Гульнафист Алтаевна Окушова², Евгения Павловна Еретнова³

^{1,3} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ lopolit@rambler.ru

² okushova@mail.ru

³ 4elsi_91@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена потребностью поиска и разработки релевантного изменяющимся условиям методологического инструментария для изучения сельских образовательных организаций. Определены исследовательские группы, опирающиеся на подходы и инструменты классического, неклассического и постнеклассического типа. Обоснованы концептуальные основы развития современной сельской школы, охарактеризованы ее ведущие признаки: аутопоэтичность, открытость, руральность, конвергентность и др.

Ключевые слова: сельская школа, социокультурная модернизация образования, постиндустриальное общество, постнеклассическая методология

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-313-90052.

Для цитирования: Сартакова Е.Е., Окушова Г.А., Еретнова Е.П. Сельская школа в условиях социокультурной модернизации образования: постнеклассические основания для концептуализации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 206–214. doi: 10.17223/15617793/481/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/23

Rural school in the sociocultural modernization of education: Post-classical grounds for conceptualization

Elena E. Sartakova¹, Gulnafist A. Okushova², Evgeniya P. Eretnova³

^{1,3} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ lopolit@rambler.ru

² okushova@mail.ru

³ 4elsi_91@mail.ru

Abstract. The sociocultural modernization of education determines an active scientific discussion about the concepts of the rural school and sustainable models of its existence in the post-industrial era. In this regard, the question of finding and developing a methodological toolkit relevant to changing conditions for studying educational institutions located in rural areas becomes of urgent relevance. The aim of the study was to identify the theoretical grounds for the conceptualization of a modern rural school that develops in the context of sociocultural modernization of education. Methodologically, the study is based on the principle of interdisciplinarity. It includes several levels, from fundamental to applied, and an extensive list of scientific methods. Ontological, spatial, sociocultural and anthropological approaches used at the fundamental level act as contextual and allow explicating the specifics of sociocultural factors within which the rural school is transforming today. Pedagogical approaches are aimed at identifying the characteristics of educational systems operating in rural areas in the modes of functioning and innovative development. As a result of the analysis of a wide corpus of pedagogical works of the 19th, 20th and early 21st centuries, three research groups (based on approaches and tools of classical, non-classical and post-classical types) were identified. The authors demonstrate that, in the context of challenges of an information and communication digital society, a rural school should be conceptualized and modeled based on a post-classical research methodology, which is the most sensitive to social change. A key thesis is the statement that a rural school is a complex organized educational system capable of self-organization and self-regulation in a “hybrid” (real/virtual) ontology. Therefore, when elaborating a multi-level structure of the model of a rural school that develops in the context of sociocultural moderniza-

tion, it is necessary to take into account its autopoeticity, polyfunctionality, openness, rurality as continuity and adaptability to the local culture of a particular rural society, convergence. The rural school model has a complex multi-level structure and includes different elements: the context component is the rural school as a social institution and a system-forming element of rural life support, the research focus component is the network educational infrastructure, the conceptual and organizational structure of rural education and staffing. Such a combination of integral components makes it possible to effectively form modern professional ideas of teachers, managerial and pedagogical teams as management bodies for network communications, design and implementation of network educational programs.

Keywords: rural school, sociocultural modernization of education, post-industrial society, post-classical methodology

Financial support: The reported study was funded by RFBR, Project No. 19-313-90052.

For citation: Sartakova, E.E., Okushova, G.A. & Eretnova, E.P. (2022) Rural school in the sociocultural modernization of education: Post-classical grounds for conceptualization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 206–214. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/23

Актуальность исследования. Смена общественного уклада от индустриального к постиндустриальному способствовала модернизации российского образования не только в информационно-технологическом, но и в социокультурном плане. Это обусловлено тем, что изменения в социальной системе всегда отражаются на всех её институтах, в том числе и на образовании, исторически играющем ключевую роль в формировании социальных норм, установок, ценностей и стереотипов населения России. Анализируя данную ситуацию, исследователи (Н.Н. Зарубина, Н.Н. Колосова и др.) считают, что ведущие идеи социокультурной модернизации образования связаны с понятиями самореализации и саморазвития человека и опираются на специфику социокультурных традиций, сознания и самобытности поликультурного общества, межконфессионального и межэтнического взаимодействия. Именно в этом социокультурном контексте сегодня формируется идентичность социальных групп, их успешная социализация и интеграция, а также конкурентоспособность личности, общества и государства, социоморфность образования в целом. Все эти процессы так или иначе определяют функционирование учреждений всех уровней российской образовательной системы.

В рамках данной статьи рассматривается трансформация сельской школы в условиях социокультурной модернизации российского образования. Вызовы, с которыми она сталкивается, определяют вектор теоретического исследования, а именно – поиск той концептуальной модели, которая способна, с одной стороны, гибко решать поставленные рамочными условиями модернизации образовательные задачи, а с другой – сохранить социокультурную идентичность образовательного учреждения в каждом селе.

В современном научно-педагогическом дискурсе под сельскими школами понимается совокупность образовательных организаций различных типов и видов, находящихся в сельской местности и отличающихся по числу обучающихся, территориальному расположению, реализации социокультурных и социально-педагогических функций. Концептуальные идеи развития сельской школы активно разрабатывались российскими учёными, среди которых А.З. Андрейко, Л.В. Байбородова, Л.В. Вохминова, М.П. Гурьянова, В.С. Гусенко, Т.А. Креславская, О.Е. Лебе-

дев, Т.В. Орлова, П.П. Пивненко, Г.А. Федотова, Р.В. Шакиров, Р.М. Шерайзина, Н.А. Шобонов, А.М. Цирульников, Т.А. Шергина, М.П. Щегинин и др.

Изучение литературы, отражающей проблематику сельских школ, позволяет говорить о том, что наибольшее количество работ посвящено развитию её дидактической системы (по А.М. Ищенко, от 40 до 60%). Их можно разделить на две группы: направленные на модернизацию классно-урочной системы (безусловный лидер – это научная школа Л.В. Байбородовой); обосновывающие неурочную (в том числе разновозрастную) систему организации образовательного процесса (лидер – красноярская научная школа коллективного способа обучения, в частности М.А. Мкртчян, В.Б. Лебединцев и др.). В педагогической библиографии достаточно много исследований, объектом которых выступает процесс подготовки педагогов к работе в сельской школе (Ф.Ф. Авдеев, Л.В. Байбородова, Н.Г. Неустроев, Р.М. Шерайзина и др.). Особое место в научно-педагогических трудах принадлежит вопросу разработки и обоснования моделей сельских школ (Н.Э. Касаткина, Р.М. Шерайзина и др.). Отметим, что ещё с 70-х гг. XX в. модель сельской школы исследователи связывают с различными моделями образовательных / социально-педагогических комплексов (А.З. Андрейко, М.П. Гурьянова, З.Б. Ефлова и др.). В качестве примера выделим работы А. М. Цирульникова, который одним из первых обосновал типы педагогических ассоциаций как прообразы будущих сетевых школ, описал технологии их становления [1]. Иной подход предлагают М.А. Пинская, Т.Е. Хавенсон, С.Г. Косарецкий, Р.С. Звягинцев и др., выделяя такой тип сельской школы, как резильентная. Обобщая обзор научных источников, можно сказать, что в отечественной педагогической литературе сложилось два концептуальных аспекта рассмотрения сельской школы:

- 1) разработка «идеального» типа организации работы сельских ОУ;
- 2) описание и / или реализация моделей сельских школ с учётом специфики образовательного процесса и внешней среды.

Исходя из того, что нас интересует трансформация сельской школы в условиях социокультурной модернизации российского образования, мы выяснили, что в обширном теоретическом массиве крайне мало исследований, в которых концептуали-

зация сельской школы опирается на учёт сложности, неопределенности, «текучей современности» постиндустриального информационно-коммуникативного этапа общественного развития [2]. Разработка релевантных изменяющимся условиям моделей сельских образовательных учреждений требует описания специфики общества в эпоху информатизации и цифровизации Четвёртой промышленной революции (М. Кастельс, К. Шваб), тенденций его социокультурного развития, стратегических целей образования как ключевого института социализации подрастающего поколения. В этой связи мы наблюдаем сложившееся противоречие между потребностью в концептуализации сельских школ, соответствующей тенденциям постиндустриального информационно-коммуникативного общества, и недостаточной разработанностью методологического инструментария для теоретического обоснования процесса моделирования современной сельской школы. Исходя из этого исследовательский вопрос нами сформулирован следующим образом: что может выступить в качестве теоретических оснований и принципов, а также структурных элементов модели сельской школы, способной развиваться в условиях вызовов постиндустриальной эпохи?

Цель настоящего исследования – выявление ведущих теоретических оснований для концептуализации современной сельской школы, развивающейся в условиях социокультурной модернизации образования, характерной для постиндустриального информационно-коммуникативного общества.

Материалы и методы. Методологическая база исследования включает в себя несколько уровней и научных подходов. Фундаментальный уровень представляет собой совокупность онтологического, пространственного, социокультурного и антропологического подходов. Условно эти подходы можно назвать контекстными для нашего исследования, так как они позволяют эксплицировать специфику социокультурных факторов, в рамках которых происходит сегодня трансформация сельской школы.

Использование онтологического подхода направлено на определение рамочных условий нашего исследования. Социально-философские идеи З. Баумана [2], Н. Лумана [3], М. Кастельса [4] и др. о постиндустриальном обществе, обществе «сетевых структур», «третьей волны», мобильности и др. погружают предмет исследования – сельскую школу – в процесс становления таких феноменов, как информатизация и цифровизация, сетевизация, мобильность, конвергентность и др. Основные концепции онтологического подхода, с нашей точки зрения, описывают тот социокультурный контекст, в рамках которого развивается современная российская сельская школа.

Онтологический подход дополняется пространственным подходом, использование которого даёт возможность идентифицировать сельскую школу средствами такого основания, как «территориальная принадлежность». Содержание понятий «пространство сельских территорий», «пространство сельской школы» опирается в нашем исследовании на идеи

трансформирующихся пространств (А. Лефевр [5], П. Бурдьё [6] и др.), соотносятся с такими характеристиками, как «глокальность» («глобальная локализация») и «территориальная идентичность».

Качественное изучение развития сельской школы в условиях социокультурной модернизации образования невозможно без использования социокультурного подхода, позволяющего рассматривать российское село как особую систему социальных отношений, развивающихся под влиянием различных образовательных практик. Именно социокультурные характеристики сельской школы (по А.М. Цирульникову [1]) отражают особенности ее жизнедеятельности. Благодаря социокультурному подходу мы можем описать процессы развития сельской школы на двух этапах модернизации образования (работы А.Г. Асмолова [7], А.С. Владимирова [8], С.Н. Гаврова [9], Е.С. Заир-Бека [10], Н.Е. Тихоновой [11], А.М. Цирульникова [1] и др.).

Для нашего исследования большое значение имеет антропологический подход, средствами которого определяются субъекты образовательного процесса сельской школы XXI в. Дигитализация и интернетизация не только изменили повседневные практики человеческой жизни, но и отразились в социализации подрастающего поколения. Его теоретическую идентификацию мы находим в концепции поколений «Y» и «Z» у Н. Хоува и У. Штраусса, в понятиях «цифровая персона» М. Пренски, «born digital» – «цифровые с рождения» Дж. Палфри и У. Гассера, электронные кочевники / киборги У. Митчелла [12]. Антропологический подход позволяет включить в комплекс «идей», отражающих специфику сельской школы, представления об обучающемся как носителе ценностей цифровой и информационной культуры.

На специально-научном и прикладном методологических уровнях исследования нами использовались компетентностный, системно-деятельностный, метапредметный, личностно-ориентированный, конвергентный подходы. Их совокупность способствовала выявлению современных признаков подсистем сельских образовательных учреждений. Например, системно-деятельностный подход важен при рассмотрении процесса обучения, метапредметный подход востребован при изучении организации образовательного процесса, личностно-ориентированный подход полезен при характеристике воспитательной системы сельской школы.

В рамках исследования были использованы следующие методы: *общетеоретические методы познания*: анализ философской, психологической, педагогической литературы по исследуемой проблеме; историческая реконструкция, системный анализ; обобщение, классификация, сравнение, систематизация, проектирование и моделирование педагогических процессов; *общепедагогические методы*, в том числе изучение и анализ директивных, нормативных, программно-методических документов в сфере образования, учебников и учебных пособий; изучение, обобщение опыта функционирования сельских школ; включенное педагогическое наблюдение; анкетирование, тестирование; беседа; педагогический эксперимент.

Обзор исследовательских групп, объединенных методологическим инструментарием. В процессе выявления специфики сельских школ в отечественной педагогике сформировалось особое научное направление, в котором мы можем условно выделить три исследовательские группы. Основанием для такой классификации педагогических исследований, с нашей точки зрения, может выступать выявление и описание учёными ключевых особенностей, функций и характеристик сельских школ. При описании методологического инструментария в данном случае мы опираемся на следующее:

1) определение понятия методологии педагогики (Н.Л. Коршунов, М.А. Данилов, В.В. Краевский и Е.В. Бережнова) как системы знаний об основаниях и структуре педагогической теории, ее принципах, подходах и способах и их использования в практике педагогами;

2) идеи об историко-сравнительном аспекте педагогики как самостоятельной науки, о смене парадигм (теорий) от классических до постнеклассических средствами не только внутренних дискуссий в педагогическом сообществе, но и изменением типов философского мышления: от классической метафизики к логике постметафизики.

К первой группе мы отнесли педагогов-практиков и учёных-просветителей, которые при изучении сельской школы использовали классический метод описания: поиск идеальной формы, универсальной модели. Так, в отечественной педагогике сельские образовательные учреждения стали объектом исследования в середине XIX в. Первое обобщение практического опыта, описание основных функций и характеристик представлено в трудах В.И. Водовозова [13], К.Д. Ушинского [14], Л.Н. Толстого [15], С.А. Рачинского [16] и др. Авторы опирались на традиционные педагогические методы исследования: теоретические (индуктивный метод, анализ педагогической литературы, аналогия, и др.) и практические (включённое наблюдение, наблюдение, беседы).

Вторая группа включает в себя педагогов-практиков и теоретиков XX в., в частности второй его половины, которые использовали неклассические методы исследования при изучении сельских школ. Основная цель, которую они преследовали, заключалась в поиске и определении специфики сельских ОУ. Для них сельская школа как объект исследования представляла собой сложную систему, способную к саморегуляции.

Следует отметить, что сельская школа изучалась стихийно: 1920-е гг. озаменовали себя как период активного педагогического поиска такими известными исследователями, как П.П. Блонский [17], Н.К. Крупская [18], А.С. Макаренко [19], С.Т. Шацкий [20] и др.; период 1930–1970-х гг. стал «затишьем», связанным с формированием и реализацией концепции Единой трудовой школы. В данный период понятие «сельская школа» отсутствовало в нормативных документах и практически не использовалось в педагогических исследованиях.

Целенаправленно и активно феномен сельской школы начал изучаться с 1970-х гг. сразу в несколь-

ких направлениях: историко-педагогические исследования этапов становления и развития сельской школы; общая характеристика сельской школы и управления; особенности малокомплектных сельских школ; управление различными школами-комплексами. Особо выделим работы А.М. Цирульникова [1], который впервые систематизировал сельские педагогические ассоциации, дидактику сельской школы, проблемы социализации и личностного развития сельских школьников, подготовку и повышение квалификации учителей сельских школ.

Отдельно нужно отметить, что особенностями сельской школы советского периода стали идеи трудового воспитания и политехнизма. Они начали внедряться в образовательный процесс в 1920-х гг., поддерживались при унификации сельской школы в 1930–1950-е гг. и частично реализуются в настоящее время. Уникален опыт таких педагогов, как С.Т. Шацкий [20], В.А. Сухомлинский [21]. В середине 1950-х гг. возникла ученическая производственная бригада как еще одна форма трудового воспитания, укрепившая связь сельской школы и сельхозпредприятий. Трудовое обучение было ориентировано на получение сельскохозяйственных профессий, организовано и реализовано благодаря прикреплению школы к колхозам, совхозам и машинно-тракторным станциям. Образовательная реформа 1984 г. [22] стала важнейшим фактором, способствовавшим развитию сельских школ. Ввиду учета особенностей сельская школа сохранила свою разнотипность (школы-интернаты, малокомплектные школы, общеобразовательные школы, вечерние школы для работающей сельской молодежи и т.д.). Таким образом, к 1990-м гг. сельская школа рассматривалась как сложная саморегулируемая подсистема. Педагогика сельской школы была представлена множеством различных педагогических концепций, которые отражают особенности сельской школы.

В третью группу включены исследователи, научно-педагогический дискурс которых развивается в конце XX – начале XXI в. Постсоветский период ознаменован глубоким социокультурным, экономическим и политическим кризисом переходного этапа, нарастанием и обострением проблем сельской школы. Такая сложная ситуация требовала новых путей развития сельского образования. Однако необходимо было учесть все аспекты преемственности и традиционности. В научном знании в этот период происходит постепенный переход от неклассического к названному В.С. Стёпиным «постнеклассическим» периоду развития науки, где ключевыми понятиями становятся *нелинейность, неустойчивость, необратимость, неравновесность, коэволюция, самоорганизация* и др. Экстраполяция постнеклассической методологии исследования на педагогику расширяет её исследовательский инструментарий, рассматривая в качестве объекта уникальные системы, особым компонентом которых стал человек.

В начале XXI в. многие исследователи сельской школы стали использовать отдельные идеи «постнеклассики». Рассмотрим несколько примеров. В диссертации М.П. Гурьяновой были представлены теоре-

тические основы модернизации образования и обозначен контекст развития содержания педагогики сельской школы [23]. М.В. Груздев [24] посвятил свою работу процессу формирования муниципального образовательного пространства. Опираясь на постнеклассический подход, он обосновал идею о том, что образовательное пространство сельских школ представляет собой сложную саморазвивающуюся систему, обладающую собственной внутренней структурой и свойствами. О.Г. Коршуновой [25] были предложены новые фундаментальные знания, касающиеся использования интегративно-дифференцированного, праксеологического и психодидактического подходов в организации образовательного процесса в условиях сельских школ. Данная группа исследователей рассматривает сельскую школу как развивающуюся сложную систему, отвечающую на вызовы окружающей среды, что обуславливает необходимость расширения методологического инструментария. В этой связи исследовательский инструментарий был дополнен такими методами, как системный анализ, SWOT-анализ, лонгитюдный мониторинг, экспериментальное преподавание, включённый педагогический эксперимент, историческая реконструкция, метод «гуманитарной экспертизы», сравнительное наблюдение. Это позволяет нам обозначить современную педагогику сельской школы как постнеклассическую.

Результаты исследования. Проведенное теоретическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Развитие сельской школы в процессе модернизации советской, а позже российской системы образования в конце XX – начале XXI в., не является исключительно линейно-поступательным. Опираясь на логику постнеклассического подхода, можно выделить два этапа ее модернизации. На первом этапе идеи организационно-экономической модернизации сельской школы были представлены в различных управленческих программах, концепциях, проектах (от проекта «оптимизации», реструктуризации сети ОУ, расположенных в сельской местности, до проекта модернизации образования, организации профильного обучения и др.). Второй этап модернизации связан с ее социокультурным содержанием. Теоретический анализ трудов отечественных педагогов позволяет утверждать, что социокультурная модернизация образования – это нелинейная программа структурных изменений, направленная на качественное повышение уровня образования с учётом всех территориальных, экономических и культурных особенностей и утверждение системы ценностей, ориентированной на развитие человеческого потенциала, становление современного конкурентоспособного, развитого гражданского общества.

В эмпирическом плане с 2010 г. мы наблюдаем реформирование региональных и муниципальных образовательных систем с целью создания современных условий реализации образовательного процесса. Образовательная парадигма, лежащая в основе социокультурной модернизации образования, отражена в Федеральной целевой программе «Развитие образования» (2011–2015), проекте развития России «Страте-

гия – 2020», Национальном проекте «Образование 2019–2024» и др.

Второе. Анализ научной литературы позволил установить, что специфика сельской школы индустриального периода развития (XX в.) была обусловлена следующими факторами:

- территориальным и социокультурным (транспортная доступность, уровень социально-бытового комфорта, доступ к культурно-историческим ресурсам, наличие местных традиций, степень благополучности социума, состояние местного производства и его перспективы на селе);

- организационно-педагогическим: особенности организации жизнедеятельности школы (в том числе концептуальная направленность ее целеполагания, сопричастность к трансляции местных традиций, уровень инновационного развития, специфика организации образовательного процесса и др.).

Однако в постиндустриальную эпоху обозначенные выше факторы начали трансформироваться, но стали появляться новые. В ходе многочисленных образовательных реформ начала XXI в. были определены её абрис, соответствующий запросам формирующегося информационного общества, критерии, связанные с повышением качества, доступности, эффективности образовательных услуг. Большинство образовательных проектов носили организационно-экономический характер, их «линейный» сценарий нередко не учитывал национальные и региональные особенности субъектов РФ. В результате сельской школе при ориентации на классические и неклассические модели становится сложнее выполнять свои задачи в условиях VUCA-мира (изменчивого, неопределенного, сложного и неоднозначного) и сохранять социокультурную идентичность, заданную географической и социально-экономической спецификой.

В рамках социокультурного этапа модернизации образования реформаторы начинают учитывать сложность и разнообразие сельской школы. Но создание условий для проектирования и реализации образовательного процесса в соответствии с требованиями новой образовательной парадигмы и ФГОС второго поколения требует ответа на важный методологический вопрос: «На какие теоретические принципы и положения можно опираться при разработке многоуровневой структуры модели сельской школы, развивающейся в условиях социокультурной модернизации постиндустриального общества?». На социокультурном этапе модернизации сельская школа развивается и функционирует в условиях «гибридной» онтологии, отражающей специфику современной информационно-коммуникативной сетевой цифровой реальности.

Третье. В процессе концептуализации как методологической процедуры введения определенных онтологических предположений в массив эмпирических данных формируется теоретическая организация знания и схематизация связи понятий, отображающих возможные тенденции изменения референтного поля объектов. Чувствительная к социальным изменениям постнеклассическая методология исследования опирается на принцип междисциплинарности. Теоретиче-

ская организация знания о современной сельской школе включает совокупность положений, отражающих самые существенные её стороны, в том числе о её сетевом характере жизнедеятельности, полифункциональности, открытости, преемственности и адаптивности к локальной культуре конкретного сельского социума, конвергентности и др.

Как социальный институт современная сельская школа сохраняет свою идентичность и направленность на социальную адаптацию. Она полифункциональна, так как выполняет, кроме образовательной, множество других функций (селообразование, село-сохранение, селоразвитие, менталитетобразование и др.). У сельской школы как сложноорганизованной системы два аспекта процессуальности: первый – саморегуляция, направленная на сохранение социокультурной преемственности; второй – саморазвитие как процесс перехода от сложившегося типа саморегуляции к новому, возникающему как ответ на внешние вызовы.

Историко-сравнительный анализ подтверждает способность сельской школы к самоорганизации и саморегуляции, когда она переживала в разные периоды те или иные трансформации и переходила на качественно новый уровень. И в зависимости от специфики территории и населения выполняла определенную социокультурную миссию.

Таким образом, сельская школа – это сложноорганизованная образовательная система, способная к самоорганизации и саморегуляции в условиях «гибридной» (реальной/виртуальной) онтологии. Её ключевые коды: обучение, воспитание, социокультурная миссия, руральность (сельскость, сельский образ жизни). В качестве базовых характеристик можно выделить: полифункциональность, открытость, преемственность и адаптивность к локальной культуре конкретного сельского социума, конвергентность.

Территориально-пространственный аспект сельской школы представлен глокальностью и сетизацией образовательной экосистемы. Современное село существует в условиях постиндустриального развития, пространство которого по-разному определяется исследователями. М. Кастельс предлагает рассматривать его «пространство потоков» – сеть коммуникаций с определёнными узлами и центрами, в которых пересекаются сообщества [4]. Дж. Урри обосновывает понятие «мобильные пространства», указывая на то, что они производятся как посредством различных видов мобильностей людей (экономической, политической, культурной), так и посредством мобильностей капитала, объектов, знаков, информации.

В онтологии постиндустриального общества пространства не являются навсегда данными и зафиксированными, здесь разрывается классическое единство места и времени. И поэтому пространства завязаны от социальных практик, от информационно-коммуникативных технологий, от точек и паролей доступа к интернету. В этой связи село можно рассматривать как совокупность трансформирующихся пространств, как физических, так и социальных.

Исходя из такого понимания территории – пространства для сельской школы будут характерны: глокальность, удалённость и рассредоточенность, информатизация и интернетизация, способствующие открытости образовательного учреждения и его включенности в глобальные процессы. А социокультурная устойчивость содержания образования будет обеспечиваться территориальной идентичностью, открытостью и гетерогенностью как села, так и местных сообществ / коммьюнити.

В структуре сельской школы как сложноорганизованной системы мы фиксируем следующие изменения:

– *инфраструктура сельской школы носит сетевой (полисетевой) характер и выстраивается на основе онлайн и офлайн сетевых взаимодействий.* Это есть аутопоэтическая распределённая система, которая обладает признаками открытости динамической системы при организационной закрытости, целостности, когнитивности, непрерывности и антиципации. Управление сетевым взаимодействием направлено на создание условий для многоуровневого, многофункционального, полицентрического целостного процесса коммуникации сельских ОУ различного типа, вида и направленности, нацеленного на реализацию сетевых образовательных программ, проектов и развитие ресурсного обеспечения (в том числе кадрового), и обеспечивающего вариативность, доступность, высокое качество и эффективность образовательных услуг, а также формирование адаптивности, социальной компетентности, личности и интеллектуального развития субъектов взаимодействия.

– *уровни сетевой организации сетевой школы:* ситуативное сетевое сотрудничество; кооперация на договорной основе; стратегическое партнёрство.

Содержание образования направлено на формирование личностных смыслов сельских детей, обучающихся в условиях гибридного сосуществования двух типов социальности: традиционного (общинного крестьянского) и инновационного (информационно-коммуникативного сетевого). Современный ученик сельской школы одновременно является носителем ценностей как традиционной, так и цифровой культуры. Хотя по рождению он – представитель поколения Z (теория поколений Хоува и Штраусса), цифровая персона (М. Пренски), электронный / сетевой / цифровой кочевник У. Митчелла.

Содержание образования – одна из подсистем сельской школы, наиболее подверженная коммуникации с внешней средой («редукции комплексности мира» Н. Луман [3], обретению новых возможностей), в результате которой происходит наращивание сельской школой как сложноорганизованной системой новых уровней организации. Ответ на те или иные внешние вызовы предполагает аудит содержания образования, начиная от целевого компонента и заканчивая результативно-оценочным.

Соответственно, содержание образовательных программ сельских школ, помимо требований ФГОС, ориентировано на формирование представлений о современном сельском образе жизни (явно или неявно), интегрировано, метапредметно; формируется на основе

принципов деятельности, культуросообразности, локальности, ориентации на формирование личностных смыслов субъектов образовательного процесса. Его можно соотнести со следующими понятиями: технологичность, персонализированность, кооперация и др.

Партисипативность управления жизнедеятельностью сельской школы. Традиционно управление школой осуществляется на основе сочетания принципов самоуправления коллектива и единоначалия. В основу классического управления ООУ положена пятиуровневая структура управления. В силу малочисленности педагогического и ученического коллективов, сетивизации сельской школы уровни управления в достаточной степени интегрированы. Например, функции директора значительно расширены (за счёт функционала его заместителей); значительную роль в управлении ООУ может играть Совет школы. А третий, четвёртый уровни управления сельской образовательной организацией (педагоги) влияют на стратегию развития школы, могут играть ведущую роль в решении крупных задач развития наравне с коллективными органами управления.

Соответственно, для организационной структуры сельской школы характерны такие характеристики, как гибкость, вовлечённость в управление всех субъектов школы, принцип руководства как лидерства.

Функционально-компетентностная готовность педагогов сельской школы к реализации профессиональных задач в меняющихся условиях сельской школы. Особенности профессиональной деятельности учителя сельской школы позволили вслед за З.Б. Ефловой выделить требование к современному педагогу – *функционально-компетентностную готовность учителя*, которая рассматривается как интегральное профессионально-личностное новообразование личности, представленное комплексом актуальных, профессионально значимых личностных качеств и компетенций (социокультурные, социально-педагогические, информационно-аналитические, социально-рефлексивные компетенции).

Они являются основой для реализации традиционных, то есть устойчивых и одновременно трансформируемых, многопредметности и полифункциональности его профессиональной деятельности; проявляются в способности учителя к освоению новых позиций и ролей (социального лидера, актора социокультурной модернизации, тьютора и наставника разновозрастных детско-взрослых сообществ) в сельской школе и сельском социуме.

Заключение. Концептуализация и моделирование сельской школы, способной развиваться в условиях вызовов постиндустриальной эпохи и социокультур-

ной модернизации образования, должны опираться на постнеклассическую методологию. Она является наиболее релевантной для современного типа социальности: информационно-коммуникативного сетевого с нелинейными офлайн и онлайн-взаимодействиями.

В этой статье мы обосновываем ответ на вопрос: «Что может выступить в качестве принципов и теоретических положений, а также структурных элементов модели сельской школы?»

В исследовании было установлено, что сельская школа – это сложноорганизованная образовательная система, способная к самоорганизации и саморегуляции в условиях современной реальности. Ключевыми кодами, лежащими в основе автономности и аутопоэтичности системы, выступают обучение, воспитание, социокультурная миссия, руральность (сельскость, сельский образ жизни). Для неё характерны полифункциональность, открытость, преемственность и адаптивность к локальной культуре конкретного сельского социума, конвергентность.

Модель сельской школы имеет сложную многоуровневую структуру и включает разные элементы: компонент контекста – сельская школа как социальный институт и системообразующий элемент жизнеобеспечения села, компонент фокуса исследования – сетевая образовательная инфраструктура, содержательно-организационная структура сельского образования, кадровое обеспечение. Такая совокупность целостных составляющих позволяет эффективно осуществлять формирование современных профессиональных представлений педагогов, управленческо-педагогических команд как общественно-государственных органов управления коммуникациями сети, проектирования и реализации сетевых образовательных программ образовательных учреждений. Она позволит разработать механизмы организации образовательного процесса в современной сельской школе, применение которых обеспечивает сельским школьникам качественное образование и личностное развитие в условиях гибридного сосуществования двух типов социальности: традиционного (общинного крестьянского) и инновационного (информационно-коммуникативного сетевого). Отметим, что объект моделирования является самоорганизующейся системой, в связи с чем модельные представления о ней могут постоянно меняться, а сам процесс моделирования приобретает незавершённость и непрерывность.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки концепции и стратегии развития сельских школ различных типов.

Список источников

1. Сельская школа: проблемы и перспективы развития : материалы для обсуждения / сост. А.М. Цирульников, А.Л. Венгер. М. : ВНИК «Школа», 1989. 75 с.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
3. Луман Н. Самоописания : пер. с нем. / А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М. : Логос, Гнозис, 2009. 320 с.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т. Выш. шк. экономики, 2000. 606 с.
5. Лефевр А. Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
6. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.

7. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М. : Просвещение, 2015. 447 с.
8. Владимиров А.Ф. Образование в социокультурном измерении // Образовательная политика. 2010. № 9-10 (47).
9. Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. М. : МГУДТ, 2010. 268 с.
10. Заир-Бек Е.С. Методология построения научных исследований для выявления воздействий социокультурной модернизации образования на изменения в школьной практике // Вестник Герценовского университета. 2014. № 2. С. 18–25.
11. Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 5–23.
12. Митчелл У. Я ++ [я плюс плюс]: человек, город, сети / пер. с англ. М. : Strelka Press, 2012. 328 с.
13. Водовозов В.И. Избранные педагогические сочинения / под ред. В.З. Смирнова. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 632 с.
14. Ушинский К.Д. Собрание сочинений : в 11 т. М. ; Л., 1948–1952.
15. Толстой Л.Н. О свободном возникновении и развитии школ в народе // Ясная поляна. 1862.
16. Рачинский С.А. Сельская школа : сб. статей / сост. Л.Ю. Стрелкова. М. : Педагогика, 1991. 176 с.
17. Блонский П.П. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. Т. 1 / под ред. А.В. Петровского. М. : Педагогика, 1979. 304 с.
18. Крупская Н.К. Избранные произведения. Баку : Маариф, 1983.
19. Макаренко А.С. Педагогическая поэма : в 2 т. Ташкент, 1984.
20. Палфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры. М. : Эксмо-Пресс, 2011. 368 с.
21. Сухомлинский В.А. Павлышская средняя школа: обобщение опыта учебно-воспитательной работы в сельской средней школе. 2-е изд. М. : Просвещение, 1969. 398 с.
22. Сотникова Н.В. Формирование нравственно-эстетических ориентаций подростков в условиях сельской школы : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2006. 230 с.
23. Гурьянова М.П. Теоретические основы модернизации сельской школы России : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 412 с.
24. Груздев М.В. Формирование образовательного пространства сельских территорий : дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2004. 370 с.
25. Коршунова О.В., Огородникова С.В. Методологические подходы к обучению и воспитанию в сельской школе. Киров : Науч. изд-во Вятского государственного университета, 2018. 653 с.

References

1. Tsurul'nikov, A.M. & Venger, A.L. (1989) *Sel'skaya shkola: problemy i perspektivy razvitiya: materialy dlya obsuzhdeniya* [Rural school: problems and development prospects: materials for discussion]. Moscow: VNIK "Shkola".
2. Bauman, Z. (2008) *Liquid modernity*. Saint Peterburg: Piter. (In Russian).
3. Luhmann, N. (2009) *Self-descriptions*. Moscow: Logos, Gnozis. (In Russian).
4. Castels, M. (2000) *The Information Age Economy, Society, and Culture*. Moscow: HSE. (In Russian).
5. Lefebvre, H. (2015) *The production of space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
6. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Translated from French. Saint Peterburg: Aleteyya; Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii.
7. Asmolov, A.G. (2015) *Optika prosveshcheniya: sotsiokul'turnye perspektivy* [Optics of Enlightenment: Sociocultural Perspectives]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Vladimirov, A.F. (2010) *Obrazovanie v sotsiokul'turnom izmerenii* [Education in the socio-cultural dimension]. *Obrazovatel'naya politika*. 9-10 (47).
9. Gavrov, S.N. (2010) *Modernizatsiya Rossii: postimperskiy tranzit* [Modernization of Russia: post-imperial transit]. Moscow: MGUDT.
10. Zair-Bek, E.S. (2014) *Metodologiya postroeniya nauchnykh issledovaniy dlya vyyavleniya vozdeystviy sotsiokul'turnoy modernizatsii obrazovaniya na izmeneniya v shkol'noy praktike* [Methodology for constructing research to identify the impact of socio-cultural modernization of education on changes in school practice]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*. 2. pp. 18–25.
11. Tikhonova, N.E. (2008) *Sotsiokul'turnaya modernizatsiya v Rossii (opyt empiricheskogo analiza)* [Socio-cultural modernization in Russia (experimental analysis)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2. pp. 5–23.
12. Mitchell, W. (2012) *Me++: The Cyborg Self and the Networked City*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
13. Vodovozov, V.I. (1958) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical works]. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences.
14. Ushinskiy, K.D. (1948–1952) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works: in 11 vols]. Moscow; Leningrad.
15. Tolstoy, L.N. (1862) *O svobodnom vozniknovenii i razvitiy shkol v narode* [On the free emergence and development of schools among the people]. *Yasnaya polyana*.
16. Rachinskiy, S.A. (1991) *Sel'skaya shkola: sb. statey* [Rural school: Articles]. Moscow: Pedagogika.
17. Blonskiy, P.P. (1979) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Selected pedagogical works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
18. Krupskaya, N.K. (1983) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Baku: Maarif.
19. Makarenko, A.S. (1984) *Pedagogicheskaya poema: v 2 t.* [Pedagogical poem: in 2 volumes]. Tashkent.
20. Palfrey, J. & Gasser, U. (2011) *Born Digital: How Children Grow Up in a Digital Age*. Moscow: Eksmo-Press. (In Russian).
21. Sukhomlinskiy, V.A. (1969) *Pavlyshskaya srednyaya shkola: obobshchenie opyta uchebno-vospitatel'noy raboty v sel'skoy sredney shkole* [Pavlysh secondary school: summarizing the experience of educational work in a rural secondary school]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie.
22. Sotnikova, N.V. (2006) *Formirovaniye npravstvenno-esteticheskikh orientatsiy podrostkov v usloviyakh sel'skoy shkoly* [Formation of moral and aesthetic orientations of adolescents in a rural school]. Pedagogics Cand. Diss. Orenburg.
23. Gur'yanova, M.P. (2001) *Teoreticheskie osnovy modernizatsii sel'skoy shkoly Rossii* [Theoretical Foundations of the Modernization of the Rural School in Russia]. Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
24. Gruzdev, M.V. (2004) *Formirovaniye obrazovatel'nogo prostranstva sel'skikh territoriy* [Formation of the educational space of rural areas]. Pedagogics Dr. Diss. Yaroslavl.
25. Korshunova, O.V. & Ogorodnikova, S.V. (2018) *Metodologicheskie podkhody k obucheniyu i vospitaniyu v sel'skoy shkole* [Methodological approaches to teaching and education in a rural school]. Kirov: Vyatka State University.

Информация об авторах:

Сартакова Е.Е. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и управления образованием Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: lopolit@rambler.ru

Окушова Г.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: okushova@mail.ru

Еретнова Е.П. – преподаватель Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: 4elsi_91@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.E. Sartakova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lopolit@rambler.ru

G.A. Okushova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: okushova@mail.ru

E.P. Eretnova, lecturer, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 4elsi_91@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 378.4
doi: 10.17223/15617793/481/24

Индивидуальный образовательный маршрут при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей

Александра Владимировна Соболева¹, Татьяна Владимировна Мацалак²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *alex.art.tom@gmail.com*

² *tatianamatsalak@gmail.com*

Аннотация. Конкретизирован термин «индивидуальный образовательный маршрут». Предложено авторское определение индивидуальной образовательной стратегии, выделены внутренние и внешние факторы ее формирования. Доказано, что нелинейное построение учебного процесса и вариативность практических заданий способствуют повышению мотивации студентов и созданию положительной эмоциональной атмосферы на занятии. Делается вывод о том, что построение индивидуальных образовательных маршрутов студентов возможно за счет применения проблемно-ориентированной модели обучения.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория (ИОТ), индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ), общий образовательный маршрут, индивидуальная образовательная стратегия, субъективность, self-skills, осознанная цель, выбор

Для цитирования: Соболева А.В., Мацалак Т.В. Индивидуальный образовательный маршрут при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 215–229. doi: 10.17223/15617793/481/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/24

Individual educational track when teaching a foreign language to non-linguistic students

Aleksandra V. Soboleva¹, Tatiana V. Matsalak²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *alex.art.tom@gmail.com*

² *tatianamatsalak@gmail.com*

Abstract. The article considers the problem of building an individual educational trajectory of a non-linguistic student. The study reveals some students' characteristics that can and should be taken into account when creating the conditions for the implementation of student-centered development of foreign language competence in students with different levels of training and ability to communicate in a foreign language. The authors define the individual educational track as a consciously developed flexible curriculum that serves to achieve prioritized personal goals, that aims at implementing a flexible approach to EFL teaching and learning with regard to students' characteristics and abilities, and that depends on students' needs and desired results. The track also allows adjustments and improvements. The core of the student's individual educational track is an individual educational strategy as a system of educational strategies accepted by the student, interconnected with the student's goals, objectives and learning activities, provided with appropriate resources and opportunities to achieve the goals. The development of the student's individual educational strategy occurs under the influence of internal (formulation and comprehension of the goal, cultivation of self-care and, based on it, development of self-skills, subjectness, and ability to reflection) and external processes. Based on the degree of autonomy and independence in the educational process, there are three main ways that express the student's willingness to build an individual educational trajectory, track, or strategy under the influence of these factors. The article presents the results of a pedagogical experiment in teaching students of the Faculty of Chemistry at the National Research Tomsk State University. The study shows that the non-linear construction of the educational process and the variability of practical tasks contribute to a positive emotional classroom atmosphere, motivation for active and interactive learning, and the achievement of educational goals. It is necessary to take into account cognitive strategies in the learning process for a teacher to understand individual qualities in a group, intensify and individualize foreign language teaching, and expand the repertoire of student's cognitive strategies. To sum up, an individual educational trajectory supported by a problem-based lesson design contributes to effective learning of a foreign language. The results expand opportunities for teaching foreign language speaking at the university based on individual educational trajectories.

Keywords: individual educational trajectory, individual educational track, general educational track, individual educational strategy, subjectivity, self-skills, conscious goal, choice

For citation: Soboleva, A.V. & Matsalak, T.V. (2022) Individual educational track when teaching a foreign language to non-linguistic students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 215–229. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/24

Введение

Актуальным направлением сегодня является индивидуализация иноязычного образования, учитывающая субъективный опыт обучающихся, их индивидуальные особенности, предоставляющая свободу выбора и позволяющая интегрировать обязательный компонент иноязычной подготовки с индивидуальным образовательным маршрутом внутри дисциплины. Индивидуализация отвечает требованиям различных современных подходов к обучению. С точки зрения осуществления коммуникативного подхода индивидуализация процесса иноязычного образования понимается как соотнесение приемов обучения с личными, субъективными и индивидуальными свойствами обучающегося [1. С. 73]. Другие авторы указывают на необходимость сохранения учебной автономии обучающихся с предоставлением выбора содержания и способа изучения материала и дифференциации обучающего материала с учетом личных особенностей и когнитивных стилей обучающихся [2. С. 106]. С позиции когнитивного подхода успешное освоение иностранного языка обеспечивается комплексом когнитивных процессов и включает в себя учет когнитивных стилей, стратегий обучающихся и индивидуально специфические особенности [3. С. 27–28; 4. С. 71]. Компетентностный подход указывает на индивидуальность процесса освоения компетенции, поскольку в результате личностно-обусловленного присвоения информации возникают знания, субъектные по своей природе, так как для каждого обучающегося знание будет обладать индивидуальными ассоциациями и эмоциональным аспектом [5].

Построением индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ) исследователи занимаются на протяжении более 20 лет. Современные исследования ИОТ делают акцент: на развитие личности на базе ИОТ, достигаемое через *рефлексию обучающегося*, чьи результаты становятся основой для оценивания и корректировки индивидуальной образовательной деятельности [6. С. 34]; *формирование общих и профессиональных компетенций* средствами «навигатора профессионального становления» в образовательном процессе [7. С. 83–85], развитие self-компетенций [8]; *формирование билингвальной составляющей* в профессиональной компетенции, отражающей когнитивные, нарративные и конативные характеристики личности [9. С. 21]; *развитие внутренней мотивации* изучения иностранного языка на модели – с применением «индивидуальных диагностических карт» – ведения «дневника индивидуального развития» в процессе освоения дисциплины «Иностранный язык» и разработки критериев «сформированности профессионально-личной значимости иностранного языка», «мотивационного» критерия и «сформированности иноязычной речевой деятельности» [10. С. 12–13];

акмеологическую технологию прогнозирования индивидуальной профессионально-ориентированной траектории как основу *формирования стратегий профессионального и личного роста*, создания индивидуальной системы целеполагания, активации субъектной позиции студента и гармонизации временной транспективы развития [11]; осмысление проблемы индивидуального обучения и *связи с коллективным воспитанием* в формировании индивида как личности, где профессионально-личностное развитие зависит от индивидуально-психологических способностей индивидуума и созданных условий для реализации потенциала; выстраивание ИОТ базируется на осмыслении «индивидуального вхождения в профессию» и включения в социальную активность, развивающих личностные и профессионально значимые качества [12. С. 8], а траектория развития личности совершается в непрерывной зависимости «природного потенциала индивида» и его связи с обществом посредством продуктивной профессиональной коммуникации [13].

Ряд исследований, посвященных индивидуализации процесса обучения, направлен на определение факторов индивидуализации иноязычного образования посредством латентных *характеристик подготовленности обучающихся* и трудности задания [14], выявление связи между *типом мышления и способом восприятия* информации обучающимися [15], обеспечение *психологического сопровождения* ИОТ обучающихся, позволяющее на основе целенаправленного анализа корректировать и совершенствовать образовательную деятельность [16], учет когнитивных стилей и стилей обучения [17–19], создание информационно-образовательной среды, в которой обеспечивается раскрытие индивидуальности обучающегося, формируется система ценностей и обеспечивается самореализацию индивидуума [20], создание адаптивной образовательной среды, соответствующей уровню подготовки, индивидуальным особенностям, потребностям и интересам обучающихся, обеспечивающей вариативность методов, приемов и средств обучения иностранному языку [21. С. 13–18], создание инновационной образовательной среды на основе анализа цифрового следа образовательной деятельности обучающихся [22], построение индивидуальных образовательных траекторий и маршрутов в системе непрерывного многоуровневого образования на основе синхронно-асинхронной образовательной деятельности [23], изучение соотношения стадии профессионального становления личности, освоения новой социальной роли и профессионального поведения и выбора формы непрерывного образования [24. С. 78, 81].

Несмотря на широкое рассмотрение понятия и содержания ИОТ и изучение вопросов ее формирования, ряд вопросов остается нерешенным, в частности то, какие индивидуальные особенности обучающихся

могут и должны быть учтены при создании условий реализации личностно-ориентированного развития иноязычной компетенции группы студентов с разным уровнем подготовки и способности осуществлять иноязычное общение.

В данной статье анализируются понятия «индивидуальная образовательная траектория» и «индивидуальный образовательный маршрут» (ИОМ), выделяется индивидуальная образовательная стратегия как основа, способствующая формированию образовательного маршрута обучающегося, а также приводятся результаты педагогического эксперимента на основе выделенных нами принципов при обучении студентов химического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ).

Понятие и сущность индивидуальной образовательной траектории

Хотя понятие индивидуальной образовательной траектории часто встречается в современных публикациях, его трактовка требует уточнения и разграничения с понятием «индивидуальный образовательный маршрут», который часто отождествляют с ИОТ. Наряду с этими понятиями также используются «обобщенный образовательный маршрут», «индивидуальная образовательная программа» и «индивидуальный учебный план», поэтому представляется необходимым определить различие между данными понятиями.

В антропологическом контексте чья-либо траектория рассматривается как след, образовавшийся от уже пройденного человеческого пути [25]. Однако образовательная программа есть видение и определение версий собственного образовательного будущего. Отсюда, с точки зрения тьюторской деятельности, ИОТ – это осмысление прошлого опыта обучающегося, анализ и переосмысление образовательного опыта в контексте настоящего состояния, планов и намерений, в то время как ИОМ – это работа с вектором будущего и осознание целей и замыслов на основе образов и тенденций будущего, способность выстраивать собственные образовательные шаги [25]. Таким образом, траекторию мы рассматриваем не только как ретроспективу движения, уже пройденный путь в личном образовании, но и как настоящее, в котором находит свое отражение сложившийся опыт. В траектории есть перспектива движения, отталкиваясь от которой можно выстраивать дальнейшие планы.

Обобщенный образовательный маршрут определяется как совокупность общих для всех студентов «этапов, периодов, линий, характеризующих их продвижение при получении образования и отражающих взаимодействие с образовательной средой». Понятие раскрывает сущность ИОМ как одного из вариантов ООМ [26. С. 84]. В нашей работе мы оперируем понятием **общий образовательный маршрут (ООМ)**, понимая под ним маршрут, установленный для всех, доступный каждому студенту согласно существующей программе профессиональной подготовки, вы-

строенный университетом без учета индивидуальных целей и задач образования. В отличие от обобщенного маршрута, общий маршрут не представляет собой множество индивидуальных маршрутов, а является маршрутом, который может существовать параллельно с индивидуальными маршрутами.

В понятии «индивидуальная образовательная программа» (ИОП), «программа» выступает как план деятельности или работы, связанный с алгоритмом, заданной последовательностью действий. В словаре педагогических терминов понятие «образовательная программа» определяется как «комплект документов, определяющих содержание и технологию образования определенного образовательного уровня и направленности» [27. С. 137], а построение программы – «конкретный план действий по реализации модели в определенных условиях и в установленные сроки» [27. С. 168].

«План» (от лат. *planum*) как ключевая лексическая единица понятия «индивидуальный учебный план» (ИУП) толкуется как «то, что должно быть достигнуто, добыто, осуществлено в результате заранее намеченных мероприятий, работ» [28]. «Учебный план», согласно словарю методических терминов, есть документ, определяющий состав учебных предметов, изучаемых в данном учебном заведении, их распределение по годам обучения, количество времени, отводимое на каждый учебный предмет [29. С. 336]. Из наших рассуждений следует, что ИОП есть расписание контрольных точек ИОМ, а контрольные точки ИОМ могут быть установлены в ИУП.

Анализ определений [26. С. 82; 30; 31. С. 108; 32; 33. С. 82; 34. С. 13; 35. С. 2] подтверждает, что понятие ИОТ носит более комплексный характер, чем ИОП и ИУП. Мы присоединяемся к исследователям (С.А. Вдовина, П.В. Сысоев, М.А. Шеманьева и др.), которые видят понятие ИОТ как более широкое в сравнении с ИОМ и рассматривают в структуре ИОТ несколько образовательных маршрутов (как общих, так и индивидуальных). Соответственно, каждый ИОМ обладает своим содержанием, требует специфичных технологий организации образовательного процесса в соответствии с особенностями дисциплины. В определениях ИОТ и ИОМ мы находим такие общие акценты, как индивидуальные особенности, возможности, способности и интересы личности, но также и разделяем эти два понятия, выделяя в ИОТ акценты на опыт и его переосмысление в контексте настоящего, в то же время ИОМ – осознанный вектор будущего с учетом накопленного опыта.

Важно отметить, что ИОМ может не совпадать с ИОТ, если в ИОТ недостаточно детализируется весь путь прохождения маршрута, а в содержании маршрута могут быть только контрольные точки. В результате совмещения результатов контрольных точек и цели маршрута может корректироваться содержание маршрута.

Итак, под **индивидуальной образовательной траекторией** мы будем понимать индивидуальный путь развития обучающегося, в котором прослеживается непрерывное движение от прошлого к моменту настоящего с учетом индивидуальных образовательных потребностей и целей; в ретроспективе движения

возможно оценить формирование и развитие индивидуальных способностей, накопленный опыт и достижения индивидуума, отразить развитие общих и профессиональных компетенций на текущий момент и актуализировать цели и задачи дальнейшего образовательного пути индивидуума.

Под **индивидуальным образовательным маршрутом** студента мы понимаем сознательно разработанную гибкую учебную программу с целью достижения приоритетных персональных целей обучающегося, в которой реализуется гибкий подход к особенностям и способностям обучающегося и – в зависимости от нужд и желаемого результата обучающегося – корректировка и совершенствование образовательного маршрута обучающегося. В свою очередь, **иноязычный индивидуальный образовательный маршрут** (ИИОМ) объединен предпочтениями и целями студента в иноязычной подготовке и технологией по реализации ИОМ на основе индивидуализации иноязычного образования, взаимодействия студента и преподавателя иностранного языка; целью ИИОМ являются предоставление обучающемуся условий освоения знаний, навыков и умений в соответствии с его индивидуальными особенностями и достижение лично-значимого результата обучения.

Технология построения индивидуального образовательного маршрута в обучении иностранному языку

При рассмотрении ИОТ и ИОМ в контексте модели общедоступного образования, где присутствует коллективная форма обучения, «индивидуальное», являясь ключевым в обоих понятиях, вступает в противоречие с «коллективным», «массовым». В понятие «индивидуальное» мы вкладываем посыл «это Я делаю что-то для себя». В условиях массового образования в какой-то степени адекватно оперировать понятием «индивидуализированное» с посылом «кто-то делает что-то для меня». Нередко на начальном этапе получения высшего образования студенты не готовы быть автономными и брать на себя ответственность, и здесь мы допускаем построение ИОМ на основе инициативы со стороны преподавателя. В этом случае мы говорим об «индивидуализированном образовании», так как мы не видим здесь личных устремлений обучающегося. Однако мы не утверждаем, что это неверный путь, так как для многих такой образовательный путь будет приемлемым, пока не появится личная активность в определении своего образовательного пути. Личность обучающегося постоянно развивается и переосмысливает свой опыт и будущие устремления, поэтому возможны смена ориентира на инициативность в вопросе собственного образования и пересмотр своего отношения к самостоятельному управлению процессом своего обучения. Из вышесказанного мы делаем вывод, что для формирования ИОТ нам необходимо определить аспекты, способствующие возвращению ИОМ как части «индивидуального образования» обучающегося, а также обозначить путь,

который обучающийся проходит на пути к «индивидуальному образованию».

Мы выделяем индивидуальную образовательную стратегию как ядро ИОМ обучающегося. В нашем понимании **индивидуальная образовательная стратегия** (ИОС) – это система принятых обучающимся образовательных тактик, взаимосвязанных с целями и задачами обучающегося и программой его действий, обеспеченных соответствующими ресурсами и возможностями по достижению поставленной цели. Развитие ИОС обучающегося происходит под влиянием внутренних и внешних процессов. К **внутренним процессам** мы относим такие, которые являются сферой активности обучающегося из-за сугубо личной природы этих процессов: *формулирование и осознание цели*, возвращение концепта «*забота о себе*» и на его базе *формирование self-skills* и своей субъектности, *способности к рефлексии*.

Мы считаем, что сформулированная и осознанная цель является триггером, запускающим процесс построения ИОС, который лежит в основе выстраивания ИОМ при активном участии обучающегося (в данном случае мы рассматриваем иноязычный индивидуальный образовательный маршрут – ИИОМ). При этом ИОС может объединять несколько ИОМ. Например, обучающийся поставил цель попасть на стажировку в международную компанию; продумывая, как именно реализовать эту цель, надо разделить задачу на этапы, выделить ориентиры ее достижения, проанализировать имеющиеся и недостающие навыки и умения – т.е. выстроить ИОС. Параллельно с этим этапом обучающийся может начать выстраивать ИОМ, который может включать как иноязычный ИОМ, так и маршрут иного содержания.

Под self-skills мы понимаем группу особых компетенций, включающих в себя самоопределение, самоорганизацию, самостоятельную инициативную деятельность человека и, соответственно, способность выстраивания ИОМ [25]. В свете этой концепции задачами современного педагога становятся оказание помощи в высвобождении потенциала воспитанника, научение его делать выбор и направить собственное развитие в нужное русло. «Образовывать себя», по Мишелю Фуко, означает «заботиться о себе» [36]. Развивая этот концепт, Т.М. Ковалева, Г.И. Петрова, В.М. Розин указывают, что процесс образования человека применим к сфере антропoprактики, и поднимают вопрос соотношении субъектности и субъективности в развитии человека, о взаимосвязи этих характеристик относительно развития индивидуума [37, 38]. Процесс складывания субъектности, по М. Фуко, происходит через социальные процессы, влияющие на индивида и конструирующие его становление «через заботу о себе». Волевые, интеллектуальные, физические, моральные усилия индивида как неотъемлемая часть «заботы о себе» помогают привести внутренние желания и интересы в соответствие с ситуацией его существования, позволяют ему стать субъектом своих целей и через практики «самости» складывать свою субъектность [36. С. 23–32].

Уровень сформированности субъектности обучающегося – это не только совокупность качеств «самости», но и способность к рефлексии – способность человека видеть себя со стороны и постоянно, непрерывно себя образовывать. Следует обратить внимание на экспериментальные данные И.Н. Семенова, указывающие на неоднородность рефлексии, которая определяется не только интеллектуальной рефлексией, но и тем, как она взаимодействует с личностной рефлексией. Автор подчеркивает, что рефлексия есть «взгляд назад, осознание существенных моментов путем размышления и для понимания происходящего» и связывает ее с целеполаганием и смыслообразованием личности и предвидением будущих перспектив [39].

Внешние процессы, оказывающие влияние на формирование ИОС, – это процессы, инициированные извне с целью создания условий для развития ИОС и дальнейшего выстраивания образовательного маршрута. Сюда мы можем отнести выделенные в результате диагностики индивидуальные особенности обучающихся, оказывающие влияние на эффективность учебного процесса и успеваемость обучающихся при изучении дисциплины «иностраный язык». В нашей работе мы хотим привлечь внимание к проблеме выбора, которая является подтверждением «самости» обучающегося. С. Кьеркегор указывает на выбор эстетический, основанный на предпочтениях и вкусах, который вместе с тем ситуативен и легко сменяем другим выбором, и этический выбор, где качество акта выбора является важнее того, что выбирается, именно здесь происходят трансформация личности и

осознание себя как «человека выбирающего» в условиях выхода из зоны комфорта или преодоления трудностей [40. С. 20]. Выбор – это та категория, которая позволяет современному человеку раскрыть свой потенциал по преобразованию самого себя и мира вокруг себя, при этом взяв на себя ответственность за совершенный выбор в условиях ограниченности ресурсов.

Из опыта внедрения ИОТ на площадках университетов России [41] мы выделяем в выборе следующие факторы:

- ответственность за свои поступки, решения и действия, персональная ответственность;
- ограничение, которое приводит к ситуации невозможности предоставить всем доступ к уникальным ресурсам;
- неопределенность и непредсказуемость (невозможно предсказать поступки индивида, не понимая и не осознавая полной картины: что его побуждает к действию, ради чего он это делает, какие усилия он готов приложить, каковы его мысли и рассуждения и т.д. [40. С. 23–24]);
- ценность, осознаваемая в качестве возможности влиять на свое будущее и позволяющая найти подходящее решение в различных жизненных ситуациях.

Под влиянием указанных факторов обучающийся проходит определенный путь к готовности выстраивать ИОМ и развивать ИОС (табл. 1). Мы выделяем три основных пути, основанных на степени самостоятельности и независимости в образовательном процессе, выражаемой в готовности студента выстраивать ООМ, ИОМ или ИОС.

Таблица 1

Путь обучающегося к ИОМ и ИОС

Готовность к ООМ	Готовность к ИОМ	Готовность к ИОС
Обучение контролируемое и ведомое преподавателем	Обучение на основе самоуправления	Обучение на основе самоопределения приоритетных областей
<i>Степень независимости обучающегося в процессе обучения от контроля преподавателя</i>		
Высокая степень зависимости; преподаватель определяет, что, где и когда что-либо следует изучать	Обучающийся независим; стремление к самостоятельности в достижении результата, установленного другим лицом; обучающийся берет инициативу в части решения проблем в своем образовании, но нуждается в помощи, чтобы определить проблемные места	Обучающийся знает, к чему он стремится; взаимозависимость между обучающимся и тем, кто может помочь ему в определении способов достижения цели; обучающийся идентифицирует проблемные места, анализирует их и предпринимает активные действия для изменения ситуации
<i>Характеристика обучающегося</i>		
Обучающийся полностью полагается на преподавателя во всех вопросах обучения; обучающийся не готов взять инициативу в отношении своего образования	Обучающийся нуждается в ком-то, кто будет направлять и инструктировать его в процессе обучения; обучающийся нуждается в наставнических отношениях и при этом готов взять инициативу в определении направления своего обучения	Обучение необязательно носит линейный характер, готовность к поиску недостающего конструкта в знании из других учений и направлений – межпредметный подход; обучающийся в поиске дальнейших перспектив развития своего уровня познания, он готов к задачам-вызовам; потребность в знаниях, навыках и умениях носит осознанный (обучающимся) характер; образование рассматривает в категориях – обучение длиною в жизнь
<i>Мотивация</i>		
Доминирует внешняя мотивация	Доминирует внутренняя мотивация: обучающийся получает удовлетворение от успешного выполнения сложных задач	Основа мотивации лежит в знании стратегий познания, вовлеченности и концентрированности на изучаемом явлении: – неизвестное привлекает; – на трудную задачу смотрит позитивно, как вызов для саморазвития

Готовность к ООМ	Готовность к ИОМ	Готовность к ИОС
<i>Роль преподавателя</i>		
Организатор учебного процесса – предлагает задачу, побуждающую иноязычную познавательную-коммуникативную деятельность, обеспечивает материалами, которые преподаватель определил как эффективные и интересные по содержанию	Фасилитатор – предоставляет задачу, но при этом подталкивает обучающихся к поиску путей решения, развивает метакогницию обучающихся	Наставник – открывает возможности, взаимосвязи и многогранности ситуации, поощряет культуру коллаборативной работы и пытливого ума
<i>Наличие лично-значимой цели иноязычного обучения</i>		
Личная цель не выражена, обучающийся следует задаче, поставленной преподавателем	Личная значимость цели формируется на основе совершения выбора из предлагаемых задач	Обучающийся самостоятельно формулирует свою цель в рамках ИОМ
<i>Результат иноязычного обучения</i>		
Продиктован требованиями программы подготовки	Акцент на индивидуальные достижения в рамках требований программы	Результат обучения индивидуализирован

Готовность обучающегося к выстраиванию индивидуального маршрута была проанализирована с позиции роли обучающегося и преподавателя в познавательном процессе, его готовности к самостоятельному развитию навыков и компетенции. Мы полагаем, что готовность к выстраиванию ИОМ характеризует достаточно высокий потенциал к образовательной самостоятельности. На основе дифференциации преподавателем задач обучения и выбора со стороны обучающегося из предлагаемого списка задач возможно создание лично-значимой цели обучения на основе компромисса между требованиями программы подготовки и интересами и потребностями обучающегося. Чем ближе обучающийся к готовности развивать ИОС, тем больше он готов сам определять приоритетные для себя области развития, природа мотивов становится более субъективной, а результат обучения – индивидуальным.

Под проектированием ИИОМ мы понимаем совместную деятельность студента и преподавателя дисциплины «иностранный язык» при поддержке со стороны служб образовательной среды университета по определению психолого-педагогических особенностей студента, определению будущего результата и выделению целей личностного развития студента, а также совмещение требований рынка труда, образовательных целей и результатов диагностики индивидуальных особенностей студента, его целей, мотивов, текущего и желаемого результата. Анализ, проведенный выше, позволяет нам сформулировать принципы, на которых мы будем основываться при построении ИИОМ:

- 1) студент является субъектом проектирования своих образовательных маршрутов;
- 2) индивидуализация строится на основе внутренних аспектов формирования ИОС и выделенных индивидуальных особенностей обучающихся;
- 3) роль преподавателя смещается в сторону оказания педагогической поддержки в формировании ИИОМ и предоставлении выбора в соответствии уровнем подготовки и потребностями обучающегося;
- 4) учет субъективного опыта, индивидуальных особенностей обучающегося, его мотивов, потребностей и склонностей;
- 5) организация взаимодействия «студент–преподаватель» на основе диалога, сотрудничества и взаимопонимания.

Организация и проведение педагогического эксперимента

В качестве гипотезы эксперимента было выдвинуто предположение о том, что процесс обучения иноязычному говорению студентов будет эффективным, если при методической разработке занятия по иностранному языку мы будем учитывать индивидуальные когнитивные аспекты, связанные с индивидуальным профилем функциональной межполушарной асимметрии, и его связи с когнитивным стилем обучающегося. Были поставлены следующие задачи:

– установить влияние выделенных индивидуальных когнитивных аспектов на иноязычный учебный процесс в условиях групповой работы и на основе анализа полученных данных определить, какие параметры учитывать при дальнейшей разработке алгоритма для проектирования ИИОМ;

– определить степень влияния предлагаемой вариативности практических заданий на эффективность процесса обучения иностранному языку, где вариативность задания согласуется с модальностями восприятия – аудиальной, визуальной, кинестетической, или с уровнем сложности задания.

Характеристика участников педагогического эксперимента. Педагогический эксперимент проводился на базе химического факультета НИ ТГУ. В эксперименте приняли участие 27 студентов первого курса бакалавриата с уровнем владения английским языком А2–В1 по шкале CEFR [42]. Как представителям поколения Z участникам эксперимента свойственны следующие черты, нашедшие свое отражение в предпочтительном стиле общения, познавательных, поведенческих и психологических особенностях [43. С. 220–222]:

– склонность к альтероцентрической направленности в общении (ориентация на партнера общения, понимание потребностей и чувств другого, оказание помощи и поддержки); на втором и третьем местах по выбору стиля общения проявились конформная и манипуляторная направленность в общении;

– влияние цифрового образа жизни на переработку информации – тенденция к многозадачности, работа с потоковой информацией с быстрым переключением внимания, но со сниженной концентрацией внимания; закрепление в памяти алгоритма получения информации, но не его содержания; совместное использование информации членами группы с полаганием на воспо-

минания друг друга («трансактивная» память (Betsy Sparrow)) [44];

– направленность на личное развитие, самостоятельность, саморазвитие и индивидуализацию;

– психологические характеристики поколения в концептах «согласие, сознательность и открытость опыту», «вера в разговоры», «сознательная приверженность к катастрофизации» [45].

Анализ обратной связи студентов, проведенный Тьюторской службой НИ ТГУ в сентябре–октябре 2021 г., позволил дополнить портрет студентов первого курса химического факультета. Почти 60% поступивших сделали осознанный выбор направления подготовки. По их мнению, в университете они могут улучшить коммуникативные качества, развить в себе дополнительные навыки (soft-skills / self-skills), приобрести жизненный опыт и научиться решать проблемы самостоятельно. Студенты естественного направления заинтересованы в изучении иностранного языка и, согласно опросу, отводят ему второе место после спортивной деятельности. Чтобы реализовать свой интерес в университете, студенты естественного направления определили следующие три шага: адаптироваться к учебе, работать над собой (решить проблему расписаний и

посещаемости, развить личные качества) и поставить цель (понять свои стремления).

Опрос показывает, что участники эксперимента вне классной деятельности мало общаются устно на иностранном языке, например по видеоконференции со сверстниками, или принимают участие в мероприятиях (рис. 1). Большинство участников высказали предпочтение в пользу прослушивания аудиоконтента или просмотра видео на иностранном языке.

Анализ ожиданий от занятий иностранным языком указывает на желание восполнить недостающий объем речевой практики на иностранном языке в условиях взаимодействия с друг с другом (рис. 2). 51% опрошенных хотели бы дополнить обязательный компонент иноязычной подготовки вариативным компонентом, где будут учитываться их область интересов, особенности в восприятии нового знания, стиля мышления и обучения (рис. 3). В этом же опросе мы выявили, что 44,8% респондентов хотели бы дополнить обязательный компонент ИЯ подготовки адаптивным компонентом, так как они осознают свои трудности в освоении ИЯ и нуждаются в компоненте, который поможет откорректировать слабые навыки и умения, улучшить их в соответствии с их нуждами.

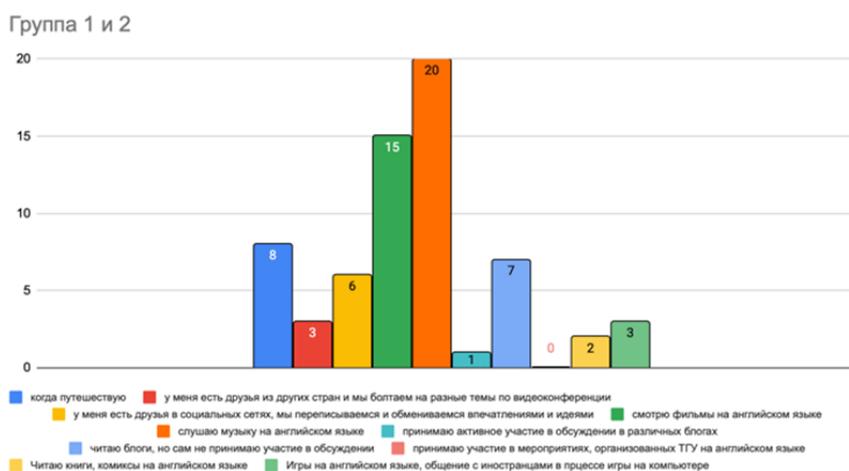

Рис. 1. Применение иностранного языка вне класса

Рис. 2. Ожидания от занятий ИЯ

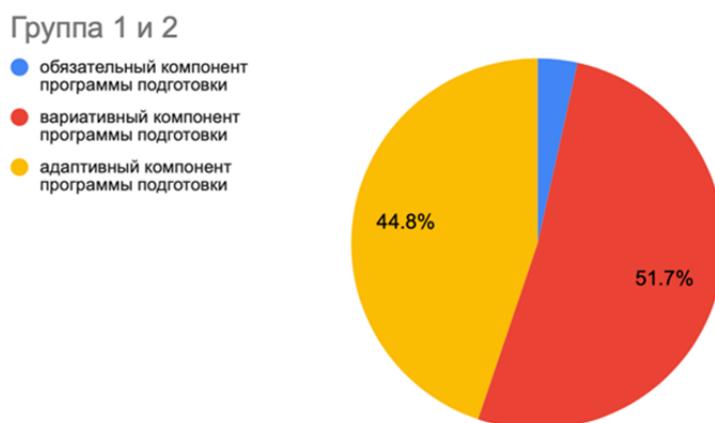

Рис. 3. Выбор студентов при условии согласования с ними программы их индивидуальной иноязычной подготовки

Процедура педагогического эксперимента заключалась в осуществлении диагностики, составлении группового профиля групп, организации и проведении четырех занятий с каждой группой по теме “Education” с применением проблемно-ориентированной (исследовательской) модели обучения, анализе и интерпретации полученных результатов педагогического эксперимента.

На этапе диагностики были опрошены 27 студентов химического факультета НИ ТГУ с целью выявления параметров, которые мы можем учитывать при выстраивании ИИОМ и дальнейшего формирования плана занятий и практик с учетом выделенных модальностей в группах. Были использованы: тест на определение индивидуального профиля асимметрии по результатам моторных проб по методике Н.Н. Брагиной и Т.А. Доброходовой [46]; опрос на определение доминирующей модальности восприятия и предпочтительного стиля обучения [47]; формы обратной связи на выявление ожидания обучающихся от занятий, выбора обучающимися программы индивидуальной иноязычной подготовки; значение выбора в формате выполнения самостоятельной работы студента. Данные диагностики были дополнены характеристиками групп в процессе наблюдений и данными исследований Тьюторской службы НИ ТГУ, также были учтены выделенные психолого-педагогические особенности поколения Z.

В результате проведенного теста и опроса было выявлено, что групповой профиль по результатам моторных проб и предпочтительному стилю в обучении в целом совпадает по двум группам, хотя есть небольшие различия (рис. 4). Ниже дадим краткую характеристику по группам.

Группу 1 можно охарактеризовать как группу, в которой царит творческая атмосфера. В группе есть те, кто готов брать инициативу в различных практиках, а также те, кого сложно вовлечь в процесс обучения. Мы отметили, что работоспособность группы на занятии зависит от разнообразных внешних факторов, например таких, как раннее утро, которые значительно снижают скорость включения в деятельность. На основе проведенного анализа определено, что данная

группа на 75% состоит из студентов, обладающих доминантностью левого полушария (рис. 4), и это в целом совпадает с их результатами освоения ИЯ. Оставшиеся 25% составили студенты с правополушарным доминированием, сюда же вошли и те, у кого слабая заинтересованность в изучении ИЯ, однако мы не можем говорить с уверенностью, что данные физиологические характеристики являются причиной более слабых результатов освоения дисциплины. Мы полагаем, для выяснения истинных причин необходимо более детальное изучение индивидуального профиля каждого обучающегося.

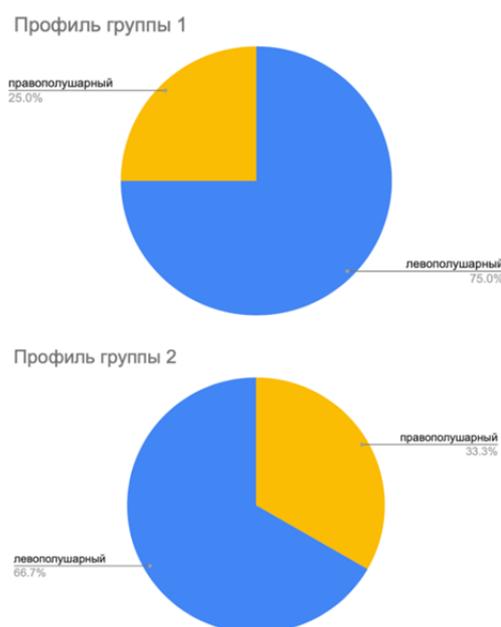

Рис. 4. Профиль асимметрии в группах

Группу 2 можно описать как дисциплинированную, хорошо организованную, способную к согласованной самостоятельной работе и характеризующуюся активностью работы в классе; группа быстро включается в деятельность, умеет «учиться» и настроена на получение знаний. В группе 66,7% студентов с левополушарной доминантностью (рис. 4), однако

замечено, что у тех, кто вошел в группу с правополушарной доминантностью, присутствуют хорошие иноязычные навыки и умения, что порождает уверенность в необходимости более детального изучения индивидуального профиля. Это, в свою очередь, дает нам понимание, что для преподавателя исследование данной доминантности будет трудоемко и результаты будут сложно интерпретировать.

В ходе опроса на установление предпочтительного стиля в обучении выяснено, что обе группы предпочитают кинестетический канал в качестве доминирующего канала восприятия. Стоит отметить, что для группы 1 кинестетический (39%) и визуальный каналы (34,8%) являются более предпочтительными; студенты группы 2 предпочитают кинестетический канал как основной (30%), и важным дополнением для них выступают визуальный канал и восприятие через письмо и чтение (по 25%) (рис. 5).

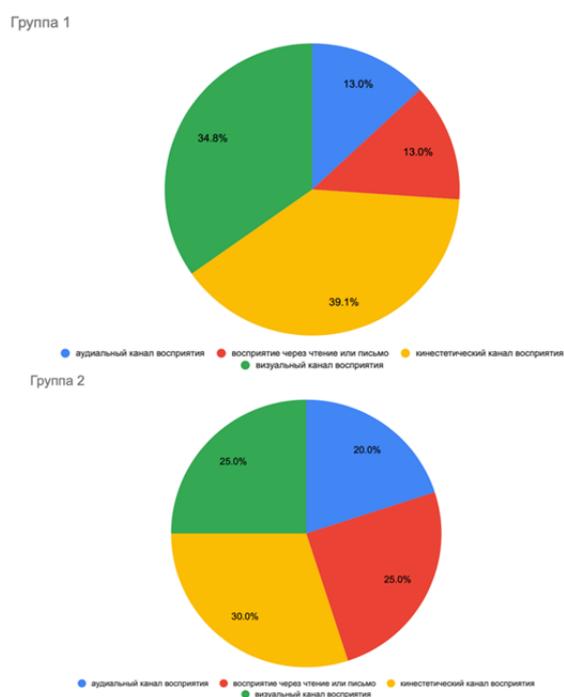

Рис. 5. Предпочтительный стиль обучения

В обеих группах на эксперимент было отведено одинаковое количество часов, с одинаковой темой обучения, коммуникативными заданиями, упражнениями и предлагаемой самостоятельной работой на основе выбора. С целью учета выявленных профилей группы, дополненных данными о предпочитаемых стилях обучения, было принято решение выбора модели организации урока, в которой возможно ориентироваться на всех студентов и подготовку самостоятельной работы студента на основе индивидуального выбора предпочитаемого стиля в обучении. Мы пришли к выводу, что проблемно-ориентированная технология построения занятий будет оптимальным вариантом, где мы можем учесть выявленные индивидуальные особенности группы [48, 49], поскольку именно такая технология предполагает позицию обучающегося как активного деятеля обучения, где на

основе выбора создаются собственные значения и смыслы. Это движение от пассивного наблюдателя к активному познавательному и конструктивному процессу. основополагающими факторами являются то, что обучающийся *знает*, как он *размышляет* о том, что он знает, как он *приращивает* свои знания. Стадии модели урока могут быть реализованы в рамках одного занятия длительностью 2 академических часа или в течение серии уроков.

С целью установления влияния индивидуальных когнитивных аспектов на иноязычный учебный процесс в условиях групповой работы были разработаны задания с учетом группового профиля асимметрии и дополнены методическими решениями, которые будут способствовать развитию иноязычной коммуникативной компетенции студентами как с лево-, так и с правополушарным профилем, а именно:

1. Учет доминирующего типа мышления в группе при инструктировании и объяснении, внесение в задание элементов, позволяющих учесть особенности мышления с правополушарным доминированием.

2. Диверсификация стратегий семантизации слова при работе с новой лексикой. Стратегия «словообобщения» характерна для обучающихся с доминированием левого полушария (связь от знаковой системы родного языка к изучаемому по принципу «слово–слово»). Представители с доминантностью правого полушария применяют стратегию «словопредставления», т.е. «слово–образ», с опорой на эмоциональную сферу.

3. Формирование навыков говорения и развитие умений иноязычного говорения. Для представителей с доминированием левого полушария построение высказывания на иностранном языке происходит без труда при наличии алгоритмов действий. В познавательную и коммуникативную деятельность они включаются медленнее, чем с доминирующим правым полушарием, поэтому следует включать предварительные упражнения и активности, позволяющие студентам включиться в коммуникацию на иностранном языке.

4. При работе над ошибками необходимо также учитывать склонность обучающихся с правополушарной доминантностью к аграмматизму вследствие трудности сосредоточиться на деталях и быстрому переходу на уровень произвольной речи. Поэтому им свойственна неосознанность ошибки в речи, и это требует от преподавателя применения яркого образа для привлечения внимания к ошибке. Для левополушарного доминирования самоконтроль грамотности речи на родном языке помогает им легче добиваться правильности употребления иностранного языка, однако здесь возможна проблема боязни совершить ошибку.

Участникам эксперимента было предложено задание на основе аутентичного текста “The worst learning experience”. В ходе работы в парах испытуемые заполняли таблицу, совместно организуя правило применения герундия и инфинитива. Логика работы с заданием соответствовала логике левополушарного доминирования – восприятие информации последовательно, концентрируясь на деталях. Для вовлечения

в работу студентов с правополушарным доминированием за основу был взят аутентичный текст с возможностью достигнуть понимания введенных лексических единиц с опорой на догадку и нахождение решения по типу озарения.

В формах обратной связи студентам было предложено оценить задание (от 1 до 3 баллов) в соответствии с легендой (табл. 2). Полученные результаты и наши наблюдения подтверждают высокую вовлеченность студентов в познавательный процесс. Мы заметили, что в группе 2 значительно больше студентов оценили задание в 3 балла по сравнению с группой 1. Это обстоятельство может указывать на личные качества членов группы, указанные нами выше, их высокую организованность и самостоятельность.

Таблица 2
Анализ обратной связи (1)

	3 Задание было интересным, я все понял(а), многое запомнил(а) и уверен(а) что смогу применить	2 Задание было интересным, остались вопросы, нужно время, чтобы я мог(ла) уверенно применить	1 Неинтересное задание, непонятное	Отсутствие
Группа 1	4 (27%) (3 ЛПД* / 1 ППД**)	9 (60%) (6 ЛПД / 3 ППД)	1 (ЛПД)	1
Группа 2	5 (42%) (3 ЛПД / 2 ППД)	7 (58%) (5 ЛПД / 2 ППД)	0	0

* ЛПД – левополушарная доминантность; ** ППД – правополушарная доминантность.

Мы пришли к выводу, что учет обоих типов асимметрии позволяет, с одной стороны, индивидуализировать процесс обучения, а с другой – создать условия для обучающихся, в которых через обсуждение и конструирование знания они могут расширить ассортимент стратегий работы с иноязычным материалом. Непривычный формат задания вносит новизну, что положительно сказывается на внимании и восприятии материала.

В период эксперимента мы оценивали влияние категории «выбора» на процесс обучения и реакцию обучающихся на предоставление выбора в выполнении коммуникативного задания на уроке и самостоятельной работы. Студентам было предложено два варианта выполнения коммуникативного задания: первый вариант – для тех, кому нужно больше практики с конструкциями “Gerund and Infinitive”, второй вариант – для тех, кто хочет практиковаться с заданием более высокой сложности. Так как в группах присутствовали обучающиеся с неодинаковым уровнем подготовкой, то через сознательный выбор студента мы хотели создать условия преодоления посильной трудности, а для других студентов дать возможность преодоления неуверенности или боязни ошибок. Те, кто выбрал вариант 1, выполняли задание в группах по 4 человека, исправляя услышанную в вопросе ошибку с опорой на ответы задающего вопрос. После успешного вы-

полнения всего цикла задания группе было предложено выполнить вариант 2. Участники группы охотно соглашались и выполняли второй вариант задания в парах.

Пример варианта 1**Student A:**

What is something that you have recently avoided to do? (wrong – avoid doing)

What didn't your parents allow you to do? (correct)

Для тех, кто выбрал второй вариант, задание заключалось в том, что при услышанной в вопросе ошибке (уже без опоры на правильный ответ) студенту нужно было переспросить об услышанной информации с исправлениями.

Пример варианта 2

A: *Do you enjoy to go to concerts?*

B: *I'm sorry. Did you ask me if I enjoyed going to concerts?*

A: *Yes.*

B: *Oh. Yes... I saw Justin Bieber last year and...*

Наблюдая за работой групп, мы отметили следующее:

– в группе 1 чуть больше половины студентов выбрали второй вариант выполнения задания; уровень задания для части студентов был выше ожидаемого, это вызвало трудности на начальном этапе работы, которые смогли преодолеть внутри рабочей группы на основе взаимоподдержки;

– в группе 2 более 80% студентов выбрали первый вариант задания, с которым справились быстро, но, преодолев неуверенность, перешли ко второму варианту.

Результаты обратной связи показали, что более 60% студентов оценили коммуникативное задание на 3 балла, треть студентов дали оценку 2 балла (табл. 3). Было несколько интересных комментариев по второму варианту задания: студенты оценили его как интенсивную, требующую концентрации внимания практику, одновременно на восприятие на слух высказывания, оценивание правильности и организации своего высказывания. Некоторые чувствовали легкую усталость, как после интенсивной умственной работы; у некоторых студентов было впечатление, что они приняли участие в реальной ситуации иноязычного общения.

Таблица 3
Анализ обратной связи (2)

	3 Задание было интересным, я все понял(а), я многое запомнил(а) и уверен(а) что смогу применить	2 Задание было интересным, остались вопросы, нужно время, что бы я мог(ла) уверенно применить	1 Неинтересное задание, непонятное
Группа 1	10 (67%)	5 (33%)	0
Группа 2	8 (66%)	4 (34%)	0

Самостоятельная работа студентов строилась на предоставлении выбора выполнения задания на основе предпочитаемого стиля обучения. В рамках эксперимента мы выясняли: совпадает ли выбор, сделанный студентом, с предпочитаемым стилем, который был определен на этапе диагностики; какое значение придают студенты выбору в формате выполнения

самостоятельной работы. Процесс был разделен на два этапа. На первом этапе студентам была дана возможность выбрать формат домашнего задания согласно предпочитаемому стилю обучения.

В инструкции мы не ограничивали количество выбираемых опций, поэтому часть студентов выбрали больше одной опции. В основном их выбор в пользу дополнительной опции был продиктован личным желанием в дополнительной практике или желанием улучшить определенный навык. На первом этапе студенты сделали выбор, совпадающий с определенной доминирующей модальностью восприятия и предпочитаемым стилем обучения на 67% (группа 1) и 58% (группа 2) (табл. 4).

На втором этапе студентам было предложено выполнить формат задания, который они выбрали бы в самую последнюю очередь. Затем мы попросили

студентов оценить свой второй выбор. В результате треть студентов были удивлены, что формат задания, не соответствующий их предпочитаемому стилю обучения, оказался более интересным в исполнении (табл. 5); половина участников сделали вывод, что выбор второго варианта позволит улучшить навыки, которым они уделяли меньше внимания в силу своих когнитивных предпочтений. Последняя группа была выделена отдельно, так как студенты оценили в выбранном формате выполнения задания (OPTION1) возможность самостоятельно оценить свой результат.

Студенты обеих групп определяют возможность выбора как важную для себя категорию (табл. 6), так как они могут на основе собственной индивидуальности организовывать свою самостоятельную работу и отмечают в комментариях причину, по которой выбор для них важен.

Таблица 4

Анализ совпадения выбора выполнения задания на основе предпочитаемого стиля обучения и определенной доминирующей модальностью восприятия и предпочтительного стиля обучения

	Есть совпадение с выбором	Нет совпадения с выбором
Группа 1	10 (67%)	5 (33%)
Группа 2	7 (58%)	5 (42%)

Таблица 5

Оценка выбора на втором этапе

	Я удивлен (а), но такой формат оказался лучше моего первого выбора	Да, это не самый подходящий для меня формат задания, но мне нужно подтянуть слабые места	Обычно я не испытываю энтузиазма от таких заданий, но это задание мне понравилось
Группа 1	5 (33%)	8 (53%)	2 (13%)
Группа 2	5 (42%)	6 (50%)	1 (8%)

Таблица 6

Оценка значения «выбора» в самостоятельной работе студента

	Выбор важен для меня						Наличие выбора не имеет значения для меня
	Понимаю, для чего учу	Мотивирует выполнять более сложное / пробовать что-то непривычное	Совпадает с моими потребностями / уровнем / предпочтением	Свобода творчества	Без комментария	Итого	
Группа 1	2	2	4	1	2	11 (73%)	4 (27%)
Группа 2	1	1	6	1	1	10 (83%)	2 (17%)

Заключение

В ходе педагогического эксперимента мы пришли к выводу, что учет когнитивных стратегий в процессе обучения необходим преподавателю для понимания индивидуальных качеств группы с целью интенсификации и индивидуализации процесса иноязычного обучения и расширения когнитивных стратегий обучающегося. Однако разработка и применение методики преподавания ИЯ, в которой будут учтены когнитивные потребности лево- и правополушарных студентов, требуют от преподавателя довольно большой нагрузки и возможности проведения качественной диагностики группы еще до начала работы с ней.

Мы видим перспективы в совместной работе со специалистами Тьюторской службы по сопровождению группы в соответствии с их индивидуальными потребностями. В случае индивидуальной работы со

студентами совместная работа с Тьюторской службой позволит интегрировать ИИОМ в ИОТ студента, обозначить пути его индивидуального развития.

Полагаем, что необходимо дальнейшее изучение факторов и условий, способствующих рождению собственного пути образования обучающегося. Мы сделали заключение, что готовность студентов к выстраиванию индивидуальной образовательной стратегии требует дополнительной совместной работы преподавателя и обучающегося. Студенты первого курса нуждаются в наставниках, которые создадут условия, формирующие осознание личностно-значимых целей, принятие ответственности за совершенный выбор, рефлексию прошлого опыта и своего развития. На этапе самооценки участники эксперимента демонстрируют свою готовность к выстраиванию собственного ИОМ, однако слабо представляют цель своего иноязычного ИОМ.

Мы отметили, что одним из ключевых факторов формирования ИОТ являются личное осознание обу-

чающимся своей образовательной цели и, соответственно, сформированная мотивационная система по ее достижению. Именно поэтому мы наблюдали у части обучающихся только готовность выполнить необходимые требования для реализации обязательной части программы иноязычного образования и

низкую заинтересованность в прикладывании больших усилий при изучении иностранного языка. Мы пришли к выводу, что в рамках ИОТ есть место желанию как просто закончить вуз без готовности к саморазвитию, так и получить образование для реализации личных целей и своего потенциала.

Список источников

1. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Урок иностранного языка. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Глосса-Пресс, 2010. 640 с.
2. Richards J.C., Rodgers Th.S. Approaches and Methods in Language Teaching. 3rd ed. Cambridge University Press, 2014. 419 p.
3. Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Теоретические основы : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 48 с.
4. Обдалова О.А. Иноязычное образование в 21 веке в контексте социокультурных и педагогических инноваций. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 180 с.
5. Бим И.Л., Хуторской А.В. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам // Компетентность в образовании: опыт проектирования : сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. М. : ИНЭК, 2007. С.156–163.
6. Кузнецова А.Я. Фундаментализация и технологичность освоения идеи индивидуальной траектории в образовании // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 5. С. 31–35.
7. Зеер Э.Ф., Журлова Е.Ю. Навигационные средства как инструменты сопровождения освоения компетенций в условиях реализации индивидуальной образовательной траектории. // Образование и наука. 2017. № 3. С. 77–93.
8. Ковалева Т.М. Группа Self skills как компонентный язык формирования «онтологической заботы о себе» // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью» – развитие личности; становление субъектности; формирование self skills : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (XXV Всерос. науч.-практ. конф.), 27–28 октября 2020 г. / науч. ред.: Е.А. Волошина, Т.М. Ковалева, А.А. Геров. М. : Ресурс, 2020. С. 17–23.
9. Айнутдинова И.Н. Интеграция профессиональной и иноязычной подготовки конкурентоспособного специалиста в высшей школе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2012. 40 с.
10. Кремлёва Ю.В. Повышение эффективности развития иноязычной речевой деятельности студентов технического вуза на основе личностно-ориентированного подхода : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2010. 23 с.
11. Степанова Л.Н. Прогнозирование индивидуальных профессионально-ориентированных траекторий развития личности студентов (на примере студентов гуманитарных факультетов) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2022. 26 с.
12. Бережная И.Ф. Педагогическое проектирование индивидуальной траектории профессионального развития будущего специалиста : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2012. 43 с.
13. Никулина А.С. Формирование коммуникативной компетентности обучающихся в процессе проектирования и реализации индивидуальной образовательной траектории : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2020. 24 с.
14. Гураль С.К., Краснопева Т.О., Смокотин В.М., Сорокоумова С.Н. Цели, задачи, принципы и содержание индивидуальных иноязычных образовательных траекторий с учетом латентных характеристик студентов // Язык и культура. 2019. № 47. С. 179–196.
15. Абдуллина О.А., Плигин А.А. Новые технологии образования. Личностно-ориентированная технология обучения: проблемы и поиски // Наука и школа. 1998. № 4. С. 34–36.
16. Зеер Э.Ф., Попова О.С. Психологическое сопровождение индивидуальных образовательных траекторий обучающихся в профессиональной школе // Образование и наука. 2015. № 1 (4). С. 88–99.
17. Сысоев П.В. Обучение по индивидуальной траектории // Язык и культура. 2013. № 4 (24). С. 121–131.
18. Обдалова О.А., Соболева А.В. Учет когнитивных стилей обучающихся как способ индивидуализации процесса обучения иностранному языку // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 110–115.
19. Соболева А.В., Обдалова О.А. Организация процесса формирования межкультурной компетенции студентов с учетом когнитивных стилей обучающихся // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 191–198.
20. Краснопева Т.О., Шевченко А.И., Гураль С.К. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий в информационной образовательной среде // Язык и культура. 2020. № 52. С. 153–176.
21. Будникова А.С. Обучение студентов иностранному языку по индивидуальной образовательной траектории (английский язык, языковой вуз) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2021. 23 с.
22. Васильева Д.Г. Построение индивидуальной траектории обучения студентов иностранному языку в интересах устойчивого развития образовательной системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 939–944.
23. Шеманаева М.А. Индивидуальная образовательная траектория как форма синхронно-асинхронной образовательной деятельности // Язык и культура. 2017. № 39. С. 283–297.
24. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Индивидуальные образовательные траектории в системе непрерывного образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 3. С. 74–82.
25. Ковалева Т.М., Якубовская Т.В. Тьюторская деятельность как антропопрактика: между индивидуальной образовательной траекторией и индивидуальной образовательной программой // Человек. RU : гуманитарный альманах. Новосибирск : НГУЭУ, 2017. С. 85–94.
26. Лабунская Н.А. Индивидуальный образовательный маршрут студента: подходы к раскрытию понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2002. № 2 (3). С. 79–90.
27. Новиков А.М. Педагогика : словарь системы основных понятий. М. : Изд. центр ИЭТ, 2013. 268 с.
28. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru>
29. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
30. Шеманаева М.А. О трактовах термина «индивидуальная образовательная траектория» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S12. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470154.htm>
31. Бухтиярова И.Н. Метод проектов и индивидуальные программы в продуктивном обучении // Школьные технологии. 2001. № 2. С. 108–114.
32. Киселёва И.Н., Храмова Н.Н., Родионов М.А. Технология построения индивидуальных образовательных траекторий школьников на уроках математики в условиях введения новых ФГОС // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 1 (5). С. 7–13.
33. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. 415 с.
34. Юрловская И.А. Индивидуализация образовательного процесса как инновационная деятельность в современном педагогическом вузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Владикавказ, 2016. 51 с.
35. Климинская С.Л. Индивидуальная образовательная траектория как способ повышения эффективности обучения иностранным языкам // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Вып. 4 (23). URL: https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00951035_0.html#text

36. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
37. Петрова Г.И. «Забота о себе»: технология или антропология? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 136–143.
38. Розин В.М. Концепция «заботы о себе»: философская, научная, художественная и авторская версия // Культура и искусство. 2017. № 7. С. 50–55.
39. Семенов И.Н. Рефлексивность самонаблюдений и персонология рефлексивной интроспекции: к онтологии и методологии рефлексивной психологии индивидуальности // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2015. № 3. С. 22–38.
40. Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения : материалы Всерос. науч. конф. 27–28 октября 2015 г., ИФ РАН (Москва) : в 3 т. / под общ. ред. М.С. Киселевой. М. : Научная мысль, 2015. Т. 1. 288 с.
41. Первая всероссийская ИОТ-конференция. URL: <https://leader-id.ru/events/212311>
42. The CEFR Levels // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/level-descriptions>
43. Мацалак Т.В., Соболева А.В. Современные принципы организации эффективной коммуникации на уроке иностранного языка // Язык и культура : сб. ст. XXXI Междунар. науч. конф. (11–14 октября 2021 г.) / отв. ред. С.К. Гураль. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 216–226.
44. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips // Science. 2011. Vol. 333 (6043). P. 776–778.
45. Пищик В.И. Психологические характеристики «нового поколения»: гомогенность vs гетерогенность // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 1. С. 42–64.
46. Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. Функциональные асимметрии человека. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Медицина, 1988. 240 с.
47. Опросник VARK. URL: <https://vark-learn.com>
48. Centre for Teaching and Learning // University of Windsor. URL: <https://www.uwindsor.ca/ctl/492/active-learning-and-lesson-planning>
49. Gomez -Zwier S., Straits W., Topps J. 5E for ELL. Adaptation to the learning cycle provide an authentic context for English language development // Methods & Strategies – Ideas and techniques to enhance your science teaching. 2015. P. 80–86.

References

1. Passov, E.I. & Kuzovleva, N.E. (2010) *Urok inostrannogo yazyka* [A foreign language lesson]. Rostov-on-Don: Feniks; Moscow: Glossa-Press.
2. Richards, J.C. & Rodgers, Th.S. (2014) *Approaches and Methods in Language Teaching*. 3rd ed. Cambridge University Press.
3. Shchepilova, A.V. (2003) *Kommunikativno-kognitivnyy podkhod k obucheniyu frantsuzskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu. Teoreticheskie osnovy* [A communicative-cognitive approach to teaching French as a second foreign language. Theoretical foundations]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
4. Obdalova, O.A. (2014) *Inoyazychnoe obrazovanie v 21 veke v kontekste sotsiokul'turnykh i pedagogicheskikh innovatsiy* [Foreign Language Education in the 21st Century in the Context of Sociocultural and Pedagogical Innovations]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Bim, I.L. & Khutorskoy, A.V. (2007) *Kompetentnostnyy podkhod k obrazovaniyu i obucheniyu inostrannym yazykam* [Competence-based approach to education and teaching foreign languages]. In: Khutorskiy, A.V. (ed.) *Kompetentsiya v obrazovanii: opyt proektirovaniya* [Competency in education: design experience]. Moscow: INEK. pp.156–163.
6. Kuznetsova, A.Ya. (2020) *Fundamentalizatsiya i tekhnologichnost' osvoeniya idei individual'noy traektorii v obrazovanii* [Fundamentalization and manufacturability of mastering the idea of an individual trajectory in education]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki*. 5. pp. 31–35.
7. Zeer, E.F. & Zhurlova, E.Yu. (2017) *Navigatsionnye sredstva kak instrumenty soprovozhdeniya osvoeniya kompetentsiy v usloviyakh realizatsii individual'noy obrazovatel'noy traektorii* [Navigation aids as tools to support the development of competencies in the context of the implementation of an individual educational trajectory]. *Obrazovanie i nauka*. 3. pp. 77–93.
8. Kovaleva, T.M. (2020) [Self skills group as a component language for the formation of “ontological self-care”]. *T'yutorstvo v otkrytom obrazovatel'nom prostranstve: yazyki opisaniya i raboty s "samost'yu" – razvitiye lichnosti; stanovlenie sub"ektnosti; formirovaniye self skills* [Tutoring in an open educational space: languages of description and work with the “self” – personal development; formation of subjectivity; formation of self skills]. Conference Proceedings. 27–28 October 2020. Moscow: Resurs. pp. 17–23. (In Russian).
9. Aynutdinova, I.N. (2012) *Integratsiya professional'noy i inoyazychnoy podgotovki konkurentosposobnogo spetsialista v vysshey shkole* [Integration of professional and foreign language training of a competitive specialist in higher education]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Kazan.
10. Kremleva, Yu.V. (2010) *Povysheniye effektivnosti razvitiya inoyazychnoy rechevoy deyatel'nosti studentov tekhnicheskogo vuza na osnove lichnostno-orientirovannogo podkhoda* [Improving the effectiveness of the development of foreign language speech activity in technical university students on the basis of a personality-oriented approach]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Barnaul.
11. Stepanova, L.N. (2022) *Prognozirovaniye individual'nykh professional'no-orientirovannykh traektoriy razvitiya lichnosti studentov (na primere studentov gumanitarnykh fakul'tetov)* [Forecasting individual professionally-oriented trajectories of student personality development (on the example of students of humanitarian faculties)]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Kazan.
12. Berezhnaya, I.F. (2012) *Pedagogicheskoye proektirovaniye individual'noy traektorii professional'nogo razvitiya budushchego spetsialista* [Pedagogical design of an individual trajectory of professional development of a future specialist]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Moscow.
13. Nikulina, A.S. (2020) *Formirovaniye kommunikativnoy kompetentnosti obuchayushchikhsya v protsesse proektirovaniya i realizatsii individual'noy obrazovatel'noy traektorii* [Formation of communicative competence of students in the designing and implementing of an individual educational trajectory]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Saratov.
14. Gural', S.K. et al. (2019) *Tseli, zadachi, printsipy i soderzhanie individual'nykh inoyazychnykh obrazovatel'nykh traektoriy s uchetom latentnykh kharakteristik studentov* [Goals, objectives, principles and content of individual foreign language educational trajectories, taking into account the latent characteristics of students]. *Yazyk i kul'tura*. 47. pp. 179–196.
15. Abdullina, O.A. & Pligin, A.A. (1998) *Novye tekhnologii obrazovaniya. Lichnostno-orientirovannaya tekhnologiya obucheniya: problemy i poiski* [New technologies of education. Student-centered learning technology: problems and searches]. *Nauka i shkola*. 4. pp. 34–36.
16. Zeer, E.F. & Popova, O.S. (2015) *Psikhologicheskoye soprovozhdeniye individual'nykh obrazovatel'nykh traektoriy obuchayushchikhsya v professional'noy shkole* [Psychological support of individual educational trajectories of students in a professional school]. *Obrazovanie i nauka*. 1 (4). pp. 88–99.
17. Sysoev, P.V. (2013) *Obuchenie po individual'noy traektorii* [Learning at an individual trajectory]. *Yazyk i kul'tura*. 4 (24). pp. 121–131.
18. Obdalova, O.A. & Soboleva, A.V. (2013) *Uchet kognitivnykh stiley obuchayushchikhsya kak sposob individualizatsii protsessa obucheniya inostrannomu yazyku* [Account of the cognitive styles of students as a way to individualize the teaching of a foreign language]. *Yazyk i kul'tura*. 2 (22). pp. 110–115.
19. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) *Organization of Students' Intercultural Competence Formation in View of Their Cognitive Styles. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 191–198. DOI: 10.17223/15617793/392/32
20. Krasnopeeveva, T.O., Shevchenko, A.I. & Gural', S.K. (2020) *Proektirovaniye individual'nykh obrazovatel'nykh traektoriy v informatsionnoy obrazovatel'noy srede* [Designing individual educational trajectories in the information educational environment]. *Yazyk i kul'tura*. 52. pp. 153–176.

21. Budnikova, A.S. (2021) *Obuchenie studentov inostrannomu yazyku po individual'noy obrazovatel'noy traektorii (angliyskiy yazyk, yazykovoy vuz)* [Teaching students a foreign language according to an individual educational trajectory (English language, language university)]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Tambov.
22. Vas'bieva, D.G. (2021) Postroenie individual'noy traektorii obucheniya studentov inostrannomu yazyku v interesakh ustoychivogo razvitiya obrazovatel'noy sistemy [Building an individual trajectory of teaching students a foreign language in the interests of sustainable development of the educational system]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 14 (3). pp. 939–944.
23. Shemanaeva, M.A. (2017) Individual'naya obrazovatel'naya traektoriya kak forma sinkhronno-asinkhronnoy obrazovatel'noy deyatel'nosti [Individual educational trajectory as a form of synchronous-asynchronous educational activities]. *Yazyk i kul'tura*. 39. pp. 283–297.
24. Zeer, E.F. & Symanyuk, E.E. (2014) Individual'nye obrazovatel'nye traektorii v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Individual educational trajectories in the system of continuous education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 3. pp. 74–82.
25. Kovaleva, T.M. & Yakubovskaya, T.V. (2017) T'yutorskaya deyatel'nost' kak antropopraktika: mezhdru individual'noy obrazovatel'noy traektoriey i individual'noy obrazovatel'noy programmoy [Tutoring as an anthropopractice: between an individual educational trajectory and an individual educational program]. In: *Chelovek.RU: gumanitarnyy al'manakh* [Chelovek.RU: humanitarian almanac]. Novosibirsk: NGUEU. pp. 85–94.
26. Labunskaya, N.A. (2002) Individual'nyё obrazovatel'nyy marshrut studenta: podkhody k raskrytiyu ponyatiya [Individual educational route of the student: approaches to the disclosure of the concept]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2 (3). pp. 79–90.
27. Novikov, A.M. (2013) *Pedagogika: slovar' sistemy osnovnykh ponyatiy* [Pedagogy: a dictionary of the system of basic concepts]. Moscow: Izd. tsentr IET.
28. Ushakov, D.N. (n.d.) *Tolkovyy slovar' D.N. Ushakova* [The Ushakov Explanatory Dictionary]. [Online] Available from: <https://ushakovdictionary.ru>
29. Azimov, E.G. & Shchukin, A.N. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR.
30. Shemanaeva, M.A. (2017) O traktovkakh termina “individual'naya obrazovatel'naya traektoriya” [On the interpretation of the term “individual educational trajectory”]. *Kontsept*. S12. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2017/470154.htm>
31. Bukhtiyarova, I.N. (2001) Metod proektov i individual'nye programmy v produktivnom obuchenii [Project method and individual programs in productive learning]. *Shkol'nye tekhnologii*. 2. pp. 108–114.
32. Kiseleva, I.N., Khranova, N.N. & Rodionov, M.A. (2014) Tekhnologiya postroeniya individual'nykh obrazovatel'nykh traektoriy shkol'nikov na urokakh matematiki v usloviyakh vvedeniya novykh FGOS [Technology for constructing individual educational trajectories of schoolchildren in mathematics lessons in the context of the introduction of new federal state educational standards]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (5). pp. 7–13.
33. Khutorskoy, A.V. (2003) *Didakticheskaya evristika. Teoriya i tekhnologiya kreativnogo obucheniya* [Didactic heuristics. Theory and technology of creative teaching]. Moscow: Moscow State University.
34. Yurlovskaya, I.A. (2016) *Individualizatsiya obrazovatel'nogo protsessa kak innovatsionnaya deyatel'nost' v sovremennom pedagogicheskom vuze* [Individualization of the educational process as an innovative activity in a modern pedagogical university]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Vladikavkaz.
35. Kliminskaya, S.L. (2014) Individual'naya obrazovatel'naya traektoriya kak sposob povysheniya effektivnosti obucheniya inostrannym yazykam [Individual educational trajectory as a way to improve the effectiveness of teaching foreign languages]. *Naukovedenie*. 4 (23). [Online] Available from: https://revolution.allbest.ru/pedagogics/00951035_0.html#text
36. Foucault, M. (2007) *Germenevtika sub"ekta: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [The Hermeneutics of the Subject: Lectures at the College de France, 1981–1982]. Translated from French by A.G. Pogonyaylo. Saint Petersburg: Nauka.
37. Petrova, G.I. (2009) “Zabota o sebe”: tekhnologiya ili antropologiya? [Self-Care: Technology or Anthropology?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, Political Science*. 2 (6). pp. 136–143.
38. Rozin, V.M. (2017) Kontseptsiya “zaboty o sebe”: filosofskaya, nauchnaya, khudozhestvennaya i avtorskaya versiya [The concept of self-care: philosophical, scientific, artistic and author's versions]. *Kul'tura i iskustvo*. 7. pp. 50–55.
39. Semenov, I.N. (2015) Refleksivnost' samonablyudeniy i personologiya refleksivnoy introspektzii: k ontologii i metodologii refleksivnoy psikhologii individual'nosti [Reflexivity of self-observations and personology of reflexive introspection: ontology and methodology of reflexive psychology of individuality]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser 14. Psikhologiya*. 3. pp. 22–38.
40. Kiseleva, M.S. (ed.) (2015) *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya* [A person before a choice in the modern world: problems, opportunities, solutions]. Conference Proceedings. 27–28 October 2015. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Nauchnaya mysl'.
41. Leader-id.ru. (n.d.) *Pervaya vserossiyskaya IOT-konferentsiya* [First All-Russian IOT Conference]. [Online] Available from: <https://leader-id.ru/events/212311>
42. Council of Europe. (n.d.) *The CEFR Levels*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/common-european-framework-reference-languages/level-descriptions>
43. Matsalak, T.V. & Soboleva, A.V. (2021) [Modern principles of organizing effective communication in a foreign language lesson]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Proceedings of the XXXI International Conference. 11–14 October 2021. Tomsk: Tomsk State University. pp. 216–226. (In Russian).
44. Sparrow, B., Liu, J. & Wegner, D.M. (2011) Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. *Science*. 333 (6043). pp. 776–778.
45. Pishchik, V.I. (2021) Psikhologicheskie kharakteristiki “novogo pokoleniya”: gomogenost' vs geterogenost' [Psychological characteristics of the “new generation”: homogeneity vs heterogeneity]. *Vestnik RUDN. Ser. Psikhologiya i pedagogika*. 18 (1). pp. 42–64.
46. Bragina, N.N. & Dobrokhotova, T.A. (1988) *Funktsional'nye asimmetrii cheloveka* [Functional asymmetries of a person]. 2nd ed. Moscow: Meditsina.
47. VARK. (n.d.) *Oprosnik VARK* [VARK Questionnaire]. [Online] Available from: <https://vark-learn.com>
48. University of Windsor. (n.d.) *Centre for Teaching and Learning* [Online] Available from: <https://www.uwindsor.ca/ctl/492/active-learning-and-lesson-planning>
49. Gomez-Zwiep, S., Straits, W. & Topps, J. (2015) Methods & Strategies: 5E for ELL. *Science & Children*. 053 (2). pp. 80–86.

Информация об авторах:

Соболева А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alex.art.tom@gmail.com

Мацалак Т.В. – магистрант кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tatianamatsalak@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Soboleva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alex.art.tom@gmail.com

T.V. Matsalak, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatianamatsalak@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.04.2022;
одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 25.04.2022;
approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 341
doi: 10.17223/15617793/481/25

Особенности содержания международных договоров о Каспийском море по вопросу защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера

Валентина Вlado Лисаускайте¹

¹ *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, vlado@mail.ru*

Аннотация. Приводится анализ международного правового регулирования сотрудничества государств Каспийского региона по вопросам защиты от бедствий различного характера. Дана общая характеристика вопроса, проанализированы международные документы, отражены различные позиции ученых, представлено мнение автора.

Ключевые слова: Каспийское море, бедствия, защита от бедствий, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, правовой статус Каспийского моря, международное сотрудничество, Прикаспийские государства

Для цитирования: Лисаускайте В.В. Особенности содержания международных договоров о Каспийском море по вопросу защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 230–237. doi: 10.17223/15617793/481/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/25

Features of the content of international treaties on the Caspian Sea on protection against natural and man-made emergencies

Valentina V. Lissauskaite¹

¹ *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, vlado@mail.ru*

Abstract. The analysis of cooperation between states on the protection of the Caspian region against natural and man-made emergencies rarely acts as a subject of research. Most foreign and domestic research articles reveal the peculiarities of environmental problems of this territory and ways to solve them, as well as the problems of consolidating the legal status of the Caspian Sea itself. The aim of this study is, therefore, to provide an idea of the existing mechanism of interaction among the coastal states in the field of protection against disasters of various nature through the analysis of existing agreements. The study is based on special treaties adopted by the Caspian countries: Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea (2003), Agreement on Cooperation in the Field of Disaster Management in the Caspian Sea (2014), Convention on the Legal Status of the Caspian Sea (2018). The author pays special attention to the characterization of the terminology of the agreements under consideration in the analyzed area, reveals the controversy regarding the concept of the Caspian Sea itself enshrined in the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018, and also highlights the signs of the concept and suggests the reasons for their consolidation in the existing form in the agreement. As a confirmation of the need for cooperation of states in protecting against disasters, the causes and risks existing in the region are revealed, the position of experts and international organizations is given. The author also characterizes the forms of cooperation of states that are enshrined in all the documents under consideration. Their synthesis provides a comprehensive picture of the capacity of states to cooperate. The author compares the legal regulation of interaction between the Caspian and Arctic states as similar mechanisms and identifies the reasons and results of this kind of cooperation. The final conclusions identify issues on which the coastal states of the Caspian region need to further develop their joint work to ensure the safety of the territory from natural and man-made disasters. In the author's opinion, one of the important areas of such work should be the joint formation of a mentality and a culture of disaster safety, which will allow a further building of a competent policy, both national and joint, aimed not only at obtaining economic benefits from the natural resources of the Caspian Sea, but also at restoring the ecosystem and preserving it for future generations through prevention, timely and qualitative response to possible natural and man-made emergencies.

Keywords: Caspian Sea, disasters, protection from disasters, natural and man-made emergencies, legal status of Caspian Sea, international cooperation, Caspian states

For citation: Lisauskaite, V.V. (2022) Features of the content of international treaties on the Caspian Sea on protection against natural and man-made emergencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 230–237. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/25

Каспийское море представляет собой интерес как объект исследования в различных сферах межгосударственных отношений. Особенность такого взаимодействия, в первую очередь, характеризуется до конца не закрепленным юридически статусом самого Каспийского моря между соседствующими странами. Каспийское море имеет свою историю становления межгосударственных отношений, в основе которых, в том числе, лежит распад СССР. В начале 1990-х гг. региональная и международная конкуренция усилилась, создавая региональные конфликты и нестабильность, сопровождаемые значительным уровнем отсутствия безопасности [1].

Однако в настоящее время действует ряд соглашений, позволяющих нам сформировать определенное представление и раскрыть специфику взаимодействия Прикаспийских государств в области защиты от бедствий.

Среди источников такого регулирования выделяют:

1. Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. [2];

2. Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Каспийском море 2014 г. [3];

3. Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. [4].

Исходя из дат принятия указанных соглашений, можно подчеркнуть распространенный в теории международного права аспект о сложности переговорного процесса относительно Каспийского моря, его давности и значимости для прибрежных государств, сложности с точки зрения преломления норм общего международного права.

Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря – это первое юридически обязывающее региональное соглашение, ратифицированное всеми пятью Прикаспийскими государствами, которое определяет общие требования и институциональный механизм защиты морской среды Каспийского моря [5]. К этому документу принято несколько протоколов, однако мы не будем рассматривать их содержание, поскольку экология не является предметом нашего исследования.

«Каспийское море» – окруженный сухопутными территориями Сторон водоем, берега которого нанесены на морские навигационные карты масштаба 1 : 750 000 Главного управления навигации и океанографии Министерства обороны Российской Федерации, город Санкт-Петербург, номер 31003, архивное издание 17.04.1997 г., отпечатано в 1998 г.; номер 31004, архивное издание 04.07.1998 года, отпечатано в 1999 г.; номер 31005, архивное издание 16.11.1996 г., отпечатано в 1998 г., заверенные копии которых прилагаются к настоящей Конвенции и являются ее неотъемлемой частью [4].

В литературе относительно правового статуса Каспийского моря вне рамок действующего соглаше-

ния высказываются различные точки зрения. Связано это с длительным спором всех прибрежных государств по данному вопросу. Однако эксперты отмечают, что Конвенция формализует существующий статус-кво, а не решает по-настоящему какие-либо разногласия между пятью прибрежными государствами [6]. Действительно, исходя из представленного выше определения, мы можем выявить признаки Каспийского моря, но они не носят юридического характера, а свидетельствуют об определенной компромиссности.

1. Как отмечают многие исследователи, это водоем. Таким образом стороны не смогли прийти к единогласному решению и придании этой водной территории статуса моря либо озера. Возможно, это связано с нежеланием применять в таком случае соответствующие нормы международного права, которые формируют определенные обязательства. Прибрежные государства не хотят их на себя брать, поэтому решили создать абсолютно новый статус подобного пространства.

2. Географические координаты пространства, нанесенные на конкретные карты. Данное обстоятельство может быть связано с изменяющимися границами Каспия, поскольку оно уменьшается в размерах и прибрежным странам было важно закрепить распространение правового статуса и международных обязательств именно на конкретное пространство.

Таким образом, указанное определение фактически содержит лишь характеристику отдельных параметров Каспийского моря, которые позволяют его визуализировать и распространить действие соглашений в пределах юридически установленных географических границ.

Принятие в 2014 г. Соглашения о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Каспийском море является, на наш взгляд, закономерным действием. Можно предположить, что подписание данного договора также является одним из следующих шагов по развитию сотрудничества на основании Рамочной конвенции, в сфере, непосредственно связанной с последствиями экологических инцидентов и катастроф. Данной позиции придерживается в своей публикации и Н.М. Хурчак, который отмечает, что «Рамочная конвенция является базовым документом по охране окружающей природной среды Каспия и не содержит в себе конкретных норм по регулированию отдельных направлений защиты различных видов объектов...» [7. С. 107]. На наш взгляд, поскольку защитить окружающую среду того или иного региона невозможно без наличия инфраструктуры предупреждения и реагирования на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, принятие указанного документа в 2014 г. позволило, не имея тогда базового документа о статусе Каспийского моря, сформировать механизм взаимодействия служб государств региона

и начать его применение. Учитывая существующие природные и техногенные риски Каспия и Прикаспийских территорий, это весьма важный шаг для сохранения самого объекта для настоящего и будущих поколений.

Каспийское море – один из многих водных объектов на нашей планете, берега которых принадлежат разным странам, активно сотрудничающим в различных сферах международных отношений. Однако есть конкретные причины, обосновывающие интерес со стороны Прикаспийских государств в установлении договорного регулирования по защите от чрезвычайных ситуаций различного характера.

Согласно преамбуле Соглашения 2014 г., к такому относятся:

- вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (далее ЧСПиТХ), которые не могут быть ликвидированы силами государства одной из сторон и требуют осуществления согласованных действий государств в их предупреждении и ликвидации;

- высокая степень опасности, которую представляют чрезвычайные ситуации (ЧС);

- ответственность перед будущими поколениями за сохранение уникальной экосистемы Каспия [3].

К указанным причинам следует добавить взаимосвязанные с ними:

- особенности использования природных ресурсов Каспийского моря в виде добычи нефти и газа как на побережье, так и в самом водном пространстве;

- замкнутость самого Каспия, которое по характеристикам представляет собой озеро, что повышает риски последствий техногенных бедствий;

- разный уровень развития, возможностей и уже имеющейся инфраструктуры управления в случае ЧС;

- наличие определенных накопленных экологических последствий, негативно влияющих на состояние Каспия и требующих своего решения.

За период после распада СССР проблемы использования ресурсов Каспийского моря и охраны окружающей среды в его бассейне заметно обострились и качественно изменились по своему содержанию, что потребовало разработки и реализации на практике соответствующего нынешним условиям правового механизма регулирования этих проблем [7. С. 107].

По оценке экспертов ЮНЕП, море страдает от загрязнений в результате деятельности по добыче и очистке нефти, радиоактивных отходов от атомных электростанций и огромных отходов, приносимых рекой Волгой, которая дает около 80% всего притока свежей воды в Каспий [8]. Бедствия в Каспийском регионе в последние годы являются результатом деятельности человека. Интенсивная экспансия промышленности в значительной степени нарушает окружающую природную среду и порождает серьезные предпосылки для глобальных чрезвычайных ситуаций природного характера [9. С. 351]. Как отмечает Н. Федулова, особую опасность в этом смысле представляет (на период 2008 г.) деятельность казахстанских и туркменских добывающих предприятий, использующих устаревшее оборудование и технологии

[10. С. 68]. Другие эксперты указывают, что сейсмичность и землетрясения могут поставить под угрозу наземные и морские нефте- и газопроводы, поскольку землетрясения провоцируют оползни, резкие горизонтальные и вертикальные сдвиги почвы на суше и на дне моря» [11. С. 62].

Таким образом, Каспийское море – объект для сотрудничества в целях развития прибрежных государств, защиты и сохранности биоразнообразия и экологии, формирования национальных и региональной инфраструктуры защиты территории и населения, промышленных и иных объектов от бедствий.

Подписание и вступление в силу указанного договора можно рассматривать как правовую платформу регионального характера, которая позволит поднять на должный уровень национальные системы управления при чрезвычайных ситуациях отдельных стран – участниц, унифицировать этот механизм, что будет способствовать слаженному прогнозированию и реагированию на возможные бедствия природного и техногенного характера в данном регионе.

Остановимся более подробно на отдельных, интересных, на наш взгляд, положениях соглашения. Так, интерес представляет собой ст. 2 «Сфера применения». Исходя из ее содержания можно сделать выводы, что государства сотрудничают в рамках договора «в случае возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Каспийском море» с целью предупреждения и (или) их ликвидации, если они не могут быть устранены собственными силами пострадавшего государства, которое обратилось с просьбой о помощи [3]. Также допускается взаимодействие, если сама чрезвычайная ситуация произошла на сухопутной территории, но есть риск ее негативного воздействия на Каспийском море. Таким образом, несмотря на наличие предупредительных форм сотрудничества в соглашении, его основная цель – сформировать эффективный и оперативный механизм взаимодействия Прикаспийских государств по реагированию на чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера в Каспийском регионе в случае обращения одного из них. Вполне возможно, что такое сужение сферы применения рассматриваемого договора связано с предусмотренным механизмом сотрудничества в рамках экологического соглашения и протоколов к нему прикаспийских государств, которые предусматривают достаточно детальные формы такой совместной работы. Учитывая, что техногенные бедствия в Каспийском море имеют более высокие риски для государств данного региона, страны начали активное сотрудничество в области предупреждения, мониторинга и иных научных исследований в рамках заключенных экологических договоров. Можно предположить, что на соглашение 2014 г. возложена задача именно по реагированию и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Каспийском регионе, уже как итоговый формат взаимодействия, если эти бедствия не удалось избежать.

Следует отметить, что характерным элементом договоров отраслевого (ведомственного) характера яв-

ляется закрепление компетентных органов, в качестве которых выступают конкретные органы исполнительной власти государств-участников. Такой нормотворческий подход упрощает организационные вопросы исполнения международных обязательств государства по соглашению, а также позволяет нам определить, какие именно национальные структуры этих стран осуществляют управление населением и территорией при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера (Министерство по чрезвычайным ситуациям Азербайджанской республики, Национальная организация по управлению бедствиями Министерства внутренних дел Исламской Республики, Министерство внутренних дел и Министерство по инвестициям и развитию Республики Казахстан, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий, Министерство транспорта Российской Федерации, Управление чрезвычайных ситуаций и спасательных работ Главного управления гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций Министерства обороны Туркменистана) [3].

В качестве объекта исследования предлагаем обратить внимание на понятийный аппарат документа и взаимосвязь используемой терминологии с иными соглашениями государств Каспийского региона. Согласно Соглашению 2014 г., «Чрезвычайная ситуация» – обстановка, возникающая в результате аварии, бедствия или катастрофы природного или техногенного характера, которые повлекли или могут повлечь за собой человеческие жертвы, вред здоровью людей, окружающей среде и объектам производственной и социальной инфраструктуры, значительные материальные потери и нарушения условий жизнедеятельности населения [3].

Такая характеристика ЧС свойственна национальному законодательству бывших союзных республик СССР, которые после приобретения независимости сформировали устойчивую систему сотрудничества национальных структур реагирования на ЧС в рамках СНГ и на двустороннем уровне. Из пяти Прикаспийских государств таковыми являются четыре. Данное определение совпадает по основным признакам с характеристикой термина «бедствие», более распространенного в использовании в рамках международного универсального сотрудничества (в рамках ООН) в области защиты от бедствий.

Объектом сотрудничества в рамках Соглашения 2014 г. могут выступать чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, т.е. природные бедствия и техногенные катастрофы. Для региона Каспийского моря выделяют следующие виды опасных природных явлений, которые могут привести к бедствию: землетрясения, засуха, оползни, грязевые вулканы.

Техногенные аварии: аварии нефтяного сектора, промышленные аварии прибрежных районов государств, коммунальные аварии в населенных пунктах Каспийского региона, последствия взаимодействия опасных природных явлений и промышленных районов региона.

Рамочная конвенция 2003 г. по защите морской среды Каспийского моря закрепляет определение «промышленных аварий». Это событие, возникающее в результате неконтролируемых изменений в ходе любой деятельности, связанной с опасными и вредными веществами на промышленном объекте, например в ходе производства, использования, хранения, перемещения или удаления либо при транспортировке таких веществ [2].

Статья 13 Рамочной конвенции регулирует вопросы сотрудничества в случае чрезвычайных экологических ситуаций. «Чрезвычайная экологическая ситуация» – это ситуация, при которой причиняется ущерб или которая несет неминуемую угрозу загрязнения или другого вреда окружающей среде Каспийского моря, и которая является результатом природной катастрофы или аварии, возникшей в результате антропогенной деятельности [2].

Такое закрепление закономерно, поскольку истории развития Каспийского региона известно достаточное количество техногенных аварий, приведших к серьезным последствиям. Происходят они и сейчас. Поэтому на государствах Каспия теперь лежит не только национальная ответственность за обеспечение безопасности и защиту территории и населения от бедствий, но также международные обязательства в рамках указанных соглашений. К сожалению, вопрос международного сотрудничества в сфере защиты от бедствий стран Каспийского региона не является объектом научного исследования правоведов. Отдельные аспекты можно встретить в ряде работ. Однако все они носят формат лишь констатации самого сотрудничества на основании заключенного соглашения в 2014 г. В то время как большое внимание уделяется экологическому взаимодействию Прикаспийских государств. Поэтому представленный в рамках данной статьи анализ впервые дает достаточно детальную характеристику одного из важных направлений регионального сотрудничества по защите от бедствий, особенно учитывая все вышеуказанные факторы.

Таким образом, анализ ряда терминов позволяет констатировать наличие тесной взаимосвязи между всеми соглашениями по Каспийскому морю относительно его защиты от бедствий различного характера. Само сотрудничество прикаспийских стран в области защиты от бедствий представляет собой комплекс различных форм взаимодействия, закрепленных не только в Соглашении 2014 г. Отдельные функции мы можем отметить и в Рамочной конвенции. Данный документ закрепляет следующие обязательства государств:

1. Выявление опасных видов деятельности, которые могут вызвать чрезвычайную экологическую ситуацию.
2. Уведомление других стран о такой планируемой или осуществляемой деятельности.
3. Оценка воздействия на природную среду опасных видов деятельности.
4. Реализация мер по снижению рисков.
5. Сотрудничество в создании систем раннего оповещения о промышленных авариях и чрезвычайных экологических ситуациях.

6. Уведомление о наличии таких ситуаций или их угрозы.

7. Подготовка инфраструктуры, оборудования, персонала для реагирования на чрезвычайные экологические ситуации.

Соглашение, регулирующее защиту морской среды Каспийского моря, содержит отдельные правила поведения по защите данной территории от бедствий, которые применяются параллельно с Соглашением 2014 г.

Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Каспийском море 2014 г. содержит достаточно большой перечень форм сотрудничества. Рассмотрим некоторые более подробно.

Создание и совершенствование системы взаимодействия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Данная совместная деятельность, на наш взгляд, является одной из базовых при формировании механизма сотрудничества. Государствам для этого необходимо:

- создать национальные территориальные подразделения в данном регионе, которые будут подготовлены к реагированию на ЧС с учетом особенностей региона, видов бедствия и особенностей правового режима Каспийского моря;

- создать инфраструктуру межгосударственного взаимодействия территориальных подразделений для эффективного своевременного реагирования.

Несколько форм сотрудничества можно объединить в рамках *научно-образовательного взаимодействия*. К такому можно отнести:

- обмен информацией, научно-технической литературой, результатами исследовательских работ и технологиями в области предупреждения и ликвидации ЧС;

- проведение совместных конференций, рабочих совещаний, тренингов и учений, специализированных выставок;

- подготовку специалистов в учебных заведениях, обмен стажерами, преподавателями, учеными и специалистами.

Такое взаимодействие направлено на всестороннее развитие возможностей, навыков и качества деятельности в области защиты от бедствий. Фактически это предупредительная деятельность, результаты которой будут способствовать снижению рисков последствий и их масштабов. Так, в 2018 г. состоялось международное комплексное учение Прикаспийских государств «Каспий-2018», в котором участвовали сотрудники спасательных служб России, Казахстана, Азербайджана и Туркменистана. Учения направлены на отработку действий спасательных служб Прикаспийских государств при реагировании на чрезвычайные ситуации в морской акватории и приграничных территориях, повышение эффективности применения сил и средств при их совместных действиях [12].

Ликвидация ЧС. В рамках данного направления сотрудничества реализуются следующие формы: оказание помощи при ликвидации ЧС; оказание необходимого содействия в оснащении групп по оказанию помощи.

В рассматриваемом соглашении 2014 г. подчеркивается осуществление сотрудничества по оказанию помощи, основываясь на общепризнанных принципам международного права: суверенитета, невмешательства во внутренние дела государств, неприкосновенности государственных границ и другие. Отдельные статьи посвящены характеристике особенностей осуществления данного направления. Достаточно подробно регулируются правила оказания помощи, координации, транзита, пересечения государственных границ поисково-спасательными группами и оборудованием, использование отдельных видов транспорта. Эти правила и их детализация уже сформировались в общемировой практике сотрудничества по оказанию помощи и получили схожее закрепление во многих двусторонних и региональных соглашениях, Рамочной конвенции МОГО. Однако именно эти вопросы чаще всего вызывают различные сложности в реализации в конкретных ситуациях оказания помощи из-за национальных бюрократических процессов отдельных государств. Поэтому дополнительная детализация, конкретизация отдельных правил (например, использование водного транспорта при оказании помощи прежде не закреплялось) направлена на своевременное оказание необходимой помощи и ее качество. Такое закрепление в целом способствует формированию единообразной практики государств в рассматриваемой сфере сотрудничества.

Так, в документе детально прописано, какая именно информация должна предоставляться пострадавшим государством при направлении запроса о помощи: место и время возникновения бедствия, масштабы и текущее состояние, уже проведенные мероприятия, точное описание запрашиваемой помощи, установление приоритетов при ликвидации ЧС. Данная информация позволяет помогающим странам определить:

- численность направляемого поисково-спасательного отряда и профиль специалистов;
- необходимое оборудование и его количество;
- необходимые предметы для помощи и их количество и т.д.

Единственным недостатком, на наш взгляд, характерным для всех подобных соглашений, является формулировка «кратчайшие сроки», используемая в качестве обозначения временного периода, в течение которого должен быть предоставлен ответ на запрос о помощи. Однако тому есть объективные причины. В каждом государстве существуют свои нормативы, их различие при сотрудничестве (а в некоторых случаях и излишнее преувеличение) может негативно повлиять на предоставление помощи, несвоевременное и неэффективное. Поэтому, по мнению автора, государствам, учитывая длительность осуществления сотрудничества в области защиты от бедствий, уже пора четко конкретизировать все временные показатели, указываемые в международных соглашениях, а не выработать их спустя время в процессе технического взаимодействия.

Еще одна интересная группа правил Соглашения в реализации формы сотрудничества по ликвидации ЧС

– это закрепление особенностей использования различных видов транспорта. Как правило, отражаются нормы об использовании воздушного транспорта, предоставлении воздушного коридора и другие особенности, связанные с перемещением специальных авиабортов через государственные границы для оказания международной помощи. В рассматриваемом Соглашении также присутствует статья об использовании водного транспорта (ст. 11). Согласно ее содержанию, водный транспорт может использоваться для перевозки групп по оказанию помощи. При этом должна быть предоставлена информация о типе судов, количестве членов экипажа, списки пассажиров и груза. Такой транспорт освобождается от всех видов портовых сборов прибрежного государств. Такое закрепление, на наш взгляд, связано с несколькими аспектами:

- высоким риском бедствий в морской среде;
- доступностью к конкретным территориям бедствия по воде в кратчайшие сроки;
- Каспийское море представляет собой замкнутый водоем. и государства фактически расположены напротив друга, что упрощает транспортные чрезвычайные маршруты;
- необходимостью предусмотреть такие правила, чтобы исключить возможные технические и бюрократические препятствия, связанные с использованием иностранного морского судна, которое регулируется общими правилами международного морского права. Специальный правовой статус водного пространства закреплен в Соглашении 2018 г., который отличается от традиционного понимания Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Представленный анализ позволяет сделать вывод, что при его разработке учитывался и уже имеющийся опыт государств по сотрудничеству в области защиты от бедствий в рамках других формаций; также государства постарались включить в документ положения, учитывающие особенности самой территории, которые могут повлиять на процесс взаимодействия.

На наш взгляд, сотрудничество Прикаспийских государств в области защиты от бедствий носит комплексный характер и включает в себя деятельность различных национальных структур. В основе, в данный момент, лежит формирующийся механизма экологизации региона, направленный на создание системы прогноза, мониторинга, выявления рисков, разработку способов их устранения или уменьшения. На этой основе уже формируется сам механизм защиты от бедствий. Такой подход связан с уже имеющимся большим количеством экологических проблем, доставшихся в наследство. Особый уклон в настоящее время делается на превентивное направление для того, чтобы максимально быть всегда готовыми к возможным инцидентам, авариям и бедствиям. Такая совместная работы выражается в создании различных инфраструктур (прогнозирования и мониторинга, предупреждения, реагирования); проведения учений для отработки типовых сценариев поведения, чтобы в случае ЧСПиТХ взаимодействие осуществлялось по знакомому сценарию.

Применительно к Каспийскому морю, на наш взгляд, можно провести аналогию с международным сотрудничеством относительно Арктического региона. Для обоих географических регионов свойственны схожие элементы, влияющие на взаимодействие прибрежных государств:

1. Наличие территориальных вопросов между прибрежными государствами.
2. Богатство территории природными ресурсами.
3. Наличие давних экологических проблем техногенного происхождения.
4. Влияние изменений климата на саму территорию и возможности ее использования для развития государств, существующие в связи с этим риски.
5. Осознание прибрежных государств необходимости сотрудничества по решению различных региональных вопросов для сохранения данного географического региона.

Данные элементы способствовали постепенному выстраиванию партнерских отношений, несмотря на разногласия.

Относительно схожести можно рассматривать и результаты такой работы, проводимой в рамках двух регионов самостоятельно:

- отраслевое выстраивание взаимодействия по проблемным вопросам;
- отраслевое договорное сотрудничество;
- создание совместных узкопрофильных структур непосредственного взаимодействия.

Представленное сравнение не означает, что оба формата сотрудничества должны единообразно осуществляться заинтересованными сторонами, а является подтверждением реальной возможности решать существующие проблемы посредством взаимодействия при наличии желания всех участников процесса. Обе региональные платформы имеют определенные сложности и тупиковые вопросы. Однако сам факт существования этих региональных механизмов свидетельствует о возможности их разрешения. Следует отметить, что оба соглашения (по Каспию и Арктике) появились в течение одного временного промежутка, а Россия – участница обоих документов и принимала активное участие в их разработке.

Подтверждением данного факта, на наш взгляд, является официальная информация о разработке нового соглашения между Прикаспийскими государствами по сотрудничеству в области поиска и спасания [13]. Такая необходимость связана с тем, что большая часть акватории Каспия является общим водным пространством и необходимо детально регламентировать особенности механизма такого экстренного взаимодействия. Отличным примером опять же является аналогичный договор Арктического Совета. Следует отметить, что такое решение основывается и на сформировавшейся практике взаимодействия поисково-спасательных служб государств, осуществляемой в рамках ежегодных учений в Каспийском море.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В настоящее время относительно использования и развития Каспийского региона действуют три соглашения и несколько протоколов в области охраны

морской среды. Каждое из соглашений содержит положения, в той или иной степени затрагивающие защиту территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Созданный правовой и организационный механизм достаточно молод и требует со стороны государств – участников своего активного развития во всех направлениях.

Охрана окружающей среды Каспия должна осуществляться параллельно с развитием сотрудничества по предупреждению и предотвращению различных бедствий. Прикаспийские государства нуждаются в дальнейшем развитии договорного сотрудничества в иных сферах общих интересов и проблем. Остается надеяться, что в ближайшие годы появятся новые правовые механизмы.

Каспийское море, несмотря на существующие правовые и организационные механизмы, по-

прежнему имеет большое количество нерешенных вопросов, в том числе в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. И еще одна задача, которую предстоит решить специальным структурам для эффективного сотрудничества – формирование единого менталитета в области безопасности среди руководящего состава структур в государствах-участниках. В основе принятия ими решений должны лежать оценка существующих рисков, необходимость своевременного реагирования, взаимодействие в соответствии с отработанными планами и сценариями. Сложность в данном случае заключается в национальной и региональной культуре общения и функционирования, характерной для стран и регионов Азии, которые могут негативно повлиять на решение вышеуказанных вопросов.

Список источников

1. Dayyan Janbaaz, Mehrdad Fallah. Energy Resources of the Caspian Sea: The Role of Regional and Trans-regional Powers in Its Legal Regime // *The Dynamics of Iranian Borders*. Springer, 2018. P. 69–93.
2. Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. URL: <https://tehranconvention.org/ru/tc/text-convention> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Соглашение о сотрудничестве в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в Каспийском море 2014 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420388539> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Прикаспийские страны собрались вместе, чтобы обсудить защиту Каспийского моря. URL: <http://www.ramsar.org/news/caspian-countries-come-together-to-discuss-protection-of-the-caspian-sea/> (дата обращения: 20.05.2021).
6. Рагимов Р. Пять народов спорят о том, является ли Каспий озером или морем. URL: <http://www.wilsoncenter.org/blog-post/five-nations-bicker-over-whether-the-caspian-lake-or-sea/> (дата обращения: 20.05.2021).
7. Хурчак Н.М. Международный механизм охраны окружающей среды Каспийского моря // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 6 (19). С. 106–110.
8. Экология Каспийского моря находится в критическом состоянии, предупреждают эксперты. URL: <https://penzaneews.ru/analysis/55078-2012> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Оруджов Э.Ф. Проблема техногенных катастроф в Азербайджане // Синергия наук. 2018. № 26. С. 351–356.
10. Федулова Н. Правовой статус Каспийского моря: позиции прибрежных государств // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 8. С. 68–75.
11. Цой А.А., Скрипов П.О., Чумаченко Н.Д. Влияние сейсмической активности и повышения уровня моря на строительство трубопроводов в северной части Каспийского моря // EUROPIAN RESEACH : сб. ст. X Междунар. науч.-практ. конф. в 3 ч. Ч. 3. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 62–64.
12. МЧС России. Каспий – 2018. URL: <https://30.mchs.gov.ru/deyatelnost/poleznaya-informaciya/dopolnitelnye-stranicy/god-kultury-bezopasnosti/novosti-i-rezultaty-raboty/2204250> (дата обращения: 20.05.2021).
13. Иран и Россия расширяют сотрудничество в области поисково-спасательных работ // Каспийский вестник. 29 января 2020. URL: <http://casp-geo.ru/iran-i-rossiya-rasshiryat-sotrudnichestvo-v-oblasti-poiskovo-spatatelnyh-rabot/> (дата обращения: 01.11.2021).

References

1. Janbaaz, D. & Fallah, M. (2018) Energy Resources of the Caspian Sea: The Role of Regional and Trans-regional Powers in Its Legal Regime. In: Mansoureh, E., Masoumeh R.G. & Kamaruzaman, Yu. (eds) *The Dynamics of Iranian Borders*. Springer. pp. 69–93.
2. Caspian Environment Information Center (2003) *Ramochnaya konventsiya po zashchite morskoy sredy Kaspiyskogo morya* [Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea]. [Online] Available from: <https://tehranconvention.org/ru/tc/text-convention>. (Accessed: 20.05.2021).
3. Russian Federation. (2014) *Soglashenie o sotrudnichestve v sfere preduprezhdeniya i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy v Kaspiyskom more 2014 g.* [Agreement on cooperation in the field of prevention and elimination of consequences of emergencies in the Caspian Sea, 2014]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420388539>. (Accessed: 20.05.2021).
4. President of Russia. (2018) *Konventsiya o pravovom statuse Kaspiyskogo morya 2018 g.* [Convention on the Legal Status of the Caspian Sea 2018]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328>. (Accessed: 20.05.2021).
5. Ramsar Convention. (2012) *Caspian countries come together to discuss protection of the Caspian Sea*. [Online] Available from: <http://www.ramsar.org/news/caspian-countries-come-together-to-discuss-protection-of-the-caspian-sea/>. (Accessed: 20.05.2021).
6. Rahimov, R. (2018) *Five Nations Bicker over Whether the Caspian is Lake or Sea*. [Online] Available from: <http://www.wilsoncenter.org/blog-post/five-nations-bicker-over-whether-the-caspian-lake-or-sea/>. (Accessed: 20.05.2021).
7. Khurchak, N.M. (2006) *Mezhdunarodnyy mekhanizm okhrany okruzhayushchey sredy Kaspiyskogo morya* [International Mechanism for Environmental Protection of the Caspian Sea]. *Yuzhno-Rossiyskiy vestnik geologii, geografii i global'noy energii*. 6 (19). pp. 106–110.
8. PenzaNews. (2012) *Ekologiya Kaspiyskogo morya nakhoditsya v kriticheskom sostoyanii, predosteregayut eksperty* [The ecology of the Caspian Sea is in critical condition, experts warn]. *PenzaNews*. 08 February. [Online] Available from: <https://penzaneews.ru/analysis/55078-2012>. (Accessed: 20.05.2021).
9. Orudzhov, E.F. (2018) *Problema tekhnogennykh katastrof v Azerbaydzhanе* [The problem of man-made disasters in Azerbaijan]. *Sinerhiya nauk*. 26. pp. 351–356.
10. Fedulova, N. (2008) *Pravovoy status Kaspiyskogo morya: pozitsii pribrezhnykh gosudarstv* [Legal status of the Caspian Sea: positions of the coastal states]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 8. pp. 68–75.

11. Tsoy, A.A., Skripov, P.O. & Chumachenko, N.D. (2017) Vliyanie seismicheskoy aktivnosti i povysheniya urovnya morya na stroitel'stvo truboprovodov v severnoy chasti Kaspiyskogo morya [Influence of seismic activity and sea level rise on the construction of pipelines in the northern part of the Caspian Sea]. In: *EUROPEAN RESEARCH*. Part. 3. Penza: Nauka i prosveshchenie. pp. 62–64.
12. *Ministry of Emergency Situations of the Russian Federation*. (2018) [Online] Available from: <https://30.mchs.gov.ru/deyatelnost/poleznaya-informaciya/dopolnitelnye-stranicy/god-kultury-bezopasnosti/novosti-i-rezultaty-raboty/2204250>. (Accessed: 20.05.2021).
13. Kaspiyskiy vestnik. (2020) Iran i Rossiya rasshiryat sotrudnichestvo v oblasti poiskovo-spatel'nykh rabot [Iran and Russia will expand cooperation in the field of search and rescue operations]. *Kaspiyskiy vestnik*. 29 January. [Online] Available from: <http://casp-geo.ru/iran-i-rossiya-rasshiryat-sotrudnichestvo-v-oblasti-poiskovo-spatelnyh-rabot/>. (Accessed: 01.11.2021).

Информация об авторе:

Лисаускайте В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: vlado@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Lisauskaite, Cand. Sci. (Law), associate professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vlado@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.06.2021;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 23.06.2021;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 341.64
doi: 10.17223/15617793/481/26

Право быть забытым в эпоху цифровых технологий

Тигран Давидович Оганесян¹

¹ *Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, t.oganesian@mail.ru*

Аннотация. Исследуются вопросы, связанные с современным пониманием и реализацией права быть забытым – права отдельных лиц исключать, ограничивать или удалять ссылки и личную информацию в интернете. Особое внимание уделено различию между терминами «право быть забытым», «право на забвение», «право на исключение данных». Проведен анализ сущности права быть забытым, различных мнений, критикующих или одобряющих данное право. Обоснован вывод о том, данное право не стало международно признанным правом человека, а является лишь признанным правом в ЕС и ряде отдельных государств.

Ключевые слова: право быть забытым, право на забвение, защита данных, Google, Суд Европейского Союза, Европейский суд по правам человека

Для цитирования: Оганесян Т.Д. Право быть забытым в эпоху цифровых технологий // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 238–248. doi: 10.17223/15617793/481/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/26

The right to be forgotten in the digital age

Tigran D. Oganessian¹

¹ *Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russian Federation, t.oganesian@mail.ru*

Abstract. The article discusses issues related to the modern understanding and application of the right to be forgotten – the right of individuals to exclude, restrict or delete links and personal information on the Internet. In this regard, special attention is paid to the differences between such definitions as the right to be forgotten, the right to exclude data, which are found both in theory and in practice of various states. The author emphasizes that the right to be forgotten is part of the right to respect for private life and is somehow a collective term in relation to the above definitions. The right to be forgotten is not a new right. Particular attention is paid to the ruling in the Google Spain case, in which in 2014 the Court of Justice of the European Union finally consolidated the right to be forgotten in its practice and gave this right a new life. Initially, the right to be forgotten was born as the right to “forget one’s criminal past.” With the development of the Internet, it turned into a broader right, having acquired a different essence. Statistics of requests for the right to be forgotten received by Google over the past seven years are provided. Another important question the author considers is whether the right to be forgotten is a completely new “product” of the Court of Justice of the European Union. The author notes that in Europe the right to be forgotten has been recognized for a long time — at least some of its signs can be traced in the concept of the right to information self-determination and the positions of the data protection authorities of France, Italy, and Spain. However, only the EU Court in 2014 gave this right a new essence and consolidated it at the European level. Using the comparative legal method, the author considers the opinions of various researchers regarding the right to be forgotten. Critics of the extraterritorial application of the right to be forgotten claim that it can lead to the widespread removal of online content and, thus, harm freedom of expression and other human rights. Despite the criticism, the right to be forgotten is considered by many as a positive development of individual self-determination in the era of digitalization and the development of information technology. In conclusion, the author states that the right to be forgotten on the Internet should be balanced with competing rights. If competing rights are not properly balanced, the right to be forgotten can lead to unjustified censorship on the Internet. The author emphasizes that, despite the evolutionary interpretation by the CJEU and the ECtHR of the right to respect for private life, from which the right to be forgotten was derived, it nevertheless did not become an internationally recognized human right, but only a recognized right in the European Union and a number of individual states. However, given the trend that more and more states recognize the right to be forgotten in their legislation and practices, it has every chance of becoming an internationally recognized human right in the future.

Keywords: right to be forgotten, data protection, Google, Court of Justice of the European Union, European Court of Human Rights

For citation: Oganessian, T.D. (2022) The right to be forgotten in the digital age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 238–248. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/26

Введение

Право быть забытым стало частью европейской правовой основы защиты данных, направленной на обеспечение гарантий для осуществления гражданами большей степени контроля за использованием, хранением и сбором их персональных данных. В современную цифровую эпоху, когда ничто не исчезает само по себе, право быть забытым приобретает особую ценность [1. Р. 27]. Оно предоставляет людям новую возможность – скрыть информацию о прошлом, которая мешает жить.

Нарушения прав человека сами по себе динамичны, и нормы должны меняться, чтобы реагировать на новые вызовы и тенденции меняющегося мира. Как верно отмечает Макау Мутуа, профессор юридического факультета Университета Буффало, перечень прав человека и их содержание должны быть гибкими, чтобы отвечать реалиям сегодняшнего дня [2. Р. 38]. По сути, право быть забытым является ответом на современные вызовы «ничего не забывающего» интернета. Значительный вклад в развитие права быть забытым внесли судьи Суда Европейского Союза (далее – Суд ЕС), которые в 2014 г. на международном уровне дали данному праву новую жизнь.

Проблемы конфиденциальности столь же актуальны сегодня, как и тогда, когда Самуэль Уоррен и Льюис Брандейс опубликовали свою статью «Право на частную жизнь» в 1890 г. [3]. Изменилось лишь одно: теперь вопросы конфиденциальности перенесены в большей степени в виртуальное пространство, а именно в интернет. Уместно будет привести слова профессора школы права Университета Майами Майкла Фромкина, который считает, что «близорукое отношение к конфиденциальности может привести к смерти последнего, потому что люди постепенно отказываются от своей приватности, слишком часто и слишком дешево раздавая свои данные» [4. Р. 1461].

Открытость интернета является одной из его определяющих характеристик, но поскольку информация из прошлого остается доступной, настоящее человека может быть затруднено его прошлым. Огромное количество информации, доступной в интернете, в сочетании с техническими возможностями поисковых систем также препятствует способности человека контролировать свою личную информацию. Интернет бросает вызов и может сделать почти невозможным для человека «начать все сначала» [5. Р. 82]. Цифровая память обладает уникальным свойством, в отличие от человеческой, никогда не забывать [6. Р. 378].

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в деле *Cengiz and Others v. Turkey* признал интернет как одно из основных средств, с помощью которых люди пользуются этой фундаментальной свободой: это «важный инструмент для участия в мероприятиях и обсуждениях, касающихся политических вопросов и вопросов, представляющих общественный интерес» [7]. В этой связи информационные и коммуникационные технологии могут, с одной стороны, значительно улучшить осуществление прав человека и основных свобод, таких как право на свободу выражения мнени-

ния, право на образование, право на собрания, право на свободные выборы, но с другой стороны, они могут отрицательно влиять на права, свободы и ценности, такие как уважение частной жизни, тайна переписки, достоинство и право быть забытым. Несмотря на то что интернет значительно облегчает способы самовыражения и разнообразие доступной информации, верно также и то, что некоторые заинтересованные стороны имеют право запрещать, удалять или искажать онлайн-контент в соответствии со своими интересами.

Сейчас отношения общества с интернетом достигли беспрецедентного уровня связанности и зависимости. Нынешние возможности интернета являются примером того, что право никогда не сможет опередить технологический прогресс. Растущее использование интернета продолжает усугублять напряженность между защитой частной жизни и защитой открытого интернета. Имея более 3 миллиардов пользователей по всему миру, интернет оказывает влияние почти на половину населения Земли. То, как правительства и суды защищают частную жизнь, должно отражать, как общество ценит частную жизнь. С повсеместным использованием интернета, особенно поколением, известным как «цифровые аборигены» (*digital natives*) [8], риск вторжения виртуальной реальности в реальную частную жизнь повышается. Право на уважение частной жизни в интернете подразумевает контроль над личной информацией (когда это влечет за собой разумное ожидание конфиденциальности) и право ограничивать доступ к этой информации или, по крайней мере, контролировать доступ к ней [9. Р. 49].

Право быть забытым, право на забвение, право на исключение данных: есть ли разница?

В доктрине и нормотворческих актах используются такие понятия, как право быть забытым (*right to be forgotten*), право на забвение (*right to oblivion*), право на исключение (*right to erasure*) данных, право на удаление (*right to delete*) данных, право на исключение из списка (*right to de-list*), которые обычно используются в качестве синонимов [10]. Примечательно, что в Общем регламенте по защите данных (GDPR) упоминаются всего два понятия право на удаление данных (*right to erasure*) и право быть забытым (*right to be forgotten*) [11]. В отличие от права быть забытым, право на удаление данных не является новым правом для правовой системы ЕС. Например, в ранее действующей Директиве 95/46/ЕС это понятие встречалось пять раз: в статье 2 в определениях обработки данных; дважды в статье 12 об обработке данных, «которые не соответствуют положениям настоящей Директивы»; в статье 28 о полномочиях вмешательства контролирующих органов и в статье 32 об обязательствах государств-членов [12].

Традиционно право быть забытым подразумевало право на удаление данных, а затем, следуя решению Суда ЕС по делу *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja*

González (далее – Google Spain), и право на исключение данных из списка результатов поиска [13]. Как отмечает научный сотрудник Центрально-европейского университета Иоана Ступариу, многие ученые, исследуя право быть забытым и проводя параллели со смежными правами, пытались включить в право быть забытым как «можно больше контента» [14].

Поль Берналь, анализируя разницу между правом быть забытым и правом на удаление данных, предлагает понимать последний термин как следствие изменения парадигмы в том, как общество видит конфиденциальность в настоящее время. По его мнению, право быть забытым представляет собой лишь «вариант идеи права на удаление (*right to delete*)» [15], дополнительно определяя несколько различий между ними. Если право быть забытым подразумевает, что контроль над информацией остается за третьей стороной, то в случае права на удаление данных сам пользователь осуществляет свое прямое право контролировать данные. Право на удаление данных позволяет физическим лицам удалять все связанные с ними персональные данные.

Некоторым авторам удалось эффективно прояснить терминологическую дилемму, разграничив право на забвение от права на удаление. В то время как право на забвение ограничивается потенциальным ущербом, причиненным «достоинству, личности, репутации и личности» лица, второе имеет гораздо более широкое значение, включая право владельца данных контролировать, как третьи стороны обрабатывают его данные [16. Р. 291]. Кроме того, если первое вытекает из необходимости защиты права на уважение частной жизни, то второе основывается скорее на необходимости «перераспределения полномочий между субъектами данных и обработчиками данных» путем признания за владельцем данных непосредственного права контролировать свои персональные данные. Аурулия Тамо и Дамиан Джордж проводят следующее различие: «...цель каждого права различна: если право на забвение (*right of oblivion*) основано на фундаментальном уважении частной жизни и личности и на давней традиции балансирования противоречивых интересов, то право на исключение (*the right of erasure*) данных можно рассматривать как один из способов обработки персональных данных путем их исключения» [17. Р. 74].

Саймон Кастеллано подчеркивает разницу между правом на забвение и правом быть забытым. Первый рассматривается в связи с дискуссией о праве на публичный доступ к судебным решениям и обычно используется в ситуации, когда историческое событие или судимость больше не должны вспоминаться из-за продолжительности времени, прошедшего с момента их возникновения. Таким образом, право на забвение означает право отдельных лиц ограничивать доступ к своим персональным данным, содержащимся в уголовных и судебных актах в целях интеграции в общество. С другой стороны, концепция права быть забытым является чем-то большим, не позволяя третьим лицам получать доступ к такой информации. Право быть забытым, в свою очередь, является гарантией

защиты любых персональных данных в интернете без ограничения срока давности и направлено на удаление из результатов поиска не только информации о «криминальном» прошлом [18. Р. 5].

Можно согласиться также с утверждением Дж. Ауслооса и М. Амброуза о том, что право на забвение и право на удаление (исключение) данных являются разновидностями толкования права быть забытым [19. Р. 14]. Правовые инструменты права на забвение и права на удаление (исключение) данных используются дополняющим образом. Обе концепции преследуют различные цели, необходимые в законодательстве: в то время как право на забвение включает в себя концепцию балансирования конфликтующих интересов для определения того, когда та или иная публикация (информация) является неактуальной для широкой общественности, право на удаление (исключение) данных, в свою очередь, носит более процедурный характер. Что касается права на исключение информации из списка поиска результатов, то оно позволяет пользователям запрашивать, чтобы поисковые системы исключали веб-адреса из результатов поиска [20].

Еще одно различие проводят Антуанетта Рувруа и Ив Пулле: между правом быть забытым и правом забыть. По их наблюдению, право быть забытым связано с третьими сторонами и их обязательством забыть, в то время как право забыть относится к праву самого человека забыть свое прошлое [21. Р. 45].

По сути, право быть забытым является частью права на уважение частной жизни. С другой стороны, право быть забытым рассматривается как один из аспектов защиты персональных данных: оно в основном связано с созданием и поддержанием необходимого уровня конфиденциальности посредством соответствующих механизмов контроля персональных данных. Можно отметить, что право быть забытым так или иначе является собирательным термином по отношению к вышеперечисленным дефинициям.

Сущность права быть забытым

Следует отметить, что право быть забытым не является новым правом. В каком-то смысле права Изабель Фальк-Пьеротен, которая отмечает, что это просто применение общего закона о защите данных к поисковой системе [22]. В свою очередь, Суд ЕС, приняв концепцию права быть забытым 23 мая 2014 г. в решении по делу Google Spain, оказал огромное влияние на ее сущность.

В решении по делу Google Spain в 2014 г. Суд Европейского Союза окончательно закрепил право быть забытым в своей практике. Истолковав Директиву 95/46/ЕС в широком смысле, Суд ЕС постановил, что отдельные лица имеют право быть забытыми касательно информации, которая больше не имеет к ним отношения, открыв ворота для допуска нескольких других таких обширных толкований Директивы. Данное решение бросило вызов уже существующим дискуссиям об определении надлежащего баланса между конфиденциальностью, свободой слова и свободой распространения информации в интернете не только в

ЕС, но и во всем мире. Это вызвало оживленную дискуссию о том, что такое право быть забытым на самом деле, каковы правовые последствия данного решения для ЕС и может ли оно быть реализовано в правовых системах других стран, что привело к мно-

жеству различных теорий и понятий, часто способных создать путаницу.

С мая 2014 г. по сентябрь 2021 г. Google получил 982 917 запросов на удаление (3 851 479 URL-адресов) от граждан ЕС (рис. 21) [23].

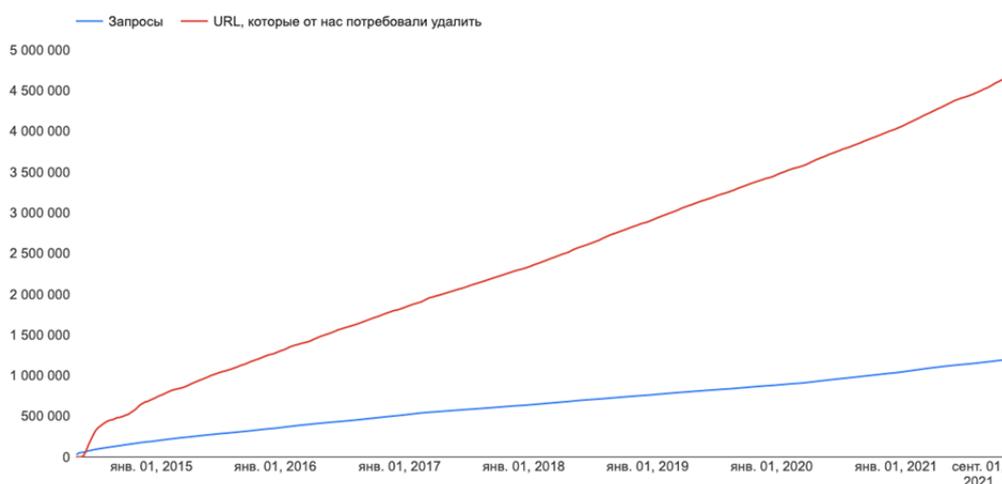

Рис. 1. Статистика запросов на право быть забытым, полученных Google

С мая 2014 г. по декабрь 2021 г., согласно представленной статистике, Google удовлетворил 51,8% поступивших запросов на удаление URL-адресов.

Отвечая на вопрос, является ли право быть забытым совершенно новым «продуктом» Суда Европейского Союза, очевидно, что в Европе право быть забытым признано давно – по крайней мере, некоторые признаки права быть забытым прослеживаются в концепции права на информационное самоопределение и позиция органов по защите данных Франции, Италии и Испании. Например, французская национальная комиссия по информатике и свободе (*Commission nationale de l'informatique et des libertés*, далее – CNIL) первым признала право быть забытым в соответствии с принципами защиты данных, итальянский орган по защите данных (*Garante*) признал право быть забытым, включая право на удаление персональных данных, которые больше не актуальны. Испанский орган по защите данных (*AEPD*), в свою очередь, расширил право быть забытым, включив в него право удалять и исправлять персональные данные в интернете. Вклад подавляющего большинства европейских агентств по защите данных показывает, что они выступают за признание и разъяснение права быть забытым.

Дискуссии вокруг сущности права быть забытым не являются новыми, поскольку в течение длительного времени велись споры о различиях терминов, принципов и значения данного права в Европе и Соединенных Штатах. Право быть забытым изначально рассматривалось как право, которое позволяет осужденному преступнику, отбывшему свой срок, требовать «забыть» его прошлое, чтобы снова стать частью общества [15]. Это право основано на праве на уважение частной жизни, цель которого – избежать возможного ущерба, который может быть нанесен репутации личности [19. Р. 12]. В последующем право быть забытым предоставило субъекту данных право

требовать удаления (исключения) персональных данных преимущественно из интернета. Одной из предполагаемых целей указанного права является также установление баланса между субъектом данных и обработчиком данных, предоставив субъекту данных право участвовать в операциях обработки данных, связанных с ним.

В этом смысле уместным примером может служить точка зрения руководителя исследовательского центра информационных технологий и права (Университет Намюра, Бельгия) Сесиль Де Терванг, которая определяет три аспекта права быть забытым. Во-первых, существует право быть забытым «в отношении судебного прошлого» [24. Р. 26], которое предполагает удаление информации о судимости по прошествии времени и направлено на защиту репутации и прав личности. Во-вторых, существует право быть забытым, установленное законодательством о защите данных, которое предоставляет право субъекту данных «видеть свою информацию либо удаленной, либо анонимной после достижения цели, для которой она была собрана». В-третьих, существует право быть забытым в отношении данных, которые более не актуальны. С одной стороны, право быть забытым ориентировано на существование третьих лиц и их неотъемлемую обязанность «забывать» информацию о владельце данных. С другой стороны, право быть забытым ориентировано на защиту самого владельца данных от своего собственного прошлого, чтобы он мог забыть его.

Как отмечает профессор Туринского политехнического университета, Алессандро Мантелеро, исторически право быть забытым возникает из потребности «человека определять развитие своей жизни автономным образом, не подвергаясь постоянной или периодической стигматизации в результате определенного действия, совершенного в прошлом» [25. Р. 232]. Пи-

тер Хастинкс считает, что право быть забытым гарантирует, что информация автоматически исчезнет через определенный период времени, даже если субъект данных не предпринимает никаких действий или даже не знает, что данные когда-либо хранились [26]. Другими словами, этим данным будет приписан определенный срок годности. Европейский уполномоченный по защите данных также считает это новое право примером необходимости обеспечить людям более эффективную защиту их персональных данных. Генри Тороп рассматривает право быть забытым как право на ошибку: «...пользователи интернета чувствуют потребность в защите, чтобы ошибки, совершенные в прошлом, не характеризовали их навсегда» [1. Р. 40]. Мэг Лета Джонс, профессор Джорджтаунского университета, именуя право быть забытым как «Ctrl+Z», отмечает, что это цифровое право с большим количеством возможностей и потенциала [27. Р. 38].

Мэг Амброуз и Джэф Ауслус утверждают, что последствия сегодняшней обработки и распространения данных совершенно непредсказуемы из-за того, что причиняемый вред часто связан с социальными и психологическими проблемами. Наша история поиска, наши привычки к покупкам, наши сексуальные предпочтения и даже наши эмоции «могут быть собраны в такой степени, которую трудно себе представить» [19. Р. 17]. В этом контексте право быть забытым прочно связано с понятиями уважения частной жизни и самоопределения. Это право относится к индивидуальной автономии, способности делать выбор, принимать обоснованные решения, другими словами, сохранять контроль над различными аспектами своей жизни. Сесиль де Терванг также связывает право быть забытым с информационным самоопределением, которое «означает контроль над своей личной информацией, право индивида решать, какая личная информация будет раскрыта, кому и с какой целью» [24. Р. 23].

Право быть забытым фундаментально связано с *droit à l'oubli* (право на забвение), которое имеет свое «обоснование конфиденциальности как фундаментальное право (связанное с человеческим достоинством, репутацией и т.д.)» [28]. В доктрине можно встретить две различные версии этого права. Во-первых, право на забвение нашло свое применение в контексте уголовных приговоров, когда преступники, отбывшие наказание, просили удаления информации из СМИ об их криминальном прошлом. В этом контексте «право общественности на доступ к информации, которая может или не может оставаться заслуживающей внимания», должны быть сбалансированы с правом человека на уважение частной жизни. В этом отношении логика такого права основана на предположении, что человек может измениться. Во-вторых, право быть забытым – это право на удаление любых данных, которые больше не актуальны и нерелевантны.

В материале, подготовленном международной организацией «Статья 19», право быть забытым определяется как средство правовой защиты, которое в некоторых обстоятельствах позволяет людям требовать от поисковых систем исключения из списка результатов поиска информации, появляющихся после поиска их

имени. В более широком смысле право быть забытым рассматривается как право индивидов «самостоятельно определять, когда, как и в какой степени информация о них передается другим» [29] или как право, которое дает индивиду больший контроль над личной информацией.

Майкл Келли и Дэвид Сатола утверждают, что право быть забытым существует во многих формах, находясь между правом на уважение частной жизни и правом на свободу выражения мнения [30]. По мере того как это право развивалось в Европе, оно сосредоточивало внимание на политических соображениях, лежащих в его основе, а также на практических трудностях его реализации в рамках ЕС. Опыт ЕС показывает, что единого подхода в реализации права быть забытым между государствами не существует. Кроме того, различные национальные подходы к праву быть забытым делают практически невозможным для международных организаций соблюдение требований в соответствующих правовых системах. Например, романо-германские правовые системы придают больший вес праву на уважение частной жизни, нежели свободе выражения мнения при поисках необходимого баланса. Государства с англо-саксонской правовой системой, как правило, придают больший вес свободе выражения мнения. Право быть забытым, таким образом, является еще одним аспектом развивающейся трансатлантической дискуссии о различиях в подходах к пониманию и реализации права на уважения частной жизни.

Джордан Левеск отмечает, что дальнейшее применение права быть забытым создаст реальные проблемы для основных прав человека, таких как свобода выражения мнения и право на уважение частной жизни в интернете [31. Р. 28]. В этой связи он предлагает внести поправки в право быть забытым, включив в него «разумное ожидание оценки конфиденциальности», которое обеспечит соответствие права быть забытым тому, как люди воспринимают и ценят конфиденциальность в интернете. По его мнению, в настоящее время право быть забытым «излечивает» симптомы несанкционированного раскрытия частной жизни, но не согласуется с социальными ожиданиями конфиденциальности. Внесение поправок в право быть забытым позволит избежать корпоративной цензуры, обеспечить соответствие его защиты ожиданиям общества в отношении конфиденциальности и обеспечить единый юрисдикционный охват.

Отвечая критикам по поводу того, что право быть забытым может превратиться в право на стирание истории, Комиссар ЕС по вопросам юстиции, основных прав и гражданства Вивиан Реддинг считает, что «право быть забытым не может считаться правом на полное стирание истории» [32], тем самым подчеркивая, что любая защита, предлагаемая этим правом, должна быть сбалансирована с другими важными правами, такими как свобода слова и выражения мнения.

Таким образом, изначально зародившееся право быть забытым как право «забыть свое преступное прошлое», с развитием интернета оно превратилось в более широкое право, обретая иную сущность. Незави-

симо от конкретных юридических определений теоретическое определение права быть забытым должно содержать набор элементов, описывающих сущность данного права: право физического лица на получение, автоматически или по запросу (1), удаленной личной информации (2), которая больше не является актуальной (3), которая была размещена либо самим владельцем данных, либо третьей стороной (4), даже если информация была размещена законно (5).

Право быть забытым: за и против

Основная критика исходит из того, что право быть забытым ограничивает право на свободу слова [33. Р. 976]. Многие страны, в частности США (первая поправка к Конституции), имеют очень сильные внутренние законы о свободе слова, что сложно согласовать с правом быть забытым. Сторонники права быть забытым, такие как Вивиан Реддинг, убеждены, что решения Суда ЕС по делу Google Spain являются шагом вперед в защите персональных данных. Противники данного решения считают, что «только сильные мира сего выиграют» от новых правил, и что это ослабляет «демократические основы» [34] и ведет к опасному переписыванию истории.

Джанкарло Фрозио, в свою очередь считает, что по мере того, как за последние несколько лет разворачивались дебаты по вопросу о праве быть забытым, «много шума было поднято по пустякам» [35. Р. 335]. Советник Google, адвокат Питер Флейшер считает, что под правом на забвение «каждый видит то, что хочет» [36]. Граукс Ханс, Ауслус Джеф и Вальке Пегги отмечают, что основная идея права быть забытым – это всего лишь проявление более фундаментального стремления к большему контролю над своими персональными данными [37]. По словам основателя Википедии Джимми Уэйлса, поисковые системы интернета, такие как Google, не должны отвечать за «историю цензуры» [38].

Критики экстерриториального применения права быть забытым утверждают, что оно может привести к повсеместному удалению онлайн-контента и, таким образом, нанести ущерб свободе выражения мнения и другим правам человека. Например, международная организация *Access Now*, защищающая цифровые права пользователей по всему миру, решительно выступает против права быть забытым, поскольку «в случае неправильного толкования или неправильного применения – особенно при отсутствии всеобъемлющего закона о защите данных и недостаточной прозрачности – это представляет серьезную угрозу правам человека» [20]. Французский орган по защите данных (CNIL), в свою очередь, является одним из ярких сторонников глобального применения права быть забытым [39].

В дополнение к этому существуют опасения по поводу требования удалить информацию, которую другие опубликовали о человеке. Это, как утверждают критики, потребовало бы от компаний удаления любой информации, относящейся к человеку, независимо от ее источника, что было бы равнозначно цен-

зуре и привело бы к тому, что компании, работающие с большими данными, уничтожили большое количество данных в соответствии с этим. Такое удаление может повлиять на точность и способность юридических и физических лиц проводить бизнес-аналитику, в частности на комплексную проверку соблюдения законов о взяточничестве, коррупции и знания законов о клиентах [40].

Высказываются опасения, что «чрезмерно широкое право на забвение приведет к цензуре интернета, поскольку субъекты данных могут заставить поисковые системы или веб-сайты стирать личные данные, что может переписать историю» [41. Р. 364]. Решение по делу Google Spain дает определенное направление в этом отношении, признавая необходимость учета соответствующих соображений, таких как характер и конфиденциальность информации, общественный интерес и роль, которую субъект данных играет в общественной жизни, при установлении справедливого баланса между правом субъекта данных и интересами пользователей интернета.

В то же время отсутствие четких нормативных гарантий может привести к тому, что поисковые системы станут «судьями». Есть риски, связанные с наделением правом рассматривать дела, связанные с правом быть забытым, частных юридических лиц, особенно с учетом необходимости уравнивать конкурирующие права.

Сторонники защиты данных и конфиденциальности выделают следующие аргументы против признания права быть забытым:

– Люди не должны иметь безусловного права контролировать доступность своих данных. В частности, физические лица не должны иметь возможности ограничивать доступ к информации о них, опубликованной третьими лицами, за исключением случаев, когда эта информация является частной или клеветнической. Например, тот факт, что конкретное лицо было объявлено банкротом более десяти лет назад, – не просто информация об этом человеке. Это также касается заявлений, сделанных в рамках открытых судебных процессов. Идея о том, что лицо должно сохранять окончательный контроль над этой информацией, является не только «эгоцентричным» подходом, но и игнорирует более широкое право ответственности делиться и получать материалы, которые законно являются общественным достоянием.

– Поскольку информация может быть общедоступной, существует большая заинтересованность в ее сохранении и в том, чтобы она оставалась доступной для целей исследования, архивирования или иных полезных для общества целей. Сами органы по защите данных считают, что сбор исторических и культурных данных, которые могут включать персональные данные, следует поощрять и рассматривать как действительный способ сохранения данных после даты их «оперативной полезности» [42].

– Право запросить удаление или исключение определенных ссылок из результатов поиска, связанных с именем заявителя, дает последнему возможность представить искаженную картину того, кто он

есть на самом деле. Лица, стремящиеся получить доступ к информации о других людях, должны иметь возможность формировать свое мнение о них на основе всей имеющейся информации, а не на основе – ссылок, которые были отобраны для публикации и подобраны таким образом, чтобы представить кого-либо в более выгодном свете. В этом смысле людям должна быть предоставлена возможность прощать или игнорировать прошлые ошибки, а не «забывать» тех, кто их совершил.

– Право быть забытым более ограничивает свободу выражения мнений, чем право на исправление данных: право на исправление данных позволяет отдельным лицам либо «изложить свою версию истории», либо исправить фактические ошибки, не затрудняя поиск нужной информации. Право быть забытым, в свою очередь, позволяет отдельным лицам удалять или делать информацию о них гораздо менее доступной и, следовательно, гораздо более проблематичной для свободы выражения мнения.

– Отсутствие надлежащих процессуальных гарантий и ясности в отношении права быть забытым, что может привести, в частности, к злоупотреблениям.

– Отсутствие устоявшейся практики рассмотрения запросов на право быть забытым, направляемых поисковым системам.

– Отсутствие обязательства уведомлять первоначальных «издателей» информации поисковыми системами о запросах на удаление данных, что, в свою очередь, не предоставляет возможность веб-сайтам обжаловать данный запрос.

Тем не менее, несмотря на критику, право быть забытым рассматривается многими как позитивное развитие индивидуального самоопределения личности в эпоху цифровизации и развития информационных технологий. Сторонники права быть забытым, в свою очередь, утверждают, что постоянная доступность определенной личной информации может вызвать серьезную несправедливость по отношению к отдельным лицам без какого-либо общественного интереса в том, чтобы такая информация была доступна. Мартин Гусовец, научный сотрудник Центра изучения интернета и общества Стэнфордского университета (CIS), в свою очередь, расценивает решение Суда ЕС по делу Google Spain как политический акт, чем как некоторую интерпретацию законов, полагая, что судьи Суда ЕС приняли это решение, чтобы сделать политическое заявление в ответ на разоблачение массовой слежки США, сделанное Эдвардом Сноуденом [43].

Согласно отчету Международной организации «Статья 19», сторонники защиты данных и конфиденциальности указывают на ряд аргументов в поддержку признания данного права:

– Физические лица должны иметь право контролировать свои персональные данные в цифровую эпоху: информационно-коммуникационные технологии позволяют как государственным, так и частным организациям существенно вмешиваться в право человека на уважение частной жизни, позволяя им отслеживать и записывать все действия в интернете. Между тем это создает условия, при которых пользователи соци-

альных сетей делятся значительным количеством информации о себе, что приводит к соответствующим рискам, уязвимости «загружаемых» данных и потере контроля над ними. Право быть забытым прежде всего дает людям возможность восстановить контроль над своей «виртуальной жизнью» и данными.

– Большая часть персональных данных, доступная в интернете, не имеет общественной ценности: цифровые технологии способствовали наступлению эры информационной перегрузки. Только информация, представляющая общественный интерес, должна иметь гарантированную доступность, и не вся информация носит такой характер. Подавляющее большинство личной информации в интернете имеет ограниченную внутреннюю ценность, в то время как ее доступность может иметь негативные последствия для жизни людей: такая информация может помешать их перспективам трудоустройства и т.д.

– Право быть забытым предоставляет возможность не только удалять свои данные, но и исправлять: во многих странах законодательство предоставляет право субъекта данных на исправление ложной информации, опубликованной или переданной в печатных или вещательных средствах массовой информации. Поскольку в настоящее время технологически невозможно обеспечить полную реализацию такого права, право быть забытым является наилучшим вариантом.

– Право быть забытым может быть сбалансировано со свободой выражения мнения: в решении по делу Google Spain Суд ЕС принял во внимание проблемы свободы выражения мнения, в том числе заявив, что в определенных обстоятельствах, например, когда персональные данные относятся к общественному деятелю, право общественности иметь доступ к этой информации может преобладать [29].

Заключение

Наши почтовые ящики, социальные сети и онлайн-архивы (clouds) сохраняют информацию о нас. Информация больше не теряется, даже если она не была нами сохранена. Это помогает нам вести записи о важных событиях, но это также подразумевает, что кажущиеся незначительными и неуместными данные нашего прошлого могут вернуться, чтобы преследовать нас. Право должно контролировать эту новую среду и отвечать современным реалиям, вытекающим из конъюнктуры всемирной сети. Кроме того, мы находим много тем, на которые право должно давать ответы: правовые рамки свободы слова в интернете, пределы анонимности в сети, бессрочность распространяемой информации и данных, право быть забытым т.д.

Постоянство и «круглосуточность» информации в интернете также имеют свою цену. Поисковые системы и платформы социальных сетей зачастую предоставляют доступ к информации, которую пользователи, возможно, стремятся сохранить частной или приватной (новостные статьи о прошлых преступлениях, старые фотографии и т.д.) Различная информация – будь то правдивая, ложная, устаревшая или вырван-

ная из контекста – может причинить вред отдельным лицам и угрожать таким важным ценностям, как достоинство или личная автономия, которые защищены правом на уважение частной жизни в соответствии с международным правом в области прав человека. Вместе с тем крупные компании собирают и хранят огромное количество данных, таких как история онлайн-покупок, религиозные и политические взгляды, история посещаемых веб-сайтов и т.д. Все эти события привели к возникновению опасений по поводу неправильного использования и злоупотребления личной информацией в незаконных целях или кражи персональных данных. Поэтому неудивительно, что люди все чаще стремятся восстановить контроль над своей личностью и персональными данными в глобальной сети.

По этой причине в европейской общественности возникла дискуссия о необходимости регулирования права быть забытым, которое основывалось бы на правах личности, охватывающих несколько элементов, таких как права на уважение частной жизни, репутацию, защиту данных, свободу выражения мнения. Исследователь интернет-права Виктор Майер-Шенбергер отмечает, что оцифровка и раскрытие личных данных «навсегда свяжут нас со всеми нашими прошлыми действиями, делая практически невозможным избежать их» [44. Р. 15]. Цифровая память «отрицает время», и людям становится трудно отделить себя от унижительных или смущающих моментов прошлого. Интернет, как неотъемлемая часть внешней памяти, также мешает человеку переехать в новое сообщество, чтобы создать себя и начать все сначала. Иными словами, цифровая память мешает обществу выйти за пределы прошлого, потому что оно не может забыть прошлое.

Как и в случае со всеми правами человека, очевидно, что право быть забытым в интернете должно быть сбалансировано с конкурирующими правами. Комитет министров Совета Европы (КМСЕ) в своей рекомендации о мерах по повышению ценности интернета для общественных услуг подчеркнул важность доступа к информации в интернете, поскольку последнее служит эффективному осуществлению прав человека и основных свобод для всех, кто его использует. КМСЕ отметил важность поисковых систем для обеспечения доступности контента в интернете и полезности Всемирной паутины для общественности, и счел важным, чтобы поисковым системам было разрешено свободно сканировать и индексировать информацию, которая находится в открытом доступе на веб-сайтах [45].

При неправильном сбалансировании конкурирующих прав право быть забытым может привести к необоснованной цензуре в интернете. Например, опе-

раторы поисковых систем, которые столкнулись с временным и финансовым давлением, могут принимать ошибочные решения, которые влияют на свободу выражения мнения в интернете. Неправильное или неполное понимание сущности права быть забытым может обесценить конфиденциальность, поскольку оно смещает акцент с того, что представляет собой конфиденциальность для отдельных лиц, на массовое удаление контента из интернета. В то же время угроза, которую представляет интернет для частной жизни, не должна быть переоценена, и регулирование, направленное на нынешние риски и угрозы конфиденциальности, также должно быть на соответствующем уровне. Что касается юрисдикции, то установление юрисдикции над интернетом также затруднительно по причине того, что, в отличие от традиционных концепций юрисдикции, интернет выходит за рамки государственного или национального суверенитета.

Таким образом, одной из наиболее важных проблем, с которыми сталкивается интернет в отношении конфиденциальности и защиты данных, является «неограниченная цифровая память»: интернет записывает все и ничего не забывает, такова парадигма «новой эпохи тотальной памяти» [18. Р. 6]. Наличие большого объема персональных данных в сети создает угрозу права на уважение частной жизни. Эта проблема заставляет в очередной раз задуматься: как право быть забытым может быть реализовано и быть сбалансировано с другими правами.

Право быть забытым было введено в ЕС с большой страстью и энтузиазмом как новый рассвет в защите права на уважение частной жизни в интернете. Однако, несмотря на эволютивное толкование Судом ЕС и ЕСПЧ права на уважение частной жизни, из которого было выведено право быть забытым, тем не менее оно не стало международно признанным правом человека, а является лишь признанным правом в Европейском Союзе и ряде отдельных государств. Однако, учитывая тенденцию, что все больше государств в своих законодательствах и практиках признают право быть забытым, оно имеет все шансы стать в будущем международно признанным правом человека. Во многих случаях предметом разногласий среди государств является вопрос о том, как сохранить общепринятый подход к правам человека, основанный на существовании универсальности, правильно сбалансировать конкурирующие права и в то же время адаптировать права человека к меняющимся международным обстоятельствам. От решения данного сложного вопроса и будет во многом зависеть то, сможет ли право быть забытым стать международным универсальным правом.

Список источников

1. Torop H. Õigus olla unustatud - kas rahvusvaheliselt tunnustatud inimõigus? Avaliku õiguse osakond. Magistritöö. Tartu, 2018. 98 p.
2. Mutua M.W. Human Rights Standards: Hegemony, Law, and Politics. New York : State University of New York Press, 2016. 256 p.
3. Warren S., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. IV, December 15. URL: https://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warrr2.html (дата обращения: 10.01.2022).
4. Fromkin M. The Death of Privacy? // Stanford Law Review. 2000. Vol. 52. P. 1461.
5. Levmore S., Nussbaum C.M. The Offensive Internet: Speech, privacy and reputation. Cambridge : Harvard University Press, 2010. 312 p.
6. Ambrose M.L. It's About Time: Privacy, Information Life Cycles, and the Right to be Forgotten // Stanford Technology Law Review. 2013. Vol. 16. P. 369–388.

7. ECtHR, *Cengiz and Others v. Turkey*. № 48226/10 14027/11. 01.12.2015.
8. Pensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants*. MCB University Press, 2011. Vol. 9, № 5. URL: <https://marcpensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
9. Moore A. *Privacy Rights: Moral and Legal Foundations*. The Pennsylvania State University Press, 2010. P. 49. 248 p.
10. Blanchette J.-F., Johnson D.G. *Data Retention and the Panoptic Society: The Social Benefits of Forgetfulness* // *The Information Society*. 2002. Vol. 33. URL: <https://www.dourish.com/classes/readings/Blanchette-Forgetfulness.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
11. Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
12. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 95/46/ЕС от 24 октября 1995 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31995L0046> (дата обращения: 10.01.2022).
13. CJEU. *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González*. 13.05. 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62012CJ0131> (дата обращения: 10.01.2022).
14. Stupariu I. *Defining the Right to be Forgotten. A Comparative analysis between the EU and the US*. 2015. P. 9. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2851362 (дата обращения: 10.01.2022).
15. Bernal P. *A Right to Delete?* *European Journal of Law and Technology (EJLT)*. 2011. № 2. URL: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/75/144> (дата обращения: 10.01.2022).
16. Werro F. *The Right to Inform v. The Right to be Forgotten: A Transatlantic Clash. Liability in the third millennium*. Baden-Baden, F.R.G. 2009. P. 285–300.
17. Tamo A., Damian G. *Oblivion, Erasure and Forgetting in the Digital Age*. *Journal of Intellectual Property // Information Technology and E-Commerce Law*. 2014. Vol. 71. P. 71–78.
18. Castellano S. *The Right to Be Forgotten Under European Law: A Constitutional Debate (September 7, 2011)* // *Lex Electronica*. 2012. Vol. 16, № 1. P. 1–30.
19. Ambrose M.L., Ausloos J. *The Right to Be Forgotten Across the Pond* // *Journal of Information Policy*. 2013. Vol. 3. P. 1–23.
20. *Access Now position paper: understanding the right to be forgotten globally*. 2016. URL: https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2017/09/RTBF_Sep_2016.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
21. Rouvroy A., Poullet Y. *The Right to Informational Self-Determination and the Value of Self-Development // Reassessing the Importance of Privacy for Democracy*. Springer, 2009. P. 45–76.
22. Falque-Pierrotin I. *Pour un droit au déréférencement mondial*. *Debates du Monde*. 2016. URL: <https://www.cnil.fr/fr/pour-un-droit-au-dereferencement-mondial> (дата обращения: 10.01.2022).
23. Запросы на удаление контента на основании европейского законодательства о конфиденциальности. Отчет Google. URL: <https://transparencypaper.google.com/eu-privacy/overview> (дата обращения: 10.01.2022).
24. Terwangne de C. *The Right to be Forgotten and the Informational Autonomy in the Digital Environment // The Ethics of Memory in a Digital Age*. Publications Office of the EU. 2013. P. 3–32.
25. Mantelero A. *The EU Proposal for a General Data Protection Regulation and the Roots of the 'Right to Be Forgotten'* // *Computer Law & Security Review*. 2013. Vol. 29, Is. 3. P. 229–235.
26. Hustinx P. *Towards more effective Data Protection in the Information Society*. Digital review published by the Data Protection Authority of Madrid, 2013. 50th issue. URL: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/speeches-articles/reform-eu-data-protection-towards-more_en (дата обращения: 10.01.2022).
27. Jones M.L. *Ctrl + Z: The Right to be Forgotten*. NYU Press, 2016. 256 p.
28. Joris V.J. van Hoboken. *The Proposed Right to be Forgotten Seen from the Perspective of Our Right to Remember. Freedom of Expression Safeguards in a Converging Information Environment Prepared for the European Commission Appointment Letter No. 257971 – 14 January 2013*. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC86747/lbna26410enn.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
29. ARTICLE 19. *The Right to be Forgotten: Remembering Freedom of Expression*. 2016. URL: https://www.article19.org/data/files/Right_to_be_forgotten_A5_EHH_HYPERLINKS.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
30. Kelly Michael J., Satola David. *The Right to Be Forgotten* // *University of Illinois Law Review*. 2017. Vol. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=2965685> (дата обращения: 10.01.2022).
31. Levesque J. *The right to be forgotten: no solution to the challenges of the digital environment. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of laws*. The University of British Columbia (Vancouver), 2016. P. 168 p.
32. Reding V. Vice-President of the European Commission, EU Justice Commissioner. *The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age Innovation Conference Digital, Life, Design Munich, 22 January 2012*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_12_26 (дата обращения: 10.01.2022).
33. Solove D.J. *The Virtues of Knowing Less: Justifying Privacy Protections against Disclosure* // *Duke Law Journal*. 2003. Vol. 53 (3). P. 967–1065.
34. Stephens M. *Only the powerful will benefit from 'the right to be forgotten'*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/18/powerful-benefit-right-to-be-forgotten> (дата обращения: 10.01.2022).
35. Frosio G. *Right to Be Forgotten: Much Ado About Nothing* // *Colorado Technology Law Journal*. 2017. Vol. 15 (2). P. 307–336.
36. *The Right to Be Forgotten: An Insult to Latin American History*. URL: https://www.huffpost.com/entry/the-right-to-be-forgotten_b_5870664?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9ydS53aWtpcGVkaWEub3JnLnw&guce_referrer_sig=AQAAAFQZ8Kh XF INX5ozoTgW_3QWWa4TRijurdgARcpl38PUK9KDY9IOWnuCPrR7jgU30wlnDBRmsdXg4cWQJxIqQuTYqy8avLVH8ehdE3AJNIUGmEkIy AJ8o5daRd--sXC8LoeJDe2o4Zr664Pv6ZuYmstYtHbO1SP7GSAOuj5iCi (дата обращения: 10.01.2022).
37. Graux H., Ausloos J., Valcke P. *The Right to Be Forgotten in the Internet Era (November 12, 2012)* // *ICRI Research Paper*. 2012. № 11. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2174896 (дата обращения: 10.01.2022).
38. Wales J. *Right to be forgotten: Wikipedia chief enters internet censorship row*. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/25/right-to-be-forgotten-google-wikipedia-jimmy-wales> (дата обращения: 10.01.2022).
39. *Pour un droit au déréférencement mondial*. 2017. 12 janvier. URL: <https://www.cnil.fr/fr/pour-un-droit-au-dereferencement-mondial> (дата обращения: 10.01.2022).
40. Wright J. *Some Things Should Not Be Forgotten* // *The Wall Street Journal*. 2015. 19 January. URL: <https://www.wsj.com/articles/jason-wright-some-things-should-not-be-forgotten-1421689011> (дата обращения: 10.01.2022).
41. Rustad M., Kulevska S. *Reconceptualizing the Right to Be Forgotten to Enable Transatlantic Data Flow* // *Harvard Journal of Law and Technology*. 2015. Vol. 28. P. 349–373.
42. *Comprehensive approach on personal data protection in the European Union*. 2011. URL: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/opinions/comprehensive-approach-personal-data-protection_en (дата обращения: 10.01.2022).
43. Husovec M. *Should we centralize the right to be forgotten clearing house? 2014*. URL: <https://cyberlaw.stanford.edu/blog/2014/05/should-we-centralize-right-be-forgotten-clearing-house> (дата обращения: 10.01.2022).
44. Mayer-Schönberger V. *Delete: the virtue of forgetting in the Digital Age*. Princeton University Press, 2009. 237 p.

45. Рекомендация CM/Rec (2007)16 Комитета министров Совета Европы государствам-членам о мерах по продвижению общественной ценности Интернета (7 ноября 2007 года). URL: [https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec\(2007\)16](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec(2007)16) (дата обращения: 10.01.2022).

References

1. Torop, H. (2018) *Õigus olla unustatud - kas rahvusvaheliselt tunnustatud inimõigus? Avaliku õiguse osakond*. Master's Thesis. Tartu.
2. Mutua, M.W. (2016) *Human Rights Standards: Hegemony, Law, and Politics*. New York: State University of New York Press.
3. Warren, S. & Brandeis, L. (1890) The Right to Privacy. *Harvard Law Review*. 4. 15 December. [Online] Available from: https://groups.csail.mit.edu/mac/classes/6.805/articles/privacy/Privacy_brand_warr2.html. (Accessed: 10.01.2022).
4. Fromkin, M. (2000) The Death of Privacy? *Stanford Law Review*. 52 (5). pp. 1461–1543. DOI: 10.2307/1229519
5. Levmore, S. & Nussbaum, C.M. (2010) *The Offensive Internet: Speech, privacy and reputation*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Ambrose, M.L. (2013) It's About Time: Privacy, Information Life Cycles, and the Right to be Forgotten. *Stanford Technology Law Review*. 16. pp. 369–388.
7. European Court of Human Rights. (2015) *ECtHR, Cengiz and Others v. Turkey. No 48226/10 14027/11*. December 01, 2015.
8. Pinsky, M. (2011) *Digital Natives, Digital Immigrants*. MCB University Press. 5(9). [Online] Available from: <https://marepinsky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>. (Accessed: 10.01.2022).
9. Moore, A. (2010) *Privacy Rights: Moral and Legal Foundations*. PA: The Pennsylvania State University Press. P. 49.
10. Blanchette, J.-F. & Johnson, D.G. (2002) Data Retention and the Panoptic Society: The Social Benefits of Forgetfulness. *The Information Society*. 33. [Online] Available from: <https://www.dourish.com/classes/readings/Blanchette-Forgetfulness.pdf>. (Accessed: 10.01.2022). DOI: 10.1080/01972240252818216
11. European Union. (n.d.) *Obshchij reglament zashchity personal'nykh dannyykh (GDPR) Evropeyskogo soyuza* [General Data Protection Regulation (GDPR) of the European Union]. [Online] Available from: <https://gdpr-text.com/ru/>. (Accessed: 10.01.2022).
12. European Parliament. (1995) *Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A31995L0046>. (Accessed: 10.01.2022).
13. CJEU. (2014) *Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González. May 13, 2014*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62012CJ0131>. (Accessed: 10.01.2022).
14. Stupariu, I. (2015) *Defining the Right to be Forgotten. A Comparative analysis between the EU and the US*. P. 9. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2851362. (Accessed: 10.01.2022).
15. Bernal, P. (2011) A Right to Delete? *European Journal of Law and Technology (EJLT)*. 2. [Online] Available from: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/75/144>. (Accessed: 10.01.2022).
16. Werro, F. (2009) The Right to Inform v. The Right to be Forgotten: A Transatlantic Clash. Liability in the third millennium. *Georgetown Public Law Research Paper*. 2. pp. 285–300.
17. Tamo, A. & Damian, G. (2014) Oblivion, Erasure and Forgetting in the Digital Age. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*. 71. pp. 71–78.
18. Castellano, S. (2012) The Right to Be Forgotten Under European Law: A Constitutional Debate (September 7, 2011). *Lex Electronica*. 1 (16). pp. 1–30.
19. Ambrose, M.L. & Ausloos, J. (2013) The Right to Be Forgotten Across the Pond. *Journal of Information Policy*. 3. pp. 1–23.
20. AccessNow. (2016) *Access Now position paper: understanding the right to be forgotten globally*. [Online] Available from: https://www.accessnow.org/cms/assets/uploads/2017/09/RTBF_Sep_2016.pdf. (Accessed: 10.01.2022).
21. Rouvroy, A. & Poullet, Y. (2009) The Right to Informational Self-Determination and the Value of Self-Development. In: Gutwirth, S. et al. (eds) *Reassessing the Importance of Privacy for Democracy*. Dordrecht: Springer. pp. 45–76.
22. Falque-Pierrotin, I. (2016) *Pour un droit au déréférencement mondial. Debates du Monde*. [Online] Available from: <https://www.nil.fr/fr/pour-un-droit-au-dereferencement-mondial>. (Accessed: 10.01.2022).
23. Google. (n.d.) *Zaprosy na udalenie kontenta na osnovanii evropeyskogo zakonodatel'stva o konfidentsial'nosti* [Requests to remove content based on European privacy law]. [Online] Available from: <https://transparencyreport.google.com/eu-privacy/overview>. (Accessed: 10.01.2022).
24. Terwangne, de C. (2014) The Right to be Forgotten and the Informational Autonomy in the Digital Environment. In: Ghezzi, A., Guimarães Pereira, Â. & Vesnić-Alujević, L. (eds) *The Ethics of Memory in a Digital Age. Publications Office of the EU*. UK: Palgrave Macmillan. pp. 3–32. DOI: 10.2788/54562
25. Mantelero, A. (2013) The EU Proposal for a General Data Protection Regulation and the Roots of the 'Right to Be Forgotten'. *Computer Law & Security Review*. 3 (29). pp. 229–235. DOI: 10.1016/j.clsr.2013.03.010
26. Hustinx, P. (2013) *Towards more effective Data Protection in the Information Society. Digital review published by the Data Protection Authority of Madrid*. 50. [Online] Available from: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/speeches-articles/reform-eu-data-protection-towards-more_en. (Accessed: 10.01.2022).
27. Jones, M.L. (2016) *Ctrl + Z: The Right to be Forgotten*. New York: New York University Press.
28. Van Hoboken, J.V.J. (2013) *The Proposed Right to be Forgotten Seen from the Perspective of Our Right to Remember: Freedom of Expression Safeguards in a Converging Information Environment Prepared for the European Commission Appointment Letter No. 257971 – 14 January 2013*. [Online] Available from: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC86747/lbna26410enn.pdf>. (Accessed: 10.01.2022).
29. Article 19. (2016) *The Right to be Forgotten: Remembering Freedom of Expression*. [Online] Available from: https://www.article19.org/data/files/Right_to_be_forgotten_A5_EHH_HYPERLINKS.pdf. (Accessed: 10.01.2022).
30. Kelly, M.J. & Satola D. (2017) The Right to Be Forgotten. *University of Illinois Law Review*. 1. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=2965685>. (Accessed: 10.01.2022).
31. Levesque, J. (2016) *The right to be forgotten: no solution to the challenges of the digital environment*. Master's Thesis. Vancouver.
32. Reding, V. (2012) *Vice-President of the European Commission, EU Justice Commissioner. The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age Innovation Conference Digital, Life, Design Munich, 22 January 2012*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_12_26. (Accessed: 10.01.2022).
33. Solove, D.J. (2003) The Virtues of Knowing Less: Justifying Privacy Protections against Disclosure. *Duke Law Journal*. 3 (53). pp. 967–1065. DOI: 10.2139/ssrn.440200
34. Stephens, M. (2014) Only the powerful will benefit from 'the right to be forgotten'. *The Guardian*. 18 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/18/powerful-benefit-right-to-be-forgotten>. (Accessed: 10.01.2022).
35. Frosio, G. (2017) Right to Be Forgotten: Much Ado About Nothing. *Colorado Technology Law Journal*. 2 (15). pp. 307–336.
36. Bertoni, E. (2014) The Right to Be Forgotten: An Insult to Latin American History. *Huffpost*. 24 September. [Online] Available from: https://www.huffpost.com/entry/the-right-to-be-forgotten_b_5870664?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly9ydS53aWtpcGVkaWEub3JnLnw&guce_referrer_sig=AQAAAFQZ8KhXFI NXSozoTgW_3QWwA4TRijurdgARCP138Puk9KDv9IOWnucPrR7jgU30wlnDBRmsXg4cWQIjxllqQuT Yqy8avLVH8ehdE3AJN1UGmEkIyA

- J8o5daRd--sXC8LoeJDe2o4Zr664Pv6ZuYMstYtHbO1SP7GSAOuj5iCi. (Accessed: 10.01.2022).
37. Graux, H., Ausloos, J. & Valcke, P. (2012) The Right to Be Forgotten in the Internet Era (November 12, 2012). *ICRI Research Paper*. 11. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2174896. (Accessed: 10.01.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2174896
 38. Wales, J. (2014) Right to be forgotten: Wikipedia chief enters internet censorship row. *The Guardian*. 25 July. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2014/jul/25/right-to-be-forgotten-google-wikipedia-jimmy-wales>. (Accessed: 10.01.2022).
 39. CNIL. (2017) Pour un droit au déréférencement mondial. *CNIL*. 12 January. [Online] Available from: <https://www.cnil.fr/fr/pour-un-droit-audereferencement-mondial>. (Accessed: 10.01.2022).
 40. Wright, J. (2015) Some Things Should Not Be Forgotten. *The Wall Street Journal*. 19 January. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/jason-wright-some-things-should-not-be-forgotten-1421689011>. (Accessed: 10.01.2022).
 41. Rustad, M. & Kulevska, S. (2015) Reconceptualizing the Right to Be Forgotten to Enable Transatlantic Data Flow. *Harvard Journal of Law and Technology*. 28. pp. 349–373.
 42. European Data Protection Supervisor. (2011) *Comprehensive approach on personal data protection in the European Union*. [Online] Available from: https://edps.europa.eu/data-protection/our-work/publications/opinions/comprehensive-approach-personal-data-protection_en. (Accessed: 10.01.2022).
 43. Husovec, M. (2014) Should we centralize the right to be forgotten clearing house? [Online] Available from: <https://cyberlaw.stanford.edu/blog/2014/05/should-we-centralize-right-be-forgotten-clearing-house>. (Accessed: 10.01.2022).
 44. Mayer-Schönberger, V. (2009) *Delete: the virtue of forgetting in the Digital Age*. NJ: Princeton University Press.
 45. Council of Europe. (2007) *Recommendation CM/Rec(2007)16 of the Committee of Ministers to member states on measures to promote the public service value of the Internet*. [Online] Available from: [https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec\(2007\)16](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec(2007)16). (Accessed: 10.01.2022).

Информация об авторе:

Оганесян Т.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия). E-mail: t.oganesian@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.D. Oganesian, Cand. Sci. (Law), associate professor, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation). E-mail: t.oganesian@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 12.01.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 347.6
doi: 10.17223/15617793/481/27

Особенности семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, в Российской Федерации и на постсоветском пространстве

Анна Максимовна Рабец¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, rabecjur@mail.ru*

Аннотация. Дается развернутая характеристика семейно-правового статуса в составе общего брачно-правового статуса физического лица, включающего в себя ряд специальных статусов: семейно-правовой, гражданско-правовой, а также закрепленный в отраслях публичного права. Сформулирован ряд предложений по совершенствованию норм семейного, гражданского и ряда других отраслей права, регламентирующих правовой статус лица, состоящего в браке, с учетом нормотворческого опыта стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: личность, статус, брак, семья, закон, права, обязанности, гарантии

Для цитирования: Рабец А.М. Особенности семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, в Российской Федерации и на постсоветском пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 249–261. doi: 10.17223/15617793/481/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/27

Features of the family and legal status of a married person in the Russian Federation and in the post-Soviet space

Anna M. Rabets¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rabecjur@mail.ru*

Abstract. Throughout the world community, marriage is among special social values, as evidenced by the content of generally recognized norms of international law, in particular, Article 16 of the Universal Declaration of Human Rights, Article 112 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights). The Russian Federation, at present, primarily in connection with the amendments to the current Constitution of the Russian Federation, has created a solid and reliable regulatory framework to give marriage a proper social and legal significance. Under Clause zh.1, Part 1 of Article 72 and Part 1 of Article 114 of the Constitution of the Russian Federation, marriage is defined as a voluntary union of a man and a woman and is subject to protection and preservation among traditional family values at the level of the Russian Federation and its subjects, which is provided by the Government of the Russian Federation. This study aims to systematize and comprehensively analyze the norms regulating the family legal status of married persons, to identify the interrelationships of family law norms with other branch norms regulating the totality of relations associated with the status of being married. Family law, civil law, and other sectoral acts of the Russian Federation and other states located in the post-Soviet space, acts of their interpretation – first of all, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as research on civil and family law, were used as the material for the study. In the analysis, the author used research methods traditional in jurisprudence, of which the comparative legal method was the main one. The article describes the concept of the legal status of a married person, proves that its structural element is not only rights and obligations, but also guarantees of their implementation, if they are also expressed through subjective rights and obligations. The article shows the dynamics of the family legal status of a married person, its relationship with the civil status and the status regulated by other branches of law. The study proves that the family legal status should be considered as part of the whole – a more general legal status of a married person, which should be legally enshrined in the definition of marriage that generates not only mutual family rights and obligations of the persons who entered into it, but also personal and property rights and obligations in relation to other citizens, legal entities and public authorities.

Keywords: person, status, marriage, family, law, rights, obligations, guarantees

For citation: Rabets, A.M. (2022) Features of the family and legal status of a married person in the Russian Federation and in the post-Soviet space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 249–261. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/27

Введение

Во всем мировом сообществе к числу особых социальных ценностей относится брак, о чем свидетельствует содержание общепризнанных норм международного права, в частности, в ст. 16 Всеобщей декларации прав человека [1], в ст. 112 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (Европейская Конвенция по правам человека) [2]. В Российской Федерации в настоящее время, прежде всего, в связи с внесением поправок в действующую Конституцию РФ [3], создана прочная и надежная нормативно-правовая база для придания браку должной социальной и правовой значимости. В силу п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 114 Конституции РФ брак определяется как добровольный союз мужчины и женщины и подлежит защите и сохранению в числе традиционных семейных ценностей на уровне Российской Федерации и ее субъектов, что обеспечивается Правительством РФ.

Неоценимая социальная и правовая значимость брака состоит в том, что он создает у вступивших в него лиц особый правовой статус, представляющий собой совокупность прав и обязанностей не только между лицами, состоящими в браке, т.е. между супругами, чем нередко ограничиваются как нормативные, так и доктринальные определения понятия брака. Объем правового статуса личности, состоящей в браке, значительно шире; его структура и содержание как раз и составляют предмет настоящего исследования.

Основная цель данной работы состоит в выявлении и приведении в систему всей совокупности прав и обязанностей личности, вытекающих из брака, что в свою очередь должно быть отражено как в развернутой научной, так и в законодательной дефиниции брака, емкой по содержанию и в то же время просто для восприятия всеми адресатами, которым оно должно быть направлено в виде нормы, содержащейся в семейном законодательстве.

Между тем приходится констатировать, что в доктрине семейного права, несмотря на наличие довольно многочисленных работ, посвященных проблемам брака, довольно затруднительно выделить исследования, касающиеся характеристики правового статуса лиц, состоящих в браке, из которого можно было бы получить достаточно полное и четкое представление о правах, обязанностях, ограничениях и запретах, связанных с браком, и о тех законодательных актах и конкретных правовых нормах, в которых они закреплены. Думается, что в этом состоит одна из причин, по которым авторитет брака как социального феномена, как правового института, как основы создания семьи во всем мировом сообществе, в том числе в РФ, не достиг той высоты, при которой он должен был бы и мог бы в полной мере выполнять свое предназначение в обществе.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, если в 2014 г. в РФ было заключено 1 225 985 браков (8,4 браков на 1 000 человек населения), то в 2019 г. – 950 167 (6,5 на 1 000 человек), в 2020 г. – 770 857 (5,3 на 1 000 человек).

Статистика фиксирует также увеличение числа разводов. Если в 2016 г. было расторгнуто 61,7% от общего числа заключенных браков, то в то в 2019 г. – 67,4%, в 2020 г. – 73,25% [4].

Более того, довольно значительная часть населения РФ отказывается от государственной регистрации брака, не имея полного представления о преимуществах брачного союза по сравнению с внебрачным сожительством, о чем в дальнейшем многим приходится горько сожалеть. Невозможно умолчать и о том, что широкое распространение в обществе, в том числе в юридической печати, получило мнение не только о явной недостаточности правовых средств для защиты прав лиц, поддерживающих семейные отношения без регистрации брака, но и об определенных преимуществах внебрачных отношений как формы создания семьи и о перспективах его дальнейшего развития. В частности, высказано суждение о том, что внебрачные отношения являются «альтернативой брака» [5. С. 23–27]. Как представляется, имеются все основания надеяться на то, что приведенная в настоящем исследовании полная (насколько это возможно в его рамках) развернутая характеристика правового статуса лица, состоящего в браке, будет способствовать снижению градуса заботы о защите интересов внебрачных партнеров как таковых, если, разумеется, не идет речь о недостаточности правовых гарантий для защиты прав и законных интересов рожденных у них несовершеннолетних детей.

Изложенные в данной работе результаты получены с помощью ряда принятых в юриспруденции методов исследования, таких как догматический, структурно-функциональный, нормативный, а также сравнительно-правовой, особенно там, где законодательство РФ оценивалось в сравнении с законодательством сопредельных стран, ранее входивших в состав СССР, имеющих в ряде случаев весьма ценные законодательные решения. Всё это в значительной мере способствовало получению результатов, сформулированных в виде рекомендаций по дальнейшему совершенствованию законодательства РФ, регламентирующего семейно-правовой статус лиц, состоящих в браке.

Понятие семейно-правового статуса, его место в структуре правового статуса лица, состоящего в браке

Поскольку семейно-правовой статус является частью специального правового статуса лица, состоящего в браке, в свою очередь входящего в состав общего правового статуса личности, основы которого закреплены в ст. 64 Конституции РФ, то к исследуемой правовой категории имеют самое непосредственное отношение все проблемы, касающиеся сущности и содержания этого наиболее общего понятия. Известно, что как в общей теории права, так и в теории гражданского права однозначное определение этого понятия отсутствует. Вряд ли целесообразно описывать все позиции, высказанные по данному вопросу; отметим лишь, что едва ли не большинство авторов связы-

вали правовой статус личности с правосубъектностью, причем высказывал и прямо противоположные суждения. Одни ученые утверждали, что правовой статус является элементом правосубъектности, по крайней мере, применительно к субъектам гражданского права [6. С. 87]. Другие, напротив, определяли правосубъектность как элемент правового статуса [7. С. 135]. Предпочтительной представляется третья позиция, согласно которой данные категории, несмотря на их практически неразрывную взаимосвязь, имеют право на самостоятельное существование [8. С. 22]. Если, к примеру, гражданская правосубъектность понимается как «определяемая законом мера способности (свободы и необходимости) лица к участию в гражданских правоотношениях [9. С. 106], то правовой статус личности можно определить как совокупность ее конкретных прав и обязанностей, закрепленных в законе, которые лицо может реализовать на практике [10. С. 17] (как говорится, «здесь и сейчас»).

В науке также нет единого мнения в вопросе о соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» личности. Уважая мнение ученых, проводящих различия между этими понятиями [11. С. 118], автор данной работы исходит из того, что указанные понятия равнозначны и что в их разграничении, по крайней мере, в целях данного исследования, нет никакой практической необходимости.

Таким образом, в равной степени можно говорить как о правовом статусе, так и о правовом положении лица, состоящего в браке, включая в данное понятие и так называемые статутные права, или правовые состояния, такие как пол, возраст и иные психофизические и социальные свойства личности. Вполне оправдано также словоупотребление «Брачная правосубъектность», если иметь в виду под этим понятием юридическую возможность вступать в брак, состоять в браке и расторгать его, иметь все права, вытекающие из брака и абстрактно присущие каждой личности, независимо от тех социальных ролей, которые выполняет конкретное лицо, состоящее в браке, или определенная группа лиц, о чем более подробно будет говориться далее. Если брачную правосубъектность, включающую брачную правоспособность и дееспособность, можно отнести к отраслевой, т.е. семейной, правосубъектности, то понятие «правовой статус лица, состоящего в браке» значительно шире и определяется не только возрастными границами, состоянием здоровья и действием принципа моногамии, но и целым рядом других обстоятельств, прежде всего, характером выполняемых данной личностью конкретных социальных ролей.

Определяя масштаб или границы действия понятия «правовой статус лица, состоящего в браке», следует констатировать, что относительно общего правового статуса личности, закрепленного в Конституции РФ и в соответствующем текущем законодательстве, исследуемое понятие является менее масштабным, т.е. правовой статус лица, состоящего в браке, безусловно является специальным, поскольку его действие распространяется на определенный круг субъектов. В то же время его можно определить как об-

щий правовой статус, как своеобразное собирательное понятие, если исходить из возможности выделения в нем различных групп субъектов, объединенных общим правовым состоянием (например, возрастом) либо определенными социальными ролями (например, лица с семейными обязанностями, военнослужащие, жены (или вдовы) военнослужащих, государственные гражданские служащие и т.п.).

В самом общем виде правовой статус лиц, состоящих в браке, можно определить как межотраслевой. При этом на всех указанных лиц распространяется семейно-правовой статус как совокупность прав и обязанностей, закрепленных нормами семейного права, поскольку брак является прежде всего семейным союзом (семейной общностью) и порождает права и обязанности прежде всего, между лицами, вступившими в брак. Как известно, такие лица именуются супругами. Все лица, вступившие в брак, в той или иной мере обладают хотя бы минимумом прав и обязанностей, закрепленных нормами гражданского права, т.е. гражданско-правовым статусом, хотя бы в объеме норм наследственного права. На практике гражданско-правовой статус супругов значительно шире, как будет описано далее.

Что касается правового статуса лица, состоящего в браке, закрепленного в других отраслях права, то, как уже неоднократно отмечалось, объем прав и обязанностей зависит от той конкретной социальной роли, которую выполняет это лицо. Важно в подобных случаях, чтобы закон связывал наличие у лица соответствующих прав и обязанностей именно с наличием у него брака. Речь идет о трудовом статусе лиц, состоящих в браке, статусе пенсионеров, военнослужащих, о статусе государственных и муниципальных служащих, судей, работников правоохранительных органов и иных лиц, если состояние их в браке изменяет объем их прав и обязанностей по сравнению с такими же категориями лиц, не состоящих в браке. При этом при решении вопроса о том, вступать или не вступать в брак, или вопроса о выборе соответствующей работы необходимо иметь в виду, что брак не обязательно расширяет объем прав лица; напротив, с его наличием могут быть связаны определенные дополнительные обязанности, ограничения и запреты, могущие распространяться не только на само лицо, осуществляющее такой выбор, но также на его супруга (супругу), совершеннолетних детей и его родственников, т.е. на родителей, совершеннолетних детей, братьев и сестер супруга.

Достаточно значимым представляется вопрос о том, входят ли в структуру правового статуса вообще и правового статуса лица, состоящего в браке, в частности правовые гарантии, обеспечивающие реализацию и защиту субъективных прав и исполнение юридических обязанностей, составляющих его содержание. Сложность решения данного вопроса состоит в неоднозначной трактовке как самого термина «правовые гарантии», так и их предназначения, правовых и иных средств их выражения и т.п. Так, Д.С. Ксенофонта отмечает, что разнозначное понимание в научной литературе как самого термина «Правовые

гарантии», так и их роли в правопонимании препятствует некоему единообразному пониманию сущности правовых гарантий как таковых. Автор подчеркивает, что правовые гарантии рассматриваются как элементы различных механизмов, а именно механизма правового регулирования, механизма реализации норм права, механизма осуществления прав и исполнения обязанностей, механизма социально-юридического обеспечения прав, механизм гарантирования реализации прав и обязанностей и т.п. [12. С. 37–40], а также, что весьма примечательно для целей настоящего исследования, – в качестве элемента правового статуса [13. С. 52–53]. Думается, что именно в этом качестве они могут выступать лишь при условии их выраженности в виде правовой нормы [14. С. 17] и если содержанием этой правовой нормы является субъективное право или юридическая обязанность. На возможность такого положения, когда одно субъективное право гарантируется с помощью другого субъективного права или с помощью обязанности, справедливо обратил внимание Д.М. Чечот, отмечая, что субъективное право или его защита связаны с взаимодействием многих других субъективных прав и обязанностей, возникающих в рамках правового института, отрасли права и, наконец, системы всего права в целом [15. С. 49–50]. К примеру, право супругов на заключение брачного договора гарантируется их правом сообща распоряжаться имуществом, являющимся общей совместной собственностью супругов, и единолично распоряжаться собственностью каждого из них; в свою очередь это право гарантируется правом человека на заключение брака, являющимся одним из элементов общего правового статуса личности (ст. 64, п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Итак, правовой статус лица, состоящего в браке, определяемый как совокупность прав и обязанностей, основанных на браке, включает в себя круг вытекающих из брака семейных прав и обязанностей, связанных с браком гражданских прав, обязанностей, ограничений и запретов, жилищных, трудовых, пенсионных прав, служебных прав, обязанностей, ограничений и запретов, распространяющихся на членов семьи, основанной на браке. Его структурными элементами являются также гарантии реализации и защиты прав и исполнения обязанностей, вытекающих из брака, выраженные в виде иных субъективных прав и обязанностей.

Динамика семейно-правового статуса лица, состоящего в браке

Правовой статус лица, состоящего в браке, прежде всего его семейно-правовой статус, возникает (создается) в момент государственной регистрации брака, а потому следует констатировать, что правоотношения по поводу заключения брака, указанные в гл. 3 СК РФ [16], не входят в содержание данного правового статуса, точно так же, как и права и обязанности лиц, обещавших вступить в брак, но в дальнейшем отказавшихся от его заключения, т.е. образующие институт помолвки¹. К чести законодателей указанных стран, а также в

КоБС Республики Беларусь, ст. 20 [22], необходимо отметить наличие норм, прямо устанавливающих, что с момента государственной регистрации брака вступившие в него лица приобретают взаимные права и обязанности, что несомненно придает высокую степень значимости моменту и процедуре государственной регистрации брака.

Статья 23 СК Украины предусматривает право на брак как одно из общепризнанных прав человека, входящих в состав общего правового статуса личности. При этом право состоять в браке и право расторгнуть его являются в то же время важными субъективными семейными правами.

Лицо, вступившее в брак, обладает правовым статусом состояния в браке в течение всего периода его существования, независимо от фактического прекращения семейных отношений и от длительности раздельного проживания со своим супругом (супругой), в том числе и в случае признания одного из супругов по заявлению другого безвестно отсутствующим. Исключения составляют семейно-правовые акты тех стран, в которых установлен режим отдельного проживания супругов (сепарация). Так, согласно ст. 119, 120 СК Украины, по заявлению супругов или иску одного из них суд может постановить решение об установлении для супругов режима отдельного проживания в случае невозможности или нежелания жены и (или) мужа проживать совместно. Режим отдельного проживания прекращается в случае возобновления семейных отношений или по решению суда на основании заявления одного из супругов. Установление режима отдельного проживания не прекращает прав и обязанностей супругов, установленных законом или брачным договором. В случае установления режима отдельного проживания имущество, приобретенное в будущем женой и мужем, не считается приобретенным в браке; ребенок, рожденный женой после истечения 10 месяцев, не считается происходящим от ее мужа.

В силу ст. 3.73 ГК Литвы один супруг может обратиться в суд с просьбой о подтверждении проживания порознь, если по причине конкретных обстоятельств, хотя и не зависящих от другого супруга, совместная их жизнь стала далее невыносимой (невозможной) или может по существу повредить интересам их несовершеннолетних детей, или если супруги не заинтересованы продолжать совместную жизнь. Оба супруга могут обратиться в суд с совместной просьбой о подтверждении проживания порознь, если они заключили договор о последствиях раздельного проживания, в котором предусматриваются вопросы места жительства несовершеннолетних детей, их содержания и воспитания, а также вопросы раздела имущества супругов и их взаимного содержания.

Признание лица безвестно отсутствующим является основанием расторжения с ним брака в органах ЗАГС, независимо от наличия несовершеннолетних детей, а фактическое прекращение семейных отношений между супругами и их раздельное проживание дает право суду признать приобретенное каждым из них имущество его (ее) раздельной собственностью,

что является не прекращением семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, а лишь изменением его объема. Пока существует брак, лицо, состоявшее в нем, наследует по закону после смерти другого супруга, за исключением случая, когда в силу п. 2 ст. 1117 ГК РФ [23] по требованию заинтересованного лица суд отстраняет от наследования по закону граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя. При жизни обоих супругов, если брак не прекращен, никто из них не вправе вступить в новый брак под страхом его недействительности. Это правило применяется и к супругу, признанному безвестно отсутствующим или даже объявленному умершим, поскольку брак в случае признания лица безвестно отсутствующим вправе расторгнуть в упрощенном порядке не само это лицо, а его супруг, а в случае объявления лица умершим по решению суда брак считается прекращенным также для супруга такого лица.

К числу правоизменяющих юридических фактов, влияющих на объем правового статуса лица, состоящего в браке, могут относиться самые разнообразные жизненные обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение, изменение или прекращение определенных прав или обязанностей, установление различных ограничений и запретов, связанных с браком. Такими фактами могут быть, к примеру, назначение на определенную должность или наоборот, освобождение от должности, вселение одного из супругов в жилое помещение другого супруга, разумеется, рождение общего ребенка и т.д. Некоторые из подобных правоизменяющих юридических фактов, как будет указано далее, оказывают на брачно-семейные отношения настолько неблагоприятное влияние, что служит для других лиц поводом к отказу от государственной регистрации брака, что отнюдь не способствует повышению его авторитета в обществе.

Как известно, брак, если он был для конкретных супругов пожизненным (в буквальном смысле слова) союзом, прекращается смертью одного из супругов. Однако, как представляется, переживший супруг частично сохраняет свой прежний правовой статус, пока не примет наследства, не откажется от него или пока не истечет срок для его принятия. Правда, со смертью супруга лицо (вдова, вдовец) считается не состоящим, а состоящим в браке, в связи с чем может приобрести такие права, каких у него не было в период существования брака, например, право на компенсацию вреда и на выплату пенсии в связи со смертью кормильца.

При расторжении брака он считается прекращенным с момента, определенного в ст. 25 СК РФ. В части 1 данной статьи установлено, что брак, расторгаемый в органах записи актов гражданского состояния, прекращается со дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – со дня вступления решения суда в законную силу.

Между бывшими супругами, расторгнувшими брак, в определенных законом случаях также могут

сохраняться права и обязанности, приобретенные в прежнем браке. В частности, нетрудоспособный бывший супруг, нуждающийся в материальной помощи, сохраняет право на получение алиментов от другого супруга в прежнем браке до вступления его в новый брак. Он вправе требовать алименты от бывшего супруга, обладающего необходимыми средствами, и после расторжения брака, если он стал нетрудоспособным в течение года после его расторжения либо если брак существовал длительное время, бывший супруг вправе предъявить требование о выплате алиментов также по достижении пенсионного возраста не позднее пяти лет после его расторжения. Если алименты выплачивались в связи с уходом за общим ребенком до достижения трехлетнего возраста или за ребенком-инвалидом, их выплата будет продолжаться и при вступлении получающего их супруга в новый брак, до достижения ребенком соответственно трех лет, до достижения ребенком-инвалидом 18 лет, а если ребенок является инвалидом с детства I группы, то их выплата продолжается в течение всего периода его инвалидности.

Лицо, расторгнувшее брак, может быть призвано к наследованию после смерти своего бывшего супруга как его нетрудоспособный иждивенец (ст. 1148 ГК РФ), а в случае, если бывший супруг завещал свое имущество другим лицам, то бывшему супругу-наследнику выделяется обязательная доля (ст. 1149 ГК РФ). Такая ситуация может возникнуть тогда, когда бывший супруг наследодателя получал от него алименты ввиду нетрудоспособности.

Довольно непросто определить судьбу правового статуса лица, состоявшего в браке, после признания его недействительным (гл. 5 СК РФ). Дело в том, что в силу ч. 4 ст. 27 СК РФ брак признается недействительным со дня его заключения. Данная норма, как может показаться, дает все основания полагать, что как правовой статус лица, состоящего в браке, в целом, так и его семейно-правовой статус считается не возникшим, т.е. лицо, брак которого продолжался несколько лет и в конечном итоге, был признан недействительным, считается не только не состоящим, но и не состоявшим в браке. В действительности это не так, что следует из смысла большей части норм, регламентирующих общий правовой статус лица, состоящего в браке.

Во-первых, признание брака недействительным оказывает влияние практически лишь на семейный правовой статус лица, состоящего в браке, о чем свидетельствует п. 1 ст. 30 СК РФ: «Брак, признанный судом недействительным, не порождает прав и обязанностей супругов, предусмотренных настоящим Кодексом». Данная норма дает основания для вывода, что на нормы других отраслей права требование об аннулировании прав и обязанностей, приобретенных в браке, автоматически не распространяется. Согласно ч. 4 ст. 45 СК Украины, лицо, вселившееся в жилое помещение в связи с регистрацией брака, «не приобрело права на проживание в нем и может быть выселено». В законодательстве РФ никаких иных последствий, кроме тех, которые предусмотрены ст. 30 СК РФ, прямо

не предусмотрено. В частности, не содержится подобная норма и в ЖК РФ [24] в числе оснований выселения из жилого помещения, как принадлежащего собственнику, так и предоставленного в порядке социального найма жилого помещения. Подобная ситуация не приводится и в Пленумом Верховного Суда РФ в порядке толкования жилищного законодательства [25].

Во-вторых, далеко не всегда возможно аннулирование даже семейных прав, приобретенных в браке, с момента заключения брака. Соответствующие права могут быть прекращены только на будущее время. Действительно, невозможно аннулировать обязательства, участником которых был один из супругов, сменивший фамилию при вступлении в брак, а затем вынужденный перейти на свою прежнюю фамилию в связи с признанием брака недействительным. Более того, с супруга, по вине которого брак признан недействительным, по смыслу ст. 116 СК РФ невозможно истребовать алименты, выплачиваемые ему другим супругом по причине его нетрудоспособности в течение ряда лет. Правда, в силу ч. 3 ст. 45 СК Украины алименты, выплаченные лицу, по вине которого брак признан недействительным, подлежат возврату как полученные без достаточного правового основания в соответствии с ГК Украины, но не более, чем за три последних года. Но приведенная норма является исключением в семейном законодательстве на всем постсоветском пространстве. Поэтому можно утверждать, что при признании брака недействительным аннулируется лишь актовая запись о браке, но не права и обязанности, порождаемые браком. Что касается прав и обязанностей супругов, то таковые фактически аннулируются в рамках брачного договора, если он был заключен. Другие права и обязанности либо прекращаются на будущее время, к примеру, выплата алиментов, либо трансформируются из семейных в гражданские (раздел имущества), либо приобретают односторонний характер (раздел имущества по нормам семейного права по просьбе добросовестного супруга и выплата ему алиментов), либо остаются в неизменном виде (например, сохранение приобретенной в браке фамилии за обоими супругами, не знавшими о наличии препятствий к заключению брака).

В число вызовов современности входит определение судьбы брака как семейного союза и, как следствие, – определение семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, в случае смены пола одним из супругов. Хотя, в отличие, к примеру, от СК Молдовы [26], законодательство РФ и других стран ближнего зарубежья не содержит прямого запрета однополых браков, тем не менее в РФ, как отмечалось ранее, брак на конституционном уровне определен как союз мужчины и женщины. Законодатель исходит из того, что брак имеет не только социальную, но также биологическую основу; с учетом этого брак важен не только для упорядочения сексуальных отношений в обществе, но как наиболее благоприятный фактор для выполнения семьей репродуктивной функции. Таким образом, смена пола, приводя к возникновению однополых союзов, лишает брак его основного предназна-

чения. К сожалению, в СК РФ вопрос о судьбе брака после смены пола одним из партнеров не решен, хотя операции по изменению пола и иные методы гормонального воздействия на организм человека с этой целью продолжают в течение уже ряда десятилетий. Такое положение уже давно вызывает среди ученых справедливую критику [27. С. 130]. При обсуждении данной проблемы в юридической печати высказано две основных позиции: 1) брак, заключенный до перемены пола одним из супругов, должен быть признан недействительным, поскольку не является союзом мужчины и женщины [28]; 2) брак должен быть расторгнут в порядке, установленном для расторжения брака с лицом, признанным недееспособным [29. С. 77], поскольку перемена пола должна рассматриваться как «гражданская смерть».

Оба предлагаемых варианта представляются неприемлемыми. Основания для признания брака недействительным отсутствуют потому, что брак изначально был заключен как союз мужчины и женщины, с соблюдением всех требований, касающихся как условий вступления в брак, так и формы его заключения. Он также не может быть расторгнут, так как ни один из партнеров по такому браку может не пожелать его расторжения. Вести речь о его расторжении как бы с недееспособным лицом также неприемлемо, поскольку лицо, сменившее пол, действовало вполне осознанно и вполне возможно, по медицинским показаниям. Оптимальным представляется иное решение: брак должен быть прекращен по ст. 16 СК РФ, в связи с чем необходимо предусмотреть в данной статье перемену пола как самостоятельное основание его прекращения наряду со смертью одного из супругов и с расторжением брака.

В завершение анализа динамики правового статуса лица, приобретенного в браке, можно констатировать, что прекращение брака и признание его недействительным далеко не всегда автоматически прекращает возникшие из брака права и обязанности; некоторые из них прекращаются сразу, другие – по прошествии определенного периода, некоторые могут оставаться за данным лицом пожизненно.

Содержание семейно-правового статуса лица, состоящего в браке

Лицо, состоящее в браке, связано со своим супругом собственно супружескими, детско-родительскими отношениями, а в определенных случаях также отношениями по усыновлению, отношениями по опеке и попечительству и отношениями свойства, т.е. отношения с родственниками своего супруга. Но прежде всего, супруги связаны между собой отношениями по поводу собственно брака как юридического факта, в силу которого возникают и продолжают все названные выше правоотношения. В связи с этим все правоотношения, составляющие содержание семейно-правового статуса супругов, как это следует из структуры и содержания СК РФ и почти всех семейно-правовых актов стран ближнего зарубежья, подразделяются на брачные и супружеские. При этом брачные

правоотношения после вступления в брак могут возникнуть по поводу его расторжения и признания недействительным. Понятно, что такое деление носит весьма условный характер и способствует более глубокому проникновению в сущность семейно-правового статуса супругов. Например, раздел имущества супругов возможен не только при расторжении брака, но и в период состояния в браке, а брачный договор и соглашение об уплате алиментов могут быть заключены на случай расторжения брака и существовать за пределами правового статуса супругов. Условный характер деления правоотношений супругов на брачные и супружеские подтверждается тем, что не все семейно-правовые акты стран, расположенных на постсоветском пространстве, придерживаются такой градации. В частности, семейно-правовой акт Казахстана именуется: «Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье» [30], и такое словосочетание «брак (супружество)» применяется во всех соответствующих нормах. Таким образом, в данном семейно-правовом законе понятие «брак» и «супружество» применяются как идентичные. Однако условный характер деления правоотношений на брачные и супружеские не снижает их теоретической значимости для семейно-правовой доктрины.

Нормы семейного права, закрепляющие собственно супружеские права и обязанности, как если бы никаких других семейных отношений у них не возникло, размещены в гл. 6–9 СК РФ. Содержащиеся в них права и обязанности супругов традиционно классифицируются на личные и имущественные. Если имущественные отношения регулируются хотя и в разной степени подробно, но все же примерно по одной схеме (законный и договорный режимы имущества супругов, раздел имущества супругов, обязанности супругов по предоставлению содержания, ответственность супругов по обязательствам), то регламентация личных прав и обязанностей супругов существенно различается.

В СК РФ к собственно личным семейным правам супругов относится лишь право на выбор фамилии при вступлении в брак, при его расторжении и в какой-то мере – при признании брака недействительным. Закрепленные в ст. 32 СК РФ права на выбор места жительства и рода занятий являются частью общего правового статуса личности и не зависят от состояния лица в браке, хотя их закрепление в нормах семейного права вполне оправдано. Что касается обязанностей супругов, то, несмотря на отсутствие санкций за их неисполнение кем-либо из супругов, их закрепление представляется необходимым, так как конкретизирует действие принципа равноправия супругов в семье. Относительно права на выбор фамилии супругов при вступлении в брак, в частности, права именоваться двойной фамилией, следует отметить, что, во-первых, в ряде сравниваемых государств (КоБС Беларуси, СК Украины) установлен более демократичный порядок конструирования двойной фамилии, а также возможности перемены фамилии не только при вступлении в брак, но и в течение брака;

во-вторых, в силу ст. 28 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [31] в РФ при построении двойной фамилии фамилия жены присоединяется к фамилии мужа, что представляется проявлением дискриминации, чем нарушается установленный ст. 19 Конституции РФ принцип равноправия женщины с мужчиной.

Невозможно обойти молчанием также тот факт, что в ряде стран ближнего зарубежья законодатель не стесняется закреплять в нормах семейного права такие личные права супругов, которые, по выражению, ставшему своеобразной аксиомой, «есть ничто без аппарата принуждения, способного обеспечить их реализацию», в частности, право материнства, право отцовства, право каждого из супругов на образование, на индивидуальное развитие, на взаимное уважение и др. (ст. 49–56 СК Украины), право на представительство друг друга (ст. 3.32 ГК Литвы) и т.п.

С сожалением следует констатировать, что при установлении имущественных прав и обязанностей супругов так же, как и при регламентации права именоваться двойной фамилией, в РФ, как и в большинстве стран ближнего зарубежья, допускается нарушение принципа равенства супругов в семье. Доказательством служат нормы о праве жены (бывшей жены) требовать содержания от мужа (бывшего мужа) в период беременности и после рождения общего ребенка до достижения им возраста трех лет (ст. 89, 90 СК РФ). При этом, в соответствии с буквальным текстом Закона, не придается значения такой возможной ситуации, при которой уход за общим ребенком осуществляет муж или бывший муж либо третьи лица, к примеру, родители или иные родственники мужа (бывшего мужа), организации, в которые жена или бывшая жена передала ребенка на воспитание. Жена (бывшая жена) до недавнего времени продолжала получать алименты от мужа или бывшего мужа. В настоящее время судебная практика сориентирована на более справедливый подход к решению данного вопроса. Пленум Верховного Суда РФ [32] разъяснил по данному вопросу следующее: в случае, если уход за общим ребенком супругов до достижения им возраста трех лет осуществляется отцом ребенка, а мать ребенка устранилась от его воспитания и содержания, исходя из аналогии закона (ст. 5 СК РФ) указанный супруг (бывший супруг) вправе обратиться в суд с иском к супруге (бывшей супруге) о предоставлении содержания до достижения ребенком возраста трех лет. Вряд ли стоит доказывать необходимость законодательного закрепления этой важнейшей с точки зрения гендерного равенства нормы. В настоящее время норма о праве любого из супругов требовать содержания от другого супруга (бывшего супруга) при фактическом осуществлении ухода за новорожденным ребенком закреплена в ст. 85, 86 СК Украины, в ст. 77, 78 СК Молдовы и в ст. 29 КоБС Беларуси.

Семейно-правовой статус супругов как родителей выражается прежде всего в действии презумпции отцовства мужа матери ребенка. Она состоит в том, что, если ребенок родился от лиц, состоящих между собой в браке, а также в течение установленного законом срока (в большинстве семейно-правовых актов – в

течение 300 дней) с момента расторжения брака, признания его недействительным или смерти мужа матери ребенка, отцом ребенка признается муж (бывший муж) матери ребенка, если не доказано иное. Отцовство в данном случае удостоверяется на основании актовой записи о браке.

Чрезвычайно важным представляется вопрос о начальном моменте действия данной презумпции не только ввиду установления момента возникновения родительских прав и обязанностей супругов (бывших супругов) (ст. 47 СК РФ), но также для определения периода действия права жены (бывшей жены) на получение содержания от мужа (бывшего мужа) весь период ее беременности. Практически все семейно-правовые акты стран ближнего зарубежья предусматривают, что это право действует с момента, когда становится возможным констатировать наличие беременности, что в настоящее время стало возможным в самые ранние сроки беременности. При этом законодатель, судебная практика и наука семейного права объясняют необходимость наличия указанного права жены или бывшей жены тем, что, хотя формально муж (бывший муж) еще не является отцом будущего ребенка, его отцовство уже предполагается, а потому на него возлагается не только нравственная, но и юридическая обязанность заботиться о здоровье как матери будущего ребенка, так и самого ребенка. Отсюда можно сделать вывод, что презумпция отцовства мужа матери ребенка начинает действовать в самом начале беременности, независимо от того, что супруги или бывшие супруги могут и не стать в будущем родителями.

Но поскольку любая презумпция опровержима, то логично допустить, что она может быть опровергнута с начального момента ее действия. Иными словами, отцовство мужа (бывшего мужа) матери ребенка (вернее, его причастность к зачатию ребенка) может быть оспорено с момента, когда он узнал или должен был узнать о том, что на него может быть возложена обязанность по содержанию матери будущего ребенка, т.е. с даты предъявления к нему требования об уплате алиментов.

Тем не менее закон и судебная практика исходят из того, что отцовство может быть оспорено только после рождения ребенка и после государственной регистрации рождения. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что споры, связанные с установлением происхождения детей, также могут быть разрешены судом только после рождения ребенка [33]. Если заявление по спору, связанному с установлением происхождения ребенка, подано до рождения ребенка (например, об оспаривании отцовства), судья отказывает в его принятии на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ. Такой отказ не препятствует повторному обращению в суд с указанным заявлением после рождения ребенка.

Таким образом, иск жены (бывшей жены) об уплате алиментов в период ее беременности удовлетворяется практически во всех случаях, за исключением установления судом факта отсутствия у ответчика необходимых средств, поскольку закон не ставит в

зависимость данное право жены (бывшей жены) ни от ее нуждаемости в материальной помощи, ни от нетрудоспособности. В науке семейного права принято объяснять причину такого подхода к решению данной проблемы тем, что проведение судебно-генетической экспертизы для установления подлинности происхождения ребенка от ответчика опасно для здоровья матери и будущего ребенка.

В то же время не так уж редки ситуации, когда ответчик располагает бесспорными доказательствами своей непричастности к зачатию ребенка, например, в результате бесплодия, отсутствия в период беременности жены (бывшей жены) в месте ее проживания (отбывание наказания в местах заключения, зарубежная командировка и т.п.) Известны случаи взыскания алиментов на содержание беременной жены, когда ответчик представлял бесспорные доказательства того, что именно беременность от другого мужчины послужила основанием распада семьи, чего истица не скрывает, вполне основательно полагая, что закон предоставляет ей в период беременности право на алименты независимо от того, беременна она от мужа или от другого лица.

Полагаю, что, во-первых, редакция ст. 89, 90 СК РФ должна быть изменена, поскольку после рождения ребенка жена (бывшая жена) имеет право на алименты, если ребенок является общим, следовательно, необходимо предусмотреть, что право на алименты в период беременности должно быть обусловлено тем, что ребенок зачат от мужа (бывшего мужа). Во-вторых, даже действующая редакция указанных норм СК РФ в принципе допускает возможность предоставлять ответчиком бесспорные доказательства своей непричастности к зачатию ребенка, что дает суду право отказа в удовлетворении иска о взыскании алиментов в пользу жены или бывшей жены в период беременности.

Специфика правового статуса супругов как родителей выражается также в том, что в силу ст. 24 СК РФ при расторжении брака супруги должны представить суду соглашение о том, с кем будут проживать дети, кто будет предоставлять средства на их содержание. При отсутствии такого соглашения, а также в случае, если оно нарушает интересы детей, суд по своей инициативе обязан определить, с кем будут проживать дети после развода и кто из родителей будет платить алименты. К сожалению, данная норма не предусматривает обязанности родителей или суда определить порядок общения с ребенком родителя, который будет проживать отдельно от ребенка. Нормы, аналогичные ст. 24 СК РФ, имеются практически во всех семейных законах на постсоветском пространстве.

В-третьих, в силу ст. 45 СК РФ супруги несут солидарную ответственность по общим обязательствам, что может означать в том числе солидарную ответственность супругов-родителей за вред, причиненный их общими несовершеннолетними детьми. Правда, в данной статье предусмотрено, что супруги отвечают по данному обязательству в соответствии с гражданским законодательством. Но поскольку в гл. 69 ГК РФ [34] прямо не предусмотрен характер ответственности

родителей за вред, причиненный их общими несовершеннолетними детьми, представляется необходимым исходить из общего смысла гл. 9 СК РФ и из бездоговного характера общей совместной собственности супругов, из которой предполагается возмещение вреда.

Таким образом, следует признать, что, несмотря на равное правовое положение детей, рожденных в браке, и внебрачных детей, при распаде семьи дети, родители которых состоят между собой в браке, защищены более надежно.

При устройстве на воспитание в семью детей, оставшихся без попечения родителей, состояние будущих воспитателей в браке имеет приоритетное значение. Прежде всего, невозможно совместное усыновление или совместно заключенный договор о приемной семье лицами, не состоящими в браке, в то время как супруги могут совместно усыновить ребенка или быть приемным и родителями. Однако при усыновлении каждый из супругов вправе самостоятельно решать, будет ли он усыновителем. В случае усыновления ребенка только одним из супругов необходимо письменное согласие другого супруга (ст. 133 СК РФ), которое не требуется, если супруги прекратили семейные отношения и не проживают совместно менее года.

Как отмечалось ранее, лицо, состоящее в браке, может находиться в отношениях свойства (родства по браку) с родственниками своего супруга. Применительно к семейно-правовому статусу речь может идти лишь о праве лица, состоящего или состоявшего в браке, требовать от взрослых трудоспособных детей своего супруга или бывшего супруга, т.е. от своих пасынков или падчериц, выплаты алиментов в случае нуждаемости в материальной помощи, при условии, если ранее они находились на его воспитании и содержании, как правило, не менее 5 лет и при отсутствии у него супруга, родителей или взрослых трудоспособных детей либо при невозможности с их стороны оказать ему материальную помощь. Суд вправе освободить пасынков (падчериц) от уплаты алиментов отчиму (мачехе), если они воспитывали и содержали их менее 5 лет или выполняли эту обязанность ненадлежащим образом. Следует отметить, что употребление в законе слова «обязанность» в отношении отчима или мачехи некорректно, по крайней мере, в РФ, поскольку такая обязанность, в отличие от законодательных актов тех стран, в которых она на них прямо возложена (к примеру, от ст. 1226 ГК Грузии), законом на них не возлагалась и была исключительно моральной и добровольной. Более точно в подобных случаях говорить о недобросовестном отношении к воспитанию и содержанию пасынка или падчерицы. Необходимо также отметить высокий уровень правового регулирования отношений свойства в СК Украины (ст. 250–254). Во-первых, алиментная обязанность отчима (мачехи) и пасынка (падчерицы) является взаимной, во-вторых, закон регулирует не только имущественные, но и личные отношения между родственниками. В частности, отчим (мачеха) имеют право в установленных законом случаях на участие в

воспитании пасынков и падчериц и на защиту их интересов.

Таким образом, для совершенствования регламентации семейно-правового статуса лица, состоящего в браке, имеются как необходимость, так и достаточные возможности, в том числе с учетом нормотворческого опыта стран ближнего зарубежья.

Основные проблемы взаимосвязи семейно-правового статуса с другими структурными элементами правового статуса лица, состоящего в браке

Целостность правового статуса лица, состоящего в браке, несмотря на определяющее значение в нем семейно-правового статуса, состоит в тесной взаимосвязи последнего с другими структурными элементами, т.е. с другими видами данного специального межотраслевого правового статуса. Наиболее прочны и гармоничны такие взаимосвязи между семейно-правовым и гражданско-правовым статусами лица, состоящего в браке, что вполне объяснимо, если иметь в виду смежный характер отраслей гражданского и семейного права, их соотношение между собой как «материнской» и «дочерней». Эти взаимосвязи проявляются, в частности, в возможности субсидиарного применения норм гражданского права при регулировании семейных отношений (ст. 4 СК РФ), при применении аналогии закона (ст. 5 СК РФ), а также при дублировании правового регулирования одних и тех же семейных отношений (гл. 7 СК РФ и гл. 16 ГК РФ [35]).

Что касается двойного правового регулирования отношений общей совместной собственности супругов, то было бы несправедливо упрекать в этом законодателя, так как данный правовой институт, будучи институтом гражданского права, столь же органично связан с более общим институтом права общей совместной собственности в целом, как и с институтом законного режима имущества супругов, являющимся частью семейного права. Однако такая гармония межотраслевого взаимодействия при регулировании семейных отношений царит далеко не всегда. Достаточно сослаться, к примеру, на распространение действующей редакции ст. 414 ГК РФ, предусматривающей новацию в качестве одного из оснований прекращения обязательств, на алиментные обязательства, в том числе между супругами или бывшими супругами, а также на некоторые нормы, регулирующие отношения по опеке и попечительству, на которых имеет смысл остановиться.

Речь идет о ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечительстве» [36], в которой супругу лица, признанного недееспособным или ограниченно дееспособным, предоставлено преимущественное право быть его опекуном или попечителем. Представляется, что в данном случае законодатель не учел в достаточной мере качественных различий в принципах правового регулирования указанных отношений. Если отношения между супругами, как личные, так и имущественные, основаны на принципе равноправия и решения всех вопросов жиз-

ни семьи по взаимному соглашению, что предполагает исключительно «горизонтальные» отношения партнерства, то отношения по опеке и попечительству, являясь отношениями по социальной заботе, строятся на началах покровительства и являются «вертикальными». Понятно, что такие отношения несовместимы в своей основе. Изначально создается ситуация, при которой почти неизбежен конфликт интересов или по крайней мере, невозможность или крайняя затруднительность в реализации своих семейных прав как супругом-опекуном (попечителем), так и супругом-подопечным. В частности, супруги не могут заключить между собой брачный договор, затруднения может вызвать заключение договора о разделе имущества, соглашения об уплате алиментов и т.д. Не только фактически, но и юридически невозможно реализовать супругом-подопечным его право на расторжение брака, если этого не пожелает опекун, так как в силу ст. 16 СК РФ ни органы опеки и попечительства, ни даже прокурор не могут обратиться в суд с таким иском в интересах супруга-подопечного. Таким образом, для супруга-опекуна открыты практически неограниченные возможности для злоупотребления своими правами.

Очевидно, с учетом указанных неблагоприятных факторов ст. 38 ГЗ Латвии предусматривает запрет на вступление в брак между опекуном и подопечным; по смыслу данной нормы вступление в брак возможно только после прекращения указанных отношений. Для РФ представляется необходимым исключить из ст. 10 ФЗ «Об опеке и попечительстве» указания о том, что супруг лица, признанного недееспособным или ограниченно дееспособным, имеет преимущественное право быть его опекуном (попечителем).

К числу актуальных проблем, связанных с использованием гражданско-правовых средств для противодействия домашнему насилию, относятся проблемы компенсации вреда, причиненного повреждением здоровья одному из супругов другим супругом и соотношения деликтного и алиментного обязательств. Данные проблемы не нашли разрешения ни в гражданском, ни в семейном законодательстве РФ, ни в порядке толкования соответствующего законодательства Верховным судом РФ. Проблема заключается в том, считать ли эти обязательства взаимоисключающими или деликтное и алиментное обязательства могут действовать в отношении одних и тех же субъектов одновременно? Не решен данный вопрос и в законодательстве стран ближнего зарубежья. Исключением является СК Украины (п. 6 ст. 75). Согласно данной норме, супруг, ставший нетрудоспособным вследствие противоправного поведения в отношении его со стороны другого супруга, имеет право на получение содержания от данного супруга независимо от права на возмещение вреда в соответствии с ГК Украины. Согласно п. 2 ст. 76 СК Украины (абзац 2), разведенный супруг сохраняет право на содержание от бывшего супруга, если он стал инвалидом не только до истечения, но и по истечении более 1 года после расторжения брака, если инвалидность наступила вследствие противоправного поведения бывшего су-

пруга. Данное законодательное решение представляется заслуживающим внимания на уровне заимствования. Целесообразно предусмотреть аналогичную норму в ст. 89 и 90 СК РФ.

Можно назвать еще целый ряд проблем, чрезвычайно актуальных для правового регулирования семейных отношений, в которых явно не достает внутренней гармонии в их межотраслевом регулировании. Речь идет не только об их регулировании семейным и гражданским правом, но также о регламентации правового статуса лица, состоящего в браке, другими отраслями права. С одной стороны, в целом ряде законодательных актов РФ как для самого лица, занимающего определенные должности или осуществляющего определенную профессиональную деятельность, состоящего в браке, так и для его супруга, детей и даже в некоторых случаях для его родственников, установлен целый ряд социальных гарантий как при жизни, так и после смерти данного лица². С другой стороны, на него возложен ряд обязанностей, ставящих его в неравное положение по отношению к его супругу, детям, другим родственникам и родственникам. Примером может служить обязанность руководителя государственного или муниципального учреждения и ряда государственных служащих представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и об обязательствах имущественного характера указанных лиц³.

Такая юридическая конструкция представляется довольно спорной. Во-первых, при выполнении данной обязанности между супругами могут сложиться далеко не самые благоприятные для климата семьи взаимоотношения. Во-вторых, – и это гораздо более существенно, – соответствующее должностное лицо не всегда может быть уверено, что представленная им информация является полной и достоверной. Нелишне отметить, что в связи с возможностью устанавливать в брачном договоре режим раздельности имущества супругов может оказаться весьма затруднительным выполнение лицом определенной профессии или лицом, занимающим определенную должность, обязанности представлять сведения о доходах, имуществе или имущественных обязательствах своего супруга, так как подобные сведения могут оказаться для него если не полностью недоступными, то, по крайней мере, трудно доступными, что может отразиться на его служебной деятельности весьма неблагоприятно, в частности, при проверке компетентными органами достоверности представленной им информации.

В-третьих, такой подход законодателя представляется некорректным с позиций как семейной, так и гражданской правосубъектности личности, как самого должностного лица, так и его супруга, поскольку по воле законодателя оказываются нарушенными те единственно возможные между супругами в юридическом смысле слова «горизонтальные» отношения, которые основаны исключительно на принципе равноправия супругов в семье. Получается, что само указанное лицо в известной мере является чем-то вроде «законного представителя» или лучше сказать –

«представителя без полномочий» своего супруга, а супруг, соответственно, неким не вполне правосубъектным лицом, на которого по каким-то причинам такая обязанность законом не возлагается, а потому они как бы не несут никакой ответственности за полноту и достоверность информации, представляемой в компетентные органы соответствующим работником. Думается, что такую информацию должны запрашивать сами контролирующие органы, а соответствующий работник обязан сообщить о наличии у него соответственно супруга, родственников и свойственников.

Выводы

1. Анализ ряда норм семейного, гражданского и иных отраслей права, а также литературных источников свидетельствует о наличии достаточных оснований для введения в семейно-правовую доктрину двух взаимосвязанных понятий: «правовой статус лица, состоящего в браке» как родового понятия и «семейно-правовой статус лица, состоящего в браке» как понятия видового, поскольку правовой статус лица, состоящего в браке, включает также гражданско-правовой статус и правовой статус, регламентированный иными отраслями права. При этом семейно-правовой статус занимает центральное место в общем правовом статусе лица, состоящего в браке.

2. С учетом вышесказанного, при проведении законопроектных работ по реформированию семейного

законодательства необходимо оценивать представляемые законопроекты во взаимосвязи с другими законодательными актами, регламентирующими общий правовой статус лица, состоящего в браке. В такой же мере необходимо соблюдение основных начал семейного законодательства, устанавливающих принципы семейного права, семейно-правовой статус и семейную правосубъектность, при осуществлении законотворческой деятельности в других областях, затрагивающих семейно-правовой статус личности.

3. Исходя из нормотворческого опыта стран ближнего зарубежья, а также некоторых субъектов РФ, представляется возможным и необходимым законодательное закрепление в СК РФ определения понятия брака с учетом не только семейно-правового, но и общего правового статуса лиц, вступивших в него. В аспекте сказанного брак можно определить как свободный, добровольный, бессрочный союз мужчины и женщины, заключенный с целью создания семьи путем государственной регистрации в органах ЗАГС по достижении установленного законом брачного возраста и при отсутствии препятствий к его заключению, порождающий у вступивших в него лиц взаимные семейные личные и имущественные права и обязанности, а также иные права и обязанности неимущественного и имущественного характера с другими гражданами, организациями и органами публичной власти.

Примечания

¹ См., например: ст. 1109 ГК Грузии [17], ст. 26–28, 31 ГЗ Латвии [18], ст. 8 ЗоС Эстонии [19], ст. 3.8–3.11 ГК Литвы [20], ч. 3, 4 ст. 31 СК Украины [21].

² См., например: ст. 24 ФЗ «О статусе военнослужащих» [37].

³ См., например: ст. 275 ТК РФ [38], ст. 15 ФЗ «О государственной гражданской службе» [39].

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной ассамблеей ООН 10.12.1948) // Международное публичное право : сб. документов. М. : БЕК, 1996. С. 8.
2. Конвенция по защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека). Принята 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
5. Смышляева О.С. Фактические брачные отношения как альтернатива браку в Российской Федерации: теория и практика применения // Семейное и жилищное право. 2019. № 4. С. 23–27.
6. Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М., 1969. 187 с.
7. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник. СПб. : Изд-во Юридического института, 2001. 366 с.
8. Ручкина Г.Ф. Гражданская правосубъектность органов внутренних дел РФ (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 213 с.
9. Красавчиков О.А. Модели гражданской правосубъектности // Проблемы социалистической законности на современном этапе коммунистического строительства. Харьков, 1978. С. 102–121.
10. Хватова М.А. Гражданская правосубъектность физических лиц в Российской Федерации (проблемы теории и практики). М. : Юстицинформ, 2014. 242 с.
11. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. М. : Спарк, 2000. 413 с.
12. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 226 с.
13. Витрук Н.В. Проблемы теории правового положения личности в социалистическом обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1979. 49 с.
14. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина: теоретические основы и проблемы реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 47 с.
15. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. 237 с.
16. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
17. Гражданский кодекс Республики Грузия от 26.06. 1997 г. № 786. Книга пятая. Семейное право // Парламентские ведомости. 1997. № 31.9.

18. Гражданский закон Латвийской Республики. (Первая часть. Семейное право) от 25.05.1993 г. // Ведомости Верховного Совета и Правительства Латвийской Республики. 1993. № 24/25. Ст. 433.
19. Закон о семье Республики Эстония. Принят 18.11.2009 [RT I 2009, 60, 395].
20. Гражданский кодекс Литовской республики. Утвержден Законом № III-1964 От 18.07. 2000 г. Книга третья. Семейное право // Ведомости Литовской Республики. 2000. № 74-2262.
21. Семейный кодекс Республики Украина. От 10.01. 2002 № 2947-III // Ведомости Верховной Рады Украины. От 31.05.2002. № 21. Ст. 135.
22. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье 9 июля 1999 г. № 278-3 // Ведомости национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 23. Ст. 419.
23. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3 от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
24. Жилищный кодекс Российской Федерации. От 29.12. 2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1) Ст. 14.
25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07. 2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.
26. Семейный кодекс Республики Молдова. От 26.10. 2000 № №1316-XIV // Monitorul Oficial. Nr. 47-48. ст. 210
27. Антокольская М.В. Семейное право : учеб. для вузов. М., 2010. 336 с.
28. Палькина Т.Н. Проблемы реализации права гражданина на смену пола // СПС «КонсультантПлюс».
29. Степанов Д.И. Правовые проблемы, связанные с изменением пола человека. // Законодательство. 2000. № 11. С. 72–79.
30. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 г. № 518-IV ЗРК // Казахстанская правда. 2012. № 6–7 (26825–26826).
31. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
32. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
33. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 года № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с происхождением детей» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 года № 56) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
34. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
35. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
36. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
37. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.
38. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (1 ч.). Ст. 3.
39. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

References

1. United Nations. (1996) *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy assambleey OON 10.12.1948) [The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on October 12, 1948)]*. In: Bekyashev, K.A. & Khodakov, A.G. *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo [Public International Law]*. Moscow: BEK. P. 8.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF. (2001) Konventsia po zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Evropeyskaya konventsia po pravam cheloveka). Prinyata 04.11.1950 (s izm. ot 13.05.2004) [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (European Convention on Human Rights). Adopted on April 11, 1950 (as amended on May 13, 2004)]*. *Sobranie zakonodatel'stva RF. 2. Art. 163*.
3. Consultant Plus. (2020) *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on January 7, 2020)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. *Federal State Statistics Service. (n.d.) [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/>. (In Russian)*.
5. Smyshlyayeva, O.S. (2019) *Fakticheskie brachnye otnosheniya kak al'ternativa braku v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika primeneniya [Actual marital relations as an alternative to marriage in the Russian Federation: theory and practice of application]*. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo. 4. pp. 23–27*.
6. Mal'tsev, G.V. (1969) *Sotsialisticheskoe pravo i svoboda lichnosti [Socialist Law and Individual Freedom]*. Moscow: Yurid. lit.
7. Komarov, S.A. (2001) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [General Theory of State and Law]*. Saint Petersburg: Izd-vo Yuridicheskogo instituta.
8. Ruchkina, G.F. (1997) *Grazhdanskaya pravosub'ektnost' organov vnutrennikh del RF (organizatsionno-pravovye aspekty) [Civil legal personality of the internal affairs bodies of the Russian Federation (organizational and legal aspects)]*. Law Cand. Diss. Moscow.
9. Krasavchikov, O.A. (1978) *Modeli grazhdanskoy pravosub'ektnosti [Models of civil legal personality]*. In: Baru, M.I. (ed.) *Problemy sotsialisticheskoy zakonnosti na sovremennom etape kommunisticheskogo stroitel'stva [Problems of Socialist Legality at the Present Stage of Communist Construction]*. Kharkiv: Kharkiv Law University. pp. 102–121.
10. Khvatova, M.A. (2014) *Grazhdanskaya pravosub'ektnost' fizicheskikh lits v Rossiyskoy Federatsii (problemy teorii i praktiki) [Civil Legal Personality of Individuals in the Russian Federation (Problems of theory and practice)]*. Moscow: Yustitsinform.
11. Lazarev, V.V. & Lipen', S.V. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]*. Moscow: Spark.
12. Ksenofontova, D.S. (2015) *Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Legal guarantees in the field of alimony in the Russian Federation]*. Law Cand. Diss. Kazan.
13. Vitruk, N.V. (1979) *Problemy teorii pravovogo polozheniya lichnosti v sotsialisticheskoy obshchestve [Problems of the theory of the legal status of the individual in a socialist society]*. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
14. Khazov, E.N. (2011) *Konstitutsionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie osnovy i problemy realizatsii [Constitutional guarantees of the rights and freedoms of man and citizen: theoretical foundations and problems of implementation]*. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
15. Chechot, D.M. (1968) *Sub'ektivnoe pravo i formy ego zashchity [Subjective Right and Forms of Its Protection]*. Leningrad: Leningrad State University.
16. *Sobranie zakonodatel'stva RF. (1996) Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223-FZ [Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ]*. *Sobranie zakonodatel'stva RF. 1. Art. 16*.
17. *Parlamentskie vedomosti. (1997) Grazhdanskiy kodeks Respubliki Gruzii ot 26.06. 1997 g. № 786. Kniga pyataya. Semeynoe pravo [Civil Code of the Republic of Georgia of June 26, 1997 No. 786. Book five. Family Law]*. *Parlamentskie vedomosti. 31.9*.
18. *Vedomosti Verkhovnoyego Soveta i Pravitel'stva Latvyskoy Respubliki. (1993) Grazhdanskiy zakon Latvyskoy Respubliki. (Pervaya chast'. Semeynoe pravo) ot 25.05.1993 g. [Civil Law of the Republic of Latvia. (The first part. Family law) of May 25, 1993]*. *Vedomosti Verkhovnoyego Soveta i Pravitel'stva Latvyskoy Respubliki. 24/25. Art. 433*.

19. Republic of Estonia. (2009) *Zakon o sem'e Respubliki Estoniya* [Family Law of the Republic of Estonia]. Adopted on November 18, 2009. [RT I 2009, 60, 395].
20. Vedomosti Litovskoy Respubliki. (2000) *Grazhdanskiy kodeks Litovskoy respubliki. Utverzhden Zakonom № III-1964 Ot 18.07. 2000 g. Kniga tret'ya. Semeynoe pravo* [Civil Code of the Republic of Lithuania. Approved by Law No. III-1964 of July 18, 2000. Book three. Family Law]. *Vedomosti Litovskoy Respubliki*. 74-2262.
21. Vedomosti Verkhovnoy Rady Ukrainy. (2002) *Semeynyy kodeks Respubliki Ukraina. Ot 10.01.2002 № 2947-III* [Family Code of the Republic of Ukraine. Of January 10, 2002 No. 2947-III]. *Vedomosti Verkhovnoy Rady Ukrainy*. 21. Art. 135.
22. Vedomosti natsional'nogo sobraniya Respubliki Belarus'. (1999) *Kodeks Respubliki Belarus' o brake i sem'e 9 iyulya 1999 g. № 278-Z* [Code of the Republic of Belarus on marriage and family July 9, 1999 No. 278-3]. *Vedomosti natsional'nogo sobraniya Respubliki Belarus'*. 23. Art. 419.
23. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2001) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' 3 ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ* [Civil Code of the Russian Federation. Part 3 of November 26, 2001 No. 146-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Art. 4552.
24. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2005) *Zhilishchnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ot 29.12. 2004 № 188-FZ* [Housing Code of the Russian Federation. Of December 29, 2004 No. 188-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Part 1. Art. 14.
25. Byulleten' Verkhovnoy Suda RF. (2009) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnoy Suda RF ot 02.07. 2009 № 14 "O nekotorykh voprosakh, voznikshikh v sudebnoy praktike pri primeneni Zhilishchnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [On Some Issues That Have Arisen in Judicial Practice in the Application of the Housing Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 02, 2009 No. 14]. *Byulleten' Verkhovnoy Suda RF*. 9.
26. Monitorul Oficial. (2000) *Semeynyy kodeks Respubliki Moldova. Ot 26.10. 2000 № №1316-XIV* [Family Code of the Republic of Moldova. Of October 26, 2000 No. 1316-XIV]. *Monitorul Oficial*. 47-48. Art. 210.
27. Antokol'skaya, M.V. (2010) *Semeynoe pravo* [Family Law]. Moscow: Norma, Infra-M.
28. Pal'kina, T.N. (n.d.) *Problemy realizatsii prava grazhdanina na smenu pola* [Problems of realizing the right of a citizen to change sex]. Moscow: Consultant Plus.
29. Stepanov, D.I. (2000) *Pravovye problemy, svyazannye s izmeneniem pola cheloveka* [Legal problems associated with changing the sex of a person]. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 72–79.
30. Kazakhstanskaya pravda. (2012) *Kodeks Respubliki Kazakhstan o brake (supruzhestve) i sem'e ot 26 dekabrya 2011 g. № 518-IV ZRK* [Code of the Republic of Kazakhstan on marriage (matrimony) and family of December 26, 2011 No. 518-IV ZRK]. *Kazakhstanskaya pravda*. 6–7 (26825–26826).
31. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1997) *Federal'nyy zakon ot 15 noyabrya 1997 g. № 143-FZ "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya"* [On Acts of Civil Status. Federal Law of November 15, 1997 No. 143-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 47. Art. 5340.
32. Byulleten' Verkhovnoy Suda RF. (2018) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnoy Suda RF ot 26 dekabrya 2017 goda № 56 "O primeneni sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannykh so vyzskaniem alimentov* [On the application of legislation by the courts when considering cases related to the recovery of alimony. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 56]. *Byulleten' Verkhovnoy Suda RF*. 4.
33. Byulleten' Verkhovnoy Suda RF. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnoy Suda RF ot 16 maya 2017 goda № 16 "O primeneni sudami zakonodatel'stva pri rassmotrenii del, svyazannykh s proiskhozhdeniem detey"* (v red. Postanovleniya Plenuma Verkhovnoy Suda RF ot 26 dekabrya 2017 goda № 56) [On the application by the courts of legislation when considering cases related to the origin of children. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 16, 2017 No. 16 (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 56)]. *Byulleten' Verkhovnoy Suda RF*. 7.
34. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1996) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2 ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ* [Civil Code of the Russian Federation. Part 2 of January 26, 1996 No. 14-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 5. Art. 410.
35. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' 1 ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ* [Civil Code of the Russian Federation. Part 1 of November 30, 1994 No. 51-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 3301.
36. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2008) *Federal'nyy zakon ot 24 aprelya 2008 g. № 48-FZ "Ob opeke i popechitel'stve"* [On guardianship. Federal Law of April 24, 2008 No. 48-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17. Art. 1755.
37. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1998) *Federal'nyy zakon ot 27 maya 1998 g. № 76-FZ "O statuse voennosluzhashchikh"* [On the Status of Military Personnel. Federal Law of May 27, 1998 No. 76-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 22. Art. 2331.
38. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2002) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. 1 Part. Art. 3.
39. Sobranie zakonodatel'stva RF. (2004) *Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ "O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe"* [On the State Civil Service. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 3215.

Информация об авторе:

Рабец А.М. – д-р юрид. наук, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rabecjur@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Rabets, Dr. Sci. (Law), lead analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rabecjur@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.06.2022;
одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.*

*The article was submitted 07.06.2022;
approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 30.08.2022.*

Научная статья
УДК 341.171
doi: 10.17223/15617793/481/28

Перспективы формирования общего пространства научно-технической информации в рамках ЕАЭС: правовые аспекты

Марк Владимирович Шугуров¹

¹ Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, shugurovs@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ ключевых факторов формирования общего пространства научно-технической информации в ЕАЭС и продемонстрировано его стратегическое значение. Отдельный блок исследования посвящен природе и структуре имеющейся правовой базы интеграции государств – членов ЕАЭС в сфере научно-технической информации, а также вопросам ее комплексного развития. Проанализированы наметившиеся тенденции цифровых трансформаций данной сферы сотрудничества и ее связь с реализацией Цифровой повестки Союза и ее правового обеспечения.

Ключевые слова: ЕАЭС, научно-техническая информация, право ЕАЭС, научно-технологическая и инновационная интеграция, цифровые трансформации, интегрированная информационная система

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

Для цитирования: Шугуров М.В. Перспективы формирования общего пространства научно-технической информации в рамках ЕАЭС: правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 262–269. doi: 10.17223/15617793/481/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/28

Prospects of the formation of a common space of scientific and technical information within the EAEU: Legal aspects

Mark V. Shugurov¹

¹ Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation, shugurovs@mail.ru

Abstract. The article explores the prerequisites for the formation of a common space of scientific and technical information as an integral part of the common space of scientific, technological and innovative integration within the framework of the EAEU. The article aims to analyze the nature and structure of the existing legal framework for the integration of the EAEU member states in the field of scientific and technical information, as well as to develop proposals for its comprehensive development. The article analyzes the political and legal provisions of a strategic nature, which set out the main areas of cooperation in the exchange of scientific and technical information within the framework of the EAEU. The author substantiates the idea that the formation of a common space of scientific and technical information should take place in line with the implementation of the EAEU Digital Agenda and may well form the content of a targeted interstate project or program related to the thematic area of digital transformations. A scientific and practical provision is being developed that the objective strengthening of the information factor of regional scientific and technological integration is the basis for the formation of a coordinated scientific and information policy of the EAEU member states. As a result of the study, conclusions are drawn that have not only theoretical, but also practical significance. First, the increasing importance of the information factor of regional scientific and technological integration within the EAEU creates an objective basis for the formation and implementation of a coordinated scientific and information policy of its member states, as well as the harmonization of national legislations. In this regard, the need to develop the international contractual framework of the Union in the field of scientific and technical information is being updated in the form of not only including additional provisions in the Treaty on the EAEU or adopting an additional protocol to it, but also concluding a special international agreement that is part of the law of the Union. Second, the development of the contractual framework should be supplemented by the provisions of special acts of the Union's bodies specifying the contractual provisions and relating to the functioning of the regional system of scientific and technical information, as well as the interaction of its participants. Third, conceptual, program, strategic, and advisory documents should be created that specify the guidelines for the development and im-

plementation of practical actions and measures, and set the goals of the legal regulation of interaction between the member states in the functioning of the common space of scientific and technical information.

Keywords: Eurasian Economic Union; scientific and technical information; law of Eurasian Economic Union; integration in science, technology and information; digital transformation; integrated system

Financial support: The study was supported by RFBR, project No. 20-011-00780 (“Model of legal regulation of scientific, technological and innovative integration within the EAEU and challenges of the Fourth industrial revolution”).

For citation: Shugurov, M.V. (2022) Prospects of the formation of a common space of scientific and technical information within the EAEU: Legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 262–269. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/28

Введение. К одной из важнейших сфер информационного пространства на национальном и международном уровне относится научно-техническая информация, создаваемая в ходе научной, научно-технической и инновационной деятельности. Постоянно увеличивающийся объем опубликованных и неопубликованных сведений о тех или иных аспектах научно-технологической и инновационной деятельности, в том числе о национальных достижениях в науке, технике и технологиях, представляет собой важный нематериальный ресурс, обеспечивающий развитие научно-технологического комплекса. Как показывают зарубежные исследователи, научно-техническая информация стала решающим элементом для учреждений, функционирующих в самых различных сферах деятельности, с точки зрения обеспечения их роста и развития. По этой причине эффективное управление в данной сфере становится одним из важнейших приоритетов [1. С. 4]. Одновременно это означает повышение значения эффективного правового регулирования научно-технической информации и специальной научно-информационной деятельности, связанной с ее сбором, учетом, регистрацией, хранением, распространением и использованием. Не меньшее значение, как показывается в литературе, имеет ее защита [2].

Развитие национальных систем научно-технической информации и ее инфраструктуры, а также совершенствование правового регулирования общественных отношений в области научно-технической информации и научно-информационной деятельности осуществляется теми или иными государствами не только на основе самостоятельных усилий, но и в порядке международно-правового сотрудничества на двухстороннем, региональном и универсальном уровнях. Формат такого сотрудничества задается постоянно расширяющимся перечнем форм информационного обмена, которые предполагают создание и развитие межгосударственных информационно-коммуникационных систем, претерпевающих сегодня цифровые трансформации [3. С. 492]. Например, в ЕС в качестве инструмента «мягкой» гармонизации политики государств – членов в сфере научно-технической информации выступает Рекомендация Европейской комиссии о доступе к научной информации и ее сохранению [4]. В этом документе детальным образом моделируются направления деятельности государств – членов в сфере научно-технической информации в контексте выработки и реализации единых стандартов ее документирования, которые применяются на практике различными европейскими базами данных.

В настоящее время вопросы интенсификации обмена научно-технической информацией и ее совместного использования начинают приобретать особую значимость для Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В условиях перехода к Четвертой промышленной революции научно-технологическая интеграция в рамках ЕАЭС предполагает формирование и функционирование регионального правового режима научной и научно-технической информации. В перспективе составной частью общего научно-технологического пространства должно стать общее пространство научно-технической информации. Это потребует реализации специального поднаправления политики Союза и его государств – членов в сфере научно-технологической интеграции. Здесь возникает система задач, связанных не только с институционализацией данной сферы интеграционного взаимодействия его государств – членов, но и с выработкой правовых рамок функционирования регионального инфопространства и взаимодействия государств – членов в данной сфере.

Цель представленной статьи заключается в установлении содержания существующей правовой базы сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере формирования и функционирования общего пространства научной информации, а также определение направлений ее совершенствования.

1. Концептуальные основы формирования общего пространства научно-технической информации в ЕАЭС. В качестве исходного пункта нашего исследования сформулируем вопрос о том, почему формирование общего пространства научно-технической информации столь важно для ЕАЭС? Как представляется, это можно объяснить тем, что будущее Союза во многом зависит от успешных совместных проектов и программ в высокотехнологичных отраслях экономики. Их инициирование, которое, как известно, исходит от Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и самих научных организаций и предприятий, а также их дальнейшая реализация предполагают формирование и использование информационных ресурсов (фонды, базы, банки данных), которые содержат разнообразную информацию, начиная от сведений о возможных участниках проектов (программ), их технологических заделах и заканчивая ожидаемыми результатами. Общее информационное пространство призвано создать благоприятные условия для научно-технологической и производственно-технологической интеграции. Это связано с тем, что в его пределах будут работать эффективные системы сбора и обмена

информацией, в том числе по вопросам перспективных технологических трендов. Разумеется, все это должно дополняться встраиванием в информационные потоки, циркулирующие в зарубежных государствах, их региональных объединениях и международных организациях.

Концептуальной основой понимания необходимости формирования общего информационного пространства ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций, а также необходимости его специального правового регулирования является представление о том, что полное и своевременное обеспечение информационными ресурсами – это требование современного научного, научно-технологического и инновационного развития не только на национальном уровне, но и на уровне международного сотрудничества. В свою очередь информация в виде документов и неопубликованных данных, будучи «сырьем», необходимым для формирования знаний и разработки технологий, требует функционирования развитых национальных научно-информационных систем. В их рамках осуществляется деятельность по сбору, хранению, передаче информации, а также обеспечивается доступ к ней для заинтересованных пользователей. Режим подобного рода деятельности, наряду с режимом самой научно-технической информации и институциональной системы ее функционирования, предполагает комплексное правовое регулирование с учетом действия интеграционного фактора. Все это должно опираться на современный теоретический подход к пониманию природы научно-технической информации.

Рассмотрение соотношения понятий «научные и технические знания», «данные», «информация», а также определение содержания понятия «научно-техническая информация» представляет собой предмет специальных исследований [5; 6. С. 115]. В научной литературе сформулирован вывод о том, что научно-техническая информация в современной экономике стала не только важнейшим фактором роста научного и научно-технического знания, но и самостоятельным фактором производственных процессов, относящегося к нематериальным активам [7. С. 139]. В добавлении к этому в сфере научно-технической информации широко распространяются цифровые технологии (блокчейн-технологии, компьютерный анализ больших данных, искусственный интеллект) и инновационная инфраструктура (например, новых телекоммуникационных сетей), находящихся в основе сетевых платформ и информационных сервисов, которые могут использоваться потребителями информации из нескольких государств. Налицо усиление роли информационного фактора, а также возникновение нового формата его действия. Это определяется тем, что современные большие вызовы предполагают новые формы организации сферы науки, технологий и инноваций, а также новые формы межгосударственного сотрудничества. В результате возникают все условия для выполнения научно-технической информацией и связанной с ней специализированной деятельностью функции драйвера роста научного знания, усиления продуктивности сектора технологических

разработок, а также интенсификации процессов их коммерциализации.

Принимая во внимание результаты исследований, направленных на демонстрацию отличительных характеристик информации как ресурса научно-технической деятельности и знаний как продукта последней [8. С. 49], сформулируем следующее концептуальное положение: научно-техническую информацию вполне обоснованно рассматривать как составную часть пространства знаний в силу взаимного перехода информации и знаний друг в друга. В этой связи речь должна идти о комплексном цифровом пространстве знаний и научно-технической информации. Потребность государств – членов ЕАЭС в формировании общего научно-информационного пространства, причем в его цифровом формате, теснейшим образом связана с масштабными процессами цифровых преобразований экономики и общества, намеченными в национальных цифровых повестках государств – членов, а также в Цифровой повестке Союза [9].

Общая заинтересованность стран Союза в развитии и углублении интеграции в сфере научно-технической информации и формировании ее общего пространства вызвана как самой логикой интеграции, так и потребностями развития национальных систем научно-технической информации, которые по своей природе открыты зарубежным информационным системам. По этой причине обеспечение развития рассматриваемой сферы относится к одному из направлений государственной научно-технической политики и предполагает ее правовое регулирование в государствах – членах Союза не только на уровне законодательства в сфере науки, технологий и инноваций в целом, но и на уровне специальных законов в его составе, которые предусматривают комплексное регулирование общественных отношений в секторе научной информации [10, 11]. Расширение трансграничного обмена научно-технической информацией как важное условие выполнения различных высокотехнологичных проектов, в том числе с интеграционной составляющей, должно дополняться формированием *информационных ресурсов совместного пользования, а также созданием совместной информационной инфраструктуры*. Совместные ресурсы и объекты инфраструктуры возможны благодаря «состыковке» национальных систем научно-технической информации, что предполагает соответствующее правовое опосредование.

2. Договорно-правовые основы общего пространства научно-технической информации ЕАЭС. В качестве наиболее общей договорно-правовой основы общего инфопространства в сфере науки, технологий и инноваций следует рассматривать ст. 23 «Информационное взаимодействие в рамках Союза» Договора о ЕАЭС [12]. В пункте 1 этой статьи предусматривается разработка и реализация мероприятий, направленных на обеспечение информационного взаимодействия в целях информационного обеспечения интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Союза. Здесь устанавливается, что ин-

формационное взаимодействие должно осуществляться с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках Союза. Обратим далее внимание на содержание п. 3 ст. 23 Договора. В нем определяется, что в целях обеспечения эффективного взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем государства – члены Союза должны проводить согласованную политику в области информатизации и информационных технологий.

На современном этапе, когда сотрудничество государств – членов ЕАЭС в сфере научно-технической информации находится в фазе своего становления, в качестве инфраструктурного обеспечения общего пространства научно-технической информации может стать интегрированная информационная система Союза. Ее формирование предусмотрено в п. 2 ст. 23 Договора о ЕАЭС и п. 3 Раздела III Основных направлений реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. Более того, в пп. 6 п. 4 ст. 92 Договора о ЕАЭС к такому направлению промышленного сотрудничества, как развитие инноваций в экономике, прямо отнесено развитие технологических и информационных ресурсов для целей промышленного сотрудничества. Поэтому, в принципе, интегрированная информационная система может и должна использоваться для опосредования информационного взаимодействия в научной и технологической сферах. В этом контексте задачи по формированию интегрированной информационной системы, а именно создание общих (совместных) информационных ресурсов государств – членов, информационное обеспечение уполномоченных органов, осуществляющих государственный контроль, реализация общих процессов в рамках Союза, обеспечение функционирования общей инфраструктуры документирования информации в электронном виде, вполне могут рассматриваться как составная часть задачи по реализации информационного аспекта научно-технологической и инновационной интеграции.

Как следует из ст. 3 Приложения № 3 к Договору о ЕАЭС [13], функционал интегрированной информационной системы представляет собой оказание информационной поддержки по большому кругу вопросов. В пункте 16 ст. 3 указывается на иные вопросы, находящиеся в пределах полномочий Союза. При этом уточняется, что они будут включаться в область охвата интегрированной системы по мере ее развития. Если мы обратимся к характеристике общих информационных ресурсов, содержащейся в ст. 5 Приложения № 3, то здесь можно видеть, что к ним отнесена не только официальная статистическая информация, но и информационно-методические, научные, технические и иные справочно-аналитические материалы государств-членов. Таким образом, информационные источники, относящиеся к сфере науки и технологий государств-членов, объединяются в единую систему. В качестве составной части подобного рода общих информационных ресурсов могут также выступить, например, реестры имеющихся технологий, либо технологий, находящихся на стадии разработки. В до-

полнение к этому весьма перспективной выглядит территориально распределенная цифровая платформа Союза, которая включает национальные сегменты и интеграционные компоненты. В принципе, ничто не мешает поставить также вопрос о формировании цифровой платформы научно-технологической кооперации, которая, безусловно, могла бы ускорить информационный обмен в данной сфере. Разумеется, это может быть не одна, а несколько цифровых платформ в соответствии с тем или иным направлением научно-технологического сотрудничества.

Следует признать, что наличие некоторых элементов договорно-правовой базы общего пространства научно-технической информации контрастирует с отсутствием специальных актов органов Союза, относящихся к вторичному праву и которые регулировали бы порядок оборота и обмена научно-технической информацией, условия доступа к ней, а также предусматривали бы перечень требований к электронному виду документированной научно-технической информации. Однако в настоящее время все же можно видеть целый ряд перспективных нормативных правовых, а также организационно-правовых положений, содержащихся в некоторых актах органов Союза, устанавливающих порядок деятельности совместных объектов инновационной инфраструктуры, которые нацелены на обеспечение научно-технологической и производственной интеграции в региональном формате. В дополнение к этому в ряде специальных документов концептуально-стратегического характера содержатся важные ориентиры политико-правового характера, которые не только задают направления информационно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС, но и задают цели ее правового регулирования.

3. Ориентиры формирования общего пространства научно-технической информации в актах вторичного права и концептуально-стратегических документах. Согласно Положению о Евразийских технологических платформах (ЕТП) 2016 г., последние, будучи совместными объектами инновационной инфраструктуры государств-членов, обеспечивают аккумуляцию передовых национальных и мировых достижений в сфере научно-технического развития (п. 2 Раздела 1 «Общие положения») [14]. Далее в п. 4 Раздела 1 в качестве цели их функционирования указано обеспечение кооперации в научно-технической и инновационной сферах. С точки зрения предмета нашей статьи следует выделить такое направление деятельности ЕТП, как формирование единых информационно-коммуникативных систем и порталов, которые обеспечивают доступ к базам данных, а также коммуникацию всех заинтересованных организаций государств – членов в сфере развития и освоения передовых технологий. Все это тесно связано с распространением информации об отечественных и зарубежных технологических достижениях. Информационную нагрузку имеют также единые реестры передовых технологий и продукции, которые при необходимости могут формироваться в рамках тех или иных техплатформ.

Если идти далее, то в разделе 3 Концепции Евразийского инжинирингового центра [15] планируется осуществление аналитических исследований мировых тенденций, изменений внешней и внутренней рыночной конъюнктуры по конкретным товарам, отраслям, видам производства. С нашей точки зрения, весьма перспективной мерой является составление перечня прогрессивных технологических решений, которые востребованы в приоритетных отраслях экономики. Это предполагается дополнить созданием и использованием электронного банка данных относительно освоенных, а также планируемых к разработке технологий. В контексте предмета нашего исследования интерес вызывает такой механизм, как обмен информацией между государствами-членами о научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках.

Другим инфраструктурным объектом региональной инновационной системы, а равным образом механизмом производственно-технологической интеграции выступает Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. В содержательном плане она представляет собой механизм цифровой трансформации промышленного сектора [16]. Из Концепции создания и формирования Евразийской сети трансфера технологий [17] как составной части указанной выше Сети следует, что информационный аспект непосредственно характерен для переговоров промышленных компаний и научных организаций по вопросам развития технологического сотрудничества и инициирования партнерских проектов. К тому же сетевая структура, объединяющая ее пользователей, уполномоченные органы и ЕЭК, предполагает циркуляция информационных потоков. Согласно Концепции, функционирование сети трансфера технологий основано на обмене данными между пользователями в электронном виде. В качестве институционализации взаимодействия соответствующих субъектов и закрепления способов фиксации информации намечено формирование единого реестра (п. 3). Информация (данные) рассматривается как информационный ресурс, оформленный в качестве базы данных, в которую включены сведения о пользователях, а также сведения о технологических запросах и сведения о технологических предложениях.

Вполне очевидно, что своевременное формирование единого реестра, в том числе в части сведений научно-технологического характера, а также их полноты, выступает фактором стимулирования инновационных процессов в государствах – членах ЕАЭС. На основе сказанного сформулируем мысль о том, что Евразийская сеть трансфера технологий, будучи сегментом Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий, может полноценно функционировать только в том случае, когда будут сформированы национальные части единого реестра. Ключевую роль в их состыковке будет выполнять интегрированная информационная система Союза. Несмотря на то, что национальные реестры выступают составной частью единого реестра, пользователь в рамках единого реестра может дополнять сведения, содержащиеся в национальном реестре,

иной технической информацией: данными об инновационных аспектах и преимуществах технологии; информацией о стадии разработки, на которой она находится; данными о ее применении на рынках государств – членов ЕАЭС и др.

Согласно паспорту проекта Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий [18], ее формирование предполагает создание базового и интеграционного компонентов. Согласно рассматриваемому проекту, базовые сервисы по работе хозяйствующих субъектов предполагают внесение, верификацию и поиск в информационных ресурсах сведений о продукции, услугах, в том числе о технологиях. Одновременно с этим базовые аналитические сервисы, создание которых предусматривается Паспортом, свидетельствуют о концентрации внимания, во-первых, на анализе данных о промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий в государствах-членах, а, во-вторых, на сведениях об объектах индустриально-инновационной инфраструктуры, а также о функционировании базы знаний о промышленной кооперации, субконтрактации и трансфере технологий.

Проведенный анализ ключевых инфраструктурных объектов, которые станут опорами инновационной системы ЕАЭС, свидетельствует о том, что в их рамках будет функционировать разнообразные и многокомпонентные пространства научно-технической, технической и научно-аналитической информации. Все это свидетельствует о достаточно сложной архитектонике общего пространства научно-технической информации как такового. На этом фоне весьма перспективным было бы выдвижение инициативы по разработке и реализации проекта по формированию специальной интегрированной информационной системы в сфере науки, технологий и инноваций. Интегрированная система обеспечит обмен информацией в отношении приоритетных технологий, развитие и коммерциализация которых предусмотрена паспортами ЕТП, на базе перспективных кооперационных НИОКР. В этом случае уместно заметить, что наибольшей актуальностью отличается формирование и использование именно тех информационных ресурсов, которые наиболее полно отражают мировые тренды технологического развития.

В свете сделанных выводов открывается возможность перспективной интерпретации положений Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [19] относительно информационного взаимодействия в сфере научно-технологической интеграции государств – членов ЕАЭС. Так, в п. 8.2.4 предусматривается формирование национальных баз данных информации по науке, в том числе технологий, по единому межгосударственному кодификатору. Безусловно, эта инициатива может рассматриваться в качестве инструмента для дальнейшего объединения национальных систем научно-технической информации [20] в совместную интегрированную систему.

4. Перспективы развития правовой базы пространства научно-технической информации

ЕАЭС: прогностическо-правовой аспект. Несомненно, что технические инструменты и инфраструктурные решения, направленные на формирование общего пространства научно-технической информации, а также само его функционирование предполагает эффективный правовой режим. С нашей точки зрения, реализация сходных процессов цифровых преобразований в государствах – членах ЕАЭС в русле реализации национальных цифровых повесток в контексте Цифровой повестки Союза создает объективные условия для формирования нормативной правовой среды, опосредующей процессы информационного взаимодействия в сфере научно-технологического сотрудничества в интеграционном формате. Это актуализирует необходимость формирования в среднесрочной перспективе комплексного блока правовых норм в составе права Союза, регулирующих информационные процессы в сфере научно-технологического сотрудничества и интеграции. Данная потребность обусловлена тем, что реализация совместных программ и проектов сопровождается расширением информационного обмена, а также генерированием новых объемов научной и научно-технической информации. Как мы полагаем, данного рода нормы будут представлены в источниках, относящихся как к первичной (международно-договорной), так и вторичной (акты органов Союза) подсистеме права Союза.

В том случае, если логика развития права ЕАЭС приведет к принятию специальных договоров в сфере научно-технологического сотрудничества государств-членов, то в них с учетом современных реалий вполне могут, но и должны содержаться положения о сотрудничестве в сфере обмена научной, научно-технической и технологической информацией, а также система положений, которые четко регламентируют функционирование совместных инфраструктурных объектов (сетей, систем, фондов т.д.). Включение элемента данного режима в договорное право Союза должно также дополняться комплексом норм, содержащихся в актах органов Союза, которые могут быть специально посвящены данному вопросу. В связи с тем, что научно-техническая информация – это стратегический ресурс развития технологической и производственной базы, то составной частью проводимой здесь политики со временем станет надлежащее обеспечение безопасности научно-технической информации. В целом данные вопросы следует рассматривать в более широком контексте обеспечения информационной безопасности в рамках ЕАЭС в целом. В этой связи достаточно перспективными выглядят планы по разработке международного договора об обороте данных, включающего положения о защите персональных данных. Положения договора вполне будут применимы к рассматриваемой нами сфере сотрудничества.

В процессе развития технического и правового регулирования сотрудничества и интеграции государств-членов в сфере научно-технической информации по-прежнему немаловажное значение будут иметь ориентиры концептуально-стратегического ха-

рактера, которые, как известно, задают цели правового регулирования. С учетом повышения значимости информационного фактора научно-технологической интеграции вполне целесообразной была бы разработка и принятие Концепции общего научно-технологического информационного пространства в рамках ЕАЭС. Ее цель – обоснование направлений создания и развития интегрированной информационной среды в сфере науки, технологий и инноваций. В качестве одного из тематических вопросов Концепции могли бы стать мероприятия по формированию нормативной правовой базы межгосударственного информационного взаимодействия, а также обеспечение национальных и союзных интересов с точки зрения информационной безопасности в научно-технической сфере. И, наконец, межгосударственное сотрудничество по интеграции национальных научно-информационных систем в форме общего пространства призвано к тому, чтобы одновременно стать стимулом их развития с учетом лучших мировых и национальных решений. Разумеется, формат интеграционных процессов предполагает гармонизацию (сближение) национальных законодательств в сфере научно-технической информации, а также согласование соответствующей политики, проводимой государствами – членами ЕАЭС. Основой этих процессов, по общему определению, выступает право Союза.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, сформулируем выводы, имеющие теоретическое и практическое значение. Во-первых, повышение значения информационного фактора региональной научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС создает объективную основу для формирования и реализации согласованной научно-информационной политики его государств – членов, а также гармонизации национальных законодательств. В связи с этим актуализируется необходимость развития международно-договорной базы Союза в сфере научно-технической информации не только в форме включения дополнительных положений в Договор о ЕАЭС либо принятия дополнительного протокола к нему, но и заключения специального международного соглашения, входящего в право Союза. Во-вторых, развитие договорной базы должно быть дополнено положениями специальных актов органов Союза, конкретизирующих договорные положения и касающихся вопросов функционирования региональной системы научно-технической информации, а также взаимодействия ее участников. В-третьих, усилению потенциала правового регулирования научно-информационного сотрудничества будет способствовать выработка концептуальных, программно-стратегических, а также рекомендательных документов, которые не только конкретизируют ориентиры разработки и реализации практических действий и мер, но и задают цели правового регулирования взаимодействия государств – членов в сфере функционирования общего пространства научно-технической информации.

Список источников

1. Betancourt O.B. et al. Evaluación del estado de la gestión de la información científica y tecnológica: dimensiones e indicadores // *Revista Cubana de Información en Ciencias de la Salud*. 2017. Vol. 26, № 4. P. 1–17.
2. Барабашев А.Г., Пономарев Д.В. Защита научной информации в зарубежном праве // *Юридическая наука в Китае и России*. 2020. № 3. С. 34–37. doi: 10.17803/2587-9723.2020.3.034-037
3. Васильева И.Н., Покровский Д.С., Реброва Т.П. Формы и методы межгосударственного обмена научно-технической информацией: российский и зарубежный опыт // *Управление наукой и наукометрия*. 2020. Т. 15, № 4. С. 486–527. doi: 10.33873/2686-6706.2020.15-4.486-527
4. European Commission recommendation on access to and preservation of scientific information // C(2012) 4890 final (Brussels, 17.08.2012) // *Official Journal of the European Union*. L 194. 21.07.2012. P. 39–43.
5. Партыко З.В. Современная парадигма науки об информации – информологии // *Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы*. 2009. № 11. С. 1–9.
6. Francis A.T. *Information Management in Science and Technology* // *Recent trends in technical education*. New Delhi : Indian Society of Technical Education; MacMillan, 2008. P. 115–127.
7. Секерин В.Д. и др. Научно-техническая информация как фактор развития общества // *Известия МГТУ МАМИ*. 2013. № 1. С. 136–142.
8. Корабейников И.Н., Ермаков Ж.А., Синюков А.А. Исследование проблем производства новых знаний // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2011. № 5. С. 48–52.
9. Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС на период до 2025 г. (утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12). URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 11.04.2021).
10. Закон Республики Беларусь от 5 мая 1999 г. № 250-3 «О научно-технической информации». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H19900250> (дата обращения: 10.04.2021).
11. Закон Кыргызской Республики от 8 октября 1999 г. № 108 «О системе научно-технической информации» (в редакции Закона КР от 16 марта 2005 г. № 54, 10 октября 2012 г. № 170). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/271?cl=ru-ru> (дата обращения: 10.04.2021).
12. Договор о ЕАЭС (ред. от 01.10.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 20.04.2021).
13. Приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе: Протокол об информационно-коммуникативных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aa0c4fa9ba641f06a6a596cd1596d2c7a7e2107/#dst101740/ (дата обращения: 19.04.2021).
14. Положение о формировании и функционировании Евразийских технологических платформ (утв. решением Евразийского Межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. «Об утверждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ»). URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (дата обращения: 01.03.2021).
15. Концепция создания Евразийского инжинирингового центра станкостроения (утв. решением Евразийского Межправительственного совета от 13 апреля 2016 г. № 1). URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01410056/icd_15042016_1 (дата обращения: 01.03.2021).
16. Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракции и трансфера технологий”». URL: <http://docs.cntd.ru/document/554459352> (дата обращения: 01.03.2021).
17. Концепция создания и функционирования Евразийской сети трансфера технологий (утв. решением Совета ЕЭК от 30 марта 2018 г. № 23). URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01417246/cncd_02042018_23 (дата обращения: 21.03.2021).
18. Решение Евразийского Межправительственного совета от 9 августа 2019 № 8 (в ред. от 31.01.2020 г.) «О паспорте проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтракции и трансфера технологий”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331423/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/ (дата обращения: 18.04.2021).
19. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (утв. решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12). URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 18.04.2021).
20. Сухотина М.Л. Система научно-технической информации в России: правовые и организационные основы // *Библиоковедение*. 2018. Т. 67, № 1. С. 41–48. doi: 10.25281/0869-608X-2018-67-1-41-48

References

1. Betancourt, O.B. et al. (2017) Evaluación del estado de la gestión de la información científica y tecnológica: dimensiones e indicadores. *Revista Cubana de Información en Ciencias de la Salud*. 26 (4). pp. 1–17.
2. Barabashev, A.G. & Ponomarev, D.V. (2020) Zashchita nauchnoy informatsii v zarubezhnom prave [Protection of scientific information in foreign law]. *Yuridicheskaya nauka v Kitae i Rossii*. 3. pp. 34–37. DOI: 10.17803/2587-9723.2020.3.034-037
3. Vasil'eva, I.N., Pokrovskiy, D.S. & Rebrova, T.P. (2020) Formy i metody mezhgosudarstvennogo obmena nauchno-tekhnicheskoy informatsiyey: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Forms and methods of interstate exchange of scientific and technical information: Russian and foreign experience]. *Upravlenie naukoj i naukometriya*. 4 (15). pp. 486–527. DOI: 10.33873/2686-6706.2020.15-4.486-527
4. Official Journal of the European Union. (2012) European Commission recommendation on access to and preservation of scientific information. C (2012) 4890 final (Brussels, 17.08.2012). *Official Journal of the European Union*. L 194. 21 July. pp. 39–43.
5. Partyko, Z.V. (2009) Sovremennaya paradigma nauki ob informatsii – informologii [Modern paradigm of information science – informology]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy*. 11. pp. 1–9.
6. Francis, A.T. (2008) *Information Management in Science and Technology*. In: Hariharan, R. (ed.) *Recent Trends in Technical Education*. New Delhi: Indian Society of Technical Education; MacMillan. pp. 115–127.
7. Sekerin, V.D. et al. (2013) Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya kak faktor razvitiya obshchestva [Scientific and technical information as a factor in the development of society]. *Izvestiya MG TU MAMI*. 1. pp. 136–142.
8. Korabeynikov, I.N., Ermakov, Zh.A. & Sinyukov, A.A. (2011) Issledovanie problem proizvodstva novykh znaniy [Study of the problems of production of new knowledge]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 48–52.
9. Supreme Eurasian Economic Council. (2017) *Osnovnyye napravleniya realizatsii tsifrovoy povestki EAES na period do 2025 g. (utv. resheniem Vysshego Evraziyskogo ekonomicheskogo soveta ot 11.10.2017 № 12)* [The main directions for the implementation of the digital agenda of the EAEU for the period up to 2025 (approved by the decision of the Supreme Eurasian Economic Council of October 11, 2017 No. 12)]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/555625953>. (Accessed: 11.04.2021).
10. Republic of Belarus (1999) *Zakon Respubliki Belarus' ot 5 maya 1999 g. № 250-Z "O nauchno-tekhnicheskoy informatsii"* [On Scientific and Technical Information. Law of the Republic of Belarus of May 5, 1999 No. 250-3]. [Online] Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H19900250>. (Accessed: 10.04.2021).
11. Kyrgyz Republic. (2012) *Zakon Kyrgyzskoy Respubliki ot 8 oktyabrya 1999 g. № 108 "O sisteme nauchno-tekhnicheskoy informatsii" (v redaktsii Zakona KR ot 16 marta 2005 g. № 54, 10 oktyabrya 2012 g. № 170)* [On the System of Scientific and Technical Information. Law of the Kyrgyz Republic of October 8, 1999 No. 108 (as amended by the Law of the Kyrgyz Republic of March 16, 2005 No. 54, October 10, 2012 No. 170)]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/271?cl=ru-ru>. (Accessed: 10.04.2021).

12. Consultant Plus. (2019) *Treaty on the EAEU (as amended on October 01, 2019)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. (Accessed: 20.04.2021). (In Russian).
13. Consultant Plus. (2019) *Annex No. 3 to the Treaty on the Eurasian Economic Union: Protocol on information and communication technologies and information exchange within the framework of the Eurasian Economic Union*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/aa0c4fa9ba641f06aeea596cd1596d2c7a7e2107/#dst101740/. (Accessed: 19.04.2021). (In Russian).
14. Eurasian Intergovernmental Council. (2016) *Polozhenie o formirovanii i funktsionirovanii Evraziyskikh tekhnologicheskikh platform (utv. resheniem Evraziyskogo Mezhpriatel'stvennogo soveta № 2 ot 13 aprelya 2016 g. "Ob utverzhdenii Polozheniya o formirovanii i funktsionirovanii evraziyskikh tekhnologicheskikh platform")* [Regulations on the formation and functioning of the Eurasian technological platforms (approved by the decision of the Eurasian Intergovernmental Council No. 2 of April 13, 2016 "On approval of the Regulations on the formation and functioning of the Eurasian technological platforms")]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2. (Accessed: 01.03.2021).
15. Eurasian Intergovernmental Council. (2016) *Kontseptsiya sozdaniya Evraziyskogo inzhiniringovogo tsentra stankostroeniya (utv. resheniem Evraziyskogo Mezhpriatel'stvennogo soveta ot 13 aprelya 2016 g. № 1)* [The concept of creating the Eurasian Engineering Center for Machine Tool Building (approved by the decision of the Eurasian Intergovernmental Council of April 13, 2016 No. 1)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410056/icd_15042016_1. (Accessed: 01.03.2021).
16. Eurasian Intergovernmental Council. (2016) *Reshenie Evraziyskogo mezhpriatel'stvennogo soveta ot 30 aprelya 2019 g. № 2 "O realizatsii proekta "Evraziyskaya set' promyshlennoy kooperatsii, subkontraktatsii i transfera tekhnologiy" (On the implementation of the project "Eurasian network of industrial cooperation, subcontracting and technology transfer". Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of April 30, 2019 No. 2)*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/554459352>. (Accessed: 01.03.2021).
17. Eurasian Economic Commission. (2018) *Kontseptsiya sozdaniya i funktsionirovaniya Evraziyskoy seti transfera tekhnologiy (utv. resheniem Soveta EEK ot 30 marta 2018 g. № 23)* [The concept of the creation and operation of the Eurasian Technology Transfer Network (approved by the decision of the EEC Council of March 30, 2018 No. 23)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417246/cncd_02042018_23. (Accessed: 21.03.2021).
18. Consultant Plus. (2020) *On the passport of the project "Eurasian network of industrial cooperation, subcontracting and technology transfer." Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of August 9, 2019 No. 8 (as amended on January 31, 2020)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331423/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/. (Accessed: 18.04.2021). (In Russian).
19. Supreme Eurasian Economic Council. (2020) *Strategicheskie napravleniya razvitiya evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii do 2025 goda (utv. resheniem Vysshego Evraziyskogo ekonomicheskogo soveta ot 11 dekabrya 2020 g. № 12)* [Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025 (approved by the decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 11, 2020 No. 12)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12. (Accessed: 18.04.2021).
20. Sukhotina, M.L. (2018) *Sistema nauchno-tekhnicheskoy informatsii v Rossii: pravovye i organizatsionnye osnovy* [The system of scientific and technical information in Russia: legal and organizational foundations]. *Bibliotekovedenie*. 1 (67). pp. 41–48. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-1-41-48

Информация об авторе:

Шугуров М.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия). E-mail: shugurovs@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Shugurov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation). E-mail: shugurovs@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2022;
одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 08.05.2022;
approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 30.08.2022.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 481. Август

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.08.2022 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,7. Усл. печ. л. 32,3. Тираж 50 экз.
Заказ № 5287. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.12.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.А. Цыганковой
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомьтесь с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru